Владислав Иноземцев

За пределами экономического общества

«ACADEMIA»

«НАУКА»

Vladislav INOZEMTSEV

The Constitution of Post-Economic State

Post-industrial theories and post-economic trends in the contemporary world

Aldershot — London
Ashgate Publishing Ltd.
1998

В.Л.ИНОЗЕМЦЕВ

За пределами экономического общества

Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире

Москва
«Academia» — «Наука»
1998

Иноземцев В.Л.

И57 За пределами экономического общества: Научное издание. — М.: «Academia» — «Наука», 1998. — 640 стр.
ISBN 5-87444-066-6

В книге анализируются сущность и значение хозяйственных и социальных изменений, происходящих в развитых обществах Запада. К этим масштабным проблемам автор подходит, рассматривая характер современной человеческой деятельности, мотивы и стимулы, движущие людьми, систему приоритетов и ценностей человека как субъекта производства и как субъекта потребления. Автор делает вывод, что на смену труду приходит творчество, в результате чего происходит подрыв рыночных отношений, развиваются новые формы собственности, преодолевается традиционно понимаемая эксплуатация. Работа базируется на детальном анализе новейшей западной литературы (более 500 источников), фактически не знакомой российским исследователям. Рассмотрены модели взаимоотношений развитых стран Запада с остальным миром накануне XXI века. Складывающаяся социальная система характеризуется автором как постэкономическое общество. Таким образом, автор предлагает новую парадигму осмысления хозяйственных процессов, с середины 70-х годов изменяющих облик современной цивилизации. Книга рассчитана на широкий круг читателей — специалистов в области экономической теории, теории управления, глобалистики и футурологии, а также аспирантов и студентов гуманитарных факультетов университетов.

ISBN 5-87444-066-6 © Владислав Л. Иноземцев, 1998

За пределами экономического общества

Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире

текст 1997 года
под редакцией А.И.Антипова

Виктории

На благо всех, во имя любви одной

«Никто не знает и никто не хранит тайну будущего. Безумцы те, кто думают, что имеют у себя в кармане подробный план этой неизвестной земли...»

Огюст Бланки. Социальная критика

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эти строки пишутся в те редкие часы, когда мир оказывается разделенным не только реальными рубежами, но и границей, которая объективна как никакая другая, хотя в то же время и наиболее условна из всех. Сейчас почти половина жителей Земли уже встретила, а остальная половина еще только готовится отпраздновать наступление нового, 1998-го года. В эти минуты хорошо оглядываться назад, оценивая уходящий год, тем более что такая оценка неминуемо кажется приятной, коль скоро книга, заполнившая собой все это время, закончена, и осталось лишь предпослать ей слова благодарности всем, кто помогал ее созданию. Но в то же время именно такие моменты не могут не порождать мыслей о тщетности и ничтожности проделанной работы, об условности и относительности ее результатов. Как никогда наивным и самонадеянным кажется в этот день стремление проникнуть в тайну исторического пути человечества, познать его будущее, оценить возможности прогресса; невольно спрашиваешь себя, стоит ли философствовать о контурах грядущего общества, когда совершенно неизвестным остается даже то, что принесет тебе самому наступающий год, который с точки зрения истории — всего лишь мгновение, крошечный осколок голограммы, более или менее отчетливо запечатлевший общий план мироздания.

Однако минутные слабости не должны становиться основанием для утраты уверенности в правильности избранного пути. Хотя и сегодня не только не опровергнуты, но скорее подтверждены всей историей человечества слова Екклесиаста о том, что умножающий знание умножает скорбь, прогресс цивилизации остается ныне, как и прежде, более тесно связанным с прогрессом знания, чем с изменением любой другой составляющей человеческого бытия. Природа человека была и остается двойственной; со времен св. Августина и св. Фомы Аквинского теологи отмечали,

что одна ее сторона обусловлена материальным миром, тогда как другая связана с духовным началом, соединяющим людей с Богом. С этой точки зрения вся история цивилизации представляет собой выход человечества за рамки традиционных материальных мотивов, традиционных форм деятельности и традиционной системы ценностей; деятельность человека сегодня, более чем когда бы то ни было ранее, знаменует переход от низших, чисто биологических форм активности, из которых она проистекает, к высшим, чисто духовным формам, к которым она устремлена. И именно поэтому можно утверждать, что самосовершенствование и саморазвитие отдельной личности, воплощенное в познании нового, в формировании знания, оригинального пусть лишь для его создателя и далекого от практического применения, является залогом прогресса всего человечества.

Природа человека во все времена проявлялась в его стремлении стать чем-то большим, чем он есть. Именно эта жажда обусловливала развитие цивилизации на самых различных его этапах. Сложно даже сказать, когда она проявлялась в максимальной степени — в жестокие времена античности и средневековья, когда люди вкладывали в духовные искания все свои силы, презрев необходимость использования их для нужд примитивного выживания, или сегодня, когда стремление к саморазвитию фактически не знает серьезных преград для своего проявления. Прежние эпохи могут казаться ныне примитивными технологически и хозяйственно, но они не были столь же несовершенны в моральном и интеллектуальном аспектах. В те времена творчество было редким уделом, достаточным, однако, для того, чтобы дать жизнь величайшим культурным памятникам, которым поклоняется современное человечество; благородство отличало немногих, но именно оно запомнится всему роду людскому как характерная черта прошлых веков. Не обладая теми инструментами материального прогресса, которые находятся в их распоряжении сегодня, люди создавали для самих себя иллюзии, не только поддерживавшие человечество в его самые тяжелые времена, но и становившиеся величайшими факторами прогресса разума и науки. Именно поэтому с нынешних позиций мы не можем сравнивать психологические и моральные условия прошлого и настоящего; как говорил один из героев фантастической повести Ст.Лема, «древние были счастливее нас уже потому, что они верили в вечность», и оспоривать верность этого тезиса не представляется сегодня ни желательным, ни возможным.

Вера людей в великое предназначение рода людского и самих себя является не менее важным залогом прогресса, чем все его ныне существующие материальные условия и предпосылки. Человек всегда сознавал, что ему вечно суждено соотноситься с Гос-

подом как с некоей своей целью, что решение тех задач, к которым он считал себя призванным, иллюзорно, но все прошедшие столетия показывали и показывают, что это понимание не снижало и не снижает той устремленности, с какой люди хотят усовершенствовать самих себя. Ни один процесс в истории человечества не отличается подобной степенью постоянства, и в этом мы видим залог того, что общее направление духовного прогресса человечества представляется тенденцией, над которой не властны ни обстоятельства, ни время.

Книга, предлагаемая сегодня вниманию читателей, лишена претензий на то, чтобы предложить единственно верную идею прогресса, описать путь, который ведет человечество к эпохе всестороннего и бесконечного процветания. Подобная задача невыполнима не столько потому, что обществу предстоит пройти еще слишком значительный отрезок пути, чтобы стали различимыми контуры нового мира, сколько потому, что такое состояние в принципе не может быть определено для социума в целом, а может быть обозначено лишь для каждого человека в отдельности. Не согласие всех со всеми, а внутреннее согласие личности с самой собою является условием достижения ею той степени совершенства, выше которой нельзя вообразить ничего. Поэтому можно сказать, что на протяжении последнего года я стремился субординировать новые не для человечества, а для меня самого знания — в первую очередь ради того, чтобы убедиться не столько в своей способности создать целостную концепцию, сколько в том, что сам процесс ее формирования представляет собой стимул, достаточный, чтобы презреть во имя него все остальные дела, привычно снедающие человека современного мира.

На протяжении этого года мне пришлось столкнуться с болезненным противоречием между стремлением как можно быстрее представить книгу читателям и желанием сделать ее более комплексной и завершенной. Текст выглядел вполне законченным уже в марте, когда был готов лишь первый вариант, и казался гораздо менее комплексным в августе, когда появилась вторая, радикально переделанная и измененная версия; сейчас, в декабре, когда текст стал полным, он кажется наименее совершенным — быть может, потому что в течение года требования к самому себе росли гораздо быстрее, чем множились реальные результаты предпринятой работы. Таким образом, если сейчас не поставить точку в этой книге, то шансы на ее выход в свет окажутся совершенно иллюзорными.

В заключение хочется выразить глубокую благодарность всем, кто своими непрекращавшимися усилиями, ценными советами или самим своим существованием в течение этого года оказывал нам то содействие, которое сделало окончание этой книги воз-

можным. В первую очередь эти слова адресованы г-ну Алексею Антипову, потратившему огромное количество времени на усовершенствование текста. Плоды его работы заметны в тексте не в меньшей степени, чем результаты собственных усилий автора. Я глубоко благодарен г-же Ольге Антипиной, в течение всего года не только активно участвовавшей в работе над текстом, но и высказавшей ряд исключительно ценных замечаний. Ей же принадлежит целый ряд важных теоретических положений, учтенных в первую очередь в главе о тенденциях преодоления рыночного хозяйства и в части, посвященной внешней среде постэкономической трансформации. Слова признательности обращены также ко всем участникам группы, сформированной во второй половине 1996 года под руководством г-на Александра Бузгалина в рамках Центра исследований постиндустриального общества; проведенные на ее заседаниях дискуссии существенно помогли более взвешенному определению круга проблем, которые следовало осветить в данной работе. Особой благодарности заслуживает г-н Александр Худокормов, предоставивший ряд материалов, использованных в главе о теории постиндустриализма, а также сделавший к этой части текста важные концептуальные замечания весной 1997 года. Я также постарался учесть ряд ценных замечаний, сделанных в ходе обсуждения поднятых в книге проблем с почетным профессором Гарвардского университета г-ном Даниелом Беллом и заместителем директора Центра российских исследований при том же университете г-ном Маршаллом Голдманом в ходе поездки в США в декабре 1997 года. Искренних слов признательности заслуживают все сотрудники московской издательской фирмы «Интердиалект+», участвовавшие в редактировании и корректуре окончательного текста работы. Я благодарен многим моим сокурсникам и коллегам по Московскому университету, читавшим части этой книги по мере их написания и высказавшим ценные замечания — в первую очередь г-ну Вадиму Виноградову, г-же Вере Медведевой и г-же Наталье Хоруженко. Благодаря беспримерным усилиям г-на Кирилла Привалова мое пребывание в Париже на протяжении всего этого года было максимально приятным, а занятия — предельно эффективными. Неоценимо также содействие г-на Дэнниса Игана, помогавшего собирать библиотеку, без которой создание этой работы было бы невозможным.

В конце весны книга выходит на английском языке в издательстве Ashgate Publishing Ltd. Хотелось бы поблагодарить группу переводчиков под руководством г-жи Елены Хрулевой, которые в течение многих месяцев делали все от них зависящее, чтобы максимально точно изложить в английском варианте те не всегда ясно и корректно выраженные мысли, которые содержатся в на-

стоящем тексте. Я благодарен г-ну Георгию Зеленину, проведшему успешные и плодотворные переговоры, которые в конечном счете привели к изданию английского варианта настоящей работы.

Подводя итог этому затянувшемуся предисловию, хотелось бы сказать, что год, завершающийся сегодня столь успешно, не был для меня легким и непротиворечивым; поэтому совершенно особой признательности заслуживают все, у кого в уходящем году было достаточно сил, чтобы не думать обо мне хуже, чем я своими действиями мог вынуждать их к этому.

Париж, 31 декабря 1997 года

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всей истории не угасал интерес человечества к своему будущему, и можно безо всякого преувеличения утверждать, что стремление постичь перспективы и закономерности развития общества является сегодня страстным и всеобщим как никогда ранее. Неизбежным следствием вовлечения в исследование проблем социальной эволюции представителей самых разных областей знания стало применение в общественных науках методов и приемов, не вполне соответствующих самому объекту анализа; подчеркивая значимость трендов, отчетливо проявившихся в последние десятилетия, ученые утрачивают ощущение более глобальных исторических тенденций. Объектами сравнения все чаще выступают не *прошлое* и *будущее*, а *настоящее* и *будущее*, и историческая перспектива противопоставляется не всему пройденному человечеством пути, а текущему моменту, случайно выбранной точке в истории цивилизации.

Большинство современных футурологических теорий не отличаются последовательностью и универсальностью. Их авторы, стремясь добиться широкого признания создаваемых концепций, инкорпорируют в них явления, знаменующие новейшие достижения в технологической и информационной областях, используют броские термины, максимально резкие противопоставления, не всегда заботясь о том, реально ли подобные приемы обеспечивают формирование подлинно нового знания или лишь популяризируют доктрину в академических кругах.

Тридцать лет отделяют нас от того времени, когда понимание надвигающихся перемен как качественно нового этапа общественного прогресса стало фактически общепринятым среди социологов большинства развитых стран. Прошедшие годы лишь подчеркнули два фундаментальных недостатка, еще тогда унаследованных в подходах к оценке перспектив развития общества. *Первый* из них

проистекает из чрезмерной сосредоточенности исследователей на отдельных хозяйственных, а иногда даже технологических процессах, что не способствует созданию комплексной картины развития социальной структуры. Самые впечатляющие новации последних лет, связанные с развертыванием информационной революции, не могут стать основой не только периодизации общественного развития, но даже осмысления его нынешнего состояния, если их оценка не дополняется анализом множества иных процессов, которые не следует считать ни сопутствующими, ни второстепенными. *Второй* недостаток связан с тем, что преувеличение роли подобных изменений объективно порождает иллюзию относительно устойчивости возникающих в последнее время тенденций. Предположения, а порой и чрезмерная уверенность обществоведов в том, что в ближайшие годы социальное целое не претерпит радикальных сдвигов, не перейдет в новое качество, не приобретет иной характер развития, искусственно сужают возможности исследования и представляются важным препятствием на пути построения современных футурологических теорий.

Сам революционный, переломный характер нашей эпохи предполагает, что нынешние тенденции общественного развития трансформируются или даже вовсе сходят на нет. Сегодня подчас невозможно привести убедительные доказательства того, что зародившиеся несколько десятилетий назад тренды реально знаменуют рубеж истории, пролегающий между «до» и «после». Ни определение действительного значения переживаемых человечеством трансформаций, ни оценка перспектив развития общества сегодня невозможны вне рамок глобальной концепции, способной непротиворечиво поместить изучаемый период в общую картину эволюции цивилизации, которую мы хотим предложить в нашей книге.

Начиная наше исследование, мы отдаем должное тем, кто в прежние столетия посвятил себя анализу социального прогресса. Итоги осмысления этими философами реалий жизни, в которую они были погружены, создали на протяжении веков картину, не менее захватывающую, чем та, что была порождена делами их современников. Изучение их трудов позволяет увидеть многие исторические повороты более сглаженными, а многие закономерности — более выпуклыми, чем они кажутся людям, предпочитающим исследовать отдельные конкретные события мировой истории. Мы твердо убеждены, что анализ развития теорий прогресса, изучение процесса осознания обществом самого себя, дает в руки ученого не менее действенный и эффективный инструмент постижения реальной истории, нежели непосредственное штудирование относящихся к прошлым эпохам фактов.

Развитие идеи прогресса свидетельствует, что на каждом новом уровне постижения социальных закономерностей философы все более решительно отходят как от *жесткого деления истории человечества на эпохи «до» и «после»* некоторого значимого события, так и от *вычленения на основе тех или иных признаков неопределенно большого числа* периодов общественного развития. Все более широкое признание получают концепции, основывающиеся на выделении *трех* стадий, каждая из которых представляется завершенным целым. Периодизация любой из них может в этом случае осуществляться на основе принципов, главным образом свойственных самой данной эпохе, естественно подготавливающей становление следующей в рамках сугубо эволюционного по своему характеру процесса. В рамках такого подхода современная социальная трансформация представляется не единственной в истории человечества глобальной модернизацией. Она завершает продолжительный период, порожденный распадом существовавших в архаическую эпоху примитивных сообществ, и формирует новые противоречия и отношения, представляющие собой не простое отрицание тенденций последних ста или двухсот лет, а сложный синтез исторического опыта, накопленного цивилизацией, прошедшей путь от первых классовых обществ до расцвета буржуазного строя.

Учитывая уроки, преподносимые развитием человеческого знания, в нашем исследовании мы стремимся прежде всего избегать крайних подходов к периодизации и анализу исторического процесса.

Во-первых, мы подчеркиваем, что законы технологического развития, нередко рассматриваемые как базисные, не являются таковыми не только потому, что они непосредственно не определяют закономерностей эволюции социальных отношений, но и потому, что, представляя собой глубинную основу движения человеческого общества, прогресс основных материальных факторов производства необратим и однонаправлен. Человечество не возвращалось ни к охотничьим общинам после усвоения ценностей оседлого земледелия, ни к ремесленному производству от мануфактурного. Отдельные случаи регресса были связаны прежде всего с «растворением» более развитых цивилизаций в менее развитых, однако такие периоды не были продолжительными, и через определенное время хозяйственный подъем возобновлялся уже на больших территориях и достигал несравненно больших успехов. Таким образом, совершенствование технологических основ общественного производства не может быть адекватной основой вычленения периодов исторического развития, ибо этот поступательный процесс обеспечивает лишь череду последовательных успехов человеческого рода в постоянном возрастании его власти над природой.

Во-вторых, мы не можем признать адекватным и подход к истории цивилизации как к смене отдельных социальных форм, каждая из которых считается завершенным и самодостаточным целым. Хотя большинство обществоведов согласны с выделением в европейской истории античного, феодального и буржуазного периодов, мы хотим отметить, что каждый из данных типов социального устройства базировался на вполне определенных принципах, не только не воспринятых последующими типами обществ, но даже не ставших отражением некоей единой тенденции, если не считать таковой очевидный рост производительных сил и обусловленное им возрастание степени свободы человека от сил природы. В русле такого подхода формирующийся строй можно определить как новый, четвертый период истории антагонистических обществ, что не поможет ни выявлению его центрального отношения и основных принципов, ни обнаружению основ его внутренней структуры.

Современная трансформация является слишком глобальной для того, чтобы определять наступающее общественное устройство как посткапиталистический строй. Происходящие перемены затрагивают уже не индустриальную *форму* хозяйства, а саму *природу* человеческой деятельности, структуру и характер предпочтений и ценностей индивида. Отметим, что ни между античным и средневековым обществами, ни между феодализмом и капитализмом не существовало различий подобного масштаба, так как все прежние общественные структуры основывались на господстве материальных интересов, определявших не только закономерности поведения хозяйствующих субъектов, но и источники социальных противоречий и конфликтов.

Вместе с тем в истории четко прослеживаются две глобальные эпохи. *Первая* из них ознаменовала становление общества, и на ее протяжении поведение человека обусловливалось материальными потребностями вполне непосредственно и прямо. Люди противостояли силам природы как единый организм, их объединяли не столько осознанные материальные интересы и сознательная совместная деятельность, сколько примитивные инстинкты самосохранения и выживания, в силу чего архаическая община не знала многих базовых отношений, присущих развитым формам социального целого. В рамках *второй* эпохи люди стали осознавать себя представителями определенного класса или общественной группы, занимающими заданное место в социальной иерархии или общественном производстве. Разделение труда, обмен его продуктами, закрепление в различных формах принципа частной собственности, классовое деление общества и эксплуатация одной его части другой стали принципиальными чертами данного социального устройства. Лежащая между этими периодами граница, равно как и наблюдаемая нами сегодня, обусловлена достижени-

ем определенным типом соподчинения индивидуальных материальных интересов своего естественного предела.

В рамках *первой* эпохи интересы человека сводились к непосредственному присвоению предоставляемых природой благ и не получали сколь-либо завершенного социального определения. Стремления любого человека были вполне тождественны интересам его соплеменников, отличаясь лишь количественно, так как задавались физиологически различными потребностями. Не выделяясь из интересов *общинного* целого, материальные стремления отдельных индивидов не могли стать основой формирования системы *общественных* связей и противоречий; сообщество людей было лишь формой примитивного объединения ради противостояния силам природы.

Вторая эпоха знаменует осознание отдельными индивидами своих материальных интересов как отличных от интересов других людей и общественного целого; начало этому процессу было положено разделением труда и обменом, разнообразившими варианты достижения личного благосостояния. Закономерным следствием индивидуализированного присвоения стало появление собственности, а постоянно воспроизводящееся противостояние индивидов и классов, стремившихся удовлетворить свои материальные притязания за счет ущемления интересов других, оказалось имманентным признаком нового типа социальной структуры.

Принимая различные формы — от античного полисного хозяйства до капиталистического строя, — такая организация производства долгое время соответствовала потребностям общественного развития. Ее предел обнаруживается с достижением социумом такого уровня удовлетворения насущных потребностей составляющих его индивидов, когда стремление к дополнительному материальному богатству не обеспечивает прежнюю динамику хозяйственного прогресса. Сегодня основными факторами производства становятся информация и знания, и стремление человека к материальному богатству или достижению высокого социального статуса не может заменить потребности в развитии собственной личности, в умножении своих умений и способностей. С каждым следующим поколением новая система мотивации принимается все более широким кругом людей, и нематериальные интересы становятся доминантой социального развития.

В условиях архаической эпохи интересы входивших в общину людей оставались схожими, различаясь лишь количественно, в меру настоятельности материальных потребностей; направленность вектора общинного интереса совпадала со стремлениями большинства индивидов. Следующая эпоха выглядит иначе: интересы отдельных членов общества, по-прежнему располагаясь в одной плоскости, задаваемой их материальным характером, стали

разнонаправленными, а зачастую даже противоположными, в результате чего вектор общественного интереса оказался результирующей этих стремлений, заведомо противоречащей, порой весьма радикальным образом, ряду индивидуальных интересов. Сегодня, когда наметился переход к третьей эпохе эволюции социальной организации, а человек все более полно осознает свое подлинное предназначение, значительная часть интересов утрачивает свою материальную направленность, тем самым открывая перед цивилизацией новые перспективы.

Сопоставимость масштаба перехода между первой и второй, а также второй и третьей эпохами подтверждается важным обстоятельством, никогда не отмечавшимся социологами. Считается, что формы человеческого общежития, производственные отношения, а также, пусть и более опосредованно, политические процессы определяются в конечном счете технологическим уровнем производства и степенью совершенства общественного хозяйства. Основоположники марксизма формулировали это положение в виде закона обусловленности производственных отношений уровнем и характером развития производительных сил. В той или иной форме оно признается сегодня представителями большинства социологических школ. Между тем за скобками данного положения остается тот очевидный факт, что радикальные перемены во всей организации общественного производства становились непосредственным следствием не только *качественных изменений в производительных силах*, но и *резких трансформаций человеческой психологии*.

В этом контексте переход от архаических общественных форм к новой эпохе представляется отражением возникшего понимания человеком личного *материального интереса*, осознания противостояния своих целей целям других индивидов и общества. Современная трансформация обусловлена тем, что жажда умножения материального богатства перестает быть основной для человека; с этого момента важнейшим фактором, обеспечивающим прогресс цивилизации, становятся нематериальные интересы. И в первом, и во втором случае развитие производства определяет саму возможность изменения человеческого сознания, но именно сознание становится *непосредственной причиной модернизации производственных отношений*.

Три основные эпохи прогресса цивилизации могут быть разграничены не только по признаку соотношения индивидуальных интересов, но и по основным видам человеческой деятельности в рамках каждой из них. Деятельность, наиболее распространенную в рамках второй эпохи, мы называем *трудом* в собственном смысле слова. Он обусловлен осознанными материальными интересами человека, ему присущи воспроизводимый характер его условий и результатов, возможность их свободного присвоения и отчуждения.

Предшествовавшая труду форма человеческой деятельности еще не носила в полной мере осознанного характера, проявлялась в рамках общины как единого целого и воплощала черты человека не как противостоящего природе субъекта, а как ее естественного элемента. Мы называем ее *инстинктивной предтрудовой активностью*. Формирующийся же сегодня тип деятельности, мотивированной надутилитарным образом, не определяемой материальными интересами, рассматривается нами как *творчество*. Оно не воплощается в воспроизводимых благах, имеет своим источником интеллектуальный потенциал творящего субъекта, приводит к обретению человеком неотчуждаемых качеств, а обществом — неисчерпаемых ресурсов, которые уже не могут быть растрачены столь безвозвратно, как материальные блага.

Однако нашу задачу мы видим не в констатации эпохальности современной социальной трансформации, а в попытке понять, какими новыми явлениями она сопровождается, какие новые формы обретает в ходе данного процесса общественная структура. Важным инструментом такого осмысления мы считаем изучение тенденций, общих для второй эпохи исторического развития, сменяемой новым, постэкономическим строем. Такой подход не распространен в современной социологии, ограничивающейся противопоставлением формирующегося ныне общества капиталистическому или индустриальному типам хозяйства. При всей его значимости такое противопоставление не обеспечивает должного понимания ни процессов становления, ни характера упадка экономической эпохи.

Важнейшими чертами, объединяющими в рамках данной эпохи античность, средневековье и новое время, мы считаем рыночный обмен, частную собственность и эксплуатацию.

С момента обретения разделением труда устойчивого характера противоречия, возникающие в сфере обмена, стали важнейшим источником общественного прогресса. Товарные отношения, известные с раннеантичных времен, были и остаются вплоть до сего дня важнейшим фактором социальных трансформаций. Само развитие форм производства — от античного полиса, причудливо сочетавшего товарные черты с доминировавшей натуральнохозяйственной системой, через средневековье, где рыночные отношения начали проникать в различные сферы общественного хозяйства, вплоть до становления буржуазного способа производства, когда товарное обращение приобрело всеобщие масштабы, — скорее отражало эволюцию товарного хозяйства от примитивных к наиболее развитым формам, чем представляло собой прогрессивную смену классовых обществ. Продолжительная история генезиса и развития товарного хозяйства однозначно свидетельствует о том, что преодоление рыночных отношений будет не менее долгим и комплексным.

Отношения собственности отражают механизм функционирования социума как системы, основанной на противоречивости материальных интересов составляющих ее индивидов. Они ведут свою историю с появления личной собственности, принимавшей разнообразные формы — от владения участком общинной земли, хозяйственным инвентарем и продуктами труда, которыми земледелец свободно обменивался с соседями в земледельческих сообществах, до обладания всем достоянием государства, включая и подданных, что характерно для ранних азиатских монархий. Частная собственность в привычном понимании этого термина возникла намного позже, когда атомизированный характер производства стал общественной нормой, а политическую власть получили силы, отражающие цели и ориентиры нового строя. Преодоление частной собственности способно стать содержанием весьма продолжительного периода общественного прогресса, характеризующегося скорее возвратом к различным формам личного владения, чем пресловутым обобществлением производства.

Феномен эксплуатации в нынешних условиях должен быть заново осмыслен с учетом изменившейся социальной реальности. Вопреки распространенному мнению, он сегодня не может быть устранен одним лишь перераспределением части продукта, обычно присваиваемой представителями праздных классов, в пользу производителей общественного богатства. Устранение эксплуатации возможно прежде всего в форме преодоления специфического феномена сознания. В обществе, где каждый человек рассматривает материальные интересы как основные, любое ущемление таковых естественным образом воспринимается им как эксплуатация; там же, где интересы не привязаны столь жестко к материальным целям, эксплуатация естественно перестает существовать как значимый элемент социальных отношений. Преодоление эксплуатации, этого характерного атрибута экономической эпохи, станет длительным процессом, сложность которого обусловлена прежде всего инертностью человеческого сознания.

Таким образом, нельзя не заметить, насколько существенно меняется представление о будущей эпохе, если противопоставлять ее не капитализму или индустриальному строю, а всему периоду господства классовых обществ как единому целому.

Хотя ныне вряд ли возможно с должной основательностью охарактеризовать этап общественного прогресса, открывающийся изменениями, наблюдаемыми нами в последние десятилетия, не следует объяснять эти трудности несовершенством человеческого разума; заметим, что и понимание единства предшествовавшей эпохи проясняется только сейчас, когда сама она уходит в прошлое. И именно сегодня четкое терминологическое определение уходящей, а не наступающей, эпохи представляется исключитель-

но важным для совершенствования социологической науки. Мы полагаем, что стадию развития, характеризующуюся борьбой индивидов и классов за материальные блага, господством товарных отношений, частной собственности и эксплуатации, эпоху, основанную на труде как главной форме человеческой активности, следует назвать *экономической* эпохой в истории человечества. В данном случае понятие «экономическая» используется нами в тот же смысле, в каком применяется термин «ökonomische» в немецком языке, где противопоставление экономики и хозяйства, воплощенное в различных смысловых оттенках понятий Ökonomie и Wirtschaft, выражено гораздо более явно, чем в рамках английской или французской терминологии. Основополагающий характер определения данной эпохи для осмысления человеческой истории подчеркивается и тем, что мы считаем возможным отказаться от специфического терминологического определения как предшествующей ей стадии, так и формирующегося общества. Первая может быть рассмотрена как доэкономическая *общность* (prеökonomische *Gemeinschaft*), а второе — как постэкономическое *общество* (post-ökonomische *Gesellschaft*). На наш взгляд, попытка определения социума будущего в «позитивном» аспекте, через обнаружение его фундаментальных отношений и закономерностей, сегодня не может быть в полной мере плодотворной; возможности современного обществоведения ограничены лишь изучением предпосылок возникновения этого социального устройства и указанием на ряд тенденций, наиболее важных для его становления.

Все эти соображения определяют структуру предлагаемой книги.

В *первой* ее части рассмотрен, пусть и не слишком подробно, процесс формирования теорий исторического прогресса, показаны закономерности их становления, отражающие в конечном счете законы движения самого общества. При этом мы сочли возможным детально проанализировать ряд наиболее заметных теорий, в той или иной мере опирающихся на деление исторического прогресса на три эпохи.

Во *второй* части обосновывается понимание формирующегося сегодня общества как постэкономического. Значительное внимание уделено терминологическим вопросам, которые, наряду с методологическими проблемами, представляют собой одно из главных препятствий на пути адекватного осмысления характера как современной эпохи, так и будущего общества. По нашему убеждению, теория общественного развития, объясняющая основы грядущего социального устройства, должна базироваться на глубоком и всестороннем анализе системы человеческих интересов как движущей силы прогресса. Именно поэтому центральное место в этой части работы занимает исследование перехода от трудовой деятельности к творческой, рассматриваемого как

главная движущая сила процесса становления постэкономического общества.

Третья часть книги посвящена анализу основных хозяйственных, социальных и политических изменений, порожденных глобальной трансформацией современного общества. Наиболее подробно рассмотрены три процесса — деструкция рыночного хозяйства как главная экономическая проблема; модификации отношений собственности как источник наиболее принципиальных изменений в социальной сфере; преодоление эксплуатации и сопряженные с ним возможные политические конфликты грядущей эпохи. Рассмотрение каждой из этих проблем убеждает нас не только в масштабности сегодняшних перемен, но и в том, что постэкономическое состояние общества отнюдь не будет свободно от самых различных конфликтов и противоречий, а его достижение вряд ли явится перспективой ближайших лет и даже десятилетий.

В заключительной, *четвертой* части предпринята попытка исходя из предложенных методологических подходов оценить потенциал стабильности и возможности развития постэкономической системы на ее сегодняшнем этапе, проанализировать направления и формы ее взаимодействия с остальными регионами мира, исследовать в новом контексте стоящие перед человечеством глобальные проблемы.

Воплощая план нашего исследования, мы стремились пройти по весьма узкому коридору, ограниченному, с одной стороны, известной истиной, согласно которой недостаточно опасная мысль не достойна называться мыслью, с другой — пониманием того, что современные социальные теории могут представлять собой опасное оружие в руках не в меру ретивых экспериментаторов. Отсюда вытекает наше стремление сочетать изучение происходящих перемен с отказом от любых намерений их ускорить; насколько его удалось воплотить в книге, судить читателю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДА

Изучение теорий истории, созданных выдающимися гениями человечества, является не только одним из необходимых условий осмысления современных представлений о течении исторического процесса, но и важным источником понимания самих закономерностей развития цивилизации, так как развитие подобных теорий содержит порой не менее значимую информацию о путях и тенденциях прогресса, нежели собственно исторические факты.

Человечество нередко переживало драматические моменты, когда ход общественной эволюции принимал столь неожиданные направления, что мысль о возможности замедления поступательного движения и даже начала явного регресса не казалась крамольной. Но чем многочисленнее становились примеры того, как системы общественного устройства, считавшиеся идеальными, уничтожались менее развитыми, а великие очаги культуры угасали под пятой поправших их варваров, тем большую значимость обретал прогресс знания, обеспечивавшего все более и более адекватное осознание человечеством пройденного им пути. Различия же между совершенствованием общественного целого и прогрессом социальной философии представляются очевидными. Если в вооруженном конфликте двух государств одно неминуемо терпит поражение и приходит в упадок, то противоборство научных направлений никогда не заканчивается полной победой одного из них. Если война несет каждому участвующему в ней лагерю бедствия и потери, то любая серьезная дискуссия философов различных направлений лишь обогащает обе стороны. Если политические режимы перестают существовать в результате распада мимолетных союзов, то идеологии умирают только тогда, когда полностью уходят в прошлое и успевают стереться в коллективной памяти человечества все вызвавшие их к жизни материальные и духовные предпосылки. Во все времена смена господствующих исторических воззрений происходит намного медленнее, чем изменяется их объект, и особый смысл изучения эволюции взглядов на развитие общества обусловлен тем, что оно иногда даже в большей степени, чем анализ конкретных исторических событий, позволяет понять истинный характер движения цивилизации.

Задачи исследования, связанного с анализом становления постэкономического общества, определением характеристик, отличающих его от социумов экономического и доэкономического типа,

обусловливают наше повышенное внимание к строгой периодизации исторического процесса. В этой связи особое значение обретает оценка как самих принципов, на основе которых выделяются этапы прогресса, так и степени их внутренней субординированности в рамках той или иной концепции, причем именно последнюю мы склонны считать главным показателем подлинной адекватности исторического построения.

Многообразие исторических концепций при единстве объекта исследования свидетельствует о том, что и критерии периодизации истории, и сама эта периодизация в значительной мере зависят от субъективных качеств исследователя. Основу же для понимания причин, в силу которых автор отдает предпочтение той или иной методологии, следует искать в характере свойственного его эпохе философского мировосприятия. Поэтому получение строгих научных результатов при изучении эволюции принципов периодизации истории практически невозможно, и наша задача заключается прежде всего в обнаружении некоторых общих закономерностей процесса совершенствования таких принципов.

С того самого времени, как в философии истории восторжествовала идея о поступательном характере развития общества, в сознании его исследователей возникло и укоренилось заблуждение, общее для сторонников самых различных теоретических направлений. Обычно оно проявляется в прямом или косвенном утверждении о том, что именно современная мыслителю историческая эпоха ознаменована величайшей революцией, когда-либо переживавшейся цивилизацией, и именно через нее следует провести принципиальную грань, разделяющую историю человечества на «до» и «после».

Подобный подход легко поддается объяснению. Любому человеку вполне свойственно переоценивать значение современного ему исторического периода уже хотя бы потому, что это единственный миг мироздания, в котором ему предначертано существовать. Поэтому объективно пролегающая через каждого человека граница между прошлым и будущим, представляющая собой любое мгновение его собственного бытия, заведомо более значима для него, чем самый судьбоносный переворот, разделивший минувшие исторические состояния. Преувеличивая значимость современного момента, исследователь тем самым принижает важность предшествовавших ему перемен, представляя в качестве исторических вех малозначительные события и применяя подход, удачно охарактеризованный Ф.Бэконом словами «nos nihil magni fecisse, sed tantum ea, quae pro magnis habentur, minoris fecisse». Акцентируя внимание на раздробленности исторического прошлого, философы посвящали свои теории доказательству неделимости и завер-

шенности будущего состояния общества по отношению ко всем минувшим историческим эпохам.

Однако с развитием исторической мысли это заблуждение постепенно изживалось. Все менее и менее значительными становились признаки, на основе которых выделялась новая эпоха всемирной истории; росло и понимание того, что исторические события, провозглашавшиеся эпохальными, нередко оказывались всего лишь прелюдией к очередному непродолжительному периоду, также представлявшему собой череду мимолетных состояний. Поэтому с течением времени скрупулезное вычленение отдельных периодов в историческом прошлом человечества наряду с признанием самодовлеющего характера наступающего «завтра» постепенно стало вытесняться новым методологическим подходом, делящим исторический процесс на три большие эпохи и дополняющимся дальнейшим членением каждой из них. Данная традиция имеет столь же богатую историю, что и первая, однако ее подлинное развитие может начаться только с того времени, когда в философии истории устойчиво утвердится признание прогрессивного характера развития цивилизации.

Предваряя оценку теорий периодизации общественного развития, следует сказать несколько слов о предлагаемых нами принципах их классификации.

Концепции истории, о которых шла речь выше, мы назовем, пусть и несколько условно, неадекватными, вкладывая в данное понятие несколько смысловых оттенков. Во-первых, подобные теории несут на себе отпечаток переоценки значения современного автору исторического периода, что сдвигает акценты в периодизации истории с сущностных на более поверхностные и легко наблюдаемые моменты. Во-вторых, сама периодизация, как правило, осуществляется в соответствии с критериями, не однопорядковыми по уровню своей сущности, что приводит концепцию в противоречие с действительностью, делая ее недостаточно логичной и весьма уязвимой для критики. В-третьих, такие теории базируются на внешнем по отношению к общественному организму критерии прогресса или вовсе отказываются от него, представляя цель развития общества заданной извне; в результате анализ социальной эволюции в рамках этих доктрин не может быть продуктивным.

Существуют также концепции общественного прогресса, которые, на наш взгляд, находятся на пути к достижению искомой адекватности. Выдвигающие их авторы не абсолютизируют значения современного им исторического периода, стремясь предложить периодизацию истории, основанную на критериях, имманентных самому социальному организму. Преодолевая разграниченность

истории на «до» и «после» текущего момента, сторонники подобных теорий обнаруживают взыскательное отношение к принципам выделения фаз и стадий прогресса, что позволяет считать их вклад в формирование современной философии истории весьма заметным и позитивным.

Особого же внимания заслуживают концепции, которые мы условно назовем адекватными. В них отчетливо прослеживается применение для членения исторического процесса принципа диалектической триады и использование для целей периодизации критериев одного сущностного уровня. Это обеспечивает высокую степень внутренней строгости доктрины, позволяя ей не только описывать, но также объяснять и даже предсказывать ход исторического процесса. Сегодня известны десятки подобных концепций, причем, не претендуя на полноту описания всей истории человечества (как во временно́м, так и в качественном аспекте), они способны к сосуществованию, дополнению и обогащению друг друга.

Сделав эти предварительные замечания, мы можем обратиться непосредственно к теориям развития общества, созданным великими философами прошлого. Цель и характер нашего исследования позволяют, однако, рассмотреть лишь общие направления эволюции социальной философии, ибо прослеживающиеся в этом исключительно сложном процессе тенденции интересуют нас гораздо больше, нежели отдельные взгляды тех или иных авторов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НЕАДЕКВАТНЫЕ ТЕОРИИ

Концепции, относимые нами к разряду неадекватных, весьма разнообразны. Они рождались и существовали на протяжении всей истории европейской социальной философии и содержат положения, затрудняющие описание истории, опирающееся на оценку внутреннего источника прогресса цивилизации. Приверженцы таких теорий либо отрицали прогрессивный характер развития социума, либо анализировали его эволюцию с точки зрения внешних по отношению к общественному целому факторов. Наряду с этим в русле данного направления не была актуальной задача периодизации истории, поскольку будущее человеческого рода противопоставляется в таком случае всему его прошлому.

Постулаты античной традиции

Античные учения об истории, не игравшие самостоятельной роли в рамках древнегреческой и древнеримской философии, формировались под влиянием мифологизированного античного мироощущения в целом и экстраполяции основ естественнонаучных воззрений на представления о развитии общества в частности. Между тем одной из наиболее принципиальных черт античной мифологии был ее явно выраженный внеисторический характер; в отличие от религиозных доктрин более позднего времени, античное восприятие действительности не предполагало связанного с определенными сверхъестественными проявлениями или развитием религиозного чувства центрального исторического момента, который мог бы рассматриваться как веха на пути развития цивилизации. Проповедуя бессмертие богов-олимпийцев и фактически

отождествляя их с явлениями природы, древние приходили к неизбежному выводу о том, что циклические процессы, определенные божественной волей, представляют собой эталон любого развития. Прогресс в этом случае оказывался исключением, аномалией и вряд ли мог восприниматься как нечто положительное.

Все это позволяет глубже понять характер описания истории, предпринятого Гесиодом в VIII веке до н. э. Изобразив человечество в его первоначальном состоянии как пребывающее в условиях «золотого века», где люди «сколько хотелось, трудились, спокойно сбирая богатства»[1], он создал картину нарастающих от века к веку бедствий и страданий, приходя к выводу о том, что современным людям «нет передышки и спасения от труда, и от горя, и от несчастий»[2]. При этом Гесиод был также автором и концепции становления организованного мира из первоначального Хаоса в ходе постепенного усложнения и субординации природных явлений, имеющих своим венцом достижение того состояния круговращения, которое одно только и может считаться совершенным типом движения.

Весьма противоречивые, не объяснявшие ни возникновения человеческого общества, ни протекающих в нем процессов, идеи Гесиода не могли послужить основой для создания концепции истории. Толчок, приведший к началу ее формирования, был дан почти через триста лет, когда Демокрит и Антифонт крайне абстрактно описали возникновение человека как звероподобного существа, постепенно поднявшегося до современного им состояния. Эти достаточно широко распространившиеся воззрения далеко не в полной мере согласовывались с основами античной методологии, абсолютизировавшей значение кругового движения. Представляется, что именно стремление снять противоречие между признаваемым большинством философов относительно направленным развитием человека *на этапе его становления* как субъекта общества и проповедуемым ими же, исходя из общеметодологических посылок, круговращательным характером движения *зрелого общественного целого* обусловило характер социальных теорий наиболее известных античных мыслителей.

Платон, один из выдающихся греческих философов, также полагал, что люди начали свою историю с «золотого века»[3], однако были выведены из этого состояния богами, пославшими на Землю потоп, ставший главной катастрофой в истории человеческого рода. Сознавая сложность непротиворечивой оценки образования социума, Платон стремился в той мере, в какой это было возможно,

---

[1] *Гесиод.* Труды и дни, 119-120.
[2] Там же. 176-177.
[3] См.: *Платон.* Законы 679 d.

не рассматривать период достижения человечеством общественного состояния, а анализировать лишь тот отрезок истории, в пределах которого хорошо прослеживается циклический характер развития.

Между тем его подход к анализу появления общества (или государства, что в концепции Платона фактически одно и то же) следует признать важным достижением социальной философии того времени. Отмечая, что движение в сторону создания государства может инициироваться не только представителями «сильных», то есть господствующего класса, но и «слабыми», объединяющимися перед лицом угнетения, он рассматривает становление общественных структур как объективную потребность. «Государство, — пишет он, — возникает... когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом»[4], по мере того, как «в общение... вступает все большее и большее количество людей, составляя большие по размеру сообщества»[5].

Однако, допуская этот мимолетный прецедент направленного развития, воплощающийся в волевом акте, конституирующем законы новой общности и, главное, форму правления[6], Платон сосредоточивает внимание на внешних типах организации государства, среди которых основными он называет четыре: тимократию, олигархию, демократию и тиранию[7]. Рассматривая историю их возвышения и падения, философ обнаруживает, что они исторически замещают друг друга в поименованном порядке, а затем повторяются вновь. Серьезных хозяйственных изменений при этом не отмечается; классовая структура общества и разделенность его на свободных и рабов принимаются и утверждаются как данность.

Платону принадлежит ряд тезисов, позволяющих понять воззрения греческих авторов на соотношение прогресса и цикличности. Констатируя, что «движение, происходящее вокруг какого-то центра... насколько только это возможно, во всех отношениях подобно и всего более близко к кругообращению Ума», философ продолжает: «...раз душа производит у нас круговращение всего, то по необходимости надо признать, что попечение о круговом движении неба... принадлежит душе»[8]. Таким образом, проявление в социальной жизни элементов цикличности становится возможным по мере того, как в обществе начинает преобладать разумное начало и возникает государство; направленное же развитие может иметь место лишь на том отрезке истории, где люди уже были

---

[4] *Платон.* Государство 369 b.

[5] *Платон.* Законы 680 e.

[6] См.: *Платон.* Законы 681 c-d.

[7] См.: *Платон.* Государство 544 c.

[8] *Платон.* Законы 898 a, 898 c.

оставлены попечением богов, но еще не поднялись до самоорганизации.

Аристотель, второй гений античности, исходил в своих исследованиях из тех же постулатов. В его социальной теории мы находим еще более активное перенесение натурфилософских методов на изучение истории. Важной чертой новой доктрины становится обоснование полного отказа от рассмотрения того прогрессивного периода в истории цивилизации, существование которого, пусть и вынужденно, допускали его предшественники.

Аргументом в пользу признания человека «общественным животным» служит для Стагирита следующее, далеко не бесспорное, рассуждение. «Очевидно, — пишет он, — государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому... а необходимо, чтобы целое предшествовало части»[9]. В соответствии с этим тезисом Аристотель рассматривает «государственнические» принципы любого типа организации человеческих отношений как данность. Семья и селение, две формы общежития в его теории, иногда толкуемые комментаторами как исторические ступени генезиса социума, являются не более чем логическими категориями. Уже на этих этапах развития он констатирует свойственные любому государству формы подчинения (устойчивое подчинение женщин мужчинам, рабов свободным и относительное подчинение младших старшим), а также определяет три формы отношений (господское, брачное и отцовское)[10].

Подобный внеисторический подход обусловливает и пренебрежительное по сравнению с Антифонтом и Платоном отношение Аристотеля к проблеме общественного договора. Факт искусственного создания государства не расценивается им как нечто эпохальное; Стагирит лишь вскользь замечает, что «во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо»[11].

Основная часть политической теории Аристотеля, как и теории Платона, связана с эволюцией форм государственного устройства. Различая три основных типа управления — монархию, аристократию и политию[12], Аристотель рассматривает также и производные от них, «извращенные» формы — тиранию, олигархию и

---

[9] *Аристотель.* Политика 1253 a25-28, a20.
[10] См.: Там же. 1252 b22-1253 b14.
[11] Там же. 1253 a30-31.
[12] Там же. 1279 a33-37.

демократию[13]. Стагирит подробно описывает переход от одной из государственных форм к другой, однако ни причины изменений, ни их общая направленность не анализируются. Некоторая предопределенность развития форм государства (по его словам, «вообще, в какую сторону клонится государственный строй, в том направлении и происходит изменение... полития, например, перейдет в демократию, аристократия — в олигархию»[14]) ограничена в концепции философа единым принципом: та или иная социальная форма, существовавшая ранее, так или иначе возвратится вновь, ибо самым совершенным видом движения является движение круговое[15].

Таким образом, уже в творчестве Аристотеля сформировался статический подход к качественным характеристикам человеческого общества, где ничто, кроме внешних форм государственного общежития, не мыслилось изменяемым.

Римские мыслители сделали подобные представления еще более строгими и категоричными. Полибий, видный социальный философ, достаточно подробно описывает в своей «Всеобщей истории» картину мира, какой она виделась римлянину.

К этому времени принцип первичного единовластия в государстве казался уже аксиомой и предполагалось, что «единовластие возникает без всякого плана, само собою»[16]. Концепция круговращения форм политического строя также считалась незыблемой, ибо мало кто из наблюдавших исторический опыт поздних эллинских государств, погрязших в гражданских войнах, мог усомниться, что именно таков «порядок природы, согласно которому формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются»[17]. Прослеживался и более глобальный виток круговращения, связанный с подъемом Рима, фактически превратившего Средиземное море в свою внутреннюю акваторию. Поэтому циклическая концепция становилась не только средством описания истории, но и действенным инструментом социальной экстраполяции. «По отношению ко всем эллинским государствам, — писал Полибий, — которые неоднократно то возвышаются, то приходят в упадок, легче бывает и излагать предшествующую историю, и предсказывать будущее. Ибо нетрудно передать, что знаешь, и легко предсказать будущее на основании прошлого»[18].

Последний шаг к теории абсолютного циклизма был сделан на закате античной эпохи, и формальным его основанием стали

---

[13] См.: *Аристотель.* Политика 1279 b4-10.
[14] Там же. 1307 a21-23.
[15] См.: *Аристотель.* Физика VIII, 9.
[16] *Полибий.* Всеобщая история VI, 4 (7).
[17] Там же. VII, 9 (10-11).
[18] Там же. VI, 3 (1-3).

воззрения Лукреция, известного римского материалиста. Развивая концепцию устройства мира, предложенную атомистами Демокритом и Эпикуром, он утверждал, что любое движение происходит из-за перемещения атомов, а их непрекращающиеся колебания то создают новые формы, то разрушают их, открывая взору человечества другие лишь для того, чтобы с течением времени вернуться к первоначалу. Применительно к обществу Лукреций высказал предположение, что оно уже достигло высшей точки своего развития и скоро должен начаться спад, знаменующий собой новый циклический виток. Идею тотального круговращения поддерживал и Тацит, отмечавший, что «всему сущему свойственно некое круговое движение, и, как возвращаются времена года, так обстоит дело и с нравами»[19].

К III веку н. э. теория круговращения была в полной и самодовлеющей форме сформулирована в исследованиях представителей школы неоплатоников. Плотин, основатель этого учения, писал: «Единое есть все и ничто, ибо начало всего не есть все, но все — его, ибо все как бы возвращается к нему, вернее, как бы еще не есть, но будет»[20]. Другой неоплатоник, Прокл, продолжил мысли Плотина, считая, что в состоянии круговращения находятся все основные мировые сущности. Он указывал: «Все первично движущее само себя способно возвращаться к самому себе»[21], конкретизируя это положение относительно сущностей менее глубокого порядка: «Все эманирующее из чего-то по сущности возвращается к тому, из чего эманирует»[22]. Ему же принадлежит и положение, определенным образом разъясняющее ход цикла. «Все эманирующее, — писал Прокл, — из определенного множества причин возвращается через столько причин, через сколько эманирует. При этом всякое возвращение совершается через те причины, через которые эманирует»[23].

В данных формулировках циклизм доведен до своей высшей степени и может быть одинаково применен для анализа как природы, так и общества. Между тем проповедовавшие подобный характер движения авторы не заметили того очевидного обстоятельства, что само развитие теории круговращения оказалось далеко не циклическим, что первоначально существовавшие в концепции противоречия постепенно преодолевались и она приобретала все большую цельность (в то время как предполагавшая прогрессивный характер развития социума христианская трактовка,

---

[19] *Тацит.* Сочинения. Т. 1. Л., 1969. С. 106.
[20] *Плотин.* Эннеады V 2, 1.
[21] *Прокл.* Первоосновы теологии, 17.
[22] Там же. 31.
[23] Там же. 38.

напротив, обнаружила в своем собственном развитии существенный элемент возвращения к истокам). Однако, даже отмечая определенный динамизм античных теорий, следует признать, что наиболее сущностные изменения социального устройства остались за рамками внимания их создателей, концепции которых не могут поэтому быть причислены к адекватным историческим построениям.

Главной причиной неадекватности античных исторических теорий стала их обусловленность специфической религиозной доктриной того времени. Если в таких религиях, как христианство или ислам, религиозные события разворачивались на фоне человеческого общества, а центральными проблемами становились проблемы морального характера, то есть вера изначально была социализирована, то в античных представлениях религия объясняла не столько первопричину событий, сколько каждый отдельный элемент мировой схематики. В результате реальным божеством оказывалась сама природа, божественный порядок вещей задавался последовательно сменяющимися состояниями, тогда как сложные и разнообразные социальные отношения не могли быть адекватно описаны исходя из соответствующих методологических оснований.

Античную концепцию характеризует внеисторический подход к истории; ни в одной другой социальной теории авторы не стремились с таким упорством отказаться от рассмотрения исторического характера происхождения человека и общества. Легко наблюдаемый порядок смены форм государственного устройства современных авторам античных полисов стал единственной сферой приложения методологических принципов греческих философов, что серьезно обесценило их теорию и не позволило им обнаружить более значительные изменения в социальном устройстве.

Идеологические противники и интеллектуальные наследники античных авторов, отцы христианской идеологии, явно превзошли своих предшественников по многим направлениям. И хотя высказывания св. Фомы Аквинского, пришедшего к предположению о том, что в будущем между мужем и женой будут установлены отношения равноправия, а общество перестанет быть расслоенным по классовому признаку, не могут служить адекватным противопоставлением словам Аристотеля, согласно которым «в совершенной семье обязательно должны существовать рабы и свободные»[24], поскольку они прозвучали спустя полторы тысячи лет после Стагирита, ограниченность античного мировоззрения становится очевидной при сравнении идей Тацита о круговращении принципов

[24] *Аристотель.* Политика 1253 b 5.

морали с восклицанием апостола Павла: «Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы!»[25]

Основополагающими принципами античных исторических концепций стали: вынесение источника развития социального организма вовне его самого, признание за движением как природы, так и социума циклического характера, а также особое внимание к исследованию поверхностных форм человеческого общежития. И хотя этот опыт представлял собой впечатляющий прорыв интеллекта в сферу познания общественной жизни в период, когда таковая еще не приняла развитых форм, отнесение созданных концепций к адекватным теориям истории было бы глубокой методологической ошибкой.

С именем Христа

Христианское учение, появившееся в середине восьмого века со дня основания Рима и инкорпорировавшее некоторые черты античной традиции, способствовало тем не менее радикальному пересмотру прежних представлений о человеке и его месте в мире.

Хотя в Ветхом Завете можно найти отрывки, как бы свидетельствующие о признании цикличности («Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь... Что было, то и будет, и нет ничего нового под солнцем»[26]), подобные элементы уже не занимают центрального места в новой доктрине. Прежние противоречия античных теорий преодолеваются идеей единого в его прогрессивном характере божественного сотворения мира и людей, дополняемой утверждением возможности единения с Богом и вечного пребывания в небесном раю человека, достигшего морального совершенства в вере во всемилость и всемогущество Господне. Помещение в основу учения описания жизни Бога-Сына, первого из праведников, обретшего вечное блаженство, пройдя все основные ступени земного бытия человеков, изначально придает христианской доктрине весьма исторический характер; в свою очередь идея спасения поворачивает теорию лицом к человеку, способствуя преодолению перенесения принципов естествознания на общество

---

[25] *Ап. Павел.* Первое послание к коринфянам. XV, 33.

[26] Екклесиаст. 1, 5; 7, 9.

и внося в моральную доктрину важнейший элемент — единственно достойную *цель*, стоящую перед каждым человеком.

Христианская идея творения несет в себе элемент эволюционности, изображая мир созданным за семь дней, в первый из которых «сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»[27], и лишь в конце, на седьмой день, «создал Господь человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою»[28]. Данная доктрина крайне важна как фактор формирования философии истории, поскольку она в сжатом виде содержит два важнейших положения. Первым является тезис о переходе человека в общественное состояние как состояние вынужденной деятельности («со скорбью будешь питаться [от земли] во все дни жизни твоей; тернии и волчцы произрастит она тебе... в поте лица будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься»[29]). Второе заключено в обусловленной единством стоящей перед всеми людьми цели идее равенства («нет предо Мною ни эллина, ни иудея»), укорененной в самом акте творения (человек был создан Господом одним и единственным для того, чтобы показать, как приятно Ему «единство среди множества»[30]). Эволюционный характер возникновения социума стал основанием для понимания истории как включенной в общий план мироздания, тогда как утверждение направленности в движении человечества к некоей цели исключало любые теории круговращения.

Христианская теория истории основана на том, что Бог являет собой источник прогресса общества не в качестве непосредственной причины, а как сущность, с которой «человек соотносится как с некоторой своей целью»[31]; подобный подход отрицает социальную структуру как нечто замкнутое и неизменное, способствуя пониманию неизбежности ее эволюции и развития. Первое же общественное деление, предпринятое одним из ранних христианских богословов, Тертуллианом, основано поэтому на противопоставлении сообщества праведников, исповедующих учение Христа и представляющих защищаемый небесными силами лагерь Бога (castra Dei), массе живущих в разврате язычников, объединяемых в лагерь дьявола (castra diaboli).

История человечества представлена Тертуллианом как прогресс первого лагеря, к которому присоединяются все новые и новые

---

[27] Первая книга *Моисея*. Бытие. I, 1-2.

[28] Бытие. II, 7.

[29] Бытие. III, 17-19.

[30] *St. Augustinus*. De civitate Dei. XII, 21.

[31] *St. Thomas Aquinas*. Summa theologiae. Prima parte. Qu. 1. Art. 1.

последователи. Движение людей к Господу рассматривается им в качестве проявления воли божества, «которое есть властитель и мира, который управляем, и людей, которые управляют»[32]; задаваемая же божественной волей цель не может не предполагать прогрессивного характера развития человечества. Заложенное на теологическом уровне понимание прогресса как характерной черты истории оказалось при этом настолько серьезным, что Тертуллиан счел возможным рассмотреть греческие полисы, Иудейское царство и Римскую империю как ступени материального прогресса, дававшие жизнь всякий раз новому состоянию, а не чему-то, уже изведанному «в веках, бывших прежде нас»[33].

Более полно картина истории оформилась в трудах Лактанция, известного теолога середины IV века. В его трактовке человек изначально равен другим людям; государственная же власть поэтому противоестественна и возникает оттого, что люди избрали для себя противостояние Господу, отказавшись от его заветов. Полагая необходимым лишь «выбросить из сердца своего все дурные мысли и желания... [и в этом случае] золотой век немедленно вернется к вам, ибо никоим образом вы не сможете достигнуть его, кроме как посредством почитания истинного Бога»[34], автор выдвигает два существенных позитивных момента. С одной стороны, он утверждает (в полном соответствии с доктриной грехопадения) существование догосударственного строя, решительно критикуя при этом эпикурейскую трактовку жизни в этом «естественном» состоянии как непрекращающуюся борьбу людей друг с другом. С другой стороны, он считает государство чужеродным формированием, с помощью которого «проникнутые жадностью правители защищают приобретенное путем грабежа от обворованного большинства»[35].

Концепцию Лактанция можно считать первым в истории философии примером гениальной догадки о триадичности цивилизационного процесса, выраженной в признании догосударственного, государственного и постгосударственного состояний, последнее из которых достигается в силу обретения людьми должного нравственного совершенства. Данная теория и гносеологически близкая ей социальная доктрина Аквината будут рассмотрены ниже.

Между тем уже в V веке в труде, названном «De civitate Dei» св. Августин, один из наиболее ярких теологов раннего периода, сформулировал важнейшие элементы христианской философии истории. Согласно его учению, границы между castra Dei и castra

---

[32] *Tertullianus Q.S.F.* Apologiae, 26.
[33] Екклесиаст. I, 10.
[34] *Lactantius.* Divine institutes. V, 8.
[35] Ibid. V, 7.

diaboli не разделяют группы людей, а проходят внутри каждой отдельной личности. Этот подход предполагает, что «в человеке, который был создан изначально, получили начало хотя еще не обнаружившиеся, но уже для предвидения Божия существовавшие два общества, как бы два града в роде человеческом»[36]. Граница между ними определяется теологом в соответствии с природой любви, господствующей над человеком; «земной [град предполагается обусловленным] любовью к себе, доведенной до презрения к Богу, а небесный — любовью к Богу, доведенной до презрения к самому себе»[37].

Созданная св. Августином трактовка развития земного сообщества не может не стать объектом пристального внимания. Утверждая, что историческое время представляет собой не замкнутый круг, а открытый в будущее луч[38], ибо самим божеством поставлена цель, к которой идет и придет человечество в конце своей истории, теолог предлагает двоякую периодизацию развития града земного (civitas terrestris), ни в первом, ни во втором случае не основанную на оценке этапов духовного совершенствования человека. С одной стороны, св. Августин выделяет в качестве важнейших стадий социального прогресса семью, город и мир[39], что представляется достижением по сравнению с учением античных авторов в той мере, в какой последний термин не включает в себя государственное устройство, идентичное у теолога понятию «город». С другой стороны, предлагается периодизация, отчасти дублирующая историю, представленную в Евангелии от Матфея. Согласно этому варианту, первая эпоха заключена между сотворением Адама и Всемирным потопом, второй период простирается от потопа до Авраама, третий — от Авраама до Давида, четвертый — от Давида до переселения в Вавилон, пятый же — от вавилонского пленения до Рождества Христова. И хотя два следующих, замыкающих историю этапа трактуются комментаторами св. Августина неоднозначно, можно уверенно утверждать, что со времен после Рождества Христова автор признает единственным значимым событием лишь Страшный Суд, знаменующий собой, что «земной град не будет вечным»[40].

Концепция св. Августина отразила существенный недостаток христианской социальной доктрины, заключающийся в признании конечности земного пути человечества и привнесении критериев периодизации прогресса извне самого исторического действа.

---

[36] *St. Augustinus.* De civitate Dei, XII, 27.
[37] Ibid. XIV, 28.
[38] Ibid. XII, 13, 17.
[39] Ibid. XI, 16.
[40] Ibid. XV, 4.

Между тем многие положения, содержащиеся в теории этого выдающегося отца Церкви, имели огромное значение для развития исторических представлений не только в рамках католической доктрины, но и в позднейшей европейской философии.

В дальнейшем развитии христианской традиции можно выделить два направления.

Первому из них положил начало в XIII веке св. Фома Аквинский, чьи воззрения, на наш взгляд, стали фундаментом адекватного постижения истории. Он предложил новые принципы периодизации общественной жизни, уже не связанные с событиями библейской хроники. Соглашаясь со св. Августином в том, что «для человека является естественным быть общественным и политическим животным и жить сообществом»[41], св. Фома считал, что таковое определяется не любовью людей к определенным идеалам, а материальными потребностями, вытекающими из их природы[42], причем общество представляет собой не единство мысли и веры, а единство действия, единство не в esse, но в agere. Сформированная в трудах св. Фомы теория прогресса открывает эпоху истинного понимания человечеством своего исторического места.

Второе направление проистекает из попыток догматизации учения св. Августина о двух градах. Таковые были особенно активными в XV — XVI веках, что обусловлено развитием как христианского вероучения, так и религиозной практики. Превращение Церкви из инструмента удовлетворения духовных потребностей человека в важнейший элемент европейской политики и общественной жизни вызвало вполне понятную ответную реакцию с целью восстановить ее прежний образ и очистить от привнесенных наслоений. Однако призванная выполнить эту задачу европейская Реформация принесла гораздо меньше позитивных перемен в интеллектуальную сферу, нежели в политическую.

Лютер, наиболее выдающийся представитель Реформации в Германии, не был философом истории как таковым, но его воззрения оставили значительный след в истории политических и социальных доктрин и дают возможность оценить развитие христианской социологической концепции в период позднего средневековья.

Пытаясь возродить учение о двух градах, предполагавшее, что достоинства человека определяются не только и не столько его поведением и его делами, сколько верой в Господа, без которой никакое соблюдение заповедей не означает спасения, Лютер оказался, на наш взгляд, чрезмерно радикален. Преследуя вполне оп-

---

[41] *St. Thomas Aquinas.* De regimine principum. I. 1.

[42] См.: *St. Thomas Aquinas.* Summa contra gentiles. III, 85, 102; *St. Thomas Aquinas.* De rege et regno. I, 1; *St. Thomas Aquinas.* Contra impugnantes Dei cultum et religionem. VIII.

ределенные политические цели, он не столько восстановил теорию св. Августина, сколько стал очевидным последователем Тертуллиана. Как тот обличал римских правителей, отказавшихся от мудрого управления государством, так и он отмечает: «...никогда еще ни одно царство не держалось на силе; всегда должно оно охранять себя мудростью». Как первый объявлял о необходимости разграничения власти светской и духовной, так и второй говорит: «Ввиду того что светское управление установлено Богом для наказания злых и защиты благочестивых, дóлжно предоставить его обязанностям свободно и беспрепятственно распространяться на тело всего христианства»[43]. Как Тертуллиан не призывает к войне с язычниками, так и Лютер считает, что «надо еретиков преодолевать Писанием, а не огнем»[44].

Однако творчество Лютера не было полным возвращением к концепции Тертуллиана. В отличие от ранних христианских авторов он не рассматривал становление государства и, защищая позиции европейских монархов перед лицом Святого престола, не оценивал светскую власть в качестве отступления от божественных принципов. Распространенное утверждение естественности социальной жизни переносилось им и на государственное управление. Таким образом, концепция истории не только не получила существенного развития, но оказалась скорее законсервированной. Вскоре стал заметен и явный упадок христианской исторической доктрины. В знаменитой книге «Relectionas theologicae» испанского доминиканского монаха Франсиско де Витория, относящейся к первой половине XVI века, можно констатировать отход от всех ее фундаментальных положений: по-аристотелевски трактуется возникновение социума через общественный договор, указывается, что от природы все люди независимы друг от друга и объединяются, лишь осознав пользу общежития, и, наконец, отмечается, что государственной властью правитель наделяется непосредственно в сам момент заключения общественного договора.

За тысячу лет своего развития христианская социальная доктрина познала и взлеты, и падения. Привнеся в философию истории *идею прогресса*, пусть и понятую сугубо теологически, она не создала *теории прогресса*, обнаруживая источник позитивных изменений в общественной жизни лишь в нравственном совершенствовании личности. Хотя многие теологи, считая социальный прогресс порожденным достижимой целью, к которой идет человеческий род, предлагали оригинальные трактовки истории, католическое учение в его ортодоксальном виде не предложило концепции исторической периодизации, ограничившись выделением

---

[43] *Лютер М.* К христианскому дворянству германской нации. Харьков, 1912. С. 8.
[44] Там же. С. 56.

эпох господства отношений семейных, государственных и религиозных. В дополнение ко всему само развитие христианской концепции показало, что теория, проповедовавшая прогрессивный характер движения человечества, оказалась зацикленной в собственной эволюции и к XVI веку пришла с догмами, от которых отталкивалась тысячу лет назад, не приняв в свое лоно наиболее заметных социальных философов средневековья, чьи воззрения послужили основой дальнейших плодотворных исследований. Такое положение обусловлено, на наш взгляд, тем, что христианская доктрина, как и теории античности, осталась *политической философией* и не стала *философией истории* в собственном смысле этого понятия. Ее обусловленность сиюминутной политической конъюнктурой диссонирует с высокими идеалами христианского учения и утверждает нас в понимании того, что и в этом случае адекватным представлениям об истории человечества не суждено было родиться.

Возрождение теории общественного договора

Новое время привнесло в философию истории целый ряд направлений, характерной чертой которых стали попытки синтезировать общественные учения христианских авторов и концепции античного периода. Чаще всего они заканчивались созданием эклектичных построений, походивших на античные или христианские лишь по форме, по существу же представлявших собой противоречивые теории, нередко далекие от гуманистических принципов.

Неудачи на пути построения теории истории в XVII веке в значительной мере были предопределены самим характером эпохи. Критикуя христианскую доктрину, философы Нового времени стремились опереться на методологию своих античных предшественников. У древних они переняли идею общественного договора, из средневековья позаимствовали постулаты о поступательном характере развития цивилизации. Однако синтез подобных представлений обернулся неудачей по причине крайне упрощенного подхода к оценке места человека в природе и обществе. В отличие от античных авторов, считавших человека подобием божества и решительно отделявших его от природы, а также в противовес христианским теоретикам, располагавшим человеческое существо на равном отдалении от природного и небесного начал, философы XVII столетия относили человека к явлениям природы и забывали

о качествах, выделявших его из их ряда. Приближение человека к природе, и даже растворение его в ней в некотором роде продолжало движение, начатое античными и христианскими мыслителями, но было слишком формальным и не порождало оригинальной методологии для разработки адекватных концепций развития социума. Иными словами, античные и христианские учения были соединены на фундаменте, чужеродном как для одних, так и для других, что и обусловило значительную противоречивость и логическую непоследовательность созданных на такой основе теорий.

Именно невозможность непротиворечивого сочетания ряда положений, на которых основывали свои теории Н.Макиавелли, Г.Гроций и Т.Гоббс, наиболее видные представители новой философии, и обусловила крайне низкий уровень внутренней субординированности их концепций.

Широко используя в своих системах материалистические мотивы, они, безусловно, отходили от христианской морализаторской методологии. Это, однако, не мешало им признавать, что социумом управляет разум, под которым, как ни странно, они понимали «естественный закон, который ниспослан каждому непосредственно Богом, как мерило его действий»; а устанавливаемые в ходе общественного договора «правила житейского поведения представляют то, что было возвещено Божественной волей в законах Царствия Небесного словами Господа нашего Иисуса Христа, святых пророков и апостолов»[45]. Подобная противоречивость метода сочеталась у сторонников новых подходов с крайней непримиримостью к представителям иных взглядов; так, Т.Гоббс прямо заявлял: «Я до такой степени являюсь врагом безбожников, что я самым прилежным образом искал и старался найти какой-нибудь признак, на основании которого я мог бы обвинить их в нарушении права»[46].

Эклектика неизбежно приводила к противоречию между идеей становления государства и представлениями о естественном праве. По мнению Н.Макиавелли и Т.Гоббса, естественное состояние заключалось в непрестанной войне человека с человеком, основным побудительным мотивом которой выступала личная материальная выгода. Переход же к обществу трактуется ими скорее не как изменение, а лишь как упорядочение подобного положения дел: в новых условиях право сильного остается столь же важным, как и ранее, а непримиримая вражда перемещается с уровня отдельных личностей на уровень народов и государств[47].

---

[45] *Hobbes Th.* De cive. IV, I.

[46] Ibid. XIV, XIXn.

[47] См.: *Grotius G.* De jure belli ac pacis. II, XXIII.

Между тем перенесение на межгосударственные отношения принципов дообщественного состояния оставляет сомнения как в устойчивости государственного устройства, так и в его предпочтительности перед догосударственным.

Весьма характерно, что воссоздание элементов теории общественного договора фактически в тех же формах, в каких они мыслились в античности, обусловило и границы прогностических возможностей новых концепций. И Н.Макиавелли, и Г.Гроций ограничились исследованием чисто политических процессов, не затрагивая общих законов социального прогресса. Результаты их анализа также представляются более чем скромными: описание круговращения форм государственного устройства, наиболее совершенным из которых они считают абсолютную монархию, вряд ли может быть признано чем-то большим, нежели добросовестным пересказом идей Полибия.

Таким образом, вклад «материалистов» XVII века в совершенствование философии истории не был сколь-либо значительным. Однако в их представлениях о ходе становления общественного устройства присутствуют и весьма здравые идеи. Так, Т.Гоббс пишет: «Наиболее частая причина, в силу которой люди желают вреда друг другу, состоит в том, что многие желают одновременно одну и ту же вещь, которой, однако, они не могут ни пользоваться сообща, ни поделить между собою, откуда следует, что ее нужно отдать сильнейшему; кто же является сильнейшим, решается борьбой»[48]. Стремление достичь и закрепить успехи в этой борьбе за материальное благополучие порождает жажду власти, являющуюся естественной для каждого человека. «На первое место, — указывает Т.Гоббс, — я ставлю как общую склонность человеческого рода вечное и бесконечное желание все большей и большей власти, желание, которое прекращается лишь со смертью. И причиной этого не всегда является то обстоятельство, что человек надеется на более интенсивное наслаждение, чем то, которое им уже достигнуто, или что он не может удовлетвориться умеренной властью, а лишь то, что человек не может обеспечить ту власть и те средства к благополучной жизни, которыми он располагает в данную минуту, без приобретения большей власти»[49]. Подобные исходные посылки, однако, заведомо не позволяют построить последовательную теорию общественного договора. Если у античных авторов причиной такового выступало стремление людей упорядочить свою жизнь ради противостояния природе, и люди в

---

[48] *Hobbes Th.* De cive. I. VI.

[49] *Гоббс Т.* Левиафан. М., 1898. С. 98.

этом случае объединяли свои силы с той же целью, с какой каждый из них действовал и раньше, то Т.Гоббс представляет общественный договор как стремление радикально изменить ранее присущие человеку черты, что если и возможно, то лишь в очень малой степени.

Он считает, что в момент заключения общественного соглашения каждый из людей «должен отказаться от права на все вещи в такой степени, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую он допустил бы у других людей по отношению к самому себе»[50]. Между тем, согласно Т.Гоббсу, в рамках государственного устройства человек уже не волен соизмерять степень своей свободы со степенью свободы других людей; если бы такое право было сохранено за каждым индивидом, то логичным было бы стремление к достижению внутри социального целого определенного равенства. Возможность же последнего категорически отрицается; доминирование интереса властителя возводится в ранг основного признака общества, когда философ пишет, что «общения их [животных] не являются обществами, и эти животные не могут называться общественными; порядок в их общении зависит от согласия многих воль, направленных на один объект, *а не от одной воли* [курсив мой. — *В.И.*] (как бывает в обществе)»[51].

Данное замечание означает, что с момента образования общественного целого человек перестает быть разумным существом, ограничивающим свои действия в процессе соотнесения степени собственной свободы со степенью свободы других членов общества, но становится элементом государственного устройства, всецело подчиненным воле суверена. «Если мне приказывают делать что-либо, что является грехом для приказывающего, и я это делаю, — отмечает Т.Гоббс, — то я не впадаю этим в грех, лишь бы приказывающий был по праву моим господином; например, если я по приказу государства буду воевать, считая, что война начата несправедливо, я не поступлю неправильно, и, наоборот, я окажусь виновным, если откажусь воевать, приписывая себе принадлежащее государству установление различий между справедливым и несправедливым»[52]. В данном случае Т.Гоббс в своей апологии государства и его правителей заходит даже дальше М.Лютера, писавшего: «А что, если князь не прав; обязан ли народ последовать за ним? Нет, ибо против истины никто да не идет; Богу

---

[50] *Гоббс Т.* Левиафан. С. 118.
[51] *Hobbes Th.* De cive. V, V.
[52] Ibid. XII, II.

подобает более повиноваться, нежели человеку»[53]. Но и это утверждение не кажется философу достаточно жестким: он отмечает, что в ходе осуществления норм общественного договора порождаются и отношения рабства (в котором, как нам кажется, пребывают едва ли не все члены описываемого им общества по отношению к государству), и указывает, что гражданин может сказать о рабе: «это мое», «откуда следует, что все, принадлежавшее до рабства рабу, потом принадлежит господину... потому что распоряжающийся личностью человека распоряжается и всем, чем может располагать эта личность»[54].

Такова степень свободы в обрисованном Т.Гоббсом социальном устройстве. В данном контексте описание прогресса сводится к однозначной формуле: никакой положительной истории, кроме факта заключения общественного договора, не существует. И если Н.Макиавелли, отвергая любые проявления общественного движения, удалявшие социум от состояния абсолютной подчиненности верховному властителю, все же признавал круговорот форм государственного устройства как данность, то Т.Гоббс отрицает даже саму возможность изменения общественного строя, когда указывает: «Там, где известная форма правления уже установилась, не приходится рассуждать о том, какая из... форм правления является наилучшей, а всегда следует предпочитать, поддерживать и считать наилучшей существующую, ибо делать что-нибудь, что может привести к ниспровержению существующей формы правления, противоречит как естественному, так и положительному божескому закону»[55].

Отказавшись от основных положений, так или иначе учитывавшихся ранее сторонниками теории общественного договора, Т.Гоббс не смог объяснить ни преимуществ общественного состояния, ни причин перехода к нему, ни движущих сил эволюции человеческого общества. Стремясь следовать как гениям античности, так и отцам Церкви, он поставил во главу угла асоциальные черты человека, разрушительное начало, враждебность людей к себе подобным, от чего предостерегали многие философы, последователями которых мнили себя теоретики Нового времени. Еще Аристотель писал, что недопустимо принимать за основу анализа зло или иной порок, ибо «порок уничтожает сам себя, и если он достигает полноты, то становится невыносимым»[56]. Прокл, присоединяясь к такой точке зрения, отмечал, что «начало и первейшая

---

[53] *Лютер М.* О светской власти и до каких пределов ей надлежит повиноваться. III.
[54] *Hobbes Th.* De cive. VIII, V.
[55] *Гоббс Т.* Левиафан. С. 390-391.
[56] *Аристотель.* Никомахова этика. IV, 5, 1126 a13-14.

причина всего сущего есть благо»[57]. По мнению же св. Фомы Аквинского, «сущность зла состоит в том, чтобы вещь отступала от блага»[58], тогда как «с разрушением всякого блага, что необходимо для целокупности зла, разрушилось бы и само зло, субстрат которого есть благо»[59].

Все эти соображения были отринуты Т.Гоббсом, но не большинством его современников. В книге, вышедшей через четыре года после его смерти, Р.Камберленд заявил, что вражда не может быть избрана исходным понятием социальной теории, что мир нельзя определять как отсутствие войны, «так как мир должен быть первичен по отношению к войне, как жизнь первична по отношению к смерти»[60]. Совершенно справедливо отметив ряд логических противоречий в теории Т.Гоббса, он подверг резкой критике доктрину, в которой неявно признается, что и состояние войны, и положительный закон государства основаны на одной и той же субстанции, коль скоро источником и естественного права, и положительного закона называется разум[61], и в которой сам смысл перехода от естественного состояния к государству оказывается полностью утраченным. Наряду с признанием внутренней неструктурированности теории Т.Гоббса, Р.Камберленд указал и на конфликт данной концепции с социальными реалиями. Обращая внимание на отчетливо сформулированное философом положение о невозможности оценки подданными деяний правителей, его критик отмечает, что история состоит из событий, заведомо предполагающих таковые, а люди, принимающие участие в историческом процессе, действуют именно исходя из них[62]. Теория же, проповедующая статичность общественной жизни, не может быть названа удачной.

Подобная критика концепций Н.Макиавелли, Г.Гроция и Т.Гоббса привела к модификации теории общественного договора, сторонниками которой они себя считали. Когда стало ясно, что в ее рамках нельзя объяснить резкий переход от «естественного» к «общественному» состоянию, теория была приспособлена к описанию процессов вполне эволюционных, а само понятие стало использоваться скорее как логическая формулировка, чем как обозначение кардинальной перемены в развитии человечества.

---

[57] *Прокл.* Первоосновы теологии, 12.
[58] *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Prima parte. Qu. 48. Art. 2.
[59] Ibid. Art. 3.
[60] *Cumberland R.* De legibus naturae... Lubeca et Francofurti, 1683. P. 277.
[61] Ibid. P. 87.
[62] Ibid. P. 403-409.

Мечты о несбыточном

В то же время некоторые мыслители XVI и XVII веков, не отбрасывая идеи жесткого государственного устройства как единственного средства совершенствования человеческой природы, направили свои основные усилия не столько на обоснование незыблемости власти суверена, сколько на поиск того более совершенного типа общественного устройства, «какое по праву может называться государством»[63].

Первые представления такого рода традиционно связываются с именами Т.Мора и Т.Кампанеллы, однако они вряд ли могут считаться провозвестниками гуманистического взгляда на будущее общество. Созданные ими концепции предполагают возможность построения совершенного общества на путях лишь незначительного видоизменения форм некоторых социальных отношений. Так, Т.Мор считает, что основой хозяйственной жизни станут полуремесленные-полусельскохозяйственные коммуны численностью в две—три тысячи человек[64], в своей деятельности использующие весьма примитивные орудия, а преодоление разделения труда рассматривается им только через призму перемещения масс людей из города в деревню и обратно, тогда как всякий технический прогресс фактически исключается.

Уровень развития идеального общества также не превышает того, который автор наблюдал в повседневной действительности. Нельзя не отметить, что в существенных чертах своей схемы Т.Мор даже отступил назад; в частности, он однозначно разделял жителей Утопии на свободных и рабов, не видя в таком неравенстве ничего предосудительного. Его знаменитый тезис о том, что «распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность»[65], во многом утрачивает свое звучание в контексте изображенной философом картины государственности.

Именно жесткая верховная власть выступает главным движителем прогресса и в «Утопии» Т.Мора, и в «Городе Солнца» Т.Кампанеллы. О регламентации общественной жизни в этих иллюзорных общностях отчасти можно говорить как о функции самого социума, ибо в той или иной форме здесь предусмотрена сменяемость и выборность власти. Однако сама форма подобной «демократии», предполагающая, с одной стороны, недопущение рабов, женщин

---

[63] *Мор Т.* Утопия. М., 1978. С. 273.
[64] См.: Там же. С. 174-175.
[65] Там же. С. 164.

и несовершеннолетних к принятию каких-либо решений, а с другой стороны, основанная на многоступенчатых выборах, в ходе которых изъявление народной воли сводится к минимуму, не дает возможности серьезного влияния масс на характер правления. В условиях мрачной тоталитарной структуры отсутствие собственности оказывается не столько средством освобождения людей, как это предполагал Т.Мор, сколько средством их подчинения воле государства.

Государство имеет в данных социальных утопиях фактически неограниченные права. Его прерогативы — перемещение населения из городов в деревни и обратно, использование коллективного труда рабов (в равной степени принадлежащих всем гражданам, то есть являющихся объектом собственности) в сферах, недостойных свободных граждан; установление зачастую унизительного порядка вступления граждан в брак и так далее, вплоть до насаждения религиозных верований, оправдывающих и обосновывающих непомерную роль государства. Известное замечание о том, что «утопийцы верят, что после земной жизни за пороки установлены наказания, за добродетели назначены награды, а тех, кто думает иначе, они даже не числят среди людей»[66], вполне ясно говорит о степени свободомыслия в обществе, которое философ считает идеальным.

Построения Т.Мора и Т.Кампанеллы, будучи примером наиболее примитивного подхода к исторической динамике, отмечены схематичностью, присущей также более поздним утопическим теориям и достигающей предела в работах Ш.Фурье, ставших беспрецедентной смесью примитивно-реалистического и фантастического подходов.

Автор начинает исследование с периода, похожего в целом на «золотой век», каким он был представлен в работах некоторых античных мыслителей. При этом сама эволюция человечества, естественным образом выведшая его из данного состояния, и обусловила наступление мрачных времен. «Чрезмерное умножение племен, — пишет Ш.Фурье, — породило бедность; в то же время распространение хищных зверей вызвало смертоносные изобретения, а вкус к хищению распространился тем легче, что младенческое состояние и трудности земледелия не позволяли поддерживать сверхизобилие продуктов питания»[67]. В результате человечество оказывается в историческом тупике, называемом автором периодом варварства. Между тем, по мнению философа, именно в эту эпоху люди «обретают крупное производство, являющееся

---

[66] *Мор Т.* Утопия. С. 259-260.

[67] *Фурье Ш.* Судьбы мира и человечества // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1951. С. 150.

рычагом строя гармонии. До тех пор социальный мир отходил назад перед лицом счастья, подобно тому, кто, оказавшись перед рвом, отступает, чтобы легко перепрыгнуть»[68]. Однако формирующийся порядок цивилизации описывается Ш.Фурье как разделенный на богатых и бедняков, где «бедность рождается из самого изобилия»[69], а истинной целью социального прогресса провозглашается социантизм — будущий справедливый строй, предшественником которого является переходная общность, называемая гарантизмом.

В описании этого будущего общества Ш.Фурье повторил все ошибки ранних утопистов, что вызывает особое удивление, поскольку концепции разделены более чем двумя столетиями, неузнаваемо изменившими лицо Европы и всего мира. В качестве его основы вновь предложена небольшая общность, на этот раз называемая фалангой. Между тем полного отсутствия собственности уже не предполагается: наряду с объектами общего владения фалангистов существует и индивидуальная собственность ее членов. Различный вклад каждого человека в устройство фаланстера определяет и классовое деление, формально выводящееся из естественных различий между характерами, способностями и страстями людей. При этом характерными для утопических воззрений Ш.Фурье остаются представления о необходимости ускоренного развития сельскохозяйственного производства по сравнению с промышленным, о применении весьма примитивной техники, чередовании труда как формы преодоления его разделения и, что самое существенное, о детальной регламентации жизни членов фаланги, труд которых занимает все их время с утра до вечера и не дает возможности предаваться нерегламентированным видам деятельности.

Несколько развив утопические идеи о будущем обществе, Ш.Фурье при этом радикально примитивизировал основы философии истории. Определяя общий срок эволюции человечества в 80 тыс. лет, он полагал, что всеми своими успехами человечество обязано случаю, а не политическим или гуманитарным наукам, и тем более не развитию производства. Связывая прогресс общества с совершенно фантастическими изменениями природной среды[70], он отмечал, не утруждая себя и читателя доказательствами, что «свойства дружбы в точности воспроизведены по законам круга...

---

[68] *Фурье Ш.* Критика строя цивилизации // Избранные сочинения. Т. 1. С. 245.

[69] *Fourier Ch.* Oeuvres complètes. T. VI. P., 1845. P. 35

[70] См.: *Фурье Ш.* Таблица хода социального движения // Избранные сочинения. Т. 1.

любви — эллипса... честолюбия — гиперболы»[71]. Заявляя, что не мир обусловливает эволюцию социума, он считал, что общество управляет движением мира только лишь потому, что оно является более совершенным, «а это значит, что свойства животного, растения, минерала и даже звездного вихря представляют собой некое следствие человеческих страстей в социальном порядке и что все, начиная с атомов вплоть до небесных тел, образует картину человеческих страстей»[72].

Лишь в середине XIX века исследователи, стремившиеся создать картину нового общества, признали невозможность ее построения в законченном виде, осознав, что ни одно описание будущего социума не окажется в полной мере адекватным. «Никто не знает и никто не хранит тайну будущего, — писал Л.Бланки, — самый прозорливый человек может иметь лишь какие-то предчувствия, видеть какой-то просвет, бросить в будущее беглый и неясный взгляд... Безумцы те, которые думают, что имеют у себя в кармане подробный план этой неизвестной земли»[73]. «Тот, кто верит в прогресс, — вторил ему В.Вейтлинг, — не должен считать совершенным ни одно учение»[74], хотя при этом не должен и сомневаться в возможности его создания.

Л.Бланки и В.Вейтлингу принадлежат во многом схожие концепции, выгодно отличающиеся от идей ранних утопистов. Им удалось приблизиться к элементам адекватного понимания исторического процесса. В работах этих предшественников коммунистических учений дан анализ экономической эпохи, обоснована роль обмена в развитии человеческого общества, отмечены причины его возникновения, показана ограниченность натурального хозяйства и объяснена природа денег[75]. И хотя Л.Бланки и В.Вейтлинг полагают, что «обмен посредством... денег в достаточной мере показал свою неспособность создать социальный порядок на основе справедливости»[76], товарное производство оценивается ими как необходимый этап эволюции общества.

Средством преодоления неравенства и несправедливости оба философа считали коммунистический строй, отмечая при этом, что его становление, несмотря на необходимость существенных революционных изменений, должно в основном идти естественным и эволюционным путем. Если, например, Ш.Фурье настаивал

---

[71] *Фурье Ш.* Судьбы мира и человечества. С. 135, прим.

[72] Там же. С. 136, прим.

[73] *Бланки Л.О.* Социальная критика // Избранные произведения. М., 1952. С. 258.

[74] *Вейтлинг В.* Гарантии гармонии и свободы. М., 1952. С. 226.

[75] См.: *Бланки Л.О.* Социальная критика С. 181-182; *Вейтлинг В.* Гарантии гармонии и свободы. С. 118-119.

[76] *Бланки Л.О.* Социальная критика. С. 194.

на быстром изменении отношений собственности и полагал, что «к концу весны 1808 года первая фаланга прогрессивных серий вступит в действие, и хаос строя цивилизации, варварства и дикости тотчас же рассеется по всей земле, унося с собой единодушные проклятия всего рода человеческого»[77], то, по мнению Л.Бланки, «нападать на принцип частной собственности было бы в такой же степени бесполезно, как и опасно. Коммунизм нельзя предписать декретом, его пришествие должно быть вызвано свободным решением страны»[78], а развитие общества, последующее за таким «решением», представляется естественной трансформацией экономической системы. Одним из первых Л.Бланки увидел в современном ему социальном и экономическом прогрессе процесс, тождественный наступлению коммунистического строя, органично включенного в исторический путь человечества. По его убеждению, «всякий прогресс — это победа коммунизма, всякое отступление — это его поражение, развитие его сливается с развитием цивилизации, обе эти идеи идентичны; все проблемы, последовательно поставленные в истории и вызванные потребностями человеческого рода, разрешаются коммунистически»[79].

По сравнению со своими предшественниками, Л.Бланки и В.Вейтлинг резко переставили акценты в описании будущего общества, предположив, что коммунизм явится «единственно возможным обществом, состоящим из высокообразованных людей»[80] и основанным на достижениях технического прогресса; труд рассматривался ими как внутренняя потребность каждого человека, ощущающего свой долг перед социумом; руководящие же органы будущего сообщества представлялись выборными, что одно только способно обеспечить основные права и свободы граждан.

* * * * *

Таким образом, мы видим, что неадекватные исторические доктрины во множестве возникали на всех этапах развития социальной теории. Не менее распространенными были и концепции, учитывавшие элементы глобальных закономерностей прогресса, но не обобщавшие их в завершенную схему общественного развития. Переходя к их анализу, мы считаем нелишним вкратце повторить основные выводы, вытекающие из уже рассмотренных исторических построений.

---

[77] *Фурье Ш.* Пути будущего // Избранные сочинения. Т. 2. М., 1952. С. 135.
[78] *Бланки Л.О.* Социальная критика. С. 231.
[79] Там же. С. 197.
[80] Там же. С. 235.

Во-первых, называя подобные теории неадекватными, мы не стремимся ни принизить их значения для прогресса человеческого разума, ни подчеркнуть ограниченность того исторического периода, в течение которого они возникали и совершенствовались. Завершение их обзора анализом концепций утопистов весьма условно: представления, относимые нами к неадекватным, возникали и позднее; появляются они и сегодня. При этом было бы неверно полагать, что авторы данных концепций «не поднимались до осознания» тех или иных исторических законов; философы, чьи воззрения мы только что рассмотрели, изначально использовали в своих исследованиях методологические приемы, отличные от тех, которые сегодня представляются оптимальными. Но *de principiis non est disputandum*, и поэтому вряд ли можно утверждать, что такие концепции имеют меньше шансов на существование, нежели те, которые будут проанализированы ниже.

Во-вторых, и это не противоречит первому выводу, избранные создателями неадекватных исторических доктрин методологические принципы обусловили наличие в них внутренних противоречий, серьезно снижающих их теоретическую ценность. Именно поэтому, прояснив многие исторические закономерности, обобщив множество фактов, никто из работавших в русле этих доктрин не смог свести их в систему, пригодную для успешного социального прогнозирования. Особенно очевидно это при знакомстве с сочинениями утопистов.

В-третьих, что нельзя не отметить особо, авторы рассмотренных концепций не смогли естественным образом включить в свои теории понятие социального прогресса. Поступательное развитие общества либо вообще отрицалось ими, либо присутствовало в качестве сугубо случайного фактора, либо связывалось непосредственно с волей самого человека. Редкое исключение представляли собой лишь идеи христианских философов, однако в этом случае социальный прогресс в большой мере подменялся совершенствованием человеческой личности, что имеет огромное значение, но не обусловливает совершенствование социума как целого.

До тех пор, пока понятие «социальный прогресс» не займет центрального места в философии истории, пока этот процесс не будет рассмотрен во взаимодействии с другими, внутренними по отношению к общественному целому, возникающие теории не могут претендовать на статус адекватных. Поэтому дальнейший анализ эволюции исторических концепций неизбежно становится своего рода очерком становления и развития идеи социального прогресса.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НА ПУТИ К АДЕКВАТНОСТИ

Рассматривая эволюцию социальных теорий, лишь с большой долей условности можно выделить в ней процесс становления адекватных представлений об истории. Повторим, что к адекватным мы относим концепции, не предполагающие некоей внешней причины начала и хода истории; не ограничивающие пределов совершенствования социума; предусматривающие, наконец, периодизацию исторического процесса на основе анализа механизмов самодвижения человеческой общности. Именно под таким углом зрения мы рассматриваем создание адекватных теорий истории в самые разные периоды времени и в рамках самых разных идеологических направлений.

Первые шаги

Первые элементы адекватных исторических построений обнаруживаются там, где, казалось бы, полностью господствует неадекватное восприятие мира. В таких случаях теоретические положения, знаменующие стремление к выработке адекватных взглядов, практически незаметны на общем интеллектуальном фоне, и лишь весьма условно их можно назвать зачатками новой концепции.

Так, еще Демокрит, представитель античного материализма, сумел противопоставить представлениям о божественном сотворении человека идею его эволюционного выделения из мира животных и последовавшего за этим формирования основ социального общежития. По мнению философа, еще на стадии дикости люди постепенно начали «искать убежища в пещерах» и им

«стало известно употребление огня»[81]; несколько позднее «в общении друг с другом [они] стали устанавливать словесные символы относительно каждой из вещей и создали самим себе привычную речь обо всем сущем»[82], что оказалось важной вехой на пути формирования первичных человеческих сообществ. Согласно Демокриту, не божественные установления, а материальные нужды заставили людей развивать свои навыки и способности, по мере совершенствования которых «были изобретены искусства и все остальное, могущее быть полезным для общественной жизни»[83].

Сегодня идеи Демокрита кажутся наивными, но они являют собой одно из немногих свидетельств того, что элементы эволюционной доктрины социального прогресса владели умами некоторых мыслителей уже в античные времена. То же самое относится и к упоминавшейся концепции Лактанция, который в первые века христианства предпринял попытку рассмотреть догосударственное (представляемое как предшествующее Адамову грехопадению и потому в большей мере гносеологическое, чем историческое), государственное и постгосударственное состояния человечества, причем последнее ассоциировалось с обществом, все члены которого будут исповедовать принципы христианской морали, что одно лишь позволит избежать эксплуатации человека человеком. Эти мыслители не подходили к общественному целому как к статическому объекту, связывая его изменения с развитием самого человека и его социальной сущности; однако применявшийся ими методологический аппарат был слишком ограничен и не мог обеспечить подлинного прорыва в теоретическом осмыслении исторического пути человечества.

Первый реальный шаг к формированию адекватного видения истории был сделан в XIII веке св. Фомой Аквинским, величайшим средневековым теологом. Одним из первых св. Фома осознал, что человеческое общество в одно и то же время и является и не является частью окружающей его природы. Человек, по его мнению, может быть назван результатом всех предшествующих фаз прогрессивного развития материального мира[84] и в этом качестве «является наиболее совершенным во всей природе»[85]. Исследуя мировую динамику, теолог выделил четыре типа закономерностей: lex divina, lex aeterna, lex naturalis и lex humana; данный ряд поразительно напоминает перечень наук, предложенный впоследствии О.Контом[86]. И подобно тому, как в XIX столетии О.Конт, св. Фома в

---

[81] Здесь и далее: Демокрит в изложении Диодора. См.: *Диодор* I 8 (7).
[82] См.: *Диодор* I 8 (3).
[83] См.: Там же. (7).
[84] См.: *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Prima parte. Qu. 75. Art. 4.
[85] Там же.
[86] См.: *Comte A.* Cours de philosophie positive. P., 1830. T. 1. P. 79.

XIII веке указывал, что с переходом от одного вида законов к другому снижается та степень, в какой их можно считать абсолютными, и возрастает вариантность развития. Весьма удачной кажется нам формулировка отличий общественных закономерностей от натурфилософских, согласно которой «каждый человеческий закон в такой степени является законом, в какой он отдален от закона природы. Но если он совершенно несопоставим с законом природы, то это уже не закон, а извращение закона»[87].

Св. Фома во многом следовал Аристотелю и св. Августину, полагая естественными социальные черты в жизни людей, однако его формулировки оказываются куда менее категоричными, чем высказывания предшественников. Говоря о стремлении человека к общественному существованию, св. Фома отмечает, что «это гораздо более свойственно ему, чем другим животным»[88], не ставя, таким образом, непреодолимой преграды между человеком и окружающим его миром. Исходя из представлений о человеке как высшей форме проявления природы, св. Фома обосновывает тезисы о значительной самостоятельности общественного целого по отношению к природе, о возможности вмешательства человека в ее развитие и о естественном характере использования им потенциала внешнего мира для удовлетворения своих повседневных нужд. При этом, в отличие от Аристотеля, Аквинат не переносит на социум представления о соподчинении развитого и неразвитого начал, «сильного» и «слабого». Напротив, основываясь на своем понимании lex humana, он утверждает, что подчинение слабого сильному, несомненно влияющее на становление общества, не может стать базой для создания общественного строя и в перспективе неизбежно искореняется[89], в том числе и благодаря усилиям святой Церкви[90].

Все эти моменты могут быть рассмотрены как прелюдия к созданной св. Фомой концепции общественного прогресса. Картина истории в его теории не является самоценной; отражая основы христианского миропонимания, она построена в первую очередь для придания должной степени совершенства теологической доктрине, которая доминирует над прочими науками как целое над частями и в силу этого «может взять нечто у философских дисциплин... ради большей доходчивости преподаваемых ею положений»[91].

---

[87] *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Prima secundae. Qu. 95. Art. 2.
[88] *St. Thomas Aquinas.* De regimine principum. I, 1.
[89] См.: *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Secunda secundae. Qu. 61. Art. 4.
[90] См.: *St. Albertus Magnus.* Politica. I, 1.
[91] *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Prima parte. Qu. 1. Art. 5.

Концепция социального развития построена Аквинатом в двух плоскостях. Основное значение он придает созданию иерархии исторических состояний в зависимости от того, к какой цели стремятся члены того или иного сообщества. Цели социума разделены им на непосредственные, промежуточные (или опосредованные) и предельные, что перекликается с воззрениями ранних христианских авторов, но в то же время отражает заметный шаг вперед в совершенствовании теологической доктрины. Заведомо подчиненное место занимает выделение в историческом развитии трех эпох на основе анализа типа общественных связей. Данный элемент теории может показаться близким представлениям Аристотеля, но это сходство скорее формально, поскольку концепция св. Фомы гораздо более комплексна и совершенна. Главным достижением Аквината является удачное сочетание этих методологических подходов, позволившее ему выделить периоды общественной эволюции, соответствующие как реальному ходу социального прогресса, так и внутренней логике священного учения.

Первым этапом Аквинат называет общину, причем поддерживает мысль Аристотеля о том, что в данном состоянии люди оказываются уподоблены частям тела, подчиненным целому, а основной характеристикой такой общности является серьезная зависимость всех ее членов от правителя. *Вторым* этапом св. Фома считает общество, именуемое им civilis conversatio; в нем существуют законы, гарантирующие основы юридической независимости граждан, а верховная власть перестает столь сильно, как ранее, подавлять своих подданных. Основой этого типа социальности становится равноправное сотрудничество юридически независимых друг от друга граждан. И наконец, в качестве *третьего* этапа теолог выделяет ассоциацию, или общество братства, в котором люди перестают угнетать и унижать друг друга, где вместе с существенным изменением господствующих социальных и экономических связей происходит кристаллизация высших целей человеческих индивидов, связанных с их стремлением к нравственному совершенствованию.

Именно к третьему этапу св. Фома относит свои наиболее проникновенные слова о справедливом государственном устройстве. Достаточно тривиальное утверждение, согласно которому «если группа свободных людей руководима своими правителями во имя общего блага всей группы, то такое правительство оправданно и справедливо, как отвечающее потребностям людей; если же правительство создается не для общего блага всех, а во имя частного интереса правителя, оно будет несправедливым и извращенным правительством»[92], дополняется тезисами о том, что в

[92] *St. Thomas Aquinas.* De regimine principum. I, 1.

условиях сформировавшейся ассоциации «в ходе исполнения правителем своих функций должны удовлетворяться потребности, соответствующие нормальной жизни»[93], причем «не того или иного индивида, а [нормальной жизни] всех как совокупности»[94].

Современные комментаторы св. Фомы усматривают в его взглядах на перспективы прогресса подчас даже больше оригинальных моментов, чем в них содержится реально. Вряд ли известный тезис, согласно которому в будущем станет возможной мировая конфедерация государств, где центральная власть поддерживала бы отношения мира и спокойствия, обеспечивая экономический, социальный и культурный прогресс человечества посредством коллективных институтов, представляет собой нечто большее, нежели одно из свидетельств приверженности теолога определяющей роли святой Церкви. Мнение о том, что в будущем основной функцией общества станет «предоставление членам своим благ, необходимых для жизни»[95], также не стоит считать элементом коммунистического мировосприятия.

Между тем необходимо отметить, что в творчестве Аквината заложены основы адекватного понимания общественного прогресса как явления, периодизация которого может быть осуществлена только исходя из принципов саморазвития социума и для анализа которого не требуется использовать разного рода внешние обстоятельства. Несомненно, теологический характер концепции отодвигается на второй план, когда св. Фома говорит о прогрессе общества, которое он считал не единством существования, а единством действия, что подчеркивает реалистичность теории, призванной утвердить величие Господа через объяснение совершенства его плана мироздания, а не через декларирование неизменности раз и навсегда утвержденных Им основ естественного права.

Концепция св. Фомы представляется нам фактически единственным в рамках средневековья примером революционного интеллектуального прорыва к осознанию истинного характера эволюции человеческого сообщества. Этот успех не был развит ни сторонниками возрождения основ христианского мироощущения в период Реформации, ни примитивными материалистами XVI—XVII столетий. Лишь в начале XVIII века лучшие представители европейской мысли смогли вернуться к комплексному подходу, сочетавшему в себе рассмотрение политической истории человечества с хозяйственной эволюцией, духовного прогресса с разви-

---

[93] *St. Thomas Aquinas.* De regimine principum.I, 15.

[94] Ibid. I, 1.

[95] *Dougherty G.V.* The Moral Basis of Social Order According to St.Thomas. Wash., 1941. P. 26.

тием культуры; смогли создать теории, в которых очевидное доминирование исторического целеполагания не воспринималось недостатком на фоне беспристрастного исследования реальных общественных состояний.

Либерализм Нового времени

Только спустя пять столетий гениальные догадки св. Фомы обрели черты подлинного теоретического знания. Разделяя основные методологические тезисы христианской доктрины и отчасти интерпретируя ее в духе либеральной версии теории общественного договора, Р.Камберленд, Ф.Бэкон и Дж.Локк заложили первые основы современных социологических концепций.

В трудах философов конца XVII и начала XVIII веков учение св. Фомы о законах природы и общества впервые получило дальнейшее развитие. В отличие от сторонников Б.Спинозы и Р.Декарта, переносивших законы природы на социум, Ф.Бэкон и его последователи сумели найти удачное сочетание historia naturalis и historia civilis. Глубокое взаимопроникновение этих видов истории они усмотрели в материальном развитии общества, понимаемом отчасти как прогресс естественных наук, отчасти как движение технической мысли. Рассматривая «науку о человеке и гражданском обществе как часть науки о природе»[96], Ф.Бэкон обнаруживал как в природе, так и в социуме постепенные эволюционные изменения, которые и достойны быть предметом исторического исследования. Примечательно, что спустя шесть столетий философы отталкивались от определенного св. Фомой соотношения законов природы и общества; именно это видим мы в словах Ш.Монтескье: «Мир разумных существ не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как, хотя у него и есть законы по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам»[97].

Между тем центральной проблемой позитивной философии истории XVI—XVIII веков стала проблема социальности, ее возникновения и перспектив. Историко-философские концепции, попрежнему тяготевшие к использованию формальных основ теории общественного договора, все менее останавливались перед ее существенной трансформацией, подрывавшей подобные представления в их фундаментальных аспектах. В отличие от Т.Гоббса,

---

[96] *Бэкон Ф.* Сочинения. Т. 1. М., 1974. С. 251.

[97] *Montesquieu Ch.* L'esprit des Lois. I, 1.

Дж.Локк и его ученики, исходившие из того, что «все люди созданы одним всемогущим и бесконечно мудрым Творцом ... ниспосланы в мир по Его приказу... и существование их должно продолжаться до тех пор, пока Ему, а не им это угодно»[98], трактовали естественное состояние как «состояние мира, доброй воли, взаимной помощи и безопасности»[99], «наименее подверженное переменам и наисчастливейшее для человека»[100].

Представления о самом общественном договоре эволюционировали в этот период от признания его реальным политическим феноменом, как мы видим это у Дж.Локка, считавшего, что «все люди... остаются в [естественном состоянии] до тех пор, пока по своему собственному согласию они не становятся членами какого-либо политического общества»[101], до рассмотрения подобного соглашения в качестве скорее логической, чем исторической категории. Так, Ж.-Ж.Руссо, полагавший, что «первое чувствование в человеке было чувствование о своем существовании, а первое его попечение — о соблюдении себя»[102], отмечал в качестве фундаментального признака становления общественного устройства формирование личного интереса человека, не совпадающего с интересами других людей и противоположного таковым. «Первый, кто напал на мысль огородить участок земли и сказать "это мое!", — писал он, — кто нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества»[103]. Таким образом, социальный строй уже не казался искусственным, а был органически вписан в общую картину истории. Ж.-Ж.Руссо, проведя различие между droit naturel proprement dit, основанном на инстинкте, и droit naturel raisonné, основанном на разуме, одним из первых заявил о возможности распространения принципов естественного права на исследования общественного состояния.

Французские просветители XVIII века весьма однозначно связали становление такового не с отношениями власти и подчинения (хотя это обстоятельство продолжало считаться важным[104]), а с формированием частной собственности, трактовка возникновения которой оказалась тесно переплетенной с началами исследований экономических отношений. «Пока люди выполняли

---

[98] *Locke J.* Second Treatise on Legislation. Ch. II. Art. 6.

[99] Ibid. Ch. III. Art. 19.

[100] *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о начале и основаниях неравенства между людьми. М., 1770. С. 71.

[101] *Locke J.* Second Treatise on Legislation. Ch. II. Art. 15.

[102] *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение... М., 1770. С. 59-60.

[103] Там же. С. 68.

[104] См.: *Montesquieu Ch.* L'esprit des Lois. I, 2.

лишь те работы, которые были под силу одному, — писал Ж.-Ж.Руссо,— они продолжали наслаждаться во всей их прелести благами независимых отношений. Но с той минуты, когда человек начал нуждаться в помощи другого... с этой минуты равенство исчезло, возникла собственность»[105]. Понятие собственности при этом не расценивалось как дарованное человеку свыше: «Нужно было далеко уйти по пути прогресса, приобрести множество технических навыков и знаний, передавать и умножать их из века в век, чтобы приблизиться к этому последнему пределу естественного состояния»[106].

Через анализ собственности и возникающей на ее основе эксплуатации философы XVIII века подходят к центральной для их систем идее равенства и свободы. Последняя была положена Ж.-Ж.Руссо в основание его теории будущего общества, рассматриваемого как возвращение на новом уровне к состоянию, характеризующемуся отсутствием собственности и неравенства[107], к строю, базирующемуся на синтезе отдельных черт естественного состояния и некоторых положительных сторон социального бытия. Нельзя не отметить, что подобная постановка вопроса, предполагавшая соединение элементов двух, казалось бы, полностью отрицающих друг друга форм человеческого существования, была невозможна в рамках социальных доктрин примитивных материалистов и для своего времени отличалась исключительной новизной.

Концепция Ж.-Ж.Руссо встретила понимание и поддержку среди большого числа философов. Переход от примитивного, не знавшего собственности и основ организованного производства, состояния к подлинно гражданскому обществу, возникновение разделения труда, формирование собственности и неравенства были более подробно, нежели Ж.-Ж.Руссо, рассмотрены И.Г.Гердером в его «Идеях к философии истории человечества»[108]; у Э.Э.К.Шефтсбери мы также находим описание будущего общества как «снимающего» все положительные черты прошлых состояний человечества, как социума, в котором «природа [человека] проявляется

---

[105] *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о начале и основаниях неравенства между людьми. СПб., 1907. С. 78.

[106] Там же. С. 68.

[107] Этого иного качества нового общественного состояния в теории Ж.-Ж.Руссо не понял Вольтер, назвавший его «Общественный договор» «книгой против человеческого рода» и считавший, что «никогда не было употреблено более ума на то, чтобы вселить в нас желание стать животными» (*Voltaire*. Oeuvres complètes. P., 1877-1882. T. 1-52. T. 18. P. 475).

[108] См.: *Herder I.G.* Ideen zur der Philosophie der Geschichte der Menschheit. IV, I—III; VIII, IV; IX, I—IV и др.

наиболее совершенно и вполне зрело»[109], и подобные примеры можно продолжить.

В представлениях философов XVIII столетия о высших ступенях развития цивилизации мы видим признание объективности всех дотоле происходивших в истории общества изменений, причем даже тех, которые в наибольшей мере противоречат заявленным Просветителями чертам человеческой природы. В результате теория истории становится концепцией прогресса форм соотношения индивидуальных и общественных интересов, из чего следует и определение в качестве цели будущей ассоциации свободного развития каждой личности, обеспечиваемого эволюцией материального производства.

Таким образом, к середине XVIII века возобладала концепция, методологически напоминавшая томистское учение о прогрессивном характере движения социума. Ее принципиальным отличием от католических доктрин стало формировавшееся с XVI—XVII столетий понимание значения технических и хозяйственных факторов, воздействующих на общественное развитие. В этой ситуации последним шагом, подготавливающим формирование адекватных теорий истории, должен был стать синтез экономического подхода к общественному прогрессу с идеей его триадичности.

Первые попытки экономического подхода к истории

В конце XVIII столетия быстрое развитие капиталистического типа хозяйства обострило внимание философов и историков к происходящим в обществе экономическим процессам. Вся история цивилизации стала рассматриваться не только с точки зрения духовного совершенствования человека, но и с учетом экономической возможности и целесообразности тех или иных социальных явлений. В то же время расширившие границы мира географические открытия усилили интерес к процессам становления и развития общества, познакомив представителей европейской цивилизации с сообществами, о существовании которых они могли лишь догадываться.

Наиболее серьезные исследователи, отмечавшие влияние экономических факторов на общественный прогресс, — А.-Р.Ж.Тюрго и Э.-Б. де Кондильяк, А.Фергюсон и А.Смит — активно критиковали крайние проявления теории общественного договора, поддержи-

---

[109] *Шефтсбери Э.Э.К.* Моралисты // *Шефтсбери Э.Э.К.* Эстетические опыты. М., 1975. С. 159.

вая концепцию естественноисторического характера формирования социальных связей. События прошлого исследовались ими в тесной связи с хозяйственными процессами того или иного периода, что вело к глубокому постижению принципов функционирования современного им общества.

В этом смысле воззрения упомянутых мыслителей XVIII столетия, безусловно, подготавливали появление адекватных исторических доктрин. Обобщение же их концептуальных положений стало делом другого их великого современника.

Развернувшиеся в конце XVIII столетия исследования постепенно преодолевали трактовки ранних этапов развития человечества как состояния всеобщей вражды. Соединение тезиса об общественной сущности человека с реальными фактами относительной обособленности первобытных общин было достигнуто посредством апелляции к характеру человеческой деятельности тех времен, когда главными источниками существования оставались охота и собирательство, а примитивный быт неизбежно предполагал «семейства или маленькие племена, весьма удаленные друг от друга, ибо каждому для добывания средств существования нужно было обширное пространство»[110]. В этих условиях «лишь небольшое количество людей могло жить вместе, так как их значительное число в течение непродолжительного времени могло уничтожить всю дичь в определенной местности, и последствием этого было бы исчерпание основных средств существования»[111]. А.-Р.Ж.Тюрго и А.Смит подчеркивали при этом, что в подобном состоянии, где «всеобщее равенство людей утверждает всеобщая бедность»[112], нет места социальному неравенству, а А.Фергюсон отмечал, что там, где накопление богатства невозможно или нецелесообразно из-за форм, которые оно принимает, не может существовать и собственности. «В племени, промышляющем охотой и рыболовством, — писал он, — оружие, мелкая утварь и шкуры зверей, которые использовал каждый охотник, были для него единственным объектом собственности», потребляемая же пища «не могла быть присвоена до своей поимки»[113]. Таким образом, присвоение большего числа орудий труда, чем то, которое способно было эффективно использоваться, оказывалось не нужным, а присвоение потребительских благ оставалось невозможным.

Затем последовал вывод, что собственность возникает там и тогда, где и когда появляются возможности сохранения и накопления

---

[110] *Тюрго А.-Р.Ж.* Рассуждение о всеобщей истории // Избранные философские произведения. М., 1937. С. 80.

[111] *Smith Ad.* Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. Oxford, 1896. P. 20.

[112] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 514.

[113] *Ferguson Ad.* Essay on the History of the Civil Society. Basil, 1789. P. 125.

общественно значимых благ. Рассматривая переход к системе частной собственности в классическом смысле этого понятия, А.Фергюсон связывал данный процесс с развитием земледелия и индивидуализацией потребления пригодных к сохранению продуктов[114]. А.Смит подчеркивал ослабление внутрисемейных связей по мере перехода от присваивающего хозяйства к производящему[115]. А.-Р.Ж.Тюрго, анализируя формирование отношений собственности еще на стадии пастушеского хозяйства, указывал, что именно в этот период возникают обусловленные насилием зачатки рабства. «Народ, — писал он, — не мог иногда избежать сражения с отрядом решительных людей... которые, победив, сами становились хозяевами стад. ...Страх голодной смерти удерживал побежденных от бегства... и [они] становились рабами победителей»[116]. Был отмечен и тот факт, что уже на первых этапах становления социального антагонизма возникает общество, «допускающее большое неравенство состояний, и нет периода, в котором бы богатство давало большую власть тому, кто владеет им»[117]. Становилось очевидным, что излишки благ не только привели к образованию классов, но и вызвали к жизни положение, заставлявшее часть людей смириться со своим жалким существованием.

Именно возникновение собственности и имущественного неравенства философы и историки конца XVIII века считали источником появления власти и управления. При этом отмечалось, что процесс становления отношений собственности протекал вполне «естественно, даже независимо от соображений о необходимости этого... которые [соображения] являются впоследствии и тогда содействуют и поддерживают укрепление власти и подчинения»[118], что правителями становились наиболее уважаемые (или сильные, или опытные) члены племени, а уже затем почтение к ним переносилось на их сыновей и семьи, что делало власть наследственной[119]. Но ни от кого из рассматриваемых авторов не ускользнуло, что государство «учреждено для защиты собственности... для защиты тех, кто имеет какую-либо собственность, от тех, которые совсем ее не имеют»[120], для «обеспечения безопасности собственности и защиты богатых от бедных»[121].

Однако наряду с объективностью возникновения имущественного неравенства и классовой структуры А.-Р.Ж.Тюрго и А.Смит

---

[114] См.: *Ferguson Ad.* Essay on the History of the Civil Society. P. 125-126.
[115] См.: *Смит А.* Теория нравственных чувств. СПб., 1895. С. 280.
[116] *Тюрго А.-Р.Ж.* Рассуждение о всеобщей истории. С. 82.
[117] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 514.
[118] Там же.
[119] *Ferguson Ad.* Essay on the History of the Civil Society. P. 152-153.
[120] *Смит А.* Исследование о природе... С. 515.
[121] *Smith Ad.* Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. P. 15.

подчеркивают, что приведшее к этим, безусловно негативным с точки зрения нравственности, явлениям разделение труда сыграло огромную позитивную роль в истории человечества, обеспечив экономический прогресс, позволивший обществу достичь его нынешнего состояния. Выделение умственного труда, когда «гений, избавленный от тяжести, налагаемой потребностями первой необходимости, выходит из узкой сферы, в которой они его удерживали, и направляет все свои силы к разработке наук... [порождает] мощный подъем человеческого разума, увлекающего за собой все части общества и черпающего в их совершенствовании новые силы»[122], хотя при этом люди, занятые производственной деятельностью, превращаются в подобие машин, а «способности мастера... развиваются наряду с тем отупением, от которого страдает чернорабочий»[123].

Исследование роста неравенства, анализ причин разделения труда, изучение природы собственности и государства стали выдающейся заслугой представленных в этом разделе мыслителей. Все их достижения были инкорпорированы в теорию общественного прогресса, сформулированную выдающимся английским логиком, историком и экономистом Д.Юмом.

Он полагал, что общественная организация является не столько *естественной для человека как такового*, сколько *естественно возникающей из потребности человеческого общежития*. «Только с помощью общества,— писал он, — человек может возместить свои недостатки и... приобрести преимущества над другими живыми существами... благодаря объединению сил увеличивается наша трудоспособность, благодаря разделению труда у нас развивается умение работать, а благодаря взаимопомощи мы меньше зависим от превратностей судьбы и случайностей»[124]. Формирование социальных институтов Д.Юм рассматривал в контексте углубления и совершенствования связей, возникающих между людьми в процессе их деятельности, считая при этом, что их становление предполагает постоянный процесс достижения между людьми специфических соглашений: от придания определенного значения различным словам до признания стабильности отношений владения благами[125].

Д.Юм обобщил взгляды многих исследователей, отмечавших серьезное воздействие экономических процессов на общественную жизнь; он объяснил возникновение неравенства в среде земледельческих племен и проанализировал значение разделения труда

---

[122] *Тюрго А.-Р.Ж.* Последовательные успехи человеческого разума. Речь в Сорбонне 11.XII. 1750 // Родоначальники позитивизма. Вып. 1. СПб., 1910. С. 33.

[123] *Ferguson Ad.* Essay on the History of the Civil Society. P. 277.

[124] *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Сочинения. Т. 1. М., 1965. С. 636.

[125] См: *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. С. 641.

и торговли не только для прогресса производства, но и для развития общества в целом, стабильность которого связывалась им с формированием сильного класса независимых промышленников и торговцев[126].

Однако наибольшее значение имеет его анализ ступеней развития человеческой цивилизации. Начиная, как и все теоретики того времени, свой анализ с догосударственной эпохи, Д.Юм называет ее главной чертой отсутствие не государства или гражданского общества, а отношений собственности. Нельзя не отметить, что философ одним из первых отказался от рассмотрения истории классовых социумов, основанных на собственности, как строго прогрессивного или однозначно регрессивного явления. Анализируя экономику античных обществ, он указал, что таковая базировалась на мелком сельскохозяйственном производстве, осуществлявшемся свободными крестьянами, тогда как влияние рабства было относительно незначительным[127]. С таких позиций Д.Юм оценивал феодальное общественное устройство как безусловно прогрессивный этап развития техники и производства, но при этом отмечал, что оно предполагает гораздо большую зависимость сервов от сюзерена, чем античное, и угнетение масс при феодализме оказывается более жестоким и всеобщим.

Новый этап совершенствования социального устройства Д.Юм связывает с современным ему обществом, однако делает это весьма специфическим образом. Полагая, что расширение политических свобод ускоряет общественный прогресс, и указывая, что последний сопровождается успехами производства, наук и искусств, он тем не менее не считает капиталистическое общество идеальным и не связывает с ним исторической перспективы. По его мнению, этот общественный строй, по мере своего развития облегчающий тяготы неравенства и угнетения, не является все же прообразом «общества будущего». С его точки зрения, совершенствование людей и общественных институтов приведет к тому, что «люди неизбежно станут более человечными вследствие самой привычки взаимного общения»[128], что перекликается и с трактовкой А.Смита[129];

---

[126] См.: *Юм Д.* О совершенствовании в искусствах // *Хатчесон Фр., Юм Д., Смит Ад.* Эстетика. М., 1973. С. 391.

[127] См.: *Hume D.* Essays Moral, Political and Literary. Vol. 1. L., 1912. P. 419-422. Это положение следует отметить еще и потому, что не только современники Д.Юма, как, например, Э.Гиббон, говорили о равенстве числа рабов и свободных в Древнем Риме, но и более поздние авторы, например Ф.Энгельс, утверждали, что «[в Афинах периода наивысшего расцвета] на каждого взрослого гражданина мужского пола приходилось... по меньшей мере 18 рабов и свыше двух находившихся под покровительством» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21. С. 119).

[128] *Юм Д.* О совершенствовании в искусствах. С. 385.

[129] См.: *Smith Ad.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. L., 1894. P. 129, 419.

однако следует отметить, что Д.Юм связывает появление нового общества с весьма определенным типом человека, сознающего субординацию личного и общественного блага. «Если бы каждый человек, — писал он, — имел сообразительность, достаточную, чтобы всегда уяснить себе тот глубокий интерес, который обязывает его соблюдать справедливость, и силу духа, достаточную, чтобы упорно и неуклонно следовать общим и отдаленным интересам, противоборствуя соблазнам наличного удовольствия и наличной выгоды, то в этом случае не было бы ничего подобного правительству или политическому обществу, а каждый человек, следуя собственной свободе, жил бы в полном мире и согласии со всеми другими»[130].

Этот отрывок из Д.Юма, отдаленно напоминающий слова основателей марксизма о становлении «нового типа личности», базируется на глубоком понимании того, при каких условиях станет возможным подобное изменение человеческого рода. Философ однозначно связывает его с преодолением собственности, представляющейся ему основой всех общественных катаклизмов. В свою очередь, это возможно только тогда, когда исчезнет необходимость борьбы между людьми за удовлетворение своих насущных потребностей, а производство будет в состоянии обеспечить человечество всем необходимым. Как отмечает Д.Юм, «отсутствие понятия собственности возникает при наличии такого изобилия всяких вещей, благодаря которому оказываются удовлетворены все желания людей; в таком случае совершенно теряется понятие собственности и все остается общим»[131]. Именно общество, отличающееся отсутствием собственности и разъединенности людей, ознаменованное высокой нравственностью своих членов, является третьей большой ступенью общественной эволюции, какой ее видели выдающиеся гуманисты века Просвещения.

Становление позитивизма

К концу XVIII столетия большая часть предпосылок для становления адекватных исторических построений уже имелась в наличии. В сознании исследователей утвердились представления о прогрессивности общественного развития, о возможности выделения триады в ходе этого прогресса, о естественном характере общественной эволюции и о ее обусловленности экспансией

---

[130] *Юм Д.* Исследование о принципах морали // Сочинения. Т. 2. М., 1965. С. 247.
[131] *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. С. 637.

производительных сил. Большинство этих положений в середине следующего столетия восприняли К.Маркс и Ф.Энгельс, создавшие концепцию, противоречия которой не способны умалить ее значения как первой адекватной картины истории. Однако прежде чем перейти к ее анализу, мы обратимся еще к одному течению, также зародившемуся в этот период и приведшему к появлению иного, весьма близкого к адекватным, представления об общественном развитии — позитивизма.

Позитивная школа в исторической науке стала ведущей в первой половине и в середине XIX века, хотя творчество наиболее выдающихся ее представителей строго не ограничивалось этим периодом. На наш взгляд, позитивизм оказался естественным преемником теорий Просвещения, отвергающим философию, не основанную на опыте и фактах. Его истоки восходят к работам А.-Р.Ж.Тюрго и Ж.-А. де Кондорсе, а отдельные элементы хорошо заметны в работах английских социальных мыслителей второй половины XVIII века. Безусловный же расцвет позитивизма как завершенного научного направления приходится на первую половину XIX столетия и связывается с именами А. де Сен-Симона и О.Конта. Взгляды этих двух теоретиков во многом схожи, однако мы позволим себе рассмотреть их концепции по отдельности.

Представления А. де Сен-Симона о социальном устройстве не изложены в одной специальной фундаментальной работе, как мы видим это у О.Конта; поэтому для их исследования приходится обратиться к большому числу произведений. Философ создал систему, которая, несмотря на некоторую ее непоследовательность, оказывается тем не менее весьма реалистичной и отражающей приверженность автора идее социального прогресса.

Основным положением его философии является утверждение о развитии человеческого рода в направлении состояния, отличающегося оптимальной организацией социального общежития, которое при использовании прежних терминов могло быть названо царством Разума. Однако при этом А. де Сен-Симон тесно увязывает наступление подобного состояния с социальным и экономическим прогрессом, что делает его концепцию весьма цельной и завершенной.

Поступательность развития («будущее слагается из последних членов ряда, в котором первые члены составляют прошлое»[132]) не отрицает, по мнению философа, существования в социуме устойчивых отношений, не изменяющихся коренным образом с переходом от одной эпохи к другой и обеспечивающих тем самым преемственность развития. К ним он относит прежде всего соб-

---

[132] *Сен-Симон А. де.* Очерк науки о человеке // Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л., 1948. С. 199.

ственность, «от сохранения права [которой] зависит существование общества»[133], и религию, возможности отрицания которой он не видит даже в индустриальный период.

В своей теории А. де Сен-Симон добивается удачного сочетания идеи социального и нравственного прогресса. Повторяя тезисы исследователей XVIII столетия о роли разделения труда в общественном развитии, он заключает, что в той степени, в какой «разделение труда развивается как в духовной, так и в светской области в самом широком смысле», «люди меньше зависят друг от друга индивидуально, но тем больше каждый из них зависит от всей массы»[134]. Именно это обстоятельство, по мнению А. де Сен-Симона, имеет важное значение для понимания развития нравственности, ибо «наиболее общий момент в поступательном движении обществ, факт, implicite содержащий в себе все другие, это — прогресс нравственной концепции, в силу которой человек чувствует за собой социальное назначение»[135]. Таким образом, прогресс производства считается им однонаправленным с эволюцией господствующей в обществе нравственной идеи.

Сам общественный прогресс все же подразделяется на отдельные стадии в большей степени согласно нравственному, интеллектуальному и религиозному характеру периода. С одной стороны, в произведениях А. де Сен-Симона содержится деление истории на три эпохи: теологическую с господством в ней религиозного сознания; метафизическую, когда религиозные доктрины начинают замещаться зачатками научного подхода к природе и обществу, и позитивную, под которой понимается в основном общественный строй будущего. С другой стороны, имеет место и иная классификация, целиком основанная на религиозных и интеллектуальных критериях: эпохе примитивного хозяйства соответствует идолопоклонство, эпохе изящных искусств — политеизм, эпохе знаний политических и нравственных — деизм, эпохе математических и физических наук — физицизм.

Важно отметить в качестве существенного достижения А. де Сен-Симона то, что он обратился к проблеме характера общественного прогресса и обнаружил, что встречающиеся в нем периоды можно разделить на две группы, названные им критическими и органическими эпохами соответственно. По его мнению, «в органические эпохи цель общественной деятельности ясно определена, все усилия посвящены достижению этой цели... Критические

---

[133] *Сен-Симон А. де.* Взгляд на собственность и законодательство // Избранные сочинения. Т. 1. С. 360.

[134] *Сен-Симон А. де.* О промышленной системе // Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л., 1949. С. 16-17, прим.

[135] Изложение учения Сен-Симона. М.-Пг., 1923. С. 54.

эпохи представляют диаметрально противоположное зрелище... Цель общественной деятельности становится чем-то совершенно неизвестным, неуверенность в общих отношениях, переход в область отношений частных... законность власти оспаривается у людей, ее имеющих, правители и управляемые находятся в состоянии войны друг с другом»[136]. Внутри самих этих критических эпох автор отмечает периоды деструктивные, в течение которых происходит разрушение основ предшествующей организации, и конструктивные, знаменующие собой становление нового типа общественного устройства.

В своем исследовании А. де Сен-Симон отметил также ряд важных моментов европейской истории. Он сумел обосновать смягчение форм эксплуатации по мере развития типов хозяйствования, подчеркивая, что «участь людей, составляющих подавляющее большинство общества, была при теологическом и феодальном строе гораздо в меньшей степени несчастна, чем при системе общественного строя греков и римлян»[137]. Философ справедливо полагал, что различия в политическом строе вызваны различиями в экономической организации общества и что прогресс последней вызывает необходимость адекватных изменений в политической системе. Противостояние экономической мобильности и политической инертности показано им на примере Французской революции, представленной в виде борьбы промышленников (а промышленниками он считает и пролетариев, и предпринимателей, так как все они в равной степени работники [travailleurs] и сотрудники [collaborateurs]) с представителями праздных классов[138]. По мнению А. де Сен-Симона, в данном случае «притязания буржуазии меньше оскорбляют идею равенства, чем притязания дворянства»[139], так как только индустриальный класс может обеспечить прогресс, столь необходимый всем слоям общества.

А. де Сен-Симон создал в своих трудах соответствующую методологии его исследования картину будущего общества — общества зрелого индустриального порядка. Развитие промышленности он рассматривает как средство обеспечения социального процветания, в отличие от утопистов, считавших его неизбежным злом. По его мнению, прогресс производства может не только устранить причины классовых столкновений, но и способствовать прекра-

---

[136] Изложение учения Сен-Симона. С.78, 79, 80.

[137] *Сен-Симон А. де.* Рассуждения литературные, философские и промышленные // Избранные сочинения. Т. 2. С. 282.

[138] См.: *Сен-Симон А. де.* О промышленной системе. С. 11.

[139] *Сен-Симон А. де.* Катехизис промышленников // Избранные сочинения. Т. 2. С. 128.

щению иных конфликтов и войн. Весьма характерным моментом теории А. де Сен-Симона является описание методов перехода к развитому индустриальному состоянию. Рассматривая Французскую революцию как пример борьбы промышленников и дворянства, автор, однако, считает более предпочтительным иной путь — путь пропаганды достижений промышленной системы. «Единственное средство, которым будут пользоваться друзья человечества, — пишет он, — это проповедь, как устная, так и письменная... Друзья человечества будут продолжать свою проповедь столько времени, сколько окажется необходимым, чтобы побудить государей [осуществить необходимые для торжества промышленной системы преобразования]»[140].

Концепция будущего общества разработана им исключительно с точки зрения прогресса промышленности. Согласно его мнению, «единственной целью, к которой должны быть направлены все наши мысли и все наши усилия, является организация промышленности, понимаемой в самом широком смысле, охватывающей все виды полезных работ»[141]. Промышленность кажется философу демократичной; для своего развития она требует увеличения потребления, повышения общественного благосостояния, и в соответствии с этим прокламируется, что «в новом политическом строе единственной и постоянной целью общественной организации должно быть возможно лучшее применение для удовлетворения потребностей человека знаний, добытых науками, искусствами и ремеслами, расширение этих знаний, их совершенствование и возможно большее накопление, словом, возможно более полное сочетание всех отдельных работ в области наук, искусств и ремесел»[142]. Когда во главе общества встанут промышленники, «благосостояние государства будет развиваться с той быстротой, какая только возможна, и общество будет обладать всем тем индивидуальным и общественным счастьем, на какое только может притязать человеческая природа»[143].

Следует отметить, что А. де Сен-Симон предполагает наличие в будущем обществе некоего социального соглашения, на котором, собственно, и базируется этот строй. Данный элемент его теории фактически никогда не рассматривается комментаторами. По его мнению, низшие классы индустриального общества должны признать свое подчиненное по отношению к лидерам промышленности положение: «Вы богаты, мы бедны; вы работаете

---

[140] *Сен-Симон А. де.* О промышленной системе. С. 92, 93.

[141] *Сен-Симон А. де.* Письма к американцу // Избранные сочинения. Т. 1. С. 314.

[142] *Сен-Симон А. де.* О теории общественной организации // Избранные сочинения. Т. 1. С. 441.

[143] *Сен-Симон А. де.* Катехизис промышленников. С. 153.

головой, а мы руками; из этого основного различия следует, что мы должны вам подчиняться». Однако он признает и справедливость обратного: «Так как меньшинство не нуждается более в насилии, чтобы держать класс пролетариев в повиновении, то оно должно провести следующие мероприятия: во-первых, меры, благодаря которым пролетарии будут сильнее заинтересованы в общественном спокойствии... в-третьих, меры, имеющие целью предоставить трудящимся высшую степень политического влияния»[144]. Не перекликается ли эта система рекомендаций с тем, что было реально осуществлено в западном мире через сто пятьдесят лет после смерти философа?

Исследовав исторический процесс преимущественно с позиций развития индустриальной системы, основатель позитивизма заложил фундамент для более совершенного с методологической и теоретической точек зрения построения, созданного его учеником О.Контом. Его концепция получила исключительно широкое распространение и была воспринята как своего рода знамение времени. Последнее связано с тем, что «основания философии О.Конта не составляют его исключительной особенности: это общее достояние века», — как сказал о своем современнике Дж.Ст. Милль[145].

Предложив классифицировать науки по степени их сложности, О.Конт отнес социологию к высшей ее категории (впоследствии, правда, он считал принадлежащей к еще более высокому уровню психологию). Достоинством позитивной социологии он полагал прежде всего то, что она «всегда рассматривает настоящее состояние как неизбежный результат всей предшествующей эволюции, отводя постоянно, при исследовании современных человеческих событий, преобладающее место рациональной оценке прошлого, что тотчас устраняет чисто критические тенденции, не совместимые со всякой здоровой исторической концепцией»[146]. Смысл же создания подобной теории, по его мнению, заключается в том, что «учение, которое удовлетворительно объяснит совокупность всего прошедшего... получит, благодаря этому доказательству, руководящую роль в направлении мысли будущего»[147].

Соответственно отмечается, что такая задача требует и специфического метода исследования. О.Конт указывает, что историческая наука уже обрела достаточно фактологического материала и теперь настало время изменить сам ход исследования прогресса

---

[144] *Сен-Симон А. де.* Рассуждения литературные, философские и промышленные. С. 326.

[145] *Милль Дж.Ст.* О.Конт и позитивизм. СПб., 1906. С. 9.

[146] *Конт О.* Дух позитивной философии. СПб., 1910. С. 44.

[147] Там же. С. 47.

человечества. «В поисках социальных законов, — пишет он, — разум неизбежно должен идти от общего к частному, то есть начать с того, чтобы понять целостное развитие человеческого рода в его единстве, различая в нем сначала лишь очень немного последовательных стадий, а затем постепенно, умножая промежуточные звенья, достичь все возрастающей точности»[148].

Социальная философия О.Конта начинается с определения общества, очень близкого к сформулированному св. Фомой Аквинским. Соглашаясь с тем, что «человечество есть непрерывная совокупность существ, стремящихся к одной цели»[149], он подчеркивает, что «общество есть только там, где совершается общая и комбинированная деятельность. При всякой другой гипотезе, — заявляет автор, — мы получаем только скопление известного количества индивидов на одной и той же почве. Этим-то и отличается человеческое общество от общества животных, живущих стадами»[150].

Созданная О.Контом теория общественного прогресса по реалистическому характеру и форме изложения перекликается с концепциями его предшественников — А.-Р.Ж.Тюрго, Ж.-А. де Кондорсе и А. де Сен-Симона. Философ постоянно подчеркивает объективный характер движения общественного организма от одной стадии к другой. «Порядок природы, — пишет он, — необходимо заключает в себе зачатки и предпосылки всех возможных видов прогресса. Позитивный взгляд на человеческие отношения заключается в рассмотрении всех их изменений не в качестве новых актов творения, а в качестве новых этапов эволюции. Этот принцип вполне проявляется в истории»[151]. Концепция О.Конта предполагает три стадии эволюции, исторически сменяющие одна другую и названные им теологической, метафизической и позитивной; таковым соответствуют военная, переходная и научно-промышленная организации общества. В рамках такого подхода классик позитивной философии иллюстрирует объективность исторического процесса на примере европейских государств, утверждая, в частности, неизбежность наступления феодализма («феодальный строй возник бы даже и тогда, если бы не было этих [варварских] вторжений... они повлияли лишь на время возникновения нового режима»[152]) и отмечая его прогрессивный характер (средневековый строй привел

---

[148] *Comte A.* Opuscules de philosophie sociale. 1819—1828. P., 1883. P. 200.

[149] Положительная философия Огюста Конта в изложении доктора Робинэ. СПб., 1898. С. 110.

[150] *Конт О.* Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. Вып. 2. СПб., 1910. С. 93.

[151] *Comte A.* A General View on Positivism. L., 1898. P. 77.

[152] Социология Конта в изложении Риголажа. СПб., 1898. С. 180.

к тому, что «труд человека начал все более заменяться силами природы, которыми так мало пользовались древние»[153]). Он подчеркивает то важное обстоятельство, что прогресс техники обусловлен не только развитием человеческого разума, но и прогрессом социальных отношений, в частности преодолением рабства, что устранило возможность использовать людей как бессловесные орудия труда; переход к индустриальной стадии стал возможен только тогда, когда было уничтожено рабство, получили большую степень свободы городские общины и развился денежный обмен[154].

Будучи сторонником исследования объективной социальной динамики, О.Конт подчеркивает огромную роль человеческого знания в обеспечении поступательного развития общества. Он предостерегает своих современников от недооценки интеллектуального уровня той или иной эпохи, отмечая, что прогресс общества всегда происходит на фоне прогресса знания. «Положительные свойства средневекового строя, — пишет О.Конт, — открывают несправедливость той легкомысленной философии, которая называет варварским и темным временем замечательную эпоху, когда в католико-феодальном мире блистали св. Фома Аквинский, Альберт Великий, Роджер Бэкон и Данте»[155].

Опираясь на воззрения своих предшественников, О.Конт придает большое значение интеллектуальной эволюции человечества, что вообще характерно для исследователей конца XVIII века. Так, он считает, что «идеи управляют миром и вызывают в нем потрясения; весь социальный механизм опирается в конечном счете на мнения людей»[156], и убежден, что «умственную эволюцию следует без колебаний поставить на первом плане, как основу всего развития человечества... во главе истории общества стоит история человеческого духа. Мы должны признавать, или, вернее, продолжаем признавать общую историю человеческого духа руководителем наших исторических исследований»[157].

Таким образом, контовская социология представляет собой, на наш взгляд, наиболее удачную попытку упорядочить концепции, так или иначе восходящие к идеям века Просвещения. В силу существования между теориями подобной идеологической связи представления О.Конта о будущем человечества не слишком отличаются от сформулированных А. де Сен-Симоном. Утверждая, что «богатство, будучи общественным в своем источнике, должно быть таковым и по своему назначению, сохраняя в то же время личную

---

[153] Социология Конта в изложении Риголажа. С. 192.
[154] Там же. С. 192.
[155] Там же. С.192-193.
[156] *Comte A.* Cours de philosophie positive. T. 1. P., 1830. P. 48; T. 4. P., 1839. P. 648-649.
[157] Социология Конта в изложении Риголажа. С. 94.

принадлежность, необходимую для того, чтобы оно могло сохранять свою независимость при несении службы обществу»[158], О.Конт считает, что «для народа не важно, в чьих руках находятся капиталы, лишь бы употребление их было полезно для него»[159].

Оценивая систему позитивной философии, нельзя не упомянуть вклад, принадлежащий Дж.Ст.Миллю. Этот разносторонний исследователь заметно усовершенствовал целый ряд идей, выдвинутых основателями позитивизма. Не рассматривая его концепции в целом, отметим лишь некоторые из его заслуг перед социологической наукой.

Дж.Ст.Милль предложил оригинальную формулу соотношения идей как фактора общественного развития и эволюции самого социального базиса, отрицающую мнение А. де Сен-Симона и отчасти О.Конта о доминировании идеальных факторов в общественном прогрессе. Он писал: «Идеи вообще, если им не способствуют какие-либо внешние обстоятельства, не производят быстрого и непосредственного влияния на человеческие отношения; однако самые благоприятные внешние обстоятельства могут проскользнуть без всякого влияния, если не существуют идеи, которые бы способствовали их непосредственному влиянию; но если благоприятные внешние обстоятельства встречаются с идеями, уже существующими в обществе, то в таком случае можно с уверенностью ожидать быстрых и хороших результатов»[160]. Именно такой подход приводит его к мысли о том, что строгого закона общественного прогресса не существует; косвенно это положение подчеркивает тезис О.Конта о наименьшей степени точности и однозначности (precision) в общественных науках по сравнению с данными, предоставляемыми иными научными дисциплинами. Дж.Ст.Милль отмечает, что «последовательность состояний человеческого духа и человеческого общества не может иметь своего особого, независимого закона: она должна зависеть от психологических и этологических законов, управляющих действием обстоятельств на людей и людей на обстоятельства»; «пока этот закон нельзя связать с теми психологическими и этологическими законами, от которых он должен зависеть, его нельзя превратить из эмпирического закона в закон научный», а о четком предсказании будущих путей прогресса вообще рано говорить[161].

---

[158] Положительная философия Огюста Конта в изложении доктора Робинэ. С. 85.

[159] Социология Конта в изложении Риголажа. С. 345.

[160] *Милль Дж.Ст.* Право труда // *Милль Дж.Ст.* Рассуждения и исследования политические, философские и экономические. Вып. 2. СПб., 1865. С. 103.

[161] *Милль Дж.Ст.* Система логики, силлогистической и индуктивной. М., 1899. С. 739.

Источником развития общества философ считает борьбу существующих в нем противоположностей, главными из которых он называет статичность и стремление к прогрессу. «Борьба этих принципов и составляет великий интерес истории человечества»[162], пишет Дж.Ст.Милль, продолжая: «Если бы постоянный антагонизм, который оживлял человеческий дух, уступил свое место полному преобладанию какого-нибудь одного, пусть даже самого благотворного, элемента, то оказалось бы, что мы слишком доверчиво положились на прогрессивность, о которой так часто говорят как о неотъемлемом свойстве нашей природы»[163], ибо дальнейший прогресс оказался бы невозможен вне борьбы противоположных начал.

Нельзя не обратить внимание на справедливое указание Дж.Ст.Милля относительно того, что борьба между прогрессом и неподвижностью не только обусловливает ход истории, но сама оказывается обусловленной им. Так, анализируя феодализм, он отмечает, что на определенном этапе этот строй сообщал развитию должный динамизм, но, перестав соответствовать потребностям времени, оказался обреченным на уничтожение как статичное образование: «При господстве и под влиянием феодальной системы в цивилизации произошел значительный прогресс, и причиной падения этой системы были не ее недостатки, а хорошие стороны, а именно прогресс, происшедший под ее влиянием, в силу чего человечество стало желать и сделалось способным осуществить лучшую социальную форму, чем та, которую давал феодализм»[164].

Как и его предшественники, Дж.Ст.Милль выступает сторонником совершенствования индустриального порядка, основные принципы которого считает адекватными человеческой природе. Недостатки, отрицать которые в современном ему обществе он не имеет ни желания, ни оснований, могут быть, по его мнению, преодолены посредством роста степени свободы всех членов общества[165]. Так, он пишет: «Если существуют люди, терпящие физические лишения или деградирующие морально, если их насущные потребности не удовлетворяются или удовлетворяются образом, достойным лишь животных, то это является показателем несовершенства их социального окружения»[166]. Между тем социальный прогресс в его доктрине достигается автоматически по

---

[162] *Милль Дж.Ст.* О свободе. Лейпциг, 1861. С. 155.

[163] *Mill J.St.* M.Guizot's «Essays and Lectures in History» // The Edinburg Review. No 166. Oct. 1845. P. 393.

[164] *Mill J.St.* M.Guizot's «Essays and Lectures in History». P. 414.

[165] См.: *Mill J.St.* Chapters on Socialism // The Fortnightly Review. New Series. Vol.XXV. 1879. February-April. P.225.

[166] *Милль Дж.Ст.* О свободе. С. 154-155.

мере успехов экономики, в силу чего индустриальный строй способен двинуться по пути эволюции, изживая присущие ему негативные явления. «Пороки и несправедливости современной системы значительны,— отмечает Дж.Ст.Милль, — но они не имеют склонности возрастать; напротив, основная тенденция направлена на их постепенное преодоление»[167]. Так же, как А. де Сен-Симон и О.Конт, он отрицает необходимость радикального изменения индустриальной системы, что полностью соответствует общему духу социологической доктрины позитивизма.

* * * * *

Мы рассмотрели вкратце то направление развития исторической мысли, сущность которого видится нам в движении по пути становления адекватных концепций исторического прогресса. Принадлежащие к нему теоретики, хотя и представляют самые разнообразные философские школы, наделены многими общими чертами, которые следует отметить особо.

Во-первых, от древнегреческих атомистов через идеи св. Августина и св. Фомы Аквинского к исследователям Нового времени и сторонникам позитивной философии ведет связующая нить признания всеми этими мыслителями самого факта прогрессивного характера развития общества. Соответствующая идея изложена в их трактатах с разной степенью обоснованности и рассмотрена с различных точек зрения, однако сам факт ее присутствия как важнейшего методологического принципа дает возможность для сравнений и сопоставлений их позиций, делает их концепции в той или иной мере применимыми к описанию реальной истории человечества.

Во-вторых, во всех рассмотренных нами теориях предприняты попытки (не всегда одинаково успешные) оценить общественный прогресс с точки зрения внутренних процессов, происходящих в социуме. Конечно, сами подходы весьма разнообразны (св. Фома Аквинский так или иначе придерживался тезиса об определяющей роли нравственного совершенствования отдельных личностей в модернизации общественного целого; философы века Просвещения тяготели к рассмотрению прогресса человеческого разума и обогащения знаний как основы совершенствования общества; авторы, концентрировавшие свое внимание на исследовании хозяйственной жизни, находили источник прогресса в развитии форм производства и так далее), однако развитие общества уже не

---

[167] *Mill J.St.* Chapters on Socialism. P. 382.

сводится ни к биологическим, ни к механистическим процессам, не признается определяемым внешними (и даже сверхъестественными) обстоятельствами.

В-третьих, теоретики, о которых идет речь в этом разделе, предприняли деление истории на периоды в соответствии с методологическими принципами своих учений. Если события библейской хроники, положенные св. Августином в основу периодизации земного пути человечества, имели мало общего с рассмотренной им в качестве источника прогресса борьбой «двух градов в роде человеческом», то эпохи, выделенные св. Фомой и Дж.Локком, А.Смитом и Д.Юмом, А. де Сен-Симоном и О.Контом, имели определяющим своим содержанием процессы, считавшиеся центральными для оценки направления социального движения. В этом отношении все рассмотренные здесь теории, несомненно, более строги, чем обсуждавшиеся в предыдущей главе.

Концепции, ставшие вехами на пути достижения адекватных исторических построений, совершенствовались на протяжении столетий, причем, в отличие от неадекватных теорий, в их развитии очевидна преемственность философских идей. Мыслители, чьи теории мы только что рассмотрели, сумели восполнить пробел в философии, отмечающийся «не до Фомы и не в начале средних веков, а после Фомы, в начале Нового времени», связать «длинную тонкую нить, протянутую из далекой древности, — нить странной тяги к размышлениям», восстановить «великую философскую преемственность, идущую от Пифагора и Платона, не прерываясь ни падением Рима, ни торжеством Аттилы, ни варварами, [но оборванную в то время] когда изобрели книгопечатание, открыли Америку, озарили мир славой Возрождения»[168]. Именно им удалось преодолеть примитивно-материалистические концепции XVI—XVII веков, обеспечив поступательное развитие европейской философской традиции.

Однако и эти представления были лишь прелюдией к появлению более совершенных теорий, четко основанных на трехчленном делении истории и использующих методологический и терминологический аппарат, адекватно отвечающий целям исследования общественного прогресса.

---

[168] *Честертон Г.К.* Вечный человек. М., 1991. С. 298.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АДЕКВАТНЫЕ ТЕОРИИ

Обнаружив в историческом движении общества внутренние источники, связав социальный прогресс с изменениями в хозяйственном строе, подчеркнув триадичный характер эволюции человеческой цивилизации, философская мысль достигла уровня, на котором могли быть построены адекватные концепции истории. Наше определение адекватного характера исторических доктрин позволяет отнести к их числу теории, пусть и не совпадающие друг с другом по ряду параметров, но схожие по своей внутренней структурированности и методологии. Не пытаясь исследовать все адекватные концепции истории, мы хотим акцентировать внимание на двух из них, оказавших весьма серьезное воздействие на интеллектуальное и социальное развитие соответствующих эпох: созданной в середине прошлого века теории марксизма и сформировавшейся вскоре после завершения Второй мировой войны доктрине постиндустриального общества. Их детальный анализ позволяет обнаружить элементы явного сходства в оценке динамики и направленности социального прогресса; следовательно, на их основе возможно формирование подходов к исследованию постэкономического состояния общества.

Марксистская концепция

Социальная доктрина марксизма стала первой адекватной исторической концепцией, вобравшей в себя многие достижения философской мысли своего времени и серьезно модернизировавшей теорию общественного прогресса.

Многие исследователи, следуя более поздней вульгарной интерпретации, зачастую считают источниками марксистской теории английскую политическую экономию, немецкую классическую философию и французский утопический социализм. Такая трактовка кажется нам ошибочной: представления К.Маркса и Ф.Энгельса не столько основывались на элементах отдельных современных им социальных и политических учений, сколько вобрали в себя базовые положения европейской гуманистической философии XVIII века в целом. Так, в основе их понимания общественного прогресса лежал общепризнанный методологический прием того времени — вычленение в истории периодов, характеризующихся отсутствием разделения труда и частной собственности, их существованием и позднейшей преодоленностью. Материалистические элементы марксовой теории восходят к трудам А.-Р.Ж.Тюрго и Ж.-Ж.Руссо, Э.-Б. де Кондильяка и Ж.-А. де Кондорсе, А.Фергюсона и Э.Э.К.Шефтсбери, Д.Юма и А.Смита в гораздо большей степени, чем, как это было принято считать, к трактатам Л.Фейербаха. Гегелевская диалектика, роль которой в формировании новой теории кажется нам особенно переоцененной, применялась К.Марксом и Ф.Энгельсом в качестве скорее приема дополнительной аргументации выдвигаемых положений, нежели как методология исследования. И, наконец, содержащуюся в трудах основателей марксизма социалистическую идею могут считать позаимствованной у А. де Сен-Симона, Ш.Фурье и Р.Оуэна только те, кто знаком с позициями самих этих трех авторов по учебникам исторического материализма.

Характеризуя созданную основоположниками марксизма теорию в целом, следует отметить ее всеобъемлющий характер и жесткую последовательность, особенно заметную в фундаментальных методологических и терминологических вопросах. Не менее очевидным является и многоуровневый характер доктрины, в силу чего исследования сущностей различных порядков нередко оказываются переплетенными, а подчас и смешанными. Соединение в рамках одного учения глубоких теоретических построений с злободневными политическими программами не только серьезно обесценило высказанные К.Марксом и Ф.Энгельсом концептуальные положения, но и создало условия для той вульгаризации теории, которой она подверглась после смерти ее основателей. Останавливаясь на этом процессе как на важном самостоятельном феномене, мы станемся прежде всего с максимально возможной тщательностью реконструировать фундаментальные основы марксистской доктрины.

Общий взгляд на историю человечества

Важнейшим системообразующим принципом марксовой теории является материалистический подход к пониманию истории. Примером его использования может служить знаменитый фрагмент из Предисловия к работе «К критике политической экономии». «В общественном производстве своей жизни, — писал К.Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»[169].

На основе постулата о первичности производства по отношению к другим сторонам социальной жизни основатели марксизма стремились осмыслить все богатство человеческой истории, исследуя проблемы, прослеживаемые на самых разных этапах развития цивилизации. Наибольшее теоретическое значение, на наш взгляд, имеют результаты, полученные ими, во-первых, при определении труда как вида продуктивной деятельности, во-вторых, в ходе исследования разделения труда и динамики отношений собственности и, в-третьих, в связи с анализом обмена деятельностью и ее результатами и при изучении происхождения и эволюции эксплуатации и неравенства. Следует, однако, отметить, что не на всех этих направлениях достигнутые результаты могут рассматриваться как однозначно положительные.

Сегодня можно констатировать, что наиболее упрощенным по отношению к остальным перечисленным проблемам образом рассмотрен К.Марксом и Ф.Энгельсом вопрос о возникновении и роли труда в человеческом обществе. Согласно широко известному определению, «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»[170] Подобная характеристика относится, однако, лишь к трудовой деятельности как ставшему явлению и не может применяться для анализа

---

[169] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 6-7.
[170] Там же. Т. 23. С. 188.

«первых животнообразных инстинктивных форм труда»[171], присущих тем этапам человеческой активности, когда таковая «еще не была трудом в собственном смысле слова»[172].

Фактически не останавливаясь на определении примитивных форм труда, основатели марксизма крайне высоко оценивают роль трудового процесса в становлении человеческого общества. «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь, — пишет Ф.Энгельс, — явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...»[173] В данном случае развитие трудовой деятельности и само становление человека рассматриваются как идентичные процессы. Между тем такой подход недопустим в случае, если предварительно не проведено различение труда как характеристики завершенного социального целого и иных форм примитивной орудийной деятельности, порождавших новые навыки и умения человеческого существа. В противном случае оказывается, что человек, определяемый в качестве субъекта осознанной орудийной деятельности, становится таковым в результате развития форм самой этой деятельности. Здесь возникает серьезное противоречие, имеющее двоякое значение. С одной стороны, оно показывает ограниченность прогностических возможностей теории К.Маркса, неспособной на терминологическом уровне провести классификацию этапов общественного развития по признаку господствующей на каждом из них формы деятельности. С другой стороны, оно дает серьезный повод для переосмысления как самого понятия труда, так и исторических границ данного явления, что мы считаем одной из важнейших составляющих формирования концепции постэкономической эпохи.

Анализируя марксову концепцию становления общества, нельзя не отметить и блок проблем, связанных с формированием потребностей, разделением труда и отношениями собственности. Объясняя невозможность частного присвоения на этапе общины во многом таким же образом, как это делали А.Фергюсон и А.Смит, классики марксизма совершенно справедливо усматривали источник его формирования в росте человеческих потребностей, вызывающем разделение труда и растущую специализацию деятельности. Подчеркивая роль разделения труда не менее резко, чем это делали авторы наиболее известных социальных теорий XVIII века, К.Маркс считал его значение на первых этапах общественной эволюции обусловленным тем, что оно «подрывает коллективный характер производства и присвоения... делает пре-

---

[171] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 189.
[172] Там же. Т. 20. С. 491.
[173] Там же. С. 490.

обладающим правилом присвоение отдельными лицами...»[174] Последнее, в свою очередь, оказывается важнейшей причиной деструкции общинного строя.

Данный процесс проявляется в формировании отношений обмена, анализ которых также занимает в работах К.Маркса и Ф.Энгельса значительное место. Таковые рассматриваются ими как обмен деятельностью и обмен ее продуктами, причем последний выполняет различные функции в зависимости от того, кто выступает его субъектом. Первоначально, подчеркивают основатели марксизма, обмен был обусловлен естественными факторами, в частности различиями среды обитания отдельных групп людей[175], в силу чего «развитие продуктов в товары возникает вследствие обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины»[176]. В подобных условиях товарная организация хозяйства как таковая отсутствует, хотя Ф.Энгельс отмечает, что «товарное производство и товарное обращение могут, однако, иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары...»[177]

Последним вопросом, который следует осветить в рамках анализа подхода К.Маркса и Ф.Энгельса к становлению общества, является проблема генезиса неравенства и эксплуатации. По мнению родоначальников марксизма, оба эти феномена отмечаются «с того дня, как труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для ее поддержания»[178]. Именно с этого момента внутри общинного целого началось формирование нового типа отношений, стали возникать различные уровни потребления, закрепляться перераспределение части продукта в пользу высших слоев и каст. Укрепляясь по мере роста разделения труда, данный порядок порождал все новые элементы социального неравенства.

В связи с этим становление классового общества, протекавшее различными путями, рассматривается основателями марксизма, как и авторами XVIII века, в качестве процесса, приводящего к образованию государства, силы, способной удержать в повиновении низшие классы. Этот процесс зависел от природных, экономических и социокультурных особенностей того или иного народа. По мнению Ф.Энгельса, существовали два основных пути формирования классовой структуры, завершившиеся становлением азиатского и античного способов производства соответственно.

---

[174] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21. С. 174.
[175] См.: Там же. Т. 23. С. 364.
[176] Там же. Т. 25. Ч. I. С. 194.
[177] Там же. Т. 16. С. 308.
[178] Там же. Т. 20. С. 199.

В первом случае общинная структура предельно консолидировалась в силу необходимости коллективного производства, а власть вырастала из потребностей управления подобным типом хозяйства. Государственный строй азиатских обществ основывался поэтому на тотальном доминировании высших слоев над низшими; весь прибавочный продукт, а также часть необходимого изымались в пользу государства, впоследствии перераспределяясь для удовлетворения экономических и политических потребностей общин. Эта система стала первой формой классового общества, господствовавшей от Египта до Китая; элементы подобной организации встречаются также в империях ацтеков и инков на Американском континенте. Таковы были основы азиатского способа производства.

Во втором случае элементы имущественного и социального неравенства возникали внутри общины, что становилось возможным, когда индивидуальная деятельность ее членов приносила в зависимости от умения работника или иных факторов различные результаты. Расслоение общины в такой ситуации приводило к зависимости одних ее членов от других; столкновения между племенами приносили в качестве трофеев не только имущество, но и пленников, превращавшихся в рабов того или иного господина. Вместе с разделением труда прогрессировал товарный обмен; результатом становились разложение общины изнутри, возникновение сословия зажиточных граждан, распространение рабского труда и раскол общества на богатых и плебс. Этот вариант получил свое завершение в античном способе производства.

Сравнивая азиатский и античный типы организации хозяйства, легко заметить, что последний обеспечивал гораздо большие возможности для совершенствования как производительных сил, так и производственных отношений. Доминирование государства над общественной жизнью в восточных деспотиях стимулировало хозяйственный прогресс искусственным образом, тогда как на Западе совершенствование хозяйства было условием выживания не только той или иной производственной формы, но и конкретного индивида. Поэтому следует считать вполне справедливой оценку роли рабства, данную Ф.Энгельсом в известном отрывке из «Анти-Дюринга», где он утверждает, что «введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед. Ведь нельзя отрицать того факта, что человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния. Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы... Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по

пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда... Пока человеческий труд был еще так малопроизводителен, что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил... был возможен лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными... Простейшей, наиболее стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было как раз рабство»[179]. В марксовой трактовке мы не видим преувеличения той роли, которую играло разделение на рабов и свободных. В «Манифесте Коммунистической партии» подчеркивается, что основой античной истории выступала борьба между патрициями и плебеями, то есть различными слоями свободных граждан; позже К.Маркс указывал, что внутреннюю историю Рима можно свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется, вводя те модификации, которые обусловливаются существованием рабства.

Между тем становление европейского феодализма основатели марксизма связывали не с модернизацией античных хозяйственных структур, а с процессами обезземеливания крестьян и передела земель между представителями высших классов в варварских государствах. Фактически не рассматривая «растворения» римских порядков в общей массе новых производственных отношений, они акцентировали внимание на решительном переломе в аграрной организации, относящемся к эпохе Пипина Короткого и Карла Великого. Анализируя его, Ф.Энгельс пишет: «Этот переворот в своей основе покоится на двух новых установлениях. Во-первых, для того чтобы прочнее привязать магнатов государства к короне, им, как правило, коронных земель больше не дарили, а предоставляли в пожизненное пользование в качестве «бенефиция» на определенных условиях, под страхом отнятия бенефиция за несоблюдение условий. Так магнаты сами становились держателями земельных владений короны. И, во-вторых, для того чтобы обеспечить крупным магнатам набор свободных держателей для военной службы, этим магнатам была передана часть должностных функций графа данного округа по отношению к свободным людям, поселенным в их владениях, и они были назначены «сеньорами» над этими последними»[180]. Позднее, когда к IX—X векам бенефициальная система дала начало ленной, сформировались основы феодальной раздробленности.

---

[179] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 20. С. 186.
[180] Там же. Т. 19. С. 503.

В марксистской трактовке экономический уклад европейского феодализма характеризуется прежде всего преодолением доминировавших в античную эпоху крупных хозяйственных форм. Преобладание мелкого аграрного и ремесленного производства сделало средневековое общество более однородным, чем античное, и дало прогрессирующим товарным отношениям возможность распространиться на все общественное целое. В качестве важных следствий возникли прецеденты наемного труда и элементы активной торговли не только предметами ремесла, но и продукцией сельского хозяйства. Однако появление крупных состояний, возникающих в первую очередь вследствие развития торговли и финансовых спекуляций, предопределило возможность концентрации средств производства в руках представителей нового класса. Как отмечал Ф.Энгельс, «первые капиталисты застали, как мы видели, форму наемного труда уже существующей. Но наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, подсобного промысла, переходного положения. Земледелец, нанимавшийся время от времени на поденную работу, имел свой собственный клочок земли, который на худой конец и один мог его прокормить. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшний подмастерье завтра становился мастером. Но все изменилось, как только средства производства превратились в общественные и сконцентрировались в руках капиталистов. Средства производства и продукты мелкого отдельного производителя все более и более обесценивались, и ему не оставалось ничего иного, как наниматься к капиталисту. Наемный труд, существовавший раньше в виде исключения и подсобного промысла, стал правилом и основной формой всего производства; из побочного занятия, каким он был прежде, он превратился теперь в единственную деятельность работника»[181].

Однако такое превращение вряд ли стало бы возможным, если бы средневековье не создало, пусть и в ограниченных размерах, не только наемный труд, но и рынок сбыта для продуктов этого труда — как внутренний, так и внешний. Значение обмена и рыночных связей, возникших еще в эпоху расцвета феодализма, многократно подчеркивалось основоположниками марксизма. Ф.Энгельс отмечал, что новый способ производства не создал разделения труда; он лишь установил «среди стихийно сложившегося, беспланового разделения труда, господствующего во всем обществе... планомерное разделение труда, организованное на каждой отдельной фабрике; рядом с производством отдельных производителей появилось общественное производство»[182].

---

[181] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 214.
[182] Там же. С. 212.

Результаты не замедлили сказаться. Используя преимущества кооперации и машинного производства, повышающие производительность труда, новый экономический уклад составил уничтожающую конкуренцию мелкому товарному производству позднего феодализма. Ремесленники быстро разорялись и пополняли слой наемных рабочих. Дополнительным источником рабочей силы становилась деревня, также переживавшая не лучшие времена. Рост объемов производства потребовал создания новых рынков, причем не только национальных, но и зарубежных. Внутри ведущих европейских стран даже сельское население, по природе своей склонное к натуральному способу ведения хозяйства, получало все большую ориентацию на рынок. Буржуазная форма производства активно прокладывала себе дорогу.

Таким образом, к середине XIX столетия, периоду, на который пришлось творчество основоположников марксизма, развитие как европейских, так и азиатских наций давало значительный материал для исторических обобщений. Стала очевидной последовательная сменяемость хозяйственных систем; столь же несомненной представлялась и обусловленность политического развития эволюцией экономического базиса. Все прежние формы организации общества, за исключением родовой общины, представлялись связанными воедино самим фактом доминирования экономических отношений над всеми другими сторонами жизни, что позволяло рассматривать их в качестве составляющих единого по своей глубинной сущности состояния.

Однако наряду с пониманием внутреннего единства экономической эпохи как никогда ранее осознавалась и ее разделенность на внешне отличные друг от друга формы организации производства и модели социального взаимодействия. Поэтому вторая сторона проблемы периодизации истории неизбежно оставалась связана с осмыслением хода социальных изменений, сопровождавших движение от одной конкретной формы общественной организации к последующей. Обе эти задачи была разрешены основателями марксизма в их теории общественного прогресса, которая, на наш взгляд, имеет наибольшее значение среди всех иных элементов марксистского учения. Создав двухуровневую модель периодизации на основе выделения общественных формаций (Gesellschaftsformationen) и способов производства (Produktionsweisen), рассмотрев переходы от одной общественной формации к другой и от одного способа производства к другому как социальные и политические революции соответственно, К.Маркс придал картине истории вид последовательно научной теории, обладающей мощным прогностическим и футурологическим потенциалом.

Марксова периодизация истории

К.Маркс не посвятил периодизации общественного развития отдельную работу или цикл работ; замечания, ценные для понимания предмета, разбросаны во многих его произведениях. Особое значение для осмысления этой составляющей марксовой доктрины имеет тот терминологический аспект, пренебрежительное отношение советских марксистов к которому способствовало упрощению концепции и утрате ею ее прогностического значения[183].

Наиболее важным для К.Маркса является термин «Gesellschaftsformation», впервые использованный им в 1851 году в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Рассматривая события периода Великой французской революции, К.Маркс отметил, что переход идеологов буржуазии с революционных позиций на контрреволюционные произошел тогда, когда новые порядки стали господствующими, когда сложилась новая общественная формация[184]. Через семь лет, в 1858 году, в Предисловии к работе «К критике политической экономии» К.Маркс вводит термин «ökonomische Gesellschaftsformation», тем самым конкретизируя понятие «Gesellschaftsformation» и определяя сферы применения каждого из терминов. «In grossen Umrissen, — писал К.Маркс, — können asiatische, antike, feudale und modern bürgerlische Produktionsweisen als progressive Epochen der ökonomische Gesellschaftsformation bezeichnet werden... mit *dieser* Gesellschaftsformation (курсив мой. — *В.И.*) schliesst daher die Vorgeschichte der menschlichen Gesellschaft ab»[185]. Автор дает понять, что существует историческая эпоха, которая является «общественной формацией» (Gesellschaftsformation) и имеет своими основными признаками экономические (ökonomische) черты. Как явственно следует из текста, К.Маркс предполагает, что этой (mit dieser), то есть экономической, эпохой завершается предыстория человеческого общества.

Между тем, как показывает исследование других текстов К.Маркса, он предпочитал при использовании термина «Gesellschaftsformation» не давать четкого определения ни самому понятию, ни историческим состояниям, которые им обозначались. Складывается впечатление, что термин употреблялся для характе-

---

[183] См.: *Inozemtsev V.* Contribution à la théorie de la formation post-économique de la société. P., 1996. P. 114-118.

[184] См: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 8. С. 120.

[185] Marx/Engels Werke. Bd.13. S. 9. В русском переводе отрывок выглядит так: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации... *буржуазной* общественной формацией (курсив мой. — *В.И.*) завершается предыстория человеческого общества» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 7-8).

ристики весьма глобальных исторических эпох и фактически не мог быть применен для непосредственного анализа экономических процессов.

Следует отметить, что понятие «Gesellschaftsformation» не использовалось К.Марксом с прилагательным «буржуазная»; он предпочитал применять для обозначения капиталистического общества иные термины. Лучшим примером тому является тезис, содержащийся в «Теориях прибавочной стоимости». Касаясь законов капиталистического общества, К.Маркс в заключение указывает: «Такова тенденция развития в той *общественной формации*, в которой *преобладает капиталистический способ производства* (курсив мой. — *В.И.*)»[186]. Этот отрывок четко свидетельствует, что термин «Gesellschaftsformation» в хронологическом аспекте шире понятия «Produktionsweise», коль скоро К.Маркс применяет его к описанию исторической реальности, не ограниченной одним только капиталистическим способом производства.

Убедительное подтверждение этого предположения содержится в тексте, который, на наш взгляд, наиболее важен для понимания теории общественных формаций, — в набросках ответа К.Маркса на письмо В.Засулич, относящихся к 1881 году. Если ранее термин «Gesellschaftsformation» вообще не использовался с прилагательными (кроме прилагательного «ökonomische»), то здесь всего на нескольких страницах мы видим сразу три подобных случая.

К.Маркс указывает, что «земледельческая община повсюду представляет собой новейший тип архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»[187]. Далее он отмечает: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время и переходной фазой ко вторичной формации, то есть переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»[188]. Прокомментируем приведенные положения. Достаточно очевидно, что под «архаической обществен-

---

[186] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. С. 419.

[187] Там же. Т. 19. С. 404.

[188] Там же. Т. 19. С. 419. В оригинале: «comme dernière phase de la formation primitive de la société, la commune agricole est en même temps phase de transition à la formation secondaire, donc transition de la société, fondée sur la propriété commune, à la société, fondée sur la propriété privée. La formation secondaire, bien entendu, embrasse la série des sociétés reposant sur l'esclavage et le servage» (Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd. 25. S. 238).

ной формацией» К.Маркс понимает общество, в котором отсутствуют отношения эксплуатации. Под определение подобного рода подпадает и община, в том числе в том ее виде, в каком она существовала в азиатских обществах. Однако, так как и азиатское общество, и земледельческая община являлись не только последними фазами первичной общественной формации, но и первыми элементами формации вторичной, можно утверждать, что началом переходного периода от первичной формации ко вторичной явилась эксплуатация, но не человека человеком, а касты кастой. Полностью же этот переход был закончен тогда, когда кристаллизовалась эксплуатация человека человеком, то есть тогда, когда община была разрушена, распространилось производство, ориентированное на обмен, возникло обращение товаров, появились закон стоимости и другие экономические закономерности. Таким образом, имеются все основания считать период, сменивший эпоху господства личных форм зависимости, формацией *экономической* (ökonomische Gesellschaftsformation, formation économique de la société).

Идентичность понятий «первичная» и «архаическая» формация прямо отмечена К.Марксом. В тех же набросках он пишет: «Архаическая, или первичная, формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи»[189]. Если следовать приведенной аналогии и воспринимать ее в том объеме, в котором она дана, можно утверждать, что оба термина используются для обозначения периода истории, предшествовавшего образованию классов. К.Маркс выдвигает также ряд тезисов, из которых следует, что понимание коммунизма в качестве третичной общественной формации вполне естественно для его концепции. Так, он пишет, что совершенствование производительных сил буржуазного общества порождает возможность «...замены капиталистической собственности высшей формой архаической собственности, то есть собственностью коммунистической»[190].

Важнейшее обстоятельство, вытекающее из анализа данных формулировок, заключается в том, что К.Маркс рассматривает первичную формацию именно как *общественную*, но не как *экономическую*. Так как до определенного времени собственно *экономические* отношения не играли заметной роли, архаическая фор-

---

[189] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 413.

[190] Там же. Т. 19. С. 413. В оригинале: «...en remplaçant la ... propriété capitaliste par une forme supérieure du type archaïque de la propriété, c.à.d. la propriété communiste» (Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd. 25. S. 232).

мация может быть охарактеризована именно как *общественная*, основанная на господстве примитивно-коммунистических родовых отношений. Однако коль скоро она в силу указанных обстоятельств не может быть названа экономической, необходимо признать, что и коммунистическое общество, как третичная формация, *экономическим* названо быть не может; нельзя не отметить, что в своих работах К.Маркс *никогда* не применял понятие «экономическая общественная формация» по отношению к коммунистической эпохе.

Таким образом, термин «общественная формация» употребляется в двух смыслах. *Во-первых*, в предельно широком, обозначая любую существенную фазу общественной эволюции. Иначе говоря, данное понятие может обозначать фазу общественного развития безотносительно к тому, какой именно его период является объектом анализа. *Во-вторых*, в более узком, когда термин конкретизируется прилагательным («архаическая», «первичная», «вторичная» и т. д.); в этих случаях он характеризует уже качественно определенные отрезки общественной эволюции. Исходя из изложенного, мы полагаем, что наиболее правильным являлось бы толкование термина «общественная формация» как собирательного понятия, отражающего ступень развития общества, выделенную на основе признака наличия или отсутствия антагонистических классов, эксплуатации и частной собственности.

Окончательное представление о значении данного термина можно получить, проследив характер использования основоположниками марксизма наиболее распространенной его производной — понятия «экономическая общественная формация», представляющего собой один из наиболее дискуссионных элементов марксовой концепции. Впервые он был применен К.Марксом в Предисловии к работе «К критике политической экономии» в 1858 году, в произведении, которое, наряду с набросками ответа на письмо В.Засулич, является крайне важным для понимания формационной теории.

В «Предисловии», как мы уже отмечали, К.Маркс пишет: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[191]. Именно в данном отрывке утверждается, что в истории цивилизации может быть выделена эпоха (называемая «ökonomische Gesell-

---

[191] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 7-8. В оригинале: «In grossen Umrissen können asiatische, antike, feudale und modern bürgerlische Produktionsweisen als progressive Epochen der ökonomische Gesellschaftsformation bezeichnet werden» (Marx/Engels Werke. Bd. 13. S. 9).

schaftsformation»), объединяющая ряд способов производства на основании общих им всем характеристик.

Понятие «экономическая общественная формация» свидетельствует о том, что главной чертой, свойственной всем включенным в нее периодам, К.Маркс считал *экономический* характер жизнедеятельности общества, то есть такой способ взаимодействия между членами социума, который определяется не религиозными, нравственными или политическими, а в первую очередь хозяйственными, экономическими факторами. Данный термин используется только применительно к периоду, характеризующемуся господством в общественной жизни отношений, базирующихся на частной собственности, индивидуальном обмене и возникающей как следствие этого эксплуатации.

Так же, как и в случае с применением понятия «общественная формация» (и это еще раз подчеркивает систематизированность марксовой методологии), К.Маркс и Ф.Энгельс используют термин «экономическая общественная формация» как для обозначения отдельного исторического периода, характеризующегося указанными выше особенностями, так и для описания ряда исторических состояний, каждое из которых обладает теми же основными признаками. Так, предостерегая от представления, что фазы социальной эволюции являются стадиями, между которыми не существует переходных периодов и переходных форм общественных отношений, К.Маркс писал: «Так же, как и при последовательной смене различных геологических формаций, при образовании различных экономических общественных формаций не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды»[192].

Внимательный анализ марксовых текстов позволяет достаточно глубоко понять механизм соотношения понятий «экономическая общественная формация» и «способ производства», каковым он виделся автору. Анализируя производительный капитал и обозначая его термином «капиталистическое отношение», он писал: «Впрочем, капиталистическое отношение развивается на такой ступени развития экономической общественной формации, которая уже сама есть результат целого ряда предшествующих этапов развития»[193]. Данное положение отчасти дублирует, хотя и в несколько иных формулировках, тезис о том, что различные способы производства, основанные на эксплуатации, составляют прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Очевидно, что под экономической общественной формацией понимается нечто большее, нежели капиталистический способ производства.

---

[192] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 47. С. 460.

[193] Там же. С. 281.

В рассмотренном отрывке излагается мысль о том, что экономическое принуждение, основанное на применении наемного труда, оказывается возможным только тогда, когда, с одной стороны, разовьются формы эксплуатации, а с другой — товарные отношения настолько глубоко проникнут во все элементы общественной организации, что товаром станет и рабочая сила. Однако ранее мы показали, что развитие меновых отношений, приводящее в конечном счете к превращению рабочей силы в товар, является сутью вторичной общественной формации и лежит в основе ее прогресса. Таким образом, мы встречаем еще одно подтверждение того, что в марксистской терминологии понятия «вторичная формация» и «экономическая общественная формация» тождественны.

Приведем еще одну важную формулировку, проливающую свет на содержание понятия «экономическая общественная формация»: «С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека»[194]. Подходя к рассмотрению этого принципиального высказывания К.Маркса, мы считали очевидными два обстоятельства. С одной стороны, согласно классикам марксизма, коммунистическая общественная система не относится к экономической общественной формации. С другой стороны, в рамках капиталистического способа производства, о котором в отрывке и идет речь, частная собственность на землю преодолена быть не может. В таком случае оказывается, что капиталистический способ производства не является последней фазой экономической общественной формации.

Подтверждение подобного понимания вопроса может быть найдено в прославленном отрывке из третьего тома «Капитала»: «...Действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависят не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека

---

[194] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 337.

расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»[195].

Совершенно очевидно, что, говоря о столь развитом общественном производстве, так или иначе ориентированном на удовлетворение потребностей человека, где обмен не господствует над людьми как слепая сила, где существует организованный планомерный обмен веществ между человеком и средой, где производство осуществляется в условиях, адекватных человеческой природе, К.Маркс не имел и не мог иметь в виду капиталистический способ производства. Напротив, в этом отрывке изображено то, что последователи марксистского учения назвали позднее социалистическим типом общества, и то в наиболее развитой стадии. При этом К.Маркс указывает, что подобный строй еще не является царством свободы, оказываясь всего лишь высшей и последней ступенью царства необходимости. Таким образом, данное состояние представляется заключительной фазой экономической эпохи, ее *нисходящим этапом*, в течение которого разрешаются и преодолеваются противоречия, возникшие в ходе ее становления. Собственность уже не является частной; так же, как это было при азиатском способе производства, нет прямой эксплуатации человека человеком; преодолена подтачивавшая капиталистический строй анархия производства. Возможно, что именно к такому обществу, к замыкающей стадии экономической эпохи, и относится высказывание К.Маркса об общей собственности на землю как основном условии производственного процесса.

Два последних положения имеют огромное методологическое значение, так как дают возможность более точно определить хронологические рамки явления, характеризующегося как экономическая общественная формация. Это — эпоха, начавшаяся с разложения первобытного строя под воздействием товарного обмена

---

[195] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 386-387.

и разделения труда, характеризующаяся эксплуатацией, классовым делением общества и товарно-денежными отношениями и завершающаяся отрицанием последних из указанных черт. Общества, сменявшие друг друга в рамках данной общественной формации, базировались на связях экономического порядка, их развитие было обусловлено эволюцией хозяйственного базиса, а социальный прогресс в этот период определялся прогрессом в разделении труда и следовавшей за ним экспансией товарно-денежных отношений. Подчиненное экономическим законам и развивающееся вместе с развитием товарных отношений общество эволюционировало по пути, однозначно определяемому хозяйственными закономерностями. Это обстоятельство и позволило К.Марксу заявить: «Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс...»[196]

Таким образом, марксова теория представляет собой завершенную научную концепцию, базирующуюся на глубоком исследовании внутренних закономерностей общественного развития и исходящую из признания существования диалектической триады как формы прогресса любого ставшего целого. Ее глубокое понимание невозможно без детального анализа принятой автором терминологической системы и, в частности, соподчинения понятий «общественная формация» и «экономическая общественная формация». Оба они, как мы убедились, используются К.Марксом и Ф.Энгельсом в двояком смысле: в сугубо терминологическом и допускающем более широкое толкование. При этом понятие «экономическая общественная формация» может характеризовать и отдельные фазы развития внутри вторичной общественной формации; термин же «общественная формация», оказывающийся синонимичным понятию «экономическая общественная формация» в случае обозначения эпох развития классового общества, применяется гораздо шире и используется для периодизации как доклассового, так и бесклассового общества.

Анализ марксовой периодизации общественного прогресса настоятельно требует рассмотрения иной стороны концепции, а именно вопроса о переходах от одной формации к другой. Мы отмечали выше, что исторические периоды, расположенные внутри экономической эпохи, К.Маркс называл способами производства, не именуя их общественными формациями. Если принимать вслед за классиками марксизма деление общественного развития на три общественные формации, выделяя в центральной из них способы производства (а К.Маркс ставил вопрос именно так, когда писал,

---

[196] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 10. В оригинале: «mein Standpunkt... auffasst... die Entwicklung der ökonomische Gesellschaftsformation als einen naturgeschichtliches Prozess» (Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt. 2. Bd. 5. S. 14).

что «капиталистическое отношение развивается на такой ступени развития экономической общественной формации, которая уже сама есть результат целого ряда предшествующих этапов развития»[197], на ступени, «в которой преобладает капиталистический способ производства»[198]), то приходится признать, что переход от одного способа производства к другому внутри экономической общественной формации не является однопорядковым по отношению к смене самих общественных формаций. Должно быть найдено существенное различие, подчеркнутое как по смыслу, так и терминологически, между этими двумя видами исторических изменений. Именно рассмотрением концепции революций, дополняющей трехчленную схему прогресса, следует завершать экскурс в марксову теорию истории.

Учение о революциях

Концепция революций как форм перехода от одного состояния общества к другому отражает высокую степень совершенства предложенной основателями марксизма периодизации истории.

Базируясь на различении общественной формации и способа производства как двух разнопорядковых исторических периодов, теория К.Маркса содержит определение двух типов революций, знаменующих собой переходы между самими общественными формациями и отдельными этапами внутри второй из них, экономической.

Первое упоминание о двух типах революций — революции *социальной* и революции *политической* — содержится в статьях К.Маркса, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике». Так, относительно буржуазной революции и ее исторической роли он отмечает: «Старое гражданское общество непосредственно имело политический характер, т. е. элементы гражданской жизни, — например, собственность, семья, способ труда, — были возведены на высоту элементов государственной жизни... Политическая революция, ниспровергшая эту деспотическую власть и поднявшая государственные дела на высоту дел народа, конституировавшая политическое государство как всеобщее дело, т. е. как действительное государство, неизбежно должна была разбить все сословия, корпорации, цехи, привилегии, которые представляли собой столь же разнообразные выражения отрыва народа от его

---

[197] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 47. С. 281.
[198] Там же. Т. 26. Ч. I. С. 419.

политической общности. Политическая революция уничтожила тем самым политический характер гражданского общества»[199]. При этом революционное изменение, уничтожающее весь порядок вещей, основанный на частной собственности и эксплуатации, рассматривалось К.Марксом как социальная революция. Только осуществляемое рабочим классом преобразование подобного масштаба, по мнению основателей марксистского учения, дает человечеству возможность «организовывать свои «собственные силы» как общественные силы»[200].

Одновременно с К.Марксом подобные положения, причем даже более отчетливо, сформулировал и Ф.Энгельс. В этом отношении очень показательны его «Эберфельдские речи», относящиеся к зиме 1845 года и являющиеся первой работой основоположников марксизма, целиком посвященной проблемам коммунистических преобразований. В речи от 15 февраля 1845 года оратор утверждает: «Но настанет пора, когда пролетариат достигнет такой степени силы и сознательности, что не пожелает больше нести бремя всего социального здания, которое постоянно давит на его плечи, когда он потребует более справедливого распределения социальных тягот и прав; и тогда — если человеческая природа до тех пор не изменится — социальная революция станет неизбежной». Далее мы читаем: «...Неизбежным следствием существующих у нас социальных отношений, при всех условиях и во всех случаях, будет социальная революция. С той же уверенностью, с какой мы из известных математических аксиом можем вывести новое положение, с той же самой уверенностью можем мы из существующих экономических отношений и из принципов политической экономии сделать заключение о грядущей социальной революции»[201].

Но и эти цитаты не дают еще окончательного представления о взглядах Ф.Энгельса. Наряду с тем, что он говорил о социальной революции, в результате которой будет осуществлено раскрепощение пролетариата, он высказался и по поводу ее отличий от революции политической: «Социальная революция есть нечто совершенно иное, чем происходившие до сих пор политические революции: в отличие от них она направлена не против собственности монополии, а против монополии собственности; социальная революция — это открытая война бедных против богатых. И такая борьба, в которой явно и открыто выступают наружу все пружины и причины, действовавшие ранее во всех исторических конфликтах неясно и скрыто, такая борьба грозит, во всяком случае, быть более острой и кровавой, чем все ей предшествовавшие»[202].

---

[199] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 1. С. 403-404.
[200] Там же. Т. 1. С. 406.
[201] Там же. Т. 2. С. 547, 552.
[202] Там же. С. 552-553.

Эти тезисы мы считаем очень принципиальными. Ф.Энгельс отмечает, что феодальное общество является организацией *по преимуществу политической*, и высказывает совершенно справедливое положение о том, что причиной буржуазных революций в Англии и во Франции стала борьба буржуазии против *политической организации* старого общества, за осуществление своих идеалов. И именно потому, что основной удар был направлен против политических преград развитию нового строя, данный тип революций и квалифицируется в качестве революций политических. Многочисленные подтверждения такого понимания можно встретить в работах К.Маркса и Ф.Энгельса, относящихся к разным периодам их творчества.

Одна из самых ярких формулировок содержится в «Немецкой идеологии», где авторы, анализируя причины политической революции, сочли возможным отметить следующее: «...ранний интерес, когда соответствующая ему форма общения уже вытеснена формой общения, соответствующей более позднему интересу, еще долго продолжает по традиции обладать властью в лице обособившейся от индивидов иллюзорной общности (государство, право), — властью, которая в конечном счете может быть сломлена только посредством революции»[203]. Из этого тезиса следует, что родоначальники марксизма считали буржуазную революцию переворотом, выступающим средством разрешения противоречия между ушедшими далеко вперед основными производственными отношениями и закосневшей политической и правовой системой, то есть тем, что обычно называют «надстройкой». Такая интерпретация крайне важна для понимания марксовой позиции, так как показывает принципиальное различие, существующее между буржуазной и коммунистической революциями: первая представляет собой, в отличие от второй, скорее банальный политический переворот, нежели существенное изменение в социальных основах общества.

Концепция К.Маркса и Ф.Энгельса, согласно которой политическая революция возникает как результат противоречия между базисом общества (комплексом производительных сил и производственных отношений) и политической надстройкой, вполне подтверждается исторической практикой. Если рассмотреть ситуацию, сложившуюся во Франции накануне революции 1789 года, то окажется, что производственные отношения, в значительной

---

[203] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 3. С. 73. В оригинале: «...Ein früheres Interesse, dessen eigentümlische Verkehrsform schon durch die einem späteren angehörige verdrängt ist, noch lange im Besitz einer traditionellen Macht, in der den Individuen gegenüber verselbständigten scheinbaren Gemeinschaft (Staat, Recht) bleibt, einer Macht, die in letzter Instanz nur durch eine Revolution zu brechen ist» (Marx/Engels Werke, Bd. 3. S. 72-73).

мере капиталистические, вполне соответствовали переросшим феодальные порядки производительным силам. Поэтому, на наш взгляд, обнаружить в данном случае иное существенное противоречие, кроме как противоречие между реалиями экономики и политической надстройкой, невозможно. Более того, К.Маркс полагал, что в рамках экономической общественной формации, за исключением периода, непосредственно предшествующего коммунистической революции, происходит эволюционное изменение как производительных сил, так и производственных отношений, *не допускающее возникновения между ними антагонистических противоречий.* «...*Всякое* (курсив мой. – *В.И.*) изменение производительных сил людей, — писал он, — необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях»[204].

Итак, можно с полной уверенностью утверждать, что термины «политическая» и «социальная» революция применяются основателями марксизма для обозначения различных типов исторических изменений. Распространившееся позднее явное пренебрежение к четкому разграничению данных понятий связано, на наш взгляд, с тем, что внимание К.Маркса и Ф.Энгельса было приковано прежде всего к социальной революции, под которой на протяжении всего своего творчества они понимали революцию коммунистического типа. Это привело и к резкой переоценке роли противоречия между производительными силами и производственными отношениями, становящегося причиной лишь социальной революции, но не переворотов в рамках экономической общественной формации.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями как фактор социальной революции возникает на грани XVIII и XIX веков. В этих условиях капиталистический способ производства еще развивался по восходящей линии, но, как отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс в конце 40-х годов, «вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений...»[205] Тем самым утверждалось, что капиталистический тип хозяйства, устранивший противоречие между базисом и надстройкой в ходе буржуазной революции, придает противоречию между производительными силами и производственными отношениями совершенно иное содержание.

---

[204] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 4. С. 144. В оригинале: «...Changement survenu dans les forces productives des hommes amène nécessairement un changement dans leurs rapports de production» (*Marx K.* Misère de la philosophie. P., 1961. P. 131).

[205] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 4. С. 429.

Последнее неоднократно подчеркивается К.Марксом, причем особенно выпукло и ярко в прославленном отрывке из третьего тома «Капитала», где говорится: «Настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для капитала, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни общества производителей... Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы... то он в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства»[206]. С течением времени производительные силы достигают такой ступени, на которой при существующих производственных отношениях они приносят обществу одни лишь бедствия, оказываясь не производительными, а разрушительными силами.

Положения, согласно которым противоречие между производительными силами и производственными отношениями имманентно присуще буржуазному способу производства, не должны рассматриваться как доказательства того, что оно возникло только при капитализме. Данное противоречие есть неизбежный спутник человеческой истории, однако на протяжении добуржуазных этапов экономической общественной формации оно не носило того антагонистического характера, который способен привести к революционным изменениям всего социального строя. Играя огромную роль в предшествующей истории человечества, оно неизменно сообщало историческому прогрессу преимущественно эволюционный характер. Как отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс, «противоречие между производительными силами и формой общения [производственными отношениями] неоднократно имело место в предшествующей истории, *не угрожая, однако, ее основам* (курсив мой. — *В.И.*)...»[207]

На основании анализа множества высказываний К.Маркса и Ф.Энгельса можно утверждать, что под социальной революцией они понимали лишь революцию коммунистического типа. Понятие «социальная революция» в их работах употребляется таким образом, что спутать его применение с каким-либо другим

---

[206] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 274.
[207] Там же. Т. 3. С. 75.

термином или предполагать, что оно может означать революцию, опосредующую смену способов производства внутри экономической общественной формации, не говоря уже о других революционных изменениях, не представляется возможным. Основатели марксистского учения рассматривали в качестве социальной лишь ту революцию, которая замещает капиталистический тип производства коммунистическим и экономическую общественную формацию коммунистической общественной формацией. В соответствующем контексте приводящие к смене отдельных способов производства внутри экономической общественной формации революционные изменения оцениваются ими как революции политические.

Однако подобная трактовка предполагает необходимость ответа на два немаловажных вопроса, касающихся проблем марксовой системы периодизации общественного прогресса.

Первым из них является вопрос о соотношении социальной революции и границ экономической общественной формации как исторического периода. Коль скоро принимается, что переход от экономической общественной формации к коммунистической осуществляется посредством социальной революции, логичным кажется также и предположение о существовании другой социальной революции, а именно той, которая опосредовала становление экономической общественной формации и была средством перехода от первичной формации ко вторичной.

К.Маркс и Ф.Энгельс уделили проблеме перехода от первичной формации ко вторичной гораздо меньше внимания, нежели трактовке коммунистического переустройства общества. Однако это не помешало им в полном соответствии с терминологическим аппаратом их теории рассмотреть переход к экономической общественной формации в качестве социальной революции. Главной ее чертой они определили разрушение патриархальных форм организации социальной жизни и, в частности, преодоление общинной структуры и переход к основанной на том или ином виде частной собственности системе. Так, К.Маркс отмечает, что в Индии периода колонизации английское вмешательство разрушило маленькие, полуварварские, полуцивилизованные общины, уничтожив их экономический базис, и таким образом произвело величайшую и единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией. Ф.Энгельсу принадлежит подобное же утверждение относительно развития средиземноморской цивилизации и, в частности, того ее периода, когда в существовавших на территории Италии в первые века римской истории этрусских общинах были преодолены основы патриархальных отношений. По его мнению, разрушение общинной структуры и становление классового государства

тоже явилось социальной революцией[208]. Показательно и то, что данный термин более не употребляется по отношению к истории Востока или европейской древности; основоположники марксизма, например, воздерживаются от использования его для обозначения, скажем, событий, опосредовавших в Европе переход от античности к феодализму.

Второй вопрос касается последовательности приносимых социальной революцией изменений, а также самого ее протекания. В Предисловии к работе «К критике политической экономии» К.Маркс писал: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»[209]. Однако тут же он отмечает, что в результате революционного процесса «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»[210].

Данные высказывания ставят проблему соотношения изменений в базисе и надстройке в период социальной революции. Фактически К.Маркс признает, что надстроечные изменения разворачиваются вслед за преобразованиями базиса общества, производственных отношений. Эпоха социальной революции рассматривается им поэтому как *период изменений,* обусловливающих становление новой общественной формации, а сама социальная революция, в отличие от революции политической, представляет собой *процесс*, временные рамки которого могут быть определены лишь с большой долей условности. Известно мнение К.Маркса относительно становления экономической общественной формации, согласно которому «в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»[211]. Таким образом, первая социальная революция не ограничивается основоположниками марксизма ни территориально, ни хронологически.

Подобный подход применяется и к анализу социальной революции, завершающей собой экономическую общественную формацию. И в данном случае, хотя исторические рамки процесса

---

[208] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21. С. 128.
[209] Там же. Т. 13. С. 7.
[210] Там же. С. 7.
[211] Там же. Т. 19. С. 404.

определены основателями марксизма более конкретно, пролетарская революция не мыслится ими как одномоментный акт. Так, Ф.Энгельс в письме к К.Каутскому от 12 сентября 1882 года писал: «Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы»[212]. Таким образом, даже при переходе к третичной общественной формации надстроечные изменения следуют за экономическими преобразованиями. В данном случае мы видим понимание (пусть и недостаточно формализованное и растворенное во множестве прямо противоположных положений) К.Марксом и Ф.Энгельсом того, что выступление пролетариата является началом, но отнюдь не исчерпывает содержания той гигантской социальной революции, которая знаменует собой переход от экономической общественной формации к коммунистической.

Марксова концепция революций подчинена основному элементу его социальной теории — учению о смене общественных формаций и способов производства. Выделяя три общественные формации, К.Маркс и Ф.Энгельс квалифицируют два глобальных изменения на пути общественного прогресса в качестве социальных революций. Реализм их подхода выражается в данном случае прежде всего в признании продолжительности исторического периода смены общественных формаций, что подчеркивается применением термина «эпоха социальной революции». Таковая, согласно марксовой концепции, продолжается с начала изменения базисных хозяйственных связей до того момента, когда все производственные отношения, свойственные прежней формации, не будут преодолены, а новая общественная формация не приобретет в полной мере саморегулирующийся характер.

Одно из подтверждений этого вывода содержится в упоминавшемся отрывке из набросков ответа на письмо В.Засулич. К.Маркс указал там, что община вполне преодолевается только капиталистическим способом производства. Можно предположить, что социальная революция, приводящая к становлению экономической общественной формации, полностью исчерпывает себя только тогда, когда данная формация достигает своих зрелых форм. То же самое справедливо и относительно коммунистической революции. Как и эпоха социальной революции, похоронившая архаическую общественную формацию, она начинается тогда, когда

---

[212] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 35. С. 298.

наличие частной собственности (так же как в случае архаической общественной формации ее отсутствие) становится непреодолимой преградой на пути хозяйственного прогресса. В такой ситуации противоречие между производительными силами и производственными отношениями теряет свой «позитивный» характер источника эволюционного движения и становится основанием социальных коллизий, из которых произрастает новое общество. Начинаясь с восстания пролетариата против своих угнетателей, эта революция представляет собой гигантскую эпоху замещения отношений экономической общественной формации отношениями по своей сути неэкономическими.

В отличие от социальных, политические революции, согласно марксову подходу, опосредуют переход от одного способа производства к другому внутри экономической общественной формации. Порожденные противоречием между новыми хозяйственными отношениями и застывшей политической структурой, они решают задачу освобождения общества от отживших организационных форм. Наличие в терминологическом аппарате марксистской теории понятий социальной и политической революций свидетельствует о полной ее согласованности с предложенной К.Марксом и Ф.Энгельсом периодизацией общественного развития, о методологическом совершенстве концепции в целом.

Противоречия марксовой теории и ее упадок

Несмотря на внутреннюю структурированность марксовой концепции, она содержала в себе непреодолимое внутреннее противоречие между теорией как таковой и теорией как средством преобразования действительности. В начале XX века, когда марксизм как идеология левого крыла европейской социал-демократии стал одним из наиболее влиятельных политических течений, оказалось, что больнинство называвших себя марксистами революционеров не смогли глубоко усвоить эволюционную сущность социальной доктрины основателей учения, сконцентрировавшись на ее революционной форме.

Наиболее односторонне к теории марксизма подошли там, где массовые движения были менее всего подготовлены к ее восприятию, — в России. В.Ленин, творец российской революции 1917 года, был одним из первых, кто попытался придать марксистской концепции вид совокупности революционных лозунгов, легко подхватываемых потенциальными сторонниками по классовой борьбе. Совершенно естественно, что такая практика

предполагала заметные упрощения, а часто и явные искажения основных принципов учения, не преодоленные в СССР вплоть до крушения коммунистического режима.

Важным принципом, усвоенным В.Лениным в марксовой теории, стал принцип стадийности развития общества. Поскольку он был той основой, на которой строилась теория революционных изменений, вполне понятно внимание, уделявшееся ему русскими марксистами. Увлеченный делением истории на легко анализируемые по отдельности периоды, В.Ленин допустил ряд грубых ошибок в переводе основополагающих положений К.Маркса и Ф.Энгельса на русский язык, в результате чего возникло иррациональное понятие «общественно-экономическая формация», превратившееся впоследствии в базовый термин, применявшийся советскими обществоведами. Его использование более чем на восемьдесят лет вычеркнуло из марксизма одну из основных идей К.Маркса — мысль о двух кругах развития общества: первом —последовательной смене трех общественных формаций и втором — смене способов производства внутри экономической эпохи. Уравняв доклассовое общество с античным и феодальным, капиталистические порядки с обществом будущего, термин «общественно-экономическая формация» породил множество предрассудков, распространившихся в советской социологии.

Подчеркивая значение классовой борьбы в развитии общества и роль пролетариата в современный ему период, В.Ленин трансформировал понятие политической революции в термин, обозначающий исключительно полувоенный переворот, в ходе которого рабочий класс берет власть в свои руки. В этом качестве политическая революция была представлена как *одна из сторон* социальной революции. Согласно данной версии, к социальным относится не только коммунистическая революция, но и, например, революция буржуазная, ибо она также имеет «социальную» и «политическую» стороны. В итоге устраняется то принципиальное различие между социальной и политической революциями, на котором строилась марксова теория.

Унификация всех революционных изменений, начатая В.Лениным, была завершена И.Сталиным, выдвинувшим тезис о том, что любая революция есть столкновение наиболее полярных классов определенного общества — античного, феодального или капиталистического. Считая, например, что в роли таковых в античном обществе выступали рабы и рабовладельцы, И.Сталин вопреки всем историческим фактам отмечал, что именно «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»[213]; аналогичные, хотя и

[213] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. С. 239.

менее одиозные, положения были высказаны и относительно краха феодального и капиталистического строя. И.Сталин считал, что все прошлые революционные изменения отличались от социалистической революции тем, что «все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция, — заключал вождь, — поставила целью — уничтожить всякую эксплуатацию и ликвидировать всех и всяких эксплуататоров и угнетателей»[214]. Вполне понятно, что подобные идеи являются несовместимыми с марксовым пониманием хода развития экономической общественной формации.

Уловив акценты, расставленные в ходе дискуссий, развернутых советскими марксистами в 20-е—30-е годы, и оценив аргументацию сторон, И.Сталин пришел к выводу о возможности ограничить ряд «общественно-экономических» формаций пятью: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. Безжалостно ломавший марксову теоретическую схему, данный подход был близок ленинским взглядам, также базировавшимся на выделении пяти общественно-экономических формаций.

В 1938 году в работе «О диалектическом и историческом материализме» И.Сталин сжато изложил свою точку зрения на проблемы исторического прогресса. Была дана краткая характеристика каждого из пяти основных способов производства, начиная с первобытно-общинного. «При первобытно-общинном строе, — писал И.Сталин, — основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период... орудия... исключали возможность борьбы с силами природы... в одиночку... Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как и на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем и орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов»[215]. В соответствующей последовательности далее описываются «пять известных истории основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капита-

---

[214] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. С. 239.

[215] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 119.

листический и социалистический»[216]. О коммунизме как общественной формации или способе производства ничего не говорится.

Несколько позднее И.Сталин обратился к вопросам, связанным с взаимодействием базиса и надстройки — двух структурных элементов общественных отношений. И хотя определение базиса не было дано им прямо, существует ряд высказываний, позволяющих предположить, что под таковым он понимал производственные отношения соответствующего общества. Надстройка же, представляющая собой комплекс политических и иных отношений, «не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе»[217]. Анализируя взаимодействие базиса и надстройки, И.Сталин отводит последней в целом пассивную роль. Несмотря на высказывавшиеся им положения о значении слома старой государственной машины при переходе к социализму, что неизбежно связано с превентивными по отношению к базису преобразованиями в надстройке, он пишет: «Надстройка есть продукт одной эпохи, в течение которой живет и действует данный экономический базис. Поэтому надстройка... ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса»[218]. Подобное отношение существенным образом противоречит марксовым идеям об активной роли надстройки и о том, что таковая может стать одной из сторон противоречия, обусловливающего революции политического типа.

Таковы основные положения, выдвинутые И.Сталиным в области социальной философии. Последняя из его работ — «Экономические проблемы социализма в СССР» — вышла в свет в 1952 году и была посвящена вопросам в большей мере хозяйственным, нежели философским. В течение нескольких десятков лет общественная мысль Советского Союза была ограничена рамками сталинских теоретических построений, представлявших собой примитивное и схематическое изложение основ ленинской интерпретации марксизма. Начиная с 60-х годов появились первые признаки возрождения марксистской традиции, но это движение не получило значительного развития. Результатом стала полная неспособ-

---

[216] *Сталин И.В.* О диалектическом и историческом материализме // Вопросы ленинизма. М.,1947. С. 554.

[217] *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1955. С. 10-11.

[218] Там же. С. 9.

ность советских теоретических схем отразить реальные пути развития цивилизации, что стало одной из важных причин упадка и краха коммунистических режимов в конце 80-х — начале 90-х годов.

Марксистская теория в СССР прошла путь, в котором воплотились черты трагедии и фарса. Превратившись из восторженно воспринимавшейся социал-демократами концепции в застывшую догму, на протяжении семидесяти лет влиявшую на глобальные мировые процессы, она полностью утратила свои научные черты, как это случается с любым учением, ставшим идеологией.

Марксизм в его русском исполнении прошел две фазы своей деградации. На первой из них, связанной с именем В.Ленина, стоял вопрос о том, привлечет ли данная теория достаточное число сторонников, чтобы поколебать фундамент существующего строя. На этом этапе модификации, призванные «вдохнуть» теорию в народные массы, были в известной степени ограничены, поскольку излишне упрощенная концепция оказывалась неспособной объяснить социальные процессы лучше, чем это делали ее оппоненты. Имели даже место прецеденты локального усовершенствования и развития теории, предпринимались попытки объяснить с ее позиций новые социальные явления или прогнозировать ход исторического процесса.

Однако вскоре после прихода к власти большевики обнаружили, что не только не просветили массы с помощью новой теории, но и сами не имеют сколь-либо адекватных представлений об основах социологической доктрины, которой считают себя приверженными. Философские дискуссии, организованные в 20-е — 30-е годы, отражают это обстоятельство с редкой очевидностью. Происшедшее в этих условиях на фоне внутренней борьбы в партии решительное вмешательство И.Сталина было логическим завершением пройденного пути от теории к набору догм. В результате «учение победившего пролетариата» окончательно отказалось от претензий на то, чтобы быть живым и развивающимся, застыв в наборе легко усваиваемых формулировок, бесконечно далеких от реальностей жизни.

Между тем, несмотря на огромные перемены, которыми был отмечен XX век, потенциал марксистской теории не кажется нам исчерпанным. Созданная К.Марксом и Ф.Энгельсом методология выделения в истории цивилизации трех больших периодов, их эволюционный подход к оценке социальных изменений остались в основном невостребованными, хотя и могли серьезно способствовать процессу осмысления новых общественных явлений. И сегодня, когда марксизм перестал быть господствующей идеологией, чувство неприязни к нему уходит, оставляя место лишь чувству сожаления по поводу его значительных, но не реализовавшихся в полной мере возможностей.

Теория постиндустриального общества

Начиная со второй половины прошлого столетия ряд философов и социологов, следовавших основным методологическим принципам позитивизма, приступили к созданию концепции периодизации истории, в большей мере отвечавшей новым потребностям, нежели изложенная в работах классиков позитивной науки. Разделяя предложенный А. де Сен-Симоном, О.Контом и Дж.Ст.Миллем подход к буржуазному обществу как к обществу «промышленников»[219], они акцентировали внимание на вычленении отдельных исторических фаз по признакам технологической организации производства, обмена и распределения создаваемых в обществе благ. В развитие представлений А.Смита, Ж.-А. де Кондорсе и И.Г.Гердера[220] приверженцы «исторической» школы в политической экономии предприняли выделение в истории эпохи дикости, а также пастушеской, земледельческой, земледельческо-мануфактурной и земледельческо-мануфактурно-коммерческой стадий[221]. По несколько иным критериям были определены этапы замкнутого домашнего хозяйства, городского хозяйства и народного хозяйства[222]. На основе анализа типов распределения и обмена производимых благ были разграничены, кроме того, периоды естественного натурального, денежного и кредитного[223], а несколько позже — эпохи индивидуального, переходного и социального хозяйства[224]. В относительно завершенном виде концепция периодизации, основанная на изучении организации производства и обмена благ, увидела свет в работах представителей «новой исторической школы» в начале XX века[225].

В эти же годы Т.Веблен предпринял удачную попытку создания глобальной доктрины социально-экономического прогресса

---

[219] См.: *Saint-Simon Cl.H., de.* Catéchisme des industriels. P., 1832. P. 24-36; La sociologie par August Comte. Résumé par Emile Rigolage. P., 1897. P. 399; *Mill J.St.* Chapters on Socialism // *Mill J.St.* On Liberty and Other Writings. Cambridge, 1995. P. 228-234.

[220] См.: *Smith Ad.* Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. P. 23-37; *Condorcet J.-A., de.* Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. P., 1969. Ch. 1-5; *Herder I.G.* Ideen zur der Philosophie der Geschichte der Menschheit. IV, I-III; VIII, IV; IX, I-IV.

[221] См.: *List F.* Das nationale System der politischen Ökonomie, Berlin, 1982. S. 13.

[222] См.: *Bücher K.* Die Entstehung der Volkswirtschaft. Tübingen, 1911. S. 39-150.

[223] См.: *Hildebrand B.* Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. Frankfurt am Main, 1984.

[224] См.: *Sombart W.* Der moderne Kapitalismus. München und Leipzig, 1924. S.23, 40, 91, 180, 319.

[225] См., например: *Dopsch A.* Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1930. S. 1-23.

на базе глубокого исследования развития промышленной системы[226], дополненного изучением институциональной структуры общества. Последнее придало его концепции существенное прогностическое значение; учитывавшая многие факторы, в том числе формы организации обмена, характер взаимодействия между социальными группами и классами, формирование индивидуальной мотивации, она стала наиболее полной и многофакторной из всех, созданных в первой половине нашего столетия. Развивая институциональные идеи, ряд исследователей в первые послевоенные годы обратился к изучению проблем общественного воспроизводства в условиях ускорения технологического прогресса. В конце 40-х годов в работах американского экономиста К.Кларка «Экономика в 1960 году» и французского обществоведа Ж.Фурастье «Великая надежда XX века» были сформулированы важнейшие методологические принципы теории постиндустриального общества — подразделение всего общественного производства на первичный (сельское хозяйство), вторичный (промышленность) и третичный (сфера услуг) секторы и положение о грядущем росте доли третичного сектора по сравнению с первичным и вторичным как в совокупной рабочей силе развитых стран, так и в структуре валового национального продукта. Указывая, что в хозяйстве будущего большая часть занятых сосредоточится в сфере создания услуг и информации, человек сможет посвятить себя занятиям более совершенным, чем непосредственное производство, утвердится господство технократии, государство начнет осуществлять действенный контроль за экономикой, а средства производства перестанут быть объектом классовой борьбы, Ж.Фурастье[227] во многом предвосхитил классиков постиндустриализма 70-х годов.

Эти исследования уже содержали основные *методологические* принципы новой концепции. *Терминологическое* же обозначение наступающей эпохи было заимствовано футурологами 70-х из работ идеологов либерального социализма и трейд-юнионизма предвоенных лет. Большинство исследователей истории данного вопроса склонны полагать, что термин «постиндустриальное общество» был введен в 1917 году А.Пенти, представителем одной из ветвей английского социалистического движения[228]. Следует отметить, что сам А.Пенти не придерживался подобного мнения, признавая приоритет за А.Кумарасвами[229], автором ряда работ по доиндустриальному развитию азиатских стран[230]. Характерно, что,

---

[226] См.: *Veblen Th.* The Theory of Business Enterprise. N.Y., 1994. P. 302-400.

[227] См.: *Fourastié J.* Le grand espoir du XXe siècle. P., 1949. P. 42, 80-83, 319.

[228] См.: *Frankel B.* The Post-Industrial Utopians. Madison (Wi.), 1987. P. 8.

[229] См.: *Penty A.* Post-Industrialism. L., 1992. P. 14.

[230] См., например: *Coomaraswamy A.* (Ed.) Essays in Post-Industrialism: A Symposium of Prophecy Concerning the Future of Society. L., 1914.

вводя в научный оборот новый термин, его создатели не стремились вложить в него привычного сегодня значения; напротив, под постиндустриальным ими понималось общество, в котором возрождены принципы относительно автономного и отчасти даже полукустарного производства, посредством которого преодолевались бы некоторые противоречия индустриальной системы[231]. Есть основания полагать, что современные теоретики постиндустриализма, хотя и сообщают данному термину совершенно иное звучание, сделали его центральным в своей теоретической доктрине в определенной мере и потому, что он изначально нес известный оттенок негативизма, не столько *определяя* новую социальную структуру, сколько *противопоставляя* ее предшествующим историческим эпохам.

Синтез различных подходов к оценке современного состояния социума, давший начало теории постиндустриального общества в ее нынешнем понимании, относится к 60-м годам. К этому времени, с одной стороны, окончательно выкристаллизовалось отношение к развитым обществам как к воплощению индустриального порядка (уже в конце 50-х Р.Арон был убежден, в том, что «Европа состоит не из двух коренным образом отличных миров: советского и западного, а представляет собой единую реальность — индустриальную цивилизацию»[232]); с другой — было возрождено понятие постиндустриализма (именно в этот период Д.Рисман выносит данный термин в заголовок своей известной статьи[233], а Д.Белл использует его в лекциях, прочитанных им в Зальцбурге). Нельзя не отметить, что идея рассмотрения новой социальной структуры как постиндустриального общества была в этот период подхвачена в работах представителей самых различных идеологических направлений — от консерватора У.Ростоу[234] и умеренного либерала К.Томинага[235] до придерживавшегося явной социалистической ориентации А.Турена[236] и чешского марксиста Р.Рихты[237].

В 1973 году выходит книга Д.Белла «Грядущее постиндустриальное общество», вызвавшая взрыв интереса к соответствующей проблематике и обусловившая превалирование футурологических концепций в западной социологии 70-х годов. В течение этого и

---

[231] См.: *Rose M.A.* The Post-Modern and the Post-Industrial. A Critical Analysis. Cambridge, 1991. P. 22-24.

[232] *Aron R.* 28 Lectures on Industrial Society. L., 1968. P. 42.

[233] См.: *Riesman D.* Leisure and Work in Post-Industrial Society // *Larrabee E., Meyersohn R.* (Eds.). Mass Leisure. Glencoe (Ill.), 1958. P. 363-385.

[234] См.: *Rostow W.W.* Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971.

[235] См.: *Tominaga K.* Post-Industrial Society and Cultural Diversity // Survey. Vol. 16. 1971. No 1. P. 68-77.

[236] См.: *Touraine A.* La société postindustrielle. P., 1969.

[237] См.: *Richta R.* (Ed.) Civilization at the Cross-Roads. Sydney, 1967.

следующего десятилетий появляются многочисленные работы, посвященные осмыслению исторического рубежа, на котором оказалось человечество. По мере углубления в соответствующие проблемы становятся все более очевидными два различных подхода, представленные в предпринимаемых исследованиях. *С одной стороны*, многие авторы стремились подчеркнуть различие между современным состоянием социума и его новой формой; наиболее типичным образом подобный подход проявляется на терминологическом уровне в использовании понятий с префиксом «пост-». *С другой стороны*, многие исследователи сочли возможным сформулировать позитивные определения нового строя, охарактеризовав его на основе одного или нескольких наиболее присущих ему признаков. Прежде чем остановиться на содержательной стороне обоих подходов, следует отметить, что детальный анализ применяющихся формулировок показывает ограниченность использования терминов, основанных на применении префикса «пост-»; характерно, что все такого рода понятия были введены в научный оборот между 1959 и 1972 годами[238]. В дальнейшем ученые все более явно стремились описывать происходящие изменения с использованием тех понятий, которые мы условно определили как позитивные.

Первый из отмеченных подходов представлен прежде всего сторонниками собственно теории постиндустриального общества и приверженцами концепции постмодернити (postmodernity), все более влиятельной в последние годы и требующей отдельного рассмотрения; помимо таких понятий, начиная с 60-х годов использовался целый ряд иных терминов, скорее дополняющих складывавшуюся картину, чем определяющих ее.

Идея постиндустриального общества и сегодня остается весьма популярной, а соответствующий термин широко применяется в философских, социологических и экономических работах. Некоторые исследователи конкретизируют свои подходы, говоря о постиндустриальном капитализме[239], постиндустриальном социализме[240], а также экологическом[241] и конвенциональном постиндустриализме[242] и т.д. Между тем основой концепции постиндустриального общества остается оценка нового социума как резко отличающегося от общества, господствовавшего на протяжении

---

[238] См.: *Beniger J.R.* The Control Revolution. Technological and Economic Origins of the Information Society. Cambridge (Ma.)-L., 1994. P. 4-5.

[239] См.: *Heilbroner R.L.* Business Civilisation in Decline. N.Y.-L., 1976. P. 73.

[240] См.: *Gorz A.* Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. L., 1982.

[241] См.: *Roszak T.* Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society. N.Y., 1972; *Bahro R.* From Red to Green. L., 1984.

[242] См.: *Illich I.* The Tools for Conviviality. L., 1985.

последних столетий: отмечаются прежде всего снижение роли материального производства и развитие сектора услуг и информации, иной характер человеческой деятельности, изменившиеся типы вовлекаемых в производство ресурсов, а также существенная модификация традиционной социальной структуры.

Данной теории, и это достаточно очевидно, присущи оттенки технологического детерминизма, что не могло не стать причиной критики ее представителями концепции постмодернизма[243], принципы которой в 80-е годы доминировали в исследованиях будущего общества[244]. Ее сторонники обращают внимание не только на сугубо хозяйственные явления, но и на формирование системы постматериальных ценностей, отказ от прежних методов организации труда и переход к максимальному использованию творческого потенциала работников, а также более пристально исследуют целый ряд сугубо социологических проблем — становление нового типа семьи и форм социального партнерства, повышение роли знания и изменение системы образования, национальные, этнические и иные вопросы. Наряду с этими двумя основными теоретическими направлениями с 60-х годов и до сегодняшнего дня развиваются представления о современном обществе как о постбуржуазном[245], посткапиталистическом[246], постпредпринимательском[247], пострыночном[248], посттрадиционном[249], и даже постцивилизационном или постисторическом[250]. Однако эти экзотические понятия не получили в литературе существенного распространения.

Приверженцы *второго подхода* стремятся определить новое состояние цивилизации через рассмотрение его отдельных признаков; при этом часто в центре внимания оказываются явления, непосредственно не определяющие общество как социальное целое.

---

[243] См.: *Block F.* Postindustrial Possibilities. A Critique of Economic Discourse. Berkeley-Los Angeles, 1990. P. 5.

[244] См., например: *Crook S., Pakulski J., Waters M.* Postmodernisation: Change in Advanced Society. L., 1992; *Gellner E.* Postmodernism, Reason and Religion. L., 1992; *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Cambridge, 1991; *Jameson F.* Post-Modernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. L., 1992; *Lash S.* Sociology of Postmodernism. L.-N.Y., 1990; *Lash S., Friedman J.* (Eds.) Modernity and Identity. Oxford, 1992; *Rose M.A.* The Post-Modern and the Post-Industrial и др.

[245] См.: *Lichtheim G.* The New Europe: Today and Tomorrow. N.Y., 1963. P. 194.

[246] См.: *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959. P. 51-59, 98-105, 274; *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1993. P. 4-6, 14-15.

[247] См.: *Drucker P.F.* The New Realities. Oxford, 1996. P. 168.

[248] См.: *Burns T.* The Rationale of the Corporate System. N.Y., 1969. P. 50. Цитировано по кн.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976. P. 54, note.

[249] Термин введен С.Эйзенштадтом в 1970 году и сегодня широко применяется в рамках теории post-modernity (см.: *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. P. 2-3).

[250] См.: *Boulding K.* Meaning of the XXth Century: The Great Transition. N.Y., 1964; *Seidenberg R.* Post-Historic Man. Chapell Hill, 1950.

Наиболее известная попытка такого рода связана с введением в научный оборот в начале 60-х годов фактически одновременно в США и Японии Ф.Махлупом и Т.Умесао термина «информационное общество»[251], положившего начало теории, развитой такими известными авторами, как М.Порат, Й.Масуда, Т.Стоуньер, Р.Катц и др.[252] Подобный подход лежит в русле того имеющего продолжительную историю направления европейской философии, которое рассматривает эволюцию человечества сквозь призму прогресса знания[253] и в этом отношении имеет многих известных предшественников[254]. К этому направлению примыкают некоторые иные доктрины, и в первую очередь — концепция технетронного (technetronic — от греческого techne) общества, созданная Зб.Бжезинским[255], а также доктрины, подчеркивающие роль знаний и обозначающие современный социум как «knowledgeable society»[256], «knowledge society»[257] или «knowledge-value society»[258].

Попытки определить новое общество через апелляцию к отдельным характеристикам его социальной структуры малочисленны, а возникающие определения лишены необходимой конкретности. Так, понимание формирующегося состояния как «организованного (organized)»[259], «конвенционального (conventional)»[260] или «программируемого общества (la société programmée)»[261] не обеспечивает выделения того комплекса основных принципов и отношений, который может быть признан центральным для становления и развития подобной структуры. Свидетельством неадекватности такого подхода может служить и то, что предлагаемые определения все чаще принимают предельно общий характер; так, начинают

---

[251] См.: *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, 1962; *Dordick H.S., Wang G.* The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park-L., 1993.

[252] См.: *Porat M., Rubin M.* The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978; *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981; *Stonier T.* The Wealth of Information. L., 1983; *Katz R.L.* The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988, и др.

[253] Подробнее см.: *Smart B.* Modern Conditions, Postmodern Controversies. L.-N.Y., 1992. P. 24-25.

[254] См., например: *Condorcet J.-A., de.* Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. P., 1794; *Saint-Simon Cl.H., de.* Catéchisme des industriels. P., 1832.

[255] См.: *Brzezinski Zb.* Between Two Ages. N.Y., 1970. P. 9.

[256] См.: *Lane R.E.* The Decline of Politics and Ideology in the Knowledgeable Society // American Sociological Review. 1966. Vol. 31. P. 649-662.

[257] См.: *Dickson D.* The New Politics of Science. N.Y., 1984. P. 163-216; *Stehr N.* Knowledge Societies. Thousand Oaks-L., 1994. P. 5-18.

[258] См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. Tokyo-N.Y., 1991. P. 57-58, 267-287.

[259] См.: *Crook S., Pakulski J., Waters M.* Postmodernisation. P. 15-16.

[260] См.: *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. Thousand Oaks-L., 1996. P. 154.

[261] См.: *Touraine A.* Critique de la modernité. P., 1992. P. 312-322.

говорить об «активном (active)»[262] и даже «хорошем (good)»[263] обществе. В этом контексте признание О.Тоффлера в том, что все ранее предложенные определения будущего общества не являются удачными[264], вполне показательно.

Анализ данных подходов приводит к пониманию того, что концепции, рассматривающие формирующийся строй как отрицание второй из трех глобальных стадий общественной эволюции, являются более комплексными, нежели теории, подчеркивающие одну из сторон становящегося социума. Формы подобного противопоставления отражают не неспособность исследователя адекватно обозначить новое общественное состояние, а реальные возможности современной социологии, не охватывающей всего комплекса отношений и противоречий нового общества в условиях, когда оно еще не стало оформившимся целым; заметим, что понятие «феодализм», например, было введено в научный оборот тогда, когда сам этот строй уже стал достоянием истории. Таким образом, мы полагаем, что обозначение нового общества с использованием префикса «пост-» при всей его условности представляется сегодня единственно возможным; determinatio может быть произведено только как negatio. Нельзя не отметить также, что подобный подход дает достаточно возможностей для построения на его основе адекватной теории прогресса, так как позволяет выделить в истории человечества три большие эпохи и противопоставить формирующийся сегодня социум не всей истории общества, а лишь его отдельной стадии, отмечая существование доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества, как это делает Д.Белл[265], премодернистского, модернистского и постмодернистского состояния, как считают С.Крук и С.Лэш[266], или «первой», «второй» и «третьей» волн цивилизации, как мы видим это у О.Тоффлера[267]*. Под таким углом зрения данные теории вполне

---

[262] См.: *Etzioni A.* The Active Society. N.Y., 1968.

[263] См.: *Bellah R., et al.* Good Society. N.Y., 1985; *Galbraith J.K.* The Good Society: The Human Agenda. Boston-N.Y., 1996; *Etzioni A.* The New Golden Rule. N.Y., 1997. P. 25-28.

[264] См.: *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1980. P. 9.

[265] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973; *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976.

[266] См.: *Crook S., Pakulski J., Waters M.* Postmodernisation; *Lash S.* Sociology of Postmodernism; *Lash S., Friedman J.* (Eds.) Modernity and Identity, и др.

[267] См.: *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1980.

* Нельзя не отметить в этой связи, насколько примитивными оказываются на фоне подобных концепций теории, пытающиеся возродить принципы выделения в историческом развитии множества эпох; достаточно сравнить с точки зрения методологической четкости работы О.Тоффлера с недавно вышедшей под претенциозным названием «Четвертая волна» книгой американских исследователей Г.Мейнарда и С.Мертенс (см.: *Maynard H.B., Mehrtens S.E.* The Fourth Wave. Business in the 21st Century. San Francisco, 1996), чтобы превосходство трехчленного деления истории стало особенно явным.

приемлемы в сегодняшних условиях в качестве инструментов социального анализа.

Рассмотрение теорий, созданных в 70-е — 80-е годы, как элементов единой концепции постиндустриального общества относительно условно; мы предпринимаем таковое лишь потому, что стремимся отвлечься от многих факторов, отличающих те или иные представления друг от друга, и сосредоточиться, с одной стороны, на содержащихся в них основных принципах оценки исторического процесса и, с другой — на открываемых ими возможностях исследования перспектив хозяйственного и социального развития цивилизации.

В этом случае можно утверждать, что теория постиндустриального общества стала результатом взаимодействия и развития многих экономических, социальных и политологических концепций. Среди ее близких предшественников следует назвать созданную на базе работ новой исторической школы в 40-е и 50-е годы так называемую трехсекторную модель общественного производства, жестко разграничившую всю национальную экономику на первичный (добывающие отрасли), вторичный (обрабатывающую промышленность) и третичный (сферу услуг) секторы; разрабатывавшуюся в 50-е и в начале 60-х годов концепцию стадий экономического роста, часто отождествлявшихся со стадиями развития самой человеческой цивилизации; доктрину «единого индустриального общества», чрезвычайно популярную среди технократов в 60-е годы, а также теории как позитивной, так и негативной конвергенции, позволявшие рассмотреть с относительно унифицированных позиций противостоявшие тогда друг другу западный и восточный блоки.

Порожденная естественной эволюцией глубокой и многогранной традиции позитивизма, теория постиндустриального общества не может быть однозначно отнесена ни к экономической, ни к социологической, ни к политологической науке. Ее относительно обособленное положение в ряду прочих социальных доктрин определяется, на наш взгляд, тем, что любая глобальная по своим методологическим принципам и масштабу охватываемых проблем теория не может не занимать особого места в ряду ограниченных своими прагматическими задачами прикладых концепций.

Рассматривая теорию постиндустриального общества как пример адекватного исторического построения, мы остановимся прежде всего на методологических элементах, позволяющих сравнить ее с марксовой исторической доктриной.

Общая картина исторического прогресса и его периодизация

Сторонники теории постиндустриального общества так же, как и последователи марксистского учения, основываются на материалистическом подходе к исследованию общественных явлений. В центре их внимания находится производство — во всех его аспектах, включая проблемы его организации. С особой тщательностью анализируются технологические аспекты производства, распределения и обмена, в то время как их классовый характер, вопросы эксплуатации и политической власти остаются в стороне, что особенно заметно на примере изучения ранних этапов развития человечества.

Индустриальному обществу сторонники данной теории противопоставляют аграрное в качестве предшественника и постиндустриальное в качестве наследника. В последнее время термин «аграрное общество» все чаще заменяется понятием «доиндустриальное общество». Это, на наш взгляд, вызвано модификацией терминологического аппарата современной западной историографии, классики которой относят начало становления индустриального общества в Европе к началу XIX века. Так, Ф.Бродель пишет: «Использование слова «промышленность» применительно к периоду до XVIII века — или, скорее, до XIX века — не вполне правильно. Промышленность доиндустриальной эпохи, даже в XVIII веке, знала лишь средневековые источники и формы энергии, существуя в условиях господства архаической экономической системы, ничтожной производительности сельского хозяйства, дорогостоящих и примитивных способов перевозки и недостаточно развитых рынков»[268]; А.Собуль связывает становление индустриального общества во Франции с событиями первой четверти XIX столетия[269]. Исследователи экономического развития европейских стран в XVI—XVIII веках предпочитают использовать для обозначения доиндустриальной фазы развития понятие «мануфактурная экономика» как более совершенное, чем «промышленное хозяйство»[270], а с начала 70-х годов, после выхода в свет известной статьи Ф.Мендельса[271], термин «*прото*индустриализация» все более становится синонимом процесса перехода от аграрной системы к

---

[268] См., например: *Braudel F.* A History of Civilisations. L., 1995. P. 374.

[269] См.: *Soboul A.* La reprise économique et la stabilisation sociale, 1797-1815 // *Braudel F., Labrousse E.* (Eds.) Histoire économique et sociale de la France. T. III. P., 1993. P. 105-112.

[270] См., например: *Rule J.* The Vital Century. England's Developing Economy 1714-1815. L.-N.Y., 1992. P. 93-134.

[271] См.: *Mendels F.F.* Proto-Industrialisation: The First Phase of the Industrialisation Process // Journal of Economic History. 1972. Vol. 32. P. 241-261.

индустриальной[272]. Таким образом, возникающая триада «доиндустриальное — индустриальное — постиндустриальное общество» приобретает вполне завершенный с методологической и терминологической точек зрения характер.

Основным признаком доиндустриальной стадии развития общества считается такая организация производства, при которой почти вся рабочая сила занята в непосредственном производстве предметов потребления, в основном продовольствия, механизмы обмена неразвиты, процессы урбанизации находятся в зачаточном состоянии, а политическая элита осуществляет управление обществом без серьезной экономической базы своей власти. По словам Д.Белла, «жизнь в доиндустриальных обществах, которые до сих пор являются основной формой существования для большинства населения мира, представляет собой главным образом взаимодействие с природой. Рабочая сила занята преимущественно в добывающей промышленности: сельском и лесном хозяйстве, горном деле и рыболовстве. Человек использует грубую мускульную силу, действует унаследованными от предыдущих поколений методами, и его восприятие окружающего мира формируется под влиянием природных условий определенной местности — смены времен года, ураганов и бурь, плодородия почвы, запасов воды, глубины залегания полезных ископаемых, периодичности засух и наводнений. Жизненные ритмы определяются обстоятельствами, которые невозможно предвидеть»[273]. Ему вторит О.Тоффлер, отмечающий, что «общества "первой волны" получали энергию от "живых аккумуляторов" — мускульной силы человека и животных — или от солнца, ветра и воды... товары обычно производились кустарным способом; изделия изготовлялись поштучно и на заказ, что в значительной степени относилось и к распределению»[274]. Степень отличия доиндустриальных обществ от развитого индустриализма наиболее удачно подчеркнута Ж.Бодрийяром, который указал, что примитивные сообщества не обладали ни специфическим способом производства, ни самим производством в том смысле, в каком эти понятия применимы для анализа современного социума[275].

Необходимо отметить, что доиндустриальная стадия не противопоставляется исследователями всем остальным этапам общественной эволюции в качестве чего-то такого, что должно быть разрушено и отринуто наступающей индустриальной эпохой. Как

---

[272] См.: *Ogilvie S.C., Cerman M.* The Theories of Proto-Industrialisation // *Ogilvie S.C., Cerman M.* (Eds.) European Proto-Industrialisation. Cambridge, 1996. P. 1-11.

[273] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 147.

[274] *Toffler A.* The Third Wave. P. 25, 26.

[275] См.: *Baudrillard J.* The Mirror of Production // Selected Writings. Cambridge, 1988. P. 115.

подчеркивает Д.Белл, аграрное хозяйство отличается от индустриального тем, что в качестве основного ресурса оно использует *сырье*, а не *энергию*, предполагает *извлечение* продуктов из природных материалов, а не их *производство*, и вынуждено наиболее интенсивно использовать *труд*, а не *капитал*; однако при этом отмечается, что «постиндустриальное общество не *замещает* индустриальное, или даже аграрное общество... оно *добавляет* новый аспект, в частности в области использования данных и информации, которые представляют собой необходимый компонент усложняющегося общества»[276]. Сравнивая доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное состояния как преимущественно естественную, технологическую и социальную[277] формы человеческих сообществ, постиндустриалисты никогда не упускают из виду системы складывавшихся в соответствующие периоды личностных взаимоотношений, отмечая, что в доиндустриальных обществах важнейшим аспектом социальной связи была имитация действий других людей, в индустриальном — усвоение знаний и возможностей прошлых поколений, тогда как сегодня интерперсональные взаимодействия становятся в полной мере комплексными и охватывают все стороны социальной структуры[278].

Сторонники постиндустриальной теории зачастую отмечают методологическую сложность четкого определения отдельных типов общества и тем более их хронологических границ. Ни то ни другое не рассматривается ими в качестве потенциального недостатка создаваемой теоретической системы, ибо таковая обращена в первую очередь на изучение и утверждение эволюционного, а не революционного начала в истории человечества. Так, Р.Арон, указывая, что индустриальный строй, приходящий на смену традиционному обществу, представляет собой «такой тип социума, который открывает новую эру в историческом развитии», отмечает при этом, что «легко дать абстрактное определение каждой формы социума, но трудно обнаружить его конкретные пределы и выяснить, является ли то или иное общество архаическим или индустриальным»[279]. Д.Белл, рассматривая процесс становления постиндустриального состояния, также отмечает, что оно приходит «взамен индустриальной системы так же, как она пришла на смену аграрной... но это не должно означать прекращения производства материальных благ. Постиндустриальные тенденции, — продолжает он, — не замещают предшествующие общественные формы как

---

[276] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P.198, note.

[277] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P 149.

[278] См.: *Barglow R.* The Crisis of the Self in the Age of Information. L.-N.Y., 1994. P. 119.

[279] *Aron R.* The Industrial Society. Three Lectures on Ideology and Development. N.Y.-Wash., 1967. P. 97.

"стадии" социальной эволюции. Они часто сосуществуют, углубляя комплексность общества и природу социальной структуры»[280].

Подобные представления о доиндустриальном и индустриальном периодах предполагают, что и обществу постиндустриальному вряд ли может соответствовать четкая дефиниция, основанная на одной или хотя бы небольшом числе базовых характеристик. В развернутом определении постиндустриализма, данном Д.Беллом, отсутствует четкое обозначение его фундаментального признака. Автор пишет: «Постиндустриальное общество определяется как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов»[281]. Естественно, что определить хронологические рамки подобного социума оказывается достаточно сложно, да это, как правило, и не входит в задачу его исследователей. Обычно утверждается, что новые тенденции стали нарастать после Второй мировой войны, хотя зачастую это происходило в формах, дававших, казалось бы, возможность говорить об экспансии индустриализма[282]; в случае применения в качестве критерия степени развитости третичного сектора своеобразной критической точкой считается середина 50-х годов, когда в США количество работников сферы услуг превысило количество занятых в материальном производстве[283]. Однако реальные изменения, заставившие подавляющее большинство западных футурологов говорить о современных развитых обществах как о постиндустриальных, относятся к середине и концу 70-х годов и включают радикальное ускорение технического прогресса, быстрое изменение структуры занятости, становление нового менталитета у значительной части населения, а также возникновение ряда ситуаций, необъяснимых с точки зрения традиционной экономической науки.

Когда сторонники постиндустриальной теории стремятся подчеркнуть радикализацию технических нововведений, чаще всего в

---

[280] *Bell D.* The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences // Dissent. Vol. XXXVI. No 2. Spring 1989. P. 167.

[281] *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. No 7. P. 102.

[282] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 17.

[283] См.: *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. No 6. P. 28.

качестве примера рассматривается развитие информационных технологий. Анализируя период 40-х — 70-х годов, они отмечают, что смена поколений компьютерной техники и переход от одного технологического решения к другому, более совершенному, происходит со все возрастающей быстротой: скорость развертывания информационной революции не только от трех до шести раз выше темпов развития технологий использования энергии, но и имеет тенденцию к постоянному ускорению[284]. Другим признаком ускорения технического прогресса выступает быстрое сокращение промежутка времени между изобретением нового процесса и началом его использования в массовом производстве: если человечеству потребовалось 112 лет для освоения фотографии и 56 лет — для организации широкого использования телефонной связи, то соответствующие сроки для радара, телевидения, транзистора и интегральной микросхемы составляют 15, 12, 5 лет и 3 года[285]. Быстрое изменение структуры занятости также связано с 70-ми — 80-ми годами, когда количество работников, занятых непосредственно в производственных операциях, сократилось в США до 12%[286], а весь фабричный пролетариат составлял не более 17% трудоспособного населения[287].

Столь же отчетливо наступление постиндустриальной эпохи проявляется в кризисе традиционных экономических концепций, вызываемом ростом производства и потребления информации. Так как основным ресурсом постиндустриального хозяйства является знание (как теоретическое, так и прикладное), а его использование, в отличие от потребления материальных благ, во-первых, не тождественно уничтожению блага и, во-вторых, может осуществляться одновременно неограниченным числом хозяйствующих субъектов[288], применение ряда фундаментальных принципов экономической теории оказывается невозможным. Сегодня становятся несоизмеримыми затраты на воспроизводство товаров, учитываемые в трудовой теории стоимости; в то же время устраняется фактор редкости блага, на чем основаны многие постулаты современного макроэкономического анализа. В связи с этим совершенно справедливо утверждение, что вызов, брошенный «экономиксу» постиндустриальными изменениями, является самым решительным за всю историю экономической науки[289].

---

[284] См.: *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. P. 45.

[285] См.: *Clark D.* Post-Industrial America: A Geographical Perspective. N.Y.-L.,1985. P. 27.

[286] См.: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984. P. 5.

[287] См.: *Bell D.* The Third Technological Revolution. P. 168.

[288] См.: *Sadler P.* Managerial Leadership in Post-Industrial Society.Aldershot,1988.

[289] См.: *Stonier T.* The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. L., 1983.

Таким образом, именно период с начала 70-х до конца 80-х годов представляется теоретикам постиндустриализма тем историческим этапом, который обусловил становление нового общества. Значимость происходящих социальных изменений тем очевиднее, что, несмотря на относительно прохладное отношение к «революционной» риторике, многие классики постиндустриальной теории считают преодоление индустриальных тенденций глобальной революцией, не ограниченной технологическими нововведениями, а опосредующей переход к качественно новому состоянию всего общественного целого[290], и даже подчеркивают, что эта революция представляется самой значительной из всех, которые когда-либо переживало человечество[291].

В завершение краткого обзора картины социального прогресса, представленной в рамках постиндустриальной теории, отметим основные методологические принципы выделения трех этапов общественной эволюции. Постиндустриалисты разграничивают эти периоды революционными переходами; подобная периодизация осуществляется ими на основании нескольких критериев, каждый из которых в достаточной степени логически и методологически строг. Постиндустриальное общество противопоставляется доиндустриальному и индустриальному по следующим важнейшим направлениям: основному производственному ресурсу, которым выступает информация, тогда как в доиндустриальном и индустриальном обществе таковым являлись, соответственно, сырье и энергия; характеру производственной деятельности, который квалифицируется как обработка (processing) в противоположность добыче (extraction) и изготовлению (fabrication); и технологии, называемой наукоемкой, в то время как первые две стадии характеризовались трудоемкой и капиталоемкой технологиями. В результате возникает знаменитая формулировка о трех обществах, первое из которых представляет собой взаимодействие с природой (a game against nature), второе — взаимодействие с преобразованной человеком природой (a game against fabricated nature), а постиндустриальное общество выступает в таком случае как взаимодействие между людьми (a game between persons)[292].

---

[290] См.: *Kahn H., Brown W., Martell L.* The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N.Y., 1971. P. 22.

[291] См.: *Servan-Schreiber J.J.* Le défi mondial. P., 1980. P. 374; а также: *Saxby S.* The Age of Information. L.-Basingstoke, 1990. P. 34.

[292] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 198, note.

Характеристика современного постиндустриального общества

Описывая современный социум, большинство сторонников постиндустриальной теории обращают внимание, во-первых, на процессы, приведшие к его возникновению; во-вторых, на сдвиги в производственной сфере; в-третьих, на изменение характера человеческой деятельности; в-четвертых, на совершенствование базовых социальных отношений и, в-пятых, на образование новых политических и социальных элит. Естественно, эти элементы не исчерпывают всех рассматриваемых ими проблем, но их освещение дает достаточное представление о том обществе, наступление которого эти исследователи считают основным событием конца XX века.

Становление постиндустриального строя обычно анализируется в контексте формирования относительно гомогенного общества, свободного от классовых различий в их марксовом понимании. Д.Белл при этом совершенно справедливо критикует К.Маркса за упрощенный подход к классовой структуре, выражавшийся, в частности, в гипертрофированном внимании к противоречиям между двумя основными классами того или иного общества, вне зависимости от того, какую роль каждый из них мог сыграть в дальнейшей эволюции соответствующего социального организма. Между тем европейская история предоставляет в распоряжение философов любопытный факт — *ни при смене античного общества феодальным, ни при переходе от феодального к буржуазному, ни при современной трансформации ни один из основных, полярных классов старого социума не оказался доминирующим в последующем.* Как правящие и угнетенные классы античности «растворились» в среде нового европейского общества, как феодалы и крепостные уступили место предпринимателям и пролетариату, так и эти последние отодвинуты на обочину истории меритократией * и работниками информационного сектора хозяйства, иногда называемыми когнитариатом[293]. С этой точки зрения становление постиндустриального общества более соответствует логике исторического прогресса, чем внедрение социализма, предполагающего иллюзорную «победу» рабочего класса и приобретение им «доминирующих» позиций. Процесс же формирования постиндустриального общества основан на превращении большей части трудящихся из пролетариата в работников интеллектуальной сферы, повышении

---

* Данный термин, происходящий от слова «merit» («заслуга, достоинство») и введенный Т.Янгом в фантастической повести «The Rise of Meritocracy» (L., 1958), наиболее активно использовался в социологии в 80-е и начале 90-х годов.

[293] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 75.

роли информации, сглаживании привычных классовых различий и возникновении социального государства, управляемого меритократией.

Несмотря на значительные различия в подходах к оценке нового общества и его характерных черт, подавляющее большинство сторонников постиндустриализма отмечают, что его наиболее фундаментальным внешним признаком является переориентация производства с создания материальных благ на предоставление услуг и выработку информации. К началу 80-х годов в США, а несколькими годами позже и в странах Западной Европы валовой продукт сферы интерперсональных услуг (human services) превзошел валовой продукт сферы материального производства. Темпы его прироста в первой половине 80-х годов также превышали аналогичные показатели в сфере материального производства: во Франции — в 2 раза, в США и Германии — в 6, в Англии — в 30 раз[294].

При этом сама сфера услуг, традиционно именуемая третичным сектором хозяйства, является относительно неоднородной и может быть подразделена на секторы: непосредственно третичный, охватывающий услуги материального характера (транспорт, связь, складское хозяйство), четвертичный (торговля, финансы, страхование, недвижимость) и пятеричный (личные, профессиональные, деловые услуги и услуги государственного управления). Наиболее быстрыми темпами растет общественный продукт, создаваемый в тех секторах, которые в наибольшей степени охвачены субъект-субъектными взаимодействиями и продукт которых в наименьшей мере воспроизводим, что иллюстрируется на примере распределения числа занятых по отдельным отраслям. Так, если в США с 1950 по 1993 год относительная численность занятых в сельском хозяйстве и лесоводстве сократилась в 5,2 раза, в добывающей промышленности — в 4 раза, в обрабатывающей индустрии — фактически вдвое, то в отличающихся высокой индивидуализированностью продукта отраслях вторичного сектора, таких, например, как строительство, а также в наиболее примитивных подотраслях третичного — транспорте, связи и складском хозяйстве, — сокращения численности занятых не наблюдается; незначительный рост применяемой рабочей силы обнаруживается лишь в торговле. На этом фоне весьма впечатляющим выглядит рост числа работников в сфере личных, профессиональных и деловых услуг (с 20 до 35% от общего числа занятых), а также занятых в сфере финансов, страхования и операций с недвижимостью (с 3 до 12%)[295].

---

[294] См.: *Wohlers E., Weinert W.* Employment Trends in the United States, Japan and European Community. Oxford, 1988. P. 69.

[295] См.: *Clark D.* Post-Industrial America: a Geographical Perspective. P. 220; Statistical Abstract of the United States. 1995. Wash., 1996. P. 416.

Как отмечает Зб.Бжезинский, «постиндустриальное общество становится технетронным обществом, культура, психология, социальная жизнь и экономика которого формируются под воздействием техники и электроники, особенно компьютеров и коммуникаций. Производственный процесс более не является основным решающим фактором перемен, влияющим на нравы, социальный строй и ценности общества»[296]. Следствием этого глобального исторического перехода становится вытеснение человека из сферы непосредственно материального производства. Большая часть рабочей силы перемещается в сферу услуг[297], автоматы начинают осуществлять завершенный производственный процесс по заданным программам[298], в результате чего «тот факт, что люди больше взаимодействуют друг с другом, чем с машиной, становится основной характеристикой труда в постиндустриальном обществе»[299].

Сторонники теории постиндустриализма особенно подчеркивают важность переструктуризации рабочей силы и роста занятости в сфере услуг, отмечая при этом, что наиболее интенсивно эти процессы идут не в тех отраслях, где предоставляются традиционные услуги (бытовые, транспортные или торговые), а в тех, где люди выступают как личности, где производство услуги и ее потребление неразрывно связаны. Как пишет Д.Белл, «слово "услуги" не должно вызывать вводящих в заблуждение образов быстро приготовленной дешевой еды и низкооплачиваемых работников; основными являются финансовые, профессиональные и конструкторские услуги, здравоохранение, образование и социальная сфера, и лишь на последнем месте этой шкалы стоят бытовые услуги»[300].

Внимание к проблемам информатизации сегодня настолько велико, что иногда доктрина «информационного» общества рассматривается постиндустриалистами как относительно самостоятельная концепция. На наш взгляд, производство и потребление информации тесно переплетаются со сферой услуг, и жесткое разграничение этих секторов невозможно; так, некоторые авторы определяют постиндустриальное общество как основанное на потреблении высокотехнологичных информационных услуг[301], тогда как Д.Белл подчеркивает возрастание роли кодифицированного теоретического знания и констатирует превращение новых интеллектуальных технологий в главный элемент процесса принятия решений, и все они в значительной мере правы, говоря о подобных

---

[296] *Brzezinski Zb.* Between Two Ages. P. 9.

[297] См.: *Naisbitt J.* Megatrends. P. 7-9.

[298] См.: *Brzezinski Zb.* Between Two Ages. P. 9-10.

[299] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 163.

[300] *Bell D.* The World and the United States in 2013. N.Y., 1987. P. 8.

[301] См.: *Dizard W.* The Coming of Information Age. N.Y., 1982. P. 305.

процессах как о занимающих центральное место в новом обществе[302].

Развертывание этих тенденций не может не вызывать изменений в системе деятельности, ее объективных характеристиках и мотивации. В отношении организационных форм человеческой активности отмечается радикальный сдвиг от корпораций индустриального типа к так называемым «адаптивным корпорациям». Они отказываются от приоритета максимизации прибыли, ориентируются не только на традиционные экономические ценности, стимулируют поиски нового и формируют творческий стиль работы[303]. Аналогичный процесс идет и в научно-исследовательских центрах и университетах, вокруг которых группируется все возрастающее количество людей и где создается все большая доля национального продукта[304], а также иных некоммерческих организациях, превращающихся в важные центры принятия решений и воздействующих на остальные элементы общественной структуры[305]. Все это вызывает серьезные изменения в системе социальных институтов, отражающие переход от экономики, основанной на стихийных законах рынка, к хозяйству, имеющему не плановый, но «согласованный» характер, от присущей индустриальной цивилизации «экономизированной» модели общества к «социологизированной»[306].

В качестве еще более принципиальных отмечаются изменения во внутренней структуре деятельности. Они проявляются прежде всего в том, что в постиндустриальном обществе взаимодействие между людьми[307] решительно вытесняет взаимодействие человека с преобразованной им природой, характерное для социумов индустриального типа. Если индустриальным обществам свойственно наличие элементов отчуждения людей от средств производства и собственной деятельности, в силу чего «человек не воспринимает себя активным носителем своих собственных власти и богатства, а чувствует себя усовершенствованной “вещью”, зависимой от внешней силы, определяющей смысл его жизни»[308], причем становление и рост такого отчуждения непосредственно связаны с экспансией индустриальной системы и порождены ею[309], то в

---

[302] См.: *Bell D.* The Social Framework of the Information Society. Oxford, 1980. P. 130.

[303] См.: *Toffler A.* Previews and Premises: An Interview with the Author of «Future Shock» and «The Third Wave». N.Y., 1983. P. 34.

[304] См.: *Bell D.* Sociological Journeys. Essays 1960-1980. L., 1980. P. 56-57.

[305] См.: *Rifkin J.* The End of Work. N.Y., 1996. P. 241-245.

[306] См.: *Kahn H., Wiener A.* The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next 33 Years. L., 1967. P. 25, 186.

[307] См.: *Bell D.* The Cutural Contradictions of Capitalism. P. 198, note.

[308] *Fromm E.* The Sane Society. L., 1991. P. 124.

[309] См.: *Etzioni A.* A Responsive Society: Collected Essays on Guiding Deliberate Social Change. San Francisco, 1991. P. 177.

условиях постиндустриального строя возникают реальные возможности для преодоления этого феномена, первым шагом на пути к чему является «разрушение стен между тем, что мы продолжаем называть образованием, трудом и досугом»[310].

Преодоление отчуждения идет по двум основным направлениям. Во-первых, устраняется отделенность производителей от средств производства, а класс буржуа утрачивает монополию на них, обусловливавшую его доминирование в традиционном капиталистическом обществе. Во-вторых, происходят модификация социальных ценностей и изменение мотивации человеческой деятельности, в результате чего вопрос об отношении к средствам производства, столь важный в традиционных обществах, теряет свое былое значение.

Преодоление монопольного владения средствами производства одной социальной группой или одним классом связано прежде всего с такими изменениями, в результате которых «в постиндустриальном хозяйстве к числу ограничивающих факторов относятся не земля, рабочая сила или капитал, а информация... в силу чего экономическая и политическая власть концентрируется в руках ее производителей»[311]. Между тем потребление и производство информации весьма существенно отличаются от движения материальных благ. Там, где господствовало крупное производство, требовавшее участия тысяч людей и использования сложных комплексов огромных механизмов, разделение труда и классовые границы были естественны и непреодолимы; там же, где для создания новых информационных продуктов достаточно компьютера, подсоединенного к глобальным информационным сетям, и другого распространенного оборудования, вполне способного находиться в собственности человека, который им пользуется, труд и средства производства могут сочетаться столь гармонично, как никогда ранее[312]. Некоторые исследователи идут еще дальше и утверждают, что развитие информационных сетей и компьютерных баз данных наряду с превращением знания в основной предмет и продукт труда ведет к замещению самого понятия «средства производства» более адекватным новой эпохе понятием «модели общения»[313].

Модификация социальных ценностей, позволяющая снизить остроту проблемы отчуждения, также тесно связана с экспансией

---

[310] *Dahrendorf R.* The New Liberty: Survival and Justice in a Changing World. L., 1975. P. 74.

[311] *Stonier T.* The Wealth of Information. P. 23.

[312] См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. P. 267-271.

[313] См.: *Horowitz I.L.* Communicating Ideas: The Crisis of Publishing in a Post-Industrial Society. N.Y., 1986. P. 141.

информационной экономики. Автоматизация и информатизация, которые, как удачно отметил П.Дракер, являются не чем иным, как быстрым замещением труда знаниями[314], приводят к тому, что на смену пролетариям индустриального типа приходят работники умственного труда, «владеющие квалификацией и информацией в качестве необходимого набора орудий труда... таким образом, каким неквалифицированные фабричные рабочие никогда не могли владеть»[315]. Производство и потребление информации расширяют круг процессов, основой которых выступают субъект-субъектные взаимодействия, и этот круг может в самом ближайшем будущем охватить все общественное производство. «Если основной фигурой последнего столетия являлся предприниматель, бизнесмен или руководитель промышленного предприятия, то к числу "новых людей" относятся ученые, математики, экономисты и разработчики современной интеллектуальной технологии»[316], в результате чего пролетариат, оказавшийся в меньшинстве, неуклонно вытесняется когнитариатом[317].

Технологические достижения последних десятилетий, обеспечившие высокие стандарты потребления и высокие требования к вовлеченным в производственный процесс людям, вызвали также модификацию стимулов и мотивов деятельности. С одной стороны, работники теперь предпочитают трудиться за меньшую заработную плату, если им удается самореализовываться на рабочем месте, не выполнять рутинных операций, самостоятельно принимать решения и в конечном счете рассчитывать на культурный и профессиональный рост. Это дает многим социологам основание говорить о возможной замене трудовой деятельности неким свойственным постиндустриальной цивилизации новым типом активности, содержащим многие элементы творчества[318]. С другой стороны, отмечается также стремление все возрастающего числа людей посвящать как можно больше времени семье, участию в разного рода общественных организациях, самообразованию, занятиям спортом и так далее. Опросы, проведенные в середине 90-х годов, показывают, что даже перспективы быстрого профессионального роста — главный мотив деятельности в 70-е и 80-е годы — уже не привлекают 55% работников, если для до-

---

[314] См.: *Drucker P.F.* The Educational Revolution // *Etzioni-Halevy E., Etzioni A.* (Eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. N.Y., 1973. P. 236.

[315] *Toffler A.* Previews and Premises. P. 35.

[316] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1996. P. 344.

[317] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 75.

[318] См.: *Glaser H.* Das Verschwinden der Arbeit. Die Chancen der neuen Tätigkeitsgesellschaft. Düsseldorf, 1988. S. 176; *Bailin Sh.* Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. Dordrecht, 1988. P. 3-7.

стижения таковых им пришлось бы уделять меньше времени семье и отказаться от привычных увлечений[319].

Даже в тех областях хозяйства, где распространены виды активности, не отождествляемые с творчеством как таковым, формируется творческий стиль деятельности. По все более утверждающемуся среди социологов мнению, «наличие творческих субъектов станет важнейшим фактором, определяющим успех в постиндустриальную эпоху... нескольких Эйнштейнов и Пикассо будет явно недостаточно; должно измениться все население, чтобы каждый или по крайней мере большинство людей могли с большей полнотой, чем сегодня, реализовать свой творческий потенциал»[320]. В свою очередь управление новым персоналом требует иного стиля руководства — гетерогенного, личностного, антибюрократического, творческого, интеллектуального[321]. Сведение воедино целей личности, общества и корпорации позволяет говорить о последней не только как об экономическом, но и как о социологическом институте. Обоснованным выглядит тезис Д.Белла, утверждающего: «В случае, если мы построим континуум, на одном конце которого находится *экономизация* (economizing) (когда все аспекты организации низведены до положения средств достижения целей производства и получения прибыли), а на другом — *социологизация* (sociologizing) (когда всем работникам пожизненно гарантирована работа и удовлетворение от нее становится основным требованием), то увидим, что за последние тридцать лет корпорация неуклонно двигалась — что справедливо в отношении практически всех ее служащих — в сторону социологизации»[322].

Институциональная структура современного общества представляется его исследователям состоящей из шести элементов: экономических предприятий, социального комплекса, научных учреждений, предприятий по производству общественных благ, добровольных организаций и домашних хозяйств. Первые четыре элемента составляют формальную экономику (formal economy), тогда как последние два представляют собой комплементарное хозяйство (complementary economy). В формальной экономике университеты, исследовательские центры, академические институты, «ведущие поиск, осуществляющие проверку и систематизацию теоретических знаний... становятся основными учреждениями нового общества»[323], в отличие от индустриального строя, где ключевым

---

[319] См.: *Rifkin J.* The End of Work. P. 233.

[320] *Hage J., Powers Ch.H.* Post-Industrial Lives: Roles and Relationships in the 21st Century. Newbury Park (Ca.), 1992. P. 72.

[321] См.: *Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1990. P. 199.

[322] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 288.

[323] *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. No 6. P. 30.

элементом оставалась промышленная корпорация благодаря ее ведущей роли в организации массового производства материальных благ.

Утверждение, согласно которому главные институты новой эры будут интеллектуальными, не столько означает, что большинство граждан постиндустриального социума будет представлено учеными, инженерами, техническими специалистами или интеллектуалами, хотя уже сегодня «большинство населения не являются бизнесменами»[324], сколько привлекает внимание к той конструктивной роли, которую выполняет наука как некоммерческое по своей сути предприятие при переходе к новому строю. Социальный сектор, предполагающий неприбыльное производство, прогрессирует сегодня быстрыми темпами как за счет научной сферы, так и за счет производства общественных благ и сферы услуг в целом. Наличие подобной тенденции говорит о том, что адекватная индустриальному обществу цель производства прибыли в масштабах всей экономики «размывается» целями достижения общего блага и повышения качества жизни. Именно они, а также возможности, открываемые технологическим прогрессом перед теми, чей труд не нужен более рыночной сфере, обусловливают прогресс альтернативной занятости или так называемой комплементарной экономики. Ее составляющими выступают локальные сообщества (community-based organizations), добровольные организации (voluntary organizations), а также домашние хозяйства (domestic sector).

Информация и знания имеют принципиально иную природу по сравнению с ранними символами хозяйственной власти: они более демократичны, чем земля или капитал. Если земля и капитал конечны, то знания могут генерироваться и накапливаться беспредельно; если земля и капитал имеют ограниченное число пользователей, то знания доступны одновременно любому их числу. И наконец, если земля и капитал принадлежат лишь сильным и богатым, то революционной характеристикой знания является его доступность слабым и бедным. В условиях быстрого научно-технического прогресса идет процесс «размывания» собственности, выражающийся в утрате монополии на знания и распространении интеллектуальных технологий, предполагающих высокий уровень образования и квалификации работника.

Однако эти свойства информации и знаний как стратегического и наиболее важного объекта собственности не снимают проблему классовых конфликтов и в постиндустриальном обществе. По мере продвижения к нему активно формируется класс технокра-

---

[324] *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. No 6. P. 30.

тов[325], включающий тех, кто не только обладает информацией и знаниями, но и успешно манипулирует ими на трех уровнях: национальном (правительственная бюрократия), отраслевом (профессионалы и академические эксперты) и на уровне хозяйствующей организации (техноструктура). Последняя, представляя собой мозг современной корпорации, охватывает широкий круг лиц — от руководителей предприятия до основной массы работников, — всех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями.

Превращение информации в лимитирующий фактор производства накладывает соответствующий отпечаток на характер хозяйственной власти. Объектами собственности, дающими их субъектам хозяйственную власть, перестают быть «видимые вещи» — земля и капитал; ими становятся информация и знания, которыми обладают конкретные люди[326]. В силу этого именно технократы составляют доминирующий класс постиндустриального общества, которому противостоят подавленный и особо отчужденный классы[327]. Доминирующий класс — это правительственная бюрократия, профессиональные и академические эксперты и техноструктура, то есть лица, так или иначе причастные к управлению и стоящие у истоков информационных потоков. Подавленный класс разнороден. Он включает в себя всех, кем руководит правительство, в том числе технический и обслуживающий персонал, обеспечивающий информационный поток, не говоря уже об операторах-исполнителях в сфере материального производства. Иное положение занимает особо отчужденный класс — члены местных сообществ, работники физического труда, которые не могут «вписаться» в высокотехнологичные процессы, и, наконец, представители отмирающих профессий — все те элементы общества, которые с точки зрения политического устройства противостоят постиндустриальным тенденциям. В основе описания подобной классовой структуры лежит критерий, каковым являются либо объем контролируемой информации, либо обладание знаниями.

Профессиональные и академические эксперты выступают в качестве доминирующей группы по отношению к техническому и обслуживающему персоналу, тем более — к работникам физического труда. Приоритет профессионалов, работающих в сфере образования, в значительной мере определяет ее значимость в постиндустриальном развитии. Академические эксперты, также

---

[325] См.: *Kleinberg B.S.* American Society in the Postindustrial Age: Technocracy, Power and the End of Ideology. Columbus (Oh.), 1973. P. 51-52.

[326] См.: *Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. P. 12.

[327] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. L., 1974. P. 70.

входящие в элиту, как правило, сосредоточены в университетах и исследовательских центрах, то есть в автономных структурах, где сосуществуют различные, в том числе альтернативные господствующим, теоретические направления, в силу чего «положение профессионалов определяется в соответствии не столько с их иерархическими полномочиями, сколько с их научной компетентностью»[328]. Однако, провозглашая приверженность прогрессу, доминирующий класс действует в соответствии со своими представлениями, не всегда оставаясь при этом чувствительным к интересам специфических групп, локальных сообществ и отдельных личностей.

Если правительственная бюрократия контролирует информацию и манипулирует ею, определяя политические, экономические и социальные цели общества, то на уровне экономической организации «доминирующий класс представлен техноструктурой, которая ...включает в себя тех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями»[329] и, следовательно, выполняет решающие производственные функции. Подчиненное положение по отношению к техноструктуре занимают простые исполнители, а в особо отчужденном состоянии оказываются представители устаревающих профессий. Поскольку, во-первых, несмотря на возрастающие возможности получения необходимых знаний и образования, люди в силу своих природных способностей не могут быть равны, а во-вторых, «хотя современный работник лучше образован, натренирован и обладает лучшими навыками... он все еще не занял равного положения со своим оппонентом — нанимателем»[330], в постиндустриальном обществе сохраняются отношения господства и подчинения. Многие склонны считать, что происходит «переход от общества эксплуатации к обществу отчуждения»[331], с его новыми формами конфликта и информационными войнами, которым, возможно, не будет конца.

Становление основ постиндустриального общества приводит к новому пониманию сущности классового конфликта, возникающего между доминирующим и подавленным классами в первую очередь по поводу неэкономических ценностей: желания заниматься творческой деятельностью, получать или повышать образование, иметь гибкий рабочий график, участвовать в жизни организации, города, общества и т. д. Смена ценностей не означает ни устранения конфликта, ни отрицания необходимости его разрешения. Работники, относящиеся к подавленному классу, могут пытаться улучшить свое положение двумя путями: во-первых, индивидуально —

---

[328] *Touraine A.* The Post-Industrial Society. P. 65.

[329] *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 99.

[330] *Wedderburn K.W., et al.* Labour Law in the Post-Industrial Era. Aldershot, 1994. P. 89.

[331] *Touraine A.* The Post-Industrial Society. P. 61.

путем «приобретения редких навыков, у которых нет легкодоступных субститутов», то есть становясь членами техноструктуры (на рабочем месте, в масштабах города или страны), а во-вторых, коллективно — путем создания союзов, гильдий и ассоциаций[332]. Таким образом, наряду с деиндустриализацией производства и занятости в постиндустриальном обществе имеет место не исчезновение, а деиндустриализация рабочих партий[333], профсоюзов, которые «за последние сто лет превратились из преимущественно ремесленнических организаций, устроенных по принципу гильдий, в могущественные предприятия по организации как занятых в массовом производстве, так и полуквалифицированных рабочих в огромные производственные союзы»[334]. Подобная эволюция отвечает потребностям постиндустриального работника, получающего возможность совместно с более или менее квалифицированными коллегами участвовать в выдвижении необходимых с точки зрения коллектива требований.

Перспективы цивилизации в свете постиндустриальной теории

Теория постиндустриального общества была создана в первую очередь как инструмент осмысления специфики современного момента и направлений развития цивилизации. Между тем прогнозы, считающиеся неоспоримыми большинством ее приверженцев, остаются весьма немногочисленными. Так, отмечается, что в зрелом постиндустриальным обществе будут превалировать четвертичный и пятеричный секторы хозяйства, в которых окажутся заняты от трех четвертей до четырех пятых всего трудоспособного населения. Признается, что деятельность подавляющего большинства работников утратит трудовые черты и приобретет существенные элементы креативности[335]. Возникнет общество, характеризующееся фактически полным отсутствием таких классовых противоречий, которые могли бы послужить серьезным деструктивным элементом, социум, в котором система ценностей способна «установить, пусть и приблизительно, справедливое распределение

---

[332] См.: *Clement W., Myles J.* Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies. Montreal, 1994. P. 33.

[333] См.: *Piven F.F.* Labour Parties in Post-Industrial Societies. Oxford, 1991. P. 6.

[334] *Kessler-Harris A., Silverman B.* Beyond Industrial Unionism // *Silverman B., Vogt R., Yanovitch M.* (Eds.) Double Shift: Transforming Work in Post-Socialist and Post-Industrial Societies: a US — Post-Soviet Dialogue. Armonk (N.Y.), 1993. P. 261.

[335] См.: *Bailin Sh.* Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. P. 6.

дохода, обеспечить его минимальный уровень для всех граждан и т. д.»[336]. Государство, представленное меритократией и работниками научной сферы, будет осуществлять программирование общественного производства и сохранять необходимый контроль над социальной сферой. В результате «дух информационного общества станет духом глобализма, а человек и природа могут жить в гармонии... предполагающей строгую самодисциплину и социальное сотрудничество»[337].

Однако значительное количество вопросов и по сей день остаются нерешенными. При этом следует отметить, что современные общества сталкиваются не только с «внешними» по отношению к постиндустриальным структурам, но и с порожденными самим постиндустриальным развитием проблемами.

Рассматривая становление постиндустриальной теории, не следует упускать из виду, что оно происходило в очень сложный для западной цивилизации период, когда только что спало напряжение, вызванное волной социальных движений конца 60-х годов, но мир еще стоял на пороге крупнейшего в послевоенной истории экономического кризиса, когда активно шел процесс деколонизации, поражение коммунизма было еще далеко не очевидным, а опасность военного столкновения сверхдержав временами выглядела очень реальной. Поэтому вполне естественным было внимание, которое авторы подобных концепций уделяли глобальным процессам, развивающимся в современном мире.

Описывая «среду», в которой развиваются постиндустриальные социумы, исследователи отмечали не только чисто экономические противоречия, порождающие циклические и структурные кризисы (что наиболее рельефно изображено О.Тоффлером в его известной работе по проблемам «экоспазма»[338]), но и проблемы экологического характера. Кроме того, в качестве одной из важнейших характеристик этой «среды» рассматривались конфликты, постоянно возникающие в отношениях между Востоком и Западом, Севером и Югом. Следует заметить, что большинство классиков постиндустриальной теории, не относясь явно враждебно к коммунистическим режимам, но отмечая неэффективность созданных ими хозяйственных моделей, были уверены в историческом торжестве западного типа производства и западной системы ценностей. Именно ценности демократии и хозяйственной свободы, являющиеся объектом естественного стремления человека XX века и недоступные большинству населения коммунистических стран, в конечном счете подорвали политическую стабиль-

---

[336] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1996. P. 283.

[337] *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. P. 33.

[338] См.: *Toffler A.* The Eco-Spasm. Toronto, 1975. P. 3-7.

ность в Восточной Европе и разрушили коммунистическую систему[339].

Между тем проблема увеличивающегося разрыва и нарастающего противостояния по линии «Север—Юг» привлекала и продолжает привлекать внимание всех без исключения футурологов. Несмотря на быстрый прогресс технологий, лишь немногие из развивающихся стран оказались в состоянии воспользоваться его плодами; для большинства же результатом наступления технетронной эры стало только предельно обостренное понимание недостижимости западных стандартов жизни и западного уровня потребления. Следствием является усиливающееся чувство ущемленности, распространяющееся в «третьем мире» и способное вызвать взрыв ненаправленной ненависти[340]. Противоречия подобного рода становятся еще более актуальными ввиду нарастающей миграции населения этих стран в Западную Европу и США, правительства которых зачастую не могут найти адекватных мер в связи с ускорением этого процесса. Активизация исламской идеологии и политики, а также возможная экономическая и политическая консолидация Японии и Китая в наступающем столетии создают новые мировые центры силы, способные в случае непредвиденного развития событий подорвать хрупкую стабильность 90-х годов.

Однако для нашего исследования гораздо более интересен анализ сторонниками теории постиндустриализма тех социальных изменений, которые порождены непосредственно в процессе становления этой новой формы общественной организации.

В последнее время все чаще отмечается тот факт, что развитие некоммерческого сектора, увеличение числа добровольных организаций и прочие аналогичные процессы являются не столько свидетельством торжества прогрессивных постиндустриальных тенденций, сколько последней попыткой людей хоть чем-то ответить на ускоряющееся вытеснение их не только из сферы собственно материального производства, но и из сферы услуг. Адекватная оценка всей опасности этого явления возможна при учете двух обстоятельств. С одной стороны, большинство из высвобождающихся подобным образом людей не могут быть вовлечены в те быстро развивающиеся сферы информационной экономики, где требуются высокий уровень образования и творческий потенциал, и, следовательно, переходят в разряд граждан, фактически не имеющих шансов получить себе достойное занятие когда-либо в будущем. С другой стороны, эти люди, как и большинство членов свободного общества, воспитаны в соответствии с принципами западной «разрешающей утопии», которая на уровне

---

[339] См.: *Brzezinski Zb.* Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. N.Y., 1993. P. 58-60.

[340] Ibid. P. 52.

действия вполне может быть сведена до вседозволенности, если алчность искусственно воспитывается в качестве единственного мотива этого действия[341]. Скорость технологического прогресса такова, что он порождает на одном полюсе власть над гигантскими информационными массивами и взлет творческой активности у значительной части населения, создавая в то же время на другом полюсе не менее значительную массу людей, также покинувших сферу материального производства, но перешедших не в информационный сектор, а в «никуда», откуда нет возврата в быстро изменяющийся мир.

При этом имеет место и еще одна достаточно опасная тенденция. Помимо развития творческой деятельности на производстве и в свободное время технологический прорыв последних десятилетий порождает также и совершенно непроизводительную активность, в которую вовлекается все больше людей. Это приводит к замедлению темпов экономического роста[342], все большей избирательности в выборе деятельности и так далее. Результатом становятся растущая праздность населения, предпочитающего получать заработную плату, признаваемую достаточной, за выполнение минимальных обязанностей, а также ориентация на работу лишь в тех сферах, деятельность в которых им представляется наиболее приятной. Такая ситуация чревата для развития постиндустриальных наций не только большей внутренней нестабильностью, но и неготовностью к отражению нарастающей экономической агрессии со стороны азиатских экономик и стран «третьего мира».

Обращаясь к этим проблемам, мы выходим за рамки общетеоретической схемы и оказываемся в кругу тех исключительно важных, но все же относительно частных вопросов, которые мы подробно рассмотрим в четвертой части нашей книги. Сейчас же нам хотелось бы подчеркнуть те элементы внутренней связи и взаимодополняемости, которые, на наш взгляд, существуют между марксовой концепцией и теорией постиндустриального общества как двумя адекватными историческими доктринами.

Две адекватные теории: элементы сходства и взаимодополняемости

Завершая эту главу, нельзя не рассмотреть сходство двух адекватных концепций истории, отметить общие их достижения и недостатки, определить основные проблемы, в решении которых ме-

---

[341] См.: *Brzezinski Zb.* Out of Control. P. 66.

[342] См.: *Kahn H., Brown W., Martell L.* The Next 200 Years. P. 54.

тодологические принципы марксизма и теории постиндустриального общества могут существенно обогатить друг друга и дать импульс дальнейшим исследованиям.

Во-первых, и марксистская концепция, и теория постиндустриального общества основаны на признании того, что источником прогрессивного развития общества и его мерилом выступает совершенствование форм и методов производства. Какие бы способы оценки того или иного общества в марксизме или постиндустриализме мы ни взяли, они так или иначе связаны с осмыслением степени совершенства материального (или нематериального — на соответствующей исторической стадии) хозяйства. При этом следует особо отметить, что как марксисты, так и сторонники теории постиндустриального общества рассматривают не только развитие производства как таковое, но и два фундаментальных порождаемых им изменения — рост производительности труда как показатель чисто экономический и рост степени свободы человека как показатель социальный. Превосходство одного из обществ над другим марксисты оценивают в том числе и по более высокой производительности труда, постиндустриалисты — по источникам энергии и формам производственного процесса; одно из известных марксовых членений исторического процесса — на периоды личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности — хронологически весьма мало отличается от выделения доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ.

Во-вторых, что представляется наиболее существенным, оба теоретических направления выделяют в истории человечества три большие фазы, причем такой подход построен на близких методологических принципах, и эту близость можно обнаружить сразу на нескольких направлениях. Так, марксисты различают архаическую, экономическую и коммунистическую общественные формации, а постиндустриалисты на основе оценки форм и методов общественного производства в соответствующих социумах характеризуют исторические формы человеческого общежития как аграрное, индустриальное и постиндустриальное общество. И те и другие признают каждое из названных делений относительно абстрактным, и мысль К.Маркса и Ф.Энгельса о том, что коммунизм представляет собой «движение, уничтожающее современное состояние», вполне гармонирует с идеей Д.Белла о постиндустриальном обществе как конструкции, созданной для упорядочения знаний о перспективах прогресса цивилизации. Ни основоположники марксизма, ни теоретики постиндустриализма не считают возможным говорить о четких терминологических границах экономической общественной формации и индустриального общества. К.Маркс в письме В.Засулич прямо заявляет о смене общественной формации как об отдельной исторической эпохе. Р.Арон признает трудности обнаружения

хронологических пределов того или иного общества и говорит о том, что не всегда ясно даже, является оно индустриальным или аграрным. Отметим, что сомнения обоих авторов относятся именно к историческим изменениям, имевшим место в прошлом. И марксисты, и сторонники постиндустриальной концепции считают, что каждая новая общественная формация и каждая новая фаза истории в понимании постиндустриалистов не отрицает и не замещает предшествующей, а «покоится на ней как на своем базисе» (К.Маркс) или «добавляет к ней новое измерение» (Д.Белл). Ряд сравнений в данном направлении можно продолжить. Это поразительное методологическое сходство исторических триад представляется основным признаком, по которому данные теории определяются нами как адекватные.

В-третьих, как основоположники марксизма, так и классики постиндустриальной теории отмечают, что переходы между общественными формациями и границы индустриального общества ознаменованы революционными изменениями. Причем и те и другие признают, что переход от первичной общественной формации ко вторичной или от доиндустриального общества к индустриальному представлял собой длительный процесс, который революционен скорее по своей сущности, чем по характеру. Переход же, опосредующий смену экономической общественной формации коммунистической и индустриальной цивилизации постиндустриальной, представляется как основоположникам марксизма («революция пролетариата будет отлична от предшествующих революций как революция социальная от революций политических» [Ф.Энгельс]), так и авторам концепции постиндустриализма (переход к постиндустриальному обществу является «наиболее значительной из социальных революций в истории человечества» [Ж.-Ж.Серван-Шрайбер]) действительно социальной революцией, призванной изменить ход истории и преобразовать человеческое сообщество.

В-четвертых, существует значительное сходство в изображении того социума, который трактуется как коммунистическая общественная формация или как постиндустриальное общество. Этот аспект следует, разумеется, рассматривать, делая поправку на исторический период создания марксовой теории. В середине XIX века было невозможно предвидеть технологические прорывы конца XX столетия, однако и при этом основоположники марксизма не раз говорили о техническом прогрессе как основе преобразования общества. Теоретики постиндустриализма, создававшие свои теории в разгар информационной революции, также определяют постиндустриальное общество как социум, основанный на высоких технологиях, причем определение это выступает уже не как прогноз, а как констатация имеющих место в реальной жизни из-

менений. С другой стороны, К.Маркс и Ф.Энгельс совершенно справедливо назвали грядущее историческое состояние обществом свободных личностей. Но именно развитие способностей человека, замещение трудовой деятельности проявлениями творческой активности и классики постиндустриализма называют основной характерной чертой нового состояния социума. Их идеалом также является общество, основанное на социальной справедливости, хотя постиндустриальная теория не допускает, и вполне справедливо, возможности использования классового подхода, проповедовавшегося основоположниками марксизма. Общая направленность обеих теорий остается гуманистической, а рассматриваемые ими идеалы — достойной целью исторического прогресса, соответствующей природе человека.

В-пятых, кажутся знаменательными весьма интересные терминологические сходства в марксистской и постиндустриальной доктринах. Они, конечно, могут быть и совершенно случайными, но, возможно, свидетельствуют о чем-то большем, нежели о простом совпадении. И основоположники марксизма, и такие известные авторы теории постиндустриального общества, как Г.Кан и Д.Белл, называют третью большую фазу общественной эволюции постэкономической, причем если у К.Маркса это скорее вытекает из контекста всех его построений (коммунистическая общественная формация не называлась им напрямую постэкономической), то Г.Кан и Д.Белл непосредственно применяют данное понятие в своих работах. Симптоматично и то, что ряд постиндустриалистов, в частности И.Горовиц, говоря о современном хозяйстве, отмечают, что понятие способа производства может быть заменено термином «модели общения»; похожий термин — «форма общения» — активно использовался и К.Марксом на раннем этапе его творчества, когда его теория еще не была так, как в более поздний период, подчинена целям обоснования необходимости классовой борьбы и революционного преобразования общества.

Перечисление элементов сходства марксовой модели и теории постиндустриального общества можно продолжить. Однако имеет смысл обратиться к оценке слабых и сильных сторон обеих моделей, чтобы рассмотреть возможности такого их взаимодействия, которое могло бы быть полезно каждой из них.

Сильные стороны марксизма восходят прежде всего к его логической и методологической строгости. Основоположники марксизма представили исторический процесс как смену трех фаз, каждая из которых вполне может быть признана самостоятельным и цельным историческим этапом. Архаическое общество существовало в течение десятков тысяч лет, представляя собой устойчивый социальный организм. Экономическое общество также имеет продолжительную историю, оно прошло специфический путь эволюции,

отраженный в большей части писаной истории человеческого рода. Внутри экономического общества выделены четыре способа производства, каждый из которых представляет собой относительно завершенное историческое целое. Общество будущего — коммунизм — радикально противопоставлено экономической эпохе и в то же время изображено как диалектический синтез первых двух периодов. Все это придает марксовой теории значительную внутреннюю цельность, формирует ее впечатляющий прогностический потенциал.

Сильные стороны постиндустриальной теории связаны в первую очередь с тем, что ее авторам удалось преодолеть принцип оценки общества с точки зрения его классовой структуры, господствовавший в исторической науке с XIX века, а в философской — с гораздо более ранних времен. Не отрицая наличия классовых конфликтов и их роли в общественной эволюции, теоретики постиндустриализма акцентировали внимание на процессах, которые если и не способствуют устранению классовых различий, то воздействуют на общество как на единое целое. С таких позиций они рассматривают целый ряд проблем: вопросы технологического прогресса, проблемы информатизации, изменение характера труда в частности и производственной деятельности в целом; с таких же позиций они анализируют возможности решения глобальных проблем современности. Нельзя однозначно утверждать, что такие приемы безусловно совершеннее классового подхода, абсолютизированного последователями марксистского учения; тем не менее в современных условиях именно они могут принести плоды, недоступные при применении традиционного метода. Другой важный аспект заключается в том, что теория постиндустриального общества, родившаяся в весьма прагматичном мире, начала свое развитие в первую очередь с оценки реальных явлений, кардинально изменяющих лицо западного общества. Она основана на конкретных фактах, предоставляемых развитием современной цивилизации, а общеметодологические схемы занимают подобающее им подчиненное место, не доминируя над всей научной конструкцией.

В то же время слабые стороны обеих теорий оказываются своего рода зеркальным отображением их сильных сторон.

Главный недостаток марксизма кроется в радикальной переоценке его основоположниками значения и роли классовой борьбы в истории человечества. Последовательные сторонники материализма в историческом подходе, К.Маркс и Ф.Энгельс настолько презрели полученные ими же самими уникальные теоретические выводы в угоду принципам «освобождения» угнетенного пролетариата, что сама созданная ими «теория» социалистического преобразования общества оказалась, как это ни парадоксально, отнюдь не материалистической. Материализм учил, что

экономическая общественная формация, получившая в капиталистическом способе производства свое наиболее полное выражение, не может быть разрушена в стадии своего расцвета; материализм учил, что противостоящие классы, определяющие развитие определенного способа производства, уходят с авансцены при формировании нового; наконец, материализм учил, что общество, настолько радикально отличающееся от существующего, насколько одна общественная формация отличается от другой, не может быть построено на том же, что и предыдущее, технологическом базисе. К.Марксу и Ф.Энгельсу пришлось по меньшей мере трижды переступить через фундаментальные принципы своей исторической доктрины, чтобы провозгласить теорию насильственного внедрения коммунизма посредством революционного ниспровержения власти буржуазии. Планомерность — фетиш, противопоставленный основателями марксизма товарному хаосу, — оказалась естественным порождением экономики, переживающей примитивную стадию массового производства, порождением, возникающим объективно и не требующим радикального вмешательства, называемого волюнтаризмом. В результате губительного семидесятилетнего эксперимента сегодня только граждане бывших коммунистических государств вынуждены, развивая примитивные формы рыночных отношений, двигаться по пути, прямо противоположному тому, по которому идет весь остальной мир.

В свою очередь основным недостатком постиндустриальной теории является ее недостаточная «теоретизированность». Стоя на твердой почве реальности, строя свою теорию исходя из фактов, предоставляемых самим ходом общественного прогресса, постиндустриалисты отразили в ней все внутреннее самодовольство индустриального строя, считающего себя главным воплощением успехов человеческой цивилизации. Отказавшись от принципа рассмотрения «классового» или «экономического» мира как единого целого, презрительно отодвинув в сторону «аграрные» общества, эти теоретики разорвали единую нить истории, протянувшуюся к индустриальному миру из римских эргастериев и средневековых торговых союзов. Если последовательно проводить мысль о постиндустриальном обществе как об обществе, основанном на доминировании третичного сектора, не забывая при этом, что доминирование первичного отождествляется с обществом доиндустриального типа, вполне можно прийти к методологически строгому выводу о том, что индустриальная эпоха, скажем, во Франции или, что особенно явно, в Германии продолжалась не более шестидесяти-семидесяти лет, с 80-х годов прошлого века до конца Второй мировой войны. Если при этом сторонники постиндустриализма считают постиндустриальную эпоху такой же продолжительной, то следует ли столь активно осмысливать исторический

период, половина которого уже прошла в теоретических спорах последних десятилетий? Если же постиндустриальное общество мыслится как глобальная перспектива человечества, то правильно ли представлять, что обе глобальные исторические драмы разыгрались на протяжении лишь последних двух столетий? Именно недостаточная глубина теоретических построений в рамках постиндустриальной доктрины снижает ценность предпринятого ее авторами анализа современной действительности и позволяет говорить об относительной его поверхностности.

Вместе с тем недостатки как марксистской концепции, так и постиндустриальной теории, не представляются чем-то естественным и неизбежным; напротив, развитие этих доктрин — как каждой в отдельности, так и в их взаимодействии — может обеспечить более полное проникновение в суть многих процессов, разворачивающихся в современном мире. И такое развитие не есть нечто гипотетическое или возможное лишь в будущем. Если рассматривать марксову теорию не как апологию классовой борьбы и проповедь социалистического преобразования общества, а как глобальную концепцию, основанную на анализе исторической динамики и изменения места человека в мире, то нельзя не видеть, что новейшие достижения западной философии и социологии инкорпорируют многие подходы, вполне свойственные и творческому марксизму. И именно оценка современного состояния социологической науки служит ключом к объяснению перспектив развития цивилизации — объяснению, которое мы стремились предпринять, не преступая границ марксистской методологии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АЛЬТЕРНАТИВЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Концепция постиндустриального общества имеет не менее важное значение для развития социологической теории во второй половине XX века, нежели то, какое имела «позитивная наука» О.Конта для становления современных представлений об обществе в середине XIX столетия. В предыдущей главе мы показали, что в основе постиндустриальной теории лежит понимание определяющего социальный прогресс объективного начала, обусловливаемого в конечном счете технологическими и экономическими характеристиками соответствующего сообщества. При этом ни то место, которое отводят сторонники постиндустриализма изменению роли личности в новом типе общества, ни детальный характер исследования ими субъект-субъектных взаимодействий в формирующемся социуме не должны заслонять того, что эта теория глубоко объективна по своей сути, что она остается воплощением наиболее достойных подражания качеств позитивной науки прошлого века.

Между тем хорошо известно, что позитивистская теория нередко подвергалась критике со стороны философов, придававших особое значение исследованию внутреннего мира человека как активного субъекта и подчеркивавших относительную самостоятельность развития социального целого и тем более отдельных индивидов от эволюции хозяйственных, а в еще большей мере технологических процессов. С каждым новым этапом социального прогресса роль этого фактора возрастала; люди во все большей мере становились *личностями*, выходя за пределы той *массы*, которая, как заметил Ж.Бодрийяр[343], вряд ли даже может называться реальным субъектом социальных процессов. Параллельно шел и процесс более

---

[343] См.: *Baudrillard J.* In the Shadow of the Silent Majorities or, The End of the Social and Other Essays. N.Y., 1983. P. 18-19, 22.

глубокого осмысления креативного потенциала человечества, его роли в ускорении развития общества. Сфера культуры как относительно автономная от сферы производства все чаще рассматривалась в качестве движителя прогресса в новых формах общества, сменяющих индустриальную цивилизацию.

Такая постановка проблемы представлялась вполне естественной и разумной. Однако в тот же период, когда закладывались основы постиндустриальной концепции, исследования философов и культурологов, пытавшихся осмыслить современную социальную трансформацию, ее природу и последствия, вышли за рамки собственно философии и культурологии, положив начало теории, которую обычно называют постмодернизмом. Следует сразу отметить, что в данном случае мы ведем речь о постмодернизме исключительно как о комплексной *социологической* доктрине, каковой он стал с середины 60-х годов. Идеология постмодернизма, и на этом мы остановимся ниже, формировалась в различных областях европейской культуры с начала XX века, однако как комплексная доктрина она стала заметной лишь тогда, когда сфера культуры впервые достаточно решительно заявила о своих претензиях не только на *особое*, но и на *доминирующее* положение среди остальных сфер общественной жизни.

Будучи порожденной теми же материальными и культурными предпосылками, что и постиндустриальная концепция, теория постмодернизма, с одной стороны, предприняла попытку возвысить культурологическую составляющую в теоретическом аспекте до уровня, уже обретенного ею в реальной жизни; с другой же стороны, она поспешила преподнести происшедшее изменение в предельно обостренной форме, трактуя его как фундаментальную революцию и переоценивая не столько значение самого данного феномена, сколько собственную роль как его воплощения и средоточия. Между тем эволюция, проделанная теорией постмодернизма, имела весьма важные последствия для формирования современных взглядов на общество и направления его прогресса. От этих взглядов, как мы увидим ниже, до формулирования основ концепции постэкономического перехода остается один только шаг.

Социологическая доктрина постмодернизма: конфликт содержания и формы

Понятие постмодернизма является, на наш взгляд, наиболее эмоционально насыщенным, но в то же время наименее фундированным термином, воплощающим в себе дихотомию уже существующего и еще только формирующегося общественных состояний. Это понятие содержит серьезный революционный элемент, кото-

рый обеспечивал и сегодня еще обеспечивает широкую популярность данной теории как бросающей вызов современной эпохе и в то же самое время претендующей на объяснение природы нового, становящегося общества. Однако, как и всякая иная революционная теория, доктрина постмодернизма отягощена элементами демагогии; последние, правда, в основном поверхностны, в силу чего наиболее существенные возражения могут вызывать не столько сами теоретические положения, высказанные в рамках постмодернистской концепции, сколько форма их преподнесения. В то же время именно она придает теории ту оригинальность, которая считается (и которая в действительности является) одной из наиболее привлекательных ее сторон.

Как теория постиндустриального общества не могла быть создана без четкого понимания границ индустриальной цивилизации, концепция постмодернизма должна была своей отправной точкой иметь понимание того, что можно считать эпохой, которая в английском и французском вариантах называется соответственно modernity и modernité*. Однако такое понимание было объективно затруднено тем, что в прямом смысле данные термины обозначают *современное* общество; в этом случае постмодернити неизбежно должно трактоваться как постсовременность. Между тем применение такого понятия по отношению к настоящему времени явно несправедливо, а к будущему — не более чем банально. Впрочем, на подобной парадоксальности строятся не только терминологические, но и многие более принципиальные стороны постмодернистской концепции.

Для того, чтобы оценить данную теорию, показать не только содержащиеся в ней противоречия, но и обозначить ее значение для становления постэкономической методологии, мы должны остановиться на основных применяемых ее сторонниками терминах, ибо именно в них заложена основа противоречивости и внутренней несогласованности различных аспектов этой доктрины.

История развития понятий «модернити» и «модернизм» не может не вызывать серьезных сомнений в том, что таковые могут быть плодотворно использованы в качестве инструмента социологического исследования. Во-первых, следует вполне однозначно отметить, что оба термина изначально не предполагали четкой хронологической определенности обозначаемых ими периодов истории или философских теорий. Характеристика современного мира как *modernus* возникла с формированием основ христианской философии истории; в данном случае имело место его противопоставление

---

* Ввиду исключительной сложности адекватного перевода на русский язык системы терминов, применяющейся теоретиками постмодернизма, мы будем далее обозначать данную эпоху как *модернити*, а сменяющую ее — как *постмодернити*.

прежним социальным системам как *antiquus*[344], что должно было в максимальной степени подчеркнуть отличие нового монотеистического мира от языческих цивилизаций Средиземноморья[345]. Распространение этого понятия с V века[346] совпало с укоренением теории прогресса, основанной на канонах Священного Писания и предполагавшей, как это было прекрасно выражено у св. Августина, конечность земного пути человечества; в такой ситуации обозначение этого отрезка истории как *modernus* было вполне обоснованным и логичным. Однако, и на этом мы остановимся ниже, применение такого термина начиная с XIX столетия, когда стали доминировать идеи безграничности прогресса, вызывает целый ряд вопросов, на которые мы не получаем ответа у сторонников данной теории. Во-вторых, нельзя также не отметить, что с самого своего возникновения термин «модернити» оставался тесно связанным с культурным аспектом развития цивилизации. Появившись в качестве инструмента противопоставления систем, основанных на полярных мировоззрениях, он до сих пор сохранил ярко выраженный культурологический оттенок. Так, в период первого европейского ренессанса XI—XII веков он использовался в основном в литературном, если не сказать даже — поэтическом, контексте[347]; в эпоху итальянского Возрождения наиболее частым было его применение для описания новых явлений в сфере искусства; в век Просвещения акцент был перенесен на философские и политические факторы; начиная с середины прошлого столетия основное внимание вновь обратилось к искусству и словесности[348]. Само по себе это обстоятельство не может считаться отрицательным, так как отражает стремление к более комплексному постижению эпохи, однако оно серьезным образом затрудняет применение термина в социологических дисциплинах, оперирующих с более широким кругом разнообразных общественных явлений и затрагивающих также социальные, хозяйственные и даже технологические проблемы.

Первый вызов традиционным представлениям о модернити был брошен в конце XVIII века торжеством идеи бесконечного прогресса. По сути дела, теоретики прошлого столетия фактически повторили в своей методологии подход раннехристианских отцов Церкви, когда стали обозначать в качестве модернити период, открывающийся этой сменой методологий, так же как философы

---

[344] См.: *Calinescu M.* Five Faces of Modernity. Durhan (NC), 1987. P. 13.

[345] См.: *Turner B.S.* Periodization and Politics in the Postmodern // *Turner B.S.* (Ed.), Theories of Modernity and Postmodernity. L.-Thousand Oaks, 1995. P. 3.

[346] См.: *Freund W.* Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelalters. Köln, 1957. S. 4 ff.

[347] См.: *Curtius E.R.* European Literature and the Latin Middle Ages. N.Y., 1963. P. 119.

[348] Подробнее см.: *Williams R.* The Politics of Modernism. Against the New Conformists. L.-N.Y., 1996. P. 31-32.

раннего средневековья называли модернити время, открытое их собственными трудами. При этом следует отметить, что эпоха Просвещения была одним из тех периодов в истории, когда отождествление прогресса знания, или культуры, и прогресса социума, или хозяйства, достигло своего высшего предела, и эти процессы были фактически идентифицированы[349]; в данном случае вновь нельзя не заметить сходства с раннехристианской эрой, когда прогресс отождествлялся с распространением новой веры и основанных на ней сообществ. В этой связи замечания многих социологов о том, что «модернити может быть рассмотрено как общество, в котором воплощены идеалы эпохи Просвещения, где осмысленное взаимодействие между миром человека и миром природы регулирует остальные стороны социального бытия»[350], а эпоха модернити охватывает все развитие западных обществ начиная с середины XVIII[351] (иногда утверждается, что с конца XVII[352] и даже с последней четверти XV[353]) века, представляются нам по степени как их фундированности, так и их условности крайне схожими с кажущимися сегодня наивными идеями св. Августина и теологов V—VIII веков. Таким образом, ответив, как может показаться, на исторический вызов, теория модернити в первый раз продемонстрировала всю меру своей относительности; по сути дела, под модернити может пониматься *любой исторический период, рассматриваемый современными исследователями как вполне развитый и зрелый*. Идея модернити подтвердила свое очевидное сходство с идеей современности, однако тем самым она продемонстрировала и малую свою применимость для конкретного социального анализа.

Такой подход имеет также два других фундаментальных следствия, каждое из которых важно для понимания модернити как исторического этапа и модернизма как описывающей его теории.

С одной стороны, относя становление модернити к XVIII веку и отмечая, что оно было подготовлено всем предшествующим развитием, исследователи все чаще стали отмечать, что модернити является неоспоримым продуктом западноевропейской цивилизации, формирование основ которой завершилось к данному периоду. При этом не только указывается, что «модернити, будучи порождено Европой, в то же самое время само породило Европу» как социальную систему, способную к быстрому и динамичному развитию, но и подчеркивается, что его расцвет пришелся на XIX век прежде

---

[349] См., например: *Condorcet J.-A., de.* Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. P., 1969.

[350] *Callinicos A.* Against Postmodernism. A Marxist Critique. Cambridge, 1994. P. 32.

[351] См.: *Smart B.* Postmodernity. L.-N.Y., 1996. P. 91.

[352] См.: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge, 1995. P. 1.

[353] См.: *Toynbee A.* A Study of History. Vol. VIII. L., 1954. P. 144.

всего как на эпоху, являвшуюся «периодом явного доминирования европейской культуры»[354]. Такое понимание представляется нам весьма условным, однако ныне оно считается многими исследователями одним из серьезных оснований для переоценки характера современного мира; одно то обстоятельство, что в последние десятилетия евроцентристская модель мира кажется в значительной мере подорванной, убеждает многих в справедливости взгляда на современный период как на противостоящий модернити; становление постмодернити как нового исторического периода в данном случае связывается с вполне естественным в наше время увеличением культурного разнообразия[355] и отходом от концепции национального государства (nation-state), остававшегося одной из основ европейского политического устройства[356].

С другой стороны, акцентирование внимания на европейской цивилизации XVII и XVIII веков приводит к тому, что сдвигаются рамки периода, который относится к премодернити; если ранее под таковым понимались античные цивилизации, то теперь к нему причисляются и средневековые общества. Модернити противопоставляется уже не античной эпохе, а всем тем социальным структурам, которые обычно называют «традиционными»; в таком случае само его значение резко сужается, и, чтобы обеспечить должное противопоставление, его начинают ассоциировать со строем, где господствует индивидуализм, а унификация общественных отношений приводит к максимальной формализации всех сторон жизни[357]. Следует отметить, что подобный прием, приводящий к определению модернити как посттрадиционализма (as post-traditional order[358]), основывается на примитивной трактовке постмодернити только лишь как исторического состояния, сменяющего модернити[359]; последнее запутывает методологию доктрины и делает ее основное понятие еще в большей мере лишенным собственного внутреннего содержания. Хронологическое ограничение понятия «модернити», в таком контексте само по себе достаточно противоречивое, делает его использование в социологическом анализе более приемлемым, но в то же время существенно обесценивает его, так как, становясь лишь иным обозначением production

---

[354] *Heller A., Feher F.* The Postmodern Political Condition. Cambridge, 1988. P. 146, 149.

[355] См.: *Smart B.* Postmodernity. P. 150.

[356] См.: *Heller A., Feher F.* The Postmodern Political Condition. P. 13.

[357] См.: *Seligman A.B.* Towards a Reinterpretation of Modernity in the Age of Postmodernity // *Turner B.S.* (Ed.). Theories of Modernity and Postmodernity. L.-Thousand Oaks, 1995. P. 123.

[358] См.: *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. P. 2-3.

[359] См.: *Best S., Kellner D.* Postmodern Theory: Critical Interrogations. Houndmills-L., 1991. P. 2-3.

of order[360], модернити объективно сближается с понятиями индустриализма и капитализма: как отмечает К.Кумар, «модернити и индустриализм представляются тесно, если не сказать — неразрывно, связанными»[361]. В результате оказывается, что термин, первоначально являвшийся, если так можно сказать, предельно глобализированным, применяется к весьма конкретному состоянию, характеризующемуся в первую очередь национальным государством с его жесткой политической системой и капиталистическим производством, пронизанным всеобщей стандартизацией[362], то есть обозначает буржуазный строй в его европейском исполнении XVIII—XIX веков[363]. Последнее как принижает значение модернити, так и неоправданно расширяет рамки индустриального общества.

Описывая период «организованного капитализма», теория модернити, с одной стороны, не противоречит представлениям об индустриальном обществе, и это делает понятным фактически одновременное распространение идей постиндустриализма и постмодернизма; с другой стороны, она по-прежнему претендует на более комплексный характер, стремясь рассматривать сферу культуры, искусства, индивидуальный мир человека, чего, по мнению ее приверженцев, не делают в должной мере сторонники постиндустриализма[364]. Между тем с сугубо методологической точки зрения сегодня ясно, насколько самоуверенной была позиция постмодернистов и насколько малообоснованными оказались выдвигавшиеся ими положения.

Фундаментальная проблема теории модернити и постмодернити заключается в том, что она использует термин, который лишь весьма условно можно назвать детерминативным. Применяя понятие «modern» и производные от него, исследователи оказываются в плену распространенного на любом уровне восприятия неизбежного отождествления идеи *modern* с идеей *современности*; поэтому они так или иначе повторяют худшую из ошибок своих далеких предшественников, переоценивая значение современного им исторического момента и даже помещая это утверждение в центр своего теоретического построения. Поэтому можно утверждать, что *выход за пределы модернити невозможен*; идея постмодернити настолько внутренне противоречива, что неизбежно должна отрицать

---

[360] См.: *Bauman Z.* Modernity and Ambivalence. Cambridge, 1991. P. 15.

[361] *Kumar K.* From Post-Industrial to Post-Modern Society. New Theories of the Contemporary World. Oxford (UK)-Cambridge (USA), 1995. P. 83.

[362] См.: *Kristol I.* The Adversary Culture of Intellectuals // *Lipset S.M.* The Third Century. America as a Post-Industrial Society. Chicago-L., 1979. P. 329.

[363] См.: *Turner B.S.* Periodization and Politics. P. 4; *Giddens A.* The Consequences of Modernity. P. 174-175.

[364] См.: *Poster M.* The Mode of Information. Poststructuralism and Social Context. Cambridge, 1996. P. 25-26.

саму себя, как только она выходит за пределы китча и начинает претендовать на определение самостоятельного научного направления. Подобное развитие событий прекрасно иллюстрируется на примере становления и исторического пути идеи, называющейся постмодернизмом.

Говоря как о возникновении термина «постмодернити», так и о становлении постмодернизма в качестве относительно целостной теории, следует отметить распространенность представления, согласно которому постмодернизм представляет собой исключительно культурологическое течение, сторонники которого рассматривают достаточно ограниченный круг вопросов, оставляя в стороне создание социологической доктрины. Это утверждение представляется нам и верным, и несправедливым одновременно. С одной стороны, корни постмодернизма как интеллектуального течения, безусловно, лежат, если можно так выразиться, в культурологической плоскости; с другой стороны, идея постмодернизма, и это заметно по работам большинства его идеологов, заключается *не столько в анализе культурологической составляющей* человеческой жизни, сколько *в распространении действующих в ее рамках принципов на остальные стороны общественного целого*, в обосновании доминирующего значения личностных черт над социальными, и поэтому *постмодернизм не может не претендовать на статус социологической теории.* Такое стремление не должно восприниматься как нечто негативное, а сам этот подход в условиях формирования постэкономического общества можно только приветствовать; проблема же, как мы покажем далее, заключается преимущественно в том, что увлечение постмодернистскими по форме терминами и понятиями помешало сторонникам данной теории достичь своей цели, а саму ее сделало уязвимой для критики.

Таким образом, легко понять, почему появление термина «постмодернизм» в культурологических исследованиях не намного опередило первые случаи его применения в социологии, да и «опережение» это можно считать весьма условным. В 1934 году, когда Федерико де Ониз впервые использовал термин «post-modernismo» для характеристики испанской и латиноамериканской поэзии начала XX века, стремившейся порвать с канонами прошлого[365], историки и социологи были вполне готовы к тому, чтобы определить всю современную эпоху как «post-modern». Всего через пять лет, в 1939 году, А.Тойнби охарактеризовал таким образом период, открытый окончанием Первой мировой войны, а в 1946 году распространил данную характеристику и на более широкий про-

---

[365] См.: *Rose M.A.* The Post-Modern and the Post-Industrial. P. 171.

межуток времени, отодвинув его границы в XIX век и назвав переломным моментом середину 70-х годов прошлого столетия[366]. В послевоенные годы изучение постмодернистских традиций в литературе и искусстве также шло *параллельно* с расширявшимся использованием понятия «постмодернизм» философами и социологами; наиболее известные культурологические статьи Л.Фидлера и Л.Мейера[367], где, как считают, был определен интересующий нас термин[368], работы И.Хассана и Ч.Дженкса[369], посвященные развитию постмодернистских тенденций в искусстве и архитектуре, не говоря уже о трудах Ж.-Ф.Лиотара и Ж.Бодрийяра[370], заложивших основы постмодернистской психологии, теории языка и других символов, появились уже несколько позже того, как А.Тойнби стал активно использовать понятие «постмодернити» в своих исторических исследованиях, а К.Райт-Миллс и П.Дракер определили формирующийся социологический и экономический порядок как post-modern[371]. Спор о приоритетах и источниках данной концепции кажется нам поэтому неплодотворным; можно утверждать, что постмодернизм стал естественной реакцией представителей разных направлений общественных наук и различных сфер искусства на возросшую комплексность социума, выделение в котором неких узких форм человеческой деятельности уже не казалось целесообразным.

Нельзя также не отметить, что, в отличие от постиндустриальной теории, сторонники которой опирались прежде всего на взгляды социологов и экономистов начала XX и конца XIX века, а также использовали в своих работах труды философов-позитивистов, теория постмодернизма основывалась на более широком интеллектуальном базисе. Так как стремление выйти за рамки модернити объективно существовало с тех пор, как стали очевидными социальные пороки индустриальной системы, и поиски такого выхода шли не только в социально-экономическом аспекте, но и в

---

[366] См.: *Rose M.A.* The Post-Modern and the Post-Industrial. P. 9.

[367] *Fiedler L.* Cross the Border — Close the Gap: Post-Modernism // *Cunliffe M.* (Ed.) American Literature Since 1900. L., 1975; *Meyer L.B.* The End of the Renaissance? // Hudson Review. 1963. Vol. XVI.

[368] Подробнее о ходе дискуссии этого периода см.: *Bertens H.* The Idea of the Postmodern: A History. L.-N.Y., 1995. P. 23-24.

[369] См.: *Hassan I.* The Literature of Silence. N.Y., 1967; *Hassan I.* The Dismemberment of Orpheus: Toward a Postmodern Literature. N.Y., 1971; *Jencks Ch.* Modern Movements in Architecture. Harmondsworth, 1973; *Jencks Ch.* Post-Modernism: the New Classicism in Art and Architecture, L., 1987.

[370] См.: *Lyotard J.-F.* Dérivé à partir de Marx à Freud. P., 1973; *Lyotard J.-F.* La condition postmoderne. P., 1979; *Baudrillard J.* La société de consommation. P., 1970; *Baudrillard J.* L'echange symbolique et la mort. P., 1976.

[371] См.: *Wright Mills C.* The Sociological Imagination. Harmondsworth, 1970. P. 184; *Drucker P.F.* The Landmarks of Tomorrow. N.Y., 1957. P. IX.

исследованиях личностных качеств человека, теория постмодернизма оказалась подготовлена работами Ф.Ницше не в меньшей мере, чем трудами К.Маркса. В XX веке фактически каждое социологическое направление привносило определенные элементы в данную теорию, так как любое развитие объективно приводило к отрицанию прежней социальной системы и в этом аспекте способствовало становлению постмодернити. Можно утверждать, что в политической и философской теории данное направление в наиболее полном виде представлено группой французских интеллектуалов, чьи идеи произросли на почве, давшей жизнь брожению 1968 года; в социологической же области наиболее близки основным проблемам постмодернизма идеи Т.Адорно[372] и представителей так называемой франкфуртской школы[373], многие из сторонников которой занимали постмарксистские позиции. Подобное сочетание самых разных направлений в рамках единой по своему духу теории привело к тому, что сторонники трактовки современного мира в качестве постмодернити потенциально способны были к более широкому видению исторической перспективы, нежели постиндустриалисты. Однако нельзя не признать, что эта задача была решена лишь отчасти, и притом не самым совершенным образом.

Именно на этом этапе можно констатировать то внутреннее противоречие, которое характерно для теории постмодернизма и которое разрушает ее структуру и делает ее непоследовательной.

С одной стороны, сторонники данной концепции определяют новое состояние в первую очередь через те признаки, которые отличают его от предшествующего. Как и постиндустриалисты, они апеллируют прежде всего не к позитивным характеристикам этого состояния, а к тем, которые легче всего можно обозначить как радикально отличающиеся от прежних. Особое внимание уделяется то процессам демассификации и дестандартизации[374], то преодолению принципов фордизма[375], то отходу от прежних форм индустриального производства[376] и возрастающей плюралистичности общества[377], то проблемам снижения возможности прогнозировать развитие как отдельных общностей, так и социума в целом, воз-

---

[372] См.: *Best S., Kellner D.* Postmodern Theory. P. 225-226.

[373] См.: *Gellner E.* Postmodernism, Reason and Religion. P. 34-35.

[374] См.: *Lash S.* Postmodernism as Humanism? // *Turner B.S.* (Ed.). Theories of Modernity and Postmodernity. P. 68-69.

[375] См.: *Lash S.* Sociology of Postmodernism. P. 37-38; *Castells M.* The Informational City: Informational Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process. Oxford, 1989. P. 23, 29.

[376] См.: *Kumar K.* From Post-Industrial to Post-Modern Society. P. 123.

[377] См.: *Heller A., Feher F.* The Postmodern Political Condition. P. 1.

растанию неопределенности общественного прогресса[378]; говорится о преодолении ранее существовавшего отчуждения, об уходе от массовости социального действия, об изменившейся роли человека — от движущих им мотивов и стимулов[379] до ценностных ориентаций и норм поведения[380] и, что особенно существенно, характера восприятия существующей реальности. Между тем все эти совершенно правильные и в значительной степени эмоционально окрашенные формулировки используются лишь для того, чтобы отделить новый мир от прежнего индустриального строя, ибо именно он рассматривается обычно в качестве эпохи модернити. Поэтому на социологическом уровне предельно ясно, почему новое состояние социума противопоставляется не более чем традиционному (организованному) капитализму либо как дезорганизованный (disorganized)[381], либо как поздний (late)[382] капитализм, несмотря на то что в культурологических и философских дискуссиях такое понимание затуманивается обильной риторикой. В результате теория постмодернизма оказывается лишь дополняющей постиндустриальную концепцию, но вряд ли способной претендовать на ее замещение.

С другой стороны, и это представляется нам наиболее важным, *в рамках постмодернистской теории фактически невозможно адекватно определить возникающее социальное состояние.* Данная проблема настолько серьезна, что заслуживает более подробного рассмотрения.

Современный постмодернизм появился не как научная теория. Претендуя на то, чтобы стать глобальной социальной доктриной, он возник как интеллектуальное течение, представители которого с гуманистических позиций отрицали важнейшие принципы, на которых базировалась эпоха модернити. Как подчеркивают многие исследователи, соответствующие идеи прошли в своем развитии два этапа; на первом, начавшемся на волне социальных трансформаций 60-х, постмодернизм стал наиболее понятным (но при этом и наименее удачным) термином, в котором воплотились понимание быстро меняющегося мира, революционные ожидания того времени и который поэтому оказался исключительно привлекательным для многих деятелей культуры, политиков и философов, обеспечивших его широкое распространение[383]. Постмодернизм 60-х был естественен, олицетворяя идеологию людей, действия которых

---

[378] См.: *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. L.-Thousand Oaks, 1994. P. 257.

[379] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (NJ), 1990. P. 92-103.

[380] См.: *Featherstone M.* Consumer Culture and Post-Modernism. L., 1991. P. 126.

[381] См.: *Lash S.* Sociology of Postmodernism. P. 18.

[382] См.: *Jameson F.* Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. P. XXI.

[383] См.: *Calinescu M.* Five Faces of Modernity. P. 268.

реально определяли впечатляющие социальные трансформации этого времени, подготавливали новый мир, оформившийся политически после потрясений конца 60-х, экономически — после кризиса 1973 года. Как сформировавшаяся теория постмодернизм возник позже, во второй половине 70-х, когда основы нового миропорядка оказались уже созданными, а социальные и экономические тенденции — объясненными в рамках постиндустриальной концепции; поэтому новое направление заявило себя как доктринерское, хотя и оставалось обреченным на популярность благодаря своей фразеологии, столь напоминавшей об атмосфере переломного периода. События конца 60-х и начала 70-х годов на самом деле послужили основой того, что привычно называется постмодернити, но этот мир оказался способным ко вполне самостоятельному развитию, обнаружив внутренние закономерности, и оказалось, что его не нужно создавать и строить, как об этом мечтали те, кто так или иначе участвовал в прежних революционных потрясениях. И теперь, когда стало укрепляться понимание того, что постмодернистские исследования последних двадцати лет представляют собой скорее теоретизированный фарс[384], нежели собственно теорию, проявились и наиболее очевидные их недостатки.

По мере того как реальная революционность сходила на нет, революционный и схоластический дух теории оказывался все более явным. При этом, как мы подчеркивали, понятие постмодернити не несло в себе никакого позитивного смысла. Известно, что все сторонники выделения в истории периодов премодернити, модернити и постмодернити обращают особое внимание на динамизм, привнесенный в развитие цивилизации периодом модернити. Этот тезис с различной степенью основательности и радикализма повторяют все, кто так или иначе рассматривает соответствующую проблематику; относительно объективистские рассуждения Э.Гидденса о корнях и причинах такого динамизма[385] соседствуют с мнением А.Турена, полагающего, что «модернити отрицает саму идею общества, разрушая ее и замещая ее идеей постоянного социального изменения»[386]; так или иначе резкое ускорение развития общества признавалось и признается как основной задачей, так и основным результатом данного периода его эволюции.

Соответственно технологический, духовный и социальный прогресс, который был порожден этой эпохой, все чаще стал обозначаться термином «модернизация» (modernization)[387], при этом

---

[384] Подробнее см.: *Berman M.* Why Modernism Still Matters // *Lash S., Friedman J.* (Eds.). Modernity and Identity. Oxford (UK)-Cambridge (USA), 1993. P. 43-45.

[385] См.: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. P. 16-17.

[386] *Touraine A.* Critique de la modernité. P. 281.

[387] Ibid. P. 23.

подчеркивается, что только комплексный процесс, ведущий к становлению новой социальной структуры, может рассматриваться в этом качестве. Неудивительно, что постмодернити стало определяться как состояние, которое знаменует собой завершенную форму процесса модернизации (when the modernization process is complete)[388], что представляется тем не менее явным нонсенсом. Избегая его, сторонники концепции стали использовать понятия modernity и modernism, postmodernity и postmodernism в самых разных значениях, а иногда и как взаимозаменяемые. Первоначально доминировала точка зрения, сторонники которой считали «modernity» и «postmodernity», «modernism» и «postmodernism» соответственно двумя периодами в социальной эволюции и двумя культурологическими доктринами[389]; в то же время они указывали, что первая пара понятий предназначена для исследования социальных различий, тогда как вторая фокусируется на проблемах культуры[390]. Однако в 80-е и начале 90-х годов, когда стало ясно, сколь широкий круг явлений охватывается понятиями модернити и постмодернити, возникла иная позиция; *ее сторонники ограничили модернити (modernity) периодом с XVII по конец XIX века, обозначив завершающую треть прошлого столетия и первую половину нынешнего века понятием «модернизм» (modernism)*, стремясь тем самым подчеркнуть возросшее влияние интеллектуально-культурной сферы на социальные трансформации этого времени[391]. Это стало возможным на фоне отсутствия продолжительной и устойчивой традиции различения понятий «postmodernity» и «postmodernism» по отношению к явлениям общественной жизни[392]. Одновременно другие авторы поспешили отойти от казавшегося прежде вполне очевидным противопоставления модернити и постмодернити потому, что, по их мнению, «контуры нынешнего мира, который может быть обозначен как постмодернистский (post-modern), весьма отличаются от того, что мы привыкли называть постмодернити (post-modernity)»[393]. Уже на этом этапе было ясно, что прогностические возможности теории близки к исчерпанию; очевидным это обстоятельство стало в последние годы.

С начала 90-х, когда потенциал саморазвития общества стал очевиден, а вероятность новых переломных моментов оказалась сведенной на нет, начался повсеместный отказ от применения

---

[388] *Jameson F.* Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. P. IX.

[389] См.: *Kumar K.* From Post-Industrial to Post-Modern Society. P. 67.

[390] См.: *Lyon D.* Postmodernity. Buckingham, 1994. P. 6.

[391] См.: *Smart B.* Modern Conditions, Postmodern Controversies. P. 150; *Lash S.* Sociology of Postmodernism. P. 123.

[392] См.: *Kumar K.* From Post-Industrial to Post-Modern Society. P. 101-102.

[393] *Giddens A.* The Consequences of Modernity. P. 3.

понятия постмодернити к обозначению современной реальности. Отступление от ранее провозглашенных принципов было гораздо более неуклюжим, чем объявление двумя десятилетиями ранее о наступлении новой эры. Инструментом изучения современного состояния было провозглашено сначала понятие модернизации, причем надлежало различать *модернизацию* как комплексное усложнение социальной структуры и собственно *развитие,* которое может не иметь явной позитивной направленности[394]; затем понятие постмодернити стало заменяться идеей «радикализованной (radicalized) модернити»[395]; потом была высказана мысль, согласно которой постмодернити (иногда обозначаемое уже и как постмодернизм (post-modernism) не является историческим преемником модернити, или модернизма, а представляет собой его реконституирование[396] (следует отметить, что подобная идея без соответствующего фурора была изложена Д.Беллом двадцатью годами ранее в терминах индустриализма и постиндустриализма[397]); позднее исследователи восприняли распространившийся в 90-е годы термин «beyond», отмечая, что лучше говорить о состоянии, возникающем «beyond modernity», чем собственно о post-modernity[398]; отмечалось также, что постмодернити может быть рассмотрено как завершенное состояние модернити, в котором модернити проявляется в наиболее цельной форме, как modernity for itself[399]. И, наконец, логическое завершение этого процесса проявилось в точке зрения, согласно которой социальное состояние, наблюдаемое сегодня, скорее всего, является зрелым модернити (la pleine modernité), тогда как прежнее, которое в течение десятилетий именовалось модернити, следует трактовать как ограниченное модернити (la modernité limitée)[400]; вся мудрость постмодернистской доктрины в этом случае оказалась сведенной к весьма показательному рассуждению, которое следует процитировать полностью: «Модернизм характеризуется незавершенностью модернизации, а постмодернизм в этом отношении более современен, чем модернизм как таковой (postmodernism is more modern than modernism itself)»[401].

Не менее показательна неудача, постигшая постмодернистов в их попытках нападок на идеи историзма. Введенный А.Геленом

---

[394] См.: *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble? Egaux et différents. P., 1997. P. 157.
[395] См.: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. P. 150.
[396] См.: *Smart B.* Postmodernity. P. 116.
[397] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 198.
[398] См.: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. P. 49.
[399] См.: *Bauman Z.* Intimations of Postmodermity. L.-N.Y., 1994. P. 187-188.
[400] См.: *Touraine A.* Critique de la modernité. P. 466.
[401] *Jameson F.* Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. P. 310.

термин «постистория» (post-histoire)[402] активно использовался в 70-е и 80-е годы для того, чтобы максимально подчеркнуть значение современного социального перехода. Между тем позднее появились утверждения о том, что «преодоление истории» представляет собой не более чем преодоление историцизма[403], а его значение никогда не было внятно объяснено; затем Ж.Бодрийяр начал акцентировать внимание не столько на конце истории, сколько на конце социального начала в истории[404], после чего участники этих поисков согласились, что речь следует вести не столько о пределе социального развития, сколько о переосмыслении прежних категорий[405]; закончилось же все признанием, что постмодернити не означает конца истории[406]. Если учесть, что само постмодернити представляется все менее и менее определенным, становится ясно, что и этот залп растрачен впустую. Признание того, что Европа и сегодня не вышла из модернити, как не вышла она и из истории, завершает дискуссию[407]. Характерно, что оказавшиеся в столь затруднительном положении постмодернисты упорно не хотят поддержать какую-либо иную концепцию, отличающуюся более последовательным отношением к проблемам терминологического и методологического характера; когда Ф.Джеймсон отмечает, что дихотомия модернити и постмодернити является в сегодняшних условиях неприменимой, он призывает обратиться к термину «реализм»[408], который, однако, представляется еще более неопределенным и малоприменимым для конкретных социальных исследований.

Этот итог весьма показателен. Постмодернисты фактически признали, что современный им период является современным им периодом, что modern times могут быть обозначены как modernity. То же самое было предпринято христианскими теологами в V веке и просветителями в XVIII; и те, и другие отметили, что каждый качественно новый этап развития общества следует считать качественно новым. Постмодернисты подчеркнули это еще раз, быть может, с наибольшей эмоциональностью и душевным надрывом. Характерно, что именно конец 80-х и первая половина 90-х годов

---

[402] См.: *Vattimo G.* The End of Modernity. Oxford, 1991. P. 103-104.

[403] Ibid. P. 5-6.

[404] См.: *Baudrillard J.* In the Shadow of the Silent Majorities or, The End of the Social and Other Essays. N.Y., 1983; оценку его взглядов см.: *Turner B.S.* Periodization and Politics in the Postmodern. P. 10 и сл.

[405] См.: *Smart B.* Postmodernity. P. 58.

[406] См.: *Bauman Z.* Intimations of Postmodermity. P. 276-277; *Giddens A.* The Consequences of Modernity. P. 50.

[407] См.: *Heller A., Feher F.* The Postmodern Political Condition. P. 156-157.

[408] См.: *Jameson F.* Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. P. 65-66.

ознаменованы самыми радикальными и жесткими, порой даже уничижительными оценками работ авторов этого направления со стороны их теоретических оппонентов[409].

Постиндустриализм и постмодернизм: возможности позитивного взаимодействия

Подход к постмодернизму в социологии как к весьма односторонней и внутренне противоречивой теории не исчерпывает, однако, ее содержания и значения. Расцвет данного направления приходится, как мы уже отмечали, на 80-е годы, и для того, чтобы понять движущие силы постмодернизма, следует вновь обратиться к эволюции постиндустриальной доктрины.

80-е и 90-е годы рассматривают иногда как период относительного упадка постиндустриальной теории, но эта оценка далека от реальности. Действительно, в этот период не было создано столь фундаментальных работ, какими в 70-е стали труды основателей концепции, и в первую очередь две дополняющие друг друга книги Д.Белла[410]. Но и задачи, стоявшие перед приверженцами этого направления, серьезно отличались от прежних.

На наш взгляд, в этот период теория постиндустриального общества вступила в пору своей научной зрелости; ее основные методологические аспекты уже были сформулированы, вычленение этапов социального прогресса было произведено, перспективы развития общества также казались весьма определенными. В такой ситуации наиболее важным для концепции стало накопление новых фактов, переход от методологических и терминологических дискуссий к исследованиям конкретных тенденций в различных областях хозяйственной и социальной жизни, изучение специфики современной эпохи в том виде, в каком она проявляется в различных областях социальной действительности. Не следует также забывать, что 80-е годы стали десятилетием, насыщенным событиями в экономике, временем беспрецедентной структурной модернизации хозяйственных систем западных стран; начало 90-х ознаменовалось не менее масштабными переменами, связанными с распадом

---

[409] См., например: *Calinescu M.* Five Faces of Modernity. P. 278; *Connor S.* Postmodernist Culture. An Introduction to Theories of the Contemporary. Oxford (UK)-Cambridge (USA), 1995. P. 8; *Gellner E.* Postmodernism, Reason and Religion. P. 23; *Smart B.* Postmodernity. P. 62, и др.

[410] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting; *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism.

Восточного блока, а в последнее время экономический кризис в Азии окончательно сделал западную модель, о близком крахе которой так много говорили постмодернисты[411], лидирующей накануне XXI века. В связи с этим мы считаем возможным утверждать, что в последние полтора десятка лет постиндустриальная теория переживает этап внутреннего развития, предшествующий новому ее взлету, и в настоящее время данная концепция остается фактически единственным примером адекватного исторического построения, обладающего серьезным прогностическим потенциалом.

Однако все это не отрицает того очевидного обстоятельства, что большинство исследователей постиндустриальных тенденций в 80-е и 90-е годы обратились, с одной стороны, к осмыслению природы и последствий информационной революции (в связи с чем концепцию «информационного общества» следует, на наш взгляд, рассматривать как составную часть и как форму развития постиндустриализма); с другой стороны — к частным исследованиям, проводящимся в соответствии с методологическими основами теории, но имеющим преимущественно прикладной характер. Наиболее активными при этом оказались работы, касающиеся закономерностей технического прогресса, совершенствования технологического базиса современного хозяйства, новых методов организации производственной деятельности, теории форм и механизмов конкуренции, формирующейся структуры общества и потенциальных источников новых социальных конфликтов и противостояний, а также исследование отношений между развитыми странами и развивающимся миром и труды, посвященные проблемам экологии и использования ресурсов.

При этом следует еще раз отметить, что методологические основы теории за эти годы не претерпели фундаментальных изменений; правильнее говорить, что каждый из признанных классиков данного направления проделал определенную личную эволюцию (либо смягчая некоторые критические оценки современного общества и осмысливая перспективы его развития в более «спокойных» тонах, как это делает О.Тоффлер, либо, напротив, более настойчиво приковывая внимание читателей к росту кризисных явлений, что заметно, например, у Зб.Бжезинского), чем утверждать, что сама теория претерпела существенные изменения. На наш взгляд, поиск, начатый в 70-е годы, продолжается сегодня не менее активно, и новая волна теоретических обобщений кажется уже не слишком отдаленной; одну из первых таких попыток мы видим

---

[411] См.: *Heller A., Feher F.* The Postmodern Political Condition. P. 13; *Smart B.* Modernity, Postmodernity and Present // *Turner B.S.* (Ed.). Theories of Modernity and Postmodernity. P. 27-28.

в фундаментальном труде М.Кастельса[412], хотя нельзя не отметить, что именно его пример показывает, насколько сложной задачей является сегодня четкое и непредвзятое обобщение того огромного материала, который накоплен за эти годы.

Таким образом, ни концепция информационного общества, ни другие вполне конкретные исследования, предпринимаемые в рамках постиндустриальной доктрины, не делают ее односторонней и сами не могут стать легкой мишенью для критики. Теорию информационного общества, например, нельзя назвать вполне новой; ее истоки восходят к началу 60-х, когда данный термин фактически одновременно был введен в США и Японии Ф.Махлупом и Т.Умасео[413]; ее развитие происходило в 80-е годы, когда с новаторскими работами выступили такие известные исследователи, как М.Порат, И.Масуда, Т.Стониер, Р.Кац и некоторые другие[414]. Эта концепция, с одной стороны, продолжает традиции европейского позитивизма, идущие от Ж.-А. де Кондорсе и А. де Сен-Симона[415], и подкреплена авторитетом многих мыслителей XIX века, рассматривавших знания как показатель развитости общества, определяющий будущие пути социальной эволюции; с другой стороны, она позволяет через призму развития науки и технологий обратиться к исследованию новых потребностей и возможностей человека, к эволюции его личности, и такой подход кажется нам более продуктивным, чем исследование этих явлений лишь со стороны культуры, искусства и других форм субъективированного выражения личности. Этот подход, таким образом, сочетает ценимую позитивистами преемственность в социальном развитии с провозглашением наступающего радикального сдвига в общественном устройстве, обусловленного переходом к обществу, где информация и знания обретают статус основного производственного ресурса[416]; последнее особенно активно подчеркивается в рамках концепции технетронного общества[417], а также доктрин, обозначающих ны-

---

[412] См.: *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture: Vol. 1. The Rise of the Network Society. Malden (Ma.)-Oxford, 1996; Vol. 2. The Power of Identity. Malden (Ma.)-Oxford, 1997; Vol. 3. End of Millennium. Malden (Ma.)-Oxford, 1998.

[413] См.: *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States; *Dordick H.S., Wang G.* The Information Society. P. 1.

[414] См.: *Porat M., Rubin M.* The Information Economy: Development and Measurement; *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981; *Stonier T.* The Wealth of Information. L., 1983; *Katz R.L.* The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988, и др.

[415] См.: *Condorcet J.-A., de.* Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. P., 1794; *Saint-Simon Cl. H., de.* Catéchisme des industriels. P., 1832.

[416] См.: *Kumar K.* From Post-Industrial to Post-Modern Society. P. 3.

[417] См.: *Brzezinski Zb.* Between Two Ages. P. 9.

нешнее общество как «высокоинформированное общество»[418], «общество знаний»[419] или «социум, в котором знания имеют высшую ценность»[420].

Между тем следует со всей определенностью отметить, что состояние концепции постиндустриального общества не является сегодня идеальным и совершенным. Уже в начале 80-х годов стало очевидным, что, хотя все известные подходы и стремятся предложить достаточно широкую и всеобъемлющую картину социальной трансформации, методологически и терминологически они остаются весьма ограниченными. Наиболее четко это обстоятельство было отмечено в 1980 году О.Тоффлером, заявившим, что не только все ранее выдвигавшиеся обозначения будущего общества, но и предложенный им самим термин «супериндустриальное общество» нельзя рассматривать как адекватные[421]. Можно назвать две причины такого несовершенства.

С одной стороны, та или иная дефиниция, связанная с особым вниманием к определенным технологическим, хозяйственным или даже социальным процессам, относительно искусственно абсолютизирует лишь одну из сторон весьма богатой общественной жизни. При этом становится вполне возможной трактовка современного социума как постиндустриального и информационного одновременно: ряд постиндустриалистов разделяют понимание его как информационного, а многие идеологи концепции информационного общества не отрицают его постиндустриального характера; следует, однако, отметить, что в основе этих понятий лежат существенно отличные друг от друга характеристики, что развитие сферы услуг, изначально считавшееся одной из определяющих черт постиндустриального общества, совершенно не тождественно экспансии знаний и информации, а технологический прогресс в свою очередь проявляется в последние десятилетия в индустриальной сфере не менее зримо, чем в третичном секторе. Это лишний раз показывает, что, хотя определения современного общества и не должны быть столь абстрактными, как рассмотренные несколько выше, они в то же время не должны и искусственно переоценивать лишь одну из его характеристик, упуская из виду иные, не менее важные.

С другой стороны, все предложенные в рамках теории постиндустриализма понятия остаются в той или иной степени поверхностными. Говоря о постиндустриальном, информационном,

---

[418] См.: *Lane R.E.* The Decline of Politics and Ideology in the Knowledgeable Society. P. 649-662.

[419] См.: *Dickson D.* The New Politics of Science. P. 163-216; *Stehr N.* Knowledge Societies. P. 5-18.

[420] См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. P. 57-58, 267-287.

[421] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 9.

технетронном или каком-либо ином обществе из этого ряда, исследователи так или иначе обращаются к оценке одной из внешних характеристик социума, не обращая внимания на глубинные причины, приведшие к ее доминированию. На наш взгляд, до сих пор никому не удалось *ни определить новую общественную стадию в качестве социального целого, заданного одной глобальной характеристикой или становлением некоего принципиального отношения, ни объяснить, каким образом все остальные, очевидно важные, процессы и явления обусловлены подобной фундаментальной трансформацией.* Описание формирующегося общества осуществляется на разных уровнях абстракции одновременно, а основные элементы происходящих изменений рассматриваются параллельно, не обусловливая друг друга. Так, у Д.Белла доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества противопоставляются по четырем основным направлениям: по превалирующим ресурсам, методу производственной деятельности, организации технологии и характеру построения отношений человека и природы[422]. О.Тоффлер при анализе первой, второй и третьей «волн» в истории рассматривает в аналогичном контексте источники энергии, ресурсы, характер труда, а также роль информационной сферы и политической системы[423]. И в первом, и во втором случаях как относительно однопорядковые рассматриваются процессы, протекающие на разных уровнях хозяйственной и социальной структуры, причем их взаимообусловленность или прослеживается формально, или вообще не затрагивается. В результате картина будущего общества оказывается мозаичной, а основные принципы его организации — неопределенными.

Несогласованным оказывается и понимание исторической роли нового общества. Если Д.Белл, основатель и наиболее последовательный сторонник теории постиндустриального общества, отмечает, что оно «не “замещает” индустриальное и даже аграрное общество... [а лишь] вводит дополнительное измерение, рассматривая управление данными и информацией в качестве необходимых элементов сложного по своей структуре общества»[424], что «постиндустриальные тенденции не замещают предшествующие социальные формы как “стадии” общественной эволюции; они часто сосуществуют, углубляя комплексность общества и природу социальной структуры»[425], и заключает: «Понятие постиндустриального общества — это парадигма социального исследования, ко-

---

[422] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 198, note.

[423] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 50-78, 85-88, 96-97, 132-138, 155-178, 180,; 437-438.

[424] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 198, note.

[425] *Bell D.* The Third Technological Revolution. P. 167.

торая определяет новые оси общественной организации и новые направления социального расслоения в развитых сообществах Запада»[426], — то имеют место и гораздо более радикальные позиции. Так, рассуждения О.Тоффлера о «третьей волне» обусловлены в том числе и желанием устранить у читателя любые сомнения в масштабности и важности происходящих изменений. По его мнению, «эта третья волна исторической трансформации — не продолжение развития индустриального общества в определенном направлении, а радикальное изменение подобного направления, зачастую отрицающее весь предшествующий опыт. Она представляет собой не что иное, как глобальную трансформацию, не менее революционную, чем промышленный переворот триста лет назад»[427], результатом чего становится «не *расширенный, крупномасштабный вариант нашего современного общества*, а *новое* (курсив мой. — *В.И.*) общество»[428]. Между тем следует отметить, что второй, более энергичный подход, остается в рамках теории постиндустриализма менее популярным и распространенным, нежели первый.

На наш взгляд, основой объективной критики данной теории со стороны сторонников постмодернизма остаются три обстоятельства — относительно эволюционный характер формирования нового общества, чрезмерная отвлеченность предлагаемых понятий, которые иногда трактуются как односторонние и поверхностные, и заметный объективизм, являющийся данью позитивистской традиции и в последние годы лишь нарастающий.

Но революционная фразеология постмодернистов еще больше противоречит сегодняшним реалиям, нежели эволюционистский подход сторонников постиндустриальной доктрины; само понятие «постмодернити», как мы показали, оказывается гораздо более условным и несовершенным, чем все термины, предложенные постиндустриалистами. Возможно ли в таком случае позитивное взаимодействие между данными направлениями и способна ли теория постмодернити обогатить постиндустриальную концепцию? Несмотря на все отмеченные обстоятельства, мы полагаем возможным дать положительный ответ на этот вопрос.

Концепция постмодернити исходит из иного понимания природы и основных признаков индустриального строя, чем теория постиндустриалистов[429]. Хотя ее сторонники допускают фактическое отождествление понятий «модернити» и «индустриальное общество», такое отождествление остается ограниченным и может

---

[426] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 119, 483.
[427] *Toffler A.* The Third Wave. P. 349.
[428] *Toffler A.* Future Shock. N.Y., 1971. P. 185.
[429] См.: *Webster F.* Theories of the Informational Society. L.-N.Y., 1995. P. 190-191.

быть отнесено только к хронологическим аспектам соотношения двух этих понятий. Между тем при описании эпохи модернити акценты смещаются и особое внимание уделяется тем сторонам этого строя, которые тесно связаны с проблемами положения личности в обществе, с различными аспектами процесса ее социализации[430]. Именно с этих позиций модернити определяется как исторический период, характеризующийся, во-первых, господством индивидуализма и быстрой изменчивостью, во-вторых — отношением к человеку как к простому представителю класса или иной социальной группы и максимальной формализованностью всех сторон общественной жизни[431].

Соответственно и историческое время, сменяющее «модернити», определяется сторонниками данной теории в первую очередь через апелляцию к модифицирующейся человеческой природе, к изменяющемуся месту человека в социальной структуре. Как мы уже отмечали, многие исследователи говорят о возрастающей плюралистичности[432], о снижении прогнозируемости социума и возрастании неопределенности общественного прогресса[433], о преодолении ранее существовавшего отчуждения, об уходе от массовости социального действия, об изменившихся мотивах и стимулах человека[434], его новых ценностных ориентациях и нормах поведения[435] как о важнейших характерных чертах формирующегося общества. При этом, нельзя не отметить, идеологи постмодернизма вполне осознанно признают особое место хозяйственных отношений даже в современных условиях, отмечая, что весьма популярный в кругах постмодернистов принцип «anything goes» сегодня может быть отнесен только к культурной[436], но не к экономической[437] области. Противопоставление всех этих реалий характеристикам модернити становится противопоставлением положительных элементов отрицательным, а устранение прежних форм воспринимается как само содержание общественного прогресса. На этом уровне вновь становится заметным ранее казавшееся полностью утраченным различие между доктринами модернити и индустриального общества. Так, если М.Вебер считает рационализацию, которую он называет differentia specifica данной эпохи[438], явлением всецело положитель-

---

[430] См.: *Smart B.* Modernity, Postmodernity and Present. P. 15-16.

[431] См.: *Touraine A.* Critique de la modernité. P. 86-87.

[432] См.: *Heller A., Feher F.* The Postmodern Political Condition. P. 1.

[433] См.: *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. P. 257.

[434] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 92-103.

[435] См.: *Featherstone M.* Consumer Culture and Post-Modernism. P. 126.

[436] См.: *Heller A., Feher F.* The Postmodern Political Condition. P. 139.

[437] См.: *Smart B.* Postmodernity. P. 103.

[438] См.: *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. N.Y., 1964. P. 184-185.

ным, то современные авторы склонны придерживаться иной точки зрения, обращая внимание на то, сколь сильным оказалось движение за преодоление рационализации на протяжении XX века[439]. Еще более негативным является их отношение к тому порожденному данной эпохой явлению, каким выступает «фрагментация» общества. Отмечая, что «история modernité представляет собой историю медленного, но непрерывного нарастания разрыва (rupture) между личностью, обществом и природой»[440], А.Турен указывает, что наиболее опасен «распад» (dissociation) общества и активного субъекта[441], феномен нарастания отчуждения человека от общества, которое становится непомерно высокой платой за достижения материального и экономического прогресса.

Уже здесь хорошо заметно отличие концепции модернизма и, соответственно, идеи постмодернизма как ее развития, от теории индустриального и постиндустриального общества. Это отличие, на наш взгляд, заключается в том, что сторонники рассмотрения дихотомии модернити и постмодернити стремятся охватить более широкий круг явлений, нежели приверженцы постиндустриальной теории, пусть даже и ценой отказа от четких формулировок и детализированного анализа реальности. Нельзя не признать, что теоретики постмодернизма обращают значительное внимание на хозяйственные проблемы[442]; при этом для них характерен поиск нетрадиционных путей осмысления роли экономических явлений в жизни общества[443]. Одними из первых и в наиболее последовательной форме они отметили, что современное общество достигло такого уровня развития, на котором повышение степени свободы без резкого отрицания экономических закономерностей, без выхода за пределы рынка[444] не представляется возможным. При этом тем не менее преимущества постиндустриальной теории в аспекте четкости противопоставления трех эпох в истории человечества как доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной[445] перед анализом премодернити, модернити и постмодернити[446] настолько очевидны, что признаны и сторонниками постмодернизма[447].

---

[439] См.: *Smart B.* Postmodernity. P. 91.

[440] *Touraine A.* Critique de la modernité. P. 199.

[441] См.: *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble? P. 36.

[442] См.: *Bocock R.* Consumption. L.-N.Y., 1993. P. 77.

[443] См.: *Jameson F.* Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. P. XIV.

[444] См.: *Bauman Z.* Intimations of Postmodernity. P. 261-262.

[445] См., напр.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 115-119; *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 198, note.

[446] См.: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. P. 102.

[447] См.: *Bauman Z.* Intimations of Postmodernity. P. 93.

Между тем широта восприятия социологических проблем, свойственная современным постмодернистам, пусть не всегда подкрепленная в рамках их теории серьезным методологическим основанием, делает эту концепцию важным и несомненно заслуживающим внимания элементом современной социологии.

На наш взгляд, социологическая доктрина постмодернизма представляет собой одну из разновидностей постиндустриальной концепции, ее оборотную сторону[448], в рамках которой внимание исследователей обращено прежде всего на иные аспекты тех же процессов, которые рассматриваются и постиндустриалистами. Можно утверждать, что становление постмодернизма как глобальной социологической теории было резко ускорено успехами постиндустриализма на протяжении 70-х годов. Будучи вначале сугубо культурологической реакцией на данное течение (так, сторонники постмодернизма подвергали критике теоретиков постиндустриализма за недостаточное внимание к проблемам коммуникации, языка, знаковых систем и т.д.[449]), она стала впоследствии более комплексной; можно видеть, насколько эффективным было в начале 80-х годов «переключение» постмодернистами внимания исследователей с проблем постиндустриализма на это новое направление[450]. Причины тому были весьма вескими.

Основным моментом, на который обращают внимание постмодернисты, является возросшая комплексность общества, которая, как это ни парадоксально, базируется на небывалой прежде роли индивидуального сознания и поведения. Современное общество основано на разнобразии (diversity) составляющих его людей[451], оно задано в своих основных аспектах перенесением акцента с понятия «мы» (свойственного индустриальному обществу при всем присущем ему индивидуализме[452]) на понятие «я»[453]; более того, в рамках новых представлений исследователи все чаще отмечают возникающее «расщепление» «я» как субъекта социального действия и «я» как личности, для которой противоестественно быть вовлеченной в любого рода массовые движения. Знаменитое «je n'est pas Moi»[454] А.Турена представляет собой один из наиболее точных афоризмов современного периода, и, во многом соглашаясь с критиками постмодернизма как теории, в значительной степени

---

[448] См.: *Kumar K.* From Post-Industrial to Post-Modern Society. P. 113.

[449] См.: *Poster M.* The Mode of Information. Poststructuralism and Social Context. P. 25-26.

[450] См.: *Frankel B.* The Post-Industrial Utopians. P. 76.

[451] См.: *Lyotard J.-F., Thebaud J.-L.* Just Gaming. Minneapolis (Mi.), 1985. P. 94.

[452] См.: *Touraine A.* Critique de la modernité. P. 116.

[453] См.: *Lyotard J.-F.* The Postmodern Explained. Correspondence 1982-1985. Minneapolis (Mi.).-L., 1993. P. 26.

[454] См.: *Touraine A.* Critique de la modernité. P. 327.

развивающейся ради самой себя, мы не можем поддержать их во мнении о том, что недопустимо перенесение проявляющегося на личностном уровне релятивизма на социальные отношения[455]; напротив, такое перенесение происходит сегодня ежедневно и ежечасно, а недопустимо прежде всего избегать исследования того, что в конечном счете определяет лицо формирующегося общества.

В этом отношении нельзя не отметить в качестве важного, а возможно, даже важнейшего достижения постмодернизма как социальной доктрины то, что его теоретики постоянно акцентируют внимание на расширении рамок общественного производства и даже на устранении границ между производством и потреблением. Эти подходы развиваются как с точки зрения расширения понятия самого производства, в которое включаются производство креативной личности, а следовательно, и все стороны жизни человека[456], так и с позиций потребления — не столько потребления материальных благ и услуг, сколько статусных состояний и культурных форм[457]. В условиях постоянного роста роли знаний и информации, развития хозяйственной деятельности как обусловленной творческой активностью личности становится очевидной необходимость перехода от традиционного изучения субъект-объектных отношений к исследованию межсубъектных контактов и связей[458]; соответствующие проблемы подняты в рамках постмодернистской теории более отчетливо, чем у постиндустриалистов, хотя это не означает, что они достигли большей их проработанности. Кроме того, именно сторонники постмодернистского направления имеют явный приоритет в таких областях, как переосмысление роли и значения потребительной стоимости и полезности[459], рассмотрение статусных и культурологических аспектов потребления[460], исследование новой роли и значения времени и пространства как культурных форм и в то же время факторов производства[461], и в ряде других направлений.

Характерно, что именно представители постмодернизма первыми отметили, что деятельность, объединяющая в себе черты как

---

[455] См.: *Gellner E.* Postmodernism, Reason and Religion. P. 70-71.

[456] См.: *Baudrillard J.* The Mirror of Production // Selected Writings. Cambridge, 1996. P. 98-118.

[457] Подробнее см.: *Connor S.* Postmodernist Culture. P. 46.

[458] См.: *Poster M.* The Mode of Information. Poststructuralism and Social Context. P. 136.

[459] См.: *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign // Selected Writings. Cambridge, 1996. P. 66.

[460] См.: *Lash S., Urry J.* The End of Organized Capitalism. Cambridge, 1996. P. 288-289.

[461] См.: *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. L.-Thousand Oaks, 1994; *Giddens A.* Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987. P. 150-151.

производства, так и потребления и создающая вещные и нематериальные блага лишь в той мере, в какой они обеспечивают самосовершенствование личности, не создает продукты как такие потребительные стоимости (use-values), иной стороной которых неизбежно выступает меновая стоимость (exchange-value). Именно они указали, что сегодня, когда и хозяйственная, и социальная жизнь во все большей степени обретают черты гиперреальности[462], подлинное содержание полезности заключено не столько в универсальной потребительной стоимости продукта, сколько в его высокоиндивидуализированной знаковой ценности (sign-value), отметили, что именно «постмодернистская культура... [не только] в большей мере способствует потреблению благ как "символических ценностей", чем как потребительных стоимостей»[463], но и изменяет сам характер потребления, которое Ж.Бодрийяр называет *consumation* в отличие от традиционного французского понятия *consommation*[464].

Подходя к исследованию хозяйственных процессов с точки зрения субъекта — как производства, так и потребления, — именно постмодернисты первыми выявили феномен симулированных потребностей; разделив needs и wants и предполагая, что первые отражают уже прошедшие социологизацию потребности, которые «заставляют нас рассматривать потребительское поведение как социальный феномен»[465], в то время как вторые, хотя и могут становиться объектом социального прогнозирования, основаны на субъективных стремлениях личности к самовыражению в потреблении[466], они получили результаты, которые не могли быть достигнуты в рамках традиционной постиндустриальной теории. Называя сущности, возникающие в процессе производства, инициированном подобным образом, символическими ценностями (symbolic values)[467], Ж.Бодрийяр отмечает их относительную несравнимость друг с другом[468], утрату возможности «исчисления стоимости подобных объектов в квантифицируемых единицах цены или общей полезности»[469].

Эти выводы, полученные в рамках постмодернизма, крайне важны в нынешних условиях, когда характернейшей чертой хозяйственной жизни становится рост роли и значения личностного

---

[462] См.: *Lyon D.* Postmodernity. P. 16.
[463] *Lash S.* Sociology of Postmodernism. P. 40.
[464] См.: *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign. P. 58.
[465] *Baudrillard J.* Consumer Society // Selected Writings. P. 36-37.
[466] Подробнее см.: *Best S., Kellner D.* Postmodern Theory. P. 114-115.
[467] См.: *Baudrillard J.* Symbolic Exchange and Death. L.-Thousand Oaks, 1995. P. 3.
[468] См.: *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign. P. 65, 69.
[469] *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. P. 14.

фактора как в производстве, так и в потреблении. Сегодня как никогда ранее, и это также отмечено социологами-постмодернистами, «богатство представляет собой систему знаков, которые созданы, преумножены и модифицированы людьми»[470]. Таким образом, следует признать, что именно постмодернисты ближе всех подошли к проблеме обусловленности современного производства и современной социальной структуры не столько объективными факторами и конкретными действиями человека, сколько субъективными обстоятельствами и системой мотивов и стимулов, определяющих эти действия. Можно привести в этой связи как слова К.Кумара, считающего, что «постмодернизм как теоретический подход... выделяется среди прочих тем, что заостряет внимание не только на новом обществе или новой социальной реальности, но и на нашем понимании этой реальности»[471], так и мнение З.Баумана, указывающего на то, что, охватывая целый спектр разнообразных сторон жизни общества, «постмодернити в то же время является отражением, возможно, даже в большей мере, нежели объективных процессов, состояния человеческого сознания»[472].

Заслуги представителей этого направления отнюдь не сводятся только к отмеченным достижениям; однако мы не хотели бы в рамках данной главы чрезмерно подробно останавливаться на конкретных аспектах данной теории, поскольку нам придется анализировать их в следующих разделах книги. Здесь важнее оценить, в какой мере обе концепции — постмодернизм и постиндустриализм — способствуют формированию того нового представления о социальных процессах, которое может считаться основой для создания теории постэкономического общества.

* * * * *

Обращаясь к этому вопросу, следует прежде всего отметить, что теория постэкономического общества в том виде, в каком она могла бы занять значимое место в кругу современных социологических доктрин, не должна представлять собой простую сумму постиндустриальной и постмодернистской концепций. Хотя каждая из них иногда изображается как дополняющая другую, они существенно отличаются и по внутренней структуре, и по задачам исследования, в силу чего не могут стать объектом непротиворечивого синтеза. Между тем каждая из этих теорий предоставляет исследователю целый ряд важных методологических инструментов,

---

[470] *Foucault M.* The Order of Things. An Archaeology of Human Sciences. N.Y., 1994. P. 205.

[471] *Kumar K.* From Post-Industrial to Post-Modern Society. P. 123.

[472] *Bauman Z.* Intimations of Postmodermity. P. VII.

которые могут и должны быть использованы при формировании концепции постэкономического состояния человечества.

С одной стороны, теория постиндустриального общества выдвинула целый ряд исключительно важных положений, сформулированных на основе ее методологических постулатов.

Во-первых, она является сегодня наиболее последовательным преемником тех адекватных теорий, которые базируются на идее *триадичности социального прогресса*. Выделение в истории доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной стадий вполне приемлемым образом отражает, пусть и с одной определенной точки зрения, исторический путь человеческого общества. При этом, что необходимо подчеркнуть, такой подход основан на исследовании вполне конкретных явлений и процессов, а завершающий историю этап остается, в соответствии с логикой адекватных исторических доктрин, открытым в будущее и не исключает возможности безграничного совершенствования человечества во всех его проявлениях.

Во-вторых, постиндустриальная концепция является в своих основных чертах *материалистической*. В данном случае мы имеем в виду, что в ее рамках социальный прогресс понимается как подготовленный всем технологическим и хозяйственным развитием. Несмотря на рост значения и роли личностного фактора в современных условиях, такая позиция кажется нам наиболее взвешенной и обоснованной, поскольку лишь с такой точки зрения можно не только непротиворечиво объяснить формирование предпосылок перехода к постиндустриальному обществу, но и исследовать механизм технического и хозяйственного прогресса на тех ранних стадиях постиндустриализма, которые нам выпало наблюдать в реальной жизни.

В-третьих, постиндустриальная концепция предпочитает *движение от анализа конкретных фактов действительности к широкомасштабным обобщениям*. Именно поэтому в течение последнего времени имеет место скорее накопление исходного материала и подготовка нового этапа развития концепции, чем формулирование неких общих принципов. Подобный подход позволяет рассмотреть целый ряд исключительно важных конкретных проблем, таких, как оценка невоспроизводимых благ, роль интеллектуального капитала, механизм развертывания информационной революции и многие другие. В рамках постиндустриализма эмпирический материал всегда оказывается первичным по отношению к теоретическим тезисам, и это также представляется ценным качеством этой теории.

Однако, несмотря на эти положительные моменты, постиндустриальная доктрина имеет существенный недостаток, заключающийся в том, что она не дает исследователю *инструмента осмыс-*

ления того развития, которое привело к становлению индустриального, а позднее и постиндустриального общества. Основной термин, применяющийся в данной концепции, как бы привнесен в теорию извне, он не обозначает естественного и саморазвивающегося, системообразующего процесса, лежащего в основе становления новых социальных структур. В этом отношении теория постиндустриального общества лишь констатирует происходящие социальные трансформации, подчеркнуто вынося себя вовне самого общества, и это делает многие ее положения и трактовки излишне объективистскими и поверхностными.

С другой стороны, доктрина постмодернизма, в которой воплощен иной вид реакции на противоречия индустриального строя, также предоставляет исследователю многие важные положения, которые не могут быть проигнорированы при создании постэкономической теории.

Во-первых, несмотря на крайне неудачно выбранные терминологические «точки отсчета», концепция постмодернизма объективно *выработала более «насыщенное»*, если так можно сказать, *понимание значимости современного социального переворота*. В крайне противоречивой форме, фактически уравнивая модернити с индустриальным строем, сторонники постмодернизма всем духом своей теории дают понять, насколько существенно для общества происходящее сегодня изменение. При этом, прослеживая ход развития данной концепции, можно заключить, что сведение модернити к индустриальному строю не есть ее «родовой недостаток». Поясняя это обстоятельство, отметим, что в постиндустриальной теории не возникает сомнения относительно хронологической определенности индустриального периода; между тем постмодернисты основываются на применении термина, первоначально использовавшегося по отношению к гораздо более широкому временному промежутку. С такой точки зрения постмодернистская концепция, пусть и в неявном виде, содержит положение о том, что идея модернити может быть распространена гораздо дальше в глубь истории, нежели идея индустриализма; именно это, на наш взгляд, и обусловливает более точное понимание значимости нынешнего перехода, и, соответственно, сближает понятие модернити с экономической эпохой.

Во-вторых, обладая существенной культурологической составляющей и будучи изначально ориентированной не только и не столько на исследование объективных характеристик современного общества, сколько на изучение изменения места и роли человека в нем, а в последнее время — даже изменения отношения человека к институтам и формам этого общества, теория постмодернизма в целом *с большим вниманием*, нежели постиндустриальная доктрина, *относится к новейшим явлениям, происходящим на*

индивидуальном и даже социопсихологическом уровне. Это обстоятельство представляется исключительно важным, так как сегодня, и на этом мы акцентируем внимание в следующих главах, наиболее существенны не объективные стороны хозяйственных явлений, а то воздействие, которое они оказывают на развитие субъективных черт личности и в значительной мере — даже на изменение ее самосознания и перемену в представлениях о новом обществе и месте конкретного индивида в нем. В результате может радикально меняться содержание важнейших социальных понятий, а вместе с этим могут устраняться и явления, преодоление которых ранее казалось возможным только вместе с трансформацией материальных условий человеческого существования.

В-третьих, постмодернисты в гораздо большей степени, чем сторонники постиндустриальной доктрины, *склонны к обобщающим оценкам значительных исторических промежутков.* Если с точки зрения постиндустриализма исследование доиндустриального общества фактически не представляет значительного интереса, кроме как в аспекте обнаружения новых относительно поверхностных линий, по которым можно было бы провести противопоставление доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ, то исследователи модернити, будучи в существенной степени ориентированы на постижение культурологической составляющей социальной эволюции, открывают в прошлом гораздо более важные закономерности и явления. В этом отношении все глобальные противопоставления оказываются в рамках данной теории более глубокими и теоретически обоснованными, чем у постиндустриалистов.

Однако доктрина постмодернизма все же остается излишне релятивистской. Попытавшись инкорпорировать в социологическую концепцию исследование явлений, относящихся к сфере индивидуального самосознания, ее сторонники оказались в плену постоянно меняющегося взгляда человека на самого себя и на современное ему общество. Как отметил А.Турен, идеи модернити особенно явно доминировали в то время, когда основы индустриального строя находились в стадии формирования, когда революционеры XVIII века еще только ставили перед собой задачу ниспровержения традиционных порядков[473]; естественным продолжением такого рассуждения является мысль о том, что и идеи постмодернити столь же активно распространяются в первую очередь тогда, когда сам этот строй еще представляется незавершенным проектом и переживает период своего становления. Поэтому с каждым новым шагом развития роль постмодернистской теории будет

---

[473] См.: *Touraine A.* Critique de la modernité. P. 229.

объективно снижаться, хотя при этом сам социальный порядок, обозначаемый как постмодернити, будет достигать все новых степеней совершенства.

Все это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что современная социология нуждается в глобальной исторической теории, которая была бы свободна как от излишнего объективизма постиндустриальной концепции, так и от релятивизма постмодернизма, но при этом в своих наиболее принципиальных моментах была бы обращена на объяснение внутреннего механизма саморазвития общества и в то же время вполне явно отражала бы изменяющуюся роль личности в условиях современной социальной трансформации и подчеркивала бы качественно новый характер формирующегося ныне общественного устройства. Мы полагаем, что все эти задачи могут быть успешно решены в рамках теории, которую мы называем *концепцией постэкономического общества*.

Говоря о постэкономическом обществе, мы не имеем в виду постэкономическую общественную формацию, весьма неявные упоминания о которой встречаются в трудах К.Маркса. Концепция выделения в истории общества доэкономической, экономической и постэкономической эпох, на наш взгляд, оптимально сочетает все черты адекватной исторической теории, которые лишь отчасти присутствуют в доктринах постиндустриализма и постмодернизма.

В основе теории постэкономического общества лежит понимание социума, который можно обозначить прилагательным «modern» в широком смысле — со времен становления классовых обществ до формирования основ постиндустриальной цивилизации — как пребывавшего в *экономическом состоянии*, когда важнейшее значение для поведения человека имеют материальные интересы, выраженные в специфическом виде интерперсональных возмездных отношений. Развитие экономических тенденций включает в себя как прогресс материальных факторов производства, на котором останавливаются постиндустриалисты, так и повышение степени свободы, на чем акцентируют внимание постмодернисты. При этом экономическая эпоха представляется вполне самодостаточным целым; источник ее развития заключен в постоянно воспроизводящемся противоречии между материальными интересами отдельных членов общества, а направление прогресса задано не выходом за пределы определенной технологической формы производства или периода, искусственно обозначенного как modern, а преодолением существующего механизма соподчинения индивидуальных интересов через формирование нематериальных мотивов, определяющих человеческие действия.

Говоря о постэкономическом обществе, мы акцентируем внимание на всех важнейших элементах современной трансформации, к которым ныне апеллируют представители самых разных

футурологических школ. Концепция постэкономического общества не переоценивает значение постиндустриального сдвига, имеющего технологический характер; она не возвышает и проблем самоосознания человека вне его продуктивной деятельности, так как учитывает, что выход за пределы таковой не станет реальностью в ближайшие десятилетия. Оценивая значимость постэкономической трансформации, мы обращаем внимание прежде всего на *изменение окружающего мира, порождаемое изменением самого человека*, а именно этот новый тип социального взаимодействия и представляется нам наиболее важной чертой современной эпохи. Преодоление противоречий, основных для эпохи индустриализма или эры модернити, возможно на путях изменения представлений о таковых, неизбежно сопровождающего современный материальный прогресс. Основной для постэкономического общества является переориентация интересов человека на задачи развития собственной личности; не мотивированная утилитарными потребностями деятельность способна изменить социальную структуру в гораздо большей мере, чем десятилетия революционных потрясений.

Формирование общества, основанного на надутилитарно мотивированной деятельности, которую мы называем творчеством в противоположность труду, вызывает радикальные изменения как в механизмах хозяйственного взаимодействия, так и в оценке самими творческими личностями целого ряда социальных отношений, приводит к фактичекому преодолению тех феноменов отчуждения и эксплуатации, которые казались неустранимыми на путях эволюционного развития общества. Постэкономический строй не требует и не может требовать ни выхода человека за пределы материального производства, на чем акцентируют внимание постиндустриалисты, ни перенесения основных его интересов в сферу культуры, к чему подталкивает теория постмодернизма; напротив, подобное общество основывается на переосмыслении и переоценке мотивов и стимулов той деятельности, которая по своей внешней форме и по своим вещественным результатам может казаться даже оставшейся неизменной. Постэкономическая трансформация не требует внешних форм своего проявления, не нуждается в революционном характере проведения в жизнь; развиваясь по мере развития самих людей, она представляет собой не менее масштабное изменение, нежели то, что привело на заре цивилизации к становлению атомизированной структуры общества и устранению неспособного к динамичному развитию общинного строя.

Наше исследование обращено к самой сути этой разворачивающейся трансформации. Особое внимание мы будем уделять важнейшим методологическим и терминологическим проблемам, нерешенность которых в значительной мере обесценила как идеи постиндустриализма, так и постмодернистскую доктрину. Цент-

ральным моментом нашей работы станет изучение содержания и форм проявления того нового типа деятельности, который приходит на смену труду, обусловливая все важнейшие черты постэкономической эпохи. И только затем мы обратимся к конкретным социальным процессам, вызванным постэкономическим переходом, обращая внимание на то, сколь велико отличие их трактовки с точки зрения постэкономической трансформации от наиболее распространенных в социологической науке. Вместе с тем мы будем постоянно подчеркивать, что все исторические концепции, рассмотренные в этой части работы, представляют собой то уникальное воплощение человеческого опыта, без усвоения которого и без корректного и уважительного отношения к которому никакое позитивное движение невозможно.

* * * * *

Переходя к оценке закономерностей становления и развития постэкономической эпохи, следует сказать несколько слов о том, чему, на наш взгляд, учит история развития представлений о прогрессе общества.

Мы не стремились в этой части рассмотреть как можно больше исторических построений, а остановились в первую очередь на тех, которые либо оставили наиболее заметный след в политической философии, либо выделялись из общего ряда строгостью методологии или значимостью полученных результатов. Однако даже анализ этих теорий позволяет сделать ряд важных выводов, заслуживающих внимания исследователей, работающих над современными концепциями исторического прогресса.

Во-первых, теории исторического прогресса могут быть подразделены на адекватные и неадекватные. В условиях, когда ни одна концепция не может охватить всей совокупности социальных явлений, важнейшее значение имеет принцип четкого выделения изучаемых процессов и глубокого проникновения во внутреннюю динамику их развертывания. К адекватным мы относим теории, сочетающие внятное определение тех процессов, которые в их рамках рассматриваются как основные, с диалектическим подходом к их изучению и оценкой перспектив человеческой цивилизации как синтетического периода, в равной степени порожденного всеми предшествующими этапами социальной эволюции. Внешними признаками таких концепций служат обнаружение в ходе исторического процесса трех глобальных этапов и акцентирование внимания на ряде фундаментальных процессов, обусловливающих эволюцию всего социального целого. Подобные концепции, и это следует подчеркнуть особо, оценивают общественное развитие как поступательное движение, определяемое эволюционными по своей природе процессами. Важнейшей чертой адекватных теорий истории является то, что они не исключают друг друга; обладая внутренней структурированностью и рассматривая один из «срезов» исторической динамики, они дополняют и обогащают друг друга, хотя и могут казаться качественно различными и исповедующими противоположные исходные принципы.

Во-вторых, в теориях общественного развития даже более, чем в других сферах науки, необходима строгая методологическая и терминологическая последовательность. С одной стороны, любая адекватная историческая концепция не может не основываться на выделении доминирующего направления или доминирующей харак-

теристики социального прогресса; вне зависимости от того, рассматривается ли в качестве таковых стремление к воссоединению с Богом или совершенствование технологических аспектов общественного производства, все социальные изменения должны объясняться именно исходя из избранного основополагающего принципа. Это не только позволяет соответствующей концепции позитивно сосуществовать с другими направлениями исторической мысли; в таком подходе заложен мощный инструмент верификации теории, естественно отсекающий те направления, которые выступают чуждыми по отношению к формам проявления глобальной тенденции. С другой стороны, огромное значение имеет и избранная терминология, не в последнюю очередь определяющая ход и результаты предпринимаемого исследования. В данном аспекте важнейшим принципом, на наш взгляд, является четкое соотнесение терминологического обозначения отдельных исторических периодов и состояний с фазами развертывания отношения, рассматриваемого в рамках той или иной теории как основное; при этом система терминов не должна допускать релятивизма, позволяющего в различных ситуациях или по мере появления новых целей толковать основные понятия неоднозначным образом.

В-третьих, история прогресса социальных теорий показывает, что наиболее противоречивы и наименее приспособлены для объяснения общественного развития те концепции, что основаны на аналогиях, особенно на аналогиях, почерпнутых из естественнонаучных дисциплин. Любая доктрина, претендующая на адекватное отражение общественного прогресса, не должна допускать предположений о том, что процессы, разворачивающиеся внутри социального организма, можно отождествлять с развитием природы или другими формами проявления движения материального мира. Использование подобных приемов, которое было очень распространено сначала в античности, затем, в еще более примитивной форме, в Новое время, а также в конце XIX и начале XX века, показывает, что построенные на них теории оказывались наиболее противоречивыми, а их широкое распространение, в том числе и благодаря некоторой внешней парадоксальности, предшествовало быстрому и радикальному упадку.

В-четвертых, при построении социальных доктрин не следует переоценивать изменичивость и изменяемость общественных структур. Одним из наиболее опасных соблазнов, встававших перед историками и философами всех времен, представляется иллюзия, что созданные ими концепции способны не только объяснить, но и преобразовать окружающий мир. На наш взгляд, значение исторической теории заключается лишь в том, чтобы предложить одну из многих возможных трактовок хода и причин социального прогресса; усваивая таковую, люди корректируют имевшиеся у них предпочтения и ценностные установки, переосмысливают свои

стремления и цели. Уже этим новые социальные доктрины объективно воздействуют на общественное развитие; однако подобным типом воздействия их вмешательство в ход исторического прогресса и должно быть ограничено. Идеи радикального изменения существующей реальности наиболее порочны с точки зрения логики адекватной исторической теории и не могут быть естественной составной ее частью. Инкорпорирование в теорию таких идей радикально воздействует на внутреннюю ее структуру по меньшей мере в двух направлениях, каждое из которых оказывается весьма опасным. С одной стороны, уже одно только утверждение, выделяющее концепцию из ряда других, объективно предполагает, что ее создатели считают свое творение не одной из исторических теорий, а единственно верной. С другой стороны, пытаясь применить свою доктрину для обоснования радикальных социальных изменений, исследователи в подавляющем большинстве случаев приносят внутреннюю стройность теории в жертву конституирования ее в качестве инструмента оценки текущей ситуации, пренебрегают методологическими и философскими основами концепции ради широкого усвоения ее людьми, способными стать проводниками тех изменений, к обоснованию которых она стремится. Наиболее показательным примером того, насколько губительно для научной теории обретение ею характера политической идеологии, представляется история развития марксизма, возникшего как одна из наиболее совершенных адекватных теорий прошлого столетия и завершившего свой путь в качестве набора примитивных догм, служивших обоснованием всевластия кремлевской бюрократии.

В-пятых, история показывает, что в условиях непрерывных социальных перемен любая концепция остается достаточно ограниченной в своих прогностических возможностях; из этого вытекают два важных следствия, которые редко признаются историками и философами. С одной стороны, нельзя не учитывать, что прогнозы будущего социального состояния не могут быть детализированы с позиций сегодняшнего дня; поэтому важным инструментом верификации исторической теории служит то, насколько подробно считают возможным ее авторы изображать будущее человечества. Совершенно очевидно, что максимальная детализированность присуща в первую очередь примитивным концепциям, основанным на поверхностных аналогиях и стремящимся привлечь сторонников через обращение к парадоксальным формулировкам и утверждениям. С другой стороны, следует понимать, что никакая адекватная историческая теория не может быть в равной мере истинной в течение продолжительного периода времени, ибо концепция прогресса не может не изменяться вместе с самим обществом. Поэтому для социальной теории одинаково важно как появиться в определенный, соответствующий ей исторический момент, так и вовремя уйти, уступив место иным, более совершенным для нового

времени представлениям. В противном случае мы наблюдаем возвращение теории к своим истокам (как это можно видеть на примере христианской доктрины V — XVI веков), либо выхолащивание ее сущностных черт (примером чего служит история марксистской теории), либо ее глубокий методологический кризис (постигший, например, концепцию постмодернизма). Следует заметить при этом, что если в первом случае для возвращения христианства к неоавгустинианской трактовке понадобилось почти тысячелетие, то марксизм проделал этот скорбный путь за полтора века, а теория постмодернистов — за три десятилетия; скорость развития и быстрота смены социальных доктрин будет, на наш взгляд, возрастать и в дальнейшем.

В-шестых, и это вытекает из только что изложенного, фактически неустранимым недостатком многих исторических концепций оказывается переоценка их сторонниками значимости современного им периода развития общества. Это существенно снижает значение подобных теоретических построений и делает получаемые в их рамках результаты весьма условными.

В заключение следует отметить, что сравнительный анализ исторических доктрин доказывает преимущества тех, которые основаны на подходе к общественному развитию как к эволюционному процессу, над теми, что подчеркивают и обосновывают революционные характеристики движения социума. Как мы отмечали выше, социальный прогресс главным образом обусловлен поступательными изменениями в производительных силах и социальных отношениях, медленным накоплением знания и совершенствованием еще более инертной системы мотивов и ценностей человека как производителя и как потребителя. Революционные перемены затрагивают в первую очередь поверхностные формы социальной жизни, и, хотя в них оказывается вовлеченным порой все общество, излишнее внимание к ним как «локомотивам истории» означает прежде всего недостаточно глубокое проникновение в процессы, лежащие в основе общественного прогресса.

Все эти моменты мы отметили в качестве уроков, которые следует усвоить из рассмотрения эволюции наиболее известных теорий истории, созданных мыслителями прошлых и нынешнего столетий. Переходя к исследованию формирующегося постэкономического строя, следует иметь в виду, что понимание недостатков предшествующих концепций не всегда, к сожалению, может служить залогом безошибочности новых теоретических построений. На протяжении последующих глав мы, вполне вероятно, будем допускать просчеты, в той или иной мере характерные и для наших предшественников; однако мы попытаемся избежать их воздействия во всяком случае на основополагающие элементы предлагаемой доктрины.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОНЯТИЕ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Современность радикально отличается от прежних столетий не только типом господствующей сегодня производственной структуры, не только успехами человека в преобразовании и покорении природы, не только обретением цивилизацией невиданного доселе уровня материального прогресса. Она отличается также неким особым ощущением судьбоносности грядущих перемен, чувством смутной тревоги, сопровождающим вступление человечества в эпоху, которую с гораздо большим основанием можно обозначить как Новое время, нежели давно минувший наивный период, обычно называемый таковым. И вряд ли состоятельны попытки объяснить это тем, что переход от века к веку кажется менее существенным, чем наступающая смена тысячелетий[1]; на наш взгляд, в сегодняшнем мире, уже, казалось бы, достигшем вершин процветания и прогресса, происходят процессы, не вполне осознаваемые большинством социологов. В свое время великий англичанин, отчасти сказочник и писатель, но в гораздо большей степени тонкий философ и глубокий знаток человеческой природы, Дж.Р.Р.Толкиен в своей трилогии об истории Среднеземья очень проницательно обозначил источник опасности, угрожавшей его жителям, как Неназываемое[2]. Знакомясь сегодня с философскими и социологическими трудами известнейших ученых, невольно восхищаешься глубиной мысли этого человека, рассказами которого многие из нас зачитывались в детские годы.

Столетия научных исканий доказали логическую корректность и прогностические возможности применения в исследованиях исторического прогресса принципа диалектической триады. В самых разных версиях таких исследований неизменно присутствует понимание нынешнего состояния как одного из наиболее значимых, революционных переходов, переживаемых человечеством. Но именно в течение последних нескольких десятилетий, и мы стремились показать это в предыдущей главе, не только возникли наиболее существенные разногласия относительно обозначения наступающей эпохи, но и возобладало убеждение о невозможности ее положительного определения. Теория постмодернизма представляет собой одно из высших достижений современной соци-

---

[1] См.: *Briggs A., Snowman D.* (Eds.) Fins de Siècle. How Centuries End 1400-200. New Haven (Ct.)-L., 1996. P. 1.

[2] См.: *Tolkien J.R.R.* The Lord of the Rings. Vol. 1. L., 1994. P. 294.

ологии; в ее рамках поднимаются и ищут разрешения важнейшие проблемы человеческого бытия, рассматриваются многие вечные вопросы, отнюдь не ставшие сегодня менее актуальными, однако эти впечатляющие успехи достигнуты ценой отказа от попытки позитивного определения формирующегося социального состояния.

Переживаемый период существенно отличается от того давнего времени, когда великие географические открытия расширили горизонты европейской цивилизации; не менее серьезно отличается он и от той эпохи, когда повсеместно распространившееся стремление к познанию структуры природных явлений, к тому, что наиболее адекватно может быть названо естествоиспытанием, заставило многих поверить, что успехи наук откроют человечеству некую безоблачную перспективу, которой оно достойно. Географические открытия обозначили новые пределы мира, продемонстрировали человечеству возможности его территориальной экспансии; естествоиспытание показало, какие безграничные возможности кроются в самих элементах природы, окружающих человека. Но и в том, и в другом случае человек обретал новый потенциал взаимодействия со средой, именно из нее черпал он очередные возможности для прогресса всего социального организма. Сегодня ситуация совершенно иная. Основным источником прогресса является уже не взаимодействие человека и природы, а внутреннее развитие личности, ее возможность самосовершенствоваться, генерировать знания, способные изменить не только окружающий мир, но, что гораздо более важно, окружающих людей. Это в значительной мере обусловливает и трудности постижения принципов прогресса, определяемого проблемами не столько социальными, сколько личностными, не столько экономическими, сколько психологическими. Более двухсот лет назад И.Кант говорил, что есть две вещи, которым не перестанет удивляться и которые не познает до конца человеческий род, — звездное небо над нами и нравственный закон в нас самих. И сегодня следует признать, что человечество в гораздо большей степени продвинулось в изучении первого феномена, нежели второго, хотя давно пора оставить надежду на то, что именно звезды, а не внутренние движения человеческой сущности управляют прогрессом земного мира.

Между тем такое положение выглядит весьма опасным. Не имея достаточно определенного представления об источниках происходящих изменений, исследователи рискуют столкнуться с непрогнозируемым ходом развития событий. На протяжении тысячелетий выдающиеся мыслители мечтали приблизить время, которое характеризовалось бы властью разума над природой, морали над страстями, права над грубой силой. От св. Августина до теоретиков века Просвещения философы стремились доказать не только другим, но и самим себе, что род людской связан узами

согласия, что природа человека есть отражение божественного совершенства. Нельзя не признать, что европейская философия всегда строилась на признании первичности заложенного в человеке позитивного начала, основывалась на постулате, гласящем, что «сущность зла состоит в том, чтобы вещь отступала от блага»[3].

Однако сегодня это очевидное правило не воспринимается столь универсальным, как прежде. Преодолевая ограничения, существовавшие в период экономической эпохи, человечество вступает в качественно новый период развития. Субъектом его становится уже не социум как таковой, не общность людей, спаянных однопорядковыми интересами, а совокупность индивидов, каждый из которых неповторим не только в своих действиях и поступках, но и в их мотивах. Согласие с самим собой, осознание внутренней свободы уже сейчас становятся основными движущими силами прогресса. Новая эпоха в развитии цивилизации, эпоха, лежащая фактически за гранью человеческого общества в собственном смысле этого слова, начинается там и тогда, где и когда ориентация на достижение согласия в рамках социума сменяется ориентацией на достижение внутренней гармонии личности. Экономические законы с неизбежностью отторгаются изменениями во внутренней структуре человеческой деятельности, системе ее мотивов и предпосылок. Люди современной эпохи создали тот первоначальный материальный базис, на котором возникает возможность для развития явлений и отношений, собственно и делающих человека человеком. Покидая экономическую эпоху, человечество вступает в эру абсолютной субъективности, где действия каждой отдельной личности обусловлены ее внутренними потребностями, продиктованы законами морали, имманентными каждому человеку новой эпохи.

Именно поэтому мы считаем исключительно важным исследование двух обстоятельств. Во-первых, мы должны определить основные черты той постэкономической эпохи, которая приходит на смену существующему общественному порядку, изучить возможности субординации новой социальной структуры, понять, может ли подобное общество рассматриваться как построенное вокруг некоего основного отношения или же оно будет представлять собой царство абсолютной субъективности. Таким образом, проблема терминологического и методологического определения нового строя — это первая задача, стоящая перед нами в данной части работы. Во-вторых, констатируя, что наиболее характерной чертой нынешнего периода является не столько новое качество индивидуальной свободы, сколько новое качество мотива любой человеческой

---

[3] *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Prima parte. Qu. 48. Art. 2

деятельности как таковой, мы должны дать ей определение, исследовать ее предпосылки и критерии, условия возникновения и исторические границы. И если предположить, как это мы сделали выше, что такая деятельность может быть названа творчеством, то окажется, что постэкономическая эпоха и период господства творческой деятельности представляют собой во многом тождественные понятия. Именно это обстоятельство мы постоянно будем иметь в виду, рассматривая характеристики как современных форм социального взаимодействия, так и современных форм человеческой деятельности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ

Переходя к рассмотрению характерных черт постэкономического общества — основного предмета нашего исследования, сделаем ряд предварительных замечаний.

Проведенный выше анализ теорий исторического прогресса, как, в частности, марксистских представлений, так и воззрений современных социологов, показывает, что в марксизме понятие экономической общественной формации является центральным элементом доктрины, позволяющим логично разделить эволюцию общества на три больших периода. В то же время в концепциях постиндустриалистов, построенных на подобном методологическом подходе, данный термин фактически не используется. Такая ситуация представляется внутренне противоречивой и требующей серьезного объяснения.

Поэтому, определяя терминологические и методологические основы нашего исследования, мы должны остановиться на двух вопросах. Во-первых, следует определить как обстоятельства, обусловившие столь активное использование термина «экономическая эпоха» основоположниками марксизма, так и причины, по которым он не получил широкого распространения в современной социологии. Это поможет нам понять возможности возрождения данного термина и определить преимущества, предоставляемые его использованием для изучения новой социальной реальности. Во-вторых, учитывая особенности современной хозяйственной, социальной и политической ситуации, необходимо обозначить как границы использования данного понятия, так и те реальные пределы, которыми ограничена экономическая эпоха в истории человечества. В зависимости от различных вариантов определения этих пределов сама постэкономическая эпоха выступает в том или ином свете.

Каждая из обозначенных нами проблем требует относительно самостоятельного рассмотрения, что и обусловливает структуру данной главы. Подготавливая читателя к оценке роли и значения теории постэкономического общества, мы начнем наш анализ с терминологических вопросов и лишь затем подробно остановимся на оценке сущностных черт экономической эпохи, определении ее исторических границ, а также изучении движущих сил, обусловливающих генезис постэкономического состояния как завершающего этапа диалектической триады, образуемой основными стадиями развития человеческой цивилизации.

История и значение термина

Приоритет в обозначении одной из основных стадий развития цивилизации как экономической эпохи, безусловно, принадлежит К.Марксу. Применяя в качестве главной структурной единицы своего понятийного аппарата термин «общественная формация» (Gesellschaftsformation), он в 1858 году в Предисловии к работе «К критике политической экономии» ввел понятие экономической общественной формации (ökonomische Gesellschaftsformation), которым определил значительную эпоху истории, объединяющую целый ряд существенно отличающихся друг от друга периодов. Как известно, К.Маркс писал тогда: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации... *этой* (курсив наш. — *В.И.*) общественной формацией, — продолжал он, — завершается предыстория человеческого общества»[4].

Концепция экономической общественной формации играла важную роль в системе материалистического понимания истории, которого придерживался К.Маркс и которое разделяется ныне большинством социологов. Обозначая данным термином целый ряд достаточно разнородных общественных форм, основоположники марксизма достигали важной цели, выделяя в историческом развитии человечества эпоху, на протяжении которой объективные элементы хозяйственной жизни проявлялись наиболее явным обра-

[4] В оригинале: «In grossen Umrissen können asiatische, antike, feudale und modern bürgerlische Produktionsweisen als progressive Epochen der ökonomische Gesellschaftsformation bezeichnet werden... mit dieser Gesellschaftsformation schliesst daher die Vorgeschichte der menschlichen Gesellschaft ab» (Marx/Engels Werke. Bd. 13. S. 9).

зом и в наибольшей степени воздействовали на всю социальную структуру. *Экономическими* они считали такой способ взаимодействия между членами социума, такую «форму общения», которые определены не религиозными, нравственными или политическими, а в первую очередь производственными факторами, порождены взаимодействием людей в процессе создания материальных благ, что является основным содержанием их жизни и основным условием социального воспроизводства. При этом экономическая эпоха как отрицание прежних исторических состояний не рассматривается К.Марксом и Ф.Энгельсом открытой в будущее; в той же мере, в какой она сменяет традиционное общество, она ограничена новым типом организации взаимоотношений между людьми, где цели максимизации не только прибыли, но и полезности производимого продукта будут замещаться стремлением человека к максимальной реализации своих личностных характеристик в деятельности, свободной от внешнего принуждения. Таким образом, самым общим *определением экономического общества* в *марксовом понимании* является обозначение его как *периода истории, основанного на превалировании материальных интересов в качестве главного мотива деятельности людей и предполагающего существование институтов частной собственности, индивидуального товарного обмена и возникающей вследствие этого эксплуатации.*

Отсюда вытекает и понимание исторической ограниченности данного периода. В трактовке этого вопроса К.Маркс и Ф.Энгельс обнаруживают исключительную последовательность и корректность. С одной стороны, говоря о том, что экономическая общественная формация включает в себя целый ряд способов производства, и отмечая, что капиталистическая система отношений формируется «на такой ступени развития экономической общественной формации, которая уже сама есть результат целого ряда предшествующих этапов развития»[5], основоположники марксизма отмечают, что буржуазный строй, являясь *воплощением* принципов экономической организации социума, *не исчерпывает* собой экономической эпохи. С другой стороны, они полагают, что этот тип общественного устройства подготавливает основные материальные предпосылки для устранения всей экономической системы как целого; именно капиталистическое развитие, как отмечал К.Маркс в конце 40-х годов, приводит к тому, что «вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений»[6], способного вылиться в конечном счете в социальную революцию, устраняющую экономический порядок.

---

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 47. С. 281.

[6] Там же.

Таким образом, можно констатировать, что экономическая форма общества в марксистской теории обозначает период, начавшийся с разложения первобытного строя под воздействием товарного обмена и разделения труда, характеризующийся эксплуатацией, классовым делением общества и товарно-денежными отношениями и завершающийся с преодолением указанных явлений. Социумы, сменявшие друг друга в рамках данной эпохи, базируются на связях экономического порядка, их развитие обусловлено в первую очередь эволюцией хозяйственного базиса, а прогресс выражается прежде всего в разделении труда и следующей за ним экспансии товарно-денежных отношений. Подчиненное экономическим законам и развивающееся вместе с прогрессом товарных связей, общество эволюционировало по пути, определяемому хозяйственными закономерностями, что позволило К.Марксу заявить: «Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс»[7].

В соответствии с этим подходом основоположники марксизма разработали и теорию общественной трансформации, согласно которой революции, опосредующие становление и преодоление экономической общественной формации, были названы ими социальными, а все прочие революционные по своей форме события, в том числе и отмечавшие смену способов производства внутри экономической эпохи, относились к революциям политического типа. В качестве *социальных* К.Маркс и Ф.Энгельс, *с одной стороны*, называли революционные преобразования, приведшие к устранению общинных порядков в период становления классового общества, причем обращали внимание на то, что переход к азиатскому способу производства не представляет собой столь радикальной трансформации; лишь становление античного общества и устранение архаических социальных форм в ходе европейской колонизации они рассматривали как проявления первой социальной революции, пережитой человечеством[8]. *С другой стороны*, они, безусловно, признавали в качестве *социальной* революцию, направленную на свержение буржуазного строя и представляющую собой, по словам Ф.Энгельса, «нечто совершенно иное, чем происходившие до сих пор *политические* (курсив наш. — *В.И.*) революции: в отличие от них она направлена не против собственности монополии, а против монополии собственности»[9]. В рамках такого подхода политические революции, разделявшие способы произ-

---

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 10. В оригинале: «...mein Standpunkt... auffasst... die Entwicklung der ökonomische Gesellschaftsformation als einen naturgeschichtliches Prozess» (Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt. 2. Bd. 5. S. 14).

[8] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21. С. 128.

[9] Там же. Т. 2. С. 552-553.

водства внутри экономической эпохи, рассматривались как порожденные не противоречием между производительными силами и производственными отношениями, не принимающим в рамках экономической общественной формации угрожающих социальному развитию форм[10], а сложным характером взаимодействия между хозяйственным базисом общества и его социально-политической надстройкой. Определяя причины подобных революций, К.Маркс и Ф.Энгельс писали: «Ранний интерес, когда соответствующая ему форма общения уже вытеснена формой общения, соответствующей более позднему интересу, еще долго продолжает по традиции обладать властью в лице обособившейся от индивидов иллюзорной общности (государство, право), — властью, которая в конечном счете может быть сломлена только посредством революции»[11]. Последствия подобных революционных перемен также остаются ограниченными и не знаменуют собой радикальных изменений в динамике и направлении эволюции экономической общественной формации.

Рассматривая марксову концепцию революций, преодолевающих экономическую форму общества, следует отметить еще одно обстоятельство, на котором мы подробнее остановимся ниже и которое никогда не рассматривалось в рамках ортодоксальной марксистской теории. Мы имеем в виду единственное «противоядие», позволяющее избегнуть революционного отрицания экономического строя. Говоря о том, что предпосылки его свержения становятся с каждым днем все заметнее, К.Маркс указывал, что скоро «социальная революция станет неизбежной», и подчеркивал при этом: «если до тех пор не изменится... сама человеческая природа»[12]. Именно проблемы и последствия ее изменения и станут центральным элементом нашего исследования постэкономического общества.

Основоположники марксизма имели, на наш взгляд, по крайней мере три основания последовательно придерживаться сформулированной ими концепции экономической общественной формации. Во-первых, в рамках только этой концепции развитие социальных структур от азиатских общин до капиталистического способа производства может быть рассмотрено как внутренне

---

[10] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 3. С. 75.

[11] Там же. Т. 3. С. 73. В оригинале: «Ein früheres Interesse, dessen eigentümlische Verkehrsform schon durch die einem späteren angehörige verdrängt ist, noch lange im Besitz einer traditionellen Macht, in der den Individuen gegenüber verselbständigten scheinbaren Gemeinschaft (Staat, Recht) bleibt, einer Macht, die in letzter Instanz nur durch eine Revolution zu brechen ist» (Marx/Engels Werke. Bd. 3. S. 72-73).

[12] Там же. Т. 2. С. 547, 552.

единый процесс эволюции ряда фундаментальных отношений, определяющих характер общественного целого. Во-вторых, только в этом случае исследование буржуазных производственных отношений, особенно тщательно проведенное К.Марксом, действительно становится ключом к познанию докапиталистических форм производства — в соответствии с известной формулой, что более развитое общество позволяет глубже исследовать законы эволюции ему предшествующих. И наконец, в-третьих, только понятие экономической общественной формации в полной мере подчеркивает значимость той грядущей социальной революции, которую К.Маркс и Ф.Энгельс считали залогом не только освобождения пролетариата, но и преодоления всех элементов вторичной эпохи, препятствующих развитию общества на принципиально новой основе, на базе максимального развития личных качеств каждого из составляющих его индивидов. Таким образом, созданная К.Марксом концепция общественных формаций представляется вполне комплексным теоретическим построением, пригодным для поиска ответов на многие актуальные вопросы нашего времени.

Эта завершенная концепция не смогла, однако, в полной мере проявить свои прогностические возможности в первую очередь потому, что вся доктрина марксизма оказалась в начале XX столетия поставлена на службу апологии пролетарской революции, приведшей к становлению псевдосоциалистической системы советского типа. Интерпретируя основные положения марксовой теории в духе новых требований, сначала В.Ленин[13], а затем и И.Сталин[14] сформулировали тезисы, радикально меняющие фундаментальные основы исходного понимания экономической общественной формации. Уже в конце 20-х годов нынешнего столетия в рамках марксистского мировоззренческого подхода таковая не рассматривалась более как единое целое. Попытки восстановить аутентичность марксовой исторической доктрины, предпринимавшиеся советскими исследователями в 60-е годы, были ограничены усилением догматических тенденций в начале 70-х годов, а аналогичные усилия, возобновившиеся в конце 80-х, завершились вместе с крахом коммунистических режимов.

Ситуация, складывавшаяся в западной социологии, была существенно иной. В течение XIX и первой половины XX века большинство специалистов по истории народного хозяйства, многократно обращавшихся к проблеме периодизации общественного прогресса, подходили к ней не с точки зрения выделения классо-

---

[13] См., например: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 136.

[14] См.: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. С. 239; *Сталин И.В.* О диалектическом и историческом материализме. М., 1954. С. 25.

вых обществ, как по преимуществу в марксовой концепции способов производства, а с позиций определения основных признаков тех или иных систем организации производственной деятельности, что в большей мере подчеркивало эволюционный характер движения социума и имело глубокие основания в европейской философской традиции. Мы уже упоминали о теориях стадий хозяйства, в том числе о выделении пастушеской, земледельческой, земледельческо-мануфактурной и земледельческо-мануфактурно-коммерческой стадий, как у Ф.Листа[15], об исследовании этапов замкнутого домашнего, городского и народного хозяйства у К.Бюхера[16], об анализе периодов естественного натурального, денежного и кредитного хозяйства у Б.Гильдебранда[17], эпох индивидуального, переходного и социального хозяйства у В.Зомбарта[18]; примеры такого рода не исчерпываются этим рядом. Однако нельзя не отметить, что в первой половине нашего столетия никто из историков хозяйства не предпринимал оценки его развития с точки зрения анализа *экономической* эпохи как таковой. Это имеет веские причины. Три из них представляются нам наиболее существенными.

Во-первых, определенные проблемы использования понятия «экономическая эпоха» связаны с лингвистическими аспектами немецкой и английской терминологии. Так, в немецком языке, на котором написано большинство работ К.Маркса, понятия «Ökonomie» и «Wirtschaft» существуют как взаимодополняющие и в значительной мере соответствуют русским терминам «экономика» и «хозяйство» в том значении, в котором они использовались в научной литературе конца XIX — начала XX века. В тот период труды немецких и австрийских исследователей доминировали среди прочих работ по хозяйственной истории; между тем в них проводилась достаточно четкая грань между теорией хозяйства (Wirtschaftstheorie), к которой относились и исторические вопросы, и политической экономией (politische Ökonomie), рассматривавшей прежде всего проблемы производственных отношений современного общества, причем в первую очередь сквозь призму товарного хозяйства и рыночного обмена[19]. Это разграничение понятий остава-

---

[15] См.: *List F.* Das nationale System der politischen Ökonomie. Berlin, 1982. S. 13.

[16] См.: *Bücher K.* Die Entstehung der Volkswirtschaft. Tübingen, 1911. S. 39-150.

[17] См.: *Hildebrand B.* Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. Frankfurt am Main, 1984.

[18] См.: *Sombart W.* Der moderne Kapitalismus. München und Leipzig, 1924. S.23, 40, 180, 319.

[19] Достаточно вспомнить в этой связи подход К.Маркса к исследованию отношений буржуазного способа производства; оно весьма не случайно было начато им с определения товара как элементарной «клеточки» богатства и его основных черт, обусловливающих характер отношений производства и обмена в капиталистическом обществе.

лось весьма устойчивым до начала XX века, когда исследователи были еще достаточно корректными, чтобы помнить, чем предмет трактата Варрона «De agricultura» отличался от описанного в «Traité d'économie politique» А.Монкретьена.

Между тем с утратой немецкими исследователями их позиций и с переходом лидерства к англоязычным авторам изменились и терминологические предпочтения. В отличие от немецкого, в английском языке нет термина, который мог бы считаться комплементарным понятию «economy» в той же мере, в какой дополняют друг друга термины «Ökonomie» и «Wirtschaft». Понятие «economy» подразумевает гораздо более глобальное явление, охватывающее все формы производственной деятельности, проявляется ли таковая в товарном обмене или остается ограниченной натуральным хозяйством, принимает ли форму народного хозяйства или же не выходит за рамки отдельных замкнутых общностей. Если в немецкой научной литературе утвердилось понимание Oekonomie как некоторой стадии развития Wirtschaft, в рамках которой хозяйственные отношения (wirtschaftliche Verhältnisse) уже не исчерпываются отношениями непосредственного производства, а существуют как целостная система, дополненная отношениями обмена, денежным хозяйством и другими атрибутами современного общества, то в английской терминологии подобная ситуация невозможна. Если немецкие исследователи разграничивали *систему общественного производства* как совокупность хозяйственных и технологических отношений и *народное хозяйство* как данность, противостоящую иным существующим в мире экономикам, как Volks*wirtschaft* и National*ökonomie*, то английские авторы применяют понятие «экономика» даже для обозначения деятельности, осуществляемой в домашнем хозяйстве, что воплощено, например, в термине «household economy».

Нельзя также не отметить, что в рамках немецкой терминологии Wirtschaft четко понимается как явление, гораздо более широкое по своей природе, нежели Ökonomie. Вполне правомерно использование понятия Geld*wirtschaft* для обозначения денежного хозяйства, но при этом совершенно недопустимо описание примитивных стадий общественного развития как Natural*ökonomie*. Характерно в этой связи, что не только в английском, но и в других европейских языках подобное смысловое различие не может быть отражено вполне адекватно. Так, изданная в 1930 году в Вене книга известного историка народного хозяйства А.Допша, озаглавленная автором «Natural*wirtschaft* und Geld*wirtschaft* in der Weltgeschichte»[20], получила во французском переводе 1934 года вполне точное с

[20] См.: *Dopsch A.* Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1930.

точки зрения франкоязычного переводчика, но неприемлемое для немецкого методолога название «*Economie*-nature et *économie*-argent dans l'histoire mondiale»[21]. Между тем следует указать, что французская терминология, хотя и не столь восприимчивая к подобным методологическим проблемам, все же позволяет подчеркивать определенные из интересующих нас отличий. Особенно заметно это в трудах наиболее известных и глубоких представителей исторической науки, стремившихся всеми имевшимися в их распоряжении способами обозначить отличия Wirtschaft от Ökonomie. Ф.Бродель, великий исследователь становления буржуазного хозяйства в средневековой Европе, не случайно, на наш взгляд, назвал одну из основных своих работ «*Материальная цивилизация*, экономика и капитализм»[22], отделяя тем самым «материальную жизнь» (vie matérielle), которой он обозначал феномен, называвшийся им «примитивной экономикой» (économie très élémentaire), от «экономики» (économie) в привычном для французского читателя смысле[23]. Однако даже эти усилия не находят поддержки в среде англоязычных авторов; так, английский перевод работы Ф.Броделя носит простое и понятное название: «Civilisation and Capitalism, XVth — XVIIIth cc.»[24], что как нельзя лучше показывает готовность английской аудитории к восприятию соответствующих проблем.

Все это показывает, что сомнения в неизменности и вечности феномена, обозначаемого как «economy», фактически незнакомы англоязычным авторам. Отсюда вытекает и явное предубеждение против понятия постэкономического (post-economic) общества; проповедь устранения Ökonomie как disappearance of economy вызывает у исследователей такое же непонимание, какое, несомненно, было бы выражено и немецкой аудиторией в случае, если бы ей доказывалась возможность исчезновения хозяйства как Verschwinden der Wirtschaft. Данное обстоятельство кажется нам первым вполне объективным фактором, серьезно затрудняющим использование понятия «постэкономическое общество» в рамках английской терминологии и, как следствие, препятствующим его распространению в западной социологической теории в целом.

Во-вторых, существенные трудности порождаются также весьма неоднозначным соподчинением в английской терминологии таких понятий, как «экономическое», «индустриальное» и «капиталистическое» общество.

---

[21] См.: *Dopsch A.* Economie-nature et économie-argent dans l'histoire mondiale. P., 1934.

[22] См.: *Braudel F.* Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe—XVIIIe siècle. T. 1-3. P., 1979.

[23] Ibid. T. 2. P. 7.

[24] См.: *Braudel F.* Civilisation and Capitalism, XVth—XVIIIth century. Vol. 1-3. L., 1985.

Прежде всего следует отметить, что большинство западных авторов с той или иной степенью четкости констатируют, что *капиталистический* строй представляет собой элемент *экономической* организации общества. Когда Й.Шумпетер противопоставляет такое общественное устройство феодальному, он в первую очередь обращает внимание на то, что «буржуазное общество выступает в исключительно *экономическом* обличье; как его фундаментальные черты, так и его поверхностные признаки — все они сотканы из *экономического* материала (курсив наш. — *В.И.*)»[25]. Когда Ю.Хабермас говорит о двух основных качествах этого общества, он отмечает, что они опираются на экономические факторы: с одной стороны, на экономический механизм, обеспечивающий постоянное развитие целенаправленных и рациональных действий хозяйствующих индивидов, с другой — на экономическую легитимность[26], становящуюся базой для политической и юридической практики. Подобные примеры можно продолжить; следует отметить также, что многие современные авторы используют понятие «экономический» для нужд более конкретного анализа, однако сохраняют за ним такие признаки, как рациональность поведения человека, исчислимость условий и результатов деятельности, контролируемость производственного процесса и, что наиболее существенно, обусловленность хозяйственной активности рыночными показателями производительности и эффективности. Одним из последних примеров такого подхода может служить определение «экономической компании» («economic company»)[27] как хозяйственного института, относящегося к индустриальной эпохе и противопоставляемого новым формам организации производственной деятельности, основанным на распространении нематериальных стимулов и мотивов. Таким образом, понятие капиталистического общества оказывается более узким, чем понятие экономического строя; при этом последний воспринимается в большей степени как теоретическая абстракция, представляясь скорее набором определенных черт, чем реально существовавшим историческим состоянием.

На удивление похожим оказывается взаимоотношение понятий капиталистической системы и индустриального строя. Единственным существенным отличием в этом случае становится то, что последние несколько десятилетий утвердили исследователей в понимании и одного, и другого не только как теоретической данности, но и как реальных этапов исторического прогресса. Однако, признавая капитализм порождением индустриальной системы, историки, социологи и футурологи отмечают, что индустри-

---

[25] *Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism and Democracy. L.-N.Y., 1981. P. 73.

[26] См.: *Habermas J.* Towards a Rational Society. Boston, 1971. P. 97-98.

[27] См.: *Geus A., de.* The Living Company. Boston, 1997. P. 19.

альный строй не выступает чистым воплощением капитализма; сформировавшись в недрах феодального общества, он, безусловно, несет в себе заметные элементы добуржуазных систем, и полное отождествление его с капиталистическим способом производства является ошибочным[28].

Определяя индустриальный строй и капиталистическую систему, исследователи отмечают качественно различные основные отношения этих двух форм организации хозяйственной жизни; примером тому могут служить тезисы, изложенные в работах Э.Гидденса. Рассматривая характерные черты индустриальной системы, он в первую очередь обращает внимание на то, что в ней *материальные* факторы хозяйства приобретают доминирующее значение, определяющее в конечном счете особое положение производства по отношению к прочим сторонам общественной жизни. В этой ситуации организационные формы, порожденные использованием машинной техники и массовым производством, распространяются на социальную сферу и начинают регулировать любые виды человеческой активности. Говоря же о капитализме, Э.Гидденс акцентирует особое внимание на *экономических* отношениях, указывая, что главным признаком буржуазного строя является не только господство экономических форм в производстве, но и распространение их на многие другие типы социальных взаимоотношений; три из четырех называемых им основными признаков буржуазного общества содержат указания на его экономический характер[29].

Таким образом, оказывается, что понятия материальных и экономических отношений не тождественны; первое охватывает более широкий круг явлений, нежели второе. В этом выводе мы можем опереться на авторитет таких историков и социологов, как Ф.Бродель и Дж.Арриги; известно, что они выделяли понятие *материальной жизни* (vie matérielle, material life) для адекватного обозначения той стадии общественного прогресса, которая предшествовала развитию капиталистического отношения. Не имея возможности обозначить среду становления буржуазных порядков в качестве комплекса *экономических* отношений, они именуют ее *товарным хозяйством* (market *economy*); при этом, что следует отметить особо, последовательно называют более ранние периоды *неэкономическими (non-economic)*[30].Следовательно, можно достаточно уверенно утверждать, что понятие индустриального общества характеризует период истории, начало которого скрыто в

---

[28] См.: *Beck U.* Risk Society. Towards a New Modernity. L.-Thousand Oaks, 1992. P. 89.

[29] См.: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge, 1995. P. 55-57.

[30] См.: *Arrighi G.* The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Times. L.-N.Y., 1994. P. 10.

эпохе, предшествовавшей становлению капитализма; между тем солидарность исследователей в этом вопросе не снимает множества проблем в оценке перспективы развития цивилизации, и пока нельзя констатировать столь же единой точки зрения относительно исторического предела индустриального общества.

Современные футурологи избегают излишне решительных формулировок, когда речь заходит о терминологическом обозначении современной трансформации. С одной стороны, многие из них склонны полагать, что она устраняет лишь *индустриальный* тип производства, не подрывая *капиталистической* организации хозяйства в целом; в этом случае понятие «постиндустриальный капитализм»[31] не несет в себе неразрешимого противоречия. С другой стороны, ряд исследователей считают, что новый тип социума можно смело называть посткапиталистическим, так как в его рамках преодолеваются важнейшие фундаментальные черты буржуазного общества — собственность одного из классов на основные средства производства, многие формы проявления стоимостных отношений, изменяются методы управления и организации хозяйства[32]; в этом случае оказывается, что устранение индустриального и капиталистического общества либо синхронизировано, либо разделено весьма непродолжительным временным промежутком.

Последняя точка зрения кажется нам более верной, однако нельзя не отметить еще одного важного обстоятельства. Как совершенно справедливо полагает Д.Белл, современная технологическая революция не *устраняет* индустриального типа хозяйства, а *дополняет* его новым измерением; между тем происходящая вследствие этого трансформация воздействует на производственные отношения не только внутри новой информационной сферы, но и радикально преобразует их и в рамках более традиционных секторов хозяйственной системы. Поэтому вполне допустимо утверждение, что индустриальный строй не устраняется с преодолением капиталистического способа производства в строгом смысле данного понятия. В конечном счете более правильным является тезис о том, что индустриальный тип организации производства не только *возникает раньше* капиталистического, но и *существует* в исторической перспективе *дольше* него.

Соотношение понятий капиталистического, экономического и индустриального обществ в современной западной социологии не прояснено окончательно. Достаточно уверенно можно утверждать, что понятие капиталистического типа производства представляется наиболее узким; обозначаемое им явление возникает

---

[31] См.: *Heilbroner R.L.* Business Civilisation in Decline. N.Y.-L., 1976. P. 73.

[32] См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1993.

после формирования основ индустриального хозяйства, а его преодоление вполне возможно в условиях, когда эта форма общественного производства еще сохраняет определенное значение для развития социума. Понятия же экономического и индустриального общества, как более абстрактные, соотносятся друг с другом как две относительно близкие сущности. Если рассматривать становление индустриального общества, то затруднительно предположить, будто развитие машинного производства могло происходить без ориентации на спрос, предъявляемый на внутреннем и внешнем рынках; известно, что даже крупное аграрное хозяйство в античные времена было в существенной степени рыночно ориентированным. Таким образом, становление экономических интересов и экономической формы связи между людьми шло параллельно со становлением индустриального хозяйства. Если обратиться к современной трансформации, то легко заметить, что экспансия новых производственных отношений становится возможной только в той степени, в какой снижается роль рыночных регуляторов и ослабевает давление на человека экономической необходимости. Поэтому можно утверждать, что процессы преодоления индустриальной и экономической систем также тесно связаны. Итак, мы приходим к выводу, что понятия экономического и индустриального общества, хотя и не могут быть названы идентичными или даже близкими по кругу охваченных ими явлений, представляются, если так можно выразиться, «неконфликтными» и основанные на их использовании концепции не могут быть названы взаимоисключающими; следующий вывод состоит в том, что капиталистический строй выступает одной из частных форм проявления как экономического, так и индустриального обществ, хотя и отражает их наиболее развитые состояния; наконец, преодоление индустриального общества не только *создает предпосылки* для устранения экономического порядка, но и *в значительной мере совпадает с ним*, хотя два данных процесса отражают существенно различные стороны единого по своему внутреннему содержанию процесса.

В-третьих, став фактически синонимом понятия «хозяйство», термин «economy» оказался существенным образом ограничен также и распространившимися подходами к изучению экономических проблем. Если в прошлом столетии преобладало достаточно четкое разделение между предметами частных экономических наук и политической экономии как науки о производственных отношениях и фундаментальных закономерностях развития общественного хозяйства, то к середине XX века это различие оказалось фактически размытым. Формирование дисциплины, получившей название «economics», ознаменовало собой исследование в рамках одного научного направления целого ряда процессов и явлений, далеко не всегда соответствующих друг другу по уровню абстрактности.

Между тем к середине 70-х годов появилась точка зрения, согласно которой процессы, являющиеся предметом изучения «economics», и процессы, составляющие экономическую жизнь общества, фактическом тождественны.

Такая ситуация имела два важных последствия. С одной стороны, нельзя не отметить сужение кругозора исследователей, стремившихся рассмотреть большинство хозяйственных проблем с исключительно утилитарных позиций, объясняя таковые потребностями и стремлениями «экономического человека» в том его смысле, который был заложен еще работами А.Смита. С другой стороны, этот подход вызвал и контрреакцию, суть которой весьма примечательна. Стал расширяться круг исследователей, склоняющихся к тому, что «economics» не объясняет многих социальных явлений и процессов, что сегодня, когда «культура и экономика, мир предметный и мир символический оказываются разделенными»[33], новые хозяйственные процессы уже не находят своего объяснения в рамках привычной теории, а экономическая наука в ее прежнем виде становится весьма уязвимой[34]. В таком контексте возникает стремление сделать экономическую теорию более универсальной, выходящей за рамки серии уравнений и формул, объясняющих рыночное равновесие. Как отмечает О.Джиарини, экономическая наука в последние десятилетия была «теорией индустриального общества (economics of industrialization), а не теорией хозяйства (of the economy), которое включает также все активы и усилия, направленные на повышение благосостояния... экологические и иные движения, — подчеркивает он, — нацелены на реабилитацию тех не выраженных в денежной форме ценностей и тех видов активности, которые содействуют увеличению богатства, но оказываются в маргинализованном состоянии или не принимаются в расчет в традиционной экономической системе»[35].

Этот момент оказывается сегодня тем более важным, что в условиях повышения комплексности современной общественной структуры социальные и экономические факторы становятся связанными настолько тесно, что «оказывается бессмысленным спорить об степени важности тех и других в условиях, когда между этими двумя сферами человеческой активности уже не существует границы»[36]. Преодоление прежнего понимания пределов эконо-

---

[33] *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble? Égaux et différents. P., 1997. P. 14.

[34] См.: *Stonier T.* The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. L., 1983.

[35] Цитировано по кн.: *Frankel B.* The Post-Industrial Utopians. Madison (Wi.), 1987. P. 67.

[36] *Touraine A.* Le retour de l'acteur. Essai de sociologie. P., 1988. P. 120.

мических процессов происходит как по мере осознания того, что даже традиционные экономические институты становятся все более социологизированными[37], так и по мере нарастания проблем, затрудняющих прежние способы хозяйственных оценок, что наиболее заметно на примере стоимостных показателей и пропорций обмена современных информационных благ[38]. Таким образом, становится все более очевидным, что понятие «экономика» заведомо шире понятия индустриального хозяйства и, хотя оно также не охватывает всех закономерностей хозяйственного развития на современном этапе, представляется более оптимальным, нежели понятие индустриализма.

Все эти аргументы и факты в значительной мере объясняют место, занятое термином «постэкономическое общество» в современной западной социологии. В период бурного развития новых представлений, когда *теория постиндустриального общества переживала свое становление*, а методологические и терминологические поиски были наиболее активными, интерес исследователей к соответствующим проблемам возрастал, и некоторые из них предприняли попытку определить современное состояние социума как постэкономическое. Первым это сделал известный футуролог Г.Кан в докладе, с которым он выступил в конце 60-х годов в Гудзоновском институте в Нью-Йорке; доклад позднее был издан тем же институтом[39], но широкого резонанса не получил. В то же самое время Г.Кан повторил свое определение в книге, написанной им совместно с А.Винером и посвященной проблеме технологических изменений, ожидаемых в период до 2000 года[40]; это появление термина и отмечается обычно как первый случай его использования. Несколько позже Д.Белл применил данное понятие в своей наиболее известной работе, однако и этот прецедент не нес существенной теоретической нагрузки[41]; он также может быть признан относительно эпизодическим. Тем знаменательнее, что с середины 70-х годов, *когда термин «постиндустриальное общество» стал общепринятым*, интересующее нас понятие фактически не использовалось. Более того, под влиянием отмеченного исключительно широкого толкования понятия «экономический»

---

[37] См.: См.: *Kahn H., Wiener A.* The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next 33 Years. L., 1967. P. 25, 186; *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1996. P. 288.

[38] См.: *Mulgan G.J.* Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication. Oxford, 1991. P. 174; *Drucker P.F.* Managing in a Time of Great Change. Oxford, 1997. P. 234.

[39] См.: *Kahn H.* Forces for Change in the Final Third of the Twentieth Century. N.Y., Hudson Institute, 1970.

[40] См.: *Kahn H., Wiener A.J.* The Year 2000. P. 186.

[41] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 38.

в английском языке некоторые исследователи стали склоняться к отрицанию самой возможности преодоления экономической формы социального взаимодействия. Так, Д.Белл уже в следующей своей известной работе указал, что «обстоятельством, неизбежным для любого общества... является невозможность освободиться от экономических критериев», однако аргументом в пользу этого тезиса стало для него утверждение о том, что «люди постоянно меняют оценки своих потребностей, и то, что прежде было их желанием, становится настоятельной необходимостью, ограниченность же ресурсов остается весьма существенным фактором»[42], определяющим то, что основой обмена по-прежнему сохраняется соотношение редкости благ с их полезностью, представляющееся Д.Беллу главной чертой экономической организации. Однако мы полагаем, что *на современном этапе развития футурологических концепций*, когда становится очевидной нетождественность экономической и хозяйственной сфер, когда все более явным оказывается разрыв между экономикой и многими другими сторонами социальной жизни, термин «постэкономическое общество» станет важным элементом социологических построений.

Завершая этот раздел, необходимо отметить ряд моментов, важных для понимания роли термина «постэкономическое общество» в современной ситуации.

Во-первых, препятствия, возникающие при попытках его применения в рамках английской терминологии, не являются столь трудными, когда используется немецкий или русский понятийный аппарат; лингвистические противопоказания остаются существенными, однако тот факт, что понятие постэкономического общества методологически близко понятию общества постиндустриального и применяется в рамках триадичной концепции общественного прогресса, показывает, что данный термин вполне может быть инкорпорирован в современную социологическую доктрину по мере вызревания необходимых для этого условий.

Во-вторых, ширится понимание того, что многие хозяйственные процессы в условиях информационной революции уже не являются экономическими в той же мере, как в рамках индустриального общества. Это порождает предпосылки для оценки современного хозяйства как сочетающего в себе и экономические, и неэкономические сектора и сегменты. Следствием подобного процесса неизменно станет преодоление присутствующего в социологических и хозяйственных теориях с середины 70-х годов негативистского отношения к понятиям «неэкономический» или «постэкономический».

---

[42] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. Twentieth Anniversary Edition. N.Y., 1996. P. 254.

В-третьих, анализируя современные хозяйственные изменения, исследователи начинают приходить к выводу, что в новых условиях утрачивает свое прежнее значение такой сугубо экономический момент, как утилитарная мотивация деятельности людей, а материальные интересы перестают полностью доминировать над общественным производством. В подобной ситуации становится возможным не только обращение к анализу неэкономических тенденций в современном хозяйстве, но и к трактовке общества, формирующегося в ходе их развития, как постэкономического; данное понятие имеет все основания превратиться не только в инструмент структурного анализа, но и в средство осмысления перспектив развития цивилизации.

Таким образом, мы полагаем, что сегодня имеются все основные предпосылки для того, чтобы понятие постэкономического общества заняло свое место в системе методологических инструментов современной социологии; ниже мы рассмотрим преимущества, которые дает его широкое использование.

Парадигма анализа

Говоря о постэкономическом обществе, мы подразумеваем комплексную социальную систему, существенно отличающуюся от существовавшей как в период господства экономических закономерностей, так и в эпоху, предшествовавшую их становлению. Переход к этой системе ознаменован преодолением глубинных закономерностей и отношений, присущих экономическому обществу; поэтому исследование этого грядущего состояния касается не отдельных изменений социальной структуры, воплощенных в *post-economic society* Г.Кана и Д.Белла, а *post-ökonomische Gesellschaft* как комплексного явления в его марксовом понимании.

Основой для противопоставления доэкономического, экономического и постэкономического обществ является воплощенная в этих типах социумов *система соподчинения индивидуальных интересов*. Неоспоримо, что на протяжении всей истории поведение человека задавалось *материальными* интересами; однако значение их в доэкономическую и экономическую эпоху было различным. В первом случае весь комплекс хозяйственных связей исчерпывался отношениями непосредственного производства и каждый человек мог удовлетворять свои материальные потребности лишь в той мере, в какой это удавалось сделать всему примитивному сообществу. Материальные интересы были *одномерными*, они как бы находились на одной линии, совпадающей с направлением социального

интереса; граница же между доэкономическим и экономическим типами общества проходит там, где человек начинает сознавать свой материальный интерес как противоположный интересам других людей и примитивного сообщества в целом. С этого момента возникает огромное количество различных интересов, взаимодействующих друг с другом в рамках мира, представляющегося *двумерным*, когда интересы, уже различимые по масштабам и направлению, по-прежнему лежат в единой плоскости, задаваемой их материальным характером. Переход к постэкономической эпохе в рамках этой схемы означает становление *многомерного* мира, характерного прежде всего тем, что интересы человека выходят из плоскости материальных интересов, покидают пределы, задаваемые одним лишь стремлением людей удовлетворить свои материальные нужды.

Концепция постэкономического общества рассматривается нами в двух аспектах. С одной стороны, мы подобно Д.Беллу, говорившему в свое время о постиндустриальном обществе как о теоретической конструкции, призванной в первую очередь упорядочить знания о современной социальной трансформации и обозначить приоритеты в исследовании хозяйственных, социальных и иных проблем современного общества[43], стремимся рассмотреть социум постэкономического типа в виде некоей абстракции, позволяющей выделить основные характеристики нового общественного состояния, обнаружить внутренний источник его развития, отметить наиболее вероятные перспективы социального прогресса. С другой стороны, мы подходим к постэкономическому обществу как к конкретной исторической реальности, сменяющей предшествующую ему социальную структуру. Именно в этом аспекте данный тип общества резко отличается от постиндустриального; если постиндустриальное состояние добавляет к прежнему новое измерение[44], то постэкономическое радикально меняет наиболее принципиальные элементы социального порядка и делает возникающий общественный строй весьма непохожим на все прежние его формы. Это качественное отличие и побуждает нас прежде всего рассмотреть экономическое и постэкономическое общества как этапы социального прогресса и лишь затем обратиться к внутренней структуре нового общества.

Определяя возникающее общественное состояние как постэкономический строй, мы противопоставляем его экономичес-

---

[43] См.: *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. No 7. P. 102.

[44] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976. P. 198, note; *Bell D.* The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences // Dissent. Vol. XXXVI. No 2. Spring 1989. P. 167.

кой общественной формации в ее марксовом понимании — гигантской эпохе, включающей в себя разнообразные социальные устройства, от античных полисов до капитализма. Поэтому задача исследования постэкономической перспективы предполагает решение ряда важных вопросов, относящихся к обнаружению признаков, общих всем историческим состояниям, объединяемым в понятии экономического общества. Значимость этих вопросов хорошо видна в ситуации, когда как примитивизированная концепция «общественно-экономических» формаций, так и теория индустриального общества не способны проследить эволюцию социального устройства, рассмотреть экономический строй как единое целое.

Важнейшими характерными чертами вторичной эпохи являются, как мы уже отмечали, рыночный обмен, частная собственность и эксплуатация; их преодоление представляет собой сущность современной социальной трансформации.

Разделение труда и основанное на нем товарное производство были важнейшим источником социального прогресса на протяжении всей экономической эпохи. Развитие общественного производства от античного полисного хозяйства, причудливо сочетавшего товарный сектор с доминировавшей системой натурального хозяйства, через средневековье, в рамках которого начался активный процесс проникновения товарных отношений во все элементы общественного хозяйства, и вплоть до становления буржуазного типа общества, когда сфера товарного обращения инкорпорировала все факторы и результаты производства, в значительной мере представляло собой не столько прогресс политических форм и смену классовых обществ, сколько эволюцию форм товарного хозяйства — от примитивных до наиболее развитых[45]. История показывает, что их развитие представляет собой весьма непростой и продолжительный процесс, и это, в частности, приводит к пониманию того, что преодоление рыночных отношений будет не менее сложным и длительным.

Столь же характерно для экономического общества широкое распространение отношений частной собственности. При этом следует иметь в виду, что собственность в буржуазном обществе существенным образом отличается от ее форм на более ранних фазах данной эпохи. Формирование отношений собственности началось не с возникновения *частной* собственности, а со становления собственности *личной*, причем в весьма разнообразных формах — от личной собственности земледельца на часть общинной земли, сельскохозяйственный инвентарь и продукты труда до личной собственности монарха на все достояние государства, включая и

---

[45] См.: *Иноземцев В.Л.* Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996. С. 80-104.

подданных. Частная собственность в привычном понимании возникла намного позже, когда политическая власть, основанная на грубом притеснении, уступила место силам, отражающим экономические цели и ориентиры нового строя. Поэтому проповедь необходимости и возможности быстрого преодоления частной собственности на средства производства, будучи реакцией на противоречия капиталистического способа производства, не отражает реалий становления постэкономического общества. Подход, основанный на оценке его как приходящего на смену всей вторичной эпохе, напротив, предполагает, что преодоление частной собственности, представляя собой процесс естественный и неизбежный, станет содержанием весьма продолжительного периода.

Эксплуатация — следующее важнейшее явление экономической эпохи — определяет большинство социальных проблем существующих в ее пределах обществ. И если рассмотрение формирующегося ныне общества лишь как отрицания капитализма приводит к выводу о возможности преодоления эксплуатации через такое реформирование распределительных отношений, когда часть продукта, обычно присваиваемого представителями праздных классов, будет перераспределена в пользу реальных производителей общественного богатства, то трактовка нового социума в качестве отрицания всей экономической эпохи формирует совершенно иной взгляд, согласно которому эксплуатация может быть преодолена как феномен сознания в большей мере, чем как хозяйственное явление. Эксплуатация обусловлена не самим фактом отчуждения у производителя части его продукта, неизбежным при любой форме общества; она существует там, где такое отчуждение воспринимается работником как попрание его материального интереса. Там же, где интересы не определяются главным образом материальными обстоятельствами, эксплуатация преодолевается как значимый элемент социальных отношений. И вновь нельзя не отметить, что преодоление этого характерного атрибута экономической эпохи окажется, скорее всего, гораздо более длительным процессом, чем это представлялось до последнего времени.

Противопоставляя ход современных процессов основным тенденциям экономической эпохи, мы получаем ту точку опоры, на которой возможно построить концепцию нового общественного состояния, обретаем тот инструмент верификации, который может быть применен для оценки значимости тех или иных социальных сдвигов и изменений; при этом удается охватить всю совокупность социальных процессов, не ограничиваясь анализом только лишь технологических или хозяйственных изменений. Подобного инструмента, на наш взгляд, не было в руках обществоведов в последние десятилетия, и хотя даже с его помощью мы не можем сегодня дать более четкого определения будущего общества, нежели обозначе-

ния его в качестве постэкономического, представляется, что такой подход достоин совершенствования и развития.

Используя названные методологические приемы, можно обозначить границы ökonomische Gesellschaft. Первые его элементы возникали в условиях распада соседской общины, когда отдельные производители только начинали вести индивидуальное хозяйство относительно независимо от остальных членов сообщества. Однако экономический характер такого социума был выражен очень слабо по двум причинам: с одной стороны, взаимодействие между индивидами как хозяйствующими субъектами было ограничено минимально возможными трансакциями; с другой — существовали многочисленные *хозяйственные*, но не *экономические* факторы, начиная от влияния традиций и кончая властью племенных вождей. Характерно, что консервация общинных структур в восточных деспотических государствах дает классический пример такой системы *хозяйства*, в которой все зачатки *экономических* отношений фактически полностью подавлены.

Напротив, в Европе становление античных, а затем и средневековых порядков привело к тому, что значительная часть хозяйствующих субъектов была поставлена в условия, благоприятные для появления первых ростков экономического прогресса. Уже в обществах, относимых к периоду классической древности, мы встречаем отдельные секторы хозяйства, в рамках которых люди действовали не как исполнители чужой воли, а как самостоятельные субъекты, осуществляющие свою производственную деятельность на основе осмысления стоящих перед ними целей, выбора оптимальных средств их достижения, а также противостояния другим членам общества как столь же свободным и независимым контрагентам. Зачастую прогресс обеспечивался прямым и жестоким принуждением (лучшим примером этому служит ориентированное на рынок и в полной мере экономическое производство на вилле, основу рабочей силы которой составляли военнопленные и рабы), но тем не менее элементы экономической организации постепенно распространились на всю совокупность хозяйственных связей.

Экономические отношения возникают там и тогда, где и когда материальные интересы индивида начинают удовлетворяться в результате деятельности, в которой он выступает как равный контрагент других членов общества. Поверхностным воплощением этой ситуации выступает обмен деятельностью или ее продуктами, который можно назвать товарным обменом; продуктом развития подобной системы становится рыночное хозяйство, а политической формой — национальное государство (nation-state) современного типа. Таким образом, понятие экономической эпохи, с одной стороны, близко понятию индустриальной, с другой —

кардинально отличается от него. Хронологические рамки экономической эпохи фактически не подвержены четкому определению; промышленная революция, которую так часто называют провозвестником индустриального строя, ознаменовала собой скорее не начало, а конец *процесса формирования* экономического общества.

У К.Маркса мы находим интересный отрывок, в котором он анализирует становление экономической общественной формации (ökonomische Gesellschaftsformation). Характерно, что, обращаясь к адресату на французском языке, он отказывается от применения термина «formation économique de la société» или ему подобного, предпочитая рассматривать ökonomische Gesellschaftsformation просто как вторую большую фазу общественной эволюции, как formation secondaire. К.Маркс пишет: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время и переходной фазой ко вторичной формации, то есть переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация, разумеется, охватывает ряд обществ, основанных на рабстве и крепостничестве»[46].

В данном случае К.Маркс придает излишне большое, на наш взгляд, значение частной собственности как фактору экономического развития, поскольку таковая не указывает однозначно на экономический характер общества; ее использование вполне может быть направлено на подавление собственно экономических отношений. Он более прав, когда говорит, что «в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной, от первичной формации к формации вторичной»[47]. В этом случае речь идет о переходе, происходящем на протяжении столетий, переходе, осуществляемом на целом континенте, древнем и современном. Таким образом, становление экономических отношений представляет собой процесс, занимающий многие столетия; он берет начало с распада земледельческих общин, а в завершенной форме его можно наблюдать тогда, когда хозяйственная свобода впервые проявляется столь же всеобъемлюще, как и доминирование материальных интересов над всеми прочими стремлениями человека, — в период утверждения буржуазного способа производства.

---

[46] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 419. В оригинале: «Comme dernière phase de la formation primitive de la société, la commune agricole est en même temps phase de transition à la formation secondaire, donc transition de la société, fondée sur la propriété commune, à la société, fondée sur la propriété privée. La formation secondaire, bien entendu, embrasse la série des sociétés reposant sur l'esclavage et le servage» (Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd.25. S. 238).

[47] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 404.

Итак, в течение весьма продолжительного периода *хозяйственные* отношения все более и более принимали черты *экономических* отношений. К тому времени, когда окончательно оформилось буржуазное общество, когда товарное производство стало тем всеобщим явлением, которым оно оставалось на протяжении последних трехсот лет, появилась возможность говорить о двух эпохах в развитии человеческой цивилизации и о гигантском переходном периоде, разделяющем их. С одной стороны, в прошлом была оставлена всецело «неэкономическая» эпоха, с другой — человечество вступило в эпоху «экономическую». С нею связаны как усиление рационализма, оптимизация форм и методов удовлетворения материальных потребностей (не зря М.Вебер оценивал «протестантскую этику» как составную часть «духа капитализма»[48]), так и гигантский рост ощущения равенства и свободы (вспомним, что А. де Сен-Симон совершенно искренне обозначал всех представителей класса промышленников как трудящихся и сотрудников[49]). Подобные оценки представляются нам несколько условными, однако они усвоены сторонниками постиндустриализма и служат важным элементом теории, рассматривающей в качестве единого целого более продолжительный период, чем эпоха господства капиталистического строя.

Оценивая сущность и признаки экономической эпохи, следует остановиться на трех моментах: во-первых, указать на основную черту, присущую всем составлявшим его обществам; во-вторых, определить наиболее важные тенденции, отмечаемые в их развитии, и, в-третьих, зафиксировать момент достижения экономическим состоянием его завершенной формы, создающей условия для становления элементов постэкономического устройства.

Главной чертой экономической эпохи является доминирование *индивидуальных материальных интересов* над всеми прочими стремлениями человека, управляющими им как хозяйствующим субъектом. Особое значение имеет при этом то обстоятельство, что эти интересы в ходе их удовлетворения постоянно вызывают столкновения, которые, хотя и подвергают социальные связи серьезным испытаниям, в большей мере, чем многие другие факторы, конституируют общество как единое целое. В этой связи можно утверждать, что наиболее полным является понимание экономического общества как *социума, объединенного противоречивостью индивидуальных материальных интересов составляющих его членов.*

Такая трактовка данного вопроса дает дополнительные основания для рассмотрения экономического состояния цивилизации

---

[48] См.: *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. L., 1992.

[49] См.: *Saint-Simon Cl.H., de.* Du système industriel. P., 1821. P. VIII.

как единого социального организма. Обособление материальных интересов имело место уже на ранних фазах общественной эволюции, где в условиях нехватки большинства благ любой осознанный интерес не мог не быть *материальным* интересом, а любой реализовавшийся материальный интерес не мог не конституировать выделение человека из *сообщества* (Gemeinschaft) ему подобных и, как следствие, превращение такого сообщества в *общество* (Gesellschaft) в строгом смысле этого слова. В этом отношении прав Ж.-Ж.Руссо, писавший, что «первый, кто напал на мысль огородить участок земли и сказать: "Это мое!", кто нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества»[50]. Именно поэтому можно утверждать, что формирование первых социальных структур, возникновение прецедентов централизованного управления, обмена товарами, частной собственности и эксплуатации, было тождественно формированию экономического общества; при таком подходе ясно, во-первых, насколько глубоко в прошлом укоренены истоки подобного типа общества и, во-вторых, насколько существенна целостность данного социального организма, охватывающего как азиатский способ производства, так и капиталистический строй.

Второй момент связан с основными направлениями совершенствования социальной структуры в рамках экономического общества. Они, на наш взгляд, заданы весьма сложным процессом — разрешением противоречий материальных интересов через возрастание роли и значения хозяйственной свободы.

Значение свободы для экономического общества крайне неоднозначно. С одной стороны, она выступает очевидным условием развития этой социальной структуры, основанной на возможности реализации различных материальных интересов, что невозможно без известной степени самостоятельности каждого человека в реализации хозяйственного и социального выбора. Свободные акты приобретения индивидуальной собственности и обмена деятельностью и товарами обеспечили становление и развитие классового общества, прогресс производительных сил. С другой стороны, известно, что такая свобода приводила не только к прогрессу социального целого, но и к эскалации неравенства,

---

[50] В оригинале: «Le pemier qui ayant enclos un terrain s'avisa de dire: Ceci est à moi, et trouva des gens assez simples pour le croire, écrit-il, fut le vrai fondateur de la société civile» (*Rousseau J.-J.* L'inégalité parmi les hommes. P., 1965. P. 108). В данном контексте, однако, мы считаем французский термин «la société civile» тождественным не прямому немецкому аналогу — «bürgerliche Gesellschaft», а непосредственно понятию «Gesellschaft», которое может быть применено для обозначения любого общества. Термин «la société civile», на наш взгляд, был использован Ж.-Ж.Руссо ввиду исключительной многозначности, которой обладает во французском языке само понятие «société».

к угнетению людей и утрате ими какой-либо хозяйственной самостоятельности. Именно поэтому развитие экономического общества представляет собой не развертывание изначально данных отношений свободы, а лишь процесс обретения таковой; и хотя расширение юридической самостоятельности граждан, ослабление форм прямого политического и силового принуждения долгие столетия шли параллельно с ростом разнообразия методов чисто экономического закабаления, следует признать, что только пройденный человечеством в рамках экономической эпохи путь и вел к разрешению противоречий хозяйственного прогресса. Развитие экономического строя, а следовательно и создание предпосылок для формирования основ нового типа общественного устройства, отличающегося качественно иным уровнем интегрального показателя свободы, навсегда останется связанным с тремя фундаментальными чертами прежней социальной системы — частной собственностью, эксплуатацией и товарным обменом.

В современных условиях рост свободы должен ассоциироваться уже не столько с расширением хозяйственной самостоятельности, сколько со способностью человека выйти за пределы системы экономических отношений как таковых. Важнейшим свидетельством этого процесса становится экспансия творчества; рассматривая его в качестве антитезы труда, мы считаем важнейшей задачей анализ влияния нового типа деятельности на отмеченные выше три фундаментальные составляющие экономического устройства.

Наиболее заметна в условиях распространения творческой деятельности модификация *рыночной системы*, предполагающей разделенность производителей и потребителей, возмездный характер обмена и возможность соизмерения ценности благ. Активно размывается грань между процессами производства и потребления; потребление все более разнообразных благ превращается в продолжение их производства, и наоборот, а прогресс информационных технологий делает такое единство все более неразделимым. Результаты творческой деятельности относятся прежде всего к тем отраслям производства, при обмене продуктами которых принцип возмездности не может жестко соблюдаться. Знания и информация не характеризуются свойствами конечности, истощимости и потребляемости; доступ к ним, как правило, не может быть ограничен[51], их тиражирование не требует затрат, подобных затратам на создание дополнительных единиц материальных благ[52], а отсут-

---

[51] См.: *Mulgan G.J.* Communication and Control. P. 174.

[52] См.: *Linstone H.A., Mitroff I.I.* The Challenge of the 21st Century. Albany (N.Y.), 1994. P. 284-285.

ствие свойства редкости[53] делает данный тип ресурсов, как отмечают экономисты, «неконкурентным» (non-rivalrous)[54]. Становление знаний как центрального элемента хозяйства обусловливает невозможность адекватной оценки стоимости большинства благ ввиду неисчислимости ценности основного ресурса производства[55]. Процесс «субъективизации» стоимости радикально ускоряется с развертыванием информационной революции, когда денежные оценки благ уже не отражают *реальных затрат* труда и ресурсов на их производство, а основываются в большей степени на *индивидуальной полезности* того или иного продукта.

Что касается *частной собственности*, то последние десятилетия показывают, что ни попытки «справедливого распределения», ни рассредоточение акционерного капитала среди мелких держателей не приводят к ее реальному подрыву. Преодоление отношений частной собственности возможно лишь как результат сопровождающей развитие творчества экспансии *личной* собственности на средства производства, что позволит работнику выступать на рынке не в качестве продавца своей рабочей силы, а в качестве создателя готового информационного или технологического продукта, произведенного в результате соединения интеллектуальных усилий с находящимися в его личной собственности условиями хозяйства[56]. Возникающая неразделенность деятельности и ее основных предпосылок[57] приводит к тому, что традиционная частная собственность постепенно превращается в юридическую фикцию[58], принося ее владельцам значительные доходы, но не обеспечивая того монопольного положения в обществе, которое они имели в индустриальную эпоху.

Экспансия творчества способствует и преодолению *эксплуатации* — главной причины социальных конфликтов в рамках экономического общества. В современных условиях она устраняется не столько по мере привнесения более «справедливых» принципов в систему распределительных отношений или передачи средств производства в собственность работников, сколько в соответствии с изменением мотивационной структуры деятельности[59]. С распро-

---

[53] См.: *Crawford R.* In the Era of Human Capital. L.-N.Y., 1991. P. 11.

[54] См.: *Arrow K.* The Production and Distribution of Knowledge // *Silverberg G., Soete L.* (Eds.) The Economics of Growth and Technical Change: Technologies, Nations, Agents. Aldershot-Broofield (Vt.), 1994. P. 12.

[55] См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. Tokyo-N.Y., 1991. P. 63-64, 219.

[56] См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 64.

[57] См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. P. 270.

[58] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 294.

[59] См.: *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Cambridge (Ma.)-Oxford, 1995. P. 123.

странением творческой активности становится все более очевидным, что деятельность, целью которой выступает не присвоение материальных благ, а самосовершенствование личности, не может быть эксплуатируемой в том смысле, который вкладывался в это понятие в экономическую эпоху[60].

Третий из названных моментов связан с взаимообусловленностью определенной степени индустриального развития и становления постэкономического типа хозяйства. К ее осмыслению можно подходить с двух позиций, каждая из которых представляется одинаково существенной.

В соответствии с одной из них индустриальный прогресс порождает предпосылки для развития постэкономических тенденций. Таковые проявляются как на чисто объективном уровне (в этой связи следует прежде всего отметить высокий уровень благосостояния, достижение которого делает материальные интересы человека менее настоятельными, а также методы производства, превращающие знания и информацию в основные производственные ресурсы и радикально повышающие спрос на них), так и на уровне субъектов производства (в данном случае особое значение имеют поведенческие ориентиры человека, формирующееся стремление к самостоятельности, новая система ценностей и специфический тип социальной структуры, когда основным критерием причисления человека к высшим классам служат его способности и знания). В этой связи становится очевидной утопичность взглядов социалистов XIX и начала XX века, считавших возможным построить новое общество на основе прежнего технологического базиса. Рассматривая прогресс современных производственных форм, мы еще раз убеждаемся, насколько эволюционным является развитие экономической эпохи и насколько медленным станет процесс преодоления ее глубинных основ.

Другая позиция заключается в следующем. Когда К.Маркс говорил об азиатском, античном, феодальном и буржуазном типах производства как о прогрессивных этапах экономической эпохи, он опирался, на наш взгляд, на оценку соотношения развивающейся системы и ее внешней среды. С момента зарождения вторичной эпохи собственно экономические отношения занимали подчиненное место в ряду других хозяйственных связей; их развитие представляло собой не только достижение ими некоей целостности, но и обретение полностью доминирующего положения в системе иных социальных отношений. Между тем, достигнув такого доминирования, экономические факторы сами оказались средой становления новой системы отношений, базирующейся на

---

[60] Эта проблема подробно рассмотрена нами в статье: *Иноземцев В.* Эксплуатация: объективная данность и феномен сознания // Коммунист. 1991. № 10. С. 8-17.

творческой деятельности и отрицающей многие прежние закономерности. В этом контексте марксово положение особенно знаменательно, так как оно подчеркивает, что расцвет экономической эпохи, приходящийся на период максимального развития индустриальной системы хозяйства, содержит в себе и предпосылки для ее заката и упадка.

Хозяйственный прогресс создает условия для становления общественной формы, следующей за экономической, однако нельзя не отметить, что, говоря о постэкономическом обществе, мы не можем определить основные характеристики нового социума. Как было показано выше, ожидающие человечество изменения сравнимы не столько с переходом от феодального общества к буржуазному, опосредованным промышленной революцией, значение которой подробно рассмотрено сторонниками постиндустриальной теории, сколько со скачком из периода примитивной общины в состояние относительно развитой рыночной экономики. И в той же мере, в какой даже гениальные философы античности не могли подняться в своих социальных предвидениях выше гипотез о постоянно повторяющемся круговращении форм государственной власти, сегодняшние исследователи не могут заглянуть в будущее настолько, чтобы в полной мере постичь принципы функционирования общества в грядущем тысячелетии. Поэтому наиболее последовательным представляется определение наступающего общественного состояния именно как постэкономического, что, с одной стороны, подчеркивает основное направление социальной эволюции, а с другой — отмечает, что человечество в рамках этого нового периода выходит за пределы *экономики* и в то же время остается в пределах *общества*, сохраняя основные принципы социального взаимодействия. Таким образом, говоря о постэкономическом обществе, мы фиксируем в этом определении как изменчивость, так и элементы преемственности, неизбежно присутствующие в развитии цивилизации.

Теперь мы можем попытаться определить характеристику, изменение которой является сущностью современной глобальной трансформации. Мы полагаем, что полнее всего она проявляется в явлении, объединяющем все стороны жизни социума, — в самой человеческой деятельности.

На протяжении тысячелетий таковая принимала две основные формы. Доэкономическому периоду была свойственна деятельность, задаваемая инстинктами или примитивными традициями; экономической эпохе соответствовала осознанная активность, определяемая материальными интересами и направленная на преодоление факторов, препятствующих достижению человеком его материальных целей. Такая деятельность, воплощающая в себе противоречивость материальных интересов, характерную для эконо-

мического общества, называется нами *трудом* (labour) в собственном смысле этого слова. Наиболее удачное ее определение дано А.Маршаллом, понимавшим под нею «любое умственное или физическое усилие, целиком или частично направленное на получение каких-то иных благ, кроме удовольствия, получаемого непосредственно от самой проделанной работы»[61]. В следующей главе мы рассмотрим определения и границы труда как философской и экономической категории; сейчас же необходимо сделать несколько замечаний, завершающих эскиз той методологии, которая будет затем применена к анализу современного общества.

Труд возник раньше экономической эпохи; основанный на принципах, достигших наиболее полного развития в рамках вторичной общественной формации, он стал базовой предпосылкой и важнейшим основанием этого типа социального устройства. Становление системы отношений экономического общества может быть представлено в виде развертывания противоречий, скрытых в труде как хозяйственном феномене. Каждый шаг в поступательном движении социума специфическим образом преломлялся в содержании и формах труда, но и сами эти изменения в значительной мере определяли ход и направления общественного прогресса.

Труд является элементом, неизбежно оттеняющим романтическое понимание экономической эпохи как эпохи свободы и равенства. Центральное место, занимаемое им в системе категорий и отношений этого исторического периода, подчеркивает, что свобода человека в рамках экономической эпохи есть только политическая, но не социальная свобода. Человек свободен в выборе путей и методов достижения определенных материальных целей, но само наличие этих целей и доминирование их в системе ценностей и предпочтений показывают, что он еще не стал в полной мере свободным, что его жизнь представляет собой, как говорил Д.Белл, борьбу с преобразованной природой и еще не стала тем, что было обозначено им как взаимодействие между людьми.

В противостоянии природе как внешней силе (в данном случае не имеет значения, идет ли речь о выживании древнего человека перед лицом сил стихии, о борьбе угнетенных классов древних народов за свои права или об обычной современной деятельности наемного работника) человек сознает свой труд как деятельность несвободную, отчужденную, порождающую и укрепляющую противостояние личности и социума. Снятие этих противоречий, обретение обществом возможности перехода к постэкономическому состоянию требует преодоления труда как основной формы человеческой деятельности. Таковое, однако, возможно лишь тогда,

---

[61] *Marshall A.* Principles of Economics.Vol.1. L., 1961. P. 65.

когда материальные интересы перестанут составлять основу системы ценностей и предпочтений индивида.

Сегодня для этого имеются все необходимые предпосылки. Их анализ станет содержанием следующих глав; отметим лишь, что труд, являясь центральной из исторических форм человеческой деятельности, представляет собой элемент сложной диалектической триады, которую формы активности человека конституируют в своем прогрессивном развитии.

Примитивные этапы развития человеческой деятельности характеризовались тем, что ее мотивы — инстинкты и традиции — носили внутренний по отношению к индивиду характер; сама же активность, осуществлявшаяся в условиях, когда человек фактически не выделял себя из сообщества себе подобных, была неосознанной. Труд стал столь же полной противоположностью этому виду деятельности, сколь и экономическое общество — примитивным формам общения. Его побудительным мотивом оказался материальный интерес — свидетельство обусловленности этой активности внешними обстоятельствами человеческого существования; его главной чертой стал осознанный характер, предполагающий абстрактное мышление и целеполагание. Таким образом, если следовать гегелевскому принципу, мы можем изобразить примитивную инстинктивную деятельность человека и труд в качестве тезиса и антитезиса. Синтетическим же результатом развития форм человеческой активности в таком случае становится деятельность, с одной стороны, имеющая осознанный характер, который она наследует от труда, и, с другой стороны, движимая внутренним побудительным мотивом, который был присущ ее ранним формам. Такая активность обусловлена стремлением человека к внутреннему совершенствованию и обладает чертами, кардинально отличающими ее от распространенного сегодня труда (labour). Этот вид человеческой деятельности мы называем *творчеством* (creativity); данное определение не является ни единственно возможным, ни, быть может, даже наиболее удачным, но мы полагаем, что оно способно выполнить две основные задачи: жестко подчеркнуть отличия creativity от labour и относительно непротиворечиво вписаться в терминологические представления современных социологов и психологов, давно разрабатывающих проблемы социального творчества.

Творчество представляет собой глобальный вызов экономическому порядку. Именно оно может рассматриваться как системообразующий элемент нового типа общественного устройства. Такая постановка вопроса не означает абсолютизации творчества, не предполагает, что оно немедленно отрицает труд и что апелляциями к этой новой данности могут быть непосредственно объясне-

ны все характеристики постэкономического общества. Мы хотим лишь отметить, что с рассмотрением творчества в качестве наиболее фундаментального признака грядущего социума становится возможным признать важными три обстоятельства, обычно не учитывающихся при построении концепций ожидающих человечество исторических изменений.

Во-первых, противопоставлением творчества и труда подчеркивается масштабность происходящего перехода и достаточно четко определяется, какую именно эпоху в развитии общества замещает возникающий сегодня социальный строй. При этом формируется понимание связи нового общества с предшествующим историческим состоянием, так как в качестве важнейшего характерного элемента избирается человеческая деятельность — феномен, безусловно основополагающий для любой общественной системы.

Во-вторых, фиксируется важнейший элемент, изменение которого является базовым для оценки происходящей трансформации: именно современные формы деятельности представляются нам этим элементом, именно их становление дает ключ к пониманию значимости происходящих перемен, именно новые мотивы и стимулы деятельности обусловливают ее внутреннюю структуру, столь отличную от структуры как инстинктивной, так и трудовой активности.

В-третьих, рассматривая в качестве основной характеристики будущего социума новую форму деятельности, мы избегаем необходимости отрицать или кардинально пересматривать методологию современного обществоведения, которая в той или иной степени базируется на анализе человеческой активности, будь то инстинктивная неосознанная активность или труд. В этом отношении, при всей значимости происходящего сдвига, его последствия могут быть проанализированы как результат естественного развития формировавшегося тысячелетиями социального строя.

Именно поэтому мы посвящаем следующие главы анализу феномена творчества, обращаясь как к проблемам его терминологического определения, так и к исследованию основных его предпосылок и характеристик, что, на наш взгляд, жизненно необходимо для осмысления последствий, которые распространение данного вида деятельности имеет для будущего человеческой цивилизации.

* * * * *

Возможно, анализ терминологических и методологических аспектов теории постэкономического общества можно счесть несколько затянувшимся. Мы стремились воссоздать в нем предложенный в рамках марксистской теории, но впоследствии преданный забвению подход к анализу общественного прогресса как к последовательной смене доэкономической, экономической и постэкономической эпох.

Важность подобной задачи обусловлена многими обстоятельствами, причем три из них хотелось бы особо отметить. Во-первых, только с помощью понятия постэкономического общества можно адекватным образом противопоставить формирующееся социальное целое всем историческим формам общества, объединяемым в экономическую эпоху; только в этом случае возможно восстановить адекватный характер доктрины, охватывающей весь пройденный человеческой цивилизацией исторический путь. Во-вторых, понятие постэкономического общества позволяет как увидеть главную характеристику нынешней трансформации, каковой выступает переход от трудовой деятельности к творческой, так и определить основные «точки роста», в которых активно происходит формирование новых социальных отношений, осознать важность или, напротив, незначительность тех или иных перемен в жизни современного общества. В-третьих, отношение к сегодняшней трансформации как становлению постэкономического общества позволяет взвешенно подойти к оценке революционного характера переживаемой нами эпохи. Прежде всего оно обусловливает отказ от чрезмерно высокой оценки технологической революции, позволяет рассматривать ее не более как предпосылку того качественного изменения, которое отмечается прежде всего на личностном уровне. В то же время оно подчеркивает глобальный характер переживаемого переворота, гораздо более значительного, чем отрицание одной только индустриальной эпохи. И, на чем мы остановимся далее более подробно, оно приводит к выводу, что человечество находится накануне такого социального состояния, которое не может регулироваться и управляться фактически ни одним из известных доселе способов. Все эти обстоятельства заставляют с максимальным вниманием относиться к оценке направлений и перспектив современного прогресса.

Становление постэкономического общества представляет собой процесс деструкции основ экономического строя. Так же, как раньше экономические отношения расширяли сферу своего господства, устраняя прочие хозяйственные и политические формы, *так и ныне новое общество прокладывает себе дорогу посредством* постоянного отрицания элементов прежнего социального устрой-

ства. Важнейшим характеризующим этот процесс явлением становится преодоление труда как утилитарной активности и замена его творческой деятельностью, не мотивированной материальными факторами. *Данный процесс* связан с модернизацией системы человеческих ценностей и психологических ориентиров, и, судя по всему, он *не будет быстрым*. Именно оценка современной трансформации как перехода от экономического общества к пост-экономическому дает основу для понимания соответствующего периода как весьма продолжительного и не оставляющего существенного места для революционных экспериментов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДИХОТОМИЯ ТРУДА И ТВОРЧЕСТВА

Исследование перспектив развития форм человеческой деятельности необходимо начать с экскурса в сферу терминологических и методологических вопросов. Проблема модификации деятельности, представляющаяся более важной, нежели абстрактные дискуссии о постэкономическом состоянии, изучена современными исследователями весьма обстоятельно; в той или иной мере она затрагивается почти в каждой работе, посвященной проблемам постиндустриального общества. Однако последовательное определение новых форм человеческой деятельности как творчества встречается не чаще, чем прецеденты рассмотрения формирующегося социального строя в качестве постэкономического.

Сложившаяся ситуация легко объяснима. С одной стороны, предположение о том, что *деятельность* человека может принять какие-либо формы, кроме *труда*, еще более сложно для восприятия, чем идея о неизбежности утраты *хозяйственной* жизнью *экономического* характера. Мысль об исчезновении труда вряд ли может быть адекватно воспринята теми, кто привык рассматривать в этом качестве любой вид осознанной активности. С другой стороны, в условиях крайне расширительного понимания *труда творчество* неизбежно идентифицируется с одной из его сторон, с социопсихологическим процессом, рассмотрение которого кажется прерогативой скорее специалистов по психологии и теории поведения, чем социологов и экономистов.

Понятие «творчество» почти не используется в современной экономической теории. Мы также не стремимся сделать этот термин и обозначаемое им явление центральными в рассмотрении *сегодняшних* хозяйственных форм. Однако значение, которое, как мы полагаем, данный вид деятельности, несомненно, обретет *в будущем*, требует глубокого осмысления терминологических и методологических проблем соотношения труда и творчества. Подоб-

ный анализ необходим уже сейчас, когда роль личности становится во многих аспектах более важной, нежели взаимоотношения общественных групп и классов, изучению которых экономисты традиционно посвящали свои труды. В условиях, когда поведение человека во все большей степени определяется его действиями в качестве субъекта межличностного общения, а не субъекта рынка материальных благ, ориентирующегося лишь в координатах полезности и предпочтений, вопрос о новых формах деятельности становится одним из наиболее актуальных.

Знакомство с научными работами, написанными в разное время на английском, французском, немецком и русском языках, приводит к выводу, что понятие «*труд*» (в английском языке — «work», во французском — «travail», в немецком — «Arbeit») не определено в них достаточно строго в силу крайне широкого характера самого явления, традиционно обозначаемого этим термином. Наиболее удачно проблема поставлена Дж.К.Гэлбрейтом: «Следует четко констатировать факт принципиальной важности, о котором редко упоминается в экономической литературе: существует проблема с термином "труд"*. Таковой применяется для обозначения двух совершенно различных, в сущности кардинально противоположных форм человеческой активности. Труд может приносить удовольствие, чувство удовлетворения, самореализации; лишенный его, человек теряет почву под ногами, чувствуя себя выброшенным из общества, впадает в депрессию или уныние. Именно такого рода труд определяет социальное положение руководителя корпорации, финансиста, поэта, ученого, телекомментатора или журналиста. Но кроме них существуют и безымянные трудящиеся массы, обреченные на монотонный, изнуряющий и унылый физический труд. Часто приходится слышать мнения о том, что хороший рабочий получает удовольствие от своего труда. Такие утверждения обычно исходят от тех, кто никогда в жизни не занимался тяжелым физическим трудом по экономической необходимости. Термин "труд", — заключает автор, — обозначает резко контрастирующие виды деятельности; по своей неоднозначности он вряд ли имеет много аналогов в каком-либо языке»[62]. Между тем выход из этого положения, крайне затрудненный в условиях применения русской, французской или немецкой терминологии, вполне возможен при использовании английской.

---

* Здесь и далее на протяжении всей цитаты автор применяет для обозначения понятия «труд» слово «work».

[62] *Galbraith J.K.* The Good Society. The Human Agenda. Boston-N.Y., 1996. P. 90-91; ряд важных моментов, относящихся к данной проблеме, изложен автором в более ранней работе (см.: *Galbraith J.K.* The Culture of Contentment. L.-N.Y., 1992. P. 32).

В английском языке термин «work» обозначает крайне широкий круг явлений. Ю.Хабермас отождествляет его с любой рациональной целенаправленной активностью[63]; Э.Жакс говорит о труде как о «применении здравого смысла для достижения цели в пределах своих возможностей к максимально определенному сроку»[64]; Ч.Хэнди в своем анализе видов work распространяет это понятие на самую разнообразную человеческую активность[65]. При этом большинство исследователей не считают work «деятельностью, которой мы занимаемся по необходимости или ради денег»[66], различая оплачиваемый (paid) и свободный (free) *work*[67]. То же самое можно сказать о немецком и французском терминах «Arbeit» и «travail». К.Маркс в оригинале «Капитала» определяет Arbeitsprozess как «ein Prozess zwischen dem Menschen und der Natur, ein Prozess, worin er seinen Stoffwechsel mit der Natur durch seine eigne That vermittelt, regelt und kontroliert»[68] («процесс, совершающийся между человеком и природой... в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»[69]); во французском авторизованном издании 1875 года он говорит то же самое о travail: «Travail est de prime abord un acte qui se passe entre l'homme et la nature. L'homme y joue lui-même vis-à-vis de la nature le rôle d'une puissance naturelle»[70] («труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой... Веществу природы он [человек] сам противостоит как сила природы»[71]).

Двойственная природа понятий work, Arbeit и travail как внутренне несвободной активности и как любого типа продуктивной деятельности человека вообще отчетливо проявляется при их использовании для рассмотрения различных аспектов развития социума. Характерно, что К.Маркс в ранних своих произведениях, в период, когда его взгляды только формировались, а возникающая концепция носила преимущественно философский характер, часто рассуждал о труде (Arbeit) как об отчужденной активности, осуществляемой под влиянием внешней необходимости и потому несвободной. «Одно из величайших недоразумений, — писал он, — говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде

---

[63] См.: *Habermas J.* Towards a Rational Society. P. 91.
[64] *Jaques E.* Creativity and Work. Madison (Ct.), 1990. P. 49.
[65] См.: *Handy Ch.* The Age of Unreason. L., 1995. P. 147.
[66] *Jaques E.* Creativity and Work. P.VII-VIII.
[67] См.: *Handy Ch.* The Age of Unreason. P. 146.
[68] Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt. 2. Bd. 5. Kapitel 3, 1), 16-18.
[69] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 188.
[70] Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt. 2. Bd. 7. Troisiéme section, Ch. VII, I, 18-20.
[71] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 188.

без частной собственности»[72]. Следствием подобного подхода становились отрицание необходимости «освобождения» труда, ибо в рамках буржуазного общества он уже «свободен», разработка тезисов об уничтожении трудовой деятельности[73], о том, что «коммунистическая революция выступает против прежнего характера деятельности, устраняет труд»[74], и других подобных положений. Мы считаем, что К.Маркс был прав, связывая переход к постэкономическому строю с устранением внутренне несвободной деятельности. Однако как только объектом анализа становились *экономические* проблемы, позиция менялась, и в «Капитале» Arbeit определяется уже как «вечное условие человеческой жизни, не зависящее от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общее всем ее общественным формам»[75].

Между тем в английском языке существует комплементарное понятию «work» понятие «labour», и разделенность их весьма очевидна. Последнее обычно применяется для обозначения деятельности, вызванной *экономической* необходимостью[76]; в случаях, когда речь идет об исследовании данных проблем, термин «work» замещается понятием «labour» совершенно привычно и как бы неосознанно. Для величайшего экономиста XVIII столетия «ежегодный *труд* (labour) каждой нации — это тот фонд, который изначально снабжает ее всем необходимым и удобным для жизни, что она ежегодно потребляет и что всегда либо является непосредственным продуктом этого труда, либо приобретается у других наций за этот продукт»[77]; для одного из наиболее известных исследователей начала нынешнего века «*труд* (labour) — это любое умственное или физическое усилие, целиком или частично направленное на получение каких-то иных благ, кроме удовольствия от самого процесса работы»[78]. Такой подход укоренен в сознании англоязычных исследователей исключительно глубоко. Даже Х.Арендт, хотя и придерживалась совершенно иной трактовки соотношения составных элементов *vita activa*[79], в написан-

---

[72] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 42. С. 113, 242.

[73] См.: Там же. С. 91.

[74] Там же. Т. 3. С. 70; Т. 42. С. 242.

[75] Там же. Т. 23. С. 195.

[76] См.: *Galbraith J.K.* The Good Society. P. 91.

[77] *Smith Ad.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. In: Great Books of the Western World. Encyclopaedia Britannica Publishers. 1994. Vol. 36. P. 1.

[78] *Marshall A.* Principles of Economics. P.65. В данном случае А.Маршалл очень близко подошел к проблеме разграничения labour и деятельности, свободной от материальной мотивации; анализ причин, препятствовавших распространению этой позиции в первой половине XX века, см. в: *Galbraith J.K.* The Affluent Society. L.-N.Y., 1991. P. 261, note.

[79] См.: *Arendt H.* The Human Condition. N.Y., 1959. P. 7.

ных по-английски текстах отмечала, что labour, под которым она понимала «наиболее частный (private) из всех видов человеческой деятельности»[80], связан с феноменом собственности и с процессом накопления общественного богатства.

В западной экономической теории достаточно очевидно прослеживается осознание двойственной природы work. Начиная с многократно упоминавшегося нами определения А.Маршалла, формировалась позиция, согласно которой labour рассматривался как заданная внешней материальной необходимостью деятельность. Сегодня многими исследователями подчеркивается, что labour представляет собой именно *экономическую* деятельность, заключающуюся, во-первых, в производстве материальных благ и оказании услуг; во-вторых, в обмене товарами и, в-третьих, в потреблении. Labour, таким образом, отражает процесс создания экономических благ, требующий, в соответствии с концепцией альтернативной стоимости, жертв в виде ограниченных ресурсов, денег, физической энергии, умственных способностей. В последние десятилетия особенно заметен рост внимания к разграничению понятий «work» и «labour» среди социологов и специалистов по проблемам управления. Не только термин «labour»[81], но и несущее менее выраженный оттенок экономической несвободы понятие «job»[82] все чаще рассматриваются как характерные черты уходящей в прошлое индустриальной эпохи. При этом подобный подход отнюдь не связан с предрассудком, согласно которому «различие между «work» и «labour» заключается в том, что слово «labour» ассоциируется со страданиями и беспокойством, а понятие «work» — с производительными усилиями»[83].

Таким образом, пусть и с некоторой долей условности, можно утверждать, что оба подхода — неоклассический и марксистский — сходятся в рассмотрении labour как деятельности, продиктованной внешней необходимостью, границы которой заданы пределами удовлетворения материальных потребностей человека.

О понимании различий между work как labour и work как активности более глобального порядка свидетельствуют подходы западных авторов к эволюции форм человеческой деятельности, а также к оценке перспектив ее развития в будущем. Концепции, ориентированные на глобальное противопоставление основных этапов прогресса общества, оперируют в основном понятием «work» или, гораздо, впрочем, реже, термином «job». Например,

---

[80] *Arendt H.* The Human Condition. P. 112.

[81] См.: *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign // Selected Writings. Cambridge, 1996. P. 109.

[82] См.: *Hale R., Whitlam P.* Towards the Virtual Organization. L.-N.Y., 1997. P. 126.

[83] *Casey C.* Work, Self and Society. After Industrialism. L.-N.Y., 1995. P. 26.

Д.Белл описывает доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную деятельность с помощью термина «work» («pre-industrial, industrial and post-industrial work»)[84]; некоторые авторы говорят о ней, на равных используя понятия «the work activities of today» (современные виды трудовой деятельности) и «today's jobs» (современные виды работы)[85].

Между тем большинство исследователей стремятся подчеркнуть, что наличие labour и даже work не всегда было неоспоримым атрибутом человеческого общества. Так, анализируя различия между доиндустриальной и индустриальной стадиями, Ж.Эллюль пишет: «Я не буду говорить о разнице между нынешними и прежними условиями труда, о том, что сегодня, с одной стороны, работа менее утомительна, а рабочий день — короче, но, с другой стороны, труд стал бесцельным, бесполезным, обезличенным, регламентированным, работники ощущают его абсурдность и испытывают к нему отвращение, — и продолжает, — их труд уже не имеет ничего общего с тем, что когда-то традиционно называлось работой»[86]. Р.Хейльбронер идет еще дальше и предполагает, что «*в первобытном обществе отсутствует труд* (work)», поясняя: «Каков смысл утверждения о том, что первобытный человек не занимается никаким трудом? Имеется в виду, что усилия, направленные на физическое выживание общины, никак организационно или по своей значимости не отличаются от других видов деятельности, также жизненно необходимых для его поддержания, таких, как воспитание детей, участие в принятии различных общественных решений, обеспечение культурной преемственности и т. д. В этом конгломерате те или иные действия, которые мы бы назвали трудом (work), не имеют отличительных признаков, выделяющих их в особую категорию»[87]. Можно также отметить не менее противоречивую попытку, предпринятую А.Горцем, утверждавшим, что трудящиеся современного общества должны предпринять все возможные усилия, «чтобы освободиться от труда (work), отказавшись признавать его природу, содержание, необходимость и формы»[88]. Все эти положения, несмотря на их внутреннюю несогласованность, заслуживают внимания прежде всего как примеры стремления их авторов вырваться из методологических рамок, задающихся доминированием «work» как единого термина.

---

[84] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 146-147.

[85] См.: *Best F.* Technology and the Changing World of Work // The Futurist. Vol. XVIII. 1984. No. 2. April. P. 64.

[86] *Ellul J.* The Technological Society. N.Y., 1964. P. 320.

[87] *Heilbroner R.L.* Behind the Veil of Economics. Essays in Worldly Philosophy. N.Y.-L., 1988. P. 81, 82.

[88] *Gorz A.* Paths to Paradise: On the Liberation from Work. L., 1985. P. 67.

Именно Р.Хейльбронеру, на наш взгляд, удалось максимально приблизиться к пониманию соотношения основных форм человеческой деятельности, не выходя за рамки термина «work». Так, он совершенно справедливо подчеркивает, что work не может быть преодолен развитием технологических процессов и становлением автоматизированного производства; глобальная трансформация труда (work) может достигаться лишь посредством такого изменения его внутренней структуры и социальных характеристик, когда он будет «осуществляться по зову честолюбия, а не по принуждению, вследствие чего подчинение и повиновение просто исчезнут»[89]. Формулировки, сопровождающие подобные утверждения, весьма близки тем, которые мы используем при противопоставлении труда и творчества. Подчеркивая значение самовыражения и самосовершенствования личности в формирующемся обществе, Р.Хейльбронер отмечает, что «представления о мире, в котором отсутствует труд (work), не следует интерпретировать таким образом, что это будет мир, в котором люди окажутся вольны не предпринимать никаких усилий вообще и напряженных усилий в частности, мир, в котором не будет личных достижений»[90], и с учетом всех сделанных автором оговорок его завершающий вывод — «...мир без труда — это фантазия, причем опасная»[91] — можно признать вполне справедливым. Рассмотренный пример еще раз доказывает, что идея противопоставления труда (labour) и явления, которое мы называем творчеством (creativity), в рамках общего понятия «work» имеет вполне подготовленную почву и может стать адекватной программой для переосмысления современных представлений о перспективах развития человеческой деятельности.

Еще более заметен отказ от понимания труда как главного типа человеческой активности при оценках будущего общественного строя. Подходы, не предполагающие широкого использования термина «labour» в случаях, когда речь идет о теоретическом анализе проблем формирования нового типа деятельности, могут считаться уже устоявшимися. Отметим среди них, во-первых, использование понятия «creative work», противопоставляемого «employment work» (так, Э.Жакс подчеркивает, что продукт первого типа деятельности носит символический характер, а сама она порождается внутренними стремлениями человека, тогда как второй предполагает принуждение и не основывается на возможностях бессознательных процессов[92]) и являющегося столь же корректным, как и выделение доиндустриальной, индустриальной и постиндустри-

---

[89] *Heilbroner R.L.* Behind the Veil of Economics. P. 101.
[90] Ibid. P. 100.
[91] Ibid. P. 102.
[92] См.: *Jaques E.* Work, Creativity and Social Justice. N.Y., 1970. P. 64-68.

альной деятельности (pre-industrial, industrial and post-industrial *work*) в работе Д.Белла; и, во-вторых, категорическое неприятие понятия «creative *labour*», которое не может быть использовано в научном анализе в силу его иррациональности[93]. То же самое можно проследить и на примере немецкой терминологии. В этом случае понятие «Arbeit», обычно используемое как аналог «work», представляется менее окрашенным в оттенок несвободы, чем английское «labour», но термин «kreative Arbeit» также считается не слишком корректным. Начиная с 50-х годов, когда в качестве самостоятельной части социологической науки стала возникать теория творчества, используются два термина — «Kreativität» для обозначение собственно творчества (creativity) и «kreative Tätigkeit» для обозначения творческой деятельности («creative activity» или «creative work»). При этом понятия «Arbeit» и «Kreativität» не только не пересекаются, но и зачастую рассматриваются как нечто противоположное. Когда, например, Х.Глазер говорит о существенных изменениях форм человеческой деятельности, он трактует происходящее исчезновение труда как Verschwinden der Arbeit, постоянно противопоставляя общество, основанное на труде, обществу, основанному на творческой деятельности, как Arbeits- und Tätigkeitsgesellschaft[94]. На наш взгляд, концепция трансформации человеческой деятельности должна строиться именно как концепция преодоления labour, а не work, Arbeit, а не Tätigkeit. Попытки заявить о том, что в современном мире имеет место выход за пределы труда (work), вряд ли могут быть адекватно восприняты подавляющим большинством философов и экономистов. Примером тому служит резко критическая реакция ряда французских социологов на французское издание книги Дж.Рифкина, названное, в точном соответствии с английским оригиналом, «La fin du travail»[95]. Многие французские исследователи выступили в связи с этим с работами, содержание которых показывает, что главным объектом возражений стала не позиция американского экономиста как таковая, не выводы, которые были им сделаны, а тот терминологический радикализм, который он себе позволил, те формулировки, которые в связи со спецификой французской терминологии не могли вызвать должного понимания со стороны местной аудитории[96].

---

[93] См.: *Bailin Sh.* Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. Dordrecht, 1988. P. 106, 118, 121.

[94] См.: *Glaser H.* Das Verschwinden der Arbeit. Die Chancen der neuen Tätigkeitsgesellschaft. Düsseldorf, 1988. S. 196.

[95] См.: *Rifkin J.* La fin du travail. P., 1996.

[96] См., например: *Schnapper D.* Contre la fin du travail. P., 1997; *Calvez J.-Y.* Nécessité du travail. Disparition d'une valeur ou redéfinition? P., 1997.

Между тем осмысление новых признаков человеческой активности в последние годы все чаще связывается с понятием «творчество» («creativity»). Этот термин сегодня еще не утвердился окончательно в виде антипода понятию «labour», так как, с одной стороны, исследования по соответствующей проблематике были начаты лишь по окончании Второй мировой войны и, с другой стороны, анализ творчества и поныне в значительной мере остается прерогативой социальной психологии. Тем более важными и показательными являются достижения в этой области, на оценке которых мы хотим остановиться подробнее.

Бурное развитие теории творчества началось в первой половине 50-х годов. Если между 1925 и 1950 годами в США было опубликовано не более двухсот работ по этим проблемам, то к началу 60-х такое количество статей и книг выходило уже ежегодно[97]; очередной бум был отмечен во второй половине 70-х годов, после чего анализ творческой активности стал одним из наиболее динамичных направлений в современной социологии. Нельзя не отметить, что большинство исследований, проводившихся как в Соединенных Штатах, так и в европейских странах, оставалось связано с изучением психологии творчества и оценками творческого потенциала личности. В этой области были получены оригинальные результаты, многие из которых используются по сей день. Между тем работавшие в данном направлении ученые, как правило, не стремились выйти за рамки творчества как социопсихологического феномена; их внимание оставалось прикованным прежде всего к интеллектуальной деятельности, в ходе которой создаются новые знания или формируются новые характеристики личности. Рассматривая творчество как процесс соединения в оригинальной комбинации ранее известных фактов, идей и концепций[98], они объективно считали творческую активность сугубо индивидуальной и не могли оценить всей масштабности ее влияния на социальное развитие. В то же время подобный подход крайне затруднял четкое определение творчества; отмечая различные его стороны, исследователи ограничивались лишь констатацией того, что «термин “творчество” обозначает широкий спектр разнообразных человеческих способностей»[99].

В середине 60-х годов началось изучение творчества как элемента социальной организации. В этом контексте внимание фи-

---

[97] См.: *Robinson A.G., Stern S.* Corporate Creativity. How Innovation and Improvement Actually Happen. San Francisco, 1997. P. 42.

[98] См.: *Pinchot G., Pinchot E.* The Intelligent Organization. Engaging the Talent and Initiative of Everyone in the Workforce. San Francisco, 1996. P. 280.

[99] *Bono E., de.* Serious Creativity. Using the Power of Lateral Thinking to Create New Ideas. N.Y., 1995. P. 4.

лософов оказалось приковано к проблеме места человека в обществе, к вопросам внутренней структуры его деятельности и ее мотивации. Творчество воспринималось прежде всего как инструмент преодоления феномена отчуждения, присущего индустриальному обществу[100]. Результатом стало пристальное внимание к проблеме мотивов человеческой активности; если ранее доминировали концепции, основанные на оценке актуальности различных потребностей и их эластичности[101], то в 70-е, а в еще большей степени в 80-е годы широкое распространение получили теории, в которых с этой точки зрения характеризовались различные типы деятельности. В конце 80-х Ф.Кинсмэн указал на возможность выделения трех видов активности — непосредственно порожденной материальными потребностями («sustenance driven»), заданной внешними, но не обязательно лишь материальными, обстоятельствами («outer directed»), а также вызываемой внутренними стремлениями и предпочтениями («inner directed»)[102]. Данная трактовка была весьма оригинальной и получила широкое признание; развивая ее, исследователи предложили новые подходы, позволяющие взглянуть на различные уровни человеческой деятельности с качественно иных точек зрения.

К концу 70-х годов сформировалась позиция, сторонники которой наметили три основные формы отношения человека к миру. В качестве *первой* было названо взаимодействие биологического типа, *вторая* рассматривалась как основанная на непосредственном опыте преобразования материального мира, *третья* же связывалась с формированием системы ценностей и стремлений человека, не обусловленной столь однозначно факторами материального порядка[103]. Несколько ранее внимание исследователей обратилось к проблеме самореализации человека в деятельности и к тем последствиям, которые может иметь распространение подобного типа активности в общественном масштабе[104]. Творчество в такой схеме во все большей степени стало отождествляться с третьим из отмеченных видов деятельности; наиболее существенной его чертой был признан внутренний побудительный мотив[105], не свойственный иным проявлениям человеческой активности. В последние годы при сравнении творчества с другими видами деятельности все чаще используются противопоставле-

---

[100] См., например: *Marcuse H.* One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. L., 1991. P. 2, 11.

[101] Подробнее см.: *Furnham A.* Personality at Work. L.-N.Y., 1992. P. 128-137.

[102] Подробнее см.: *Handy Ch.* The Hungry Spirit. Beyond Capitalism — A Quest for Purpose in the Modern World. L., 1997. P. 99-101.

[103] См.: *Geus A., de.* The Living Company. P. 91-92.

[104] См.: *Habermas J.* Knowledge and Human Interests. Boston, 1972. P. 314.

[105] См.: *Boyett J.H., Conn H.P.* Maximum Performance Management. Oxford, 1995. P. 8.

ния *intrinsic* и *extrinsic* типов мотивации; при этом утверждается, что творчество может быть определено лишь как активность, порождаемая внутренними по отношению к личности ее субъекта факторами, а стимулы к его продолжению формируются в ходе самой деятельности[106].

В течение последних десятилетий теория творчества достигла больших успехов. Ныне деятельность, характеризующаяся элементами самоорганизации, обусловленная нематериальными стремлениями человека и имеющая своей основой получаемое от нее удовлетворение, а своим результатом — развитие самой личности, является одним из основных объектов исследования социологов и философов. При этом признается, что такая активность представляет собой один из видов work, однако большинство авторов упорно избегают обозначать ее в качестве особого рода labour. Между тем сегодняшнее состояние этой концепции требует, на наш взгляд, ее развития в трех направлениях; во-первых, следует преодолеть все еще сохраняющееся понимание творчества как преимущественно социопсихологического феномена, во-вторых, необходимо оценить его воздействие на хозяйственные процессы и, в-третьих, определить творчество как форму человеческой деятельности, исторически сменяющую labour в рамках work.

Осмысление эволюции термина «work» в современной западной социологической и философской литературе, результаты, полученные в ходе изучения творчества и его основных черт, позволяют, на наш взгляд, предпринять систематизацию, которая, не противореча ни одной из изложенных позиций, способна стать основой достаточно стройной методологической схемы, в рамках которой соблюдаются несколько условий.

Во-первых, термин «work» (Arbeit, travail, труд) *должен рассматриваться* как обозначение *всех основных форм осознанной деятельности человека, независимо от того, какой исторический отрезок развития общества является предметом анализа.* Как в английском, так и в немецком, французском и русском языках отказ от подобной трактовки данного понятия приведет к непозволительно радикальному изменению терминологической схемы и, особенно с учетом сложившихся научных стереотипов, не представляется целесообразным.

Во-вторых, английское понятие «labour» следует противопоставить понятию «work» и обозначить им деятельность, осуществляемую под влиянием экономических причин, то есть активность, направленную на удовлетворение материальных интересов людей посредством взаимодействия с природой, как непосредственной, так и ранее преобразованной человеком. Было бы крайне полезно,

---

[106] См.: *Robinson A.G., Stern S.* Corporate Creativity. P. 52-53, 126, 204-206.

и мы полагаем, что это будет в свое время сделано, предложить некие формулировки, уточняющие границы понятий «Arbeit», «travail» и «труд» и позволяющие оттенить употребление этих терминов в их узком смысле, отделить их от обозначения производственной деятельности человека вообще.

В-третьих, должна быть внесена теоретическая ясность в вопрос о том, каким видам человеческой активности противостоит labour в рамках work. Мы имеем в виду необходимость четкого обозначения явлений, которые представляют собой как предшествующие labour, так и приходящие ему на смену типы work. Здесь имеется широкое поле для терминологического и методологического поиска, а обозначения этих форм деятельности могут быть самыми разными. Вопрос в данном случае заключается не в самом термине, а в его способности играть роль общепризнанного понятия, противопоставляемого понятию «labour».

На основании такого подхода *мы считаем возможным выделить три отличные друг от друга типа активности — инстинктивную деятельность человека на ранних этапах его прогресса, собственно труд (labour) и творческую деятельность (creativity, или creative work) как отрицание труда*. Следует подчеркнуть, что каждый из названных видов активности является одной из трех форм человеческой осознанной орудийной деятельности, причем последняя, как это и принято в традиционной терминологии, вполне может обозначаться привычным понятием «work».

Центральный элемент этой диалектической триады, труд (*labour*), мы считаем возможным определить как *сознательную и целесообразную физическую или умственную деятельность, являющуюся реакцией человека на внешнюю среду и служащую удовлетворению его физиологических и социальных потребностей, отличных от потребности в совершенствовании собственной личности.*

Как мы уже отмечали, принципиальные различия между инстинктивной деятельностью, трудом и творчеством обусловлены не столько материальными характеристиками этих видов активности, сколько их внутренней структурой. Именно поэтому исследование перехода от одного вида деятельности к другому оказывается исключительно сложным; причем если трансформация инстинктивной деятельности в труд может быть обнаружена по целому ряду признаков, проявляющихся на поверхности общественных отношений, то переход от труда к творчеству совершается на более глубинном уровне и не может быть с такой легкостью обнаружен. В этом отношении справедливо утверждение о том, что переход от инстинктивной деятельности к труду был важнейшим фактором прогресса *общества*, в то время как трансформация труда в творчество оказывается не менее фундаментальным фактором, обеспечивающим прогресс *личности*; насколько личность является более сложным объектом, чем об-

щество, настолько же и постижение сущности творчества более трудно, чем понимание природы труда.

Фундаментальное отличие инстинктивной деятельности от труда и труда от творчества заключено в *мотивации, задающей структуру и основные характеристики этих видов деятельности.* Если первая оставалась примитивной активностью, определяемой побуждениями, *внутренними* по отношению к самому действующему индивиду, и при этом была в значительной мере *неосознанной*, то с возникновением труда ситуация меняется кардинальным образом. Труд, порожденный материальными потребностями и выступающий средством их удовлетворения, отличается, во-первых, тем, что цель деятельности вынесена вовне каждого субъекта как вещество природы, которое он должен использовать для удовлетворения своих нужд, и, таким образом, оказывается сугубо *внешней* по отношению к человеку; во-вторых, деятельность такого рода предполагает осознание человеком самого себя как существа, противостоящего остальному миру, а не являющегося его составной частью, и с этого момента освоение природы становится уже не формой проявления жизнедеятельности биологического существа, а *осознанной орудийной деятельностью, осуществляемой под воздействием материальной необходимости.*

Творчество, приходящее на смену труду, сохраняет эту черту осознанной деятельности, так как человек не может выйти за рамки природы и его активность всегда будет ограничена необходимостью поддержания баланса между цивилизацией и внешней средой; уже одно это в достаточной мере обусловливает сохранение осознанного характера творчества, причем этот последний имеет то же материальное основание, что и осознанный характер труда. Однако при этом творчество направлено не столько на модификацию природных компонентов, сколько на изменение самого человека; такое изменение в данном случае может представлять собой его совершенствование и как субъекта производства, и как субъекта досуга. Результатом является такая форма деятельности, в которой производство и досуг неразделимы ни во времени, ни в пространстве, однако ход развития обоих процессов в значительной мере зависит от того, насколько они способствуют внутреннему совершенствованию самого индивида. Важно отметить, что *не только степень такого совершенствования и средства его достижения, но и само понимание того или иного направления развития личности как отвечающего ее потребностям может быть задано лишь самой этой личностью.* Таким образом, понимая творчество как внутреннюю по своим мотивам рациональную активность, мы утверждаем, что *определить деятельность как труд или творчество может только сам ее субъект.* Преодоление труда совершается в первую очередь на социопсихологическом уровне; но поскольку процесс тру-

да задает целый ряд фундаментальных экономических явлений и закономерностей, то оказывается, что *сегодня преодоление экономических основ социума может быть осуществлено не через трансформации социальных структур, а вследствие духовной и интеллектуальной эволюции индивидов, данные структуры составляющих.* Именно *этот вывод*, который невозможно сделать в рамках любого из направлений постиндустриальной теории, *составляет основу нашего понимания сущности постэкономической трансформации.*

Противопоставление инстинктивной деятельности, труда и творчества можно провести и по другим направлениям. *Первая* из указанных форм представляет собой процесс преимущественно биологического типа, воспроизводство природой самой себя. *Вторая* является содержанием общественного состояния человека; непосредственно заключающаяся в создании материальных благ, она представляет собой форму воспроизводства общественных структур. *Третья* оказывается тождественна процессу самореализации и в этом качестве выступает как форма воспроизводства личности. В соответствии с этим продукт инстинктивной деятельности неотчуждаем от производящего человека, так как зачастую процесс его производства совпадает с процессом потребления, и невоспроизводим, так как подобная деятельность является скорее случайной и обусловленной обстоятельствами, чем постоянно повторяющейся и принимающей устойчивые формы. Труд же изначально имеет форму деятельности, порождающей целый ряд форм отчуждения; в силу этого и результат труда отчуждаем и воспроизводим. Творчество и в этом аспекте объединяет в себе черты инстинктивной деятельности и труда: его результат, который по вещественной форме может быть вполне тождествен продукту труда, отчуждаем, однако он невоспроизводим, как невоспроизводимы формы, мотивы и внутренняя структура создавшей его творческой активности. Подобные соотношения определяют место человека в мире в условиях господства инстинктивной деятельности, труда и творчества. Инстинктивная деятельность конституирует человека в качестве непосредственной части природы, силы которой обусловливают основные формы ее проявления. Труд как полная противоположность инстинктивной деятельности, напротив, знаменует собой резкое противопоставление человека внешней среде, стремление подчинить ее, воспринимаемую как чуждую силу, человеческим потребностям и нуждам. Творчество же представляет собой такую форму деятельности, в рамках которой человек становится воплощением сил природы, находящих в творящей личности высшую форму своего проявления.

Соотношение инстинктивной деятельности, труда и творчества, а также рассмотренные нами их характеристики могут быть представлены в виде таблицы, приведенной ниже.

Таблица 1*

	Инстинктивная деятельность	*Labour (труд)*	*Creativity (творчество)*
Побудительные мотивы деятельности	*внутренние*	*внешние*	*внутренние*
Характер деятельности	*неосознанный*	*осознанный*	*осознанный*
Тип деятельности	*биологический процесс*	*технологический процесс*	*самореализация личности*
Содержание деятельности структуры	*воспроизводство природы*	*воспроизводство социальной структуры*	*воспроизводство творческой личности*
Тип полученного материального продукта	*неотчуждаемый и невоспроизводимый*	*отчуждаемый и воспроизводимый*	*отчуждаемый и невоспроизводимый*
Взаимоотношения между человеком и природой	*человек как часть природы*	*человек противопоставлен природе*	*человек как воплощение природы*

Противопоставляя творчество труду, мы должны акцентировать внимание на специфических формах человеческого взаимодействия, адекватных творчеству как форме деятельности. Как уже отмечалось, творчество побуждается стремлением человека к самосовершенствованию, и его целью выступает сам человек как нечто большее, нежели то, что он представляет собой в настоящий момент[107]. В этом процессе главное значение имеет не деятельность по преобразованию вещной природы, а то взаимодействие между индивидами, которое Д.Белл справедливо называет «игрой между людьми». Интерперсональные характеристики творчества являются основными для этого вида человеческой активности[108]. Как указывает А.Турен, «не существует опыта важнее этого взаимоотношения между индивидами, в котором и тот и дру-

* Впервые отдельные элементы подобного подхода были предложены в работе: *Faunce W.A.* Problems of an Industrial Society. San Francisco, 1968. P. 170; первоначальный вариант таблицы с дополнительными разъяснениями представлен нами в 1992 году в статье: *Inozemtsev V.L.* On the Limitations of the Marxian Theory of Value: Some Methodological Aspects of the Problem // Social Sciences. Vol. XXIII. 1992. No 4. P. 110-125.

[107] См.: *Nürnberger Ph.* Mastering the Creative Process // The Futurist. 1984. Vol. XVIII. No 4. August. P. 36.

[108] См.: *Heller A., Feher F.* The Postmodern Political Condition. Cambridge, 1988. P. 136.

гой реализуют себя в качестве субъектов»[109]. Это же подчеркивалось и в рамках марксистской традиции. Советские исследователи отмечали, что творческая деятельность направлена в первую очередь на самого творящего субъекта, основным в ней является «не ограниченный вещественный результат, а проявление и совершенствование способности человека к самопроизводству»[110], а главной чертой становится интерперсональность, делающая «креативные сущностные силы полностью проникнутыми логикой межсубъектности»[111], являющейся «ключом к креативности»[112].

Данная трансформация имеет огромное значение для понимания современного мира, по отношению к которому впервые за всю историю человечества можно сказать: *je n'est pas Moi.* Важнейшее значение для построения картины современной цивилизации обретает обращение к субъективации, являющейся «противоположностью подчинения индивида трансцендентным ценностям: ранее люди находили отражение в образе Бога; отныне сам человек становится основой системы ценностей, поскольку творчество, являющееся его собственной целью, возвышает его над всеми формами зависимости»[113]. Находящееся сегодня на этапе своего становления[114] новое общество «формирует интеллектуальную среду для возникновения мозаичной картины быстро сменяющих друг друга стилей жизни»[115], что делает максимальное разнообразие индивидуального поведения одним из основных условий прогресса современного мира.

Представленный в настоящей главе краткий терминологический экскурс дает, на наш взгляд, вполне ясное представление об избранном методологическом подходе и позволяет после нескольких дополнительных замечаний приступить к анализу предпосылок, содержания и форм проявления творческой деятельности в сегодняшних условиях.

В отличие от проблематики постэкономической трансформации, вопросы теории труда и творчества могут быть адекватно проанализированы с использованием английской терминологии; при этом достаточно жесткое противопоставление labour и creativity в рам-

---

[109] *Touraine A.* Critique de la modernité. P., 1992. P. 354.

[110] *Межуев В.М.* Культура как объект познания // Философские проблемы культуры. М., 1984. С. 63.

[111] *Батищев Г.С.* Диалектика творчества. М., 1984. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 18609. С. 443.

[112] *Батищев Г.С.* Диалектический характер творческого отношения человека к миру. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., ИФ АН СССР, 1989. С. 25.

[113] *Touraine A.* Critique de la modernité. P. 269-270.

[114] См.: *Callinicos A.* Against Postmodernism. A Marxist Critique. Cambridge, 1994.

[115] *Toffler A.* Future Shock. N.Y., 1971. P. 302.

ках понятия work не только не противоречит сложившимся сегодня в социологии методологическим подходам, но, напротив, позволяет, не вступая в противоречие с основными теоретическими положениями, выдвигаемыми западными авторами, придать существующим теориям более цельный и внутренне субординированный характер.

Между тем, подчеркивая необходимость определения труда и творчества (в том числе и на уровне всецело субъективном), мы не стремимся исследовать труд и творчество только лишь как социопсихологические феномены; *нашей главной задачей было и остается осмысление их роли в процессе перехода человечества к постэкономическому состоянию.* Поэтому далее речь пойдет прежде всего о месте и роли творческой деятельности в рамках современной хозяйственной системы.

В этой связи возникает вопрос о том, насколько экспансия творчества обусловлена современным материальным производством, рассматриваемым, с одной стороны, в качестве объекта приложения творческих способностей человека, с другой — в качестве материального основания, на котором только и возможно становление и развитие творческой деятельности. Именно на основе анализа материального производства, его динамики, структуры и направлений развития, а также характера используемых ресурсов, требований, предъявляемых к рабочей силе и организации производственных процессов, мы сможем сделать выводы о формировании творческого характера деятельности, одного из наиболее ярких признаков современной эпохи. Не менее важным является вопрос о влиянии знаний на социальные ценности и систему мотивации людей, о том, как на основе стремительного распространения информации происходит радикальное расширение возможностей человека, делающих творчество тем видом деятельности, который реально определяет характер наступающей эпохи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Оценивая предпосылки становления творчества, следует отметить, что сегодня на этот глобальный по своей природе процесс в той или иной степени воздействуют фактически все происходящие в обществе изменения. Поэтому предпринимаемое разграничение преимущественно материальных, или объективных, и преимущественно интеллектуальных, или субъективных, предпосылок достаточно условно. Рассматривая их в качестве отдельных групп факторов, мы стремились не подчеркнуть их относительную независимость в реальном мире, а лишь придать нашему исследованию максимально структурированный характер.

Предпосылки, называемые нами преимущественно объективными, выступают как явления, обозначающие достижение прежними хозяйственными формами, присущими индустриальному обществу, некоего предела, за которым должна последовать масштабная трансформация. Между тем такие процессы, как увеличение доли сферы услуг в экономике, распространение производства уникальных и невоспроизводимых благ, формирование адекватных новым условиям производственных структур и так далее, имеют немаловажную социальную составляющую и должны рассматриваться наряду с новыми чертами современного человека как субъекта производства и как субъекта потребления.

Предпосылки, оцениваемые нами как преимущественно субъективные, хотя и связаны прежде всего с формированием новых характеристик личности, в значительной степени зависят от развития материального производства и эволюции хозяйственной структуры общества. Повышающийся уровень благосостояния, способствующий становлению системы постматериалистических ценностей, новые возможности проявления хозяйственной и личной свободы, стремительное распространение информации и знаний в обществе — в основе всего этого в той или иной мере

лежит прогресс общественного производства, и в этом отношении преимущественно субъективные предпосылки творческой деятельности предполагают тесную связь с хозяйственным прогрессом.

Поэтому в дальнейшем элементы исследования «объективных» и «субъективных» предпосылок творчества будут переплетаться и дополнять друг друга; и те, и другие рассматриваются как способствующие развитию творческой деятельности, преобразующей прежний, экономический, тип общества в новый, постэкономический.

Развитие материального производства и хозяйственных структур: объективная составляющая предпосылок творчества

Современный прогресс как вторичного, так и третичного секторов хозяйства ознаменован множеством новых явлений, среди которых можно выделить три основные группы. Во-первых, это изменения в соотношении долей вторичного и третичного секторов — в структуре как занятости, так и создаваемого продукта — в пользу производства услуг. Во-вторых, это модификация характера создаваемого продукта и возрастание его невоспроизводимости. В-третьих, это происходящее как под воздействием сугубо хозяйственных, так и под влиянием социальных факторов совершенствование организационной структуры производства. Основанием и в то же время следствием данных процессов является расширение внутреннего мира и развитие способностей человека как субъекта производства — как во вторичном, так и в третичном секторе; однако эти проблемы станут объектом нашего пристального внимания несколько позже.

Основное содержание явлений, наблюдаемых в сфере современного производства, заключается в становлении не экономически, а социологически регулируемого мира. Масштабность этого изменения огромна, и осмыслить его в полной мере очень сложно. Так, О.Тоффлер пишет: «...то, что сейчас происходит, следует охарактеризовать как радикальный пересмотр понятия производства и всех прежних принципов его организации»[116]. Применительно к хозяйственным организациям можно сказать, что «если вообразить непрерывную шкалу с экономизацией на одном конце и социологизацией на другом, то станет очевидно, что в течение последних тридцати лет корпорации неизменно двигались... в сторону социо-

[116] *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1980. P. 243.

логизации»[117]. И хотя прогресс производства, будучи неизменным фоном, на котором происходит становление нового человека, по крайней мере до последнего времени был в большей степени *причиной* социальных трансформаций, нежели их *следствием*, хозяйство, ранее определявшееся *техническими возможностями производства и экономическими возможностями потребителя*, сегодня во все большей мере развивается под воздействием *потребностей человека в самореализации — как в потреблении, так и в производстве.*

На наш взгляд, даже беглого рассмотрения заявленных проблем достаточно, чтобы убедиться в масштабности происходящих изменений и их значении для формирования условий, способствующих становлению творчества как основного вида человеческой активности в рамках формирующегося нового социума.

Первая значительная трансформация — сдвиг производства в сторону третичного сектора — была отмечена еще в работах, представляющих собой классическое воплощение постиндустриальной теории. Когда Д.Белл указывал как на важнейший характерный признак постиндустриального общества на то, что «в основе его лежит сфера услуг»[118], он говорил об одном из базовых изменений, вполне очевидном уже в конце 60-х годов.

Между тем экспансия «экономики услуг», имеющая существенное значение для понимания характера и направлений изменения современного общества, представляет собой процесс, протекающий в двух различных формах, каждой из которых присущ специфический характер. *С одной стороны*, это модификация структуры занятости, о которой говорилось и говорится очень много. *С другой стороны*, это динамика соотношения долей материального производства и сферы услуг в народном хозяйстве, что рассматривается значительно реже. И только *комплексный подход*, учитывающий обе группы факторов, может дать *адекватное представление о современной структуре общественного производства.* При этом следует иметь в виду, что каждая из хорошо заметных тенденций имеет не менее весомую контртенденцию, причем аргументы противников рассмотрения сегодняшнего хозяйства как «экономики услуг» подчас весьма убедительны.

Реструктуризация занятости представляет собой фактор очевидный и легко наблюдаемый: гигантские массы населения на глазах нескольких поколений покидают сферу примитивного ручного и монотонного труда и вовлекаются в производство технологически сложной продукции или услуг. Если в 1850 году 60% рабо-

---

[117] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976. P. 288.
[118] Ibid. P. 127.

тающего населения США были заняты в сельском хозяйстве, то сегодня там находит применение менее 2,7% рабочей силы[119]; если в 1900 году в США в сфере материального производства трудилось около 13 млн. человек, тогда как в сфере услуг не более 5 млн., то к концу 80-х годов XX века эти показатели составляли 35 и 65 млн. соответственно[120] — эти и подобные им примеры могут быть продолжены до бесконечности. Предпринимаемые иногда попытки представить данную тенденцию как относительно несущественную[121] выглядят весьма беспомощными.

Статистические исследования показывают, что именно в последние десятилетия в динамике отраслевой занятости произошли два радикальных перелома; если рассматривать пример США, то они приходятся на конец 70-х и конец 80-х годов соответственно. В первом случае было отмечено прекращение роста абсолютного числа занятых в обрабатывающей промышленности, во втором — в строительстве и на транспорте. В начале 90-х годов все отрасли материального производства стали сокращать количество применяемой рабочей силы в абсолютном выражении. С 1980 по 1994 год занятость в добывающей промышленности упала более чем на 41%, в обрабатывающей промышленности — на 11; в строительстве только с 1990 по 1994 год снижение этого показателя составило 4%, на транспорте он остался на прежнем уровне[122]. В европейских странах процесс абсолютного сокращения численности работников в обрабатывающей промышленности начался еще раньше: в Германии с 1972 года, во Франции — с 1975-го. И хотя отчасти это может быть объяснено тем, что в данные периоды доля работников, занятых в обрабатывающей промышленности, была в Германии и Франции несколько выше, чем в США, подобное положение вполне компенсируется тем, что и степень сокращения их численности в европейских странах в 70-е — 90-е годы оказалась значительно выше, чем в Соединенных Штатах[123].

Следует, однако, отметить, что сам по себе факт снижения численности занятых в материальном производстве не позволяет понять всего масштаба происходящих перемен. Более содержательным оказывается изучение того, каким образом и в какой степени «переход от Второй волны развития производства к Третьей, более прогрессивной, сокращает... количество рабочих, имеющих

---

[119] См.: *Rifkin J.* The End of Work. N.Y., 1995. P. 110.

[120] См.: *Perlo V.* Superprofits and Crises: Modern U.S. Capitalism. N.Y., 1988. P. 290.

[121] См.: *Frankel B.* The Post-Industrial Utopians. P. 43.

[122] См.: Statistical Abstract of the United States. 1982-1983. P. 394; Statistical Abstract of the United States. 1986. P. 410; Statistical Abstract of the United States. 1992. P. 403; Statistical Abstract of the United States. 1995. P. 424.

[123] См.: *Forse M., Langlois S.* (Eds.) Tendances comparées des sociétés post-industrielles. P., 1995. P. 72, 73.

дело с материальными объектами»[124], и, следовательно, анализ данных, позволяющих вычленить категорию работников, занятых непосредственно в производственных операциях.

В начале 80-х годов Д.Бэрч из Массачусетского технологического института на основании проведенных расчетов определил, что доля таких работников в США не превышала 12%[125]; десять лет спустя Т.Сакайя исчислил данный показатель для США в значении менее 10%, а для Японии около 12%[126], отметив при этом, что число подобных работников снижается в зависимости от размера компании: по его данным, «на производственных предприятиях с числом работников 100 и более 60,2% персонала заняты непосредственно в материальном производстве, тогда как в компаниях с числом работников более 1000 подобное соотношение снижается до 54,9%»[127]. Нельзя при этом не отметить, что если в США вытеснение работников из материального производства в 90-е годы идет относительно медленно, то в Японии оно принимает исключительно радикальные формы: занятость в промышленности, оцененная П.Дракером на уровне около 30% общего числа работающих в середине 90-х годов, должна, согласно прогнозам, снизиться к 2000 году почти в два раза[128]. В результате в непосредственном производстве может оказаться занято менее 5% всего населения страны.

Однако существуют и веские контрдоводы. Авторы, соревнующиеся в обосновании максимально низкого числа работников, занятых непосредственно в производственных операциях, забывают, что сама подобная категория свойственна не только вторичному сектору хозяйства. В сфере производства услуг также имеются люди, не столько вовлеченные в процесс непосредственного оказания услуг, сколько занятые созданием для него известных материальных предпосылок. И если в 90-е годы сложилось понимание того, что лишь половина промышленных рабочих обслуживают непосредственно производственные операции, то еще в середине 70-х Дж.Гершуни отметил идентичную картину, сложившуюся в третичном секторе, указывая, что в условиях, когда «примерно половина общего объема занятости обеспечивалась третичным сектором, менее четверти — 23,1% — приходилось на сферу потребительских услуг»[129]. Между тем сегодня половина рабочей

---

[124] *Toffler A.* The Third Wave. P. 195.

[125] См.: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984. P. 5.

[126] *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. P. 240.

[127] Ibid. P. 239.

[128] См.: Drucker on Asia. A Dialogue Between *Peter Drucker* and *Isao Nakauchi.* Oxford, 1997. P. 29-30.

[129] *Gershuny J.* Post-Industrial Society: The Myth of the Service Economy // Futures. 1977. Vol. 9. No 2. P. 110.

силы третичного сектора количественно соответствует общему объему занятости в обрабатывающей промышленности.

Следует отметить, что проблема перехода от хозяйства, ориентированного на создание материальных благ, к хозяйству, лицо которого определяется производством услуг, имеет и обратную сторону, анализируемую гораздо реже.

Рост занятости в третичном секторе не означает, что сфера материального производства переживает заметный упадок; справедливо скорее обратное. Научно-технический прогресс и информатизация, активно проникая в традиционные отрасли, приводят не только к тому, что многие страны в последние десятилетия активно наращивают производство материальных благ, не увеличивая при этом потребления энергии и сырья[130], но и к тому, что данный рост происходит также и без привлечения дополнительной рабочей силы. В конце 80-х годов доля американского промышленного производства, соответствовавшая его общему объему 1973 года, обеспечивалась лишь 40% того количества рабочих, которое было реально вовлечено в производство накануне нефтяного кризиса; примером подобных же процессов может служить развитие компании «Юнайтед стейтс стил», где в 1980 году в сталелитейном производстве было занято 120 тыс. человек: через десять лет это число сократилось в десять раз при прежнем объеме выплавки стали, что было достигнуто за счет семикратного роста производительности физического труда в сталелитейной промышленности[131]. Данный пример не единичен; согласно статистическим данным, количество занятых в крупнейших американских компаниях, входящих в список Fortune 500, между 1974 и 1996 годами сократилось на 24%, в то время как общая занятость в народном хозяйстве за тот же период выросла на 43%[132]. В связи с быстрым ростом занятости в тех отраслях, которые могут быть отнесены к постиндустриальным[133], хорошо заметны тенденции к упадку и депопуляции традиционных промышленных центров. Так, Сент-Луис и Детройт за послевоенные годы потеряли от 20 до 40% населения, тогда как Атланта и Денвер выросли в два, а Хьюстон — в четыре раза[134]. Все эти данные лишь подтверждают наличие ситуации, в которой материальное «производство становится

---

[130] См.: *Drucker P.* The New Realities. Oxford, 1996. P. 116.

[131] См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 72.

[132] См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations. N.Y.-L., 1997. P. 151.

[133] См.: *Brauner J., Bickmann R.* Cyber Society. Das Realszenario der Informationsgesellschaft: Die Kommunikationsgesellschaft. Düsseldorf-München, 1996. S. 95.

[134] См.: *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. L.-Thousand Oaks, 1994. P. 152.

все более независимым от рабочей силы»[135], причем эти тенденции оказываются весьма устойчивыми. Как отмечает П.Дракер, в ближайшие годы, «если не наступит тяжелый кризис, промышленное производство в США останется на уровне 23% валового национального продукта, т. е. удвоится на протяжении последующих 10—15 лет. За этот же период количество его работников, вероятно, сократится до 12% общего объема занятости»[136]. Таким образом, *сервисной* современная экономика является в большей мере по *числу занятых* в третичном секторе, нежели *по доле создаваемого в ней общественного продукта.*

За этими цифрами стоит еще один значимый процесс, требующий подробного рассмотрения. Конечно, темпы развития сферы услуг сами по себе впечатляют. Если ВВП США за последние 35 лет вырос в 11,9 раза, то соответствующие показатели для всех отраслей материального производства, складского хозяйства и торговли располагаются по одну сторону данного рубежа (сельское хозяйство — 5,4 раза, добывающая промышленность — 6,75 раза, обрабатывающая — 7,4 раза, строительство — 9,57 раза, торговля — 11,2 раза), тогда как аналогичные цифры, характеризующие отрасли сферы услуг, — по другую (органы государственного управления — 14,1 раза, коммуникации и связь — 15,43 раза, финансы и страхование — 15,78 раза, бытовые услуги — 24 раза)[137]. Но существует и иное явление, относящееся скорее к проблеме нового качества создаваемых в третичном секторе благ.

Несмотря на то что у занятых в сфере услуг и в производстве информации отмечаются более высокие доходы, чем в материальном производстве, более высокая квалификация работников и значительная их удовлетворенность своей деятельностью, *традиционные показатели производительности в третичном секторе оказываются намного ниже, чем в обрабатывающих и особенно добывающих отраслях индустрии.* Более того, если в 1960 году выработка ВВП на одного занятого в третичном секторе составляла около 77,5% от выработки промышленного работника, то в 1992 году этот показатель упал до уровня в 69,35%. Таким образом, на этом промежутке сравнительная производительность труда в сфере услуг (включающей также отрасли, производящие информацию и знания) снижалась на 0,35% в год, причем данный процесс имеет

---

[135] *Drucker P.* The New Realities. P. 117.

[136] *Drucker P.* Post-Capitalist Society. P. 69.

[137] См.: Statistical Abstract of the United States. 1980. P. 441; Statistical Abstract of the United States. 1986. P. 433; Statistical Abstract of the United States. 1989. P. 422; Statistical Abstract of the United States. 1994. P. 447; Statistical Abstract of the United States. 1995. P. 452.

тенденцию к ускорению: аналогичный показатель для периода с 1980 по 1992 год составляет уже 0,371%[138].

Динамика соотношения вторичного и третичного секторов, и в первую очередь сокращение доли занятых в материальном производстве, показывает, что современное общество способно использовать все большую часть своего совокупного рабочего времени не для решения задач удовлетворения насущных нужд своих членов, а для обеспечения тех потребностей людей, которые еще совсем недавно не считались первоочередными.

Вторая, не менее важная черта современной трансформации состоит в растущей невоспроизводимости создаваемых как во вторичном, так и в третичном секторе благ. В данном процессе сливаются воедино два проявления растущей «социологизации» производства. *С одной стороны*, развитие самого производственного процесса во все большей степени зависит от технологического и информационного прогресса, так как он позволяет снижать издержки и делать продукт более конкурентоспособным, а также обеспечивать постоянное обновление продукции, необходимое для выживания компании в современных условиях. *С другой стороны*, нужно отметить растущее значение спроса, становящегося все более разнообразным и выводящим так называемое «престижное потребление» в ранг одной из важных категорий, определяющих хозяйственное поведение.

Уникальность и невоспроизводимость значительного количества как материальных благ, так и услуг является одной из характерных черт современного хозяйства. Говоря о невоспроизводимости блага или услуги, мы стремимся выделить их из числа продуктов массового производства. Одним из аспектов этого является индивидуальный характер самого блага, другим — специфический тип создающей его деятельности. Как в том, так и в другом случае возникают существенные препятствия для применения к оценке соответствующих благ принципов традиционной экономической теории, к чему мы подробнее обратимся в девятой главе нашей книги. Трудовая теория стоимости останавливается перед тем фактом, что многие блага сегодня не несут в себе ни издержек на *воспроизводство*, ни труда, сводимого к *простому труду*; концепции, основанные на трактовках полезности и альтернативных издержек, сталкиваются с трудностями иного рода.

Следует отметить, что важнейшим фактором, обусловливающим невоспроизводимость создаваемых благ, услуг и информации,

---

[138] См.: Statistical Abstract of the United States. 1980. P. 441; Statistical Abstract of the United States. 1982-1983. P. 394; Statistical Abstract of the United States. 1986. P. 410, 433; Statistical Abstract of the United States. 1989. P. 422; Statistical Abstract of the United States. 1992. P. 403; Statistical Abstract of the United States. 1994. P. 447; Statistical Abstract of the United States. 1995. P. 424, 452.

выступает проявляющееся в ходе их производства и потребления *субъект-субъектное взаимодействие. Во-первых*, создание наукоемкого продукта, не говоря уже об информации, во многом идентично процессу общения его производителя с создателями иных знаний; этот диалог может быть очным или заочным, но именно усвоение информации, полученной другими исследователями, является процессом, тождественным формированию и накоплению нового знания. *Во-вторых*, потребление как информации, так и продукта ряда отраслей третичного сектора — в частности, образования, здравоохранения, а в еще большей степени сферы культуры — требует немалых усилий со стороны потребляющего субъекта, и эффект такого потребления может существенно различаться в зависимости от характера человеческого восприятия.

Услуги и продукты, воплощающие в себе субъект-субъектные взаимодействия, оказываются наименее воспроизводимыми и в наибольшей степени выпадают из ряда благ, которым может быть дана традиционная экономическая оценка. Между тем именно их производство является сегодня областью, демонстрирующей наивысшие темпы роста создаваемого в ней ВВП. Так, если с 1980 по 1993 год в США рост ВВП в обрабатывающей промышленности составил в текущих ценах 1,8 раза, то соответствующий показатель в сфере традиционных услуг — в ремонтных работах, гостиничном бизнесе, бытовых и социальных услугах — был выше лишь на 42%, тогда как в бизнес-услугах, образовании и здравоохранении такое превышение составило более чем 1,8 раза, а в производстве информации, юридических услугах, а также в шоу-бизнесе и индустрии развлечений — 2,2 раза[139].

Все это лишний раз подтверждает тот факт, что массовое производство, управляемое законами, свойственными индустриальному обществу, быстро уходит в прошлое. Даже не говоря о том, что труд, применяющийся в традиционных отраслях, становится все более высококвалифицированным, отметим, что «в 1990 году 47,4% работающего населения в США, 45,8% в Соединенном Королевстве, 45,1% во Франции и 40,0% в Западной Германии занимались обработкой информации либо в сфере материального производства, либо в сфере услуг, и число таких работников с тех пор неуклонно растет»[140]. Тем самым эконометрическая модель, определяющая предел занятости в информационных отраслях на уровне 50%[141], может быть опровергнута уже в ближайшие годы.

---

[139] См.: Statistical Abstract of the United States. 1991. P. 766; Statistical Abstract of the United States. 1994. P. 783; Statistical Abstract of the United States. 1995. P. 779.

[140] *Castells M.* The Information Economy and the New International Division of Labour // *Carnoy M., et al.* The New Global Economy in the Information Age. Reflections on Our Changing World. University Park (Pa.), 1993. P. 17.

[141] См.: *Dordick H.S., Wang G.* The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park (Ca.)-L., 1993. P. 90.

Третьей чертой современной экономической системы является радикальное изменение организационной структуры, происходящее на фоне становления постиндустриального производства уникальных благ и услуг.

Направление подобной реструктуризации хорошо описано О.Тоффлером, отмечающим, что главная современная трансформация связана с переходом от традиционных материальных ценностей к выходящим на первое место человеческим потребностям[142], рассматриваемым во всем их многообразии. Особый драматизм происходящим изменениям придает то, что работники интеллектуального труда (knowledge workers) стремятся к профессиональной автономности и независимости. Они «являются не фермерами, не рабочими, не бизнесменами, а членами организаций. Они — не пролетарии и не считают, что их эксплуатируют как класс. Место их работы — будь то частная компания, больница или университет — никак не сказывается на их статусе... Работники интеллектуального труда не меняют своего экономического или социального положения — они меняют место работы»[143]. Именно тот факт, что все большее количество людей предпочитают «*сотрудничать с* компанией, например обрабатывать для нее информацию, чем *работать на* компанию в качестве служащих»[144], и определяет невиданный бум, переживаемый сегодня мелкими формами бизнеса, а также развитие индивидуальной занятости (self-employment). К 1995 году в США было создано около 20,7 млн. семейных предприятий на дому[145], подавляющая часть которых относилась к наиболее высокотехнологичным отраслям производства. В странах Европы рост индивидуальной занятости отмечается с середины 60-х годов; так, в Германии только между 1973 и 1980 годами она возросла в 1,5 раза[146]. Как следствие, позиции ведущих национальных производителей уже не являются столь мощными, как ранее; доля 500 крупнейших американских компаний в ВНП, составлявшая в 1970 году 20%, сегодня сократилась до 10%, а экспорт в 1996 году на 50% был представлен продукцией фирм, в которых занято 19 и менее работников, и только на 7% — продукцией компаний, применяющих труд более 500 человек[147].

В значительной мере все эти данные иллюстрируют развитие производства уникальных и невоспроизводимых благ, но в то же

---

[142] См.: *Toffler A.* Future Shock. P. 220-221.

[143] *Drucker P.F.* The New Realities. P. 22-23, 23.

[144] Drucker on Asia. P. X.

[145] См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. Ten New Directions For the 1990's. N.Y., 1990. P. 331.

[146] См.: *Lash S., Urry J.* The End of Organized Capitalism. Cambridge, 1996. P. 150.

[147] См.: *Naisbitt J.* From Nation States to Networks // *Gibson R.* (Ed.) Rethinking the Future. L., 1997. P. 214, 215.

время они отражают и новую организационную тенденцию, с которой приходится считаться современным корпорациям. Понимание того, что компании, в которых не разделены собственность и участие, деятельность и контроль над ней, где существуют большие возможности для проявления ответственности и обеспечения саморазвития работников[148], получают в современных условиях важные преимущества, вынуждает лидеров крупных корпораций основывать систему управления не на привычном иерархическом принципе, а на широком участии как менеджеров, так и «рядовых» работников в процессах принятия решений и изменения политики компании[149]. Последствия этих изменений для крупных корпораций далеко не однозначны. Повышая их эффективность, подобная система в то же время развивает в работниках дух экспериментаторства и риска, и в тех странах, где существуют сильные традиции индивидуализма и отсутствуют ярко выраженные патерналистские принципы, это зачастую приводит к выделению новых исследовательских и производственных структур, начинающих самостоятельную жизнь и нередко становящихся опасными конкурентами материнской компании.

Формы и направления развития современного производства являются, если так можно сказать, наиболее отдаленными и опосредованными предпосылками развития творческой активности. Отражая естественную хозяйственную эволюцию, они подчеркивают роль и значение современных видов деятельности для ее прогрессивного развертывания. Рефлектируя элементы креативности, пробуждающиеся сегодня в людях в массовом масштабе, новые производственные структуры выступают залогом становления творческой деятельности как основной характерной черты постэкономического строя. Уже на этом уровне исследования можно заметить, что в современных хозяйственных системах фактически не существует возможности того разделения «вещественных» и «личностных» факторов производства, которое часто предпринималось в условиях экономизированного общества. Именно стирание этой грани и является тем фактором активизации творческой деятельности, который в полной мере обеспечивается новыми формами производства.

Подводя некоторые промежуточные итоги нашего анализа, отметим следующее.

Во-первых, несмотря на все существующие контртенденции, значительная часть совокупной рабочей силы перемещается в области хозяйства, основным видом деятельности в которых выступа-

---

[148] См.: *Naisbitt J.* Global Paradox. N.Y., 1995. P. 16-17.

[149] См.: *Thurow L.* The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World. L., 1996. P. 279.

ет не непосредственное взаимодействие человека с вещественными элементами природы, а доведение конечного продукта до потребителя. Так, доля услуг в общем потреблении домашних хозяйств в Японии и США достигла 50% еще в начале 80-х годов[150] и продолжает сохранять устойчивую тенденцию к росту. Не утверждая, что работа в близких к материальному производству подотраслях сферы услуг является более творческой, нежели непосредственно в нем самом, отметим, что сдвиги в распределении рабочей силы знаменуют уменьшающуюся зависимость людей от деятельности, обусловленной прямой материальной необходимостью. Тот факт, что общество способно направлять все большее количество своей рабочей силы в отрасли, «которые не производят благ (which manufactured *nothing*)»[151], в сферу, где показатели традиционной производительности заведомо ниже, чем в первичных отраслях, показывает, что степень давления на человека необходимости, вызвавшей к жизни основные институты экономического общества, снижается.

Во-вторых, создание невоспроизводимых благ и услуг расширяет возможности индивида и требует развития его новых способностей не только в сфере производства, но и в сфере потребления. Феномен «прозьюмера», о котором говорит О.Тоффлер[152], не исчерпывается лишь стиранием границы между рабочим и свободным временем; в сегодняшнем мире происходит и более системная трансформация, заключающаяся прежде всего в возникновении значительного сектора, в котором производство благ неотделимо от потребления других субъективированных условий производства, а усвоение производимой информации требует активной и деятельной позиции потребителя, его самостоятельных и весьма нетрадиционных усилий. Таким образом, возникают и расширяются прецеденты субъект-субъектного взаимодействия, служащего важнейшей предпосылкой творчества на личностном уровне. Развитие креативных сил человека проявляется и в процессе производства, где его стремление к самореализации и самосовершенствованию радикально преобразовывает традиционные формы хозяйственных организаций.

В-третьих, современные тенденции в развитии материального производства, а также формирующиеся новые предпочтения и ориентиры производителей приводят к тому, что во всех развитых странах наблюдается радикальный отход от традиционных форм хозяйственной организации, экспансия мелкого производ-

---

[150] См.: *Nusbaumer J.* The Services Economy: Lever to Growth. Boston, 1987. P. 7.

[151] *Kotter J.P.* The New Rules. How to Succeed in Today's Post-Corporate World. N.Y.-L., 1995. P. 62.

[152] См.: *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1990. P. 37-45, 265-288.

ства и развитие индивидуальной занятости. Эти явления отличаются как от изменения структуры занятости, являющегося отдаленным «сигналом», свидетельствующим о возможностях экспансии творческой активности, так и от роста субъект-субъектных взаимодействий как наиболее очевидной формы «материализации» творчества, и оказываются первым примером проявления творческой деятельности, *изменяющей основы современной социальной структуры*. Поэтому более подробный его анализ будет проведен несколько позже, при исследовании форм воплощения творческой активности и характера ее воздействия на совершенствование современных социальных отношений и процессов.

Сейчас же следует обратиться к оценке второй группы предпосылок развития творческой деятельности, к процессам, знаменующим собой формирование личности человека как субъекта творчества.

Рост человеческих возможностей: субъективная составляющая предпосылок творчества

Современное хозяйство с каждым годом обнаруживает все большую зависимость от креативного потенциала человека. Творчество становится абсолютно необходимым как для развития самого процесса производства, так и для адекватного усвоения его результатов. Поэтому важной предпосылкой экспансии творчества является обеспечение условий, способствующих адекватному удовлетворению возникающего на него спроса. Обратим поэтому внимание на несколько немаловажных обстоятельств.

Во-первых, хотя прецеденты творческой деятельности существовали на всех этапах прогресса, и история изобилует тому яркими примерами, становление ее как активности, способной противостоять экономическим закономерностям в масштабах всего общества, возможно только тогда, когда социум в целом и большинство его членов в отдельности достигают уровня благосостояния, достаточного для формирования иной системы ценностей, определяющей иерархию предпочтений человека.

Во-вторых, общество должно быть готово не только признавать стремление индивидов к развитию своих способностей, но и допускать в качестве новой базовой ценности современного социума адекватную творческой активности степень свободы. Как пишет по этому поводу О.Тоффлер, «люди старшего и среднего возраста все еще замкнуты в рамках образа жизни, почти не дающего им свободы выбора. У молодого поколения — поколения будущего — свобода выбора поистине безгранична. Новое общество, находящееся

ныне в стадии формирования, создаст питательную среду для возникновения мозаичной картины быстро сменяющих друг друга стилей жизни»[153].

В-третьих, важнейшей составляющей жизни современного человека становится постоянное усвоение и генерирование информации. Формирующееся сегодня общество является скорее не обществом профессионалов (совершенно прав Ф.Вебстер, отмечая, что «рост числа профессионалов, каким бы впечатляющим он ни был, не может служить достаточно веским основанием для вывода о наступлении новой эпохи»[154]), но обществом инноваторов. Это обстоятельство становится сегодня наиболее принципиальным, и развитие тенденций, связанных с формированием новой страты, ориентированной на потребление и производство знаний, существенно влияет на современные процессы как на психологическом, так и на социальном уровне.

Приступая к оценке материального благосостояния как фактора становления новой мотивационной структуры деятельности, отметим несколько важных моментов.

Необходимо со всей категоричностью указать, что между степенью *благосостояния и уровнем творческой активности не существует однозначной зависимости.* Творческая деятельность представляет собой феномен гораздо более сложный, нежели простая реакция человека на достижение определенного уровня богатства. Последнее, безусловно, способствует зарождению неэкономических ценностей[155], но стать единственной или даже основной причиной развертывания творческой деятельности оно не способно. Некая, причем достаточно жесткая, корреляция может быть установлена скорее между экономическими успехами нации и относительно абстрактным понятием «удовлетворенность жизнью»[156], но к творчеству это не имеет прямого отношения.

Более корректно исследовать преимущественно материальный или преимущественно нематериальный характер мотивации деятельности. Такой подход особенно ярко выявляет, что прямой зависимости между уровнем благосостояния и превалированием «постматериалистических ценностей» не существует, а в кругу наиболее обеспеченных членов общества материалистические ценности и устремления преобладают даже в большей степени, чем в других социальных группах[157]. Между тем прикладные социо-

---

[153] *Toffler A.* Future Shock. P. 301, 302.

[154] *Webster F.* Theories of the Information Society. L.-N.Y., 1995. P. 38.

[155] См.: *Heilbroner R.L.* Behind the Veil of Economics. P. 94.

[156] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (NJ), 1990. P. 31-32.

[157] См.: *Inglehart R.* Culture Shift. P. 173.

логические исследования свидетельствуют, что носителями новых ценностей являются в основном представители молодого поколения, вступившие в самостоятельную жизнь в 70-е — 80-е годы. Они отличаются не столько очевидным достатком, сколько высоким уровнем образованности и стремлением к деятельности, обеспечивающей им общественное признание. Основной вывод в связи с этим хотя и звучит несколько неожиданно, но кажется нам абсолютно справедливым: «по самой природе вещей, постматериалистами становятся чаще всего те, кто с рождения пользуются всеми материальными благами, чем в значительной степени объясняется их приход к постматериализму»[158]; люди же, с юности стремившиеся добиться экономического успеха, впоследствии гораздо реже усваивают творческие модели поведения и становятся носителями постматериалистических идеалов. В связи с этим нельзя не отметить, что переход к новым ценностным ориентирам может быть лишь постепенным. В силу того, что «будучи однажды выбранными, ценности меняются очень редко»[159], широкое распространение новых предпочтений становится возможным только как следствие вытеснения нынешним молодым и активным поколением прежнего. Оценивая экспансию современных ценностей на протяжении 80-х годов, Р.Ингельгарт подчеркивает, что «постматериализм получил значительное развитие, но *эта тенденция прокладывает себе дорогу в той мере, в какой старое поколение замещается новым* (курсив мой. — *В.И.*)»[160].

Таким образом, материальное благосостояние, способствуя распространению постэкономических императивов, не может быть жестко обозначено в качестве одной из его *причин*, оставаясь скорее пусть и важной, но лишь *предпосылкой* следования таким императивам. Более существенными представляются два других обстоятельства, рассматриваемых ниже.

Мы вновь должны подчеркнуть, что важнейшим фактором прогресса современного общества становится уже не только допускаемая, но в значительной мере *приветствуемая* и даже *культивируемая* хозяйственная и социальная свобода. Являясь проявлением той «социологизированности», о которой говорилось ранее, она становится как условием, так и результатом хозяйственного прогресса. На наш взгляд, невозможно проследить жесткую причинно-следственную связь между развитием современных социальных институтов, становлением нового типа общественных ценностей и экономическим прогрессом: эти процессы исключительно тесно переплетены, и сегодня все больше кажется, что именно

---

[158] *Inglehart R.* Culture Shift. P. 171.

[159] *Boyett J.H., Conn H.P.* Maximum Performance Management. P. 32.

[160] *Inglehart R.* Culture Shift. P. 100.

развитие личности выступает главной движущей силой хозяйственной эволюции. В этом контексте характерно предпринимаемое А.Туреном разделение понятий *развития* и *модернизации*, подчеркивающее даже на терминологическом уровне, что сегодня без соответствующего роста свободы любой хозяйственный прогресс остается лишь *модернизацией*, не становясь собственно *развитием*[161].

Значение свободы огромно. В ней наиболее полно воплощается стремление к самореализации и самосовершенствованию[162], являющееся одним из фундаментальных признаков постиндустриального строя. Именно свобода в полной мере конституирует важнейшие черты современного общества[163], поскольку без нее невозможно создание и распространение информации и знаний, которые в сегодняшних условиях становятся не только и не столько «самым демократичным источником власти»[164], сколько основным условием производства. Как отмечает О.Тоффлер, «все экономические системы зиждутся на основе знаний, все коммерческие предприятия зависят от этого производственного ресурса... При анализе хозяйственных факторов экономисты и менеджеры обычно делают упор на капитал, рабочую силу и землю, игнорируя знания, хотя этот ресурс, частично оплаченный, а частично используемый бесплатно, является в настоящее время важнейшим из всех»[165].

Чем большее значение приобретают для современного хозяйства знания, тем более четким оказывается понимание того, что в их основе лежит *индивидуальная творческая деятельность*, деятельность, *порожденная свободой, выражающаяся в свободе и развивающая свободу*. Развитие современных технологий радикальным образом разрушает многие барьеры, делая человека свободным от привычных форм общения, преодолевая традиционные ограничения пространства и времени[166]. Эта своеобразная деструкция прежних форм человеческого сообщества не может рассматриваться, как это нередко делается, в качестве отрицательного явления, поскольку именно она дает возможность быстрого совершенствования и развития наиболее сложных и наиболее важных для современного общества *индивидуальных* навыков и способностей. П.Дракер подчеркивает: «новшества не могут создаваться кол-

---

[161] См.: *Touraine A.* Qu'est-ce que la démocratie? P., 1994. P. 221.

[162] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 12.

[163] См.: *Norman A.L.* Informational Society. An Economic Theory of Discovery, Invention and Innovation. Boston // Dordrecht // London, 1993. P. 328-239.

[164] *Toffler A.* Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1990. P. 19.

[165] *Toffler A.* Powershift. P. 81-82.

[166] См.: *Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y., 1996. P. 316-317.

лективно... Удачливые новаторы создают группы, но сами в них не работают, предпочитая творить в одиночку»[167]. Последнее обстоятельство обусловливает как то, что «новой обязанностью социума является материальное вознаграждение инициативы индивида»[168], так и то, что «общество должно в большей степени ценить и уважать индивидуального предпринимателя, который начинает собственное дело, нежели человека, всецело принадлежащего какой-либо организации»[169].

Знания всегда раскрепощали человека, и прогресс науки представляет собой один из тех немногих процессов, который не прерывался на протяжении всех этапов и эпох истории человечества. Однако изменения, привносимые в современный мир информационной революцией, становлением новой личности и быстрым прогрессом материального производства, позволяют сегодня применять знания преимущественно не к совершенствованию орудий труда, что в свое время вызвало промышленную революцию, и даже не к деятельности и ее организации, что стало причиной развертывания революции в производительности труда в начале нашего столетия, а к самим знаниям, в их качестве основного и самодостаточного производственного фактора[170].

Когда знания стали самостоятельной силой, наука в полной мере доказала свою мощь в преобразовании природы, а владение информацией оказалось признанным условием достойного положения человека в обществе, возникла новая социальная реальность. В свое время Г.Честертон, рассуждая о традиции европейской философии, отмечал определенную утрату ею преемственности в период становления основ современного общества. «Именно тогда, — писал он, — была утеряна или нетерпеливо оборвана длинная тонкая нить, тянувшаяся из далекой древности; нить этого необыкновенного увлечения, свойственного только человеку — *размышления* (курсив мой. — *В.И.*)»[171]. Это стремление к *мышлению* было позднее радикально заменено стремлением к *постижению информации*, столь свойственным европейской науке XVIII—XIX веков с ее экспериментальным характером и широкими обобщениями. Сегодняшний переход, на наш взгляд, знаменует собой преодоление ограниченности этого последнего и переход к приобретению *опыта, основанного на собственной практике*. Различия же между *информацией* и *опытом* не менее значительны, чем различия между знаниями, сохраненными на информационных носите-

---

[167] Drucker on Asia. P. 80.
[168] *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. P. 334.
[169] Drucker on Asia. P. 80.
[170] См.: *Drucker P.* Post-Capitalist Society. P. 20.
[171] *Chesterton G.K.* St. Thomas Aquinas. N.Y., 1933. P. 87.

лях, и знаниями, воплощенными в сознании самих людей[172], знаниями как источником понимания мира и как условием его изменения в ходе повседневной деятельности человека. Вполне симптоматично поэтому, что именно на данном этапе и началась гигантская революция в образовании, радикально изменившая облик современной цивилизации.

Стремление к образованию и знаниям как основным социальным приоритетам наиболее ярко проявилось после завершения Второй мировой войны[173]. Рассматривая данный процесс на примере США, можно видеть, что если в весьма благополучные времена, предшествующие Великой депрессии, на сто работников приходилось только три выпускника колледжа, то в середине 50-х годов их число увеличилось до восемнадцати[174]; доля управленческого персонала на предприятиях возросла с 4% в 1940 году до 14% в 1990[175]; количество ученых и персонала научно-исследовательских учреждений выросло более чем в десять раз только с начала 30-х по середину 60-х годов[176]. Период, непосредственно следовавший за окончанием Второй мировой войны, был временем наивысших количественных показателей, характеризующих прогресс образовательной сферы и научных исследований. Все авторы исследований по теории постиндустриального общества отмечали этот бум как один из фундаментальных признаков рождения новой социальной структуры. Достаточно обратить внимание хотя бы на то, что почти четверть известной работы Д.Белла[177] посвящена анализу распространения знаний в американском обществе и сопутствующим ему процессам.

В результате многие поспешили заявить, что фундаментальное классовое противоречие, о котором говорил К.Маркс, — свойственный капиталистическому обществу конфликт буржуазии и пролетариата, — уже преодолено и вполне можно считать, что «того рабочего класса, который описан в "Капитале" Маркса, больше не существует»[178]. Различия в формулировках, применяемых сегодня разными авторами[179], не изменяют кардиналь-

---

[172] См.: *Machlup F.* Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance. Vol. III. Princeton (NJ), 1984. P. 182.

[173] См.: *Nisbet R.* The Future of the University // *Lipset S.M.* (Ed.) The Third Century. America as a Post-Industrial Society. Chicago, 1979. P. 312.

[174] См.: *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. New Brunswick (USA)-L., 1996. P.117.

[175] См.: *Nelson J.I.* Post-Industrial Capitalism. Exploring Economic Inequity in America. Thousand Oaks (Ca.)-L., 1995. P. 22.

[176] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1973. P. 216.

[177] См.: Ibid. P. 165-266.

[178] *Renner K.* The Service Class // *Bottomore T.B., Goode P.* (Eds.) Austro-Marxism. Oxford, 1978. P. 252.

[179] См.: *Crook S., Pakulski J., Waters M.* Postmodernisation. Change in Advanced Society. L., 1993. P. 112; *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. L., 1996. P. 57-58, и др.

ным образом их подхода к осмыслению данной проблемы. Рассматривая знание в качестве основного производственного ресурса современного общества, О.Тоффлер вводит понятие «когнитариата» как новой социальной группы, способной заменить традиционный рабочий класс, и утверждает, что «по мере развития экономики символов и знаков пролетариат становится когнитариатом»[180]. Однако, на наш взгляд, не следует недооценивать и тех проблем, которые неизбежно следуют за подобной трансформацией.

Во-первых, быстрый рост образования и совершенствования рабочей силы имеет свой предел. Хотя сегодня большинство стран — как наиболее развитые державы, так и государства, следующие по пути «догоняющего» развития, — испытывают явный недостаток в квалифицированных кадрах, развитие образования не удовлетворяет потребности хозяйства, не говоря уже о том, что некоторая часть населения остается вне процессов информационной революции. Так, несмотря на то что в США в середине 90-х годов 12,5 млн. молодых американцев «после окончания средней школы учились в высших учебных заведениях»[181], около 20% населения по-прежнему имеют образование от четырех до шести классов, причем доля низкообразованного населения остается стабильной с начала нашего столетия[182]. Аналогичная ситуация наблюдается и в быстро развивающихся странах Азии, где число студентов возрастает на 15—20% в течение каждых пяти лет, но и этого количества выпускников по-прежнему не хватает для стремительно развивающегося производства[183]; в то же время значительное число граждан этих стран имеют лишь самое примитивное образование.

Во-вторых, возникает новое социальное расслоение, которое сегодня может быть наиболее резко отмечено на примере противостояния развитых индустриальных стран и «третьего мира». Обычно, когда подчеркивают нарастающий разрыв между богатыми и бедными регионами планеты, говорят о том, что в развивающихся странах, где сосредоточено около $^3/_4$ населения Земли, производится лишь 25—30% мировой промышленной продукции. Между тем это далеко не так страшно, как то, что страны, представляющие 75% человечества, обладают сегодня лишь 3% мирового научного потенциала[184]. Поэтому в глобальном масштабе

---

[180] *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilisation: The Politics of the Third Wave. Atlanta, 1994. P. 55.

[181] Drucker on Asia. P. 9.

[182] См.: *Gordon E.E., Morgan R.R., Ponticell J.A.* Futurework. The Revolution Reshaping American Business. Westport (Ct.)-L., 1994. P. 27, 196.

[183] См.: *Naisbitt J.* Megatrends Asia. L., 1996. P. 180.

[184] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 153.

быстрый, но неравномерный хозяйственный и социальный прогресс постиндустриальных наций может быть сопряжен с серьезными негативными процессами.

В-третьих, растущее обособление страт и социальных групп, представители которых являются носителями знаний и информации, становится все более заметным не только в мировом масштабе, но и внутри каждой из развитых стран. В последние годы все чаще отмечается, что наряду с развитием личности и экспансией творческой активности быстрый рост интеллектуального потенциала работников и превращение пролетариата в когнитариат порождают новый тип социального конфликта. Как подчеркивает Р.Ингельгарт, «неэкономические ценности занимают все более важное место в программах национального развития и создают новую ось политической поляризации, лежащей в плоскости материализма и постматериализма и отражающей конфликт между фундаментально различными мировоззрениями»[185]. Это же, только в других формулировках, отмечает и П.Дракер. «Центр тяжести в производстве, особенно в обрабатывающей промышленности, — пишет он, — перемещается с работников физического труда к работникам умственного. В ходе этого создается гораздо больше рабочих мест для представителей среднего класса, чем имелось ранее. В целом данный процесс сравним по своему положительному значению с созданием высокооплачиваемых рабочих мест для производственных рабочих в течение последнего столетия. Иными словами, он не создает *экономической* (курсив мой. — *В.И.*) проблемы, не чреват «отчуждением» и новой «классовой войной». Все большее количество людей из рабочей среды обучаются достаточно долго, чтобы стать работниками умственного труда. Тех же, кто этого не делает, их более удачливые коллеги считают «неудачниками», «ущербными», «гражданами второго сорта» и вообще «нижестоящими». Речь идет уже не о деньгах. Речь идет о собственном достоинстве»[186]. Таким образом, хотя проблемы, вызываемые накоплением информации и развитием революции в образовании, не носят чисто экономического характера, они не становятся от этого менее важными; оттого, что люди стремятся войти в новый доминирующий класс в первую очередь не ради повышения благосостояния[187], а ради приобщения к более интересной и насыщенной жизни[188], значение нового социального расслоения не становится менее принципиальным.

---

[185] *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 285-286, 161.

[186] *Drucker P.F.* The New Realities. P. 183, 184.

[187] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N.Y., 1971. P. 221.

[188] См.: *Galbraith J.K.* The Affluent Society. P. 267.

Итак, развертывание революции в образовании создает огромные возможности для экспансии творчества, подготавливая широкие социальные слои к восприятию креативных ценностей, а граждан — к реализации себя как творческих личностей. В общем и целом три фундаментальных процесса — повышение благосостояния большинства членов общества и обеспечение условий восприятия вступающим в жизнь человеком элементов постматериалистических ценностей и неэкономической мотивации; развитие социальной и политической систем в направлении обеспечения все большей свободы самовыражения личности и допущение элементов нетрадиционного поведения как необходимого условия развития индивида; распространение информации среди все более широкого круга людей, развертывание революции в образовании — все это подготавливает современного индивида к творческой деятельности, формирует его как человека постэкономического общества.

Данный процесс неизбежно обусловливает многочисленные противоречия, часть из которых мы попытались отметить. Сами условия становления системы постматериалистических ценностей, инертность человеческого сознания не могут не вызывать то менее, то более заметный, но при этом вряд ли легко преодолимый конфликт между поколениями. Стремление максимизировать проявления личности в условиях демократии не может не сопровождаться активизацией разного рода деструктивных движений, групп и общин, деятельность которых резко диссонирует с основными направлениями социальной эволюции. Распространение знаний и все более четкое формирование класса работников умственного труда несомненно будет сопровождаться новыми социальными конфликтами и воспроизводить расслоение общества, с той лишь разницей, что границы этих страт и принципы их выделения окажутся качественно отличными от тех, которыми привыкла оперировать традиционная социология.

Все это не свидетельствует, на наш взгляд, о том, что последние десятилетия обнаруживают серьезные контртенденции, препятствующие становлению постэкономического общества. Напротив, явления такого рода рассеивают опасные иллюзии о формировании совершенно новой организации человечества, не похожей ни на какую другую.

Следует вновь отметить, что, говоря о постэкономическом обществе, мы говорим о нем именно как об обществе (Gesellschaft), подчеркивая тем самым, что в нем сохраняются сегодня и сохранятся впредь все основные характеристики общества как такового — разделение на социальные группы, конфликт между ними, централизованная организационная структура, служащая для общества неким внутренним стержнем, а также противоречия интересов,

хотя последние не будут столь жестко, как это имело место в экономическом обществе, заданы материальными обстоятельствами.

Мы рассматриваем творчество как основной вид деятельности в новом обществе, и оно не является *немотивированной* деятельностью, которая асоциальна уже потому, что *противоречит основным принципам построения общества*, а представляет собой *нетрадиционно мотивированную* деятельность, свойственную *постэкономическому состоянию*. Между тем *любой характер мотивации деятельности в рамках общества отражает ее социальную природу*, и в связи с этим творческая деятельность, *внутренне* свободная по своим предпосылкам и мотивам, не может быть свободной *внешне* в формах, представляющих опасность для общества в целом. Поддержание равновесия между свободой, скрытой в творческой деятельности в качестве ее источника, и свободой, которую она воплощает в самом своем проявлении, в формах, оптимальных для совершенствования общественного целого, представляется важнейшей задачей социальных институтов постэкономической эпохи.

Анализ предпосылок становления творческой деятельности в определенной мере пересекается, как мы показали, и с исследованием ее развития, и с оценкой ее воздействия на социальные институты и самого человека. В то же время изучение основных форм человеческой активности требует более тщательного рассмотрения процессов и явлений, выступающих скорее результатами развития отмеченных выше тенденций, нежели их предпосылками.

Поэтому мы начнем наш анализ проявлений творческой деятельности в современных условиях с отдельного производящего индивида, затем оценим более подробно их воздействие на хозяйственные организации и, в заключение, рассмотрим становление новой системы предпочтений на уровне общества в целом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сегодня творчество не противостоит труду столь непосредственно, как услуги противостоят продуктам материального производства. В нынешних условиях элементы творчества (creativity) и труда (labour) тесно слиты в продуктивной деятельности (work); разорвать это противоречивое единство фактически невозможно, и поэтому мы вынуждены акцентировать внимание на становлении определенных черт *creativity* в рамках современной *work*. Между тем, так как последняя представляет собой процесс, субъектами которого выступают отдельные индивиды, общности людей и весь социум в целом, формирующиеся элементы творчества не могут быть проанализированы иначе, чем через их объективные проявления на различных уровнях социальной структуры.

Рассматривая формы проявления творческой деятельности, мы основываемся на том, что если *формирование ее предпосылок было обусловлено прежде всего развитием социального целого*, то *реализация такой деятельности начинается с изменения целей и характера поведения составляющих его индивидов*. В любой сфере человеческой деятельности творчество выступает прежде всего как индивидуальный процесс; порождаемое стремлением людей к самореализации, оно приводит к формированию более совершенной личности исключительно благодаря ее собственным усилиям. Такая автономность творческого субъекта не есть нечто абсолютное; существуя в рамках организаций и общества, человек постоянно вступает в определенные отношения со своими контрагентами, и *интерперсональный характер* творчества столь же существенно характеризует этот вид человеческой активности, как и ее *внутренние предпосылки*. Между тем формирование элементов творческой деятельности происходит лишь *как рефлексия социальных процессов в конкретном человеке*.

Поэтому ниже мы попытаемся реконструировать процесс формирования творческой деятельности на уровне отдельного субъекта и оценить его воздействие на современное хозяйство; далее мы обратимся к творческой деятельности на уровне экономической организации — производственной фирмы или компании; и, наконец, в завершение рассмотрим вопрос о реализации элементов творчества на уровне социума в целом, о формировании новых общественных связей и институтов.

Элементы творчества и индивидуальное поведение

До недавних пор утверждение об исключительной роли человека в процессе производства основывалось на рассмотрении его в качестве воплощения способности к труду, как совокупности знаний и навыков, обозначавшихся понятием «рабочая сила». В современной ситуации человек продолжает оставаться важнейшим фактором социального прогресса, но уже как творческая личность, обладающая качествами, ранее казавшимися не имеющими к хозяйственным закономерностям никакого отношения.

Признавая знания основным производственным ресурсом, исследователи в последние годы все чаще приходят к выводу, что в сегодняшних условиях экспансия *информационной экономики*, определяющая лицо меняющегося социума, обусловлена целым рядом человеческих качеств, достаточно полно сформировавшихся на грани тысячелетий[189]. Развитие творческой деятельности, основанной на внутренней неэкономической мотивации и имеющей ярко выраженный интерперсональный характер, приводит к тому, что на хозяйственный прогресс влияют не только и не столько информация и знания, сколько сам характер восприятия человеком мира, его отношение к себе, к себе подобным и внешней среде[190]. На первое место выходит уже не информация, а воображение[191]; возникает ситуация, когда «деньги и власть не могут ни купить, ни создать волевым решением солидарность и смысл»[192], значение которых сегодня трудно переоценить, а формирующаяся как на уровне производственных корпораций и локальных общностей, так

---

[189] См.: *Forester T.* High-Tech Society. The Story of the Information Technology Revolution. Cambridge (Ma.), 1988. P. 79.

[190] См.: *Opaschowski H. W.* Wie leben wir nach dem Jahre 2000? Szenarien über die Zukunft von Arbeit und Freizeit. Hamburg, 1987. S. 15 ff.

[191] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 351.

[192] *Habermas J.* The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge, 1995. P. 363.

и на уровне всего социума система убеждений становится не менее важной, чем система хозяйственного управления[193].

Взаимодействие людей как целостных личностей, а не как простых элементов производственной системы становится основой основ функционирования социального целого; по словам Дж.Робертсона, «экономика XXI века должна систематически воспитывать в людях уверенность в своих силах и способность к самосовершенствованию. Первая не означает самодостаточность и эгоистичную изоляцию. Она предполагает способность к свободному сотрудничеству с другими людьми. Вторая включает в себя развитие новых способностей в условиях участия в совместной деятельности»[194]. В результате возникает ситуация, когда новые продукты и услуги создаются новой *информацией* и новыми *работниками*, а не появляются в результате освоения оригинальных *технологий* и *производственных процессов*, как еще несколько десятилетий назад; сегодня, говоря, что «продукты и технологии становятся все более "новыми", мы подразумеваем в первую очередь, что работники тоже новые, и им все представляется новым — и система, и коллеги, и поставленные перед ними задачи»[195].

Творчество, как мы уже отмечали, всегда представляет собой прежде всего индивидуальный процесс. Порождаемое внутренними мотивами, стремлением личности к самосовершенствованию и самореализации, *оно социально по своей природе, но индивидуально по своему характеру*. Разумеется, это разграничение весьма условно, так как любое проявление творчества неизбежно воздействует на социальные связи и институты, равно как и любое развитие последних так или иначе отражается на возможностях и перспективах творческой деятельности. Однако мы полагаем, что в нашем анализе разделение личностных и социальных сторон творчества допустимо и целесообразно.

Наиболее принципиальные проявления творческой деятельности мы видим в становлении новых стереотипов поведения человека, внутренней мотивации как основном факторе, определяющем действия людей, в росте самостоятельности и автономизации современных работников, иногда выражающихся в индивидуализме, и, что может быть представлено как некая противоположная последнему процессу тенденция, в формировании новых типов коллективов и общностей, способствующих развитию способностей и талантов и объединяющих творческие личности образом, не приводящим к их унификации.

---

[193] См.: *Toffler A.* The Adaptive Corporation. Aldershot, 1985. P. 31.

[194] *Robertson J.* Future Wealth. A New Economics for the 21st Century. L.-N.Y., 1990. P. 13.

[195] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 75.

Преодоление ценностей, свойственных *индустриальному* обществу, становление новой системы стимулов и мотивов деятельности — это наиболее общая и легко констатируемая черта, привносимая развитием творческой активности в современные хозяйственные отношения[196].

Данный процесс в значительной степени обусловлен прогрессом материального производства. Сегодня, когда «беспрецедентно большая доля жителей западных стран выросла в условиях исключительной экономической стабильности»[197] и в силу этого избавлена от прямого давления примитивных материальных потребностей, творческая деятельность получает предельно широкие возможности для своего проявления. Фактически она формируется как результат любого развития современного хозяйства, приводящего «к переходу от экономики, направленной на удовлетворение лишь насущных потребностей плоти, к экономике, отвечающей и бесконечно разнообразным духовным потребностям»[198]. Некоторые исследователи отмечают, что проявления творчества, связанные с нарастанием роли внутренних стимулов к деятельности и даже элементов бессознательного, порождены в первую очередь техническими факторами[199], другие склонны подчеркивать значение меняющейся социальной среды, когда work предполагает прежде всего «работу на себя и своими собственными силами»[200], и так далее. В определенной мере каждый из авторов прав, ибо творческая деятельность подготавливается всеми сторонами прогресса производства, равно как и проявляется во всех аспектах его развития. В результате все более утверждается понимание того, что личная экономическая заинтересованность, являясь важным побудительным мотивом человеческих действий в рамках индустриального общества, может быть использована для объяснения лишь самых простых экономических процессов; при анализе более сложных общественных взаимодействий неизбежны апелляции к мотивам преимущественно неэкономического характера[201].

Активные дискуссии разворачиваются вокруг терминологического обозначения возникающей ценностной ориентации. Если в 70-е и 80-е годы большинство западных авторов вслед за Р.Ингельгартом[202] характеризовали ее как «постматериалистическую»,

---

[196] Подробнее см.: *Faunce W. A.* Problems of an Industrial Society. P. 148.

[197] *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 5.

[198] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 61.

[199] См.: *Ellul J.* The Technological Society. P. 403-404.

[200] *Handy Ch.* Finding Sense in Uncertainty //*Gibson R.* (Ed.) Rethinking the Future. L., 1997. P.21.

[201] См.: *Kuhn J. W., Shriver D. W., Jr.* Beyond Success. Corporations And Their Critics in the 1990s. N.Y.-Oxford, 1991. P. 14-15.

[202] См.: *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton, 1977. P. 54-55; *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 253 и др.

отмечая в первую очередь доминирование факторов внутреннего развития личности и интерперсонального взаимодействия над факторами высокой оплаты и социальной защищенности, то несколько позже возникло понятие «экспрессивизм»[203], вобравшее в себя и некоторые другие характеристики новой системы ценностей.

Наиболее же терминологически близка предлагаемому нами подходу позиция О.Тоффлера, рассматривающего складывающиеся принципы мотивации прежде всего как завершенную «постэкономическую систему ценностей»[204]. В этом случае подчеркивается, что таковая *преодолевает* стандарты экономической эпохи, а не *видоизменяет* их. Понимание того, что система убеждений состоит как из «экономической», так и из «неэкономической» составляющих, существовало в социологической науке еще с довоенных лет. В 1946 году П.Дракер одним из первых начал их исследование в рамках теории управления, отметив, что «нужды в равной степени выражают экономические и неэкономические потребности и желания»[205]; в 70-е и 80-е годы неэкономические цели людей также неоднократно подвергались всестороннему анализу[206], однако именно О.Тоффлер впервые рассмотрел современные нематериальные мотивы деятельности индивида не как *неэкономическую составляющую его активности*, а как *элемент преодоления прежней экономической системы мотивации*, как проявление не *неэкономических*, а *постэкономических* потребностей.

Все перечисленные понятия представляют собой различные терминологические обозначения одного и того же явления: перехода от реализации в деятельности преимущественно внешних побудительных мотивов к реализации мотивов преимущественно внутренних. О.Тоффлер считает, что последние проявляются в деятельности, которая «содержательна, интересна и полезна для общества»[207], другие полагают, что система современной мотивации включает в себя «такие ценности, как творчество, автономность, отсутствие контроля, приоритет самовыражения перед социальным статусом, поиск внутреннего удовлетворения, стремление к новому опыту, тяготение к общности, принятие участия в процессе выработки решений, жажда поиска, близость к природе, совершенствование самого себя и внутренний рост»[208]. Результатом же является, как правило, констатация имеющего место «перехода

---

[203] См.: *Bezold C., Carlson R., Peck J.* The Future of Work and Health. Dover-L., 1986. P. 60-61.

[204] См.: *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 100.

[205] *Drucker P.F.* Concept of the Corporation. New Brunswick-L., 1993. P. 248.

[206] См.: *Bahro R.* The Alternative. L., 1978; *Frankel B.* The Post-Industrial Utopians, и др.

[207] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 100.

[208] *Bezold C., Carlson R., Peck J.* The Future of Work and Health. P. 60-61.

от "трудовой этики" к "жизненной этике", в рамках которой возможность получить образование создает условия для смены деятельности в любом возрасте и позволяет людям полностью использовать свой потенциал в производительной деятельности и на общественном поприще»[209].

Активные исследования изменений в структуре человеческих ценностей начались в США и западноевропейских странах вскоре после окончания Второй мировой войны. Именно в конце 50-х — начале 60-х годов, когда хозяйственная жизнь в полной мере адаптировалась к мирным условиям, доминирующее положение экономических и материальных факторов в системе мотивации, ранее незыблемое, стало вызывать все больше сомнений. Причиной тому стали несколько обстоятельств.

Во-первых, в рамках самого индустриального производства и близких к нему по характеру производственных операций подотраслях третичного сектора материальные потребности большинства работников оказались удовлетворенными на уровне, в целом соответствующем их пожеланиям, и простая прибавка к заработной плате стала значить меньше, чем возможность располагать свободным временем или делать свою активность более разнообразной. Новые стремления работников были сформулированы в известном императиве А.Маслоу, гласящем: «Человек должен быть тем, чем он может быть; он должен соответствовать своей *внутренней природе*»[210]. Последнее предполагает прежде всего стремление человека к максимальному удовлетворению своих интересов как субъекта потребления и как свободной личности; с 60-х годов фиксируется рост значения досуга и возможностей самореализации вне рамок производства: к началу 90-х годов более 55% американских служащих предпочитали отказаться от повышения по служебной лестнице, если таковое было связано с сокращением свободного времени, которое они могут проводить в кругу семьи, и фактически все работники были готовы на почти 5-%-ное сокращение оплаты, если бы оно компенсировалось ростом свободного времени[211]. Однако самореализация за пределами производственного процесса всегда страдает известной ограниченностью, так как профессиональная активность любого работника остается основным содержанием его жизни и должна быть в первую очередь усовершенствована с учетом изменившихся ценностей.

Во-вторых, внутренне мотивированная деятельность стала обнаруживаться и в рамках производства. В 60-е и 70-е годы, в эпоху перехода от индустриального общества к постиндустриальному,

---

[209] *Lyon D.* The Information Society. Cambridge, 1996. P. 135.
[210] *Maslow A. H.* Motivation and Personality. N.Y., 1970. P. 46.
[211] См.: *Rifkin J.* The End of Work. P. 233.

факторы самореализации еще не могли доминировать в самом производственном процессе, и поэтому на первые позиции в шкале ценностей вышли элементы социального и коллективного *признания* тех или иных достижений работника. Таковое не обязательно должно было сопровождаться повышением оплаты или продвижением по служебной лестнице; возрастающий авторитет человека и его влияние на происходящие в организации процессы, как правило, совпадали по времени с упрощением организационной структуры компаний и уменьшением количества должностных градаций. Как отмечает М.Хэммер, «в организациях, где работают люди интеллектуального труда, звания присваивают очень редко... На протяжении всей своей карьеры сотрудники могут получить от силы одно или два звания, да и те скорее обозначают специальности, чем занимаемые ступеньки служебной лестницы»[212]. Широкая экспансия в полной мере неэкономически мотивированной деятельности в масштабах всего общественного производства началась в 80-е годы, когда в результате информационной революции производство стало освобождаться от рутинных операций, превращаясь в поле приложения творческих способностей работников.

В-третьих, новые возможности для своего развития творческая деятельность получает в рамках расширяющегося под ее же воздействием информационного сектора. Резкий рост престижа образования после Второй мировой войны и формирование нового класса современного общества — работников интеллектуального труда — факторы, основанные первоначально на вполне экономических мотивах, — в 70-е и 80-е годы приобрели самодостаточное значение. Если раньше превалировала экономическая оценка знаний, которые хотя и представляют собой нечто большее, нежели обычный товар, тем не менее включались в традиционную систему обмена, в результате чего, по словам Ж.-Ф.Лиотара, «знания в виде информационного товара как незаменимой предпосылки производства [стали] одной из главных, если не самой главной, ставкой во всемирном соперничестве за власть»[213]; если успехи, сопутствовавшие предпринимателям и менеджерам, занятым в наиболее передовых отраслях информационного сектора, обусловливали стремление к знаниям как к фактору, открывающему блестящие перспективы получения высоких доходов и достойного социального статуса; если работники были готовы отказаться от непосредственного удовлетворения своих материальных потребностей и вкладывать значительные средства в обучение, полагая,

---

[212] *Hammer H.* Beyond Reengineering. How the Process-Centered Organization is Changing Our Work and Our Lives. N.Y., 1996. P. 61.

[213] *Lyotard J.-F.* The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Manchester, 1984. P. 5.

что полученное в колледже образование, затраты на которое в тот период редко превышали 20 тыс. долл. США, «даст возможность дополнительно заработать в среднем 200 тыс. долл. в течение тридцати лет после окончания учебного заведения» и что «не существует другой формы вложения капитала, способной окупить себя в десятикратном размере, принося в среднем 30% годового дохода в течение 30 лет»[214], то в последние десятилетия подтверждается предположение, согласно которому «интеллектуальная деятельность должна быть мотивирована внутренне, а... традиционные поощрительные меры — например, денежные премии — теряют свое значение как побудительные мотивы»[215].

Именно работники, занятые в информационном секторе хозяйства, науке, образовании, здравоохранении, политике и культуре, составляют социальную группу, наиболее восприимчивую к новым мотивационным факторам[216]. Как отмечал Дж.К.Гэлбрейт, «служение целям нации, государства или общества, стремление максимально использовать возможности, предоставляемые занимаемым положением, для достижения этих целей — таковы единственно приемлемые для них мотивационные факторы»[217]. Распространенность неэкономических целей среди служащих данной категории столь высока, что «работниками интеллектуального труда следовало бы руководить так, как если бы они были добровольцами»[218]. Иначе говоря, эффективным оказывается общение с ними только как с равными партнерами компании; по справедливому мнению Ч.Хэнди, «сегодня организация не может *требовать* от своих работников лояльности; напротив, она должна *заслужить* их лояльность по отношению к себе»[219].

Экспансия творческой деятельности радикально изменяет и внешние формы поведения людей, что, в частности, отчетливо проявляется в стремлении к автономизации. Этот феномен имеет сегодня исключительное значение по двум причинам: *во-первых*, он является условием мобилизации творческого потенциала работников, в результате чего ускоряются изменения в производственных технологиях и совершенствуются производимые блага и услуги; *во-вторых*, рано или поздно наталкиваясь в рамках корпорации на определенные пределы, творческие стремления все чаще служат причиной ухода работников интеллектуального труда из прежних хозяйственных структур.

---

[214] *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. P. 127-128, 128.

[215] *Drucker P.F.* The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. New Brunswick (US)-L., 1994. P. 288; см. также: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 174.

[216] См.: *Drucker P.F.* The Changing World of the Executive. Oxford, 1995. P. 116-117.

[217] *Galbraith J. K.* The New Industrial State. 2nd ed. L., 1991. P. 156.

[218] Drucker on Asia. P. 148.

[219] *Handy Ch.* Beyond Certainty.The Changing Worlds of Organisations. L., 1996. P.184.

Отметим, что с ростом доли работников, цели которых связаны с самореализацией и самосовершенствованием, в любой производственной структуре снижаются роль и возможности прежнего централизованного управления[220], и тем самым, «чем более мы превращаемся в глобальное интеллектуальное общество, тем более высоких темпов, а не только масштабов преобразований следует ожидать»[221]. В соответствии с этим современная корпорация все более и более обретает черты не только и не столько *производственной единицы*, но прежде всего *специфической социальной общности*.

Творческие стремления современного работника весьма очевидно проявляются в его желании «*сотрудничать* с компанией, но не *работать на* компанию в качестве ее служащего»[222]. Как отмечают И.Нонака и Х.Такеучи, «на индивидуальном уровне всем членам организации должна быть дана возможность действовать автономно, насколько это позволяют обстоятельства. Предоставляя работникам большую автономность, организация повышает шансы появления новых возможностей; увеличивается также вероятность того, что у индивидов появится стимул к созданию нового знания»[223]. Превращение интеллекта и знаний в главные ресурсы производственного процесса, обусловливающие все меньшую зависимость работника от системы «фабричного» производства, ведет в конечном счете к деструкции ее основ. Как подчеркивает О.Тоффлер, «по мере перехода от машиноемкой к информационноемкой экономике, по мере того, как все больше важных видов деятельности начинает зависеть от индивидуальных услуг и манипуляций с символическими благами, крупные промышленные структуры начинают распадаться»[224].

Данный процесс широко развернулся с начала 70-х годов, когда в западных странах отчетливо обозначились постиндустриальные тенденции. Период «последнего рывка» индустриального общества, последовавший за Великой депрессией, ознаменовался значительным сокращением индивидуальной занятости (self-employment); так, в США ее доля снизилась с 1940 по 1973 год с 20% рабочей силы до 10%, в Германии аналогичные цифры для 1939 и 1970 годов составили 29% и 17%, во Франции для 1946 и 1970 годов — 38% и 21%[225]. Именно в эти годы было достигнуто

---

[220] См.: *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. L.-N.Y., 1992. P. 92.

[221] *Linstone H. A., Mitroff I. I.* The Challenge of the 21st Century. P. 212.

[222] Drucker on Asia. P. X.

[223] *Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge-Creating Company. N.Y.-Oxford, 1995. P. 75-76.

[224] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 95, 96.

[225] См.: *Steinmetz G., Wright E. O.* The Fall and Rise of the Petty Bourgeoisie: Changing Patterns of Self-Employment in the Postwar United States // American Journal of Sociology. 1994. No 5. P. 975-985.

минимальное значение данного показателя; его рост отмечается различными авторами с 1970[226] или с 1972[227] годов, причем интенсивность такового также оценивается по-разному: от 15—20% за 1970—1984 годы[228] до более чем 25% за период с 1972 по 1983 год[229].

Начало 70-х годов характеризовалось не только быстрым развитием индивидуальной занятости, но и вызванными ею ростом квалификации и мобильности людей. Подавляющее большинство работников, непосредственно не связанных сегодня с крупными корпорациями, представляют сферу услуг или являются производителями информации; так, в Великобритании лишь не более 13% таковых занимаются материальным производством[230]. Данный сектор хозяйства может действовать вполне автономно; его работники, будучи соединены с остальным миром компьютерными сетями, производят и потребляют в основном информационные продукты. Создание нуклеарных производственных единиц повышает спрос на услуги, ранее выполнявшиеся специализированными подразделениями крупных корпораций; таким образом, волна индивидуального предпринимательства неизбежно порождает эффект мультипликатора, все более разрушающего монополии крупных компаний. В результате нарастания этой тенденции к 1995 году в США прогнозировалось создание около 20,7 млн. семейных предприятий на дому[231], большая часть которых относится к наиболее высокотехнологичным отраслям производства; последнее подтверждается темпами расширения информационных сетей, используемых индивидуальными работниками. В США к 2000 году все условия для автономной деятельности (telework) будут созданы не менее чем в 25 млн. домашних хозяйств; в ЕС данный показатель достигнет к тому же времени 10 млн.[232]

Творческая деятельность, вызывая развертывание подобных процессов, обеспечивает тем самым и широкие возможности для своего дальнейшего прогресса. Это выражается не только в том, что производство и потребление тесно переплетаются в явлении, обозначаемом понятием «prosumption»[233], но и в том, что возникает новая этика трудового процесса, когда создаваемый продукт несет на себе отпечаток личности его создателя, когда невоспро-

---

[226] См.: *Harvey D.* The Condition of Post-Modernity. P. 158.

[227] См.: *Crook S., Pakulski J., Waters M.* Postmodernisation P. 177.

[228] См.: Ibid.

[229] См.: *Harvey D.* The Condition of Post-Modernity. P. 158.

[230] См.: *Lyon D.* The Information Society. P. 82.

[231] См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. P. 331.

[232] См.: *Hale R., Whitlam P.* Towards the Virtual Organization. P. 144.

[233] Данный термин образован из частей слитых воедино английских слов, означающих производство (production) и потребление (consumption). См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 388.

изводимые блага, занимая все более значимое место в общем объеме производства, радикально подрывают существующие хозяйственные устои экономического общества. Согласно статистическим данным, более 63% американцев, занятых в различных видах индивидуальной деятельности, очень удовлетворены своей работой, тогда как среди служащих корпораций подобный ответ дали только 47%[234]. Как отмечает О.Тоффлер, «поэтапное развитие от ремесла к массовому производству и от него к новой высшей форме ремесла дает ключ к пониманию сверхиндустриальной экономики»[235].

Все отмеченные обстоятельства подтверждают растущую роль сущностных, креативных сил человека в обеспечении прогресса производства. Стремление выразить себя не только в свободное время, не только в качестве субъекта потребления, но в первую очередь в качестве создателя новых процессов, благ и продуктов становится одним из наиболее важных проявлений творческой деятельности в современном мире.

Между тем стремление к максимальной *реализации своей индивидуальности* не должно, как это часто делается, рассматриваться в качестве подтверждения тенденции к росту *индивидуализма* современного человека. Автономизация деятельности, безусловно, находит свое выражение в том, что современные работники «отвергают ценности иерархии, государственного контроля над экономикой и корпоративизма»[236], но, даже признавая, что подобная индивидуализация не только является фактором отрицания прежних «материалистических» отношений[237], но и выступает в роли центрального элемента всей социальной трансформации[238], мы не считаем возможным говорить о том, что современное общество в обязательном порядке порождает индивидуализм в качестве одной из характерных черт нового работника.

Индивидуализм и автономность не являются синонимами. Творческий индивид движим стремлением к самореализации, немыслимой вне рамок социального целого. Его поиски, как в сфере производства, так и в потреблении, в иных формах жизнедеятельности, не только не исключают приверженности целям совершенствования коллектива и общества, но скорее предполагают ее в качестве своего фундаментального элемента. Отнюдь не случай-

---

[234] См.: *Mandel M.* The High-Risk Society. Peril and Promise in the New Economy. N.Y., 1996. P. 136.

[235] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 63.

[236] См.: *Lash S.* Sociology of Postmodernism. L.-N.Y., 1990. P. 28 .

[237] См.: *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1997. P. 205-206.

[238] См., напр.: *Castoriadis C.* Gesellschaft als imaginäre Institution. Entwurf einer politischen Philosophie. Frankfurt am Main, 1984. S. 129ff.

ным представляется тот факт, что первые проявления неэкономического поведения промышленных работников в США и других западных странах были зафиксированы социологами и специалистами по менеджменту во время Второй мировой войны. Как отмечал в 1946 году П.Дракер, «война принесла промышленному рабочему удовлетворение своим трудом, ощущение важности того, что он делает, чувство выполненного гражданского долга, самоуважения и гордости, чего он никогда ранее не испытывал»[239]. Когда в течение 1944 года 400 тыс. работников компании «Дженерал Моторс» сделали более 115 тыс. рационализаторских предложений, это было не проявлением индивидуализма, а стремлением внести свой вклад в дело борющейся нации; в СССР в течение военных лет впервые за послереволюционные годы жесткость коммунистических репрессий ослабла, но масштабы успешно решавшихся в этот период хозяйственных задач намного превосходили довоенные стандарты.

Мы полагаем, что и проявляющееся сегодня стремление к автономности и самореализации не означает нарастания индивидуализма[240]. Даже выход работников за пределы компании, который может при определенных допущениях рассматриваться как желание более успешно двигаться к сугубо индивидуальным целям, воплощается, как правило, в создании новой хозяйственной общности. Действуя более эффективно, чем прежняя, она способствует развитию всего общественного производства в целом, воспроизводя внутри себя не менее, а чаще всего даже более развитые формы совместной деятельности, нежели существовавшие в материнской структуре. Ф.Фукуяма пишет: «Свойственная американцам тенденция уходить из фирм, в которых они работают, и открывать собственный бизнес часто считается проявлением американского индивидуализма... Однако новые предприниматели редко действуют сами по себе. Обычно они покидают компании группами или быстро создают новые организации со своими иерархиями и субординациями. Эти последние требуют такой же степени взаимодействия работников и такого же уровня дисциплины, как и старые, а если достигают коммерческого успеха, то могут разрастись до гигантских размеров и просуществовать очень долго», совершенно справедливо заключая, что «американская демократия и американская экономика достигли таких успехов благодаря не индивидуализму и не коллективизму как таковым, а взаимодействию этих разнонаправленных тенденций»[241]. То же самое подчеркивает

---

[239] *Drucker P.F.* Concept of the Corporation. P. 157.

[240] О противоречивости понятия «индивидуализм» в современных условиях подробнее см.: *Berger P.L.* The Capitalist Revolution. Fifty Propositions About Prosperity, Equality, and Liberty. Aldershot, 1987. P. 90.

[241] *Fukuyama F.* Trust. P. 273.

и Ч.Хэнди, указывая, что «Америка достигла своего благоденствия в силу того, что индивидуализм там подкреплялся традицией доверять пусть менее удачливым, но разделяющим аналогичные приоритеты и ценности гражданам»[242].

Касаясь вопросов соподчинения интересов и эффективности производства, мы оказываемся в кругу проблем, связанных со структурой и направлениями совершенствования современной корпорации. Являясь одним из основных социальных институтов индустриального общества, она и сегодня сохраняет свое значение как важное связующее звено между интересами индивида и общества. Развертывающиеся внутри нее процессы не в меньшей мере, чем рассмотренные выше, зависят от эволюции системы ценностей и предпочтений составляющих ее индивидов, от характера их деятельности. Поэтому следующий важный комплекс проблем, который предстоит рассмотреть, связан с проявлением творческой деятельности на уровне современных производственных структур и, в частности, в рамках корпорации.

Элементы творчества и современная корпорация

В самые разные периоды развития человечества производство материальных благ и услуг неизменно носило коллективный характер. Люди были вынуждены объединять свои усилия, чтобы сообща решать задачи по преобразованию окружающего их мира, однако до наступления индустриальной эпохи такие объединения редко бывали добровольными.

В условиях политической свободы, обеспеченной буржуазным обществом, основой хозяйственной системы стала новая форма производственной организации — компания, или корпорация, долгие столетия развивавшаяся как свободное объединение индивидов в недрах феодального строя. Можно спорить о том, является ли капиталистический тип принуждения работника к труду синонимом свободы или представляет собой, как его именовали марксисты, «особый вид рабства»; несомненно одно — корпорации буржуазного общества основаны в первую очередь на *взаимной заинтересованности своих членов друг в друге.*

Корпорация является *фундаментальным элементом индустриального общества.* Возникнув в отраслях, где рождались зачатки буржуазного порядка, — в торговле и мануфактурном производстве,

---

[242] *Handy Ch.* The Hungry Spirit. P. 146.

она изначально несла в себе элемент *новизны* в противоположность господству *традиции*. В условиях XIX и XX веков именно сектор, представленный корпорациями, отождествлялся исследователями с индустриальным хозяйством; как отмечает Дж.К.Гэлбрейт, «было бы удобно иметь какое-нибудь название — до того, как будет найдена более точная формулировка — для той части экономики, которая характеризуется присутствием больших корпораций... Я буду именовать ее индустриальной системой»[243]. Легко предположить в этой связи, что переход от индустриальной системы к постиндустриальной, от экономического общества к постэкномическому не может не сопровождаться радикальными изменениями на уровне корпорации.

Модернизация структуры и переосмысление места корпорации в обществе являются ключом к пониманию новейших хозяйственных процессов. «Современный мир — это мир организаций»[244], и в этом отношении индустриальное и постиндустриальное общество похожи. Отличия нового типа хозяйственного устройства от прежнего коренятся не в отрицании организаций, не в их преодолении, а в обретении ими качеств, ранее не свойственных индустриальной корпорации. Эти изменения в условиях «новой реальности, суть которой заключается в отказе от старых правил»[245], касаются прежде всего характера соподчинения и взаимодействия интересов компании и общества, компании и ее работников; новых, в значительной мере неэкономических целей производственных структур; организации совместной деятельности в рамках компании и взаимодействия обновленной корпорации с внешней средой.

В отличие от корпорации индустриального типа, представлявшей собой «властно координируемую ассоциацию»[246], современная корпорация, превращаясь в значительной мере в постэкономическую как по своим целям, так и по применяемым для их достижения методам, «более не рассматривается как конкретное выражение капитализма... и ее скорее можно описать в терминах менеджмента рынков и технологий, чем в терминах рационализации классового господства»[247]. В индустриальном обществе промышленная организация служила, как полагал К.Маркс, осуществлению целей капиталистического способа соединения работника со средствами производства; сегодня, когда основным производственным ресурсом становятся информация и знания, в

---

[243] *Galbraith J. K.* The New Industrial State. L., 1991. P. 29.
[244] *Giddens A.* Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987. P. 155.
[245] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 89.
[246] *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959. P. 242.
[247] *Touraine A.* Critique of Modernity. Oxford (UK)-Cambridge (US), 1995. P. 141.

этом нет необходимости. В прежних социальных формах корпорация давала возможность многократно повысить производительность труда, открывая путь массовому производству; сегодня потребность в нем весьма условна. В рамках капиталистического строя производственная компания являлась единственным источником средств существования для наемных работников, диктуя последним цену на их труд; сегодня ситуация представляется скорее обратной. Что же стоит в настоящее время за корпорацией? Что она предлагает обществу в качестве своего основного ресурса? Что оправдывает ее существование? Ответ на эти вопросы может быть только один: современная компания *объединяет в единый социальный организм* людей, обладающих как *способностью к труду*, так и *средствами производства*.

Модернизация корпорации представляет собой естественный процесс, являющийся «частью более широкого преобразования социальной сферы в целом, которое происходит параллельно с кардинальными изменениями в технологической и информационной областях»[248]. Однако, в силу отмеченных выше обстоятельств, ее движение в сторону того способа социологизации, о котором говорил в свое время Д.Белл[249], не исчерпывается обеспечением для работника максимальных социальных гарантий и пресловутой уверенности в завтрашнем дне, а предполагает его интегрирование в ту новую общность (Gemeinschaft), которой является современная компания. По словам М.Хэммера, «корпорация — это нечто больше, чем система технологических процессов, чем набор продуктов и услуг и даже чем группа людей, производящая какую-то работу. Помимо всего прочего, это — человеческое общество и, как и все другие сообщества, оно создает собственную разновидность культуры — корпоративную культуру. У каждой компании имеются свой язык, своя официальная история (мифология), свои герои и злодеи (свои легенды), как исторические, так и современные, что служит укреплению престижа ветеранов корпорации, приобщению новичков к ее духу и к принятым в ней особым формам поведения»[250].

Сегодняшняя корпорация объединяет людей не в качестве простых источников физической энергии или придатков машин и механизмов, а прежде всего как творческих личностей. Поэтому она отличается от компаний эпохи капитализма в первую очередь своим *социологизированным* характером. Основной ее целью является не примитивно понимаемая функция заставить служащего взяться за работу, но «втянуть сотни тысяч людей в то, что являет-

---

[248] *Toffler A.* The Third Wave. P. 243.

[249] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 288-289.

[250] *Hammer M.* Beyond Reengineering. P. 153.

ся для них совершенно новой культурой со своими подразумеваемыми представлениями о времени, красоте и т. д.»[251]. Это задача исключительной сложности, поскольку отношения компании с новыми участниками являют собой пример субъект-субъектного взаимодействия, взаимопроникновения культур, пример *процесса в высокой степени творческого и неповторимого.*

Базируясь на максимальном использовании креативного потенциала работников, современная корпорация использует для управления ими принципы, *кардинально противоположные* применявшимся ранее. Исследователи, описывающие методы управления в постмодернистском обществе, обращают внимание на разные их стороны и черты, но во всех работах по соответствующим проблемам неизменно обнаруживается противопоставление новых методов прежним и отрицание первыми вторых. Дж.Нэсбит и О.Тоффлер, Т.Кэннон и Д.Гарвей[252], а вслед за ними десятки других современных авторов находят все новые и новые направления, по которым предпринимаются радикальные противопоставления, сводящиеся к констатации перехода от минимизации рисков, связанных с переменами, до максимизации возможностей, заложенных в переменах, от драконовских методов руководства к руководству, предполагающему сотрудничество, от высокой степени специализации к стиранию разграничительных линий между видами деятельности, от вертикальной системы подчинения к горизонтальной организации труда и так далее.

Характерно, однако, что большинство исследователей избегают обобщений относительно глубинной сущности происходящих изменений. Мы же хотим отметить, что все впечатляющие трансформации в недрах современных корпораций имеют своей основой изменение базовых характеристик тех активных субъектов, которые представлены на всех уровнях корпоративной структуры. Сущность скрывающегося за эволюцией сегодняшних компаний феномена, о котором фактически никогда не говорится прямо, может быть выражена следующей формулой: на смену *руководства трудовым процессом* приходит *руководство творческим процессом*, управление трудящимися индивидами заменяется управлением творческими личностями, — и именно это обстоятельство в полной мере объясняет те радикальные перемены в системе организации деятельности, которые сегодня с такой очевидностью констатируют социологи.

---

[251] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 77.

[252] См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. P. 183; *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 119; *Cannon T.* Welcome to the Revolution. Managing Paradox in the 21st Century. L., 1996. P. 18; *Harvey D.* The Conditions of Postmodernity. P. 177-179, и др.

В условиях, когда информация становится главным производственным ресурсом, а стратегическое значение для организации приобретают «работники, обладающие знаниями, приобретенными за длительный период обучения, более специфическими и более отвлеченными, чем навыки физической или канцелярской работы, обучение которым, зачастую в обязательном порядке, организовывалось руководством в прошлом»[253], задачей менеджера становится не непосредственное или опосредованное давление на работника ради выполнения им заданных технологией функций, а формирование условий, в которых тот способен самостоятельно синтезировать новые цели и достигать их. Особое значение, как отмечает П.Дракер, имеет сегодня поддержание оптимального соотношения между всемерной активизацией творческого потенциала работников и сохранением за руководителями корпорации или ее подразделений прав и возможностей принимать решения, касающиеся принципиальных путей и направлений ее развития[254].

В этой связи следует отметить два важных процесса, характеризующих работников и менеджеров современной корпорации. Каждый из них заслуживает внимательного рассмотрения.

С одной стороны, деятельность работников интеллектуальной сферы может быть достаточно легко субординируемой в их собственном кругу. Высококвалифицированные специалисты обнаруживают столь высокую способность к самоорганизации, что автономность и самостоятельность отдельных работников, необходимые для проявления креативных черт личности, не приносят компании ущерба. Именно поэтому потребность в менеджерах как представителях специальной управленческой группы резко снижается. Примером может служить прогноз для Великобритании: определяя десять лет назад необходимое к 2000 году количество менеджеров в 3 млн. человек, эксперты сегодня останавливаются на цифре, не превышающей 2 млн.[255] При этом снижение прогнозируемой потребности более чем в полтора раза происходит на фоне увеличения занятости в сфере услуг и информационном секторе, что подтверждает растущую самостоятельность современных работников и их способность создавать мобильные и эффективные сообщества, не требующие традиционного иерархического управления. Относительное снижение роли менеджеров как отдельной социальной группы наблюдается сегодня во всех развитых странах, и его темп ускоряется по мере развития новых форм органи-

---

[253] *Friedson E.* Professionalism Reborn. Theory, Prophecy, and Policy. Cambridge, 1994. P. 101.

[254] См.: *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. P. 86.

[255] См.: *Cannon T.* Welcome to the Revolution. P. 292.

зации производственных процессов. В результате доминирующим оказывается представление об управлении как о необходимом зле, потребности в котором должны постоянно сокращаться[256].

С другой стороны, эффективное управление сообществом творческих личностей требует от менеджеров совершенно иных, нежели прежде, качеств. Последнее обусловлено тем, что исполнение управленческих решений в структурах, предполагающих высокую степень автономности, зависит в большей мере от незыблемого морального авторитета руководителя в глазах работников, чем от его квалификации, как это было в прежних типах индустриальных компаний. Там, где раньше служащие трудились как наемные работники, движимые экономическими мотивами, уже одного факта, что менеджер представляет волю собственника компании, оказывалось достаточно для исполнения его решений. Там же, где работники требуют к себе отношения как к добровольцам, этого мало. Когда сегодня Т.Кэннон говорит, что компании наиболее успешно управляются теми, кто ими владеет, а не наемными менеджерами[257], он глубоко ошибается. Приводя в качестве примера корпорации, во главе которых стоят Билл Гейтс, Анита Роддик, Ричард Брансон и подобные им кумиры современных предпринимателей, он проходит мимо того обстоятельства, что успех этих людей как менеджеров обусловлен *отнюдь не тем, что они контролируют большую часть капитала* своих компаний, а тем, что они, как *основатели бизнеса*, ставшего главным проявлением их творческой натуры, *несут за него высшую ответственность*, тем, что они представляют собой живую историю компании, воплощая в себе непререкаемый авторитет в глазах ее работников и контрагентов. Именно эти люди «обладают ключевыми знаниями об организации, являются носителями ее философии, передают из поколения в поколение ее мифы и формируют долговременные взаимоотношения со служащими и партнерами»[258]. Тот факт, что отношение новых предпринимателей к бизнесу как своему *творению* вызывает у работников большую приверженность целям организации, нежели отношение к ней как к своей *собственности*, также подтверждает вывод о том, что одним из важнейших факторов развития современной корпорации является творчество.

Принципы организации корпорации, оптимальным образом учитывающие как специфический характер ее работников, так и стоящие перед ней задачи, формировались на протяжении всего нынешнего столетия, и в их развитии можно, на наш взгляд, выде-

---

[256] См.: *Hammer M.* Beyond Reengineering. P.92.

[257] См.: *Cannon T.* Welcome to the Revolution. P.179.

[258] *Edvinsson L., Malone M. S.* Intellectual Capital. Realizing Your Company's True Value by Finding Its Hidden Roots. N.Y., 1997. P.130.

лить четыре этапа, в целом соответствующие фазам становления творческой активности объединяемых ею людей.

На *первом* этапе, охватывающем период до окончания Второй мировой войны, в полной мере господствовали принципы индустриальной организации, основанной на массовом производстве воспроизводимых благ и полном доминировании экономических мотивов и целей как у работников корпорации, так и у ее руководителей; естественным воплощением подобной системы были фордизм и сходные с ним принципы, ориентированные на достижение максимальной производительности и максимальных экономических результатов.

На *втором* этапе элементы творчества проявлялись прежде всего за пределами процесса производства, не оказывая на мотивацию *хозяйственной активности* работника ощутимого влияния. В большей мере возрастающие потребности людей в самореализации проявлялись в *потреблении*, что создало первые прецеденты преодоления массового производства как идеального типа организации хозяйственной структуры. В свою очередь это потребовало диверсификации производственных функций работников, результатом чего стало расширение и совершенствование форм мотивации продуктивной деятельности. Повышение производительности стало успешно достигаться не столько четким соотношением заработной платы и результатов труда, сколько созданием в рамках коллектива элементов «человеческих отношений», позволяющих работнику ощутить свою значимость для организации. Терминологически этот переход принято обозначать как дихотомию фордизма и постфордизма[259].

Следующий шаг связан с усилением децентрализации, демассификации и фрагментации производства[260]. Эта тенденция становилась все более заметной по мере обретения работниками автономности и распространения индивидуализма[261]. Данные пе-

---

[259] См.: *Bonefeld W., Holloway J.* (Eds.) Post-Fordism and Social Forms. Houndmills-L., 1991; *Jessop B.* Fordism and Post-Fordism: Critique and Reformulation // *Storper M., Scott A. J.* (Eds.) Pathways to Industrialisation and Regional Development. L., 1992; *Harvey D.* The Condition of Post-Modernity; *Lipietz A.* Towards a New Economic Order. Post-Fordism, Ecology and Democracy. Oxford, 1992; *Piore M., Sabel C.* The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. N.Y., 1984; *Sayer A., Walker R.* The New Social Economy: Reworking the Division of Labour. Oxford, 1992.

[260] См.: *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1990. P. 57-59, 255-261, 336-342; *Toffler A.* Powershift. N.Y., 1991. P. 179-183, 220-221, 331-343, а также: *Beck U.* Risk Society. P. 142-149, 191-192; *Block F.* Postindustrial Possibilities: A Critique of Economic Discourse. Berkeley, 1990. P. 47; *Hall R.H.* Sociology of Work: Perspectives, Analyses, and Issues. Thousand Oaks-L., 1994. P. 18; *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. P. 18-28; *Norman A.L.* Informational Society. P. 97, и др.

[261] См.: *Crook S., Pakulski J., Waters M.* Postmodernisation. P. 177; *Giddens A.* The Constitution of Society. P. 205-206; *Harvey D.* The Condition of Post-Modernity. P. 158; *Lash S.* Sociology of Postmodernism. P. 28, и др.

ремены ознаменовали переход к системе *гибкой специализации*, призванной быстро отвечать на новые запросы рынка и включающей в себя такие элементы, как оперативное изменение объемов производства[262], подвижная кадровая политика[263], быстро меняющийся парк машин[264], гибкие технологические процессы и организационные формы[265]. Вызывая к жизни «децентрализованные и деиерархизированные системы управления»[266], эти изменения подготавливали переход полномочий на возможно более низкий уровень и отвечали возрастающему творческому потенциалу и организаторским способностям работников. Оценивая подобные явления в их совокупности, Д.Белл говорил о них как о «революции участия», разворачивающейся первоначально на уровне трудового коллектива, профессиональных союзов и общественных организаций, но способной в скором времени распространиться и на прочие формы совместной деятельности[267]; результатом же, по Л.Туроу, становится то, что «"служащие" теперь гораздо более свободны в принятии решений, чем это было в традиционных иерархических компаниях»[268].

Эти *три этапа* подготовили возможность перехода к четвертому, наиболее отвечающему потребностям развития творческой личности. Соответствующий период пришелся на 80-е годы и характеризовался прежде всего экспансией производственного принципа, получившего название *модульной специализации*.

Со стороны самой трудовой деятельности таковая ознаменовалась перенесением акцента с отдельных производственных операций на процесс создания продукта в целом. В новых условиях основную роль приобретают скоординированные усилия работников, главной задачей которых является уже не модификация готового продукта, а максимальное совершенствование приводящих к его созданию процессов — от непосредственного производства до инновационных решений, имеющих к формированию конечного результата весьма отдаленное отношение[269]. Соответственно, креативной личности не задается непосредственное направление поиска, а предлагается широкая гамма возможностей для проявления ее способностей; в то же время индивидуализированная природа творческой деятельности уравновешивается ее

---

[262] См.: *Piore M., Sable C.* The Second Industrial Divide.

[263] См.: *Boyer R.* (Ed.) The Search for Labour Market Flexibility. Oxford, 1986.

[264] См.: *Kaplinsky R.* Automation. L.-N.Y., 1984.

[265] См.: *Scott A.* Metropolis. From the Division of Labour to Urban Form. Berkeley-L.A., 1988.

[266] *Crook S., Pakulski J., Waters M.* Postmodernization. P. 223.

[267] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1996. P. 204.

[268] *Thurow L.C.* The Future of Capitalism. P. 279.

[269] См.: *Edvinsson L., Malone M. S.* Intellectual Capital. P. 101.

коллективным характером. На сегодняшний день подобная форма труда представляет собой оптимальный тип организации творчества в рамках корпорации. Как отмечает М.Хэммер, «к процессам нельзя больше относиться как к пасынкам бизнеса, безликим трудовым операциям, не заслуживающим уважительного отношения к себе. Теперь они должны занять центральное место в наших организациях. Процессы должны быть ядром, а не периферией системы управления и руководства компанией. Они должны оказывать влияние на все другие структуры и системы. Они должны формировать образ мыслей и взгляды людей; смещение акцента на процесс инициирует цепную реакцию, которая оказывает воздействие на всех, начиная от рядовых сотрудников и кончая руководством высшего звена. Старые роли исчезают или изменяются до неузнаваемости, и возникают совершенно новые»[270].

Со стороны организации деятельности работников данная система знаменует собой переход от централизованного управления к модульной организации, в основе которой лежат «небольшие компоненты, соединенные во временные конфигурации»[271]. Разрушение прежней хозяйственной структуры и замена ее этой новой формой являют собой настолько существенные признаки современного производства, что О.Тоффлер считает допустимым определять супериндустриальное общество как «основанное на принципе достаточно устойчивой “структуры” и менее долговечных “модулей”»[272]. Следствием становится качественно новый тип организации деятельности, который имеет два принципиальных преимущества, отличающих его от прежних форм организации производства. *Во-первых*, именно он позволяет наиболее полно использовать стремление творческих работников к *нововведениям и инициативам* и переносить принятие ответственных решений на возможно более низовой уровень; при этом «необходимость вовлечения коллектива в данный процесс диктуется не политической идеологией, а осознанием того факта, что в ее нынешних структурных формах система не может эффективно реагировать на быстро меняющиеся внешние условия»[273]. *Во-вторых*, небольшая мобильная группа предоставляет наилучшие возможности для интерперсонального взаимодействия творческих личностей[274], внутри нее легче всего возникает чувство коллективного действия, уравновешивающее индивидуалистические стремления, быстро формируются специфические мотивационные ориентации и

---

[270] *Hammer M.* Beyond Reengineering. P. 13, 92.
[271] *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1990. P. 263.
[272] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 130.
[273] Ibid. P. 122.
[274] См.: *Furnham A.* Personality at Work. P. 367.

этические ценности, в результате чего «на основе морального консенсуса у членов группы возникает взаимное доверие»[275].

В современной социологической теории данные изменения рассматриваются как переход к командной, или, что кажется нам точнее, *ассоциированной* деятельности (teamwork). Этот вид активности отличается от прежней формы организации труда в той же степени, в какой ассоциация (team) отличается от группы (group). Если в индустриальной организации корпорация строилась на основе тех же принципов, на каких базировалось и *общество* (society), представляя собой его подобие, то сегодня производственные ассоциации являются в большей мере *общностями* (community)[276]. В соответствии с этим активность отдельных индивидов в составе подобной ассоциации осуществляется не на основе решения большинства и даже не на основе консенсуса, а на базе внутренней согласованности (congruence) ориентиров и стремлений[277]. Впервые мотивы деятельности в значительной мере вытесняют стимулы[278], а основанная на единстве (coexistence) мировоззрения и ценностных установок ее членов организация становится самодостаточной и наиболее динамичной формой производственного сообщества[279].

Элементы производственных ассоциаций начали возникать в первой половине 50-х годов[280], однако широкое распространение эта организационная форма получила лишь после кризиса середины 70-х, когда креативный потенциал значительной части работников позволил применять соответствующие принципы в массовом масштабе. Роль деятельности, организованной в рамках производственной ассоциации, очень велика; не говоря о снижении потребности в менеджерах как отдельной социальной группе[281] и о том ускорении, которое она придает технологическому прогрессу[282], следует в первую очередь указать на ее значение для преодоления фундаментальных основ экономической структуры. Во-первых, развитие модульной специализации и производствен-

---

[275] *Fukuyama F.* Trust. P. 26.

[276] См.: *Handy Ch.* The Hungry Spirit. P. 179.

[277] См.: *Hampden-Turner Ch., Trompenaars F.* Mastering the Infinite Game. Oxford, 1997. P. 195-196.

[278] Данный вопрос, а также различия между team и group по целому ряду направлений подробно рассмотрены в: *Coulson-Thomas C.* The Future of the Organisation. Achieving Excellence through Business Transformation. L., 1997. P. 231, 234, таблицы 8.5 и 8.6.

[279] См.: *Geus A., de.* The Living Company. P. 103.

[280] См.: *Shonk J.* Team-Based Organizations. Developing a Successful Team Environment. Chicago-L., 1992. P. 2.

[281] См.: Ibid. P. 6.

[282] См.: *Drucker P.F.* Managing the Non-Profit Organization. Practices and Principles. Oxford, 1994. P. 118.

ных ассоциаций повышает уникальность и невоспроизводимость создаваемых благ, затрудняя их традиционные стоимостные оценки. Во-вторых, оно усиливает зависимость руководства или владельцев корпорации от работников[283], фактически превращая в объект собственности не условия производства, а сам его процесс; это явление, все чаще называемое «process ownership», мы подробнее рассмотрим ниже. В-третьих, с укоренением внутренней мотивации членов подобных ассоциаций они воспринимают свою деятельность как подлинно свободную, что в значительной мере способствует преодолению эксплуатации как субъективного в своей основе феномена.

Поэтому мы должны согласиться с теми из современных исследователей, кто считает «самоуправляющуюся ассоциацию высшей формой производственной деятельности»[284] и полагает, что именно эта форма организации творческой активности станет основной в ближайшие десятилетия[285].

Использование принципов модульной специализации приводит к результатам, значение которых трудно переоценить. Корпорация, ранее представлявшая собой вертикальную структуру, становится совокупностью коллективов, каждый из которых является фактически завершенной организацией со своими целями, ценностями, мотивами и лидерами[286], коллективов, внутри которых невозможен иерархический принцип управления. Это в свою очередь неминуемо приводит к тому, что использование жесткой вертикальной структуры становится невозможным и в корпорации в целом. Таким образом, смена дифференциации гомогенизацией[287] ставит под вопрос само существование корпорации в ее традиционном виде. Весьма характерно в этом отношении определение, данное Г. и Э. Пинчот современной компании. Отталкиваясь от традиционного английского термина «*enter*prise», связанного именно с процессом организации компании как системы взаимосвязей и взаимозависимостей, они предлагают применять к современным организациям понятие «*intra*prise», считая, что таковые могут быть поняты только как самоорганизующиеся системы, предоставляющие своим членам дополнительные возможности и свободы[288].

Развиваясь внутри производственных ассоциаций, новые принципы межличностного взаимодействия подготавливают становление радикально отличного от ныне существующего типа социаль-

---

[283] См.: *Johnson M.* Managing in the Next Millennium. Oxford, 1996. P. 76.
[284] *Shonk J.* Team-Based Organizations. P. 29.
[285] См.: *Boyett J.H., Conn H.P.* Maximum Performance Management. P. 251.
[286] См.: *Drucker P.F.* The Age of Discontinuity. P. 176.
[287] См.: *Stehr N.* Knowledge Societies. L., 1994. P. 248.
[288] См.: *Pinchot G., Pinchot E.* The Intelligent Organization. P. 114.

ной структуры. В последние десятилетия весьма активно идет теоретическое осмысление данного процесса, приводящее к появлению все новых и новых определений, призванных уловить наиболее сущностные аспекты современной компании. Понятия зрелой (mature[289]) и адаптивной (adaptive[290], или adapting[291]) корпорации кажутся сегодня уже устаревшими. Особое внимание сосредоточивается не на степени инкорпорированности компании с систему социальных институтов, не на ее способности приспосабливаться к изменениям внешней среды, а на ее внутренней структуре и качествах ее персонала. В начале 90-х М.Педлер, Дж.Бургойн и Т.Бойделл ввели понятие обучающейся (learning) компании, определяя ее как организацию, постоянно модернизирующуюся на основе непрерывного обучения всех ее членов[292]; данный термин получил широкое распространение[293] и применяется сегодня наряду с понятиями креативной[294] и виртуальной[295] корпорации.

Однако более важным представляется то, что в ходе исследования структуры и характерных признаков современных компаний наряду с появлением новых терминов рождаются представления о глобальном характере происходящей трансформации. В прошлом году А. де Гюс впервые противопоставил современную корпорацию прежним формам производственных компаний как *экономическим* образованиям[296]; таким образом, уже высказывавшиеся ранее предположения о том, что компания постепенно утрачивает свой капиталистический характер[297], уступают место трактовке развития современной корпорации как одного из процессов, формирующих основы постэкономического общества.

В нынешних условиях развитие корпорации представляет собой определенную проекцию общего вектора прогресса человеческой деятельности, позволяющую наблюдать, как пробуждение творческого потенциала отдельных личностей ведет к становлению нового типа социума, пронизанного постэкономическими принципами. Порождая систему модульной организации,

---

[289] См.: *Norman A.L.* Informational Society. P. 204.

[290] См.: *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 7-11.

[291] См.: *Shonk J.* Team-Based Organizations. P. 164-165.

[292] См.: *Pedler M., Burgoyne J., Boydell T.* The Learning Company. Maidenhead, 1991.

[293] См., например: *Tobin D.R.* The Knowledge-Enabled Organization. Moving From "Training" to "Learning" to Meet Business Goals. N.Y., 1998. P. 125; *Hale R., Whitlam P.* Towards the Virtual Organization. P. 50, и др.

[294] См.: *Robinson A.G., Stern S.* Corporate Creativity. P. 11.

[295] См.: *Hale R., Whitlam P.* Towards the Virtual Organization. P. 83, 214, и др.

[296] См.: *Geus A., de.* The Living Company. P. 100-101.

[297] См.: *Ozaki R.S.* Human Capitalism. The Japanese Enterprise System as World Model. Tokyo-N.Y., 1991. P. 7-8.

корпорация обеспечивает условия для своей деструкции, для распада на новые структуры и общности, способные продолжить самостоятельное существование и стать мощными конкурентами материнской компании не только в сфере производства, но и в сфере совершенствования принципов внутренней организации и более полного использования творческого потенциала личности. Как отмечает Дж.Нэсбит, «работать в крупной корпорации уже не престижно. Работа в небольшой компании гораздо интереснее и приносит больше удовлетворения, так как предполагает более высокую степень личной ответственности сотрудника и связана с его активным участием в решении задач, стоящих перед организацией... Наиболее квалифицированные работники переходят поэтому в малые компании или открывают собственный бизнес»[298]; удовлетворение же, получаемое ими в новых условиях, обусловлено прежде всего тем, что они являются уже скорее не служащими, а партнерами компании, дающей возможность максимального проявления способностей всех ее членов[299].

Современные исследователи, как мы отметили, зачастую весьма односторонне трактуют внешние факторы давления на корпорацию как основные в нынешних условиях. Столь же односторонним представляется и весьма распространенное толкование вызова, который новые формы хозяйственных организаций бросают традиционным компаниям, как противостояния и борьбы мелкого бизнеса с крупными производственными структурами.

Безусловно очевидны расширение индивидуальной занятости, развитие мелких производств, рост числа обособленных производителей информации и знаний, распространение мелкого производства в сфере услуг. Доля пятисот крупнейших корпораций в валовом национальном продукте Соединенных Штатов за период с середины 1970-х по начало 1990-х годов снизилась почти вдвое[300] и продолжает падать. Однако экспансия мелкого бизнеса, воспринимаемая иногда как одна из основных современных тенденций, может встретить в будущем столь же объективные пределы, как те, на которые натолкнулись концентрация и централизация индустриального производства. Поэтому более важным мы считаем иное обстоятельство.

В течение последних сорока лет радикальным образом изменился сам список крупнейших американских корпораций. Более трети из 500 фирм, составлявших элиту национального бизнеса, по тем или иным причинам вообще прекратили свое существование, еще около трети выбыли из списка, и лишь около 34% со-

---

[298] *Naisbitt J.* Global Paradox. P. 16-17.

[299] См.: *Sakaya T.* The Knowledge-Value Revolution. P. 275.

[300] См.: *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 75.

хранили свои позиции*[301]. Этот процесс в последние годы заметно ускорился: только между 1985 и 1994 годами список обновился на 40%[302]. Из ста американских компаний, имевших в 1956 году наибольшие показатели валового дохода, в соответствующем перечне в 1989 году присутствовали лишь 29; для ста крупнейших фирм за пределами США данный показатель составил 27[303]. Весьма характерно в этой связи то, что между 1985 и 1994 годами лишь менее половины новых корпораций, создававшихся в качестве крупных производственных единиц, достигли устойчивого развития, тогда как для мелких и средних компаний данный показатель превысил 70%[304]. Последнее означает, что новые структуры, создаваемые в результате выхода за пределы традиционных корпораций их наиболее мобильных подразделений, обладающих в высшей степени творческим персоналом, способным к нововведениям и риску, не только занимают все большее место на периферии современного бизнеса, но и радикально изменяют конфигурацию его основных звеньев. Успехи мелкого бизнеса естественным образом преломляются в успехах компаний, которые, возникнув совсем недавно, уже стали лидерами в своих отраслях и странах. Между тем, поскольку нетрадиционные формы производства, не требующие сосредоточения значительного капитала, зачастую являются наиболее передовыми и достигают наибольших успехов, общая результативность компаний, использующих творческий потенциал и мобильность своих лидеров, оказывается гораздо большей, чем это можно предположить, изучая одни лишь соотношения производства на крупных и мелких предприятиях. А очевидные успехи новых корпораций отнюдь не исчерпываются рамками мелкого бизнеса: 15 из 20 самых богатых людей США представляют сегодня компании, возникшие в течение последних одного-двух десятков лет в самых высокотехнологичных отраслях экономики — «Майкрософт», «Метромедиа», «Интел», «Оракл», «Нью Уорлд Коммьюникейшнз» и другие[305].

Быстрое распространение неэкономических целей, преследуемых лидерами бизнеса, на возникающие новые корпорации и на все общество в целом приводит к тому, что если раньше соци-

---

* Подобное соотношение между компаниями, выжившими в течение первых двух десятилетий после своего основания, характерно и для современных высокотехнологичных отраслей хозяйства. Так, Т.Форестер отмечает, что из 250 фирм, основанных в 60-е годы в Силиконовой долине, примерно 31% достиг устойчивого развития, тогда как остальные обанкротились или стали объектом слияний и поглощений (см.: *Forester T.* High-Tech Society. P. 57).

[301] См.: Drucker on Asia. P.126.

[302] См.: *Handy Ch.* Understanding Organizations. 4th ed. L., 1993. P. 9.

[303] См.: *McTaggart J.M., Kontes P.W., Mankins M.C.* The Value Imperative. Managing for Superior Shareholder Returns. N.Y.-L., 1994. P. 42-43.

[304] См.: *Mandel M.* The High-Risk Society. P. 139, 138.

[305] См.: *Cannon T.* Welcome to the Revolution. P. 269.

альная ориентированность компании была по сути вторичной и создавала лишь соответствующий имидж ее владельцам* , то сегодня она становится одним из главных атрибутов фирмы. Современная компания входит в круг организаций, «в совокупности образующих общество»[306] , в том числе и потому, что включает социальные цели в систему своих базовых ценностей, тем самым достигая высшей степени социологизации и оказываясь *социальной* структурой даже в большей мере, нежели *экономической*.

Однако не статус организации делает корпорацию важным элементом социального целого. В современных условиях «корпорация может функционировать как представительное общественное учреждение только в том случае, если выполнение ею социальных функций укрепляет ее позиции как высокоэффективной производственной структуры, и наоборот. Однако в качестве представительного общественного учреждения корпорация является не только экономической единицей, но также и общественно-политическим учреждением; ее общественные функции как коллектива не уступают по значению ее экономическим функциям как производственной структуры»[307] . Эти неэкономические цели корпорации связаны прежде всего с целым рядом направлений ее деятельности.

Во-первых, корпорации, имея главным источником развития творческий потенциал своих сотрудников, являются в то же самое время и важнейшим инструментом формирования работников интеллектуального труда и других высококвалифицированных и самостоятельных тружеников. Инкорпорируя в себя новых работников, они осуществляют то непрерывное образование, необходимость которого для современного общества отмечают все ведущие социологи.

Во-вторых, корпорации, совершенствуя свою внутреннюю структуру, не только повышают тем самым результативность собственной деятельности, но и становятся источниками образования и развития новых производственных форм, которые, нередко выходя за рамки компании, придают общественному производству дополнительный динамизм и не только обеспечивают возрастающую продуктивность деятельности, но и формируют дополнительные потребности в творческих работниках.

---

* Так, Дж.К.Гэлбрейт отмечает, что «семьдесят лет назад корпорации были орудиями в руках своих владельцев и отражали особенности их личности. Имена этих крупнейших бизнесменов — Карнеги, Рокфеллер, Гарриман, Мелон, Гуггенхайм, Форд — были известны всей стране. Их все еще помнят, но лишь благодаря тем картинным галереям и благотворительным фондам, которые они создали» (*Galbraith J. K.* The New Industrial State. P. 21-22).

[306] *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 101.

[307] *Drucker P.F.* Concept of the Corporation. P. 140.

В-третьих, корпорации представляют сегодня наиболее мобильную часть социальных структур. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать взлеты и падения современных компаний, оценить их способность к реструктурированию, их реакцию как на внешние, так и на внутренние вызовы. Отвечая на изменения конъюнктуры и мотивации, корпорации в необходимой мере дестабилизируют и само общество, приводя в движение другие социальные институты и придавая им должный динамизм.

В-четвертых, корпорации выполняют важную роль, находясь на стыке сообщества организаций и самого общества как единого целого. Масштабы деятельности современных производственных компаний, особенно оперирующих на международном уровне, соизмеримы с размерами национальных экономик, в силу чего общество стремится контролировать подобные фирмы все более тщательно. Вмешательство общества и государства в деятельность корпораций в большей степени делает их активность отвечающей принципам социальной ответственности, нежели деятельность других организаций и институтов.

Современная корпорация, под которой можно понимать не только промышленную компанию или институционального производителя услуг, но также научно-исследовательские учреждения и другие центры производства знаний, является одним из главных центров притяжения различных форм творческой активности. При этом отмечаемый многими исследователями рост индивидуального предпринимательства, выделение из промышленных компаний отдельных подразделений, становление новых производств и процветание мелкого бизнеса представляют собой лишь отдельную форму *внешнего проявления* творчества, которым пронизаны *внутренние основы* корпорации.

В современных условиях творческая деятельность сохраняет значительную зависимость от экономических факторов, развиваясь в рамках структур, общие цели которых сохраняют экономический характер. Тип поведения как руководителей компаний, так и их служащих безусловно может рассматриваться в качестве постматериалистического в том смысле понятия постматериализма, какой вкладывает в него Р.Ингельгарт, однако это не исключает присутствия существенного экономического элемента. На наш взгляд, подобное развитие вполне естественно, так как творчество, являясь по своей сути процессом глубоко индивидуальным, не может не проявляться первоначально на индивидуальном уровне, лишь постепенно распространяясь на все общество в целом.

Следует особо отметить, что мы полагаем развитие современной творческой деятельности исходящим в первую очередь из научных институтов и корпораций. При этом ее результаты, будучи продуктом индивидуальных усилий, усваиваются на индивидуаль-

ном уровне, иногда на уровне группы, но не на уровне социума как такового. Общество и составляющие его страты воспринимают обычно не столько *теории*, сколько *идеологии*, а разница между ними соответствует различиям между *индивидуальным* и так называемым *социальным* творчеством.

Между тем многие авторы акцентируют внимание на процессах, трактуемых ими в качестве наиболее явных и адекватных форм проявления творческой активности. Речь идет об объединениях, не ставящих перед собой экономических целей. Именно эти некоммерческие организации привлекаются для иллюстрации того, как креативная деятельность воздействует на общественные институты не опосредованным, а вполне непосредственным образом. На наш взгляд, однако, подобные структуры, представляя собой одну из форм творческой активности людей, не могут служить примером адекватного проявления таковой в современном мире.

«Некоммерческий сектор»: избыток творчества или его недостаток?

Творческая активность, заданная стремлением человека к самосовершенствованию и имеющая своим результатом изменение личности самого творящего субъекта, не может подразделяться на производственную и непроизводственную. Она преодолевает разграничение времени на рабочее и свободное, противопоставление труда и досуга. Подобная деятельность в коммерческих и некоммерческих организациях не отличается ни по своим целям, ни по своим предпосылкам, ни по своим итогам; отличия состоят лишь в том, что в первом случае результаты творческой деятельности социализируются посредством придания им внешней формы экономических благ, во втором же случае общество и его члены имеют возможность непосредственного усвоения таковых. При этом характеристики деятельности, по которым мы относим ее к творческой, не превосходят, как правило, соответствующих параметров в материальном производстве или сфере услуг.

Творческая деятельность, рассматриваемая на уровне общества в целом, представляет собой сложный феномен, перспективы которого далеко не столь однозначны, как это принято иногда считать. Переоценка значимости развития некоммерческого сектора как фактора формирования и экспансии творческой активности обусловлена, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. С одной стороны, отсутствует понимание двойственного характера этой сферы, состоящей как из организаций, внутренняя структура которых

в значительной мере воспроизводит принципы и механизмы функционирования традиционной корпорации, так и из добровольных сообществ, действительно представляющих собой качественно новое, «постэкономическое» явление. С другой стороны, недооценивается фактор того, что мы называем внутренней самодостаточностью творчества, в результате сами причины распространения и развития добровольных организаций оказываются иногда не вполне правильно понятыми.

Выделение некоммерческого сектора происходит на основе принципов, которые вряд ли можно считать в полной мере корректными. Так, зачастую полагают, что своим существованием он обязан разделенности общественного продукта на товары личного и общественного потребления. При этом, в отличие от первых, которые «делимы, и каждый покупает те товары и услуги, которые ему нужны по принципу свободного потребительского выбора», вторые «не могут быть разделены на отдельные предметы собственности и являются социальными службами — система национальной обороны, полиция, пожарная охрана, общественные парки, водные ресурсы, автомагистрали и т. д.»[308]. Следует также добавить, что в данный сектор входят и другие социальные услуги: бесплатное образование и здравоохранение, поддержание и сохранение культурного достояния, крупномасштабные государственные строительные проекты и так далее. Значение этого сектора возрастает, причем наиболее активно после Второй мировой войны. Как пишет Д.Белл, «в 1929 году... на долю некоммерческого сектора приходилось 12,5% всех продаваемых товаров и услуг. К 1963 году его доля увеличилась до 27% и с тех пор не перестает возрастать. В 1929 году 4,47 млн. человек работали в правительственных и некоммерческих организациях, что составило 9,7% всей рабочей силы. В 1960 году 13,58 млн. человек, или 20% всего активного населения, было занято в некоммерческом секторе... где создавалась большая часть новых рабочих мест»[309].

Однако тот факт, что данная сфера производит блага, которые могут быть использованы лишь обществом в целом, еще не делает некоммерческий сектор альтернативой традиционному хозяйству. Это утверждение может быть аргументировано с двух точек зрения.

Во-первых, в государственном секторе используются те же принципы менеджмента, которые распространены и в крупных корпорациях. Крайне сложно найти принципиальное различие между деятельностью клерков в оборонном ведомстве, распределяющих и контролирующих заказы в промышленности, и менеджеров корпораций, распределяющих эти заказы через своих

---

[308] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 283.

[309] Ibid. P. 147.

субподрядчиков. Этот тезис равно применим фактически ко всем сферам общественного потребления; важно также отметить, что государственные средства расходуются на покупку товаров и услуг, производство которых никак не является бесприбыльным для их создателей. В этом отношении рост числа чиновников представляет собой явление, полностью аналогичное расширению управленческого персонала крупных компаний.

Во-вторых, хотя объекты общественного пользования и являются специфическим видом благ, рыночная оценка которых (в отличие от затрат на их создание) серьезно затруднена, а воспроизводство существенно отличается от соответствующих процессов в рамках традиционного хозяйства, деятельность в некоммерческом секторе весьма близка к деятельности в корпоративном. И в государственном управлении, и на уровне муниципальных организаций, и в других сферах, создающих продукты, не получающие непосредственной рыночной оценки, имеет место вполне традиционно экономически мотивированная активность, причем в государственном и общественном секторах организации выступают, как правило, в качестве более бюрократизированных и жестко управляемых вертикальных структур, нежели в современном бизнесе.

Именно эти обстоятельства, как мы полагаем, и послужили основой для выделения того феномена, который обычно обозначается как «третий сектор» (third sector)* . Относясь, как и государственное хозяйство, к некоммерческой сфере (non-profit sphere), он с большим основанием может быть рассмотрен в качестве альтернативной системы деятельности, характеризующейся как социально-экономическая и противопоставляемой и коммерческому, или частному [commercial (or «private»)], и государственному, или общественному [government (or «public»)] секторам[310]; развитие его в последние годы многие склонны считать одним из факторов, определяющих будущее современных постиндустриальных стран.

Однако, хотя истоки коммунитарной деятельности (communitarian action) вполне объяснимы и понятны, хотя она присуща социуму уже потому, что он представляет собой не только «организацию организаций» (society of organizations), но и «сообщество сообществ» (community of communities)[311], экспансия данного типа активности должна восприниматься в контексте порождающих ее причин и с учетом ее естественных пределов; между тем при подобном анализе ее тенденции не выглядят очевидными.

---

* В данном контексте «третий» сектор противопоставляется миру корпораций и частного предпринимательства как «первому» и государственному хозяйству как «второму».

[310] См.: *Robertson J.* Future Wealth. P. 47.

[311] См.: *Etzioni A.* The Spirit of Community. N.Y., 1993. P. 147.

Как отмечает Дж.Рифкин, безоговорочно рассматривающий развитие данного сектора в качестве фундаментальной тенденции, определяющей лицо современного общества, «организации "третьего сектора" выполняют множество функций. Это инкубаторы новых идей и форумы для публичного обсуждения проблем общества. Коммунальные ассоциации интегрируют потоки иммигрантов в американский образ жизни; малообеспеченные и социально незащищенные люди находят там помощь и поддержку. Некоммерческие организации — такие, как музеи, библиотеки, исторические общества, — сохраняют традиции и способствуют созданию новых интеллектуальных ценностей. Именно в "третьем секторе" многие впервые приобщаются к искусству демократического соучастия в делах общества. Там люди ищут и находят новых знакомых и друзей. Религиозные и медицинские организации позволяют миллионам американцев позабыть о своих повседневных проблемах. И наконец, "третий сектор" — это отдых, развлечения, путь к более полному ощущению радостей жизни и всего того, что дарит человеку природа»[312]. Ему вторит и А.Этциони, полагающий, что в добровольных организациях в полной мере воплощается склонность людей «брать на себя моральную ответственность и как можно больше полагаться на собственные силы»[313]. Аналогичные процессы отмечает и П.Дракер: «Организации американского "третьего сектора", — пишет он, — стремительно становятся создателями новых связующих звеньев [между членами] общества...»[314]

Обосновывая свое внимание к внутренним закономерностям и процессам, приводящим к росту «третьего сектора», сторонники данной концепции отмечают прежде всего его впечатляющую количественную экспансию. По словам Дж.Рифкина, в США в середине 90-х насчитывалось более 1,4 млн. некоммерческих организаций, в Великобритании их число достигло 350 тыс., а в Германии превысило 300 тыс. еще в конце 80-х годов[315]. Не менее впечатляют данные о том, сколько своего свободного времени посвящают этим организациям их члены. П.Дракер говорит о более чем 90 млн. американцев, участвовавших в деятельности добровольных организаций в начале 90-х годов[316], и отмечает, что «к 2000 или 2010 году количество таких сотрудников, работающих на общественных началах, может увеличиться до 120 млн., а среднее затрачиваемое каждым из них время — до пяти часов в неделю»[317].

---

[312] *Rifkin J.* The End of Work. P. 245.

[313] *Etzioni A.* The Spirit of Community. P. 144.

[314] *Drucker P.F.* The New Realities. P. 198.

[315] См.: *Rifkin J.* The End of Work. P. 274-275, 241.

[316] См.: *Drucker P.F.* The New Realities. P. 198; *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 62-63.

[317] *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 176.

Наиболее полную картину представляет Дж.Рифкин: «В 1991 году более 94,2 млн. взрослых американцев, или 51% населения страны, добровольно работали в различных движениях и организациях, отдавая им в среднем 4,2 часа своего времени в неделю. Всего же американцы посвятили такой деятельности более 20,5 млрд. часов, из которых 15,7 млрд. пришлось на постоянную работу в добровольных организациях и ассоциациях, что эквивалентно совокупному рабочему времени 9 млн. служащих, занятых полную рабочую неделю, а в денежном выражении — 176 млрд. долл.»[318] Значение подобного участия настолько велико, что в традиционных ассоциациях — церковных организациях, благотворительных фондах, обществах защиты окружающей среды — сегодня к добровольцам относятся не как к помощникам (helpers) и даже не как к коллегам (colleagues), а как к неоплачиваемому персоналу (unpaid staff)[319]. Это обстоятельство кажется нам очень показательным; в некоторой мере оно может быть воспринято как прообраз будущей организации интерперсонального взаимодействия и в производственном секторе.

Экспансия добровольных организаций рассматривается зачастую как пример проявления преодоления того индивидуализма и той разобщенности общества, которые отмечались большинством авторов в 70-е и 80-е годы. Как пишет А.Этциони, «восьмидесятые были десятилетием, когда местоимение *"Я"* писалось с заглавной буквы, когда эгоцентризм был возведен в добродетель; теперь настало время качнуть маятник в обратную сторону, приходит эпоха пересмотра ценностей, эпоха смещения акцента на *"мы"*, на дух коллективизма»[320]. Помимо этого, расширение данного сектора нередко ассоциируется с нарастанием творческой активности, с проявляющимся все более выпукло стремлением человека реализовать себя в возможно более разнообразной деятельности, преодолеть определенную замкнутость в привычном кругу людей и действий, столь характерную как для индустриального общества, так и для социального поведения индустриального типа.

Между тем следует весьма осторожно подходить к вопросу о том, является ли развитие добровольных организаций показателем реального проявления тенденции к социализации; сколь кардинально отличаются мотивы деятельности в подобных ассоциациях от мотивов и целей организаций, наследующих индустриальные тенденции; существенна ли разница между их внутренними структурами?

---

[318] *Rifkin J.* The End of Work. P. 241.

[319] Данная формулировка принадлежит известному американскому священнослужителю и общественному деятелю Лео Бартелю. Цит. по кн.: *Drucker P.F.* Managing the Non-Profit Organization. P. 127.

[320] *Etzioni A.* The Spirit of Community. P. 25.

Нельзя не отметить, *во-первых*, что добровольные организации весьма предрасположены если не к иерархической системе управления, то к разветвленной статусной структуре. Данное обстоятельство представляется нам весьма важным ввиду его связи со стремлением основателей и членов подобных ассоциаций самоутвердиться в коллективе посредством обретения определенного социального положения. В отличие от современного производства, где «в организациях профессионалов очень немногие сотрудники имеют звания»[321], современные добровольные ассоциации представляют картину скорее противоположную; утверждение А.Этциони о том, что «общественные движения являются источниками необходимой политической энергии»[322] лишь подтверждает, что многие из них строятся по принципу *политических* организаций, в которых господствует иерархия и которые создаются с целью достижения их членами определенных доминирующих социальных позиций.

Во-вторых, структура добровольных организаций зачастую предполагает отнюдь не бесплатный характер деятельности их руководителей, а также значительные расходы на другие нужды организации. Несмотря на распространенное мнение о том, что управление некоммерческими организациями приносит не выгоду, а одну лишь ответственность[323], зачастую оказывается, что подобные ассоциации ведут вполне традиционную хозяйственную деятельность, существуя на взносы и пожертвования, причем их руководители и персонал оказываются вполне экономически мотивированными административными работниками и служащими. Все это позволяет говорить о них как об определенном виде корпораций, действующих в некоммерческом секторе и отличных от традиционной компании скорее основными направлениями активности, нежели внутренней структурой и мотивацией значительного числа своих членов.

В-третьих, нам представляется гипертрофированной весьма распространенная позиция, достаточно ярко выраженная П.Дракером: «Отличительной чертой этих так называемых некоммерческих структур общественного сектора является цель, которую они преследуют, — цель изменения человеческой природы»[324]. Чтобы согласиться с подобным утверждением, необходимо, с одной стороны, признать, что подлинная самореализация человека и подлинное развитие его личности происходят сегодня вне рамок профессиональной деятельности и связанных с нею заня-

---

[321] *Hammer H.* Beyond Reengineering. P. 61.
[322] *Etzioni A.* The Spirit of Community. P. 230.
[323] *Drucker P.F.* Managing the Non-Profit Organization. P. 123-124.
[324] Drucker on Asia. P. 144.

тий. С другой стороны, нужно полностью абстрагироваться от всех изменений, произошедших в организации производства и в характере трудовой деятельности за последние десятилетия. Вряд ли можно согласиться с тем, что развитие личности успешнее всего осуществляется в новых иерархических организациях, не имеющих прямого отношения к основной деятельности человека, а не в научных институтах, промышленных и сервисных компаниях, где люди проводят большую часть своей жизни, где активно используются возможности для развития творчества и элиминируются многие статусные различия.

Поэтому мы считаем более точным понимание роли добровольных организаций как структур, скорее смягчающих некоторые современные социальные противоречия, нежели способных определить новое направление общественного прогресса. В этом отношении характерно признание того же П.Дракера: «Учреждения "третьего сектора" — это мосты через расширяющуюся пропасть между работниками интеллектуального труда и остальными членами общества»[325]; мы бы добавили к этому, что базу подобных организаций составляют прежде всего именно те слои населения, которые все более и более социально отдаляются от работников интеллектуального труда. В формировании и развитии общественных организаций безусловно проявляется креативная деятельность; однако эта ее форма не может стать магистральным направлением развития творчества. Если стремление человека к общению с людьми, близкими ему по духу, воплощается в инкорпорировании его в рамки определенной добровольной организации, если оно сопряжено с желанием повысить таким способом свой реальный или иллюзорный социальный статус, то это, с нашей точки зрения, есть прежде всего реакция на относительную неудовлетворенность своей основной деятельностью, и особенно активно такая реакция возникает у лиц, не принадлежащих к категории работников интеллектуального труда или управленческому персоналу.

Таким образом, оценивая проявления творческой активности на социальном уровне, не следует упускать из виду, что они могут быть связаны с *недостатком возможностей для соответствующих проявлений в сфере профессиональной деятельности*; поэтому добровольные организации в современном обществе могут рассматриваться отнюдь не в качестве высшей формы реализации творческих начал, как иногда полагают, а скорее в качестве реакции определенных социальных групп на нетворческий характер их основной активности. Исследователи, стремящиеся подчеркнуть роль добровольных организаций, нередко отвлекаются от отчетливо прослеживающихся контртенденций или не замечают не-

---

[325] *Drucker P.F.* The New Realities. P. 198.

которых существенных явлений, сближающих традиционные сферы деятельности с «третьим сектором».

В настоящее время в США, наряду с ростом общего числа добровольных организаций и участия граждан в них, заметен также и отток людей из наиболее социализированных общественных объединений. В результате этого процесса «с 50-х годов членский состав многих добровольных организаций постепенно сокращается. Хотя Америка гораздо более религиозна, чем другие промышленно развитые страны, посещаемость церквей в целом упала на одну шестую; общее число членов профсоюзов снизилось с 32,5 до 15,8% занятых; количество членов ассоциаций резко сократилось — с 12 млн. в 1964 до 7 млн. в настоящее время; клубные организации, именующие себя "братствами", — такие, как Lions, Elks, Masons, Jaycees, — потеряли за последние двадцать лет от одной восьмой до половины своих членов. Такая картина наблюдается и в ряде других организаций, от бойскаутов до Американского Красного Креста»[326].

Причинами этого процесса мы считаем, с одной стороны, то, что многие такие ассоциации превратились в подобия корпоративных структур, и, с другой стороны, то, что основы организации современных компаний постепенно приближаются к принципам, изначально определявшим функционирование добровольных ассоциаций. Это позволяет нам констатировать не привычно отмечаемое нарастание, а скорее преодоление разрыва между традиционными структурами, с одной стороны, и «третьим сектором» — с другой, причем такое преодоление происходит на основе изменения характера коммерческих организаций. В результате формируются возможности для распространения на все социальное целое методов организации деятельности, выработанных и примененных в рамках корпораций и, в частности, стимулирование ее творческого характера. Разумеется, при этом не прекращается усвоение и совершенствование самими корпорациями принципов отношения к своим работникам как к добровольцам. В этой связи А.Сэйер и Р.Уолкер подчеркивают: «по мере разрушения дихотомии фирмы и рынка становится очевидным, что мир за пределами фирмы нуждается в руководстве, а мир в пределах фирмы должен регламентироваться в зависимости от внешних условий»[327].

Добровольные организации представляют собой явление, хорошо известное индустриальному обществу. В его рамках они противостояли бюрократически организованным производственным единицам и играли значительную роль в социализации людей, в которых индустриальная система воспитывала лишь индивидуа-

---

[326] *Fukuyama F.* Trust. P. 309.

[327] *Sayer A., Walker R.* The New Social Economy. P. 128.

листические ценности, экономические по своей природе. Сегодня, при всем количественном росте добровольных организаций, можно заметить их быстрое расслоение.

С одной стороны, множатся ассоциации типа научных организаций, сообществ менеджеров, профессионалов и деятелей культуры, а также ассоциации и объединения, нацеленные на популяризацию и утверждение ценностей, признанных в качестве общесоциальных; к ним относятся экологические и правозащитные организации, ассоциации, выступающие против войны, насилия и прочих асоциальных явлений. Так, например, «10 000 членов Коалиции защиты окружающей среды от ядерной энергии, созданной в 1970 году, выступают за проведение в США безопасной энергетической политики за счет отказа от применения ядерной энергии. Движение "Женщины против порнографии" стремится настроить общественное мнение против порнографии, требует прекращения унижения и обесчеловечивания женщины и жестокого с ней обращения»[328] и так далее. Такие объединения могут и должны рассматриваться как проявление той креативной сущности человека, которая определяется чувством социальной ответственности, воспитанным в результате усвоения формирующихся ценностей коллективизма.

С другой стороны, многие организации объединяют в своих рядах тех, кто не столько стремится совершенствоваться в широких рамках своей профессиональной деятельности или привлекать внимание общества к определенным общесоциальным проблемам, сколько хочет самоутвердиться в отдельном коллективе или социальной группе. Зачастую такое стремление проистекает из невозможности или нежелания совершенствоваться в сфере своей основной деятельности. Пример подобных объединений приводят авторы, процитированные выше: «В конце 70-х годов, — пишут они, — в городе Херст (шт. Техас) был создан клуб "Хорошенького понемножку"; членами его были 1213 любителей национальной телевизионной передачи "Футбол в понедельник вечером", которые считали, что передача была бы еще более интересной без Хорварда Козелла, комментатора канала ABC, — и добавляют: — добившись ухода Козелла, члены клуба нашли себе другое общее дело, за которое стоило браться»[329]. Вовлекая людей в коллективные акции, подобные организации не столько решают задачу совершенствования креативного потенциала нации, сколько выражают отмеченную выше необходимость смягчения возможного противостояния между новыми социальными группами современного общества — противостояния, рассматриваемого

---

[328] *Kuhn J.W., Shriver D.W., Jr.* Beyond Success. P. 86.
[329] Ibid. P. 81-82.

многими исследователями в качестве основного источника социальных конфликтов будущего.

Особое место занимают организации, цели которых заведомо противоречат основным общественным ценностям, а деятельность способна принять неконтролируемые формы и привести к малопредсказуемым результатам. Мировая пресса не раз сообщала о подобных примерах только за последние месяцы — от самоубийства 39 членов секты, возглавлявшейся М.Г.Эпплуайтом,[330] до схватки с полицией группы, вознамерившейся провозгласить Республику Техас. Хотя такие асоциальные действия в определенной степени также являются следствием возрастающей автономности и свободы самовыражения[331], мы оставим их за пределами нашего исследования.

Понимание обществом роли и места добровольных ассоциаций проявляется в формировании кардинально нового подхода к оценке их деятельности. Мы наблюдаем сегодня попытки унифицировать подходы к организациям, представляющим как коммерческий, так и некоммерческий секторы. Такая унификация базируется на применении, в качестве основного параметра их сравнения, динамики используемого ими интеллектуального капитала. В этой ситуации как промышленные и сервисные компании, так и организации, представляющие некоммерческий сектор, рассматриваются не с точки зрения создания качественно отличных друг от друга благ, а с точки зрения формирования и применения определенных человеческих способностей, объединяемых в понятие «интеллектуальный капитал»[332]. Таким образом, в современной социологии все более широко признается то обстоятельство, что творческая активность людей формируется на различных уровнях и в рамках самых разных организаций.

Мы далеки от желания принизить роль добровольных общественных ассоциаций и движений в качестве факторов развития творческой активности. Мы хотим лишь отметить, что ни на сегодняшнем этапе, ни в обозримом будущем человек не станет универсальной личностью, в равной степени специализированной во всех областях знаний и деятельности. Сам выбор профессии есть креативный акт, и человек осознанно посвящает свою жизнь тому или иному конкретному занятию. Творчество и его развитие воплощают стремление людей наполнить избранную ими деятельность более глубоким смыслом и содержанием. Это не исключает самовыражения в потреблении, культуре, личной

---

[330] См.: Time. Vol. 149. N. 14. April 7, 1997; Newsweek. Vol. 129. No 13. April 7, 1997.

[331] См.: *Etzioni A.* The New Golden Rule. Community and Morality in a Democratic Society. N.Y., 1996. P. 25.

[332] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P. 174.

жизни, однако резкий всплеск активности в организациях «третьего сектора», если они не имеют непосредственного отношения к профессиональной деятельности человека, может скорее рассматриваться как свидетельство недостаточно креативного характера последней, нежели как воплощение стремления к дополнительным формам развития творчества. В результате воздействие на общество деятельности, осуществляющейся в рамках добровольных организаций, хотя и служит примером непосредственного проявления творчества, играет далеко не первую роль в процессе становления новых видов человеческой активности.

* * * * *

Выделение в истории общества индустриальной и постиндустриальной эпох хотя и является частью адекватного исторического построения, не подчеркивает всей глубины различий между современным и только еще формирующимся состояниями социума. Не умаляя достоинств теории постиндустриализма, мы склонны противопоставлять экономическую эпоху постэкономической как периоды, конституируемые в одном случае господством труда, в другом — творчества в качестве основного вида человеческой деятельности.

В рамках изложенного в данной части книги методологического подхода *труд* выступает как сознательная деятельность, основной побудительный мотив которой связан с удовлетворением материальных потребностей человека. В отличие от труда, *творчество* представляется более высоким и совершенным типом деятельности. Его побудительный мотив связан с внутренними потребностями человека, стремлением к самореализации, к умножению своих способностей и талантов, возможностей и знаний. Основным проявлением творчества становится интерперсональное взаимодействие, общение человека с ему подобными, а главным продуктом — сам творящий субъект, его усовершенствованные способности, открывшиеся перед ним новые возможности.

Творчество является видом *сознательной орудийной деятельности* (*work*), его формой, свойственной наиболее высокоорганизованным типам общества. Способность человека к созданию нового, его стремление к деятельности, не мотивированной утилитарными потребностями, существовали всегда, и в этом отношении творчество столь же старо, как и сам человеческий род. Однако нас интересуют не столько психология и закономерности творчества, сколько новая хозяйственная реальность, перед которой стоит современное человечество; творчество же как хозяйственный феномен было фактически неизвестно ни архаическому, ни современному обществу. Творчество, проявляющееся в массовом масштабе, способном воздействовать на хозяйственные закономерности, будучи порождено всей историей человечества, стало непосредственным результатом трех фундаментальных изменений. *Во-первых*, к моменту вызревания основ постиндустриального общества производство достигло такой степени развития, что материальные потребности большинства граждан оказались весьма полно удовлетворены за

счет сравнительно небольшой части рабочего времени. *Во-вторых*, наука и знания стали непосредственной производительной силой, их носители — олицетворением высшей власти, существующей в обществе, а ценности, связанные с образованностью и интеллектуальной деятельностью, — непререкаемыми свидетельствами человеческого достоинства. И наконец, *в-третьих*, радикально изменилась сама сущность производства и потребления. Производство стало доминировать над потреблением, не отвечая его задачам, а формулируя их. В таком качестве оно становится специфическим видом квазипотребления, что делает новизну и креативность важнейшими условиями успеха самого производства. Материальные и интеллектуальные предпосылки творчества оказались соединенными с потребностями в нем, и с этого времени творческая активность стала одним из основных факторов социального прогресса.

Между тем на стыке современной и наступающей эпох на поверхности явлений отмечается гораздо меньше изменений, чем, казалось, должно было бы произойти при столь масштабных модификациях фундамента социальных процессов. Тому есть две причины.

С одной стороны, основное отличие творческой деятельности от трудовой заключено, повторим это еще раз, в ее мотивационной структуре. *Мотивы же человеческой деятельности*, являясь глубинным основанием таковой, *не обязательно проявляются в поверхностных характеристиках ее продукта*. Мы решительно отказываемся от распространенного разделения видов деятельности на творческие и нетворческие; продукты массового материального производства способны быть результатом творческой деятельности даже в большей степени, нежели обладающие несомненной новизной и оригинальностью произведения, относящиеся к духовной сфере. В связи с этим креативный характер деятельности не может с легкостью прослеживаться на поверхностном уровне и, тем более, фиксироваться количественно. Последнее обстоятельство особенно затрудняет понимание обусловленности современной социальной трансформации экспансией творческой активности.

С другой стороны, становление нового социального порядка происходит в условиях, когда общество тотально пронизано товарными отношениями. Возникнув как отражение экономического характера целей индивидов, обеспечив тот гигантский прогресс производительных сил, который отличает XIX и XX столетия от всех прошлых исторических эпох, эти отношения проникли сего-дня во все общественные структуры. Большинство продуктов деятельности принимают товарную форму и обретают денежную оценку, базирующуюся как на овеществленном в товаре труде,

так и на редкости соответствующего блага, но при этом модифицирующуюся под влиянием множества иных обстоятельств и факторов. В подобных условиях продукты творческой деятельности естественным образом вовлекаются в круг товарного обращения и, несмотря на то что они не созданы трудом, а зачастую не являются лимитированными, обретают стоимостную оценку. Эта ситуация изменится не ранее, чем абсолютное большинство обращающихся в обществе благ окажется продуктами творческой деятельности, что вряд ли произойдет в течение ближайших десятилетий.

Обе отмеченные причины обусловливают распространенность иррациональных рыночных оценок результатов творческой деятельности, и на поверхностном уровне противостояние творчества и труда остается малозаметным. Оно заслоняется дихотомией постиндустриального и индустриального хозяйства, различиями между корпорациями, государством и «третьим сектором» и так далее.

Поэтому главной ареной противостояния творчества и труда становится сегодня сам производственный процесс. Творчество выступает сегодня как необходимый элемент производства, поскольку современные условия требуют от человека мобилизации всех его способностей, и в первую очередь интеллектуальных, его умения создавать новые технологии и процессы, предлагать новые решения, генерировать новое знание. Эти возможности достигаются не только и не столько исходным образованием и эрудицией человека, сколько его стремлением максимально использовать свой внутренний потенциал, стремлением, которое не может быть в полной мере мотивировано системой материальных целей и интересов.

Проявления творческой активности в рамках современного производства многообразны, но все они основаны на формирующемся доминировании нематериальных мотивов деятельности и превращении самой этой активности в вид межсубъектного взаимодействия. На уровне отдельного индивида основное изменение заключается прежде всего в преобладании неэкономических, или, как их зачастую называют, нематериальных, ценностей, отражающих стремление к личностному росту и совершенствованию как в рабочее, так и в свободное время. В результате такой трансформации человек становится более независимым от господствовавших в рамках индустриального общества отношений. Это проявляется и на уровне организаций, вынужденных изменять принципы управления работниками и взаимодействия с ними. В соответствующих условиях производственный коллектив становится сообществом обладающих высокой степенью свободы групп и отдельных лиц, в результате чего возникает серьезная угроза стабильности подоб-

ной производственной единицы. Импульсы к творческой деятельности, не находящие адекватного выхода в рамках основной профессии, реализуются в деятельности различного рода некоммерческих и добровольных организаций, выполняющих в большинстве своем важные социальные функции.

Однако при всей несомненности растущего значения нематериальных факторов *все явления общественной жизни*, о которых мы говорили, пусть и с определенными сложностями и натяжками, *могут быть объяснены исходя из принципов внутренней организации экономического общества.* Так, развитие новых мотивов деятельности вполне может быть соотнесено с общим процессом развития потребностей, и предположение о том, что новые потребности в благах и услугах вызывают соответствующие особенности поведения индивидов в производстве, не кажется нелогичным или противоестественным. Более того, в рамках подобной гипотезы возможно предположение, что, коль скоро возвышение потребностей представляется бесконечным, то бесконечным может быть и совершенствование мотивов и стимулов деятельности. Стремление работников современных компаний и корпораций отказаться от строгой бюрократической структуры и перейти к максимально самостоятельным формам организации труда не только не противоречит в этом случае рыночным тенденциям и свойственному экономическому типу общества индивидуализму, но и является их прямым и непосредственным проявлением, способствующим укреплению и развитию свободной конкуренции. Экспансия же творческой деятельности в рамках общественных организаций и добровольных союзов кажется еще более объяснимой, поскольку таковые вполне активно развивались и в пределах индустриального строя, а повышение жизненного уровня и уровня социализированности населения неминуемо должно найти свое проявление в росте добровольных ассоциаций.

Понятно, что объяснение новых явлений с позиций индустриальной эпохи не может быть полным и выдержать любую критику; однако мы хотим подчеркнуть, что *все отмеченные моменты*, отражая нарастание творческого характера современной деятельности, *скорее подготавливают переход к постэкономическому состоянию, чем являются его непосредственными свидетельствами.*

Что же символизирует наиболее зримые проявления того вызова, который несет творческая деятельность экономическому обществу, какие социальные процессы делают реальностью то, что ранее мы назвали постэкономической революцией?

Мы полагаем, что постэкономическая революция должна прежде всего преодолеть три основные характерные черты экономического общества.

Экономическая система формировалась тогда, когда разделение труда вызвало обособление отдельных производителей и, породив феномен индивидуального производства и индивидуального присвоения, обусловило возникновение отношений возмездного обмена, вызвавших затем к жизни рыночные структуры, развившиеся в систему всеобщего товарного производства; когда насилие, соединенное в ряде случаев с хозяйственной целесообразностью, породило классовые и кастовые различия, проявившиеся сначала в государственной и клановой, а затем и частной собственности; когда поставленные в привилегированное положение социальные слои утвердили свое господство на основе эксплуатации угнетенного населения, вне зависимости от наличия или отсутствия его декларированной политической свободы. С тех пор и на всех этапах своего развития экономическая система базировалась на трех фундаментальных элементах — товарном обмене, частной собственности и эксплуатации. Выход за пределы экономической формы общества возможен только с преодолением всех трех этих наиболее принципиальных его характеристик.

В соответствии с логикой предлагаемой нами концепции *первой важнейшей целью постэкономической революции является преодоление товарного производства и устранение рыночных механизмов как основных регуляторов общественного хозяйства.* Данная задача, которая ставилась еще в утопических мечтах первых социалистов, не может, вопреки распространенному марксистскому тезису, быть решена посредством реформирования принципов распределения. Проблема соотношения ценностей материальных благ и услуг, лежащего в основе феномена стоимости, равно как и в основе товарного обращения как такового, не решается посредством введения схем «справедливого обмена» или пресловутого социалистического планового производства. Для того чтобы стоимостные характеристики благ перестали быть основой меновых отношений, необходимо радикальное изменение самой деятельности, создающей материальные блага и услуги, ее превращение из труда в творчество. *Подобная перемена означает преодоление стоимости в любом ее экономическом понимании.*

Известно, что классическая политическая экономия, традиция которой идет от А.Смита к К.Марксу, в основу стоимости кладет определенное количество рабочего времени, общественно необходимого для производства того или иного товара. С другой стороны, последователи «австрийской» школы, или маржиналисты, утверждают, что возможность соизмерения благ связана с понятием предельной полезности. Все последнее столетие привер-

женцы обоих направлений провели в резкой и зачастую идеологизированной полемике друг с другом. Между тем обе эти концепции отражают один и тот же факт: стоимость является показателем давления на человека внешней материальной необходимости. В марксизме это трансформируется в анализ усилий, требующихся для преобразования природы ради удовлетворения соответствующей потребности, в маржинализме же в центре внимания оказывается вопрос о мере актуальности тех или иных нужд и о системе индивидуальных предпочтений в очередности их удовлетворения. Предполагая, что *творческая деятельность* не мотивируется стремлением к удовлетворению материальных потребностей, мы изначально приходим к пониманию того, что она *не создает и не может создавать стоимость в любом понимании последней.* Рыночная экономика и рыночные принципы соизмеримости благ могут быть преодолены только вместе с устранением труда в том его понимании, какое мы приняли. Именно развитие творческой активности конституирует отдельные этапы данного процесса, каждый из которых мы возможно более подробно рассмотрим в следующей части.

Вторым важнейшим фактором, который должен быть преодолен в ходе постэкономической революции, является частная собственность. Именно она выступает формальной причиной товарного обмена, поскольку узаконивает и закрепляет разделенность производителей материальных благ и услуг, чем создает основы для принятия продуктами труда товарной формы. Частная собственность, как и сами товарные отношения, не может быть разрушена средствами, предлагаемыми социалистами. *Обобществление средств производства*, которое марксисты считали основой коммунистических преобразований, *не преодолевает проблемы отчуждения условий труда от деятельного субъекта. Частная собственность* будет обусловливать *экономический характер* соответствующего общества до тех пор, пока владение — отдельными лицами или обществом в целом — определенными средствами производства будет вызывать отношение работника к ним как к чуждым. Поэтому даже идея «распыления» частной собственности, концепция владения всеми членами общества акциями или иными знаками собственности на средства производства, которыми располагает социум, не меняет ситуации. *Отношение к неким средствам производства как не к чужим не тождественно отношению к ним как к своим.* Поэтому мы полагаем, что преодоление деструктивного воздействия частной собственности на общество возможно только при двух условиях: *во-первых*, когда средства производства, дающие возможность осу-

ществления социально значимой производственной деятельности, перейдут из категории *частной* в категорию *личной* собственности самих производителей и, *во-вторых*, когда использование средств производства, которые не могут быть по объективным причинам превращены в личную собственность, перестанет оказывать значимое воздействие на производственные отношения. Поясняя эти положения, отметим, что в первом случае речь идет о том, что большая часть работников должна иметь необходимые им средства производства в своем личном распоряжении; такие возможности предоставляет развертывающаяся научно-техническая революция, превращение все большего количества людей в интеллектуальных работников, а знаний — в основной производственный ресурс и основной продукт современного общества. Во втором случае речь идет о том, что производственные комплексы, которые нельзя превратить в личную собственность, продолжат свое функционирование в основном как автоматизированные системы, с использованием труда весьма незначительного числа людей. Социальное положение этих работников и их место в общественной структуре станет понятным из дальнейшего анализа. В случае выполнения данных условий частная собственность, даже *сохранившись в ограниченных масштабах, перестанет быть элементом формирования социального неравенства и средством угнетения человека человеком.* Обладание правом собственности на производственные предприятия или их часть не будет автоматически означать власти собственников над остальными людьми или отдельными социальными группами, так как большинство работников окажется способно к автономной деятельности, позволяющей удовлетворить их материальные и духовные потребности.

Переход от труда к творчеству изменяет и сущность социальных конфликтов, свойственных экономическому типу общества. В той же степени, в какой не мотивированная утилитарными побуждениями деятельность не может привести к формированию стоимостной основы товарного обмена, она не может быть и предметом традиционно понимаемой экономической эксплуатации. И в данном случае речь идет даже не о том, что эксплуатация перестает поддаваться тому количественному измерению, схемы которого в свое время пытался создать К.Маркс; появляются основания для утверждения, что *эксплуатация творческой деятельности невозможна в силу самой ее природы, как деятельности неэкономической.* В пределах экономической эпохи феномен эксплуатации проявлялся прежде всего в присвоении собственниками средств производства или носителями политической власти части материальных благ,

создаваемых непосредственными производителями. Конфликт, лежащий в основе эксплуатации, оказывался одним из главных в любом обществе, составлявшем экономическую эпоху. Его значимость и острота обусловливались прежде всего тем, что с обеих сторон сталкивались однопорядковые материальные интересы. Непосредственные производители стремились присвоить созданные ими блага ради удовлетворения своих насущных потребностей, тогда как представители господствующих классов стремились к отчуждению этих благ в свою пользу, движимые при этом аналогичными мотивами. Отличия в этом случае касались лишь актуальности материальных нужд эксплуатируемых и эксплуататоров.

В случае замещения труда творчеством феномен отчуждения продукта, даже если таковой и возникает (а не возникать он не может, так как разделение труда и различные предпочтения работников, безусловно, сохраняются), не приводит к воспроизводству указанного противоречия уже потому, что сталкивающиеся интересы оказываются разнопорядковыми — с одной стороны, собственник производства стремится увеличить свое материальное благосостояние, но, с другой стороны, творческий работник стремится прежде всего самовыразиться в деятельности, и если его материальные потребности удовлетворены, он не стремится к присвоению готового продукта, получая удовлетворение уже от самого процесса его производства. В данном случае — подчеркнем это особо — рассмотрен предельный, сугубо гипотетический вариант, на самом деле и собственник производства в меняющихся условиях также не ставит рост своего материального благосостояния на первое место в системе мотивов деятельности. Представляя собой неэкономически мотивированную деятельность, творчество не подвержено эксплуатации в ее традиционном понимании. При преодолении труда классовые конфликты прежних эпох замещаются другими, основанными уже на новых, сейчас еще не известных нам, характеристиках постэкономического общества.

Все, о чем говорится на этих страницах, даже с учетом реальных событий последних десятилетий, кажется фантастическим; по крайней мере, читатель вполне может предположить, что автор привержен идее, еще менее реалистической, чем та, которую исповедовали социалисты и коммунисты прошлого и начала нынешнего столетий. Мы не станем опровергать подобных предположений, однако отметим, что происходящие в мире перемены способны очень быстро менять господствующие представления не только об отдаленных, но даже о достаточно близких перспективах развития общества. Единственным способом уменьшить сомнения в справедли-

вости рассмотренной пока лишь в крайне общих чертах парадигмы является подробный анализ современных хозяйственных и социальных процессов, происходящих в трех названных направлениях. В следующих трех главах мы попытаемся дать читателю возможность самому ответить на вопрос, является ли представленная выше картина постэкономической трансформации в той же степени иллюзорной и фантастической, в какой она могла показаться на первый взгляд.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Следует со всей определенностью отметить, что понятие «постэкономическое общество» не может быть использовано для характеристики любого из существующих сегодня социумов. Это всего лишь научная абстракция, обозначающая совокупность принципов, которым, как следует из хода исторического развития, предстоит стать основными для социальной организации, приходящей на смену современной эпохе. Тем не менее данный термин может и должен использоваться в социологических и экономических теориях нашего времени.

Когда полтора века тому назад основоположники марксизма наблюдали непреодолимый, как им тогда казалось, кризис буржуазного общества, они совершенно справедливо полагали, что основы нового социального устройства естественным образом подготавливаются всем ходом эволюции предшествующего. В начале своего творческого пути они называли коммунизм не целью, которая должна быть установлена, не идеалом, с которым должна сообразовываться действительность, а реальным развитием, устраняющим существующее состояние[1].

Когда в конце 60-х годов теоретики постиндустриального строя вводили в научный оборот новый термин, они отмечали, что «концепция постиндустриального общества — это не картина целостного общественного строя»[2], что данное понятие является абстракцией, отражающей направления и рамки современного социального развития.

Сегодня мы говорим о постэкономическом состоянии в том же смысле, в каком основоположники марксизма говорили о коммунизме, а теоретики 60-х годов — о постиндустриальном обществе; такого социума как целостного явления, как реальной структуры еще не существует, но оно естественным образом порождается всеми происходящими на наших глазах изменениями. Перефразируя приведенное выше выражение К.Маркса и Ф.Энгельса, можно утверждать, что постэкономическое общество — это не цель, которая должна быть установлена, не идеал, с которым должна сообразовываться действительность; оно представляет собой реальное движение, уничтожающее современное состояние.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 3. С. 69.

[2] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976. P. 119.

Рассматривая постэкономическое общество как формирующийся социум, мы определяем происходящие сегодня изменения как *постэкономическую революцию*. Непосредственным методологическим основанием для этого служит созданная основоположниками марксизма теория социальных революций, опосредующих смену общественных формаций. Таким образом мы стремимся подчеркнуть методологическую последовательность и обоснованность противопоставления формирующихся ныне отношений не только законам индустриального, и даже капиталистического, общества, но закономерностям, характеризовавшим все ранее существовавшие общественные формы, основанные на товарном обмене, частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Постэкономическая революция знаменует скорее не завершение формирования основ постэкономического общества, а его начало. В этом отношении можно провести условную историческую параллель между постэкономической и индустриальной революциями. Исследователи относят последнюю ко второй половине XVIII — началу XIX столетий; но это время выдающихся технических достижений, активного развития новых форм производства и становления класса промышленников в качестве важнейшего элемента социальной структуры не характеризовалось, однако, господствующей ролью промышленного сектора в общественном производстве. Как известно, в середине и даже во второй половине прошлого века, фактически через сто лет после развертывания основных событий промышленной революции, в большинстве европейских государств и США аграрный сектор попрежнему обеспечивал больше половины валового национального продукта. Однако промышленная революция *продемонстрировала возникновение новой тенденции*, показала, что альтернативный традиционному сектор начал быстрое и самодостаточное развитие, не оставлявшее прежнему типу хозяйства надежд на выживание. В этом отношении постэкономическая революция уже сейчас находится в своей достаточно яркой фазе, наглядно демонстрируя миру открывающиеся перспективы и не оставляя шансов ставшим ретроградными индустриальному хозяйству и экономическим закономерностям.

Завершая предыдущую часть, мы выделили три основных направления преодоления экономических закономерностей — подрыв отношений рыночного хозяйства как наиболее развитой формы товарного обмена, присущей высшим фазам экономического общества; радикальное изменение форм и природы частной собственности и последующее замещение ее личной собственностью; и, наконец, изменение сущности основного социального конфликта, заключающееся в снижении роли эксплуатации че-

ловека человеком как основы классового противостояния и в перенесении основных элементов конфронтации в иные плоскости общественных отношений. Отдельной и совершенно особой проблемой является самодостаточность постэкономической трансформации и отношения нового общества с окружающей его средой; она будет рассмотрена несколько позже.

Все три процесса, представляющие собой элементы постэкономической революции, определяют в то же время содержание развития современных постиндустриальных обществ. Нельзя не признать, что наиболее острые дискуссии вызывает возможность преодоления рыночного хозяйства и вытекающие из этого последствия. Проблема эта, представляющаяся нам наиболее общей, поскольку она затрагивает вопросы, связанные с характером товарного производства — одного из сущностных признаков экономического общества, заслуживает первоочередного рассмотрения.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДЕСТРУКЦИЯ РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

На протяжении всей истории существования капиталистического общества как его противники, так и апологеты постоянно говорят о тех или иных вызовах этому строю. Опасность пролетарской революции сменяется глобальными проблемами, кризисы перепроизводства уступают место экспансии информационного сектора и так далее. Между тем данная социальная система не может быть преодолена или разрушена ничем, кроме деструкции самой предпосылки, вызвавшей ее к жизни, каковой было формирование и развитие рыночного хозяйства — завершенной производственной системы, нацеленной на получение и присвоение стоимости как всеобщего богатства, отделенной от потребительной стоимости благ и противостоящей ей.

Именно в силу того, что буржуазное общество основано на принципах всеобщего товарного хозяйства, единственным поистине радикальным вызовом ему может стать деструкция основ рыночной системы. И если понятия постиндустриального или информационного капитализма не несут в себе внутреннего логического противоречия, хотя и кажутся несколько вызывающими, то идея пострыночного капитализма представляется нонсенсом. Устраняя рыночное хозяйство как таковое, постэкономическая революция преодолевает тем самым и капиталистическую форму организации производства как его высшее воплощение.

В экономической и социологической теории рыночное хозяйство и товарное производство рассматриваются зачастую как идентичные явления. Поэтому все чаще возникающее стремление разграничить положения, касающиеся концепции рыночной экономики, и тезисы, относящиеся к теории производства и потребления высокотехнологичных и информационных благ, воплощается, как правило, лишь в призывах к замене «экономиче-

ской теории товаров» новой «экономической теорией продуктов»[3]. При таком подходе в теорию рынка и товарного производства наряду с понятиями «рыночные товары и изделия» вводится термин «продукты», имеющий столь широкое значение, что его плодотворное применение в рамках какой-либо прикладной концепции представляется невозможным. Мы предлагаем иной, более последовательный путь, основанный на теоретическом противопоставлении терминов «рыночное хозяйство» и «товарное производство», понятий взаимосвязанных, но не тождественных.

Рыночное хозяйство и стоимость: к определению понятий

Товарное производство обозначает чрезвычайно широкий круг явлений, описываемых в рамках единственного предположения: в обществе существует определенное разделение труда, и создаваемые тем или иным субъектом хозяйствования блага, характеризующиеся в первую очередь потребительной стоимостью как для него самого, так и для других членов общества, могут быть обменены на иные товары, удовлетворяющие его потребности. Товарное производство присуще всем периодам развития экономической эпохи — от того момента, когда черты экономического устройства сосуществовали с элементами архаического, и вплоть до завершения формирования всего комплекса законов и отношений постэкономического строя. Целью обмена выступает здесь максимизация присваиваемых потребительных стоимостей и формирование той их структуры, которая в наибольшей мере отвечает стремлениям хозяйствующего субъекта; *основа количественного соизмерения товаров* при этом может быть любой — от исчисления трудовых затрат до субъективной оценки полезности блага.

Напротив, рыночное хозяйство представляет собой систему, в которой производство товаров осуществляется как производство некоей всеобщей ценности, а сами они выступают воплощением всеобщего эквивалента, обычно называемого стоимостью. Условием формирования основ этого типа хозяйства является распространение принципов товарного обмена не только на большую часть потребительных благ, но и на все основные условия и ресурсы производства. Именно поэтому оно возникает на этапе, когда эпоха прогрессивного развития экономического об-

[3] См.: *Drucker P.* The Age of Discontinuity. New Brunswick (US)-L., 1994. P. 164.

щества приближается к завершению. Мы уже цитировали К.Маркса, полагавшего, что «...в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной, от первичной формации к формации вторичной»[4], и считавшего, таким образом, становление завершенной формы экономической общественной формации не законченным даже в XIX веке. Сегодня позиция К.Маркса представляется чрезмерно радикальной, и мы придерживаемся мнения, что существенные элементы рыночной экономики встречаются в хозяйстве европейских стран, начиная лишь с XV—XVI веков. В отличие от товарного производства, цель рыночного хозяйства заключается в максимизации присвоения стоимости как воплощения богатства; принципы обмена оказываются жестко эквивалентными и основанными на соизмерении стоимости обмениваемых товаров.

Таким образом, превращение развивающегося товарного производства в рыночное хозяйство, продолжавшееся в течение столетий, было одним из важных элементов той революции, которая устранила все неэкономические черты хозяйства и привела к полному доминированию принципов экономического общества. В свою очередь устранение элементов рыночного хозяйства и воссоздание системы отношений товарного производства как инструмента перераспределения потребительных стоимостей является важнейшей характеристикой постэкономической трансформации.

Рыночное хозяйство кардинально отличается от товарного производства тем, что в его рамках безусловно наличествует всеобщий эквивалент, соизмеряющий стоимость производимых благ, причем растущий темп присвоения этого эквивалента тем или иным хозяйствующим субъектом отражает его растущее благосостояние. Цель товарного производства, и это отмечалось выше, состоит в росте присвоения конкретных потребительных стоимостей, поэтому в данном случае нет острой необходимости в эквиваленте, соизмеряющем товары. Мы полагаем, таким образом, что основное отличие товарного производства от *рыночного хозяйства состоит в отсутствии или наличии фундаментального эталона для соизмерения благ*, придающего обмену ими эквивалентный характер.

Вот почему преодоление рыночной экономики не требует устранения обмена материальными и нематериальными благами; последнее было бы абсурдным, так как информация и знания приобретают подлинную ценность лишь в условиях максимально

---

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 104.

широкого их потребления всеми членами общества. Главный вопрос заключается *в освобождении обмена от довлеющего над ним эквивалентного стоимостного характера*, в преодолении господства меновой стоимости над стоимостью потребительной.

Сегодня важнейшим условием адекватного понимания социальных процессов становится анализ субъективных мотивов и целей, социальных и психологических характеристик. Не отказываясь от прежнего стремления к максимизации того удовлетворения, которое всегда было и всегда останется целью любой осознанной деятельности, люди все более активно получают его вне сферы роста материального потребления. В этом мы видим *первый основной фактор*, подрывающий принципы жизнедеятельности «экономического человека». Определяя свои *основные потребности и желания* как не лежащие в сфере материального потребления, человек впервые в истории конституирует их именно как *свои* потребности, как *свои* желания, не идентичные потребностям и желаниям других людей не только количественно, но и качественно. Это имеет своим следствием невозможность определения стоимости как объективной категории; если ранее индивидуальные потребности в материальных благах, сталкиваясь с ограниченностью их предложения, создавали и поддерживали состояние рыночного равновесия, то теперь потребности нового типа, формирующиеся на основе стремления личности к самореализации, уже не создают тех усредненных (общественных) потребностей, которые, балансируя со столь же усредненными (общественными) издержками, определяли бы пропорции обмена. Более того, люди, ориентированные на развитие собственных способностей и собственной личности, способны считать полезными для себя действия, не преследующие материальной выгоды и не согласующиеся с принципами «экономического человека». Таким образом, с переходом к постэкономическому обществу *индивидуальные полезности проявляются per se, а не посредством трансформации в объективные общественные оценки.*

Это изменение качества в оценке полезностей тех или иных благ подготовлено в первую очередь технологическим прогрессом последней половины столетия. Обеспечив в развитых странах *людям, способным к творческой деятельности*, высокий уровень жизни, когда нематериальные мотивы стали доминировать над материальными, современное производство вывело на первый план факторы, хотя и известные ранее, но обретающие в новых условиях совершенно иные формы проявления. Главным из них стало распространение знаний и информации в качестве *непосредственного производственного ресурса*. Это *второй основной фактор*, подрывающий традиционные стоимостные отношения. Если *новая мотивация деятельности «отменяет» прежнюю субординацию по-*

требностей, лишая как индивидуальную, так и общественную полезность их количественной определенности, то *экспансия новых производственных факторов делает невозможной квантификацию издержек производства* и затрат труда, с которыми связано создание того или иного блага. Это связано с тем, что, во-первых, информация представляет собой такое условие производства, которое не потребляется в производственном процессе и может использоваться в неограниченном количестве воспроизводственных циклов. Во-вторых, процесс передачи информации основан на субъект-субъектных взаимодействиях и невозможен без соответствующих усилий не только ее производителя, но и потребителя. В-третьих, создание знаний, которые, как подчеркивают современные социологи и психологи, далеко не тождественны информации, представляется процессом сугубо индивидуальным, и ценность знания не может быть определена исходя из «стоимости» произведшей ее «рабочей силы». В-четвертых, информация, имеющая свойство безгранично распространяться, характеризуется не редкостью, а избирательностью, в результате чего, даже приобретя формальные права на информационный продукт, то есть став его собственником, не каждый может им воспользоваться, ибо для этого требуется целый набор качеств, отличающих современную личность. Таким образом, в условиях хозяйства постиндустриального типа формируется ситуация, в которой *никто не может определить ни общественные, ни даже индивидуальные усилия и издержки*, воплощенные в том или ином продукте, выходящем на рынок.

Современная технологическая революция радикально изменила среду обитания людей. Она не только преобразила процессы производства и потребления, но обновила также мотивы человеческой активности и усовершенствовала критерии, которыми определялись основные потребности личности. Однако и в новых условиях, где существенной ревизии подверглись представления о рыночном хозяйстве, а силуэты возникающего общества обрели далеко не традиционно-капиталистический характер, смещение приоритетов почти не затронуло собственно экономическую теорию, так как само понятие подрыва *стоимостных* отношений является нонсенсом в рамках economics, привычно оперирующей с *ценами* благ и не рассматривающей их глубинной природы. Между тем социологи и философы, психологи и футурологи, исследующие современные сдвиги в производстве и потреблении, предлагающие зачастую весьма оригинальные решения, как правило, не стремятся ни усвоить подходов предшественников, ни привести собственную терминологию к некоему «общему знаменателю», что оборачивается невостребованностью и утратой многих важных теоретических положений.

Сегодня становится ясно, что упадок индустриального строя вызывает к жизни вопросы, бывшие актуальными и в эпоху его становления. Единство многих выдающихся экономистов — от И.Бентама до К.Маркса и от А.Смита до К.Менгера — в признании поиска источника стоимости достойной исследователя задачей убеждает нас в актуальности этой работы и в нынешних условиях. И важнейший ее аспект мы усматриваем в упорядочении применяемой терминологии.

Говоря о стоимости, мы всегда сталкиваемся не с объектом, но с отношением, причем оно может проявляться как на субъективном, так и на объективном уровне, быть как внутренним, так и внешним, как внутриперсональным, так и социальным. Стоимость как *value* является более цельным и комплексным понятием, чем стоимость как *стоимость*, так как в первом случае феномен *value* в той или иной мере присутствует везде, где имеет место процесс *evaluation*, а рамки такового весьма и весьма широки. С этой точки зрения дихотомия понятий *стоимости* и *ценности*, отмечаемая в русскоязычной терминологии, с одной стороны, предоставляет более тонкий инструмент анализа, но, с другой, искусственно сужает рамки исследования. И, отмечая заранее, что далее мы будем анализировать преодоление *стоимости*, а не *value*, остановимся вкратце на тех исторических и логических ступенях формирования стоимости, через которые невозможно перешагнуть, если мы действительно хотим понять «механику» и последовательность ее устранения.

Первым этапом формирования *value* как *ценности* был период становления производства как осознанного процесса. На этом уровне каждый субъект производства, движимый своими материальными потребностями, производил сравнительную оценку *потребности* в том или ином продукте и *усилий*, необходимых для его создания; по сути дела, сравнивались *эффект от потребления того или иного блага с эффектом от его не-производства*. Это идеальное действо представляется первым примером *evaluation*, и именно оно определяло, имеет ли тот или иной продукт *индивидуальную ценность*. Мы считаем данное обстоятельство очень важным, так как стоимость, *проявляясь* в обмене, не *создается* таковым; «прежде чем одна вещь заменит другую в процессе обмена, они обе должны существовать и обладать *стоимостью* (курсив мой. — *В.И.*) ... как предшественницей обмена, как главным условием, без которого обмен не может иметь места»[5]. Таким образом, *индивидуальная ценность* продукта, будучи непосредственным разрешением противоречия между потребностями и производством, является самой простой потенциальной формой стои-

[5] *Foucault M.* The Order of Things. An Archaeology of Human Sciences. N.Y., 1994. P. 190.

мости, существующей в значительной степени даже *до процесса производства* и инициирующей его как свое собственное следствие.

Второй этап формирования стоимостных оценок связан с окончанием производственного процесса и обретением готового блага. На этом этапе гипотетические усилия, ранее соизмерявшиеся с индивидуальной потребностью в продукте, материализуются в *конкретном труде*, в то время как сама потребность может быть удовлетворена за счет созданного продукта, для обозначения которого с определенной степенью условности может быть применено понятие *потребительной ценности* (*use-value*). Данный этап не предполагает того регулярного обмена, в котором стоимость может быть квантифицирована в ее классическом смысле; здесь лишь *потенциальная индивидуальная ценность* продукта превращается в его *актуальную*, но по-прежнему *индивидуальную ценность*. Именно здесь возникают прецеденты обмена, в ходе осуществления которых ценность впервые выступает не только как *актуальная индивидуальная ценность*, но и как *актуальная интерперсональная ценность*. Такое явление было названо многими исследователями *дарообменом*[6], и сегодня становится очевидным, что не только период гибели примитивных общин, но и современная нам экономика в значительной мере характеризуются подобным феноменом[7], на котором мы еще остановимся более подробно. Пока же отметим, что характерным признаком данной системы обмена является неподверженность его традиционной квантификации: уже *затраченный производителем конкретный труд* в этом случае противостоит его *потребности* в имеющемся у контрагента продукте, но не самому продукту как таковому; такой обмен служит именно *удовлетворению потребности*, но не *максимизации полезности*.

И только на *третьем этапе актуальная интерперсональная ценность* может быть признана тем, что традиционно считается *стоимостью*. В этой ситуации место конкретного труда, создающего благо как индивидуальный продукт, занимает *абстрактный труд*, формирующий результат производства как благо, получающее об-

---

[6] Проблема дарообмена в архаических обществах рассмотрена в работах: *Eyre S.L.* The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967; *Gregory C.A.* Gifts and Commodities. Norwich, 1982; *Mauss M.* The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. L., 1970; *Ernfors E.B., Ernfors R.F.* Archaic Economy and Modern Society. Uppsala, 1990; *Polanyi K.* Dahomey and the Slave Trade. An Analysis of Archaic Economy. Seattle-L., 1966; *Berreman G.D.* (Ed.) Social Inequality. Comparative and Development Approaches. Berkeley (Ca.), 1981, и др.

[7] См.: *Pinchot G., Pinchot E.* The Intelligent Organization. Engaging the Talent and Initiative of Everyone in the Workplace. San Francisco, 1996. P. 270-272.

щественную оценку; в то же самое время потребительная ценность как характеристика, подтверждающая саму возможность применения того или иного продукта, замещается *полезностью*. Стоимость определяется теперь как *отношение воплощенного в благе абстрактного труда к его общественной полезности*.

Уже на этом этапе обнаруживаются наши расхождения с традиционной марксистской теорией. Во-первых, мы не следуем марксову противопоставлению меновой стоимости стоимости потребительной: первая является категорией только общественного хозяйства, тогда как вторая имеет смысл и в условиях индивидуального производства. Во-вторых, в рамках нашего подхода выглядела бы странной встречающаяся в марксизме дихотомия потребительной стоимости и стоимости, поскольку последняя представляет собой отношение, в отличие от первой, не выходящей за рамки объекта. В-третьих, категорию полезности, используемую в марксизме только в связи с рассмотрением цены производства, мы трактуем более широко, полагая, что она воздействует на сами основы стоимости, а не на ее количественную модификацию. В-четвертых, этапы становления стоимостного характера обмена, будучи исследованы не абстрактно-логически, а исторически, позволяют определить направления развития форм обмена в будущем обществе.

Рассматривая стоимость как преходящую категорию, свойственную лишь развитым формам рыночного обмена, следует четко определить те параметры общества, которые вызывают стоимость к жизни и преодоление которых устраняет и ее саму. Представляется логичным, что такие параметры развиваются и изживаются как бы в двух разных ипостасях: с одной стороны, мы имеем дело с характеристиками производства, с другой — с чертами потребления. При всей относительности их раздельного рассмотрения в современных условиях мы все-таки считаем это необходимым для более последовательного анализа как самого феномена стоимости, так и направлений его преодоления.

Наш подход к стоимости как к явлению, порожденному развертыванием противоречия между потребностями и производством, открывает возможность для обнаружения *первого* ограничивающего ее развитие фактора. Будучи объективизацией субъективных оценок, опосредующих активность человека как фактор *материального производства*, стоимостные отношения на любой стадии своего развития базируются на *материальной мотивации* субъектов производства. Это положение сильно завуалировано в рамках марксистской доктрины, где в понятии use-value устранено какое бы то ни было отношение потребительной стоимости к *материальным* целям и потребностям человека. Говоря о том, что стоимость существует как атрибут общества, основанного на ма-

териалистической мотивации, мы вовсе не утверждаем, будто она ограничена материальным производством; мы лишь отмечаем, что *стоимостью обладают продукты, производители и потребители которых (даже если таковые воплощены в одном и том же субъекте) относятся к их созданию и потреблению как к средству удовлетворения своих материальных интересов.*

Поэтому второй важный фактор, ограничивающий развитие стоимости, связан с *ролевой системой*, в которой человек способен отождествить себя с субъектом либо производства, либо потребления. Считая, что «абстрактный производитель — это человек, олицетворяющий меновую стоимость», а «абстрактный индивид (личность со своими потребностями) — это человек, олицетворяющий потребительную стоимость»[8], Ж.Бодрийяр допускает существенное упрощение ситуации, однако сам подобный подход кажется нам верным в том отношении, что, хотя производство и потребление, приводящие к формированию стоимостной или протостоимостной оценки, могут сочетаться в человеке как *едином субъекте, способном к разной деятельности*, они не могут быть сочетаемы в нем *как в субъекте одной определенной активности.* Мы имеем в виду, что стоимостные оценки в любых их формах отражают *противостояние,* а не *взаимопроникновение* производства и потребления и не могут быть использованы по отношению к процессу, производительная и потребительская стороны которого не разделены самим его субъектом.

Данные два фактора отражают то не учитываемое в марксизме обстоятельство, что стоимостные оценки, сформировавшиеся на некотором уровне социализации и объективизации индивидуальных интересов и мотивов, могут быть преодолены посредством их прогрессирующих де-социализации и де-объективизации в условиях становления постэкономического общества. Подобные процессы, на наш взгляд, и являются теми реальными причинами, под воздействием которых отношения стоимости и основанное на них современное товарное производство могут претерпеть преобразования, выводящие их за рамки не только буржуазного, но и индустриального типов социума.

Между тем необходимо остановиться также и на более конкретных моментах, характеризующих те формы производства и потребления, которые вызывают к жизни и поддерживают существование традиционных стоимостных отношений.

Обращаясь к производству, следует, наряду с доминирующей материальной мотивацией его субъектов, обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, абстрактный труд, воплощающий-

---

[8] *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign // Selected Writings. Cambridge, 1996. P. 66.

ся в благе, имеющем стоимостную оценку, должен обладать свойством, которое в марксизме было рассмотрено как признак редуцируемости; при этом, на наш взгляд, важно не столько искать формулы сведения разных видов труда к «простому» труду, что предлагал К.Маркс, сколько сосредоточиться на повторяемости данного трудового процесса в иных пространственно-временных условиях. Если такая повторяемость имеет место, квантифицируемость затрат труда не вызывает сомнений и соответствующий продукт может быть воспроизведен, а отношение абстрактного труда, затрачиваемого на подобное воспроизводство, к общественной полезности данного блага определит его стоимость. Во-вторых, прочие факторы, используемые в производственном процессе, также должны вовлекаться в него как воспроизводимые ресурсы, имеющие достаточно определенные общественные оценки. В этом случае мы сталкиваемся с феноменом *естественной* редкости, на котором остановимся подробнее при анализе трансформаций стоимостных отношений под воздействием прогресса современного производства.

Процессы потребления также становятся все более сложными и все менее обусловленными материальной стороной жизни. Чтобы потребление тех или иных благ вызывало отношение к ним как к «квантифицируемым полезностям», должны соблюдаться два основных условия. С одной стороны, потребности должны быть воспроизводящимися, как должно быть воспроизводящимся и производство соответствующих продуктов. Этот вопрос следует рассматривать исключительно на социальном уровне, так как, хотя некоторые потребности воспроизводятся на личностном уровне *постоянно* (например, потребности в пище, одежде и т.д.), а некоторые характеризуются своего рода *дискретностью* (как потребность в воздвижении надгробного монумента), и те и другие могут быть признаны совершенно равными и идентичными en masse. С другой стороны, полезность отражает развивающиеся материальные потребности, характеризуя одну из сторон противоречия между производством и потреблением, а именно ту, которая может быть названа *потребностями (needs).* Выходя за пределы, определяемые рациональными материальными потребностями, стремления человека смещаются от needs к желаниям *(wants*, или *desires)*[9]; объекты таких желаний характеризуются уже не потребительной стоимостью, а тем, что многие современные авторы стремятся квалифицировать как символические ценности (sign values[10]), отмечая тем самым нетрадиционный характер потребления

---

[9] См.: *Baudrillard J.* Consumer Society // Selected Writings. P. 45.

[10] См.: *Bertens H.* The Idea of the Postmodern: A History. L.-N.Y., 1995. P. 147-148; *Best S., Kellner D.* Postmodern Theory: Critical Interrogations. Houndmills-L., 1991. P. 114-115, и др.

ряда благ и полагая, что экспансия такого потребления должна означать не что иное, как «извращение политической экономии»[11]. Не присоединяясь к столь решительным заявлениям, отметим, что сама проблема безусловно существует и ее присутствие лишь служит дополнительным свидетельством того, что стоимость как категория традиционного рыночного хозяйства модифицируется сегодня под влиянием множества разнообразных факторов.

Завершая этот вводный раздел, еще раз отметим, что предлагаемый нами «ограничительный», если его можно так назвать, подход к стоимости представляется оптимальным в силу того, что сегодня, в условиях становления постэкономической социальной системы, необходимо прежде всего исследовать источники тех хозяйственных и общественных трансформаций, которые составят само содержание жизни ближайших поколений, а не стремиться объявить таковые несущественными, а принципиальные основы рыночной экономики — вечными и нерушимыми. Подчеркнем при этом, что в той же степени, в какой процесс становления и прогрессивного развития стоимостных оценок и отношений был идентичен процессу становления и развития общественного производства и протекал параллельно с процессом *социализации* производителей, деструкция этих отношений обусловлена прежде всего *индивидуализацией* человека в его качестве как производителя, так и потребителя, имманентно присущей нашей эпохе. Та революция, которую многие ожидали как *социальную революцию*, проявляется как *революция десоциализации*, затрагивающая все стороны жизни людей. В этих условиях стоимость как явление, присущее хозяйству, основанному на производстве воспроизводимых материальных благ и предполагающему утилитарную мотивацию человеческой жизнедеятельности, устраняется столь радикально, как того не предполагали революционеры прошлых десятилетий.

Переходя к рассмотрению процесса устранения стоимости и подрыва рыночных отношений, мы должны остановиться на двух моментах. Во-первых, следует уделить значительное внимание сущности, значению и перспективам развития стоимостных отношений с точки зрения фундаментальных принципов теории политической экономии; инструментом анализа в этом случае станет оценка новых тенденций, наблюдаемых в современном производстве; они рассматриваются как с точки зрения их воздействия на издержки производства, так и со стороны потребительской оценки, той полезности, определение которой становится сегодня все более и более сложным и субъективированным процес-

---

[11] *Baudrillard J.* In the Shadow of the Silent Majorities or, The End of the Social and Ofher Essays. N.Y., 1983. P. 45.

сом. Во-вторых, необходимо рассмотреть не столько саму стоимость как противоречивое единство объективных и субъективных характеристик и процессов, сколько представление современного человека о таковой, попытаться соотнести понятия стоимости и ценности, благосостояния и богатства, потребностей и полезности, рассмотреть феномен товарного фетишизма под углом зрения как производителя, так и потребителя, оценить пути преодоления рыночных отношений и последствия разворачивающихся сегодня в этой сфере процессов.

Деструкция стоимости со стороны производства

В течение долгих веков сфера производства оставалась тем «царством необходимости», которое в полной мере отражало господство внешнего мира над человеком. Противопоставив себя природе, человек на протяжении столетий занимался ее «покорением», чтобы в эпоху, ознаменованную, казалось бы, его полным торжеством, осознать необходимость не *подчинять себе внешний мир*, а *подчиняться своей внутренней природе*. Модернизируя методы и формы создания материальных благ, он обнаруживает, что целью и ориентиром его развития является не вещное богатство, а совершенствование сущности, позволившей св. Фоме Аквинскому определить людей как пограничных между природой и Господом существ[12]. Однако прошедшие века не оказались напрасными, ибо без них мечты человека о развитии собственной личности остались бы столь же иллюзорными, как и стремление выйти за рамки материального производства. Именно технологическое развитие, особенно радикальное в последние десятилетия, обеспечило необходимые и достаточные предпосылки для изменения системы человеческой мотивации, параллельно с совершенствованием которой происходило и формирование условий для преодоления стоимостных отношений.

Рассматривая сферу производства, мы сталкиваемся как с материальными, так и с нематериальными предпосылками преодоления стоимостных отношений. Основная из материальных предпосылок связана с утратой возможности квантификации издержек в результате распространения нередуцируемой к простому труду деятельности как главного фактора современного хозяй-

---

[12] См.: *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Prima parte. Qu. 12. Art. 12; Qu. 14. Art.12; *St. Thomas Aquinas.* Summa contra gentiles, III, 22.

ства. Нематериальные проявляются в мотивации деятельности человека, стирающей грань между свободным и рабочим временем, между активностью по необходимости и деятельностью, порождаемой стремлением к самосовершенствованию. Мир современного человека как субъекта производства уже не противостоит его самосознанию как потребителя или как свободно развивающейся личности; такая трансформация обусловлена в первую очередь структурой общественного хозяйства, новым соотношением прежних и неизвестных ранее факторов производства.

Становление новой структуры общественного производства

Хозяйственная история XX века — это история выхода человечества за пределы индустриального строя в частности и материального производства в целом. Решительное ускорение в динамике этого сложного процесса и перегруппировка его движущих сил пришлись на последнюю треть нашего столетия, ознаменовав собой самую масштабную из пережитых человечеством социальных революций и начало конца стоимостных отношений.

С конца XIX столетия в экономике наиболее развитых стран вполне четко стала проявляться тенденция сокращения доли материального производства в целом и его наиболее примитивных форм в частности. Так, если в США в 1869 году около 40% валового национального продукта создавалось в сельском хозяйстве, то в 1918 году этот показатель снизился до 14%, а сегодня составляет не более 1,4%[13]. Еще более очевидны изменения в структуре занятости: если в середине прошлого столетия до 60% рабочей силы было занято в аграрном секторе, то ныне этот показатель не превосходит 2,7%[14]. Процессы, развернувшиеся в американской экономике в межвоенные годы, по окончании Второй мировой войны проявились и в европейских странах: в Германии и Франции с 1960 по 1991 год доля занятых в сельском хозяйстве уменьшилась с 14,0 до 3,4 и с 23,2 до 5,8%[15]; в добывающих отраслях, доля которых в валовом национальном продукте стран ЕС сегодня не превышает 3%[16], занятость сократилась более чем на 12% только за последние пять лет[17].

---

[13] См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations. N.Y.-L., 1997. P. 8-9.

[14] См.: *Rifkin J.* The End of Work. N.Y., 1996. P. 110.

[15] См.: *Stehr N.* Knowledge Societies. L.-Thousand Oaks, 1994. P. 75.

[16] См.: Panorama of EU Industry. Vol. 1. Brussels-Luxembourg, 1997. P. 1-2 - 1-6; 2-2 - 2-3.

[17] Ibid. P. 2-3.

Однако подобные легко прослеживаемые тенденции наблюдались до середины 70-х годов лишь во взаимной динамике первичных секторов хозяйства и сферы услуг. Собственно же промышленное производство оставалось фактически на одних и тех же позициях как по числу занятых, так и по его доле в валовом национальном продукте, составлявшей от 21 до 23% в США[18] и около 20% в странах ЕС[19]; в начале 90-х годов суммарная доля как первичного, так и вторичного секторов в постиндустриальных державах стабилизировалась на уровне 30—32% их валового национального продукта[20], а занятость в них колеблется в пределах 25—30% общей рабочей силы этих стран. Масштабы же сферы услуг постоянно росли: составив более половины ВНП США в середине 50-х годов, третичный сектор обеспечивает сегодня более 73%[21]; в ЕС на его долю приходится около 63% ВВП и 62% от числа занятых, а для Японии эти цифры составляют 59% и 56%[22].

Однако развитие сферы услуг, которое имело место до середины 70-х годов, не дает, на наш взгляд, возможности говорить о нем как о непосредственной материальной предпосылке преодоления стоимостных отношений. В тот период третичный сектор развивался не столько за счет новых факторов производства, сколько в связи с сокращением спроса на продукцию первичных отраслей; в таких условиях стал происходить быстрый переток труда и капитала в сферу торговли, обслуживания, общественного питания и другие подотрасли сферы услуг, где могли быть использованы не отличавшиеся высокой квалификацией бывшие работники традиционных отраслей промышленности и сельские жители. Эта ситуация отражается и в статистике: несмотря на то что в сферу услуг включаются такие отрасли, как образование, здравоохранение, финансовые услуги и т.д., требующие высокой квалификации и характеризующиеся высокими производственными результатами, средняя производительность работников третичного сектора снижается. Если в 1960 году в США она составляла 77,5% аналогичного показателя в промышленности, то в

---

[18] См.: *Stehr N.* Knowledge Societies. P. 75, 130.

[19] См.: *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. L.-Thousand Oaks, 1994. P. 194.

[20] Доля промышленного производства в конце 80-х гг. составляла в ВНП Франции 28,7%, тогда как соответствующие показатели для США и Великобритании достигали 29,2% и 30,0% (см.: *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future. L., 1995. P. 11).

[21] См.: Handbook of International Trade and Development Statistics, United Nations Conference on Trade and Development, 1993. P. 446.

[22] См.: L'Europe en chiffres. P., 1995. P. 318.

1992 году опустилась до уровня ниже 70%, и темп нарастания разрыва становится все быстрее[23].

На наш взгляд, эти и некоторые иные данные свидетельствуют, что тот этап трансформации структуры производства, который завершился к концу 70-х годов, был этапом преобразований, управлявшихся *потребительскими предпочтениями*. Они заключались в стремлении людей к максимизации и совершенствованию потребления даже ценой использования гигантских ресурсов в отраслях, не обнаруживавших высокой производительности.

С середины 70-х годов начался новый этап, принципиально иной характер которого обусловил проявление целого ряда очевидных признаков кризиса традиционных стоимостных оценок. Основными легко наблюдаемыми чертами этого периода стали, с одной стороны, абсолютное сокращение занятости во всех отраслях промышленности и, с другой стороны, быстрое ускорение роста тех секторов сферы услуг, которые могут быть отнесены к так называемой «информационной» составляющей общественного хозяйства.

Первый из отмеченных процессов принимает различные, иногда более, а иногда менее заметные, формы. Наиболее очевиден тот факт, что в 70-е годы во всех развитых постиндустриальных странах относительно одновременно (в ФРГ с 1972 года, во Франции с 1975-го[24], а в США — с 1979-го) началось абсолютное сокращение занятости в промышленности. Только между 1980 и 1994 годами в США оно превысило 11%[25]. Не столь очевидными оставались как то обстоятельство, что еще более быстрыми темпами снижалось количество работников, непосредственно занятых в производственных операциях (их доля в рабочей силе США в начале 80-х годов составляла чуть более 12%[26], а в начале 90-х опустилась до уровня менее 10%[27]), так и то, что такое снижение тем выраженнее, чем масштабнее само производство (как пока-

---

[23] Рассчитано по: Statistical Abstract of the United States. 1980. Wash., 1981. P. 441; Statistical Abstract of the United States. 1982-1983. P. 394; Statistical Abstract of the United States. 1986. P. 410, 433; Statistical Abstract of the United States. 1989. P. 422; Statistical Abstract of the United States. 1992. P. 403; Statistical Abstract of the United States. 1994. P. 447; Statistical Abstract of the United States. 1995. P. 424, 452.

[24] См.: *Forse M., Langlois S.* (Eds.) Tendances comparées des sociétés post-industrielles. P., 1995. P. 72, 73.

[25] См.: Statistical Abstract of the United States. 1982-1983. P. 394; Statistical Abstract of the United States. 1986. P. 410; Statistical Abstract of the United States. 1992. P. 403; Statistical Abstract of the United States. 1995. P. 424.

[26] См.: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984. P. 5.

[27] См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution, or A History of the Future. N.Y.-Tokyo, 1991. P. 240.

зали расчеты Т.Сакайи, на промышленных предприятиях, применяющих труд более ста работников, непосредственно производственными операциями заняты не более 60% персонала, но этот показатель падает до 55% на предприятиях с числом занятых более тысячи[28]). Отсюда следует, что вторичный сектор становится производителем не столько материальных благ, сколько информации и технологий, и это радикально меняет как направления, так и структуру потоков материальных благ и услуг.

Другой процесс непосредственно связан с развитием «информационной экономики». Это понятие возникло в конце 50-х годов, и уже в начале следующего десятилетия некоторые авторы оценивали долю «knowledge industries» в валовом национальном продукта США в пределах от 29,0% [29] до 34,5% [30]. При всей условности подобных подсчетов нельзя не видеть двух тенденций, меняющих лицо современного производства. Во-первых, в течение последних 25 лет наиболее «знаниеемкие» отрасли сферы услуг (часто выделяемые в так называемые «четвертичный» и «пятеричный» секторы и включающие в себя здравоохранение, образование, исследовательские разработки, финансы и страхование и т.д.) обнаруживали самые высокие темпы роста занятости (так, в середине 90-х годов только в бизнес-услугах в США было занято 6 млн. человек[31] — почти столько же, сколько во всей строительной индустрии, применявшей труд немногим более 7 млн. работников[32]). Во-вторых, началось формирование отраслей, специфическим образом сочетающих формы материального производства и услуги на базе использования высоких технологий: речь идет о производстве программных продуктов, телекоммуникационных услугах и т.д. В 1994 году информационные услуги обеспечили около 10% внешнеторгового оборота развитых стран[33]; при этом объем рынка коммуникационных услуг достигает почти 400 млрд. долл., из которых на долю Соединенных Штатов приходится 41%[34], а сумма продаж информационных услуг и услуг по обработке данных составила в 1995 году 95 млрд. долл.[35], три четверти которых также приходятся на долю США[36]. Подобные примеры можно продолжить.

---

[28] См.: *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. P. 239.

[29] См.: *Bell D.* Sociological Journeys. Essays 1960-1980. L., 1980. P. 151-152.

[30] См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 11.

[31] См.: OECD Economic Surveys. United States. N.Y., 1996. P. 85-87.

[32] См.: OCDE Statistiques de la population active 1974-1994. P., 1996. P. 95.

[33] См.: World Economic and Social Survey 1996. P. 279.

[34] См.: OECD Communications Outlook 1995. P., 1995. P. 22.

[35] См.: World Economic and Social Survey 1996. P. 283.

[36] См.: *Barksdale J.* Washington May Crash the Internet Economy // Wall Street Journal Europe. 1997. October 2. P. 8.

Данный этап модернизации структуры общественного производства существенно отличается от предшествующего. На этот раз источник развития сферы услуг связан не столько с изменяющимися приоритетами потребителей, сколько с перестраивающимися *потребностями самого производства*. Сдвиги последних десятилетий отражают радикальные изменения не только в соотношении факторов производства, но в характере деятельности и мотивации его субъектов.

Таким образом, мы наблюдаем две ступени совершенствования структуры общественного хозяйства и, соответственно, развития стоимостных отношений. Первая знаменует собой достижение экономикой, основанной на стоимостных оценках, предела ее внутренних возможностей: с распространением принципов воспроизводимости и массовости на большинство потребительских услуг индустриальный тип хозяйства доказал свою способность ответить и на этот вызов со стороны потребителей. Вторая ступень, сменившая первую без серьезных внешних потрясений, знаменует преодоление индустриальной модели, которая продемонстрировала здесь всю иллюзорность своих возможностей: будучи способной отвечать на запросы человека-потребителя, она не в состоянии столь же адекватно удовлетворять потребности человека как творческого субъекта. Подняв потребление до определенного уровня, индустриальный тип производства исчерпал источник своего дальнейшего развития. Именно в этих условиях появились две предпосылки для преодоления традиционной роли стоимости: во-первых, информация и знания обрели роль важнейших производственных факторов и, во-вторых, стремление людей к их усвоению заменило присвоение материальных благ в качестве основного непосредственного мотива продуктивной деятельности.

Факторы современного хозяйственного прогресса

Технологическая революция конца XX века отличается от прежних переворотов в системе хозяйства не столько новым сочетанием факторов производства, сколько возникновением нового, ранее неизвестного условия экономического прогресса — условия, не только неотделимого от человека как субъекта *труда*, но и невоспроизводимого в той мере, в какой невоспроизводим человек как субъект *творчества*. Это — центральный пункт проблемы преодоления стоимостных отношений, но прежде, чем приступить к его рассмотрению, коснемся вопроса о месте и роли традиционных хозяйственных факторов, а также тех характерис-

тик информации и знаний, которые делают их уникальным условием современного производства.

Издержки производства традиционно рассматривались как важнейший компонент, конституирующий денежные оценки благ со стороны производства. В соответствии с этим экономисты никогда не пренебрегали анализом соотношения и взаимодействия *факторов производства*, определяющих уровень развитости хозяйственной системы. Между тем любая беспристрастная оценка современного положения дел неизбежно имеет своим результатом не столько обнаружение новой композиции естественных ресурсов, труда и капитала, сколько признание того, что все они не могут оцениваться сегодня иначе как второстепенные.

Рассмотренное в предыдущем разделе сокращение роли первичного сектора в современной экономике свидетельствует о том, в какой степени использование *земель* и спрос на *естественные ресурсы* испытали на себе технологические изменения последних десятилетий. Еще раз обратим внимание на то, что наиболее радикальные сдвиги сопровождали переход от первого этапа совершенствования производственной структуры ко второму; именно с середины 70-х годов наиболее активно идет процесс формирования основ экономики «нелимитированных ресурсов»[37], безграничность которых обусловлена не масштабом их добычи, а сокращением потребностей в них[38]. С 1973 по 1985 год валовой национальный продукт постиндустриальных стран увеличился на 32%, а потребление энергии — на 5%[39]; только между 1975 и 1987 годами при росте валового продукта более чем на 25% американское сельское хозяйство сократило потребление энергии в 1,65 раза[40]. Сокращение потребностей в материалах и сырье также не менее значительно. При выросшем в 2,5 раза национальном продукте Соединенные Штаты используют сегодня меньше черных металлов, чем в 1960 году[41]; с 1973 по 1986 год потребление бензина средним новым американским автомобилем снизилось с 17,8 до 8,7 л/100 км[42], а доля материалов в стоимости микропроцессо-

---

[37] См.: *Pilzer P.Z.* Unlimited Wealth. The Theory and Practice of Economic Alchemy. N.Y., 1990. P. 1-2.

[38] См.: *Gore A.* Earth in the Balance: Forging a New Common Purpose. L., 1992. P. 331.

[39] См.: *McRae H.* The World in 2020. P. 132.

[40] См.: *Cleveland C.J.* Natural Resource Scarcity and Economic Growth Revisited: Economic and Biophysical Perspectives // *Costanza R.* (Ed.) Ecological Economics. The Science and Management of Sustainability. N.Y., 1991. P. 308-309.

[41] См.: *Thurow L.* Head to Head. The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America. N.Y., 1993. P. 41.

[42] См.: *Weizsäcker E. U., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four: Doubling Wealth — Halving Resource Use. The New Report to the Club of Rome. L., 1997. P. 4-5.

ров, применяемых в современных компьютерах, не превышает 2%[43]. С каждым годом технологии позволяют не только использовать лимитированные естественными факторами природные ресурсы все более экономно, но и в ряде случаев вообще отказываться от их применения, заменяя их воспроизводимыми синтетическими материалами. В результате исчерпаемость ресурсов, казавшаяся вполне близкой, сегодня стала гораздо более отдаленной[44], а цены на сырье, только в первом полугодии 1997 года сократившиеся на 16% в годовом исчислении[45], находятся на более низком уровне, нежели когда бы то ни было ранее.

Не менее драматически обстоит дело и с другим важнейшим фактором производства — *трудом*. И наиболее принципиальное значение имеет не сокращение занятости в промышленности и первичном секторе, не тот факт, что в начале 90-х годов американское промышленное производство обеспечивалось лишь 40% того количества «синих воротничков», которое использовалось за пятнадцать лет до этого[46]; эти явления в значительной мере компенсируются ростом занятости в сфере услуг. Подлинными свидетельствами того, в какой степени «промышленность отделяется от труда»[47], служат, с одной стороны, разнонаправленная динамика прибыли компаний и заработной платы большинства их работников[48] и, с другой стороны, тенденция к снижению доходов низкоквалифицированного персонала и росту благосостояния выпускников колледжей[49] — закономерности, возникшие совсем недавно, однако позволяющие считать, что «*от этих тенденций не будет возврата назад*»[50]. Это означает, что человек во все большей степени выступает сегодня не *как субъект редуцируемой к абстрактному труду деятельности*, а *как носитель уникальных способностей,* процесс использования которых не может быть назван трудом в традиционном значении данного термина.

Капитал сталкивается с не менее радикальным вызовом, бросаемым ему технологическим прогрессом. В условиях, когда с 1980 по 1995 год объем памяти стандартного персонального компью-

---

[43] См.: *Drucker P.F.* The New Realities. Oxford, 1996. P. 116.

[44] См.: *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits: Global Collapse or a Sustainable Future? L., 1992. P. 67, 67-68.

[45] См.: Wall Street Journal Europe. 1997. July 14. P. 2.

[46] См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. N.Y., 1993. P. 72.

[47] *Drucker P.F.* The New Realities. P. 117.

[48] См.: *Weizsäcker E., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four. P. 279.

[49] См.: *Reich R.B.* The Workof Nations. Preparing Ourselves to 21st Century Capitalism. N.Y., 1992. P. 205-206; *Winslow Ch.D., Bramer W.L.* Future Work. Putting Knowledge to Work in the Knowledge Economy. N.Y., 1994. P. 230.

[50] *Winslow Ch.D., Bramer W.L.* Future Work. P. 230.

тера вырос более чем в 250 раз[51], его цена из расчета на единицу памяти жесткого диска снизилась между 1983 и 1995 годами более чем в 1 800 раз[52], а затраты на копирование информации уменьшились почти в 600 раз только за последние 15 лет, условия производства, ранее монополизированные капиталистическим классом, *стали доступны каждому работнику, способному обеспечить им адекватное применение.* Чертой современного общества является «тенденция к воссоединению труда и средств производства», в результате чего «тенденция к отделению капитала от труда заменяется на противоположную»[53]. В этих условиях *капитал* либо уступает место *организации* людей, принадлежащих скорее к когнитариату[54], либо *открывает простор для индивидуальной деятельности*, субъекты которой во все большей мере становятся подлинно независимыми от крупных корпораций[55].

История развития форм производства дает урок, который не усвоили (и не могли усвоить!) революционеры XIX века. То, что в течение последнего тысячелетия миром экономики управляли два основных ресурса — *земля и капитал,* — было столь же не случайно, как и то, что этим миром никогда не управлял *труд.* Ни земля, ни капитал не несли в себе той воспроизводимой природы, какую имел труд; и земля, и капитал были конечны и ограниченны, в то время как труд во все времена имелся в избытке и был самым доступным хозяйственным ресурсом. Именно поэтому сегодня субъекты *труда* остаются в стороне от магистрального направления прогресса, как бы ни хотелось марксистам обосновать противоположное. И так же, как в свое время капитал заменил землю в качестве ресурса, привлекавшего наибольший спрос при ограниченном предложении, так и сегодня «знания, будучи *редким* (курсив мой. — *В.И.*) производственным фактором, заменяют капитал»[56], причем ограниченность и редкость знаний являются ограниченностью и редкостью совершенно иного порядка, нежели у всех ранее известных ресурсов.

Информация и знания, понимаемые не как субстанция, воплощенная в производственных процессах или средствах производ-

---

[51] См.: *Forester T.* High-Tech Society. The Story of the Information Technology Revolution. Cambridge (Ma.), 1988. P. 2.

[52] См.: *Gates B.* The Road Ahead. N.Y.-L., 1996. P. 36.

[53] *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. P. 270.

[54] См.: *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilisation: The Politics of the Third Wave. Atlanta, 1994. P. 55.

[55] Так, в США к 1995 г. в домашних условиях работали более 20,7 млн. автономных специалистов и предпринимателей (см.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. Ten New Directions For the 1990's. N.Y., 1990. P. 331), что показывает масштабы распространения феномена, описанного О.Тоффлером в концепции «электронного коттеджа» (см.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 204-205).

[56] *Geus A., de.* The Living Company. Boston, 1997. P. 18.

ства (knowledge embodied in machines), а уже как непосредственная производительная сила (immediately productive force)[57], становятся важнейшим фактором современного хозяйства. Производящие знания и информационные продукты отрасли, традиционно относимые к «четвертичному» или «пятеричному» секторам экономики, ныне становятся первичным («primary», пользуясь терминологией М.Пората[58]) сектором, «снабжающим хозяйство наиболее существенным и важным ресурсом производства»[59]. Характерно, что, говоря о важности этого ресурса, сегодня мы имеем в виду не сугубо качественную характеристику; речь идет не столько о том, что не избыток или недостаток сырьевых ресурсов, труда или капитала, а «концепции, которые люди держат в своих головах, и качество доступной им информации определяют успех или неудачу предприятия»[60], сколько о том, что информационные издержки, как ранее затраты труда или капитала, становятся основными и в чисто количественном аспекте. В 1991 году в США впервые расходы на приобретение информации и информационных технологий, составившие 112 млрд. долл., стали больше затрат на приобретение производственных технологий и основных фондов, не превысивших 107 млрд. долл.[61] Рост значения информации настолько стремителен, что к началу 1995 года в американской экономике «при помощи информации производилось *около трех четвертей добавленной стоимости* (курсив мой. — *В.И.*), создаваемой в промышленности»[62].

Экспансия информации и знаний в качестве основного производственного ресурса представляется нам первым прямым направлением преодоления стоимостных отношений. Как фактор производства знания имеют такие свойства, которые резко выделяют их из других условий производства: в них противоречиво сочетаются подлинная безграничность с редкостью высшего уровня, объективный характер с беспрецедентным субъективизмом, невоспроизводимость с тиражируемостью; неэкономическая мотивация их обретения вызывает очевидные и вполне экономические по своей сути последствия.

Системные исследования информации проводились еще в первой половине столетия, однако ее оценки как фактора произ-

---

[57] См.: *Stehr N.* Knowledge Societies. P. 101.

[58] См.: *Porat M.U.* The Information Economy: Definition and Measurement. US Dept. of Commerce. Wash., 1977.

[59] *Drucker P.F.* The Age of Discontinuity. P. 264.

[60] *Stonier T.* The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. L., 1983. P. 17.

[61] См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 20-21.

[62] Ibid. P. 14.

водства начались в середине 50-х годов. По мере развертывания технологической революции внимание к этому кругу вопросов все более обострялось, и со второй половины 70-х многие ученые заговорили о становлении «информационного» общества как о некоей данности. Мы не будем останавливаться сейчас на вопросе об обоснованности самого термина, отметим лишь, что, говоря об информации как о факторе производства, имеем в виду не простую совокупность сведений и данных, а ведем речь прежде всего о возможностях, непосредственно воплощенных в человеке, владеющем соответствующими методами и знаниями. Что же касается роли и значения информационной революции, то они заключены главным образом в том, что преодолено характерное для экономического общества разделение знаний (knowledge) и умений (skills)[63], а усвоение и применение кодифицированной информации стало одним из основных видов и направлений человеческой активности.

Информация и знания всегда использовались в производстве; между тем именно сегодня, когда они занимают доминирующее место в организации национального хозяйства, становится понятной мера их исключительности.

Уникальность информации как производственного фактора обусловлена заключенной в ней *дихотомией распространенности и редкости, неисчерпаемости и конечности.* Ни одно из ранее известных условий производства не отличалось подобным сочетанием соответствующих свойств и характеристик.

Тому, что информация не имеет свойства *редкости*, есть несколько причин. *Во-первых*, хотя информация, создаваемая в условиях товарного хозяйства, может выступать объектом собственности и обмена, и в этом качестве ее распространение может ограничиваться и осуществляться на условиях, определяемых правами собственности на нее[64], подобные ограничения относятся лишь к достаточно специфическим ее видам и оставляют широкие возможности для распространения информации, на основе которой генерируются новые знания[65]; при этом само право собственности на информацию не только не противоречит возможности ее максимального распространения, но предполагает та-

---

[63] Подробнее об этом феномене см.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 27.

[64] Характерно, что авторское право начало формироваться в Европе с середины XV века, во времена, когда еще не были законодательно закреплены многие права третьего сословия (см.: *Machlup F.* Knowledge: Its Creation, Distribution, and Economic Significance. Vol. III: The Economics of Information and Human Capital. Princeton (NJ), 1984. P. 159).

[65] См.: *Mulgan G.J.* Communication and Control: Networks and the New Economics of Communications. Oxford, 1991. P. 174.

ковое как источник дохода владельца такого права. *Во-вторых*, потребление информации тождественно формированию нового знания; как отмечают многие исследователи, «знания расширяются и саморегулируются... они наращиваются по мере использования. Таким образом, в экономике знаний редкость ресурсов заменена на их распространенность»[66]. В этом контексте очевидно, что распространение информации тождественно ее самовозрастанию, исключающему применение к этому феномену понятия редкости. *В-третьих*, к информации не может быть отнесена такая характеристика, как потребляемость в традиционном смысле данного термина. Использование информации приводит к появлению новой информации и нового знания, не ограничивая при этом возможностей других членов общества синхронно применять для собственных целей ту же самую информацию, которая «долговечна и сохраняет стоимость после использования... Знания... могут быть использованы не только личностью, достигшей их, но и теми, кто ознакомился с составляющей их информацией»[67]. И наконец, *в-четвертых*, современная технологическая революция сделала информацию наиболее легко тиражируемым благом, создание дополнительного количества которого требует издержек, стремящихся к нулю и возлагаемых в большинстве случаев на самого ее потребителя[68].

Учитывая это, многие исследователи пришли к выводу, что «информация обладает характеристиками *общественного блага*»[69], если понимать под таковым «нечто такое, чем дополнительно может воспользоваться человек, не увеличивая издержек производства»[70]; последнее, однако, прямо предполагает, что «с технической или концептуальной точки зрения ничто не может измерить стоимость таких благ в рыночных терминах»[71]. Таким образом, сама распространимость и определенного рода нелимитированность информации обусловливают невозможность стоимостной оценки как ее самой, так, следовательно, и продуктов, в создании которых она играет доминирующую роль.

---

[66] *Crawford R.* In the Era of Human Capital. The Emergence of Talent, Intelligence, and Knowledge as the Worldwide Economic Force and What It Means to Managers and Investors. L.-N.Y., 1991. P. 11.

[67] *Nicholson W.* Microeconomic Theory: Basic Principles and Extensions. Fort Worth, 1995. P. 286.

[68] См.: *Poster M.* The Mode of Information. Poststructuralism and Social Context. Cambridge, 1996. P. 73.

[69] *Nicholson W.* Microeconomic Theory: Basic Principles and Extensions. P. 286.

[70] *Machlup F.* Knowledge: Its Creation, Distribution, and Economic Significance. Vol. III. P. 163.

[71] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 118.

Информация имеет и другое свойство, на которое гораздо реже обращают внимание. Говоря о неисчерпаемости и безграничности информации и знаний, экономисты и социологи не замечают того, что как производство, так и потребление информации представляют собой субъект-субъектные процессы. Это означает, что потенциально информация может быть доступна огромному количеству людей, но в то же время не быть реально усвоена ими. Потребление информации не ограничивает возможностей ее использования другими членами общества, однако сам этот процесс обусловлен наличием у человека специфических способностей. Данное свойство информации мы называем ее *избирательностью*; однако нельзя не подчеркнуть, что она может быть рассмотрена не столько как отрицание редкости, сколько как ее высшее проявление.

Таким образом, для экономического анализа актуально сегодня сосредоточиться не только на объективных характеристиках факторов производства, но и на субъективных качествах участвующих в этом процессе людей. Именно на этом уровне впервые можно говорить о том, что человек перестает быть субъектом *труда* как рациональной деятельности, затраты которой прямо пропорциональны ее результатам, и становится субъектом *творческих* процессов, значимость которых не может быть оценена в экономических категориях.

Итак, возрастание роли и значения информации как фактора производства радикально модернизирует процесс образования издержек производства. Несмотря на то что материальные носители информации легко *тиражируемы*, обладающие ею люди остаются уникальными и *невоспроизводимыми*. Издержки по распространению материализованной информации весьма невелики и могут быть квантифицированы; в то же самое время ценность заключенного в носителях кодифицированного знания не может быть определена даже приблизительно. В этой ситуации мы имеем дело с радикальным подрывом фундаментальных основ традиционных стоимостных оценок. К такому выводу можно прийти, рассуждая с позиций как неоклассической теории факторов производства, так и трудовой теории стоимости. Поскольку в производстве информации из информации продукт имеет ту же специфическую природу, что и сам фактор, и фиксирование складывающейся в результате взаимодействия спроса и предложения рыночной цены заключенного в информации знания невозможно, то и неоклассическое определение вклада единицы фактора в издержки производства через его предельный продукт в денежном выражении теряет всякий смысл. С точки зрения трудовой теории стоимости существенными становятся два факта: с одной стороны, издержки производства информации и знания стано-

вятся неисчислимыми, так как деятельность по их созданию уже не может рассматриваться как один из видов труда; с другой стороны, процесс тиражирования не является воспроизводственным процессом в собственном смысле слова, следовательно, *затраты труда на воспроизводство блага*, выступающие объективной стороной стоимостного отношения, становятся в условиях информационной экономики совершенно иррациональным понятием, не только не способным получить количественной оценки, но и внутренне противоречивым. С того момента, как тиражируемый объект перестает быть аналогом первоначального блага, *неисчислимость издержек производства* дополняется *утратой процессом воспроизводства своей традиционной экономической формы.*

Радикальные перемены произошли не только в соотношении, но и в характере взаимодействия факторов производства. Если одно из его условий не характеризуется теперь традиционно понимаемой редкостью, издержки не коррелируют с результатами производства столь непосредственно, как это имело место ранее; все осталось по-старому лишь в отраслях массового производства и добывающем секторе, роль которых с каждым годом снижается.

В условиях, когда информация и знания — эти сущности, не получающие адекватной объективации вне владеющего ими человека, — становятся основным производственным фактором, проблема стоимости утрачивает свой прежний *экономический* характер и становится во все возрастающей мере *социологической* проблемой[72]. Это подтверждается, в частности, тем, что инкорпорирование проблем информационного хозяйства в рамки современной экономической теории нельзя признать успешным. Периодом зарождения экономической теории информации (economics of information) считают начало 60-х годов, когда ее основы были заложены в статье Д.Стиглера[73]. В течение 60-х — 80-х годов это направление отмечено большим количеством работ, среди которых особенно заметны публикации Д.Стиглица[74] и К.Эрроу[75], а также

---

[72] См.: *Etzioni A.* The New Golden Rule. Community and Morality in a Democratic Society. N.Y., 1996. P. 104.

[73] *Stigler G.J.* The Economics of Information // Journal of Political Economy. Vol. LXIX. June 1961. No 3. P. 213-225.

[74] *Stiglitz J.* Information and Competition Price System // American Economic Review. Vol. 66. 1976. Proceedings. P. 246-253. *Stiglitz J.* Information and Economic Analysis: A Perspective // Economic Journal. 1984. Supplement. P. 22-41.

[75] *Arrow K.* The Production and Distribution of Knowledge // *Silverberg G., Soete L.* (Eds.) The Economics of Growth and Technical Change: Technologies, Nations, Agents. Aldershot Hants, England-Brookfield, Vt., USA, 1994. P. 9-19; *Arrow K.* The Economics of Information // *Dertouzos M.L., Moses J.* (Eds.) The Computer Age: A Twenty-Year View. Cambridge (Ma.), 1979. P. 306-317.

фундаментальные труды Ф.Махлупа[76]. Выдвинутые в русле этого направления положения сводятся в большинстве к анализу факторов, влияющих на *цену* информации, рассматриваемую в частных случаях — в ситуации неопределенности, асимметрии информации, морального риска и т.п. При этом современные экономисты осознанно уходят от констатации того, что их наука, «основанная на концепции редкости... где стоимость соотносит редкость с полезностью»[77], не дает ответа на вопрос о стоимостной оценке нелимитированных благ. Попытки определить цену информации, связывая ее с ценами товаров, производство которых основано на использовании этой информации, все чаще приводят к выводу, что исчислимость цен товаров мало что дает для понимания цены и стоимости информации[78].

Актуальность этого круга проблем подтверждается также масштабностью попыток пересмотра традиционных макроэкономических показателей: еще в 60-е годы Д.Белл начал разработку так называемой Системы социальных счетов[79]; позднее ряд специалистов обратились к проблеме оценки «интеллектуального капитала» промышленных компаний и других социальных институтов[80]; очередной ступенью стала развернувшаяся в последнее десятилетие радикальная критика показателя валового национального продукта и других связанных с ним стоимостных по своей природе индикаторов[81].

---

[76] *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton (NJ), 1962; *Machlup F.* Knowledge: Its Creation, Distribution, and Economic Significance. Vol. I: Knowledge and Knowledge Production. Princeton (NJ), 1980; Vol. III: The Economics of Information and Human Capital. Princeton (NJ), 1984; *Machlup F., Mansfield U.* (Eds.) The Study of Information. N.Y., 1983.

[77] *Mulgan G.J.* Communication and Control. P. 174.

[78] См.: *Drucker P.F.* Managing in a Time of Great Change. Oxford, 1997. P. 234.

[79] См.: *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. N.Y., 1967. No 7. P. 116-118; *Bell D.* The Idea of a Social Report // The Public Interest. N.Y., 1969. No 15. P. 72-84; *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 324-337.

[80] См.: *Hudson W.J.* Intellectual Capital: How to Build It, Enhance It, Use It. N.Y., 1993; *Brooking A.* Intellectual Capital. L., 1996; *Stewart T.A.* Intellectual Capital. The New Wealth of Organisations; *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. Realizing Your Company's True Value by Finding Its Hidden Roots. N.Y., 1997, и др.

[81] Относительно недостатков показателя ВНП и альтернативных предложений см.: *Gore A.* Earth in the Balance. P. 183-184, 189; *Weizsäcker E.U., von.* Earth Politics. L.-Atlantic Highlands (NJ), 1994. P. 127; *Daly H.E., Cobb J.B., Jr.* For the Common Good. Boston, 1989; *Jackson T., Marks N.* Measuring Sustainable Economic Welfare. Stockholm, 1994; *Cobb C., Halstead T., Rowe J.* Redefining Progress: The Genuine Progress Indicator, Summary of Data and Methodology. San Francisco, 1995.

Таким образом, рассматривая материальную сторону производства, мы сталкиваемся с *невозможностью исчисления издержек* при производстве продукта и с *устранением необходимости воспроизводства* как с двумя основными факторами, препятствующими квантификации стоимостных оценок. Эта ситуация дополняется и тем, что в современных условиях люди руководствуются в своих предпочтениях совершенно новыми мотивами и ценностями, которые сегодня только становятся предметом осмысления социологов и философов. Однако прежде чем рассматривать субъективную составляющую стоимости, остановимся на тех переменах, которые произошли во внутреннем мире *человека как субъекта производства.*

Становление новой мотивации

Две ступени совершенствования структуры общественного хозяйства, о которых мы говорили выше, отличаются одна от другой не в последнюю очередь тем, какой тип мотивов определяет деятельность человека как субъекта производства.

В традиционном экономическом обществе большинство людей движимо утилитарными мотивами и стимулами, базирующимися на необходимости удовлетворения материальных потребностей. Значение этой констатации трудно переоценить; благодаря именно такому характеру мотивации успешно функционировали производственные системы, поддерживалось равновесие между социальными классами и группами, обеспечивался возрастающий хозяйственный динамизм. Во второй половине нашего столетия положение стремительно меняется под воздействием трех основных факторов: во-первых, предшествовавший рост благосостояния обеспечил столь высокий уровень жизни значительной части населения развитых стран, что стремление к совершенствованию собственной личности стало доминировать в системе ценностей все более широкого круга людей; во-вторых, развитие новых производственных форм, требующих усвоения все большего количества информации, вызывает настоятельную потребность в постоянном повышении образовательного уровня и накоплении новых знаний, что постепенно превращает данный процесс в саморазвертывающийся и самоцельный; в-третьих, в обществе, основанном на наиболее совершенных производственных методах, обладание информацией и способность продуцирования новых знаний становятся сегодня столь же важным источником социального признания и столь же необходимым условием включен-

ности человека в состав доминирующих социальных групп, каким была в условиях индустриального общества собственность на материальные богатства.

Относительно *первого* фактора следует заметить, что повышение материального благосостояния создает скорее потенциальные, чем реальные предпосылки для становления новой мотивационной системы. Освобождая человека от необходимости постоянного поиска средств для удовлетворения материальных потребностей, оно создает основу для перехода от традиционных материальных ценностей (material needs) к выходящим на первое место человеческим потребностям (human needs)[82], рассматриваемым во всем их многообразии, но не вызывает немедленного доминирования новой системы ценностей в масштабах общественного целого. Как подчеркивает Р.Ингельгарт, система предпочтений и ориентиров конкретного человека, как правило, формируется еще в начале жизни и впоследствии меняется крайне редко[83]; это приводит к тому, что доля людей с явно выраженными «постматериалистическими» ориентирами увеличивается по мере смены поколений, вступающих в жизнь с новыми ценностными установками[84]. Однако это не умаляет значения данного фактора, ибо с ростом числа людей, освобождающихся от «материалистических» мотивов, возникает новая социальная страта, объединяющая лиц, которые, «даже меняя свою работу... не меняют своих экономических и социальных позиций [и поэтому] не принадлежат к пролетариату и не могут быть эксплуатируемы как класс»[85], в силу чего «должны быть управляемы таким образом, как если бы они были членами добровольных организаций»[86]. В результате мотивационная система, в 70-е годы названная «постматериалистической» («post-materialist»)[87], сегодня все чаще обозначается уже как «постэкономическая» («post-economic»)[88], что точнее соответствует осознанию все более значительной частью общества своих интересов не в терминах максимизации присваиваемых благ, а в категориях внутреннего интеллектуального роста и развития.

---

[82] См.: *Toffler A.* Future Shock. N.Y., 1971. P. 220-221.

[83] См.: *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton (NJ), 1977. P. 54-55.

[84] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (NJ), 1990. P. 100.

[85] *Drucker P.F.* The New Realities. P. 22-23, 23.

[86] Drucker on Asia. A Dialogue Between *Peter Drucker* and *Isao Nakauchi.* Oxford, 1997. P.148.

[87] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 253.

[88] См.: *Toffler A.* The Adaptive Corporation. Aldershot, 1985. P. 100.

Говоря о *втором* из отмеченных нами факторов, следует подчеркнуть, что нарастание потребности в усвоении все новых знаний делает эту тенденцию устойчивой и самовоспроизводящейся. Впервые данный феномен был отмечен в массовом масштабе после Второй мировой войны[89], когда обозначились признаки исключительно быстрого роста числа работников в управленческом и информационном секторах[90]; значение, придававшееся в тот период этому обстоятельству, прекрасно иллюстрируется тем, что фактически четверть знаменитой работы Д.Белла посвящена детальному анализу процесса распространения знаний и информации в американском обществе и сопутствующим этому социальным изменениям[91]. Это, несомненно, не менее важное, нежели повысившееся материальное благосостояние, условие становления новой мотивационной системы. Когда на первое место среди достоинств работника выходят объем и качество знаний, которыми он владеет, подготавливаются все необходимые условия, чтобы центральная роль в производственном процессе сместилась от информации к воображению[92], что вызывает к жизни ситуацию, в которой «за деньги не продаются больше солидарность и смысл деятельности»[93]. Возникающее на этой основе стремление к автономности быстро превращается в центральный элемент всей современной социальной трансформации[94], является важнейшим средством отрицания прежних отношений[95].

Третьим фактором мы назвали осознание возможности самоутвердиться в современном социуме через обладание знаниями. Знание становится сегодня не только важнейшим источником той свободы, в которой воплощено стремление «к удовлетворению и возвышению личности»[96], но и наиболее сильным и в то же время наиболее демократическим источником власти над обществом[97]. В современном обществе стремление людей к самореа-

---

[89] См.: *Nisbet R.* The Future of the University // *Lipset S.M.* (Ed.) The Third Century. America as a Post-Industrial Society. Chicago, 1979. P. 312.

[90] См.: *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. New Brunswick (USA)-L., 1996. P. 117; *Nelson J.I.* Post-Industrial Capitalism. Exploring Economic Inequality in America. Thousand Oaks (Ca.)-L., 1995. P. 22, и др.

[91] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 165-266.

[92] См.: *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1980. P. 351.

[93] *Habermas J.* The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge, 1995. P. 363.

[94] См., напр.: *Castoriadis C.* Gesellschaft als imaginäre Institution. Entwurf einer politischen Philosophie. Frankfurt/M., 1984. S. 129ff.

[95] См.: *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1997. P. 205-206.

[96] *Bell D.* The Coming of Post-Indistrial Society. P. 12.

[97] См.: *Toffler A.* Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1990. P. 19.

лизации вызывает заметные изменения социальной иерархии и структуры. Именно преодоление материальной мотивации, а не нарастание информационной составляющей современного хозяйства, как это полагают О. и Г. Тоффлер[98], приводит к смягчению и устранению противостояния буржуазии и пролетариата, и это позволяет утверждать, что «рабочий класс в том виде, как он рассмотрен в "Капитале" Маркса, больше не существует»[99]. В этих условиях, однако, не только теряет свои значение и роль класс низкоквалифицированных работников, но формируются предпосылки нового типа социального конфликта, основа которого лежит в обостряющемся противостоянии между представителями материалистической и постматериалистической мотивационных парадигм[100]. С того момента, как подобная квазиклассовая градация становится достаточно устойчивой, *формирование надутилитарной мотивации само оказывается уже не столько возможностью, вытекающей из стремления человека к самореализации, сколько необходимостью, диктуемой условиями его жизни в постэкономическом обществе.* Круг замыкается, и новая социальная данность обретает самовоспроизводящийся характер.

Проблема изменяющейся мотивации имеет, однако, гораздо более комплексный характер, нежели это может показаться на первый взгляд. Помимо того, что деятельность, в значительной мере связанная с применением и производством информации и знаний, имеет своим результатом невоспроизводимые блага, издержки производства которых не могут быть определены даже приблизительно, сама она, не будучи мотивированной экономическими факторами, вообще не является источником создания благ, обладающих экономическими характеристиками. Как мы отмечали, *понятие стоимости*, обусловленное соотнесением полезностей и усилий, то есть актуальной потребности и средств, необходимых для ее удовлетворения, *имеет смысл только в ситуации, когда человек рассматривает преодоление внешних материальных обстоятельств в качестве своей основной задачи.* Рассматривая формирующийся новый тип деятельности как не определяемый стремлением к удовлетворению материальных потребностей, мы изначально приходим к пониманию того, что он *не создает и не может создавать стоимость.* Объективные основы стоимостного отношения преодолеваются только вместе с преодолением мате-

---

[98] См.: *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilisation: The Politics of the Third Wave. P. 55.

[99] *Renner K.* The Service Class // *Bottomore T.B., Goode P.* (Eds.) Austro-Marxism. Oxford, 1978. P. 252.

[100] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 285-286, 161; *Drucker P.F.* The New Realities. P. 183, 184.

риально мотивированной деятельности; именно поэтому роль изменяющегося характера человеческой активности исследуется нами столь же подробно, как и технологические факторы, делающие большинство создаваемых в современном обществе благ невоспроизводимыми, а издержки по их созданию — неисчислимыми.

* * * * *

Подытоживая, мы могли бы несколько схематически представить процесс деструкции объективной составляющей стоимостного отношения происходящим на двух уровнях — формальном и сущностном — в два этапа.

Когда речь идет о *формальном уровне*, это означает, что нарастание технологических изменений, формирующиеся новые предпочтения потребителей и становление знания и информационных ресурсов в качестве основного фактора современного производства обусловливают технологическую (задаваемую чисто объективными факторами) либо консумационную (вызываемую искусственной ограниченностью спроса) невоспроизводимость того или иного блага. Результатом становится невозможность определения стоимости через воспроизводственные затраты. Существенно также, что утрачивается возможность исчислять не только издержки воспроизводства аналогичного блага, но и затраты, требующиеся для создания его самого; это обусловлено в первую очередь несводимостью интеллектуального труда, воплощающегося в создании нового знания, к другим видам деятельности. Таким образом, *формальному уровню деструкции стоимостных отношений* в производственном аспекте *соответствует* формирующаяся *неквантифицируемость затрат, необходимых для создания того или иного блага. Не устраняя стоимость* как таковую, этот феномен в значительной мере *преодолевает количественную определенность стоимостного обмена.*

Говоря о *сущностном уровне* подрыва стоимостного отношения, мы имеем в виду гораздо более сложную совокупность явлений, базирующихся на меняющейся мотивации человеческой деятельности. Этот процесс знаменует собой радикальный качественный сдвиг; будучи основан на снижающейся актуальности материальных потребностей, он предполагает диссимиляцию как основания, традиционно лежавшего в основе стоимостного отношения, так и труда. В первом случае важно обратить внимание на то, что, будучи свободным от материальных мотивов, творчество не конституирует себя как субстанцию, противостоящую внешним полезностным характеристикам; во втором случае не-

обходимо видеть невозможность обозначения надутилитарно мотивированной деятельности как труда в том его качестве, в котором он способен порождать объективные основания стоимостного отношения. На этом уровне уже *невозможно говорить о модификации* данной стороны стоимости; *речь может идти только об ее устранении*, а коль скоро устраняется одна из сторон отношения, прекращается существование и его самого как целого.

Как было отмечено, преодоление объективной составляющей стоимостного отношения происходит в *два этапа*.

Первый этап связан с *нарушением той унифицированности потребления и производства*, которая была характерна для индустриальной эпохи. На этом этапе основная роль принадлежала человеку как субъекту потребления, стремящемуся вырваться из заданных производством пределов. Последнее не означает, что мы имеем дело только с противостоянием сфер производства и потребления; в самом производстве его субъект также выступает в качестве потребителя, так что рассматриваемый процесс гораздо более широк, чем это может показаться на первый взгляд. Однако даже с учетом этой оговорки остается справедливым то, что на данном этапе движущей силой перемен был человек как субъект потребления, инициировавший соответствующие изменения в производственной сфере. Уже сам этот факт делает понятным всю условность преодоления стоимостных отношений на первом этапе: ситуация, характеризующаяся давлением потребления на производство, заведомо отмечена противостоянием этих двух сфер, которое, как мы уже отмечали, и порождает стоимостное отношение. Поэтому первый этап в целом ознаменован лишь *количественным* подрывом стоимостных пропорций, не затрагивающим *качественной* стороны стоимости; хронологически мы ограничиваем его, с одной стороны, наиболее глобальным экономическим кризисом 1929—1932 годов, с другой — становлением основ постиндустриального строя в середине 70-х.

Второй этап начался со второй половины 70-х годов и характеризовался в первую очередь тем, что быстрое развитие потребностей и способностей людей стало обусловлено факторами производственного, а не потребительского характера. Именно качества человека как субъекта производства провоцируют его стремление к знаниям, ставят на главное место в шкале социальных ценностей способности к созданию нового знания и усвоению кодифицированной информации и т.д. На этом этапе наметилось и приобрело нарастающую динамику сокращение того разрыва между производством и потреблением, который во все времена определял само существование стоимостного отношения. Материальное производство и материальное потребление вообще выходят за рамки человеческих интересов, определяющих основы

системы мотивации, тогда как нематериальное производство и потребление, становясь лишь сторонами процесса самосовершенствования личности, не предполагают того противостояния, которым производство и потребление характеризовались со времен становления экономической эпохи. В этом отношении сущностью второго этапа является качественное устранение самих предпосылок и основ стоимостного отношения.

Между тем любое исследование изменений, происходящих в современном производстве, не дает полного представления о трансформации стоимостного отношения, так как остается без внимания не менее важная составная его часть — та, которую выше мы называли полезностью.

Деструкция стоимости со стороны потребления

Роль полезностных оценок в формировании стоимостного отношения не менее важна и существенна, чем роль производственных факторов. При этом один из самых показательных хозяйственных парадоксов состоит в том, что именно сегодня, когда производство имеет статус несомненной доминанты хозяйственного развития, полезность не только не утрачивает своего прежнего значения, но занимает совершенно особое место в ряду факторов, определяющих социальные процессы.

Причина этого заключена в характере деятельности современного человека. В условиях экономического общества, когда основной задачей людей оставалось обеспечение своего материального существования, производство не только противостояло потреблению как автономная сфера, но и совершалось в условиях, когда фактически любое материальное благо обладало полезностью и могло быть потреблено если не его создателем, то другими членами общества. В этой ситуации полезность оставалась как бы фоном, а количественная величина стоимости определялась прежде всего издержками производства. В постэкономическом обществе положение меняется: безграничная экспансия производства, предполагающая возможность его увеличения без пропорционального роста затрат труда и ресурсов, делает малозначимой квантификацию издержек, тем самым передавая полезностным факторам роль прерогативы в количественном измерении стоимостных пропорций. Таким образом, *когда издержки* по созданию того или иного блага *перестают быть* значимым фактором, *способным ограничить масштабы его производства, главная роль в определении величины стоимости продукта закрепляется за его полезностными оценками.*

Однако парадоксальность современного положения вещей не в полной мере отражена этими обстоятельствами. Ситуация, отмеченная возможностью безграничного наращивания количества производимых благ, характеризуется также и снижающейся возможностью определения стоимости продуктов, не обладающих редкостью. Массовое производство материальных благ если и не становится все более независимым от сферы материального потребления, то по крайней мере замыкается вместе с ним в рамках сектора, не определяющего основных направлений хозяйственного прогресса. Между тем индивидуальная полезность отдельных невоспроизводимых благ приобретает особое значение, отражая уже не столько реальную потребность общества в таковых, сколько субъективные желания каждого человека, связанные с развитием его личности. Но последнее как раз представляет собой ту единственную форму, которую обретает производство в исторических рамках постэкономической эпохи. Таким образом, мы приходим к выводу, что стремление к присвоению благ, обладающих субъективной полезностью, столь свойственное сегодняшнему человеку, подтверждает преодоление того разрыва между производством и потреблением, который и порождал стоимостные оценки; следовательно, утверждение полезностных регуляторов в качестве основы количественного определения стоимости не столько знаменует собой новую ступень в ее развитии, сколько символизирует окончание эпохи господства рыночных отношений.

Индивидуальные издержки и субъективная полезность

При попытках оценить стоимость со стороны потребления неизбежно возникает вопрос об основных характеристиках потребностей (needs) современного человека в тех или иных благах. Он имеет два существенно различающихся по своему значению аспекта.

С одной стороны, изменение мотивационной структуры человеческой деятельности приводит к преодолению привычного разрыва между производством и потреблением, традиционно считавшегося фундаментальной основой не только стоимостных отношений, но и товарного производства как такового. Признание рынка как «прямого неизбежного следствия отделения производителя от потребителя»[101] не должно дополняться утверждением

[101] *Toffler A.* The Third Wave. P. 278.

о том, что «товары, произведенные на основе такого разделения... не могут непосредственно после производственного процесса стать потребительными стоимостями; для их превращения в таковые требуется выход во внешнюю среду с целью создания возможности непрерывного производства и общего воспроизводства системы капитала»[102]. Совершенно очевидно, что деятельность, объединяющая в себе черты как производства, так и потребления, и создающая вещные и нематериальные блага лишь в той мере, в какой они обеспечивают самосовершенствание личности, не создает продукты как такие потребительные стоимости (use-values), иной стороной которых неизбежно выступает меновая стоимость (exchange-value).

Современные социологи отметили данный феномен, указав на то, что новое содержание полезности заключено не столько в универсальной потребительной стоимости продукта, сколько в его высокоиндивидуализированной символической ценности (sign-value); по их мнению, «постмодернистская культура... [не только] в большей мере способствует потреблению благ как "символических ценностей", чем как потребительных стоимостей»[103], но и изменяет сам характер потребления, которое Ж.Бодрийяр называет *consumation* в противоположность традиционному французскому *consommation*[104]. Между тем понятие символической ценности кажется нам несколько более комплексным, чем его обычно представляют; мы вернемся к этому вопросу несколько позже, сейчас же ограничимся лишь констатацией того, что восстановление внутреннего единства производства и потребления безусловно приводит к радикальным изменениям в природе и характере стоимостных оценок.

С другой стороны, имеет место феномен, в значительной мере основывающийся на тех же хозяйственных и социологических изменениях, что и формирование символической ценности, однако принимающий совершенно иные формы. Речь идет о престижном, или статусном, потреблении и других видах симулированных потребностей. По нашему мнению, это явление более низкого порядка и степени сложности, чем становление символической ценности. Анализ симулированных потребностей основан в первую очередь на противопоставлении needs и wants, предполагающем, что первые отражают уже прошедшие социологизацию потребности, которые «заставляют нас рассматривать потребительское

---

[102] *Mészàros I.* Beyond Capital. Towards a Theory of Transition. L., 1995. P. 539.

[103] *Lash S.* Sociology of Postmodernism. L.-N.Y., 1990. P. 40.

[104] См.: *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign. P. 58.

поведение как социальный феномен»[105], в то время как вторые, хотя и могут становиться объектом социального прогнозирования, основаны на субъективных стремлениях личности к самовыражению в потреблении[106]. Можно утверждать, что они определяют важные черты социального состояния, часто называемого «обществом потребления» и знаменующего собой одно из проявлений экономического строя в условиях, когда импульсы к самореализации уже становятся серьезным фактором социального развития, но еще не проникают в сферу производства.

Когда рассматривается проблема симулированных потребностей, чаще всего говорят о феномене фетишизма потребительной стоимости, предполагающего возможность влияния социума на потребности, ибо, «если бы потребности имели единственную реально выраженную причину, было бы абсурдно говорить о фетишизме»[107]. Называя сущности, возникающие в результате такого влияния, символическими ценностями (symbolic values)[108], Ж.Бодрийяр совершенно справедливо отмечает их относительную несравнимость друг с другом[109]. Между тем неоднократно подчеркивается, что фетишизм потребительной стоимости характерен прежде всего для «потребительского общества», сложившегося в западных странах после Второй мировой войны, то есть на протяжении периода, в течение которого вследствие индивидуализации потребностей росло производство уникальных благ, и на этом фоне он, пусть и с некоторыми оговорками, действительно может рассматриваться как нечто не менее важное, чем фетишизм меновой стоимости в конце XIX века. Подобно тому как для экономистов проблематично *количественное определение* стоимостей в условиях распространения индивидуализированного производства и потребления, современные социологи обращают внимание на утрату возможности «исчисления стоимости подобных объектов в квантифицируемых единицах цены или общей полезности»[110].

Феномен символической ценности хотя и рассматривается как одна из форм проявления полезности, следующая за потребительной стоимостью, подразумевается как более сущностным, так и более глобальным. Нельзя не отметить ни мнения М.Фуко, связы-

---

[105] *Baudrillard J.* Consumer Society. P. 36-37.

[106] Подробнее см.: *Best S., Kellner D.* Postmodern Theory: Critical Interrogations. Houndmills-L., 1991. P. 114-115.

[107] *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign. P. 69.

[108] См.: *Baudrillard J.* Symbolic Exchange and Death. L.-Thousand Oaks, 1995. P. 3.

[109] См.: *Baudrillard J.* For a Critique of the Political Economy of the Sign. P. 65, 69.

[110] *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. P. 14.

вающего одно из условий возникновения символической ценности с тем, что во все времена «богатство представляет собой систему знаков, которые созданы, преумножены и модифицированы человеком»[111], ни позиции Ж.Бодрийяра, прямо противопоставляющего символическую ценность не только потребительной, но и меновой стоимости[112]. В соответствии с комплексным пониманием символической ценности как феномена, не только логически, но и исторически замещающего потребительную и меновую стоимость в качестве основного мотива производства, исследователи выделяют три этапа в истории развития стоимостных отношений по признаку доминирования той или иной субстанции на каждом из них; при этом отмечается возможность формирования основ четвертого, наиболее совершенного этапа. По мнению Ж.Бодрийяра, «после натуральной, товарной и структурной стадий стоимость проходит *фрактальную* (курсив мой. — *В.И.*) стадию. На первой из них господствовали натуральные отношения, и представления о стоимости возникали на основе естественного восприятия мира. Вторая базировалась на всеобщем эквиваленте, и стоимостные оценки складывались в соответствии с логикой товара. Третья стадия управляется кодом, и стоимостные оценки здесь представляют собой набор моделей. На четвертой, фрактальной стадии *стоимость не имеет совершенно никакой точки опоры* (курсив мой. — *В.И.*) и распространяется во всех направлениях, занимая все промежутки без какой бы то ни было основы... На фрактальной стадии не существует больше никакой эквивалентности — ни натуральной, ни всеобщей... мы не можем более вообще говорить о “стоимости”»[113].

Таким образом, мы хотим обратить внимание на то, что разделение потребительной стоимости и символической ценности достаточно широко признано среди социологов, однако не получило должной поддержки среди экономистов. И то и другое вполне объяснимо: современные философы рассматривают мотивы и цели человека как во все большей мере определяющие и потребление, и производство, а экономисты стремятся, как и ранее, объяснять складывающиеся на рынке уровни цен, исходя из взаимодействия традиционных факторов, и полагают, что любые их изменения могут скорее привести к модификации стоимостных отношений, чем к их полному преодолению[114]. Такой подход представляется нам безнадежно устаревшим.

---

[111] *Foucault M.* The Order of Things. P. 205.

[112] См.: *Baudrillard J.* In the Shadow of the Silent Majorities, or The End of the Social and Other Essays. N.Y., 1983. P. 44-45.

[113] *Baudrillard J.* The Transparency of Evil. Essays on Extreme Phenomena. N.Y., 1996. P. 5.

[114] См.: *Handy Ch.* The Hungry Spirit. Beyond Capitalism – A Quest for Purpose in the Modern World. L., 1997. P. 161.

Соглашаясь с теми, кто рассматривает символическую ценность как феномен, свидетельствующий о новом этапе развития производственной и социальной структур современного общества, мы хотели бы дать несколько иные определения явлений, свойственных последним десятилетиям эволюции стоимостных отношений.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что в степени, в какой несводимая к абстрактному труду деятельность интеллектуального работника создает неквантифицируемые издержки производства, индивидуализированное статусное потребление, в котором человек выражает себя как уникальная личность, формирует неквантифицируемую полезность потребляемых благ. Как никто не может воспроизвести (а не скопировать) созданное человеком новое знание, так никто не может признать предметом широкого потребления ту полезность, которую несет то или иное благо для конкретного потребителя. Данное свойство предметов статусного потребления углубляет процессы, связанные с экспансией знаний и информации как основного ресурса производства, и усугубляет количественную неисчислимость стоимостных характеристик продукта.

Во-вторых, современная структура мотивов человеческой деятельности такова, что некая определенная полезность имеет неизмеримо большую ценность для одного конкретного человека, чем для большинства других, а некоторые полезности вообще не подвержены объективации вне конкретного человека. Такие полезности не могут быть учтены в теории стоимости; их формирование происходит в условиях, когда человеческая деятельность уже не соизмеряется с активностью других людей не столько по формам и результатам, сколько по мотивам и предпосылкам. Полномасштабное развитие это явление получит лишь в обществе, основной формой деятельности в котором будет творчество; именно тогда будут лишены всякого смысла рассуждения о модификациях стоимости и речь пойдет о полном устранении ее экономического характера и замене ее иными оценками, однако перспективы такой ситуации отчетливо просматриваются уже сегодня.

Реалии современной экономической жизни делают необходимым отказ от традиционного противопоставления конкретного труда, создающего потребительную стоимость, абстрактному труду, создающему стоимость. Подобная дихотомия могла быть и была актуальной тогда, когда двойственная природа труда, соединявшего в себе эти два процесса, казалась вполне очевидной. Однако она не должна была претендовать на тот всеобъемлющий характер, который приобрела в рамках марксистской доктрины, и первым заметным пределом на ее пути является тот историчес-

кий период, когда виды конкретного труда, несводимого к «абстрактной затрате физических и умственных усилий», становятся столь многочисленны, что их экспансия начинает представлять собой уже не исключение из некоего правила, а явную закономерность.

Специфика соизмерения издержек и полезностей на различных этапах развития стоимостного отношения может быть представлена следующим образом.

Первый этап соответствует классическому индустриальному обществу, в котором любая деятельность мотивирована утилитарным образом, любой продукт может быть воспроизведен в неограниченном количестве, издержки на производство каждой дополнительной его единицы не отличаются радикальным образом от издержек по производству прежних единиц того же продукта, а субъекты рынка ориентированы на потребление унифицированных благ, не имея явно выраженных предпочтений и максимизируя полезность продукта при минимизации цены. В этой, и только этой, ситуации классическая теория стоимости отражает реальное положение дел. Любой вид труда сводим к абстрактному труду, а полезность производимого продукта отражает возможность использования его широким кругом лиц. В таком случае *общественные издержки*, соотносясь с *общественной полезностью*, конституируют стоимость в классическом смысле данного понятия и делают возможной ее квантификацию.

Второй этап соответствует началу преодоления закономерностей индустриального строя. В данном случае фактически любая производственная деятельность может быть признана утилитарно мотивированной, любой продукт может быть предложен рынку в неограниченном количестве, однако, во-первых, потребности перестают быть столь унифицированными, как ранее, во-вторых, труд широкого круга работников не может быть сведен к простому труду и квантифицирован в единицах абстрактного труда и, в-третьих, создание дополнительного числа единиц того или иного блага зачастую означает его тиражирование, а не воспроизводство, в результате чего издержки могут радикально отличаться от издержек по созданию оригинального блага. В данной ситуации как издержки, так и полезности утрачивают свой универсальный общественный характер и становятся *индивидуальными потребностями и издержками*. В этом понятии мы пытаемся выразить то, что ни потребности, ни издержки не обязательно должны сводиться к общественным категориям, но еще могут быть представлены как их модификации. Стоимостные характеристики не получают здесь прежней четкой квантификации, но сохраняют свое значение как регуляторы производства. Такое положение соответствует тому *периоду становления постиндустриального об-*

щества, для которого характерна трансформация потребительских предпочтений.

Третий этап отражает специфику современного периода становления постиндустриального общества. В этих условиях определяющее значение имеют снижение роли материальной мотивации и качественно новый характер результата деятельности. Сама деятельность не только становится несводимой к абстрактному труду количественно, но и в качественном отношении теряет всякое с ним сходство. Основным мотивом деятельности становится самосовершенствование, а ее непосредственным результатом — характеристики личности. Таким образом, можно говорить уже не столько об *индивидуальных* издержках и полезности, сколько о *субъективных* издержках и *субъективной* полезности продукта. Объектом потребления действительно становится система знаков, и в этом отношении можно согласиться с социологами, обозначающими современный период как *период доминирования символической ценности*. Он завершает экономическую эпоху, и мы не считаем необходимым детально исследовать здесь ту систему отношений, которая приходит ему на смену.

Таким образом, анализ модификации категории полезности дает нам возможность по-новому осмыслить преодоление стоимостных оценок. Мы считаем уместным еще раз подчеркнуть единство протекания процессов деструкции стоимости как со стороны производственных факторов, так и со стороны развития системы потребностей; по мере того, как уменьшается количество видов конкретного труда, сводимого к абстрактным затратам рабочей силы, увеличивается количество полезностей, которые уже не конституируют потребительных стоимостей, воплощавших в себе универсальные общественные полезности времен индустриального строя. Понятие стоимости социологизируется сегодня не только в том аспекте, что люди производят то, что они более всего ценят[115], но и в том, что именно признание за определенным благом определенной ценности делает таковое действительно ценным[116]. Последнее же приводит к тому, что иррациональные оценки начинают распространяться не только на все более широкую номенклатуру материальных и нематериальных благ, но также и на человеческие качества, на самих субъектов производства и на составляющие общество организации и институты.

---

[115] См.: *Hampden-Turner Ch., Trompenaars F.* Mastering the Infinite Game. How East Asian Values are Transforming Business Practices. Oxford, 1997. P. 10.

[116] См.: *Brooking A.* Intellectual Capital. P. 181.

Интеллектуальный капитал: субъективные оценки неосязаемых активов

Значение субъективных оценок возрастает в современном хозяйстве не только при определении ценности потребительских благ и услуг. В информационной экономике по мере превращения информации и знаний в наиболее эффективный фактор производства субъективные оценки активно вторгаются в балансовые отчеты фирм. Если полезность всегда играла большую или меньшую роль в формировании основы рыночной цены товара, выступая главным атрибутом потребительского спроса, то распространение иррациональных представлений о ценности на активы компаний представляется новым феноменом, вполне логично вытекающим из общих закономерностей становления экономики знаний.

Информация и знания, эти специфические по своей природе и формам участия в производственном процессе факторы, в рамках фирм принимают облик *интеллектуального капитала.* В отличие от хорошо знакомых экономистам, бухгалтерам и бизнесменам легко осязаемых основных и оборотных активов, таких, как земля, оборудование, сырье, деньги, интеллектуальный капитал почти невидим и неосязаем. «Это знание, которым владеют работники; это электронная сеть, позволяющая корпорации реагировать на изменение рыночной ситуации быстрее конкурентов; это партнерство компании и клиента, укрепляющее связи между ними и вновь и вновь привлекающее потребителя»[117]. Иными словами, интеллектуальный капитал представляет собой нечто вроде «коллективного мозга», аккумулирующего научные и обыденные знания работников, интеллектуальную собственность и накопленный опыт, общение и организационную структуру, информационные сети и имидж фирмы. Все элементы интеллектуального капитала могут быть рассмотрены как факторы, от которых в той или иной степени зависит создание богатства современного общества.

Очевидно, что составляющие интеллектуального капитала неоднородны. Несмотря на то что все они порождены человеческим интеллектом, одни из них существуют в виде знаний, неотделимых от обладающих ими людей, а другие образуют своего рода объективные условия применения этих знаний для повышения конкурентоспособности фирмы. В связи с этим специалисты в области теории интеллектуального капитала и его практического использования выделяют в нем две крупные составные части: *человечес-*

---

[117] *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. X.

кий капитал (human capital), воплощенный в работниках компании в виде их опыта, знаний, навыков, способностей к нововведениям, а также в общей культуре, философии фирмы, ее внутренних ценностях, и *структурный капитал* (structural capital), включающий патенты, лицензии, торговые марки, организационную структуру, базы данных, электронные сети и прочие объективные факторы[118].

Основное различие между этими составными частями заключается в том, что если человеческий капитал, будучи в полном смысле неосязаемым фактором, неотделим и неотчуждаем от тех, кому он принадлежит, и не может быть скопирован или воспроизведен ни в одной другой организации, то структурный капитал в целом или его отдельные элементы, обретающие объективное существование, могут быть скопированы, воспроизведены или отчуждены в пользу иной фирмы или даже отдельной личности.

Деление интеллектуального капитала на человеческий и структурный имеет принципиальное значение для определения источника ценности этого наиболее важного для современного общества ресурса. Поскольку обе его составляющие участвуют в производстве, то обе они и определяют ценность компании, что должно отражаться в бухгалтерских документах.

Стоимость элементов структурного капитала легко обнаружить в балансе фирмы в виде ряда статей, обычно обозначенных как «капитализированные затраты на научно-исследовательские и конструкторские разработки или цена, уплаченная за отдельные права интеллектуальной собственности в виде лицензии или патента»[119]. Приобретаемые права собственности, лицензии, патенты, базы данных и т.п. в полной мере становятся активами фирмы, отраженными в балансе как ее основные средства.

Однако определение ценности человеческого капитала не столь традиционно. Оно зависит от необходимости принятия во внимание одного очевидного момента: человеческим капиталом фирма не может распоряжаться по собственному усмотрению, так как он ей не принадлежит; «фундаментальная особенность человеческого капитала состоит в том, что люди могут быть наняты, но не приобретены в собственность»[120]. Это, казалось бы, простейшее утверждение приводит к парадоксальному выводу: *человеческий капитал не может быть отнесен не только к собственным средствам фирмы, но и вообще не может быть рассмотрен как одна из статей ее акти-*

---

[118] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P. 11; *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 79, 107.

[119] *Crawford R.* In the Era of Human Capital. P. 154.

[120] *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 101.

вов; он может считаться лишь временно привлеченными средствами, принадлежащими к пассивам подобно долговым обязательствам и выпущенным акциям[121], и вследствие своей неосязаемости не может быть подвержен традиционным стоимостным оценкам.

Что же противостоит человеческому капиталу как части пассивов? «В соответствии с правилами счетоводства это долговое обязательство уравновешивает лишь *добрая воля*»[122] (курсив мой. — *В.И.*) — вера акционеров в успех компании, приверженность клиентов выбору продукции именно этой фирмы, то доверие, которое укрепляет связи между производителем и потребителем.

Между тем «добрая воля» есть не что иное как *субъективные оценки неосязаемых активов фирмы* покупателями ее товаров и агентами фондовых рынков. Они всецело зависят от индивидуальных предпочтений, отражающих как реальное повышение конкурентоспособности компании, так и навеянные рекламными акциями субъективные представления о нем. Так или иначе, «добрая воля» становится основным критерием, лежащим в основе рыночной цены компании и, подобно человеческому капиталу, не может быть определена путем калькуляции объективных стоимостных показателей.

В связи с этим поиск инструментов и методик определения стоимости человеческого капитала вызывает «большой интерес и большой скептицизм»[123], избежать которого тем сложнее, чем насущнее и невыполнимее выглядит задача инкорпорирования в традиционную бухгалтерию субъективных оценок. Современные разработчики теории интеллектуального капитала предлагают судить о них по ряду косвенных показателей, имеющих денежное измерение.

Наличие у современных фирм неосязаемых активов и пассивов проясняет многократное превышение рыночной цены компании, исчисленной как произведение цены одной акции на общее их число, над балансовой стоимостью ее осязаемых активов. Размеры этого превышения дают общее представление о величине «доброй воли»[124].

Д.Петерсон и Т.Паркинсон из Северо-Западного университета (США) предложили иной вариант определения стоимости невидимых активов через подсчет превышения прибыли компании, имеющей человеческий капитал, над прибылью компании, которая применяет те же осязаемые активы, но не использует нео-

---

[121] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P. 43-44.
[122] Ibid. P. 43-44.
[123] *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 222.
[124] См.: *Crawford R.* In the Era of Human Capital. P. 154-155.

сязаемых факторов[125]. К примеру, при прочих равных условиях прибыль фирмы, обладающей торговой маркой, создающей соответствующий имидж, выше, чем у ее конкурентов.

В качестве показателя использования интеллектуального капитала в целом применяется «коэффициент Тобина», разработанный лауреатом Нобелевской премии Дж.Тобином и отражающий отношение рыночной стоимости актива к его восстановительной стоимости. Для интеллектуального капитала этот коэффициент больше единицы. «Когда коэффициент Тобина очень высок, компания получает экстраординарные прибыли от использования этого вида активов... [что является] неплохим доказательством очевидных преимуществ интеллектуального капитала: вы и ваши конкуренты используете примерно одинаковые постоянные активы, но один из вас имеет нечто отличное — людей, системы, покупателей, — и это приносит больше денег»[126].

Однако все отмеченные методики и многие другие активно разрабатываемые в наши дни подходы к определению стоимости интеллектуального и, в частности, человеческого капитала не совершенны, ибо ориентированы на суждение о субъективных предпочтениях по динамике денежных показателей. Это несовершенство напоминает порочный круг, в который в прошлом веке впали представители австрийской школы в экономической теории, определявшие субъективную ценность благ через объективно сложившиеся на рынке цены. Если тот порочный круг был разорван теоретиками неоклассического направления путем синтеза теории предельной полезности и теории издержек, то для нахождения методов оценки интеллектуального капитала в балансе фирм потребуется обратный ход, нацеленный на поиск сочетания хорошо известных объективных стоимостных показателей и субъективных индивидуальных оценок.

Острота поставленной проблемы кажется еще более очевидной при переходе от микроэкономического анализа к макроэкономическому, поскольку неадекватность показателей микроуровня ведет к искажению счетов национальной статистики и объективных представлений о динамике экономического развития.

Проблема оценки современных компаний в связи с анализом человеческого, или интеллектуального, капитала как фактора повышения их рыночной цены имеет, на наш взгляд, и иную сторону, которая рассматривается гораздо реже. Речь идет об отклонении оценок той или иной компании от ее реальных активов исключительно из-за субъективных ожиданий участников рынка.

---

[125] См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 227.

[126] Ibid. P. 226.

Пример наиболее устойчивого повышения роли таких ожиданий являет американская экономика. С начала 70-х годов тенденция к опережающему росту рыночных оценок корпораций по сравнению с их реальными активами приобрела стабильный характер, на который не влияют даже циклические колебания экономики. Если накануне кризиса 1973—1975 годов среднее отношение рыночной стоимости к балансовой для американских компаний составляло 0,82, то уже через двадцать лет оно выросло более чем в два раза, достигнув значения 1,69[127].

Утверждение о том, что главным источником такого превышения выглядит приверженность компаний развитию совершенных технологий и укреплению своего интеллектуального потенциала, является несколько односторонним. С одной стороны, легко заметить устойчивую зависимость, существующую между тем, насколько высокотехнологичной является основная деятельность корпорации, и тем, в какой степени ее рыночная оценка превосходит ее балансовую стоимость: если в деловых и социальных услугах, здравоохранении, радиовещании и издательском бизнесе, производстве электронной техники и обработке информации реальные активы компаний, как правило, не достигают и трети их рыночной цены, то в традиционных отраслях — металлообработке, автомобилестроении, различных направлениях добывающей промышленности — подобный показатель нередко составляет четыре пятых[128]. С другой стороны, эти средние величины не отражают того очевидного обстоятельства, что главным источником разрыва служит индивидуальная деятельность руководства каждой из компаний, обеспечивающая ее акционерам высокую прибыль и повышающая рыночные ожидания относительно ее перспектив. Если рассмотреть основные отрасли американской экономики между 1982 и 1992 годами, можно увидеть, что среднегодовые доходы акционеров превышали 30% у таких корпораций, как «Си-Си-Эс», «Уол-Март Сторз», «Грейт Лейкс Кемиклз», «Купер Таер энд Раббер», «Ю-Эс-Ти», «Беркшир Хатавей» и «Кока-Кола»[129]; первые две представляли оптовую и розничную торговлю, тогда как все остальные — сектор материального производства.

Можно без всяких натяжек утверждать, что наибольшую цену имеют компании, которым *удается создать у потенциального инвестора иллюзию* того, что их рост и развитие, столь успешное в течение последних лет, имеет все основания не приостановиться

---

[127] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P. 5.

[128] См.: *Sveiby K.E.* The New Organizational Wealth. Managing and Measuring Knowledge-Based Assets. San Francisco, 1997. P. 6.

[129] См.: *McTaggart J.M., Kontes P.W., Mankins M.C.* The Value Imperative. Managing for Superior Shareholder Returns. N.Y.-L., 1994. P. 28.

в ближайшем будущем. Этому есть как минимум два доказательства. *С одной стороны*, становится весьма заметным значение отдельных важных успехов компании, отражающих сохранение или даже рост ее конкурентоспособности, для быстрого изменения рыночной оценки ее акций. Три года назад объявление фирмы «Майкрософт» о выходе на рынок с программой Windows 95 обеспечило такой рост ее акций, который всего за четыре дня сделал рыночную стоимость компании большей, нежели рыночная стоимость «Боинга» — крупнейшего американского экспортера[130]; в прошлом, 1997 году «Боинг», сохранивший позиции крупнейшего экспортера, пропустил вперед и «Компак», акции которого в третьем квартале выросли на 88% ввиду начала серийного производства нового микропроцессора[131]. *С другой стороны*, практика показывает, что в каждом хозяйственном секторе наиболее высокие рыночные оценки демонстрируют компании, успехи которых сочетаются с их относительно недавним присутствием на соответствующем рынке. Если рассмотреть в качестве примера электронную промышленность и производство информационных продуктов, то весьма показательными представляются соотношения рыночной цены и балансовой стоимости корпораций, составляющие 0,45:1 для «Ай-Би-Эм»; 1,35:1 для «Хьюлет-Паккард»; 2,8:1 для «Интел»; 9,5:1 для «Майкрософт»; 10,2:1 для «Рейтерс»; 13:1 для «Оракл» и 60:1 для «Нетскейп» [132]; между тем было бы ошибочным полагать, что результат «Ай-Би-Эм» свидетельствует о низкой эффективности компании — инвестированные в нее в начале 50-х годов 10 тыс. долл. в начале 80-х оценивались более чем в 13 млн.[133]

Мы не зря говорим об *иллюзии* успешной деятельности компании. Не пытаясь принизить успехи наиболее высокооцениваемых корпораций, обратим внимание на то, что само понимание результатов деятельности руководства фирмы сегодня существенно иное, нежели несколько десятилетий назад. «Создание акционерной стоимости», которое иногда рассматривается в качестве главной задачи руководства фирмы, все чаще достигается за счет «программ создания стоимости», позволяющих увеличить рыночную капитализацию компании в результате частных мер, способствующих изменению ее имиджа; последние получили название стоимостных драйверов (value drivers)[134] и, по оценкам ряда авторов, способны

---

[130] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y., 1997. P. 22.

[131] См.: *Ip G.* Smaller Shares Loom Larger on Wall Street // Wall Street Journal Europe. 1997. October 2. P. 16.

[132] См.: *Sveiby K.E.* The New Organizational Wealth. P. 7.

[133] См.: *Cannon T.* Corporate Responsibility. L., 1992. P. 141.

[134] См.: *McTaggart J.M., Kontes P.W., Mankins M.C.* The Value Imperative. P. 288, 23, 193.

обеспечить рост рыночной цены большинства компаний от 50 до 100% в течение двух-пяти лет. В современных условиях инвестиции в ценные бумаги корпораций, отражающие представления об их рыночной цене, ориентированы прежде всего на ожидание роста подобных оценок, а не на получение прибыли от деятельности соответствующих фирм, как то представлялось в условиях индустриального общества. Именно поэтому акции «Нетскейп», основанной в начале 1994 года и обладавшей фондами в 17 млн. долл., применявшей труд немногим более пятидесяти работников и *не имевшей прибыли от своей деятельности*, только на протяжении 1995 года подорожали с 28 до 130 долл., доведя рыночную оценку компании до 3 млрд. долл.[135] Аналогичные ожидания, возникшие в связи с объявлением «Майкрософт» о начале продаж Windows 95, в значительной мере были сопряжены с самой дорогой в истории компьютерного бизнеса рекламной кампанией, обошедшейся корпорации в 250 млн. долл.[136]

Разрыв между субъективными оценками стоимости компаний и реальными показателями ценности их активов еще заметнее в условиях слияния и поглощения корпораций, где в наиболее «чистой» форме проявляется субъективная заинтересованность одного рыночного субъекта в другом. Достаточно вспомнить, что в 1995 году противостояние «Ай-Би-Эм» и «Майкрософт» при покупке компании «Лотус» привело к росту ее цены до 3,5 млрд. долл. при том, что фонды корпорации были оценены в 230 млн.[137] В течение последних десятилетий подобные ситуации становятся не исключением из правила, а самим правилом; как показывает британская статистика, реальная цена средней сделки по покупке компании, в 1976 году превышавшая предварительную оценку соответствующей корпорации в среднем на 1%, в 1987 году отклонялась от таковой уже почти в полтора раза[138]. Таким образом, современные процессы на финансовых рынках свидетельствуют о доминирующей роли субъективированных полезностей как факторов оценки компаний, все менее связанной с реальными процессами производства материальных и нематериальных благ. В условиях, когда основой оценки становится даже не *текущая*, а *потенциальная субъективная полезность блага*, цены определяются уже не совокупностью известных и наблюдаемых факторов, а чередой обстоятельств, которые невозможно ни прогнозировать, ни сколь-либо определенно охарактеризовать[139]. Соответственно и риски, воспри-

---

[135] См.: *Morrison I.* The Second Curve. Managing the Velocity of Change. L., 1996. P. 62.
[136] См.: *Sveiby K.E.* The New Organizational Wealth. P. 116.
[137] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P. 2, 34, 2-3.
[138] См.: *Brooking A.* Intellectual Capital. P. 176.
[139] См.: *McTaggart J.M., Kontes P.W., Mankins M.C.* The Value Imperative. P. 67.

нимавшиеся как очевидный негатив в условиях индустриального хозяйства, становятся не только неизбежным спутником, но и самим содержанием рыночной активности[140].

Все эти обстоятельства фокусируются в беспрецедентном отрыве финансового и фондового рынков от реального хозяйственного развития, особенно заметном в последние десятилетия, когда «деньги, вместо того чтобы быть мерилом стоимости, стали почти в каждой развитой стране «козырной картой» в политической, социальной и экономической игре»[141]. Так, с 1977 по 1987 год рост промышленного производства в США не превысил 50%, в то время как рыночная стоимость акций, котирующихся на всех американских биржах, выросла почти в пять раз[142]; коррекция, происшедшая в октябре 1987 года, составила, однако, не более 20%. На протяжении следующего десятилетия экономический рост был ниже, однако прежнее достижение на фондовом рынке было повторено: к августу 1997 года индекс Доу-Джонса вырос в 4,75 раза, увеличившись вдвое только с начала 1996 года*. Если в 1992 году «финансовые активы ведущих стран Организации экономического сотрудничества и развития были равны 35 трлн. долл., что вдвое превышало объем производимой ими продукции, [то ожидается], что к 2000 году общая сумма финансовых активов достигнет 53 трлн. долл. в постоянных ценах, что доведет подобное превышение до трех раз»[143].

Следует признать, что эти тенденции не могут быть преодолены в обозримом будущем не столько потому, что исходящие от них опасности не получают адекватной оценки, сколько потому, что они вполне соответствуют принципиальному направлению подрыва традиционных стоимостных отношений. Субъективизация оценок на фондовых рынках становится сегодня самовоспроизводящимся процессом. *С одной стороны*, это обусловлено активностью трейдеров, нарастающей еще более быстрыми темпами, нежели темпы роста фондовых индексов. Так, между 1979 и 1987 годами количество участников торгов на Нью-Йоркской фондовой бирже и суммарный капитал брокеров выросли более чем в

---

[140] См.: *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity. L.-Thousand Oaks, 1992. P. 46.

[141] *Drucker P.F.* Managing in Turbulent Times. Oxford, 1993. P. 155.

[142] См.: Statistical Abstract of the United States. 1994. Wash., 1994. P. 528.

* Эти тенденции еще более заметны на примере индекса S&P 500, отражающего движение акций пятисот крупнейших американских корпораций. Для того чтобы вырасти вдвое — с 62,5 до 125 пунктов, — ему потребовался период с февраля 1961 по август 1980 года, то есть почти двадцать лет; удвоение с 250 до 500 пунктов заняло уже менее девяти лет, а отметку в 1000 пунктов он перешагнул 2 февраля 1998 года, увеличившись в два раза всего за 35 месяцев (см.: *Norris F.* S&P Index Marks Its Own Millennium // International Herald Tribune. 1998. February 4. P. 13).

[143] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 232.

десять раз[144]; объемы торгов растут еще более непропорционально: если *в течение всего 1960 года* на Нью-Йоркской бирже перешло из рук в руки 776 млн. акций, то накануне краха в октябре 1987 года объем торговли достигал уже 900 млн. акций *в неделю*[145], между тем 28 октября 1997 года, когда был зафиксирован рекордный объем сделок, 1,2 млрд. акций были проданы в течение одной *торговой сессии*[146]. Рост оборота торгов и специфика групп трейдеров порождают дополнительные факторы неопределенности; так, с точки зрения традиционной логики, совершенно необъяснимо снижение американских фондовых индексов в связи с крахом рынка в Юго-Восточной Азии, затрагивающим в первую очередь наиболее опасных конкурентов американских производителей. *С другой стороны*, разрушается связь движения цен акций с такими традиционными факторами, как прибыль корпораций и уровень процентных ставок. Движение фондовых индексов происходит сегодня скорее вопреки обычным закономерностям, чем в соответствии с ними: так, бум первой половины 90-х годов происходил в условиях, когда реальная прибыль держателей облигаций американского казначейства составляла 8,2% годовых[147], достигая уровня, выше которого она поднималась лишь накануне краха 1929 года; период с конца июля 1996 года по конец июля 1997 года стал не менее уникальным, будучи отмечен ростом всех основных американских фондовых индексов — DJIA, DJ US Market, NYSE Composite, NASDAQ Composite и Value Line — в пределах от 31,2 до 37,8%[148] одновременно с повышением курса доллара по отношению к основным мировым валютам, что не могло не ухудшать позиций американских производителей. При этом если в 70-е годы дивиденды приносили держателям акций в среднем от 7 до 11% годового дохода, то сегодня соответствующий показатель по наиболее высоколиквидным бумагам не превышает 2%, что делает ожидания дальнейшего спекулятивного роста *единственным стимулом к их приобретению*.

Между тем нельзя не обратить внимание на другую важную проблему, возникающую при анализе движения современного фондового рынка. Если, например, в ходе экономических кризисов вплоть до 1973 года нельзя было не заметить высокой корреляции между движениями на фондовом рынке и реакцией производственного сектора, то в последние годы она явно снижается. В 1986—1989 годах валовой национальный продукт США обнаружи-

---

[144] См.: *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Cambridge (Ma.)-Oxford (UK), 1995. P. 335.

[145] См.: *Reich R.B.* The Work of Nations. P. 193.

[146] См.: Wall Street Journal Europe. 1997. October 29. P. 16.

[147] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 232.

[148] См.: *Ip G.* Smaller Shares Loom Larger on Wall Street. P. 16.

вал устойчивую тенденцию к росту, повышаясь в среднем на 3,3% в год (в частности, на 3,1% в 1987 году)[149], при том, что падение фондового индекса в октябре 1987 года было почти таким же, как при крахе, положившем начало кризису и стагнации конца 20-х — начала 30-х годов, в течение которого страна пережила падение ВНП на 24%. Анализируя ситуацию конца 1987 года, Ж.Бодрияйр писал: «Что стало в результате этого кристально ясно, так это расхождение между нашими представлениями о том, какой должна быть экономика, и тем, какова она есть. Именно это огромное несоответствие и защищает нас от реальной катастрофы производственной системы»[150]. Этот совершенно справедливый тезис имеет, однако, и обратную сторону. Действительно, биржевые катаклизмы все меньше влияют на реальную хозяйственную динамику, но и последняя уже не должна рассматриваться как достаточное условие предотвращения таких катаклизмов; высокая конкурентоспособность американской промышленности и обнадеживающие макроэкономические показатели не предотвратили почти десятипроцентной коррекции фондовых индексов осенью 1997 года. Между тем тенденции современной экономики таковы, что сектор, связанный с движением этих иллюзорных показателей, становится важнейшим местом приложения сил и важнейшим источником существования для все возрастающего числа людей, и сам по себе крах финансовой сферы, даже не влекущий соответствующего спада производства, может привести к не меньшим социальным потрясениям, чем кризис промышленности. Сегодняшняя субъективистская экономика теряет прежнюю связь с реальным объективным хозяйством, но, утрачивая ее, она *сама становится данностью, определяющей материальный прогресс современного общества.*

Таким образом, происходит сложное переплетение различных по своей природе оценок. Как отдельные материальные или нематериальные блага, так и способности человека, представленные в виде «интеллектуального капитала», а в последнее время во все возрастающей степени и социальные институты оцениваются в привычной денежной форме, не обладая при этом той стоимостью, которая всегда считалась содержанием таковой. Данные тенденции не могут быть преодолены, ибо они отражают объективный процесс становления постэкономического общества; главный же вопрос заключается в том, может ли переход от прежней системы оценок к новой, сегодня совершенно неопределенной, не затронуть фундаментальных основ социального равновесия.

---

[149] См.: Statistical Abstract of the United States. 1995. Wash., 1995. P. 451.

[150] *Baudrillard J.* The Transparency of Evil. P. 26.

Преодоление рыночных тенденций в контексте становления постэкономического общества

В современном хозяйстве человек достигает того, что богатство, которое раньше создавалось в значительной мере его собственным трудом, производится в результате технологических процессов, фактически не требующих его участия. С каждым годом в формировании богатства участвует все больше факторов; с освоением автоматических процессов производство материальных благ требует все меньшего вмешательства человека; с развитием промышленного применения неисчерпаемых источников энергии, таких например, как энергия Солнца, богатство приумножается непосредственно силами природы. Однако лишь в этом аспекте можно утверждать, что сегодня не только человеческий труд, но и информация и силы природы участвуют в формировании общественного богатства.

Оказывается, что информационные блага и высококвалифицированная деятельность воздействуют на цену товаров отнюдь не в той степени, в какой это могло бы происходить в традиционных условиях. Товары, созданные в значительной мере благодаря информации, порожденные автоматическими производственными процессами или неисчерпаемыми энергетическими источниками, выходят сегодня на рынок, объединяя в себе три компонента стоимости: во-первых, традиционную ценность материальных факторов производства; во-вторых, ценность информации, которая воплощена в создавших их технологиях, и, в-третьих, общественные представления о стоимости материальных благ, являющихся традиционными предметами массового потребления. Таким образом, отрасли, потребляющие, а не производящие информацию, создают продукт, конституирующий меньшую долю общественного богатства, но обладающий большей стоимостью, чем продукт информационного сектора. Последнее и объясняет, во-первых, тот факт, что цена конечного информационного продукта оказывается низкой, ибо она является единственным условием конкурентоспособности и повышения доли подобных благ в общем потреблении, и, во-вторых, переоцененность информационных компаний, так как промышленный капитал, присваивающий значительные ценности, способен инвестировать их в отрасли, создающие реальное богатство.

Все эти процессы отражают становление основ постэкономической эпохи. Фундаментальная трансформация системы общественного производства заключается в том, что люди, на протяжении своей истории создававшие богатство, затрачивая свой труд и преодолевая сопротивление природы, сегодня выходят за пределы процесса материального производства, в котором богатство

может быть производимо без их непосредственного участия. Удовлетворение материальных потребностей человека без увеличения затрат труда служит важнейшей предпосылкой преодоления основополагающей роли материальных интересов и устранения самого труда как деятельности, обусловленной материальными потребностями. Таким образом, вопрос о существовании или преодолении стоимости теряет самостоятельное значение и рассматривается уже в контексте преодоления рыночного производства и развития постэкономического общества.

Обоснованность такого подхода подтверждается, на наш взгляд, и характером современных концепций рыночного хозяйства. Несмотря на то что в большинстве исследований категория стоимости полагается фактически вечной, анализ перспектив развития цивилизации в рамках этих исследований приводит к вполне определенным выводам о неизбежности преодоления рыночных тенденций и системы товарного производства как таковой. Мы рассматриваем подобные факты лишь как дополнительное свидетельство того, что стоимость в ее традиционном понимании уже не является значимой категорией современного хозяйства.

Развитие рыночного хозяйства происходило на протяжении всей эпохи существования экономического общества. Будучи естественным следствием разделения труда, обмен его продуктами стал первой формой равноправных отношений в рамках классовых обществ, оказался сферой, в которой экономические интересы индивидов получили простор для своей реализации. По мере того как товарные трансакции принимали все более регулярный характер и становились неотъемлемым элементом хозяйственных связей, частные материальные интересы оказывались все сильнее связаны с результатами подобного обмена. В итоге рыночная система по достижении ею зрелого уровня оказалась полностью подчинена целям отдельных индивидов и управляема индивидуальными стремлениями и мотивами. Именно поэтому она способна удовлетворять интересы групп людей и отдельных общин только в тех пределах, в каких это представляется необходимым для более эффективного достижения целей отдельных рыночных субъектов; изменение этих внутренних ее черт невозможно, так как «рынок по определению ориентирован на индивидуального потребителя и управляется им»[151].

Все развитие экономической эпохи может быть поэтому рассмотрено как становление рыночной системы, достижение ею своего зрелого состояния и ее неизбежный упадок[152].

---

[151] *Drucker P.F.* Concept of the Corporation. New Brunswick (US)-L., 1993. P. 253.

[152] См.: *Иноземцев В.Л.* Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996.

На восходящем этапе товарное хозяйство выступало пусть не как самый заметный, но как самый важный источник эволюции производства, как обладающее свойствами саморазвития и самодостаточности отношение, которое медленно, но верно разрушало господствовавшую неэкономическую систему. Как говорит О.Тоффлер, «подобно тому как самые ранние формы разделения труда дали первый толчок прежде всего развитию торговли, так и само существование рынка способствовало дальнейшему разделению труда и привело к резкому повышению производительности, положив начало саморазвивающемуся процессу»[153]. Главной вехой на пути развития товарного производства на этом первом этапе стало вовлечение в него подавляющего большинства членов общества. Развиваясь от ярмарочной торговли Востока к структурному товарному хозяйству зрелой античности и далее к системному товарному производству европейского средневековья, товарные отношения все более и более явно становились основным стимулом прогресса производства. Все более жестко они связывали экономический интерес максимизации потребления с производством продуктов, признаваемых общественной потребительной стоимостью.

На этапе становления зрелой формы экономической эпохи количественная экспансия товарных отношений приобрела черты качественно нового явления. Важнейшим изменением стало резкое расширение круга вовлеченных в него благ: распространившись сначала на средства и орудия производства, затем — в эпоху, предшествующую политическому краху феодальных режимов, — на землю, несколько позже товарные отношения поглотили и саму способность к трудовой деятельности — рабочую силу. С этого момента возникло рыночное хозяйство как высшая форма товарного производства, и первоначальные цели товарного обмена оказались замененными стремлением к максимизации стоимости как всеобщего эквивалента; в частности, трудящиеся стали отождествлять свой хозяйственный интерес именно с присвоением большей стоимости. Интерес предпринимателя оформился еще раньше; таким образом, две основные социальные группы стали действовать в рамках рыночного поведения. Вследствие этого рыночные принципы быстро распространились на те сферы деятельности, где ранее господствовали товарные отношения; капиталистическая организация сельскохозяйственного производства завершила становление рыночной системы.

Однако функционирование экономических принципов в их наиболее завершенных формах подготавливало и условия для кризиса и упадка данной системы. Быстрое развитие производитель-

---

[153] *Toffler A.* The Third Wave. P. 40.

ных сил привело, с одной стороны, к удовлетворению базовых материальных потребностей значительной части общества; с другой — подняло статус знаний, превратив их также в производительную силу. Это потребовало расширения границ внутреннего потенциала личности, позволило, в конечном счете, выйти за пределы традиционной мотивации.

Критической точкой в развитии рыночного хозяйства стала середина нынешнего столетия, когда «все... формы рыночной экспансии достигли своих крайних пределов»[154], а технический прогресс принял формы, предполагающие невозможность той унификации массового воспроизводства, на которой основывалась рыночная структура. Одновременно у человека, достигшего высокой степени материального благосостояния и интеллектуального развития, изменилась система мотивов и ценностей, всего за несколько десятилетий переориентировавшаяся с целей умножения вещного богатства на цели самореализации в деятельности. В новых условиях рынок, отождествляемый с индивидуальной свободой, прославляемый как «совершенно новое средство гармонизации общества»[155], стал превращаться в радикальный способ сдерживания возможностей самореализации индивида.

Именно к 60 — 70-м годам распространились критические оценки рыночной системы. При этом, что весьма важно, альтернативой рынку стали рассматриваться не различные формы планового, или государственного, хозяйства, как у марксистов, а иные формы организации, дополняющие рыночные отношения новыми принципами и методами регулирования производства. Так, О.Тоффлер, говоря о трансрыночной цивилизации (transmarket civilization) как о ближайшей перспективе, отмечает, что человечество при любом уровне своего развития будет зависеть от развитости инфраструктуры обменных операций. Поэтому он не призывает к свертыванию отношений обмена, а акцентирует внимание на том, что информационная экономика позволит устранить их стихийный характер и использовать человеческие и информационные ресурсы, направляемые сейчас на поддержание обменных сетей, на иные цели, непосредственно связанные с развитием как человека, так и общественного целого[156]. Подобные трактовки основаны на углубляющемся понимании того, что «наличие рынка является необходимым, но далеко не достаточным условием функционирования общества»[157], и такое понимание в последние годы, после краха коммунистических режимов, не только не поко-

---

[154] *Toffler A.* The Third Wave. P. 285.

[155] *Heilbroner R.L.* Behind the Veil of Economics. N.Y., 1988. P. 23.

[156] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 287.

[157] Drucker on Asia. P.161-162.

леблено, но, напротив, даже существенно укрепилось, так как стало совершенно очевидно, что экономика социалистических стран, основанная на консервации производственных структур и реформировании распределительных отношений, не может конкурировать с экономикой обществ, основанных на ускоряющемся технологическом прогрессе.

Однако, даже констатируя преодоление рыночных отношений, далеко не все воспринимают этот процесс как составную часть формирования постэкономического общества. Как правило, новый его характер и новые системы ценностей, управляющих поведением человека, рассматриваются в качестве факторов, дополняющих, а не замещающих традиционные экономические мотивы и материальные стремления субъектов производства[158]. Рассуждения о том, что становление новых ценностей радикально меняет структуру хозяйственных систем и придает их развитию новую направленность, отличную от той, которую несло в себе индустриальное общество[159], также воплощаются в первую очередь в дихотомии индустриальной и постиндустриальной эпох, в противопоставлении материальной и информационной систем хозяйства, но не более. И даже известная формулировка Д.Белла, связывающая наиболее радикальные изменения в сегодняшнем обществе с возникновением неэкономических ценностей[160], также не становится основанием для формулирования целостной теории постэкономической трансформации.

Завершая анализ перспектив развития товарных отношений и становления основ постэкономического общества, необходимо сделать еще несколько замечаний, относящихся к определению сути современной трансформации.

Развитие товарного хозяйства следует, на наш взгляд, рассматривать в категориях видоизменяющегося взаимодействия системообразующих факторов и внешней среды. Такой подход позволяет уловить характер его эволюции в прошлом и отметить существенные черты развития в ближайшей перспективе. В соответствии с таким подходом вся история товарного производства разделяется на два этапа — прогрессивный и регрессивный.

На первом товарные отношения выполняли роль системообразующего элемента, развивающегося в рамках чуждой социальной среды. Преодолевая самодостаточность общинного хозяйствования, замкнутость натуральнохозяйственного строя, они способствовали становлению первых ступеней экономической эпохи.

---

[158] См.: *Robertson J.* Future Wealth. A New Economics for the 21st Century. L.-N.Y., 1990. P. 25.

[159] См.: *Smart B.* Modern Conditions, Postmodern Controversies. L.-N.Y., 1992. P. 37.

[160] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 43.

Дальнейшее утверждение производителей в качестве самостоятельных субъектов производства, все возрастающая степень свободы их действий в условиях, когда хозяйственная структура основывалась на неприкрытом насилии, вели к достижению экономическим типом общества зрелых и завершенных форм. Апофеозом этого процесса стало формирование системы всеобщего товарного производства и утверждение принципов рыночного хозяйства в общественном масштабе.

С того момента, как последнее сформировалось в качестве доминирующего социального института, ситуация резко изменилась. *Пронизав все общественное целое, товарное хозяйство само стало средой, в которой начали свое развитие новые системообразующие элементы.* Рыночная структура оказалась таким комплексом отношений, который мог прогрессивно развиваться и распространять свои принципы только до того момента, когда они приобрели характер всеобщих; в последние же десятилетия активно проявляются черты общества, основанного на преобладании неэкономических, нематериалистических ценностей. Сфера господства товарных отношений все более сужается, принципы этой системы становятся все более расплывчатыми и туманными, а показатели ее универсальности — заметно снижаются. Данный процесс связан с иным измерением социальной эволюции, в значительной мере конституирующим выделение в истории человечества трех эпох общественного развития.

Эти эпохи — архаическая, экономическая и коммунистическая общественные формации основоположников марксизма; периоды борьбы с природой, взаимодействия с преобразованной природой и игры между людьми постиндустриалистов; наконец, предлагаемые нами доэкономическая, экономическая и постэкономическая стадии — знаменуют собой этапы, определяемые в конечном счете характером, причинами и степенью человеческой несвободы.

На первом из них, характеризуемом взаимодействием с природой и называемом архаической, или доэкономической, эпохой, главным фактором, ограничивающим человека в его действиях и стремлениях, была его зависимость от природы. В этой ситуации борьба человека с природой была условием самого его существования; примитивные формы социальной общности не знали масштабных внутренних конфликтов, ибо каждый из них мог легко привести к уничтожению всего сообщества внешними силами и обстоятельствами.

На втором этапе, когда самые жесткие формы зависимости человека от природы были преодолены, человек стал рабом сформировавшейся социальной организации. При этом общества, основанные на насилии, не обеспечивали свободы даже собствен-

ным властителям; задача выживания всего социума была заменена задачей выживания правящего класса, и угнетенные сословия были подчинены этой цели. Подобное состояние, характерное для всех классовых обществ, мы можем считать примером несвободы человека от человека. Глобальные изменения, привнесенные в систему общественной организации распространением товарных отношений и даже формированием системы рыночного хозяйства, не изменили ситуацию. Устраняя архаические формы насилия, рыночное хозяйство изначально основывалось на наиболее очевидной форме зависимости человека от человека, когда оба контрагента оказывались субъектами товарного производства и обмена.

Становление основ постэкономического общества базируется на обретении человечеством нового качества. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда материальные потребности, обусловливавшие человеческую несвободу как на первом, так и на втором глобальных этапах эволюции цивилизации, не доминируют над системой человеческих ценностей и мотивами деятельности людей. Новой доминантой становится потребность человека в собственном развитии, в самореализации, обретении социального статуса, в общественном или коллективном признании и т.д. Оказываясь в кругу потребностей, порожденных самим ходом совершенствования его личности, *человек становится несвободным от самого себя.*

Сегодняшний мир характеризуется, таким образом, двумя процессами: с социальной точки зрения, основной тенденцией является освобождение людей от давления общественного целого, обретение ими более высокой степени внутренней свободы; с хозяйственной точки зрения, все более отчетливой становится тенденция к формированию неэкономических принципов обмена и становлению нового типа товарного производства, освобожденного от элементов рыночного хозяйства. Между тем на протяжении всей экономической эпохи существовала категория, которая и воплощала зависимость человека от других людей и общества, фиксировала обособленность производителей, являвшуюся условием товарного хозяйства. Это отношение, так же присущее экономической эпохе, как и товарный обмен, есть собственность. И сегодня, на этапе нисходящего развития экономического общества, данное отношение и его эволюция представляются нам другой важнейшей проблемой, определяющей содержание рассматриваемой гигантской социальной трансформации.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Роль частной собственности в истории человечества не поддается однозначному определению. С каждым этапом прогресса экономической эпохи не только нарастали вызываемые ею бедствия, в описании которых столь преуспели социалисты, но все более полно реализовывался и конструктивный ее потенциал. Сегодня не следует рассматривать гипотетические варианты общественного развития, которые могли бы иметь место в прошлом при тех или иных условиях; история оперирует с фактами, и нельзя не признать, что как хозяйственный прогресс последних столетий был достигнут в условиях использования преимуществ системы, основанной на частной собственности, так и крах эксперимента, предпринятого в странах бывшего Восточного блока, связан в первую очередь с волюнтаристской попыткой создания системы, основанной на «общественной» собственности на средства производства.

Однако исторический контекст, в котором потерпела неудачу эта попытка, не свидетельствует, на наш взгляд, о торжестве системы частной собственности, с которым обычно связывается конец нашего столетия. И упадок коммунистических хозяйственных систем в конце 80-х годов, и резкий пересмотр патерналистских ценностей в Азии, знаменующий собой конец 90-х, не следует столь однозначно, как это часто делается, рассматривать в качестве примера доминирования частной собственности над общественной или коллективистской. Вся логика социального прогресса свидетельствует, что утверждение о расцвете отношений частной собственности — одной из фундаментальных характеристик экономического строя — в условиях заката такового является не более чем образцом вопиющего несоответствия распространенных оценок общественного развития его реальным параметрам. Сегодня именно на примере оценок отношений соб-

ственности можно видеть, до какой степени традиционные подходы, не позволяющие исследователям признать формирующийся мир постэкономическим, мешают анализу более конкретных проблем, препятствуют становлению новой системы знаний о современной цивилизации.

Начиная эту главу, мы вновь, как и в некоторых предыдущих разделах, вынуждены обратиться к краткому терминологическому и методологическому экскурсу, показывающему, насколько даже незначительные и несущественные на первый взгляд моменты могут кардинальным образом изменить сложившиеся подходы к оценке условий возникновения, этапов развития, степени значимости для социального целого и, наконец, к оценке исторических судеб и перспектив феномена, известного под названием частной собственности и остающегося одним из наиболее противоречивых в рамках любой хозяйственной системы.

Основные понятия: попытка переосмысления

Понятие «*частная собственность*» (английское «private property», французское «propriété privée», немецкое «private Eigentum») прошло весьма продолжительный путь развития, показывающий, в частности, насколько противоречивым и сложным был исторический путь самого обозначаемого им явления. Следует отметить, что мнение об этом термине как о раз и навсегда определенном настолько же ошибочно, насколько и распространено. На наш взгляд, понятие частной собственности соединяет в себе два весьма важных элемента. С одной стороны, оно подчеркивает формально-юридический аспект, заключенный в термине «собственность», который непосредственно восходит к принятому в римском праве понятию «*dominium*» и определяется в наиболее ранних источниках по современной европейской юриспруденции именно через это последнее; в данном контексте речь идет именно о неограниченном владении (sole and despotic dominion) тем или иным объектом или вещью[161]. С другой стороны, существует аспект, подчеркивающий характер этого владения, и здесь следует со всей определенностью указать, что эквивалентные понятия, в английском языке — «private», во французском — «privée», в немецком — «privat», появились только в середине XVI века, причем без всякой связи с термином «собствен-

[161] Подробнее см.: *Saxby S.* The Age of Information. L.-Basingstoke, 1990. P. 15-16.

ность», а всего лишь для обозначения непричастности человека к элементам властных, государственных и отчасти сословных структур, к public office или affaires publiques[162]. Исключительно важно понимать, что частная собственность возникла как противостояние довлеющему фактору государственной власти, по сути как отношение экономического порядка, подрывающее неэкономическую реальность; не менее важно и осознание того, что *property* не тождественно *wealth*, что богатство нации может расти в условиях, когда частная собственность составляющих ее граждан не обнаруживает подобной тенденции, и «многие богатые (*wealthy*) общества остаются в то же самое время *propertyless*»[163], так как формирующие их богатство ценности не могут быть присвоены частным образом.

Однако именно эти обстоятельства и вызвали те многочисленные затруднения, с которыми позднее столкнулась теория. Будучи определенным образом соотнесена со сферой социальной деятельности, частная собственность рассматривалась многими исследователями не только как *противостоящая* этой общественной сущности, но и *возникшая* из нее. Такой подход на долгие столетия определил методологию изучения этого явления. Еще в эпоху Просвещения в трудах исследователей — от А.Фергюсона и А.Смита до Ж.-А. де Кондорсе и И.-Г.Гердера — сформировалось понимание *начальных этапов человеческой истории как периода господства общинной собственности*, которая позднее была разрушена и вытеснена частной. Вполне понятно и то, что, даже не преувеличивая достоинств этого архаического строя, многие гуманисты — от св. Августина и св. Фомы до Т.Мора и Т.Кампанеллы, В.Вейтлинга и О.Бланки, — рассматривавшие хозяйство будущего как основанное прежде всего на коллективной деятельности и принципах равенства и братства, не могли не вносить в свои концепции элементы идеи *общественной собственности* как признаки общества справедливости. Мы не побоялись бы даже утверждать, что в гносеологическом аспекте *представление о возможности формирования системы общественной собственности было порождено концепцией общинной собственности* доэкономического этапа человеческой истории, концепцией, которая *была лишь гипотетическим допущением*, не основанным на реальных фактах.

Основоположники марксизма восприняли как представления о процессе становления социума, так и идею о формировании

---

[162] См.: *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge (Ma.), 1991. P. 11.

[163] *Arendt H.* The Human Condition. Chicago-L., 1958. P. 61.

справедливого общества, включив их в свою синтетическую и внешне весьма непротиворечивую концепцию. Согласно их теории, потребности развития производительных сил вызвали деструкцию примитивных форм *общинной* собственности; в иной исторической ситуации подобные потребности устраняют *частную* собственность и заменяют ее *общественной*, соответствующей тем социализированным формам, которые приобретает масштабное индустриальное производство. Избрав для обоснования теории принципы диалектики, прилагавшиеся Г.Гегелем к изучению законов движения абсолютного духа, К.Маркс в концепции общественных формаций (Gesellschaftsformationen) применил идею триадичности к описанию динамики прогресса общества; в результате он не только охарактеризовал земледельческую общину как «последнюю фазу первичной общественной формации (formation primitive de la société)», являющуюся в то же время «фазой... перехода от общества, основанного на общей собственности (la propriété commune), к обществу, основанному на *частной* (курсив мой. — *В.И.*) собственности (propriété privée)»[164], но и заявил, что современные ему условия производства позволяют «заменить капиталистическую собственность высшей формой архаического типа собственности (par une forme supérieure du type archaïque de la propriété), то есть собственностью коммунистической»[165]. Таким образом *констатация факта существования* в прошлом общинной собственности, имевшаяся в трудах многих европейских философов, стала *инструментом доказательства* возможности и неизбежности последующего отрицания частной собственности общественной.

Между тем катастрофические последствия применения марксистской модели на практике свидетельствуют не только о ее неудачном воплощении, но и о порочности основных постулатов теории. Полагая, что правильнее не переносить на будущее далеко не вполне очевидные тенденции прошлого, а осмысливать предшествующее историческое развитие, исходя из вполне проявившихся тенденций, мы попытаемся представить модель, которая, на наш взгляд, более соответствует процессам, развертывающимся в современных обществах Запада, и позволяет говорить о реальных путях преодоления частной собственности.

Основными терминами, которыми оперировали исследователи как в западных странах, так и в Советском Союзе, традиционно были понятия *общинной*, *частной* и *общественной* собственности. Советские авторы, особенно в послевоенные годы, отмечали

---

[164] Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd. 25. S. 238.
[165] Ibid. S. 232.

существование и так называемой личной собственности, которая, по их мнению, может распространяться на ограниченный круг предметов потребления, не противореча характерному для социализма общественному владению средствами производства. Восходящий к К.Марксу, этот взгляд, не получивший в его теории глубокого развития, был тем не менее подвергнут критике рядом западных авторов, которые с конца 70-х называли различение между частной (private) и личной (personal) собственностью элементом советской теоретической модели и считали такую позицию ошибочной[166]. Эту критику трудно признать справедливой, и с нашей точки зрения, понятия «private» и «personal» применительно к собственности, при устранении того смыслового контекста, который они имели в рамках советской теории, могут стать весьма действенными инструментами современного хозяйственного и социологического анализа. Использование этих терминов открывает возможность предложить существенно отличную от традиционной схему исторического развития отношений собственности.

Обратимся непосредственно к определению понятий. Идея *общинной собственности*, характеризующей примитивные общества, *едва ли корректна* по целому ряду причин. *Во-первых*, в соответствующих условиях не были разделены присвоение и потребление, что безусловно необходимо для возникновения отношений собственности. Большинство продуктов потреблялось непосредственно в момент их присвоения; отсутствовали значимые запасы потребительских благ, а накопление орудий труда представлялось бессмысленным. *Во-вторых*, охота, пастушество и земледелие, предполагая *коллективную деятельность*, не формировали *общинной собственности* на орудия труда и землю; средства труда применялись индивидуально, леса, пастбища и водоемы также не становились *собственностью* племени. И наконец, *в-третьих*, собственность на любой объект предполагает не только осознание того, что «это *мое*», то есть *собственное*; она означает также, что «это *не его*», *не чужое*. В рамках же замкнутой общности, где по отношению к ней не существует подобного контрагента, не существует и *общинной собственности*. Как отмечали древние, ex determinatio est negatio, и в данном случае подобный универсальный логический принцип не находит применения, как бы этого ни хотелось.

Напротив, формирование собственности происходило не как выделение «частной» из «общинной», а как появление собственности *личной* в противовес *коллективной*[167]. Последнее не означа-

---

[166] См.: *Drucker P.F.* Managing in Turbulent Times. Oxford, 1993. P. 185.

[167] Описание истории данного процесса см.: *North D.* Structure and Change in Economic History. N.Y.-L., 1981. P. 86 и сл.

ет, что личная собственность выступала *отрицанием* коллективной; эти *две формы появились одновременно*, ибо они обусловливают друг друга как «нечто» и «его иное». Когда один из субъектов начинает воспринимать часть производимых благ или орудий труда в качестве своих, он противопоставляет им все прочие как принадлежащие *не ему*, то есть остальным членам коллектива. В этом отношении собственность возникает как личная, а коллективное владение становится средой ее развития. Этот момент мы считаем исключительно важным.

Личная собственность характеризуется *соединенностью работника и условий его труда*. Работник владеет орудиями производства, а земля используется коллективно и вообще не рассматривается как собственность. *Личная* собственность выступает атрибутом всей той исторической эпохи, которая рассматривается К.Марксом как *восходящий этап развития экономической общественной формации*, но вместе с тем *на ней не запечатлены основные закономерности экономического строя*. Формы личной собственности очень многообразны, они характеризуют различные социальные системы, представляемые нередко в качестве составных элементов эпохи, на протяжении которой основной формой общественной связи людей выступала личная зависимость. Как это ни парадоксально, личная собственность, обеспечивающая сегодня максимальное развитие свободы, в прошлом нередко определяла ее отсутствие. Достаточно вспомнить о собственности восточных деспотов на все богатства и всех живущих в границах их государств, о собственности рабовладельцев на рабов, личном владении римскими императорами отдельными провинциями, такими, как Египет, собственности феодалов на землю и крестьян во времена раннего средневековья; в то же время личной представляется и собственность ветерана-легионера на его земельный надел, ремесленника на его мастерскую и так далее. Все эти виды собственности объединяют два признака: во-первых, отмеченная выше *соединенность работника со средствами производства* и, во-вторых, *отсутствие экономических отношений на этапе производственного процесса*.

Личная собственность прошла в своем развитии два важных этапа. На *первом* из них, который наиболее четко прослеживается в развитии средиземноморского региона, она вытесняла коллективную собственность, постепенно превращаясь в доминирующую форму. Сокращение ager publicus, формирование императорских доменов, создание системы государственного рабства и другие процессы свидетельствуют именно об этом. *Второй* этап характеризуется обратным движением; на этот раз неэффективность жесткого принуждения и развитие товарных отношений привели к повышению степени свободы производителей и к про-

никновению экономических отношений в организацию самого процесса производства. Это ознаменовало достижение исторического предела развития отношений личной собственности и оказалось начальным этапом формирования собственности частной, ставшей в течение периода между XIII и XVII веками основной формой собственности во всех странах европейского континента. Экономический строй достиг своей зрелости.

Частная собственность характеризуется *отделенностью работника от условий его труда*; тем самым она делает участие в *общественном* хозяйстве единственным средством удовлетворения материальных интересов субъекта производства. *Частная* собственность выступает атрибутом *этапа зрелости экономического общества*; именно в ней *запечатлены его основные закономерности*, именно она отражает проникновение экономического типа отношений не только в сферу обмена, но и в сферу производства. В отличие от форм личной собственности, множественность которых соответствовала разнообразию путей становления завершенной экономической системы, частная собственность не столь разнообразна. Феноменально, но разделение работников со средствами производства, которое, казалось бы, должно было стать основой самых жестоких форм подавления, открыло дорогу к ранее неизвестному уровню политической, а позднее и социальной свободы.

Частная собственность возникла там и тогда, где и когда индивидуальная производственная деятельность субъекта хозяйствования не только стала доказывать свою общественную значимость посредством свободных товарных трансакций, но и начала ориентироваться на присвоение всеобщего стоимостного эквивалента. Весьма характерно заявление Ю.Хабермаса, который, рассматривая противопоставление сфер *социальной*, *частной* и *личной* жизни, в качестве не нуждающейся в доказательстве аксиомы утверждает, что «рыночную сферу мы называем частной»; более того, он подчеркивает существенный элемент тождества частной деятельности и экономической[168], что, с учетом применения им в его оригинальных текстах немецкой терминологии, лишь усиливает положение об ограниченности частной собственности экономической эпохой.

Поясняя это положение, отметим, что собственность античного аристократа на земли его латифундии, размещенные на ней постройки, на земледельческие орудия, рабов, составлявших familia rustica и familia urbana, на городской дом, средства сообщения и так далее, оставалась по своей экономической природе и

---

[168] См.: *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. P. 55, 19.

хозяйственному значению *личной* собственностью, если продукты, производимые в подобном хозяйстве, потреблялись в его же границах и не взаимодействовали с иными компонентами общественного богатства. Более того, собственность мелкого ремесленника или крестьянина, выходившего со своей продукцией на рынок для обмена ее на блага, недостающие в собственном хозяйстве, также не может быть названа частной собственностью в том смысле, который мы вкладываем в данное понятие. Но, напротив, собственность владельца виллы, ориентированной на высокоэффективное производство продуктов, реализовывавшихся на рынке ради получения денежного дохода, представляется *частной* собственностью, так как она обусловливает возникновение между ее владельцем и его контрагентами отношений, свойственных независимым друг от друга свободным субъектам рыночного хозяйства.

В ходе дальнейшего развития экономического общества процесс формирования частной собственности развертывался как на базе развивающейся и накапливающейся личной собственности отдельных независимых производителей, так и на основе вовлечения в рыночный оборот личной собственности представителей доминирующего класса. В результате было утрачено различие между личной и частной собственностью, и понятие «частная собственность» стало применяться к любой собственности, вне зависимости от ее назначения и направления использования, что, на наш взгляд, можно расценивать как фундаментальный недостаток современных социальных теорий.

Своеобразный синтез личной и частной собственности стал происходить в условиях феодального общества, когда товарные отношения глубоко проникли во все общественные страты. С одной стороны, по мере распространения денежной ренты и оживления ремесленного производства личная собственность земледельцев и ремесленников превращалась в частную, применявшуюся для создания продукта, поставлявшегося на рынок и обменивавшегося на всеобщий эквивалент, используемый для выплат феодальных повинностей, оплаты труда учеников и подмастерьев, а также для закупки продуктов иных производителей. С другой стороны, личная собственность аристократии и, в первую очередь на землю и другие невоспроизводимые средства производства, стала коммерциализироваться и также превращаться в частную. В дальнейшем эти два вида собственности быстро переплелись — представители третьего сословия начали приобретать землю и осваивать ее капиталистическое использование, а дворяне — не менее активно вкладывать средства в торговлю и промышленность. Таким образом, в период, ознаменованный очевидным кризисом феодального строя, понятия личной и частной собствен-

ности оказались фактически неразделимыми. Максимально возможная доля личной собственности как представителей третьего сословия, так и аристократии была превращена в частную собственность[169], и единственной целью такого превращения было обеспечение возможностей ее самовозрастания. Весьма показательно, что завершение этого процесса совпало с обретением товарными отношениями всеобщей формы и формированием рыночного хозяйства как целостной системы.

Между тем даже в рамках зрелого состояния экономического общества могут быть прослежены элементы различий между личной и частной собственностью. Личная собственность индивидов представляет собой ту часть их богатства, которая не предполагает того или иного социального положения их как хозяйствующих субъектов; в определенном смысле справедливо утверждение, что личная собственность обусловливает свободу человека от общества, открытую для него возможность не поддаваться диктату экономических закономерностей. Напротив, частная собственность непосредственно отражает зависимость человека от экономической системы, поскольку она существует только как элемент рыночного хозяйства.

Распространение частной собственности и обеспеченная таким образом всемерная активизация позитивного потенциала, скрытого в стремлениях людей удовлетворить свои материальные интересы, вызвали экономический подъем, за несколько сот лет превративший Европу из континента, не слишком далеко ушедшего от римских технологий, в сообщество процветающих индустриальных государств. Следует отметить, что коллективная собственность не была устранена экспансией ни личной, ни частной собственности; она продолжала существовать, принимая различные формы — от совместной собственности купцов и предпринимателей до собственности государства, и эти ее виды также в той или иной мере удовлетворяют общественные потребности. *Коллективное владение* было *средой, в которой только и могли развиваться как личная, так и частная собственность;* сегодняшние же тенденции тем более не дают оснований говорить о его преодолении.

Если считать, что общественный прогресс определяется законом отрицания отрицания, и предполагать, что на новом его этапе возможно воспроизведение в ином качестве ранее бытовавших отношений, то с учетом изложенного картина будущего имеет следующие контуры. *С одной стороны*, повторяемость неко-

---

[169] См.: *Weber M.* General Economic History. N.Y., 1966. P. 207; *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. L., 1992. P. 17.

торых черт прошлого общества выразится в том, что *роль частной собственности снизится*, а затем эта форма фактически исчезнет; в данных условиях основные коллизии перехода от экономической к постэкономической эпохе *развернутся во взаимодействии личной и коллективной собственности. С другой стороны*, общественное развитие будет задаваться не материальными интересами людей, а надутилитарно мотивированными стремлениями; в связи с этим основным направлением прогресса станет *не формирование «общественного» типа собственности*, а *отрицание собственности как таковой.*

Это изменение имеет фундаментальное значение для понимания перспектив развития и направления эволюции экономического строя. Преодоление частной собственности будет происходить по мере утраты обществом своего экономического характера и в значительной мере даже определять этот процесс. Однако важно отметить, что так же, как рыночное производство не может быть заменено плановым, так и частная собственность не может быть вытеснена общественной; как изменения в механизмах распределения производимого продукта являются тупиковым направлением социальных реформ, поскольку не ведут к совершенствованию производственной системы, так и перераспределение собственности, остающейся по своей природе частной, не может быть условием становления закономерностей постэкономического общества. Так же, как рыночное хозяйство на этапе нисходящего развития экономической эпохи заменяется обновленными формами товарного производства, так и частная собственность может быть преодолена только на пути формирования новой системы, основанной на доминировании личной собственности как фактора, не обусловленного рыночным хозяйством и не обусловливающего его.

Подобные представления не столь радикально противоречат схеме, которая может быть построена с использованием методологических принципов марксовой формационной теории, как это кажется на первый взгляд; речь идет лишь об устранении элементов, обусловленных революционной фразеологией основателей марксизма и их политическим доктринерством. Предложенная трактовка не столько *предполагает* развитие хозяйственных процессов сугубо эволюционным, а эксперименты по конструированию «общественной» собственности очевидно бесперспективными, сколько *исходит* из признания того и другого фактами, доказанными ходом исторического прогресса.

Модификация отношений собственности в условиях формирования основ постэкономического общества заключается, на наш взгляд, не в вызове, бросаемом частной собственности пресловутыми «обобществлением» или «социализацией» производ-

ства, а в обострении дихотомии *частной* и *личной* собственности. Перспективой этого процесса представляется становление системы, базирующейся на доминировании *личной собственности* в условиях широкого распространения благ, определение собственности на которые фактически невозможно, как невозможно и их присвоение отдельными лицами или группами. Трансформации, ведущие к становлению новой системы, имеют своим основным движителем технологические изменения последних десятилетий и вытекающую из них модернизацию человеческой психологии и норм поведения; между тем, помимо этого центрального процесса, мы видим еще по меньшей мере два направления развития отношений собственности, каждое из которых представляется вполне самостоятельной трансформацией, не выходящей за рамки экономической «системы координат». Начнем с первого из них, которое зачастую рассматривается многими современными исследователями — как социалистической, так и консервативной ориентации — в качестве свидетельства растущей гуманизации производственной системы и совершенствования социальных отношений современных западных обществ.

Частная собственность против частной собственности: паллиативные решения

Основным средством преодоления частной собственности социальные философы в течение многих десятилетий и даже столетий считали формирование общественной или коллективной формы собственности на средства производства. Однако попытка внедрения таковой, предпринятая в коммунистических странах, наглядно продемонстрировала, что при этом достигается предельная степень отчужденности собственности от производителей общественного богатства, резко снижается уровень свободы большей части членов социума и дезорганизуется система мотивов и стимулов, отвечающая задачам современного хозяйства. В условиях доминирования государственной собственности возможно успешное функционирование отдельных отраслей, однако для этого госсобственность должна, во-первых, отвечать реальной степени централизации производства в соответствующих сферах деятельности и их значению для развития нации; во-вторых, взаимодействие с другими субъектами хозяйства должно быть организовано на основе законов и закономерностей товарного производства. Более подробно эти проблемы будут рассмотрены нами при анализе феномена и значения государственной собственности.

В экономике сегодняшних постиндустриальных обществ обычно отмечают три процесса, которые представляются многим элементами подрыва и преодоления традиционно понимаемой частной собственности. Во-первых, говорят о «размывании» монополии класса капиталистов на владение средствами производства. Это явление связывают с тем, что представители среднего класса активно вкладывают свои средства в акции и другие ценные бумаги производственных и сервисных компаний и корпораций. Во-вторых, работники приобретают паи и акции собственных предприятий; кроме того, зачастую им в организованном порядке передается часть фондов корпорации с целью формирования более сплоченной команды и преодоления противостояния собственника и работников. И наконец, в-третьих, растет число компаний, полностью контролирующихся занятыми на них работниками.

На самом деле ни один из этих процессов не может, на наш взгляд, быть квалифицирован как реальный вызов существующим принципам собственности. Развертываясь в недрах рыночной системы, они ведут к перераспределению прав собственности, но не изменяют цели ее использования, мотивации обладающих ею индивидов, их социальное поведение и, следовательно, представляют собой элементы модернизации системы частной собственности, а не попытку выхода за ее пределы; поэтому нельзя не согласиться с Р.Хейльбронером в том, что экономика, основанная на широком распределении собственности среди различных слоев общества, вряд ли станет отпределять лицо хозяйственных систем XXI века[170].

Первый из названных процессов — это диффузия прав собственности между максимально большим количеством собственников. Он не может сегодня быть проигнорирован даже достаточно поверхностным наблюдателем, поскольку принял в последние десятилетия весьма значительные масштабы и рассматривается многими как серьезный вызов капиталистическому хозяйству.

Данный процесс отражает целый ряд тенденций, существующих в современной хозяйственной системе. С одной стороны, он призван несколько сгладить конфликты между работодателями и трудящимися. Передача работникам того или иного предприятия или компании некоторого количества акций может решить множество проблем одновременно: создать видимость партнерства между предпринимателем и работником как между совладельцами предприятия; дать рабочим дополнительные стимулы к высокопрофессиональной и интенсивной деятельности, так как вы-

---

[170] См.: *Heilbroner R.* 21st Century Capitalism. N.Y.-L., 1993. P. 154.

платы дивидендов становятся неким дополнением к системе премий и поощрений; повысить чувство социальной защищенности и так далее. Не следует также недооценивать общественный эффект подобной трансформации, нередко рассматривающейся как элемент утверждения социальной справедливости. С другой стороны, достигается чисто экономическая цель: демонстрируя работникам возможность увеличения доходов за счет получения дивидендов по акциям, роста их курсовой стоимости и так далее, государство и частные компании стимулируют инвестиции мелких собственников в производство. При этом средства представителей средних слоев зачастую направляются вовсе не на покупку акций собственных компаний, но задача и не формулируется столь однозначно. Весьма характерно, что первая группа проблем, связанная с преодолением некоторых форм социальных конфликтов, осталась нерешенной, тогда как цели, относимые нами ко второй группе, — привлечение инвестиций, — в значительной мере были достигнуты.

Наиболее яркий пример быстрого распространения прав собственности среди трудящихся являют страны, где осуществлены радикальные приватизационные меры. Так, в Великобритании и Франции в 80-е годы в частные руки было передано множество государственных предприятий, и результат не замедлил сказаться — возросло число держателей мелких пакетов акций. Так, если в 1983 году в Великобритании акциями владели не более 2 млн. человек, что составляло 5% взрослого населения, то к 1988 году их число увеличилось до 9,4 млн., или 23% населения[171]. Этот процесс, однако, был жестко регламентирован государством, предлагавшим продажу компании частным инвесторам на определенных условиях, одним из которых и была передача определенного пакета ценных бумаг коллективу. Естественно, таковой не мог быть значительным — это снизило бы заинтересованность потенциального покупателя предприятия; поэтому в результате приватизации в руках занятых сосредоточилось не более 10% акций их компаний, а разброс цифр составлял от 6,5% до 31,9%[172].

Вполне понятно, что такой процесс не обеспечивал мелким акционерам иных прав, кроме прав на дивиденды и на продажу своих акций, поскольку участие в принятии решений по-прежнему оставалось для них невозможным; в результате подобное перераспределение стало лишь некоей формой смягчения социальных проблем, связанных с разгосударствлением определенных отраслей. В течение трех-четырех лет после приватизации большинство

---

[171] См.: *Bishop M., Kay J.* Does Privatization Work? Lessons from the UK. L., 1988. P. 33.
[172] Ibid. P. 33.

работников продали свои акции либо самой компании, либо на открытом рынке, и удельный вес мелких собственников в совокупном акционерном капитале сократился на 40—70%, а работники недавно приватизированных предприятий составляли в их числе весьма незначительную группу. Следует отметить, что во многом аналогичная ситуация, естественно, с учетом поправок на экономическую безграмотность и низкий уровень жизни населения, была повторена в странах бывшего СССР и Восточной Европы в ходе приватизации в первой половине 90-х годов; сосредоточение акционерного капитала у крупных инвесторов произошло еще быстрее, а экономический эффект для работников, выступавших первоначальными держателями акций, оказался гораздо ниже.

Сегодня владение небольшими пакетами ценных бумаг рассматривается представителями инвесторов скорее не как возможность реализовать свои функции собственника, а как вариант вложения свободных денежных средств, по существу не как инвестирование, а как сбережение. Этим объясняется и тот факт, что большинство работников не стремятся самостоятельно приобретать акции, так как понимают, что их действия на рынке не могут быть достаточно профессиональными. В результате наиболее распространенным способом инвестиций становится участие в капитале финансовых компаний, приобретение паев и акций различного рода взаимных и пенсионных фондов.

Масштабы этого явления весьма внушительны. Хотя, по различным оценкам, лишь от 1% до 5% граждан современных развитых стран обладают капиталом, который дает возможность жить только за счет доходов, получаемых от инвестиций[173], все более широкий круг частных лиц активно используют свои сбережения как источник дохода, помещая средства в коммерческие банки и приобретая ценные бумаги финансовых и промышленных корпораций. При этом заметна тенденция обезличенного размещения средств во взаимные фонды и страховые компании, а не приобретения конкретных ценных бумаг как реальных знаков собственности. Так, если в начале 60-х годов домашним хозяйствам, то есть индивидуальным собственникам, принадлежало более 87% всех акций американских компаний, а доля фондов, находившихся под контролем как частных компаний, так и государства, составляла лишь немногим более 7%[174], то сегодня положение радикально

---

[173] См.: *Bocock R.* Consumption. L.-N.Y., 1993. P. 78.

[174] См.: *Blasi J.R., Kruse D.L.* The New Owners: The Mass Emergence of Employee Ownership in Public Companies and What It Means to American Business. N.Y., 1991. P. 54.

изменилось. В начале 80-х годов это соотношение установилось на уровне 66% против 28%, а в 1992 году частные инвесторы владели лишь 50% акций, тогда как различные фонды — 44%. В Великобритании данный процесс шел еще более активно; если в 1982 году частные инвесторы контролировали 28% акций, а взаимные и пенсионные фонды — 52%, то в 1992 году эти показатели составили 19% и 55% соответственно. Рост числа подобных фондов и их активов в последние годы следует признать стремительным. Если в 1984 году в Соединенных Штатах число взаимных фондов составляло 1241, то в 1994 году оно достигло 4,5 тыс., а управляемые ими активы возросли за тот же период с 400 млрд. до 2 трлн. долл.[175]; во второй половине 80-х годов половина частных лиц, имевших в своей собственности акции, оперировали ими через посредство взаимных фондов. Развитие пенсионных фондов было не менее впечатляющим: их активы выросли с 548 млрд. долл. в 1970 году до 1,7 трлн. в 1989-м и также приблизились в последние годы к цифре в 2 трлн. долл.[176] Результатом этих процессов стал быстрый рост финансового влияния данной категории инвесторов: начиная с середины 80-х годов проводимые ими операции обеспечивали более половины всех трансакций, осуществляемых на Нью-Йоркской фондовой бирже[177]; сегодня им принадлежит, по различным оценкам, от одной трети до двух пятых всех активов американских промышленных корпораций[178].

Таким образом, частные инвесторы осуществляют огромные денежные вливания в национальную экономику. Личные состояния самых известных предпринимателей не могут сегодня сравниться с теми совокупными денежными потоками, которые направляют в инвестиции граждане развитых стран[179]. Сегодня в США «более ста миллионов частных лиц владеют таким количеством акций, опционов, паев взаимных фондов и государственных обязательств, что по объему совокупной собственности они превзошли традиционных институциональных инвесторов»[180], а компании, управляющие этими активами, становятся «крупными корпорациями, основу штата которых составляют профессионалы в области эффективного управления диверсифицированными портфелями ценных бумаг»[181]. Подобные же процессы развер-

---

[175] См.: *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. L.-Thousand Oaks, 1996. P. 76.

[176] См.: *Kuhn J.W., Shriver D.W., Jr.* Beyond Success: Corporations and Their Critics in the 1990s. N.Y.-Oxford, 1991. P. 150.

[177] Ibid. P. 151.

[178] См.: *Drucker P.F.* Managing in Turbulent Times. P. 182-183.

[179] См.: *Drucker P.F.* The New Realities. P. 172.

[180] *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P. 200.

[181] *Kuhn J.W., Shriver D.W., Jr.* Beyond Success. P. 150.

тываются и в других развитых странах, хотя и не принимают столь впечатляющих масштабов. Так, между 1982 и 1992 годами пропорции распределения инвестиций в акции со стороны индивидуальных инвесторов и взаимных фондов в Японии изменились с 25% против 11% до 17% против 11%; в Германии соответствующие цифры составили 28% к 4% и 19% к 7%[182].

Наблюдая происходящее перераспределение прав собственности и рост влияния синдицированных инвесторов, многие сегодня склонны трактовать это явление как становление качественно новой фазы в развитии капитализма или даже как выход за пределы самого капиталистического способа производства. Так, П.Дракер не только считает, что «при "капитализме пенсионных фондов" рабочие сами оплачивают свой труд, откладывая на более поздний срок получение части своей заработной платы, и становятся главными бенефициарами доходов с капитала»[183], но и указывает, что ныне «работники, через свои пенсионные и взаимные фонды, сами становятся капиталистами»[184]. Такой подход, однако, представляется нам далеко не адекватным отражением реальных процессов.

Развертывание деятельности взаимных фондов не представляет собой никакого качественно нового явления. Речь идет в первую очередь о стремлении работников повысить свои доходы и обеспечить надежное вложение денежных средств. В той же мере, в какой индивидуальные инвесторы, приобретая небольшое количество акций крупных корпораций, не могли оказывать существенного влияния на политику компании, они не имеют значительных возможностей реализации своих прав собственников соответствующих фондов и в этом случае, оставаясь лишь наблюдателями за деятельностью крупных компаний и своих финансовых менеджеров. При этом контроль за политикой самих промышленных компаний оказывается для массового инвестора еще менее доступным, чем ранее, так как между ними встает могущественный контрагент с экономическими интересами, не всегда и не во всем совпадающими с интересами каждой из сторон. Развитие взаимных фондов представляется в гораздо большей мере инструментом «контроля над поступлением сбережений»[185], жизненно важного для обеспечения сбалансированного развития рыночного хозяйства, чем средством, позволяющим мелким инвесторам стать полноправными собственниками средств производства как таковых.

---

[182] См.: *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 76.

[183] *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 78.

[184] *Drucker P.F.* The New Realities. P. 172.

[185] *Galbraith J.K.* The New Industrial State. 2nd ed. L., 1991. P. 55.

Подобный процесс «диссимиляции» собственности не изменяет традиционных отношений по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, новые институциональные инвесторы действуют в полной мере как частные собственники крупнейших компаний, оказывая влияние на их политику и стратегию, обеспечивая развитие корпорации и привлекая необходимые для этого ресурсы. Во-вторых, что гораздо более существенно, представители среднего класса, вкладывая средства во взаимные фонды и финансовые компании, как правило, даже не знают направлений их дальнейшего инвестирования[186]. В этом отношении такие организации выступают лишь средством сбережения накоплений, каким прежде были банки; частные лица по-прежнему не распоряжаются акциями и фондами промышленных компаний, лишь способствуя своими средствами дальнейшей экспансии их производства и прибылей.

Второй процесс, также иногда рассматриваемый в качестве формы преодоления традиционных форм собственности, радикальнее первого и, несмотря на некоторое внешнее сходство с ним, существенно отличается по внутреннему содержанию.

В данном случае речь идет о контролируемом распределении части акций компании среди ее работников. Это осуществляется различными путями: часть заработной платы или премии может выплачиваться акциями, рабочим дается право приобретать ценные бумаги компании по льготным ценам и так далее[187]. Различные варианты подобных схем реализуются в США, Канаде, Японии, в ряде стран Западной и Восточной Европы[188]. Однако реальные собственники корпораций стремятся существенно ограничить права работников в использовании акций: обычно они оказываются лишены возможности продавать их на открытом рынке и могут лишь использовать финансовые результаты владения акциями (накопление дивидендов для покупки дополнительных акций, получение денежного эквивалента акций при выходе на пенсию и так далее). Случаи, когда трудящиеся обретают реальный контроль над своей компанией, достаточно редки и, как правило, связаны с резким ухудшением финансового положения предприятия.

В 70-е и 80-е годы в Соединенных Штатах, преодолевавших последствия экономического кризиса середины 70-х годов, участие работников в собственности своих компаний было положено

---

[186] Подробнее см.: *Brockway G.P.* The End of Economic Man. N.Y.-L., 1995. P. 145.

[187] По поводу конкретных механизмов данного процесса см.: *Handy Ch.* Understanding Organizations. L., 1993. P. 353-354.

[188] См.: *Durso G., Rothblatt R.* Stock Ownership Plans Abroad // *Rosen C., Young K.M.* (Eds.) Understanding Employee Ownership. N.Y.,1991.P.169-196.

в основу разработанной и широко примененной программы участия служащих в прибыли, получившей название ESOP (Employee Stock Ownership Plan). Некоторые ее элементы прижились и в других странах. Эта система обеспечила определенные положительные результаты, однако и она вряд ли представляет собой магистральное направление развития отношений собственности. Как правило, ее применяют при таком критическом хозяйственном положении того или иного предприятия, когда работники уже имеют все основания рассматривать цели выживания компании как свои собственные.

Примером может служить использование системы ESOP на обанкротившихся предприятиях сталелитейного комбината «Мак-Лут» в Трентоне, шт. Мичиган. В 1986 году группа кредиторов предъявила претензии на акции, принадлежавшие прежнему владельцу, урезала его собственность с 65% до 10% и передала работникам 85% акций при условии увольнения одной десятой персонала и снижения заработной платы на 10%. Уже через шесть месяцев производство заметно оживилось, компания вновь стала платежеспособной, а вскоре выработка возросла в полтора раза. Однако это не следует рассматривать как реальный успех фирмы, перешедшей в собственность служащих, поскольку, во-первых, были резко снижены издержки и, во-вторых, передача акций работникам стала в данном случае формой отсрочки расчетов по предшествующим обязательствам компании. Подобные же процессы лежали в основе возрождения и успехов канадской горнорудной компании «Инко», в которой акционерами корпорации были к 1992 году более 80% из около 18 тыс. занятых в 20 странах[189]. Между тем даже при успешном развитии конкретного предприятия подобные факты не дают, на наш взгляд, основания утверждать, что «участие служащих в прибылях и руководстве компании является новой вехой в истории бизнеса»[190].

За первые пятнадцать лет проведения в жизнь программы ESOP были достигнуты серьезные, но тем не менее не меняющие общих экономических реалий, результаты. Так, если в 1975 году схемы ESOP были применены в 1601 фирме с 248 тыс. занятых, то в 1989 году — в 10,2 тыс. фирмах с более чем 11,5 млн. занятых. Работникам были переданы значительные пакеты ценных бумаг соответствующих предприятий, на руках каждого участника программы к середине 80-х годов акций и паев оказалось в среднем на 7 тыс. долл. В общем же по США осуществление данной

---

[189] См.: *Coulson-Thomas C.* The Future of the Organisation. Achieving Excellence through Business Transformation. L., 1997. P. 235.

[190] *Kuhn J.W., Shriver D.W., Jr.* Beyond Success. P. 310.

программы обеспечило владение трудящимися ценными бумагами их предприятий на сумму около 60 млрд. долл.[191], что, однако, не превышает 2% от стоимости активов промышленных и сервисных компаний, контролируемых взаимными фондами. Достаточно очевидно, что ESOP не оказывает радикального воздействия на процессы перераспределения собственности: охватывая в начале 90-х годов около 12% рабочей силы Соединенных Штатов[192], эта система обеспечивала непропорционально малую долю акций и паев, находящихся в собственности мелких инвесторов. Поэтому если в последние годы исследователи и отмечают возможности применения данной практики, то рассматривают ее лишь как один из многих вариантов решения проблем предприятий, переживающих хозяйственные трудности, но не как парадигму управления здоровыми и процветающими компаниями[193].

Относительно скромный масштаб распространения системы ESOP можно, на наш взгляд, объяснить тем, что, организованное «сверху», это движение имеет своей основной целью решение части проблем малоэффективных предприятий. Фактически неизвестны случаи ее применения в наукоемких производствах или компаниях, где работники интеллектуального труда составляют заметную часть занятых. Вряд ли можно рассматривать ESOP и как метод усиления контроля работников над капиталом корпорации. Весьма часто рост акционерного капитала, принадлежащего занятым, выступает как альтернатива увеличению заработной платы, и, таким образом, не только доход работника ставится в зависимость от результатов работы фирмы, но даже личная собственность служащих начинает зависеть от благополучия компании. Между тем работники по-прежнему не могут в полной мере влиять на политику корпорации и, что еще более очевидно, не могут быть гарантированы от изменений хозяйственной конъюнктуры. Учитывая же, что большинство компаний существует не более 30 лет и в течение этого периода переживает несколько серьезных кризисов и трансформаций, легко предположить, что чисто материальные убытки и потери в будущем, скорее всего, перевесят тот «моральный эффект», который имеет место уже сегодня[194]. Кроме того, что не менее важно, система «привязки» работника к своему предприятию снижает социальную мобильность, исключительно важную для развития институтов нового об-

---

[191] См.: *Rosen C.* Employee Ownership: Performance, Prospects, and Promise // *Rosen C., Young K.M.* (Eds.) Understanding Employee Ownership. P. 3.

[192] См.: *Adams F.T., Hansen G.B.* Putting Democracy to Work: A Practical Guide for Starting and Managing Worker-Owned Businesses. San Francisco, 1992. P. 171.

[193] См.: *Pinchot G., Pinchot E.* The Intelligent Organization. P. 305-306.

[194] См.: *Drucker P.F.* Managing in Turbulent Times. P. 195.

щества, и создает модель корпоративистской системы, ущербность которой продемонстрирована азиатским кризисом прошлого года. Данное направление диаметрально противоположно тенденциям, определяющим основной принцип взаимодействия компании с работником через отношение к последнему как к добровольцу; здесь же возникает не зависимость фирмы от работника, а радикальное подчинение работника компании.

В любом случае подобные схемы участия в капитале «своих» предприятий ограничивают «диффузию» собственности лишь некоторыми, далеко не самыми важными, аспектами соответствующих прав. Так, в рамках ESOP работники, получившие акции, чаще всего передают их в управление менеджерам; этот траст ими не контролируется, а своими акциями они не голосуют. Таким образом, оказывается, что, с одной стороны, служащие получают лишь право доступа к дополнительной части капитала их предприятия, что, нельзя не отметить, нередко может отрицательно сказываться на рыночной эффективности компании; с другой стороны, приобретение акций становится для работников косвенным вычетом из их заработной платы, что означает принудительное вовлечение части их доходов в процесс накопления капитала, контроль над которым в целом остается за руководством фирмы.

Все эти факторы вызывают растущую и вполне справедливую критику данной системы в самих США[195] и объясняют более чем прохладное отношение к ней в других странах — так, в Германии к началу 90-х годов не более 1,5% занятых владели долей в акционерном капитале своих компаний, и доля эта, как правило, была весьма ограниченной[196].

Третьим процессом, на который обычно указывают, говоря о преодолении частной собственности, является формирование полного владения работниками своими компаниями. Иногда этот процесс трактуется как воплощение радикального механизма преодоления капиталистического типа собственности, однако его можно применить лишь в очень ограниченных масштабах и, в первую очередь, на мелких предприятиях, в сфере услуг, сельском хозяйстве и так далее. Примеры функционирования таких организаций выполняют в большей степени пропагандистскую роль, нежели привлекают значительное число последователей.

Создание фирм с полным контролем работников над их капиталом более характерно для Европы, чем США, однако и

---

[195] См., например: *Vanek J.* Crisis and Reform: East and West. Essays in Social Economy. Ithaca (NY), 1989. P. 115-137.

[196] См.: *Durso G., Rothblatt R.* Stock Ownership Plans Abroad // *Rosen C., Young K.M.* (Eds.) Understanding Employee Ownership. P.182.

здесь, и там наиболее распространены так называемые «рабочие кооперативы», представляющие собой наиболее явный пример воплощения социалистических иллюзий и способные решать лишь весьма локальные хозяйственные задачи. Подобная форма получила заметное распространение в кризисные 70-е и 80-е годы. В Великобритании число производственных кооперативов и коллективных предприятий выросло с 36 до 1,6 тыс. в период между 1976 и 1988 годами; во Франции за тот же период их количество увеличилось с 537 до 3 тыс.; в Италии данные показатели составляли в 1973 и 1981 годах соответственно 6,5 и 20 тыс. Между тем развитие этого движения резко затормозилось в конце 80-х, и в течение последнего десятилетия наблюдается повсеместное сокращение числа коллективных хозяйств. Аналогичная ситуация складывается и в США. Из 10 тыс. фирм, которые в 1989 году официально признавались компаниями в собственности занятых, большая часть капитала принадлежала работникам только на 1,5 тыс. предприятиях, а полностью они владели лишь пятьюстами. Но и в последнем случае значительная часть прав собственности была передана менеджерам. По проведенным Ф.Адамсом и Г.Хансеном расчетам, в 1991 году в США реальный контроль работников распространялся всего на 304 кооператива и акционерные компании, в которых трудились немногим более 100 тыс. человек[197], что составляет менее 0,09% от общего числа занятых в американской экономике.

Единственным примером относительно успешно функционирующего крупного копеpативного объединения является часто упоминаемая авторами социалистического толка Мондрагонская кооперативная корпорация (МСС). Возникнув в середине 40-х годов как своего рода технический колледж, компания за свою более чем полувековую историю существенно диверсифицировалась и в конце 80-х годов включала в себя 166 кооперативов, из которых 86 были промышленными, а 46 — образовательными. В 1988 году в МСС различными формами обучения (от начальной школы до уровня колледжей и университета, включая курсы подготовки и переподготовки кадров) было охвачено 48 тыс. человек при численности работников в самой корпорации на тот момент около 18 тыс. человек[198]. В 1987 году только одна из групп входящих в МСС кооперативов — «Фагор 2010» — потратила более 2,7 млн. долл. на профессиональное обучение работников и на иные социально-образовательные программы. Между тем сама МСС обнаруживает относительно высокую эффективность прежде всего за счет свое-

---

[197] См.: *Adams F.T., Hansen G.B.* Putting Democracy to Work. P. 20, 171-172.

[198] См.: *Morrison R.* We Build the Road as We Travel. Philadelphia, 1991. P. 9.

го монопольного положения на достаточно узком рынке; в то же время большинство кооперативов, и здесь нельзя не согласиться с Б.Франкелем, «вместо того, чтобы быть островками социализма, выживают только за счет более низкой заработной платы и большей продолжительности рабочего дня и других подобных мер, предпринимаемых под воздействием рыночных тенденций, становясь тем самым скорее бастионами самоэксплуатации, нежели предприятиями, в которых реально распространены солидарность и взаимопомощь»[199].

Подводя итоги, следует охарактеризовать прежде всего формы прямого участия работников в собственности своих предприятий: от передачи им части акций в рамках приватизационных программ до системы ESOP и функционирования мелких кооперативов. Все они не дают и не могут давать не только серьезных, но и каких бы то ни было оснований, чтобы говорить о преодолении частной собственности в нашем понимании данного термина. Причин тому несколько.

Во-первых, все формы непосредственного участия работников в капитале предприятий вызваны к жизни не столько успешным развитием соответствующих производств и их высоким потенциалом, сколько, напротив, катастрофическим хозяйственным положением. Отрасли, в которых действуют подобные предприятия, представляют наиболее отсталые секторы современной экономики. Соответственно и работники этих отраслей составляют далеко не самую квалифицированную часть современного производственного персонала и не могут, даже контролируя основные фонды своего предприятия, обеспечить его значительные успехи.

Во-вторых, подобные формы производства ни в одной стране и ни в одной отрасли хозяйства не дали обществу качественно новых продуктов или технологий, не обеспечили сколь-либо радикального прорыва своей продукции на рынок. Они представляют собой естественную реакцию на реальные хозяйственные проблемы, и их динамика тесно коррелирует с циклическими кризисами: чем серьезнее экономические затруднения, тем больше возникает подобных паллиативных форм, тем более активно используется передача работникам прав собственности на фактически безнадежные предприятия.

И, наконец, в-третьих, за последние несколько десятилетий, радикально изменивших современную экономику, ни одна из подобных форм не составила сколь-либо значимой доли в производстве общественного богатства или в структуре занятости, что-

---

[199] *Frankel D.* The Post-Industrial Utopians. Madison (Wi.), 1987. P. 49.

бы ее можно было считать существенным фактором, потенциал которого может в полной мере раскрыться в ближайшие годы. Напротив, все говорит о том, что подобные формы будут и в дальнейшем занимать более чем скромные хозяйственные ниши, никоим образом не определяя экономических тенденций.

Особняком в этом ряду стоит феномен роста частных инвестиций в фонды и акции производственных и сервисных компаний. Данное явление обнаруживает в последние десятилетия быстрое развитие и серьезно изменяет многие принципы современного менеджмента, но, как и рассмотренные выше, не меняет природы частной собственности. Основной деятельностью как работников кооперативных предприятий, так и мелких инвесторов по-прежнему остается труд, мотивированный получением дохода, направляемого на удовлетворение, немедленное или отсроченное во времени, своих материальных потребностей. Даже значительные, с точки зрения мелкого инвестора, вложения в паевые и пенсионные фонды не изменяют его первоначального статуса наемного работника, трудящегося на отнюдь не принадлежащем ему предприятии. Однако наиболее принципиальный момент заключается в том, что работник, даже и владеющий определенным пакетом приносящих ему доход ценных бумаг, не может стать равноправным партнером компании, не может вступить с ней в диалог, принятый в рамках товарного производства. Будучи способным предложить компании только свой труд, он остается наемным работником, чье общественное положение определяется лишь его собственностью на рабочую силу.

Между тем технологические изменения, происходящие в последние десятилетия, делают возможным гораздо более радикальный вызов *частной* собственности, когда ей противостоит собственность *личная*, порожденная прогрессом производительных сил на протяжении последней четверти XX века. Этот феномен отражает уже не новый этап модернизации хозяйственной системы экономического типа, а знаменует собой выход за пределы экономического механизма взаимоотношений хозяйствующих субъектов.

Личная собственность против частной собственности: радикальный вызов

Как мы показали, ни одна из известных трансформаций частной собственности не приводит к существенным изменениям в имущественном и социальном статусе большинства населения и не обусловливает радикальных перемен в системе организации

производства. По словам Н.Стера, «институт собственности как таковой претерпевает существенные изменения в современном обществе. Имущественные права традиционно были основой и символом роста индивидуализма. Более того, они определяли взаимоотношения между индивидами. Сегодня... они постепенно становятся "невидимыми". В отличие от традиционного богатства, они не создают их носителям привилегированного положения в обществе в привычном его понимании. Многие из имущественных прав не могут быть проданы, подарены или получены в наследство. Происходит дальнейшее изменение в характере собственности и прав ее владельца, связанное с пересмотром норм распоряжения собственностью. Если прежде владелец собственности мог распоряжаться ею по своему усмотрению, то сейчас его права все более ограничиваются различными нормами, продиктованными высшими общественными целями»[200]. Сегодня мы имеем возможность убедиться в справедливости слов Д.Белла, утверждавшего, что в условиях информационной экономики «собственность становится не более чем правовой фикцией»[201]. И чем более очевидным оказывается это обстоятельство, тем более актуальным представляется вопрос о том, чем же именно обусловлено столь радикальное изменение.

Мы полагаем, что в условиях информационной революции, в эру интеллектуального капитала, главным фактором, вызывающим диссимиляцию традиционной частной собственности, выступает качественно новая личная собственность. На протяжении многих столетий эта форма собственности не играла в хозяйственной практике сколь-либо заметной роли, и только теперь появились принципиальные основания для ее активного развития и распространения. Ими служат возрастающая роль знания как непосредственного производственного ресурса и доступность средств накопления, передачи и обработки информации любому работнику интеллектуального труда современного общества. Сегодня личная собственность на средства производства используется не для производства примитивных благ, а для создания информационных продуктов, технологий, программного обеспечения и нового теоретического знания в условиях развитой информационной и технологической среды.

Именно изменившийся статус работника интеллектуального труда является причиной трансформации современных отношений собственности. На первый взгляд, и это признается всеми специалистами по современному менеджменту, представители

---

[200] *Stehr N.* Knowledge Societies. P. 84, 85.

[201] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 294.

этой новой категории трудящихся отличаются от остальных занятых прежде всего иными принципами организации деятельности, ее отчасти нематериалистическими мотивами, новым отношением, которого они требуют к себе со стороны работодателя, и более высокой оплатой труда. Широко известно положение, согласно которому работники интеллектуального труда представляют собой лишь определенную модификацию традиционно используемой в капиталистическом производстве рабочей силы; ее стоимость возрастает в соответствии с затратами на обучение и квалификацию. Этот тезис красной нитью проходит через экономическую теорию — от К.Маркса, одним из первых четко его сформулировавшего, до П.Дракера, считающего образование видом инвестиции в самого себя, позволяющей работнику реализовать свой труд за большую цену[202]. Лишь немногие исследователи отмечают, что подобные инвестиции не только предполагают сегодня прямую экономическую выгоду, но и основываются на мотивации, радикально отличающейся от традиционной логики капитализма[203]. С нашей же точки зрения, причины коренного изменения основных характеристик современного работника могут быть объяснены только как последствия информационной революции.

Она качественно изменила технологический базис общественного производства; наглядное представление об этом дает прогресс современной информационной техники. Только за последние 15 лет, с 1980 по 1995 год, объем памяти компьютерного жесткого диска вырос более чем в 250 раз[204], микропроцессоры становятся совершеннее с каждым годом, а удвоение мощности микросхем происходит в среднем каждые восемнадцать месяцев[205]. Ни в одной сфере хозяйства в последние годы не достигнуто подобного прогресса. Развитие данной индустрии сопровождается активным совершенствованием производства в смежных отраслях — системе передачи и копирования информации, линиях связи, локальных и глобальных сетях и так далее. Параллельно с фактическим улучшением технических параметров информационной отрасли происходит не менее впечатляющее удешевление ее продуктов. Оценивая повышение жизненного уровня рабочих на примере стоимости автомобиля и зарплаты работника в автомобилестроении, П.Дракер отмечает, что в 1907 году «Форд Т», стоив-

---

[202] См.: *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. P. 125.

[203] См.: *Thurow L.C.* The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World. L., 1996. P. 281.

[204] См.: *Forester T.* High-Tech Society. P. 2.

[205] См.: *Gates B.* The Road Ahead. P. 34.

ший 750 долл., был эквивалентен трем или даже четырем годовым зарплатам, тогда как сегодня для покупки нового дешевого автомобиля работнику нужно трудиться не больше полутора месяцев[206]. Однако этот пример меркнет перед темпом удешевления информационных продуктов. Если бы автомобильная промышленность в последние тридцать лет снижала издержки так же быстро, как компьютерная индустрия, то новейшая модель «Лексуса» должна была бы стоить сегодня не более 2 долл.[207], а «Роллс-Ройс» мог бы претендовать на цену в 2,5 долл. только в том случае, если бы расходовал один галлон горючего на 2 млн. км пробега[208].

Новые технологии резко снижают как издержки производства, так и стоимость самих информационных продуктов и условий их создания. Мы уже упоминали, что за послевоенные годы цена международных телефонных разговоров снизилась более чем в 700 раз[209], но лидером остаются компьютерные технологии. Как пишет Б.Гейтс, «весной 1983 года компания IBM выпустила свой первый персональный компьютер PC/XT, с жестким внутренним диском. Диск служил встроенной памятью и вмещал 10 мегабайт информации... Клиенты могли, по желанию, увеличить объем памяти своих компьютеров еще на 10 мегабайт — за отдельную плату. IBM предлагала специальное устройство, вместе с отдельным блоком питания, стоимостью 3000 долл., то есть каждый мегабайт стоил 300 долл. К лету 1996 года жесткие диски с объемом памяти в 1,6 гигабайт стоили уже 225 долл. — цена одного мегабайта составляла 14 центов»[210], снизившись всего за тринадцать лет более чем в 2 тыс. раз. Сегодня копирование одного мегабайта данных из системы Internet обходится в среднем в 250 раз дешевле, чем воспроизведение аналогичного объема информации фотокопировальными устройствами[211]. К концу 1995 года в США 24 млн. человек были официально зарегистрированы как пользователи «Интернета», а доступ к этой сети имели более чем 36 млн. американцев[212]; около трети американских семей имеют домашний или портативный компьютер, половина из которых подключена к модемной связи[213]. Однако это количество составляет не более

---

[206] См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 38-39.

[207] См.: *Naisbitt J.* Global Paradox. N.Y., 1995. P. 99.

[208] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 140.

[209] См.: *Davidson J.D., Lord William Rees-Mogg.* The Sovereign Individual. N.Y., 1997. P. 185.

[210] *Gates B.* The Road Ahead. P. 36.

[211] Ibid. P. 36.

[212] См.: *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of the Network Society. Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1996. P. 345.

[213] См.: *Moschella D.C.* Waves of Power. Dynamics of Global Technological Leadership 1964-2010. N.Y., 1997. P. 125.

7% общего числа применяемых в стране компьютеров и, по прогнозам экспертов, вырастет почти в три раза к 2000 году, что обеспечит домашним хозяйствам 15% компьютерного рынка[214].

Современная информационная революция не только сделала знания основной производительной силой, она сформировала предпосылки для того, чтобы средства, необходимые для создания, распространения и воспроизводства информационных продуктов, стали доступны каждому работнику интеллектуального труда. Именно переход от машины (machine), требовавшей человеческих усилий для обслуживания и функционирования, к орудиям (tools), способствующим росту возможностей человека, которыми выступают высокотехнологичные системы сегодняшнего дня[215], радикально изменил характер современных производственных отношений.

Значительная часть работников ныне реально владеет средствами производства, причем совсем не в том смысле, в каком обычно говорится об этом в современной научной литературе. Нас не может убедить мнение П.Дракера, который полагает, что «работники интеллектуального труда и работающие по найму представители среднего класса владеют средствами производства через пенсионные фонды, инвестиционные компании и т. д.»[216]; выше мы показали, что подобная система не меняет существенным образом ни положения работников, ни их стимулов, ни общественного статуса. П.Дракер и сам признает это, когда говорит о пенсионных и иных фондах, что «*эти фонды* (курсив мой. — *В.И.*) являются истинными капиталистами в современном обществе», а работник, который только что был назван новым буржуа, оказывается «зависимым от своей работы»[217]. Автор многого недоговаривает и когда признает за работником умственного труда право собственности лишь на его способность создавать интеллектуальный продукт[218], подобно тому как за трудящимся индустриального периода признавалось лишь право собственности на его рабочую силу, создающую стоимость и прибавочную стоимость.

Между тем действительность оказывается в значительной мере иной. Сущность современного работника интеллектуального труда определяется не только тем, что он обладает способностью генерировать новое знание; инвестиции в его образование не являются аналогом затрат на профессиональное обучение фабрич-

---

[214] См.: *Moschella D.C.* Waves of Power. P. 233-234.

[215] См.: *Handy Ch.* Understanding Organizations.P. 358-359.

[216] *Drucker P.F.* The Age of Discontinuity. P. 276.

[217] Ibid. P. 276.

[218] См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 64.

ного рабочего XIX века. Основной чертой современного интеллектуала представляется его уникальность, ибо, как мы уже подчеркивали, информация доступна далеко не всем, и круг людей, способных преобразовывать получаемые сведения в готовые информационные продукты и новое знание, вовсе не беспределен. Поэтому, даже если и считать затраты на образование работника определенным видом инвестиции, то подлинным результатом подобного капиталовложения является не возрастающая заработная плата, а нечто совершенно иное, реально материализующееся не в способностях работника, не поддающихся количественной оценке, а в характеристиках создаваемых им благ[219]. С другой стороны, сегодняшний трудящийся, и это принципиально отличает его от наемного работника капиталистической эпохи, вполне может позволить себе владеть всеми необходимыми ему средствами производства — компьютером, доступом к информационным сетям и системам, средствами копирования и передачи информации и так далее. Информационная революция в значительной мере лишила господствующий класс традиционного буржуазного общества монополии на средства производства, на которой базировалось его экономическое могущество. Причем характерно, что монополия эта разрушается прежде всего в той отрасли, где технологический прогресс наиболее стремителен и от доступности продуктов которой зависит конкурентоспособность всех прочих отраслей хозяйства, за исключением, быть может, традиционных ремесленных промыслов.

Важнейшим обстоятельством, которое следует отметить в этой связи, является изменение отношения работника интеллектуального труда не только к средствам производства, но и к продукту своей деятельности. В капиталистическом обществе наемный работник обладал формальной монополией лишь на свою рабочую силу; однако в условиях отсутствия дефицита на рынке труда класс буржуа не наблюдал и не ощущал этой монополии. Работники интеллектуального труда в период своего становления как социальной группы также составляли определенный сектор рабочего класса; монополия его представителей носила более выраженный характер, однако до развертывания информационной революции они тоже продавали предпринимателю свою способность к труду, что ставило их в один ряд с остальными представителями рабочего класса. Жесткий характер монополии интеллектуального работника на его знания ограничивал предложение соответствующих услуг и повышал цену его рабочей силы. Сегод-

---

[219] См.: *Branscomb A.W.* Who Owns Information? From Privacy to Public Access. N.Y., 1994. P. 7-8.

ня же, получая доступ к средствам производства как к своим собственным, работник интеллектуального труда выходит за рамки пролетариата. Товаром, который он предлагает предпринимателю, становится теперь не его рабочая сила, а готовый продукт, созданный с использованием собственных средств производства, — информационная технология, изобретение и так далее. Соединение такого работника со средствами производства делает его и владельцем этих средств производства как личной собственности, и товаропроизводителем, стоящим вне традиционных рыночных закономерностей и обменивающим свой продукт на другие товары с учетом индивидуальной полезности противостоящих его продукту благ и общественной полезности созданного им самим продукта. Подобная трансформация, уже заметная сегодня внимательному наблюдателю, представляет собой, на наш взгляд, самый опасный за последние десятилетия вызов традиционной экономике. Стремления работника интеллектуального труда к самостоятельности и автономности, проявлявшиеся еще в рамках относительно массовых и скоординированных производственных процессов, сегодня имеют все шансы реализоваться в невиданных ранее масштабах, и в этом случае общественное производство окажется разделенным на два лагеря — капиталистический и нерыночный — с такой резкостью, по сравнению с которой деление хозяйства на секторы, от первичного до пятеричного, покажется чистой условностью, не заслуживающей серьезного внимания.

Понимание значимости происходящих перемен стало проявляться с конца 70-х годов. После выхода в свет пионерской работы Г.Беккера о «человеческом капитале»[220], позже отмеченной Нобелевской премией, появилось множество исследований по соответствующей тематике, выявивших особую значимость интеллектуального капитала, определяемого как воплощенное в человеке субординированное полезное знание[221]; характерно, что отношение к подобному капиталу только как к личной собственности становится все более однозначным[222]. По мере распространения уверенности в том, что интеллектуальная собственность и интеллектуальный капитал не менее важны для постиндустриальной эпохи, нежели частная собственность и денежный капитал для буржуазного общества[223], а личная собственность служит

---

[220] См.: *Becker G.S.* Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago-L., 1993.

[221] См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 67.

[222] См.: Ibid. P. 101.

[223] См.: *Boyle J.* Shamans, Software, and Spleens: Law and the Construction of the Information Society. Cambridge (Ma.)-L., 1996. P. 13.

более мощным побудительным мотивом, нежели любой иной вид собственности[224], резко активизируются исследования по соответствующим направлениям.

В начале 90-х годов социологи стали отмечать, что «контроль над средствами производства жестко ограничен степенью, в которой они являются информационными, а не физическими по своему характеру. Там, где роль интеллекта очень высока, контроль над орудиями труда оказывается рассредоточенным среди работников»[225]. В результате «уникальной особенностью общества, которое ориентировано на информационные ценности, становится тенденция к объединению труда со средствами производства... Чем пользуются те, кто приумножает информационные ценности? — спрашивает Т.Сакайя и отвечает: — Конструктору нужны стол, карандаш, угольники и другие инструменты для графического воплощения своих идей. Фотографам и корреспондентам необходимы камеры. Большинству программистов достаточно для работы лишь небольших компьютеров. Все эти инструменты не так уж дороги и по карману любому человеку...»[226], в результате чего «в современном обществе тенденция к отделению капитала от работника сменяется противоположной — к их слиянию»[227].

Таким образом, на смену частной собственности на средства производства сегодня приходит личная собственность, пока лишь в масштабах, соответствующих распространенности интеллектуального труда в общественном хозяйстве. Это приводит к тому, что значительная по численности и еще более значительная по своему влиянию в современном производстве группа работников покидает ряды традиционного пролетариата и воплощает собой новую хозяйственную тенденцию, предлагая для обмена не свою высококвалифицированную *рабочую силу*, а уникальный *продукт*, отмеченный высокой степенью общественной полезности. Такие работники получают возможность действовать на основе неэкономических мотивов, совершенствуя и развивая свои творческие способности[228]. Несмотря на то что производство подобного продукта зачастую представляет собой промежуточную ступень на пути создания работниками интеллектуального труда собственных компаний и корпораций, начинающих действовать в рамках

---

[224] См.: *Radin M.J.* Reinterpreting Property. Chicago-L., 1993. P. 48.

[225] *Crook S., Pakulski J., Waters M.* Postmodernization. Change in Advanced Society. L. Newbury Park, 1993. P. 114-115.

[226] *Sakaiya T.* The Knowledge-Value Revolution. P. 66, 68, 68-69.

[227] Ibid. P. 270.

[228] См.: *Hammer M.* Beyond Reengineering: How the Process-Centered Organization Is Changing Our Work and Our Lives. N.Y., 1996. P. 77.

рыночного типа поведения, можно с уверенностью констатировать, что сегодня обладание частной собственностью на основные фонды и другие вещественные элементы общественного богатства не обеспечивает их владельцу такой же хозяйственной власти, как в буржуазном обществе. Важнейшим элементом преодоления основ капиталистического строя является формирующийся на наших глазах способ соединения работников и средств производства; и он возникает прежде всего в тех отраслях, от которых общественное производство зависит сильнее всего.

Столь глобальная перемена не могла не привести к серьезным изменениям в поведении владельцев и менеджеров промышленных компаний. П.Дракер, признающий, что работники владеют знаниями, которые, правда, являются единственными их средствами производства, пишет: «Инженерно-технические работники, специалисты и менеджеры предприятий обнаружили, что у них есть свой "капитал" — знания, что они владеют *средствами* производства. У кого-то другого — у организации — были *орудия* производства. Владельцы средств и орудий производства были нужны друг другу. По отдельности они не могут ничего производить. Иными словами, ни одна из сторон не является ни "зависимой", ни "независимой". Они взаимозависимы»[229]. Не вдаваясь в полемику по поводу разделения средств и орудий производства, следует согласиться с главной идеей автора: на нынешнем этапе *наиболее серьезной собственностью менеджеров и владельцев компаний оказывается созданная и взращенная ими организация*, причем под этим термином скрывается исключительно многообразное и сложное явление, включающее в себя не только внутренние производственные технологии, но также управление персоналом и концепцию поведения предприятия во внешней конкурентной среде.

Между тем происходящие перемены вызывают к жизни дискуссию по поводу того, что же именно является объектом собственности современных интеллектуальных работников. Можно с достаточной определенностью констатировать наличие по меньшей мере трех точек зрения. В первом случае речь идет о том, что главным объектом собственности выступает *готовый продукт* креативной деятельности — знания или информация; при этом подчеркивается, что в современных условиях собственность на нематериальные активы подобного рода не подвергается сомнению[230]. Во втором указывается на «смещение акцента на организационный *процесс*», которое закладывает основу для «цепной реакции,

---

[229] *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 66.

[230] См.: *Poster M.* The Mode of Information. Poststructuralism and Social Context. P. 72-73.

оказывающей воздействие на всех, от рядовых работников до директоров компаний... [в результате чего возникает] ...собственность на ход производства (process-ownership)»[231]. В третьем отмечают, что объектом собственности становится сама *деятельность*; заявляя, что сегодня можно говорить о труде (job) как о собственности (as a property right)[232], о собственности на процесс деятельности (ownership of the work)[233], современные социологи возвращаются к давно забытому и, казалось бы, опровергнутому марксизмом тезису о возможности продажи труда, тезисе, который в современную эпоху наполняется новым, ранее неизвестным содержанием.

Таким образом, следует констатировать, что изменения, связанные с быстрым развитием информационных технологий и не менее быстрым изменением психологии и мироощущения работников, приводят к явной теоретической неопределенности в отношении и обозначения современного общества, и описания трансформаций, которым подвергаются отношения собственности.

С одной стороны, исследователи пытаются определить современное общество как с учетом роли знаний и информации в структуре производства, так и с точки зрения отношений, возникающих между отдельными работниками. В первом случае все чаще говорится об «обществе знаний», что мы отмечали выше, во втором — о формирующемся строе как некоей ассоциации относительно независимых работников, вовлеченных в различные, но в равной мере важные, отрасли производства. Определяя подобное общество как *individualized society of employees*[234], социологи отмечают прежде всего партнерский характер отношений работников и нанимателей[235], невозможность управления работниками с применением традиционных методов[236], расширение возможностей для индивидуальной занятости[237] и рост количества рабочих мест, предоставляющих возможности временной работы или использования гибкого ее графика[238].

С другой стороны, заметна растерянность социологов при оценке направлений модернизации отношений собственности.

---

[231] *Hammer M.* Beyond Reengineering. P. 92.

[232] См.: *Drucker P.F.* The Changing World of the Executive. Oxford, 1995. P. 178.

[233] См.: *Handy Ch.* The Future of Work. A Guide to a Changing Society. Oxford, 1995. P. 83.

[234] См.: *Beck U.* Risk Society. Towards a New Modernity. L.-Thousand Oaks, 1992. P. 99, 100-102.

[235] См.: *Drucker P.F.* Post-Capitalist Society. P. 66

[236] См.: Drucker on Asia. P. 148.

[237] См.: *Handy Ch.* Beyond Certainty. The Changing Worlds of Organisations. L., 1996. P. 150-151.

[238] См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. P. 211.

Чаще всего высказываются мнения именно о распространении личной собственности; при этом ее истоком признается естественная принадлежность человеку его личных качеств и продуктов его деятельности[239], а результатом — преодоление свойственного рыночной эпохе отчуждения человека от общества[240]. Некоторые исследователи пытаются предложить экзотические понятия, которые, однако, в той или иной степени констатируют приоритет личных качеств человека над иными факторами в определении собственности; говорится о «внутренней собственности» (intra-ownership или intra-property)[241], о некоей не-собственности (non-ownership)[242], о том, что собственность вообще утрачивает какое-либо значение перед лицом знаний и информации[243], права владения которыми могут быть лишь весьма ограниченными и условными[244].

Таким образом, информационная революция служит основой модернизации отношений собственности. Сегодня значительная часть работников интеллектуального труда становится собственниками средств производства, позволяющих им предлагать крупным компаниям и корпорациям не свой труд, а его результат, не рабочую силу, а потребительную стоимость, воплощенную в информационном продукте или новой производственной технологии. В то же время и руководители производства, в исключительно редких случаях являющиеся формальными собственниками соответствующего предприятия или компании, становятся владельцами самого производственного процесса в той его части, в которой он может ими контролироваться, а также собственниками технологий и принципов выживания компании в жестокой рыночной схватке со своими конкурентами. Противостояние между капиталистом и наемным работником как владельцами средств производства и рабочей силы, характеризующее индустриальное общество, заменяется взаимодействием между самостоятельными и способными развивать собственное производство работниками интеллектуального труда и менеджерами крупных промышленных и сервисных компаний как обладателями разных, но одинаково необходимых для осуществления и совершенствования хозяйственного процесса условий.

---

[239] См.: *Radin M.J.* Reinterpreting Property. P. 40-41.

[240] Ibid. P. 196-197.

[241] См.: *Pinchot G., Pinchot E.* The Intelligent Organization. P. 142-143.

[242] См.: *Ozaki R.S.* Human Capitalism. The Japanese Enterprise System as a World Model. Tokyo-N.Y., 1991. P. 19.

[243] См.: *Drucker P.F.* The Age of Discontinuity. P. 371.

[244] См.: *Boyle J.* Shamans, Software, and Spleens. P. 18.

При этом и собственность современных работников на знания и орудия труда, и собственность менеджеров на инфраструктуру производства не являются частной собственностью в традиционном смысле данного термина. По сути дела, и те, и другие способны сегодня в рамках товарного обмена предлагать своим контрагентам не столько собственно деятельность или способность к ней, сколько интеллектуальный продукт, выступающий результатом индивидуального производства. Мы полагаем, что эти два вида собственности представляют собой те не реализовавшиеся еще окончательно формы личного владения условиями и средствами производства, которые и подрывают в конечном счете традиционные способы хозяйствования. Именно на их основе и формируются новые отношения, при господстве которых общественная полезность производимых благ станет главным и единственным регулятором обмена.

Естественно, что институт частной собственности, порожденный рыночными принципами хозяйствования, не может быть устранен до тех пор, пока эти принципы в значительной мере обусловливают механизмы обмена. Преодоление же рыночного характера товарных трансакций, их стоимостной природы, возможно только в условиях явного доминирования неэкономических мотивов и стимулов над поведением индивидов. Совершенно очевидно, что сегодня процесс такой трансформации ни в коем случае нельзя назвать завершенным. Однако важно не это. Модифицированные многочисленными обстоятельствами, отношения собственности в условиях становления информационного общества утратили то доминирующее значение, которое они имели в рамках общества индустриального. И поэтому мы можем утверждать, что сохранение данного отношения уже не представляется значимым препятствием для развертывания интересующей нас постэкономической трансформации.

Действительно, частная собственность в ее «дезинтегрированных» формах выступает скорее как символ владения средствами производства и условие получения определенных доходов, чем как воплощение возможности действовать в качестве субъекта, обладающего реальной хозяйственной властью. Мелкие собственники не в состоянии реализовать большинство из тех прав, которые частная собственность предполагала в рамках экономического типа общества, они лишь способствуют упрочению позиций владельцев сложных технологических и финансовых процессов, причем в той мере, в какой развитие механизма трастовой передачи прав собственности умножает количество посредников на пути их реализации. Сегодня может возникнуть впечатление, что реальная собственность сосредоточивается в руках ее новых распорядителей — от менеджеров крупных компаний до руководящего персо-

нала пенсионных фондов, страховых фирм и прочих финансовых институтов, — становящихся основными акционерами промышленных корпораций. Но и эта «собственность» в эпоху информационной революции оказывается в значительной мере условной. Как пишет Ч.Хэнди, «кто владеет капиталом в век интеллектуального капитала? Отнюдь не акционеры; они и не могут владеть им. Ядро компании составляют работники, обладающие интеллектуальным капиталом, а владеть другими людьми невозможно — они всегда могут просто уйти от своих хозяев»[245]. Следовательно, мы вновь приходим к выводу, что собственники процессов и технологий оказываются реальными хозяевами производства, в котором одна из наиболее сложных задач заключается ныне в его внутренней организации.

С другой стороны, наиболее крупные состояния принадлежат сегодня людям, являющимся, как правило, непосредственными создателями организаций, принесших им баснословные доходы. Причем это относится не только к владельцам преуспевающих информационных консорциумов; Т.Уолтон, самый богатый американец, чьи капиталы созданы вне информационного сектора, владеет контрольным пакетом акций оптовой торговой компании «Уол-Март», которую он создал и которой руководит на протяжении более чем двадцати лет. Подобную собственность можно в определенном смысле считать основанной на личном участии, рассматривать ее как воплощение и развитие собственности на знания и на технологии производственного процесса. Характерно, что значительная доля такой собственности не материализуется в денежном богатстве, не направляется на потребление собственника, а фактически навсегда воплощается в самой компании. Вряд ли Б.Гейтс, состояние которого растет прежде всего с ростом курсовой стоимости акций «Майкрософта», 24% которых находятся в его собственности, захочет когда-либо избавиться от них и предаться отдыху. Современная крупная собственность главным образом отражает успех компаний, созданных их владельцами, и сегодня с большей уверенностью, нежели когда бы то ни было ранее, можно утверждать, что она будет и впредь служить целям их самоутверждения посредством развития производства и успешной борьбы с конкурирующими производителями.

Именно поэтому среди основных факторов, поддерживающих экспансию крупнейших корпораций, доминируют ныне внутренние источники накопления. Как отмечал еще Д.Белл, «сегодня лишь небольшая часть корпоративного капитала обеспечивается

---

[245] *Handy Ch.* Finding Sense in Uncertainty // *Gibson R.* (Ed.) Rethinking the Future. L., 1997. P. 30; подробнее см.: *Handy Ch.* Beyond Certainty. P. 183-202.

продажей акций. Источником более существенной ее части являются результаты текущей деятельности компании. За последнее десятилетие более 60% вложений в основные фонды, осуществленных тысячью крупнейших промышленных компаний США, было профинансировано из внутренних источников»[246]. Подобные компании, которые мы называем креативными[247], имеют своей задачей не только координацию целей корпорации и общества, о чем охотно говорят известные предприниматели, мнения которых приводит О.Тоффлер[248], но и самовыражение и самоутверждение их создателей. Фактор ответственности и самореализации имеет для их владельцев гораздо более важное значение, нежели фактор собственности; как справедливо отмечает П.Дракер, «проблемы, которые предстоит решить, являются не проблемами собственности или политической власти, а проблемами социальной организации, соответствующей современным технологиям»[249]. Все это убедительно свидетельствует о том, что экономическая мотивация не выступает сегодня основным условием прогресса производства, а частная собственность — единственным условием его эффективного функционирования.

Таким образом, под воздействием явлений, трактуемых нами как становление качественно нового вида личной собственности, происходит, с одной стороны, формирование групп независимых работников интеллектуального труда и менеджеров, выступающих собственниками условий производства, и, с другой стороны, владельцев новых компаний, созданных их талантом и знаниями. Характерно, что первые имеют больше шансов влиться в состав вторых, нежели оказаться в рядах промышленного пролетариата. Тем не менее в эволюции отношений собственности не удается избежать противоречия между той частью общества, чьи представители являются носителями современного знания, и той, которая составляет основу современного среднего класса. Мелкая частная собственность не изменяет социальную природу представителей наемного труда и не дает им никаких прав собственника, кроме дополнительного дохода пайщиков определенного взаимного фонда или держателей акций финансовой компании.

Экспансия личной собственности проявляется в последние десятилетия все более отчетливо, принимая всеобщий характер и не ограничиваясь информационным сектором. Так, если в начале

---

[246] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 294.

[247] Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* Творческие начала современной корпорации // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 11. С. 18-30.

[248] См.: *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 156-157.

[249] *Drucker P.F.* Concept of the Corporation. P. 204.

80-х годов созданная О.Тоффлером концепция «электронного коттеджа»[250] еще прочно связывала индивидуальное производство с его интеллектуальными чертами и информационным характером производимого продукта, то Дж.Нэсбит, говоря сегодня о том, что «революция в телекоммуникациях создает огромную, глобальную экономику с единым рынком, в то же время делая ее компоненты более мелкими по размеру и более мощными»[251], имеет в виду иное явление. Предсказанное им в начале 90-х создание в США к 1995 году около 20,7 млн. семейных предприятий на дому[252] оказалось решительно превзойденным; согласно данным статистики, в 1996 году 30 млн. человек были индивидуально заняты в своих собственных фирмах[253]. Данная тенденция не означает при этом движения к индивидуализму и самоизоляции; напротив, человек в таких условиях вынужден общаться с гораздо большим числом контрагентов, нежели прежде, усваивать и перерабатывать гораздо большее количество информации. Но, что не менее существенно, эта тенденция означает быстрое расширение круга людей, живущих и работающих вполне самостоятельно, относящихся к своим согражданам как к равным партнерам; людей, осваивающих новый тип поведения, в значительной мере не определяемый традиционными экономическими ценностями и не предполагающий господства частной собственности на средства производства как условия хозяйственной деятельности, а стоимости — как его главной цели.

Между тем противостояние частной и личной собственности, не имеющее сегодня признаков антагонизма, не сводится лишь к формированию общественных групп и классов, представители которых являются владельцами используемых ими средств производства, собственниками процессов и индивидуальными производителями информационных или материальных благ. Данная дихотомия, реально существуя в масштабе всего социума, не может развиваться без соответствующей реакции общественных институтов, правительств и государственной власти. В этом отношении особый интерес представляют производство общественных благ и функционирование государства как хозяйственного субъекта; как мы полагаем, с каждым годом все более очевидно, что государственную собственность можно рассматривать как специфическую гипертрофированную форму личной собственности, а го-

---

[250] См.: *Toffler A.* The Third Wave. P. 204-205.

[251] *Naisbitt J.* From Nation States to Networks // *Gibson R.* (Ed.) Rethinking the Future. L., 1997. P. 216.

[252] См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. P. 331.

[253] См.: *Davidson J.D., Lord William Rees-Mogg.* The Sovereign Individual. P. 154.

сударственный сектор — как сферу быстрого развития неэкономических принципов хозяйствования. Проблемы, которые возникают в этой сфере, при всей их значимости не следует, на наш взгляд, рассматривать в качестве серьезного элемента подрыва традиционных отношений собственности; в значительной мере способствуя обновлению многих современных производственных отношений, деятельность правительств большинства развитых стран фактически не затрагивает вопросов, связанных с изменением форм собственности и не формирует условий становления ее новых видов и типов.

Государственная собственность: между частной и личной собственностью

Государственная собственность занимает совершенно особое место в хозяйственной структуре современного общества. Все отмеченные нами факторы изменения традиционных отношений собственности проявляются в ней особенно выпукло и наиболее явным образом. Противостоя корпоративной собственности и личной собственности граждан, она имеет экономические источники и развивается в системе координат экономического общества, на основании чего можно весьма уверенно говорить о ней как о частной собственности. В ней воплотилась та «распыленность», которая присуща современной собственности; не существует иного хозяйствующего субъекта, собственность которого была бы формально распределена среди такого множества совладельцев, и невозможно найти ни одной компании, в которой управление собственностью было бы столь отдалено от ее формальных носителей. Ни в одной отрасли хозяйства люди, которых мы называем собственниками процессов, не имеют власти, выходящей далеко за рамки определения хозяйственной стратегии; в данном случае владение процессами достигает своего наиболее полного воплощения. Обладание этой собственностью не означает возможности ее реального присвоения и весьма напоминает современную частную собственность, которой владеют основатели и управляющие крупнейших информационных корпораций. И, наконец, несмотря на все это, государственная собственность призвана служить интересам общества в целом; в данном отношении она не выступает инструментом господства человека над человеком в условиях рыночной среды; этим она близка к личной собственности именно в том смысле, как мы ее определили. Таким образом, этот вид собственности воплощает в себе отдель-

ные стороны всех видов и форм современной собственности и носит явно переходный характер; скорее всего, он не сможет долго сохранять свои нынешние формы в условиях быстро изменяющегося общества, далеко ушедшего вперед по пути постэкономической трансформации.

В той или иной форме государственная собственность существовала на протяжении всей истории антагонистических обществ. Зачастую она использовалась для достижения политических целей господствующего класса, однако ее наличие в то же время обусловливалось нуждами, удовлетворить которые отдельные люди были не в состоянии; поэтому «государственные хозяйственные структуры (в отличие от рынка, который обслуживает разнообразные частные интересы) всегда существовали для удовлетворения общественных нужд и предоставления товаров и услуг, которые не могут быть приобретены индивидуально»[254]. При этом государство всегда выступало в роли хозяйствующего субъекта, поскольку отражало интересы определенных социальных групп и классов, интересы, которые в условиях становления и развития индустриального общества имели экономическую природу и содержание. На всех этапах развития хозяйственных структур государству принадлежала одна из главных ролей. Государственное потребление, выключенное из естественного товарного оборота, неимоверные расходы, которые оно позволяло себе ценой расстройства денежного обращения, стали важнейшими причинами деструкции хозяйственной системы Римской империи. Напротив, даже слабые черты его включенности в рыночные отношения, проявившиеся уже в раннем средневековье, обретение государственным потреблением возмездного характера привели не только к росту средневековых городов вокруг королевских дворов — главных субъектов платежеспособного спроса на ремесленную продукцию, но и к упорядочению налоговой системы, к переходу на денежную ренту, к появлению в странах Европы в XIV веке первых государственных бюджетов, а вскоре и рынка долговых обязательств правительств, что с этого времени раз и навсегда сделало государство безусловным и неоспоримым участником рыночных процессов.

В зависимости от обстоятельств функции государства оказывались различными, и государственная собственность служила решению разнообразных задач, важнейшей из которых, однако, оставалось поддержание общественной стабильности посредством элиминирования наиболее острых конфликтов и их причин; как

---

[254] *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. 20th Anniversary Ed., N.Y., 1996. P. 224.

отмечал Д.Норт, «главным продуктом государства являются задаваемые и поддерживаемые "правила игры"»[255], выступающие залогом стабильности социального целого. С формированием основ индустриального общества главным средством достижения подобных целей стало активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь; это направление его деятельности оказалось приоритетным в нынешнем столетии.

Самым жестоким испытанием для капиталистического государства как хозяйствующего субъекта стал катастрофический кризис, разразившийся в конце 20-х — начале 30-х годов. Не имея проверенных форм противодействия столь разрушительным явлениям, государство использовало все имевшиеся возможности для смягчения последствий кризиса: финансировались общественные работы, обеспечивалась материальная поддержка граждан, решительно переструктурировалось хозяйство, проводилась активная денежная и кредитная политика. За исключением наиболее экстраординарных задач, таких, как общественные работы и прямая материальная поддержка нуждающихся, остальные находились в поле зрения властей и в первые годы после преодоления кризиса. Во время Второй мировой войны возникла тенденция, укрепившаяся в первые послевоенные годы и имевшая исключительное значение для обеспечения научно-технического прогресса: основным направлением инвестиций и важнейшим объектом государственной поддержки стали высокотехнологичные отрасли, сферы науки и образования, отставание в которых создавало реальную угрозу национальной безопасности. Наиболее впечатляющие прорывы, возвестившие наступление информационной эры, были обусловлены государственными инвестициями, причем как в западных странах, так и в государствах бывшего Восточного блока. Именно на этом решающем направлении государственная собственность проявила себя как субститут частной, открыв простор для решения хозяйственных проблем такой сложности и перспективности, которые в полной мере были недоступны индивидуальным и даже корпоративным инвесторам.

В 60-е и 70-е годы, когда информационная революция стала реальностью, возникли компании, способные развиваться за счет внутреннего потенциала. В это же время основы политической стабильности были поколеблены мощными социальными движениями как внутри, так и вне пределов наиболее развитых постиндустриальных стран, поэтому особое внимание государства оказалось приковано к развитию социальной сферы, к смягчению классовых противоречий, решению проблем, связанных с

---

[255] *North D.* Structure and Change in Economic History. P. 24.

безработицей и миграцией, обеспечением доступа к здравоохранению и другим социальным программам. Таким образом, с каждым новым этапом государственная собственность проникала во все большее число сфер, которые ранее были для нее фактически закрытыми[256].

В настоящее время государственная собственность выступает в двух основных формах, служащих единым целям, но различных по составляющим их элементам.

Во-первых, большая часть государственной собственности представляет собой совокупность ресурсов, которыми государство владеет на основе существующей в обществе законодательной базы, именно как система институтов власти и управления. С целью сбалансированного развития общественного целого оно перераспределяет финансовые потоки с помощью налогов, использует труд граждан в рамках определенных законами повинностей, контролирует принадлежащие ему естественные ресурсы. Все эти элементы богатства составляют основу той силы, которую государство может мобилизовать в случае возникновения угрозы нации или отдельным гражданам — как военной, политической, так и хозяйственной, экономической. При этом оно имеет возможность расходовать данные ресурсы и на текущие нужды: проводить мероприятия по укреплению национальной валюты, оживлению производства и экспорта, предоставлять гранты и субсидии, оказывать помощь дружественным странам, финансировать научные разработки и обеспечивать реализацию социальных программ. Обладая гигантскими ресурсами, государство выступает сегодня одновременно крупнейшим потребителем промышленной продукции и самым крупным институциональным инвестором.

Во-вторых, непосредственно на правах собственника государство владеет огромным имуществом, в том числе предприятиями и компаниями, представляющими стратегические отрасли промышленности. При этом, заняв один раз важные позиции в определенной отрасли, оно сдает их крайне редко. Исключением могут быть только случаи продажи частным инвесторам малоэффективных предприятий или компаний, ранее созданных государством, но не нуждающихся более в управлении с его стороны. Наиболее известными примерами в данной области считают приватизацию в Великобритании после прихода к власти правительства консерваторов в 1979 году и разгосударствление части французской промышленности после успеха коалиции правых партий на парламентских

---

[256] Подробнее см.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P. 225-226.

выборах в 1986-м; однако реальный масштаб этих процессов был менее значительным, чем их резонанс: так, во Франции с 1986 по 1989 год было приватизировано лишь 138 компаний, на которых работало около 300 тыс. человек — что составляло менее 1% общей численности совокупной рабочей силы этой страны[257].

Общей тенденцией оставался и остается рост государственного влияния на хозяйственную жизнь, обусловленный самим прогрессом и усложнением современных производственных систем. Как отмечает Дж.К.Гэлбрейт, «в ходе экономического развития, сопровождающегося повышением уровня социальной ответственности, стоящие перед правительством проблемы усложняются и множатся даже не в арифметической, а в геометрической прогрессии»[258]. Даже в эпоху преобладания неоконсервативной экономической политики государственное влияние не столько уменьшилось, сколько диверсифицировалось и изменило основные поверхностные формы своего проявления; сложности сегодняшних хозяйственных и социальных проблем требуют вмешательства государства и реализации его прав собственника ежедневно и ежечасно, и не видно, чтобы в перспективе эта тенденция могла заметно измениться.

Обладая экономическим потенциалом, превосходящим возможности самой процветающей корпорации и даже любого их конгломерата, государство направляет сосредоточенные им ресурсы в те сферы хозяйства и на те программы реформирования общественной структуры, которые представляются в текущий момент наиболее актуальными. Государственная собственность, так же как частная и личная, не является чем-то застывшим, простой констатацией владения теми или иными ценностями. И важнейшая проблема, которая стоит сегодня перед распорядителями государственной собственности, заключается, на наш взгляд, в том, что они не управляют ею так, как распоряжаются своими возможностями неэкономически мотивированные владельцы личной собственности, хотя *по своей структуре* государственная собственность наиболее близка именно к личной.

В литературе, как экономической, так и социологической, десятилетиями идет дискуссия о том, какой должна быть мера государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Позиция, против которой трудно что-либо возразить, сформировалась у большинства ее участников еще в начале 70-х годов. С одной стороны, было признано, что «по мере ускорения экономического развития все большее значение приобретает государственное ре-

---

[257] См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. P. 164-165.

[258] *Galbraith J.K.* The Good Society: The Human Agenda. Boston-N.Y., 1996. P. 71.

гулирование, даже на фоне очевидной несостоятельности классического социализма»[259]; с другой, «распространение принципов планирования на все сферы экономики»[260] не признавалось панацеей, способной привести к формированию более эффективно функционирующего хозяйства[261]. Таким образом, казалось, была выработана вполне взвешенная точка зрения, однако дискуссия не только не прекратилась, но, по некоторым наблюдениям, с каждым годом становится все активнее. Параллельно была предложена концепция роли государства во внеэкономической, или, правильнее было бы сказать, во внерыночной сфере. Основными своими положениями она напоминает оборонительную стратегию и призвана минимизировать все возможные отрицательные последствия нежелательных социальных или природных явлений. Как пишет Г.Перкин, «в интеллектуальном обществе "государство всеобщего благосостояния" не является чем-то необязательным; оно остается необходимой основой любого сообщества, гарантией против бедности, преступности, насилия и анархии, условием сохранения и обогащения человеческого капитала»[262]; аналогичная позиция сформулирована и по отношению к проблемам, возникающим в связи с нарушением экологического равновесия и использованием окружающей среды[263].

В результате стала доминировать точка зрения, согласно которой государство должно реагировать в первую очередь на различные проявления социального неблагополучия; на этой позиции базируется практика использования государственной собственности повсюду в мире. Характерно, что в таком, например, вопросе, как регулирование экономических кризисов, действия властей могут иметь в определенной мере превентивный характер, поскольку закономерности развертывания подобных кризисов достаточно хорошо известны. Однако развитие технологий, прогресс информационного производства и, наконец, новые научные исследования могут привести к последствиям, которые не только невозможно предсказать, но преодолеть которые будет гораздо труднее, нежели не допустить самого их возникновения. Мы не знаем всего, что может в ближайшие годы создать человек, получающий в свое распоряжение новейшие научные данные, вооруженный совершенной техникой и свободный от традиционных

---

[259] *Galbraith J.K.* The Good Society. P. 71.

[260] *Heilbroner R.L.* Business Civilization in Decline. N.Y.-L., 1976. P. 111.

[261] Подробнее см.: *Toffler A.* Future Shock. P. 449.

[262] *Perkin H.* The Third Revolution. Professional Elites in the Modern World. L.-N.Y., 1996. P. 215.

[263] См.: *Robertson J.* Future Wealth. P. 16.

материальных потребностей. Даже не имея осознанных асоциальных целей, современный исследователь может получить такие результаты научной работы, которые могут представлять серьезную опасность для всего человечества.

Сила государства (мы не говорим сейчас о военной и полицейской машине) заключена в распоряжении *экономическими* ресурсами, а если быть точнее — денежным богатством. Именно эта сила может временно снизить безработицу, поддержать национальную валюту, помочь безболезненно пережить дефицит платежного баланса и обслуживать гигантские финансовые обязательства правительства. Однако все это свидетельствует о том, что государственная собственность управляется на основании причинно-следственных связей, типичных для традиционного индустриального общества; располагая средствами, наиболее адекватными принципам и задачам прежней эпохи, государство оказывается в состоянии защитить своих граждан лишь *экономическими* методами[264] и в *экономическом* аспекте[265]. Между тем, как мы отметили, по сути своей государственная собственность ближе к собственности личной, чем к частной. Государство сегодня может знать, что противопоставить грядущему экономическому кризису, как обеспечить повышение уровня жизни в отдельном регионе или защитить интересы своих граждан даже в отдаленном уголке мира. Но, обладая властными и экономическими рычагами, оно может оказаться бессильным перед стремлением индивидуальных собственников информации и знаний к самоутверждению в самых опасных для общества формах. Даже попытки запрета определенных направлений научных исследований и разработок не будут иметь успеха в условиях, когда правительства не могут ни финансово ограничить подобные работы, ни даже обнаружить сам факт их проведения.

Сегодня неизвестны способы применения государственной собственности на основе тех принципов и в соответствии с теми мотивами, которые характеризуют деятельность владельцев личной собственности на средства производства. Застывая в занимаемом ею промежуточном положении, государственная собственность рискует в скором времени оказаться последним пережитком частной собственности, институтом, не отвечающим потребностям изменившейся ситуации. Между тем в условиях современной демассификации, разделенности общества на бесчисленное количество производящих индивидов, цели которых теряют то единое основание, которое они имели в рамках экономического

---

[264] См.: *Kantor B.* Understanding Capitalism. How Economies Work. L.-N.Y., 1995. P. 105.

[265] См.: *Offe C.* Contradictions of the Welfare State. Cambridge (Ma.), 1993. P. 287-288.

строя, только централизованные общественные институты и способны, по-видимому, противостоять перспективе социальной дезинтеграции.

* * * * *

Все эти проблемы лежат, однако, за пределами круга вопросов, имеющих непосредственное отношение к развитию собственности, хотя и имеют исключительно важное значение, поскольку отражают отсутствие в постэкономическом обществе того единого направляющего стержня, которым в рамках общества экономического были материальные интересы составляющих его людей. Поэтому в качестве третьей важнейшей компоненты постэкономической революции необходимо рассмотреть социальные изменения, происходящие в современном обществе.

Общество, кажущееся сегодня верхом социальной гармонии, внутренне очень неоднородно. Те, кто получает средства к существованию, продавая свою рабочую силу, равно как и те, кто извлекает доходы из традиционных форм предпринимательства, принадлежат системе, базирующейся на *частной собственности*. Те, кто не испытывает серьезных имущественных проблем, развивая собственные способности и находясь на переднем крае информационной революции, конституируют систему, формирующуюся вокруг принципа *личной собственности*. Первые представляют собой среду, в которой распространены прежние, материалистические мотивы и стимулы; вторые, напротив, являются носителями постматериалистических ценностей. На наших глазах формируется противостояние представителей «второй» и «третьей» волн в терминологии О.Тоффлера[266], «материалистов» и «постматериалистов» в понимании Р.Ингельгарта[267]; острота данного конфликта и сложность его разрешения дополняются двумя важнейшими обстоятельствами.

С одной стороны, современные социологические исследования показывают, что постматериалистическая ориентация, соответствующая принадлежности человека к субъектам личной собственности и к высшему классу современного общества, фактически не формируется в течение жизни, закладываясь еще в детские годы[268]. Именно поэтому большинство носителей подобных

---

[266] См.: *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1980.

[267] См.: *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton, 1977.

[268] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 98-102.

ценностей характеризуются не столько высоким текущим уровнем благосостояния, сколько происхождением из материально обеспеченных слоев населения. Причем расширение круга таких людей в обществе происходит в последние десятилетия не скачкообразно, как это можно было бы предположить исходя из динамики информационной революции, а вполне плавно, по мере ухода из жизни представителей старшего поколения, до конца своих дней, как правило, не воспринимающих новых ценностных представлений. Таким образом, конфликт становится исключительно устойчивым, а скорое его разрешение кажется нереальным.

С другой стороны, формирующийся класс нематериалистически ориентированных людей, *не ставящих своей основной целью* присвоение вещного богатства, *обретает реальный контроль* над процессом производства, и все более значительная часть общественного достояния перераспределяется в его пользу. Не определяя обогащение в качестве своей цели, представители нового высшего класса *получают от своей деятельности результат, к которому не стремятся.* В то же самое время члены общества, не обладающие ни способностями, необходимыми в высокотехнологичных производствах, ни образованием, позволяющим развивать способности, *пытаются решить задачи материального выживания*[269], ограниченные вполне экономическими целями. Однако сегодня их доходы не только не повышаются, но снижаются по мере хозяйственного прогресса. Таким образом, люди, принадлежащие к новой угнетаемой страте, *не получают от своей деятельности результат, к которому стремятся.* Последнее делает конфликт между стратами острым и непримиримым.

Все это лишний раз показывает, что современные процессы изменения форм собственности основаны более на объективных факторах совершенствования технологических основ производства, чем на тех относительно поверхностных сдвигах, которые советские марксисты привыкли считать свидетельством «социализации» хозяйства. Еще более очевидной становится при таком подходе иллюзорность надежд на возможность замены частной собственности собственностью «общественной», искусственной теоретической конструкцией, способной быть органично включенной лишь в идеологизированные схемы утопистов прошлого века.

Формирование системы, основанной на личной собственности, не может не рассматриваться как элемент естественного развития общества по пути прогресса. Законы социальной динамики действуют независимо от воли и стремлений людей, и остано-

---

[269] См.: *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble? Egaux et différents. P., 1997. P. 109.

вить данный процесс не представляется возможным. Между тем следует иметь в виду, что ренессанс личной собственности, сопровождающий становление нового общества, означает, с одной стороны, формирование ранее неизвестного типа свободы, но, с другой, и возрождение той монополии, которую отрицала собственность частная. Экспансия новых отношений предполагает появление нового источника развития общества, но реально он будет обеспечивать прогресс одной его части, в то время как другая оказывается поставленной во все более отчужденное по отношению к достижениям прогресса состояние. Мы должны отдавать себе отчет в том, что этап противостояния личной и частной собственности на нисходящем этапе развития экономической эпохи не будет менее противоречивым и сложным, нежели их взаимодействие на ее восходящем этапе, и противоречия античного, феодального и раннебуржуазного обществ могут показаться забавной сказкой на фоне тех катаклизмов, которые могут ожидать человечество в будущем.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

УСТРАНЕНИЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ И НОВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Постэкономический строй формируется по мере того, как индивидуальные предпочтения человека, развитие его личности и духовный рост определяют все новые черты общественного целого. В этих условиях «все прежние метасоциальные принципы единства общественной жизни заменяются... принципом свободы»[270]. Однако даже в самом совершенном социуме свобода не может быть безграничной; любые стремления и интересы одних людей, выражаясь в индивидуальных или коллективных действиях, безусловно, сталкиваются с интересами других; поэтому все философы и социологи подчеркивали и подчеркивают, что «конфликт между личной заинтересованностью гражданина и интересами коллективного целого является основной проблемой свободного общества»[271].

Вопросы самооценки личности, ее идентификации с той или иной социальной группой, определение положения человека в обществе как свободного или зависимого, его деятельности как направленной на достижение им самим определенных целей или совершающейся по принуждению — все эти темы в самые разные эпохи оставались в центре внимания социальной философии; стремление к устранению эксплуатации, под которой обычно понималось подавление человека человеком ради достижения материальной выгоды, никогда не утрачивало своего значения ни в теоретическом аспекте, ни как предпосылка и инструмент преобразования общественных форм и институтов. Именно поэтому степень ее преодоления представляет собой сегодня реальное выражение того общественного прогресса, который основан

---

[270] *Touraine A.* Le retour de l'acteur. Essai de sociologie. P., 1988. P. 96.

[271] *Drucker P.F.* Concept of the Corporation. P. 262.

на деструкции стоимостных отношений и модернизации системы собственности. И если постэкономический строй действительно призван поднять социальную организацию на более высокую ступень, то его способность устранить эксплуатацию, порождающую непримиримые противоречия в рамках индустриальной эпохи, может служить главным критерием верификации подобного утверждения.

Приступая к нашему анализу, сформулируем два важных положения, которые будут определять его контекст. Во-первых, постэкономическое общество не может ни элиминировать конкурентное распределение создаваемых благ между своими членами, ни, тем более, сделать его равным. Новая социальная организация, утверждая принципы свободы, не утверждает принципов равенства — и в этом заключено важнейшее отличие формирующейся общности от традиционного идеала социалистов[272]. Во-вторых, новое общество не становится бесклассовым, как то предполагали многие утописты; напротив, оно может оказаться даже более жестко разделенным на отдельные социальные группы, нежели прежнее, однако критерием подобного деления станут не внешние характеристики, такие, например, как собственность на материальные блага, а личностные качества человека, и в первую очередь его способность к производству информации и превращению ее в знания.

Оба эти положения требуют серьезных пояснений, предваряющих анализ соответствующих проблем.

Говоря о социальных противоречиях формирующегося общества, следует иметь в виду, что смягчение или разрешение многих из них достигается не столько их преодолением в ходе общественной эволюции, сколько замещением противоречиями иного типа и уровня. И речь не идет о противоречиях в том их качестве источника развития, каковыми они представляются в гегелевской диалектике; мы говорим о реальных социальных конфликтах, которые приходят и не могут не приходить на смену конфликтам индустриальной эпохи. Основными проблемами, с которыми человечеству придется столкнуться в ближайшее время, выступают преодоление эксплуатации, изменение характера классового противостояния и нарастание неравенства в распределении материальных благ.

Тенденция преодоления эксплуатации более или менее явно прослеживается уже сегодня. Это обусловлено прежде всего тем, что причина конфликта, лежащего в ее основе, кроется в мотивах, обусловливающих действия человека в экономическом об-

---

[272] См.: *Arendt H.* The Human Condition. P. 129.

ществе. Эксплуатация порождается столкновением материальных интересов людей, когда определенная потребность одного не может быть удовлетворена без ущемления потребности другого — прежде всего в форме изъятия у непосредственного производителя определенной доли создаваемых им благ. Учитывая, что речь идет об обществе экономического типа, легко понять, что обе противостоящие стороны рассматривают присвоение материального богатства как свою цель; поэтому в ходе конфликта одна из них, не способная реализовать свой материальный интерес, становится непримиримым антагонистом другой. Такова схема возникновения одного из противоречий экономического строя, в условиях ограниченного объема материальных благ наиболее опасного для социальной структуры.

Социалисты и представители других утопических учений считали достижимым разрешение данного противоречия через активное развитие производства, которое сделало бы возможным полное удовлетворение постоянно растущих потребностей общества. Однако этот подход основывается на столь большом количестве допущений, что не может служить основой для определения реальных перспектив человечества. С одной стороны, производство никогда не сможет удовлетворить *всех потребностей общества*; с другой — даже при гипотетическом удовлетворении *всех потребностей общества* совершенно неочевидно, что окажутся удовлетворенными *все потребности составляющих его личностей*. Совокупность целей и стремлений индивидов гораздо более обширна, чем цели и стремления общества; поэтому и потребности всех его членов не могут быть не только *удовлетворены*, но даже *определены* усилиями социального целого. Кроме того, объединение в коммунистической доктрине идеи всестороннего развития личности с идеей равенства опровергается современной действительностью, не оставляющей сомнений в том, что каждый новый шаг в направлении становления творчества как основного элемента системы социальной активности становится шагом в направлении преодоления того весьма относительного имущественного равенства, которое существовало в рамках индустриальной эпохи[273].

В итоге единственным реальным путем устранения эксплуатации является преодоление ее как социопсихологического явления. Это утверждение не так парадоксально, как может показаться на первый взгляд; если изъятие у производителя его продукта (а в том, что оно будет происходить столь долго, сколь долго

---

[273] См.: *Lyotard J.-F.* The Postmodern Explained. Correspondence 1982-1985. Minneapolis (Mi.)-L., 1993. P. 95.

люди будут жить сообществами, сомневаться не приходится) не будет восприниматься им как противоречащее его целям и интересам, эксплуатация в ее традиционном понимании перестанет оказывать существенное воздействие на социальные отношения, что и объясняет как наш подход к трактовке преодоления эксплуатации, так и природу нового социального противоречия.

Классовые отношения постэкономического общества в принципе не должны рассматриваться как заявленное в утопических концепциях гармоничное общение отдельных социальных групп. В отличие от экономической эпохи, когда принадлежность человека к тому или иному классу определялась в первую очередь его отношением к собственности на материальные условия и результаты производства, в новом общественном состоянии важнейшим критерием становится его способность или неспособность оперировать информацией и знаниями, создавать новые информационные продукты или хотя бы адекватно усваивать уже имеющиеся.

На этапе становления постэкономического строя — и мы уже касались этого ранее — существует переходная форма классового деления, противоречивым образом объединяющая принципы, основанные как на отношении к собственности, так и на способности к инновациям. В некоторых исследованиях она рассматривается как стабильная система, к которой капиталистическое общество последовательно продвигалось с самого своего возникновения; так, Я.Пакульски и М.Уотерс пишут: «Как только возникло капиталистическое общество, оно сразу же начало приобретать форму, при которой собственность стала уступать свое значение важнейшего фактора формирования экономических групп иерархически организованным принципам подчинения»[274]. Известно, сколь важную роль придавали родоначальники теории постиндустриального общества изучению новых господствующих классов — меритократии, адхократии* и так далее.

Мы, однако, полагаем, что система, основанная на доминировании подобных групп, не может быть устойчивой. По мере развития постэкономических тенденций основное классовое деление будет быстро смещаться от разграничения управляющих и управляемых к разграничению создателей продукта (прежде всего интеллектуального) и пользователей, как способных к такому производству и потреблению, так и неспособных. Уже сегодня, когда все чаще можно слышать, в том числе и от таких глубоко

---

[274] *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 70.

* Данный термин происходит от латинского *ad hoc* — «временный», «специальный».

проникших в суть современных проблем исследователей, как П.Дракер и Д.Белл, О.Тоффлер и Дж.Нэсбит, что современные творческие работники не могут быть управляемы ни с помощью экономических методов, ни путем жесткого организационного принуждения, когда Р.Ингельгарт и Р.Дарендорф признают, что основным конфликтом будущего общества станет конфликт между носителями материалистической и нематериалистической ценностных систем, когда все более явственно ощущается нарастающая отчужденность не столько принимающего решения, сколько способного к их принятию слоя общества от остальной части социума, не остается сомнений в том, что правлению бюрократической элиты наступает конец.

На смену приходит новая система, в рамках которой основой социальных различий становятся интеллектуальный уровень человека и его способности. В данном случае сохраняется возможность говорить о том, что основой классового деления служит собственность, но на этот раз не отчуждаемая собственность на средства и условия производства, а неотчуждаемые права на способности человека, не сумма материальных благ, которой может воспользоваться каждый получивший к ним доступ, а система информационных кодов, доступная лишь избранным. Таким образом, возникает тенденция, которая сегодня еще не представляется вполне однозначной; однако следует признать, что вероятность ее укрепления и развития в будущем очень велика, а последствия весьма неопределенны. Во всяком случае, первые очевидные проявления этой тенденции не оставляют поводов для благодушия.

Неравенство в распределении материальных благ многим мыслителям казалось столь же древним явлением, как и сам человеческий род. Между тем экономисты и социологи вполне уверенно утверждают, что экономический прогресс способен если не преодолеть это зло, то, по крайней мере, устранить его крайние формы, особенно опасные для социальной стабильности[275]. Отчасти они правы. Статистические исследования и экономические трактаты, посвященные социальной политике и социальным проблемам ведущих индустриальных стран, показывают, что тенденции к снижению неравномерности распределения материального богатства действительно имели место во всех развитых демократиях и что они вполне отчетливо прослеживаются на протяжении большей части XX века.

Однако картина изменилась к концу столетия, и сегодня все новые и новые теоретики начинают — одни с неохотой, другие с

---

[275] См., например: *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. L.-N.Y., 1992. P. 102.

тревогой, а третьи с нескрываемым злорадством — отмечать нарастающий разрыв между наиболее состоятельными и наименее имущими группами населения. Насколько впечатляющим было сокращение этого разрыва в первой половине столетия, настолько же определенной представляется ныне противоположная тенденция. Причем не составляет большого труда определить период, начиная с которого внешне позитивные социальные изменения сменились противоположными, — это все тот же «заколдованный» миг, середина 70-х годов, эпоха первых отчетливых проявлений постэкономической трансформации.

Все эти явления вполне объяснимы, и отдельные их стороны были рассмотрены нами как при анализе перспектив развития рыночных отношений, так и при оценке современных форм собственности. Речь идет о том особом положении, в котором оказываются сегодня производители информации и знаний — основных ресурсов современного общества, а также все относительно близкие к ним социальные группы. Новое классовое деление не только возводит прочную и все укрепляющуюся стену между теми, кто имеет доступ к информационным технологиям и способности, достаточные для их эффективного использования, и теми, кто лишен таковых, но приводит также и ко все более непропорциональному распределению общественного богатства. По мере того, как массовое производство вытесняется на периферию экономической жизни, а то и вообще выносится за пределы постиндустриальных стран, занятые в нем работники становятся изгоями собственного социума; их отторжение от общественного производства представляется не временной безработицей, а вечным отлучением от социально значимой деятельности. Общество, ориентиры и ценности которого все в большей степени устанавливаются интеллектуальной элитой, определяет вознаграждение за труд этих людей, все менее и менее соответствующее если не их действительной роли в обществе, то их собственному представлению о таковой, что в современных условиях может рассматриваться фактически как одно и то же.

Это стало неожиданностью для оптимистов, предсказывавших эволюционный переход к строю социальной гармонии и полагавших, что в рамках капиталистической системы постепенно находят свое разрешение основные противоречия индустриального общества. Между тем такое развитие событий вполне можно было предположить, учитывая очевидную несовместимость свободы и равенства там, где речь идет не только о свободе трудиться на примитивных производствах и равенстве, сводящемся к обеду для бедных. Общество, выходящее за рамки индустриальной логики, начинает уже сегодня сознавать, что проповедь имущественного равенства — это такой же пережиток идеалистического прошло-

го, каким было и утверждение о равенстве способностей, данных человеку от рождения. Однако само общественное развитие оказывается намного более динамичным, нежели сознание отдельных членов социума; мотивационные ориентиры человека и система ценностей, воспринимаемая им как собственная, фактически не меняются в течение жизни[276], и вряд ли приходится ожидать быстрой адаптации людей к мысли о крушении одной из самых заманчивых иллюзий прошлого, поэтому в начале следующего тысячелетия человечество вновь может оказаться на пороге социальных потрясений.

Пятнадцать лет назад Т.Стоуниер писал о том, что «в восьмидесятые годы перед западными правительствами [в качестве основной] встала проблема... плавного перехода от индустриальной экономики к информационной»[277]. Это пожелание сегодня актуально как никогда, ибо только в последние годы начинает проясняться весь скрытый негативный потенциал происходящих перемен. Для того, чтобы осуществить непротиворечивую постэкономическую трансформацию, необходимо так согласовать тип и темп развития, чтобы распространение нематериальных ценностей как доминирующих произошло быстрее, чем основанная на них система подверглась бы радикальному разрушительному воздействию со стороны тех, кто еще не воспринял эти ценности в качестве основных. Подобная задача крайне сложна и для наиболее развитых стран; учитывая же, что народы многих регионов планеты еще не вкусили плодов даже индустриального прогресса, можно осознать масштабность сегодняшнего перехода и неоднозначность перспектив его завершения.

Эксплуатация: объективная данность или феномен сознания?

Для определения условий, при которых возможно преодоление эксплуатации, необходимо вернуться к рассматривавшейся нами выше проблеме основного вида деятельности в рамках экономической эпохи. Именно понимание труда в качестве такового дает возможность последовательно проанализировать перспективы развития отношений, называемых эксплуатацией.

---

[276] См.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 100.

[277] Цит. по: *Lyon D.* The Information Society: Issues and Illusions. Cambridge, 1996. P. 56.

Большинство исследователей традиционно связывают их с угнетением человека человеком, с созданием в обществе неравных условий для представителей различных социальных групп. Конфликт, определяющий феномен эксплуатации, рассматривается как классовое противостояние или его проявление. Мы не разделяем такого подхода к проблеме. Классовое деление общества само по себе порождено длительным процессом развития, в котором воплотился поиск оптимальной организации общественной структуры, ориентированной на достижение экономических целей; как справедливо отмечал еще К.Маркс, «в общих чертах можно обозначить азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства как прогрессивные этапы экономической общественной формации»[278]; именно смена классовой формы общества знаменовала этап очередной экономической эпохи, а не наоборот. *Экономическое общество не является проявлением классового принципа социального деления*; напротив, *существование классов и других антагонистических групп представляется следствием развертывания внутренних противоречий экономического общества.* Поэтому феномен эксплуатации не вытекает из классового характера общества, а скорее определяет его.

Подобная постановка вопроса кардинально меняет отношение к эксплуатации как предмету анализа, хотя оставляет неизменным один принципиальный момент: определение этого явления в категориях противоречивости материальных интересов отдельных членов общества. Сегодняшнее понимание эксплуатации должно в некоторой степени вернуться к тому исходному пункту, с которого в свое время начиналось ее исследование. А.Смит, рассматривая взаимоотношения буржуа и наемных работников, писал, что их интересы «ни в коем случае не одинаковы. Рабочие хотят получить как можно больше, а хозяева — дать как можно меньше»[279]. Он точно отметил суть основного конфликта экономической эпохи, возникающего вокруг распределения ограниченного количества благ в условиях, когда их присвоение для большинства членов общества представляет собой цель сознательной деятельности.

Труд как активность, заданная стремлением к удовлетворению материальных интересов, накладывает отпечаток на все стороны жизни общества, а противоречия, возникающие в связи с феноменом эксплуатации, наиболее ярко свидетельствуют о его несвободном характере. В рамках экономической эпохи интересы

---

[278] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

[279] *Smith Ad.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Chicago, 1952. P. 28.

большинства людей располагаются в плоскости материальных интересов. Потребности, связанные с самореализацией личности, обретением социального статуса, внутренним совершенствованием, также определяют действия и поступки многих людей, но можно категорично утверждать, что они не оказывают существенного воздействия на формирование результирующего социального интереса и не задают направления общественной эволюции. В этом отношении экономическое общество представляет собой вполне самостоятельную систему. Дж.К.Гэлбрейт пишет, что «взаимоотношения между обществом и организацией должны соответствовать взаимоотношениям между организацией и индивидом; должна иметь место согласованность между целями, которые преследуют общество, организация и личность; кроме того, необходима гармоничность мотивов, заставляющих организации и индивидов добиваться данных целей»[280], но подобная точка зрения представляется совершенно утопической. Нельзя сказать, что интересы человека, организации и общества в рамках экономического общества «должны быть гармоничны», они уже гармоничны в силу существования и функционирования экономического организма; однако при этом никакие усилия не могут и не смогут сделать их гармоничными и непротиворечивыми в том смысле, какой вкладывает в свои слова знаменитый социолог.

Экономическое общество основывается на труде, создает адекватную самому себе систему соподчинения и согласования материальных интересов и в то же время обусловливает отчуждение части производимого продукта у его создателя. Последнее может выступать в самых разных формах: от полного изъятия даже самых необходимых благ — с последующим возвращением некоторой их части правящим классом (как это было в азиатских деспотиях и в определенном смысле в странах коммунистического блока), через отчуждение прибавочного продукта посредством купли-продажи рабочей силы юридически свободными гражданами, на чем основан буржуазный тип производства, до санкционированного социумом направления части продукта на поддержание сугубо социальных потребностей*. Считать, что первые две

---

[280] *Galbraith J.K.* The New Industrial State. L., 1991. P. 168.

* Так, даже К.Маркс, говоря о социалистическом обществе, отмечал, что в новых условиях из результата труда работников вычитаются, помимо средств, необходимых для осуществления расширенного воспроизводства, «прежде всего, общие управленческие расходы, не связанные непосредственно с производством. Второе, все то, что необходимо для удовлетворения общих потребностей — школы, службы здравоохранения, и т. д. Третье, фонды для поддержки нетрудоспособных» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 24. С. 85).

формы изъятия продукта представляют собой эксплуатацию, а третья осуществляется в рамках общества, свободного от нее, неправильно.

Во всех этих случаях не следует упускать из поля зрения весьма важного момента: характера системы интересов, определяющих тот или иной социум. Обычно исследователи, изучающие возможности преодоления эксплуатации, говорят об освобождении человека от труда, понимаемого ими как несвободная деятельность. Такой подход в значительной мере воспринят от К.Маркса, полагавшего, что речь должна идти не об «освобождении» труда, а об освобождении от труда. Современные авторы, особенно придерживающиеся социалистических взглядов, в какой-то степени усовершенствовали эту позицию. Так, А.Горц, отмечая в своей знаменитой работе в качестве ошибок прежних социалистов то, что «уничтожение труда и труда по найму было целями, между которыми не проводилось различия»[281], приближается к верному пониманию необходимости изменения не только внешних, но и внутренних условий деятельности человека, ее мотивов. Он пишет: «И для наемных рабочих, и для работодателей труд — лишь средство заработать деньги, а не самоцель. Следовательно, труд — это несвобода... Вот почему следует стремиться не просто стать свободным в труде, но и освободиться от труда»[282], подчеркивая при этом, что «уничтожение труда неприемлемо и нежелательно для тех, кто видит смысл своего существования в труде и самоутверждается в нем»[283].

Становление постэкономического общества в течение нескольких десятилетий оставалось процессом, получавшим в социологической литературе отражение в лучшем случае с точки зрения анализа его объективных составляющих — развития материальной базы производства, изменения характеристик рабочей силы, новой организации труда и так далее. Обычно его не рассматривали как сложное социопсихологическое явление, как трансформацию, затрагивающую не только условия жизни и деятельности человека, но и его внутреннюю сущность, изменяющую его интересы и цели, ценности и стремления. Только в 90-е годы, когда масштаб и направленность перемен, инициированных двадцать лет назад, стали совершенно очевидными, началось активное осмысление новых тенденций, которое не могло не привести исследователей к парадоксальному выводу о том, что внешние изменения, происходящие в современном мире, имеют зачастую меньшее значение

---

[281] *Gorz A.* Farewell to the Working Class. An Essay on Post-Industrial Socialism. L., 1997. P. 2.

[282] Ibid. P. 2.

[283] Ibid. P. 6.

для новых трансформаций, нежели представления об их источниках, ходе и направлениях, а *реальное место человека в обществе и мотивы* его деятельности становятся подчиненными по отношению *к его представлениям* о таковых.

Если в конце 80-х годов достаточно новыми казались утверждения о том, что «переход от одного типа социума к другому может осуществляться... через внутренние трансформации основ общественной жизни (à la base de la *vie sociale*)», что «в западной модели развития первой изменяется культура, возникают новые знания и технологии, сопровождаемые последующими изменениями в формах и методах производства»[284], то сегодня становится ясным, что они успели устареть и остались верны лишь отчасти; гораздо большим значением обладают явления и процессы, происходящие à la base de la *vie individuelle*, осмысление которых требует от общественных наук включения в свои теоретические построения психологических и социопсихологических элементов.

В начале нынешнего десятилетия постиндустриальная социология оставалась далека от соответствующих проблем; О.Тоффлер писал: «Переход власти от одной личности, одной партии, одной организации или одной нации к другой — это не самое важное. Главное — это скрытые сдвиги во взаимоотношениях между насилием, богатством и знаниями, происходящие по мере того, как общества мчатся вперед к столкновению со своим будущим»[285], и это если не было ново, то вполне отражало доминирующую тенденцию. Сегодня положение изменилось, и все шире распространяется понимание того, в какой мере субъективные представления человека, не подверженные социальному контролю и четкому прогнозированию, становятся детерминантой общественного прогресса. Как пишет в только что вышедшей работе М.Кастельс, «новая власть заключена в информационных кодах и в репрезентативных образах, вокруг которых общества организуют свои учреждения, а люди строят свою жизнь и определяют свое поведение. Эта власть сосредоточена в человеческом сознании»[286].

В развитии представлений человека о собственной деятельности заложена, на наш взгляд, и возможность преодоления эксплуатации.

Эксплуатация представляет собой насильственное или основанное на соблюдении принятых юридических норм отчуждение

---

[284] *Touraine A.* Le retour de l'acteur. P. 339.

[285] *Toffler A.* Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1990. P. 464.

[286] *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 2: The Power of Identity. Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1997. P. 359.

у производителя в пользу иных индивидов, организаций или общества в целом некоторого количества создаваемого им продукта *в случае, если именно производство этого продукта является целью его деятельности.* Это явление имманентно присуще экономической эпохе, так как порождается каждой гранью проявляющихся экономических закономерностей. При этом очень далеко от истины представление о том, что эксплуатация играла в истории лишь негативную роль. Напротив, благодаря ей общество смогло сконцентрировать материальные ресурсы и усилия людей там, где они были необходимы; развить новые, передовые формы производства, ставшие основой дальнейшего прогресса. Как совершенно справедливо отмечает Р.Хейльбронер, «эксплуатация... это темная обратная сторона цивилизации, по меньшей мере в части достижения ее материальных успехов»[287].

Преодолеть эксплуатацию путем развития производства, на чем основывали и основывают все свои доктрины социалисты, невозможно. Ее невозможно преодолеть и через реформирование отношений распределения, также занимавшее важное место в арсенале коммунистических идей. Единственным реальным изменением, устраняющим эксплуатацию, служит изменение внутренней организации самой человеческой деятельности. До тех пор, пока люди ориентированы на производство и присвоение максимально возможного количества материальных потребительных стоимостей, любое препятствие на пути достижения этой цели будет восприниматься ими как эксплуатация. Однако если структура потребностей изменится таким образом, что материальные мотивы перестанут быть доминирующими, характер активности может быть кардинальным образом преобразован. Человек, достигший уровня материального потребления, который он считает достаточным для себя, начинает связывать свои главные цели в первую очередь с совершенствованием собственной личности.

Возможны два варианта осуществления подобных изменений. Оба предполагают возросшую внутреннюю свободу человека, но приводят к существенно различным результатам; в определенной мере можно утверждать, что именно отсюда рождается новое социальное противоречие современной эпохи.

Один из вариантов предполагает относительно искусственное самоограничение, когда люди определяют тот или иной уровень материального благосостояния как достаточный и позволяющий нематериальным ценностям и стремлениям доминировать над материальными. В таком случае внутреннее удовлетворение чело-

---

[287] *Heilbroner R.L.* Behind the Veil of Economics. Essays in the Worldly Philosophy. P. 87.

века исходит от деятельности, которой он занят в свободное от профессиональных занятий время; именно это представляется сегодня одной из наиболее характерных черт западного образа жизни. Люди, достигшие высокого, по их меркам, уровня благосостояния, проявляют себя в самых различных областях, расширяющих их кругозор, развивающих их способности и возвышающих оценку их личности как в собственных глазах, так и в глазах окружающих. Между тем в данном случае речь может идти скорее лишь об иллюзорном преодолении зависимости человека от материальных целей. Теперь не только имущественные условия его жизни, но и возможность самореализации, которая ценится исключительно высоко, оказываются в зависимости от его профессиональной деятельности и, в конечном счете, от размера получаемого за нее вознаграждения. Конфликт, лежащий в основе эксплуатации, не устраняется, а лишь камуфлируется; человек ощущает себя неэксплуатируемым до тех пор, пока не сталкивается с явным ущемлением своих материальных (!) интересов. Более того, если основным стимулом к труду является материальное вознаграждение, угроза снижения уровня благосостояния выступает важным, но, как правило, количественным фактором; в анализируемой же нами ситуации человек в случае изменения своего статуса как работника оказывается перед лицом не только сокращения своего текущего материального потребления, но и утраты возможности самореализации вне производственного процесса. А это может стать причиной гораздо более серьезного социального конфликта, нежели тот, что в свое время был описан А.Смитом, и сегодня его потенциальные последствия еще не изучены. Кроме того, многие люди способны определить удовлетворяющий их уровень благосостояния на весьма невысоком уровне и канализовать свои творческие усилия в экзотических направлениях, ни в коем случае не служащих совершенствованию общества в целом.

Другой вариант предполагает, что развитие способностей человека и получаемое им внутреннее удовлетворение связаны с его профессиональной деятельностью. В этом случае эффект удовлетворенности достигнутым уровнем материального благосостояния оказывается совершенно другим. Когда социологи впервые попытались обозначить данный феномен, появился не вполне корректный, но показательный термин «работник интеллектуального труда (knowledge-worker)», в котором оказались соединены различные характеристики нового типа работника: во-первых, его изначальная ориентированность на оперирование информацией и знаниями; во-вторых, фактическая независимость от внешних факторов собственности на средства и условия производства; в-третьих, крайне высокая мобильность и, в-четвертых, желание заниматься деятельностью, открывающей прежде

всего широкое поле для самореализации и самовыражения, хотя бы и в ущерб сиюминутной материальной выгоде. Принципиальным моментом оказывается возможность автономной креативной деятельности такого работника; в этом случае мы сталкиваемся с реальным превращением труда в творчество, а его субъекта — в личность, чья деятельность мотивирована по канонам постэкономической эпохи. П.Дракер подчеркивает, что современные «работники интеллектуального труда» *«не ощущают* (курсив мой. — *В.И.*), что их эксплуатируют как класс»[288], и мы соглашаемся с таким утверждением*. Более того, подобная деятельность оказывается намного более продуктивной, ибо она освобождена внутренне. Разумеется, люди всегда зависимы от обстоятельств, не свободны от общества, в котором живут, его установлений и принципов, но если они ориентируются прежде всего на интересы и приоритеты самореализации, а не на повышение материального благосостояния, то изъятие той или иной части производимой ими продукции, получение того или иного размера прибыли от своей деятельности они не воспринимают как фактор, кардинально воздействующий на их мироощущение и действия. В этом отношении они, безусловно, находятся за пределами эксплуатации, и рост числа и влияния людей, чья деятельность мотивирована подобным образом, представляет собой один из важнейших факторов, обеспечивающих совершенно новые темпы и качество хозяйственного роста развитых стран в 90-е годы.

Преодоление эксплуатации, таким образом, выступает оборотной стороной замещения труда творческой деятельностью. В связи с этим следует остановиться также на изменяющемся механизме соподчинения материальных интересов.

Рассматривая инстинктивную предтрудовую активность, труд и творчество, мы не касались соподчинения индивидуальных интересов в рамках каждого из этих видов активности; между тем именно это позволяет понять, почему деятельность, не мотивированная утилитарным образом, не может быть объектом эксплуатации.

К ситуации, когда господствующей формой человеческой активности выступала примитивная инстинктивная деятельность,

---

[288] *Drucker P.F.* The New Realities. P. 23.

* Следует отметить, что сам П.Дракер не всегда последователен в этом вопросе; так, мы находим в его работах достаточно наивные указания на то, что эксплуатация ныне преодолена уже потому, что в современных условиях представители всех социальных групп заняты общественно полезной деятельностью и праздного класса в том понимании, какое вкладывали в данный термин К.Маркс и Т.Веблен, не существует (см.: *Drucker P.F.* Managing in Turbulent Times. P. 181-182).

само понятие интереса можно применять лишь со значительной долей условности. Однако можно констатировать, что биологические потребности людей могли быть разными только в количественном аспекте, но не отличались качественно; доминирование стремления к удовлетворению наиболее настоятельных материальных потребностей представляется в этом случае абсолютным. Если обратиться к самой простой математической аналогии, можно сказать, что интересы людей представляли собой параллельные однонаправленные векторы, расположенные в одной плоскости и отличавшиеся лишь по модулю. Соответственно результирующий интерес представлялся их простой суммой, и социального конфликта по поводу распределения материальных благ не возникало. В ту эпоху, когда доминирующим типом человеческой деятельности стал труд, картина оказалась принципиально иной. Векторы индивидуальных интересов по-прежнему располагались в плоскости материальных потребностей и стремлений; но они отличались уже не только своими масштабами, но и направлениями, в результате чего результирующий вектор социального интереса не мог, кроме как случайно, совпадать ни с одним из них. Общественное состояние в рамках данной модели предстает как взаимодействие людей, определяемое противоречивостью их материальных интересов. Реализация интереса любого индивида сталкивается с интересами других; феномен эксплуатации в этом случае отражает лишь то, что классовая структура общества способствует перераспределению общественного богатства в пользу имущих классов, обладающих правами собственности на средства производства. Выход из подобного положения, как мы отмечали выше, невозможен ни через увеличение потребления и обеспечение широкого потока материальных благ, так как в этом случае изменились бы лишь размеры векторов, ни через модификацию распределительных отношений, так как если и возможно представить себе общество *с едиными стандартами потребления*, то трудно вообразить социум с абсолютно *едиными интересами* всех его членов, а эксплуатация, подчеркнем еще раз, представляла и представляет собой не только объективно-экономический, но и субъективно-психологический феномен.

Поэтому единственным способом ее преодоления является *выход интересов за пределы плоскости, заданной материальными потребностями*. Как только люди начинают осознавать, что вектор их основного интереса смещается из плоскости материальных интересов в плоскость интересов нематериальных, приходит в движение все общественное целое, поскольку (и это прекрасно иллюстрирует наша модель) при отклонении одного из векторов от заданной плоскости ее покидает и результирующий вектор. Разумеется, изменение мотивации и осознания своего места в мире

у небольшого числа людей не изменит кардинальным образом социальных ориентиров большинства; между тем первый этап постэкономической революции и характеризуется этим внешне не всегда заметным процессом. Однако в будущем, когда деятельность значительной части общества станет мотивированной неэкономически, он превратится в основной фактор социальной эволюции.

Эта трансформация, разворачивающаяся пока еще подспудно и не всегда легко различимая, уже в настоящее время тем не менее освобождает от эксплуатации тех людей, кто осознал в качестве наиболее значимой для себя потребности реализацию именно нематериальных интересов*. Оказавшись «по ту сторону» этого противостояния, человек становится субъектом неэкономических отношений и обретает внутреннюю свободу, достичь которой в рамках экономического общества было невозможно. Социум при этом, по-прежнему внешне единый, становится внутренне расколотым, так как в рамках организма, по-прежнему формально управляемого закономерностями экономического типа, возникает новый класс людей, не подверженных воздействию прежней системы мотивации и управления. Экономически мотивированная часть общества, оставаясь доминирующей, сохраняет внутри себя все прежние конфликты, но одновременно вступает в серьезное противоречие и с неэкономической составляющей социума, причем оказывается, что преодоление эксплуатации, к которому стремились лучшие умы человечества, происходит параллельно с формированием нового комплекса опасных социальных противоречий.

Становление новой системы интересов и мотивов приводит к тому, что люди перестают быть инструментами «естественных» закономерностей экономической эпохи. Последние десятилетия как никогда ранее богаты не только научными достижениями, но и примерами беспрецедентного их использования, образцами стремительного развития коллективов и компаний, созданных с целью реализации интеллектуального потенциала их основателей. В формирующемся новом обществе свободная самореализация его членов становится важнейшим ресурсом производства и залогом прогресса, тогда как информация и знания оказываются скорее их условием. Именно на этом направлении западная цивилизация доказала в 70-е — 90-е годы бесперспективность коммунистических экспериментов по переустройству мира, ибо в рамках постэкономической трансформации оказались задействованными фак-

* В данном контексте мы понимаем под эксплуатацией не изъятие материального продукта у его производителя, а феномен, вызывающий социальный конфликт по поводу распределения материальных благ.

тически все основные источники развития, которые провозглашались монополизированными (но только теоретически, на практике же они никогда не использовались) коммунистами. Сегодняшняя действительность показывает, что именно постэкономический тип развития ведет к становлению общества, наиболее близкого к идеалу, который основатели марксизма рассматривали в качестве коммунистического. Однако это развитие представляется, во-первых, эволюционным, во-вторых, оно предполагает преодоление множества противоречий, в том числе и таких, о возможности существования которых даже не подозревали всего несколько десятилетий назад.

Преодоление эксплуатации, которое можно расценить как выдающееся достижение социального прогресса современного типа, представляется в то же время и весьма неоднозначным явлением. Говоря о выходе за ее пределы в социопсихологическом аспекте, мы акцентировали внимание на том, что к этому способны люди, реально движимые в своих поступках постэкономическими, нематериалистическими мотивами и стимулами. Совершенно очевидно, что таковые составляют явное меньшинство даже в современных условиях; следовательно, они выделяются, пусть не в качестве особого общественного института, но все же, de facto, в особую социальную группу, которая, с одной стороны, определяет развитие общества и выступает его источником, а с другой — жестко отделена от большинства его членов и противостоит им как нечто совершенно чуждое.

Именно на этом этапе мы и начинаем констатировать противоречия, свидетельствующие о нарастании опасного социального конфликта, который ранее не принимался в расчет в большинстве постиндустриальных концепций.

С одной стороны, происходящая трансформация делает всех, кто находит на своем рабочем месте возможности для самореализации и внутреннего совершенствования, выведенными за пределы эксплуатации. Круг этих людей расширяется, в их руках находятся знания и информация — важнейшие ресурсы, от которых во все большей мере зависит устойчивость социального прогресса. Стремительно формируется новая элита постэкономического общества. При этом социальный организм в целом еще управляется методами, которые были свойственны и экономической эпохе; следствием становится то, что все большее число людей оказываются не подверженными тем социальным закономерностям, которые кажутся обязательными для большинства населения. Общество, оставаясь внешне единым, внутренне раскалывается, и экономически мотивированная его часть начинает все более остро ощущать себя людьми второго сорта; за выход одной части общества за пределы эксплуатации социум платит обостряющимся

пониманием подавления, распространяющимся в иной его составляющей.

С другой стороны, быстро формирующийся класс нематериалистически ориентированных[289] людей, которые, как мы уже отметили, не ставят своей основной целью присвоение вещного богатства, обретает реальный контроль над процессом общественного производства и все более и более значительная часть общественного достояния начинает перераспределяться в его пользу. Не определяя обогащение в качестве своей цели, новый высший класс *получает от своей деятельности результат, к которому не стремится.* В то же самое время члены общества, не обладающие ни способностями, необходимыми в высокотехнологичных производствах, ни образованием, позволяющим достичь таковых, пытаются решать задачи материального выживания[290], ограниченные вполне экономическими целями. Однако сегодня их доходы не только не повышаются, но снижаются по мере хозяйственного прогресса. Таким образом, люди, принадлежащие к новой угнетаемой страте, *не получают от своей деятельности результат, к которому стремятся.* Различие между положением первых и вторых очевидно. Напряженность, в подобных условиях создающаяся в обществе, также не требует особых комментариев. С подобным «багажом» постиндустриальные державы входят в XXI век.

Чтобы оценить реальность возникающей опасности, обратимся к фактам, свидетельствующим о модернизации классовой структуры западных обществ и нарастании нового социального противостояния.

Классовый конфликт постэкономического общества

Становление постиндустриального общества и, в еще большей мере, начавшийся переход к постэкономическому состоянию не только изменили соотношение секторов общественного производства, менталитет и психологию работника, но и сделали анахронизмом прежние принципы классового деления, резко снизив значение традиционного социального противостояния между представителями буржуазии и пролетариата. Сегодня и о рабочем классе, и о традиционной паразитической буржуазии

---

[289] Подробнее см.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 98-102.

[290] См.: *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble? P. 109.

вряд ли можно говорить как о социальных слоях, обладающих серьезным влиянием. Как свободные граждане и рабы античного мира, как феодалы и сервы средневековья, пролетарии и буржуа уходят в историю вместе с тем строем, который характеризовался их противостоянием; так же, как рабы не стали господствующим классом при разрушении античного мира, а крепостные не получили заметных выгод от краха феодализма, так и пролетариат не смог и не был способен взять в свои руки управление экономикой и обществом. Как раньше смена исторических эпох сопровождалась гибелью борющихся классов и появлением новых, так и сегодня лицо современного общества определяют новые социальные группы.

Трансформация, приводящая к становлению постэкономического порядка, не сопряжена с политическими переворотами и революциями; перемены в общественном сознании оказываются из-за эволюционного характера процесса более медленными, чем изменения отражаемой этим сознанием действительности. И сегодня, когда традиционный пролетариат ограничен сравнительно небольшим числом работников индустриального сектора, все еще весьма распространено явление, когда люди идентифицируют себя с рабочим классом. Так, в 1993 году при опросе общественного мнения 44,9% американцев заявили, что принадлежат к рабочему классу; тех, кто отнес себя к среднему слою (middle class), не намного больше — 45,3%[291]. Однако понятие «пролетариат» используется в социологической литературе все реже и реже, что вполне объяснимо, поскольку сегодня определение данной категории весьма затруднено. С одной стороны, его можно понимать как совокупность всех наемных работников, но в этом случае к рабочему классу должно быть отнесено все экономически активное население, включая наемных менеджеров крупнейших корпораций, а за рамками данной категории остались бы лишь единицы. С другой стороны, иногда в качестве критерия включения работника в состав пролетариата рассматривают факт создания им прибавочной стоимости, однако и он оказывается ненадежным, поскольку фактически воспроизводит первый в иных терминах. Дискуссии на эту тему[292] все больше и больше перемещаются на страницы социалистических и марксистских работ, оказывая все меньшее влияние на формирование концепции современных социальных трансформаций.

---

[291] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 382.

[292] Обзор таковых см.: *Sayer A., Walker R.* The New Social Economy: Reworking the Division of Labor. Cambridge (Ma.)-Oxford (UK), 1994. P. 25-26.

Большинство западных исследователей рассматривают пролетариат во вполне традиционном понимании, как фабричных рабочих, ориентированных на производство индустриальных благ. Именно такое понимание позволило Г.Маркузе еще в начале 60-х годов утверждать, что одно из главных направлений депролетаризации общества обусловлено тем, что мир новой высокотехнологичной деятельности резко сокращает потребность в прежних категориях трудящихся, что делает рабочий класс далеко не самым заметным социальным слоем современного общества[293]. Большинство составляющих его людей оказывается разобщенным и представляет собой весьма разнородную по образовательному уровню, национальным и расовым признакам и интересам массу. Развитие сервисного сектора сокращает сферу индустриального производства, и хотя новые виды труда не могут быть названы в полной мере некапиталистическими, хотя они сохраняют известную рутинность, они тем не менее требуют значительной подготовки, и подобные наемные работники оказываются по ряду признаков находящимися за рамками традиционно понимаемого рабочего класса[294]. Весьма важным обстоятельством оказывается и то, что в современных условиях интересы предпринимателей и работников все чаще начинают сталкиваться не на сугубо материальном уровне, как это было ранее, а на уровне проблем, связанных со степенью свободы работников в принятии решений и мерой их автономности, что также радикально отличает современных трудящихся от традиционных пролетариев[295].

Таким образом, в результате современных изменений прежний рабочий класс как бы распался на две большие группы, одна из которых состоит из квалифицированных работников индустриального сектора, которые по доходам и социальному положению относятся к среднему классу, вторая же представляет собой тот слой, который А.Горц называет «не-классом не-рабочих» или «неопролетариатом»[296]. Первое определение может показаться излишне уничижительным, однако смысл, который А.Горц и многие другие современные исследователи вкладывают в понятие «неопролетариат», представляется вполне определенным: «Он либо состоит из людей, которые стали хронически безработными, либо из тех, чьи интеллектуальные способности оказались обесцененными современной технической организацией труда... Работ-

---

[293] См.: *Marcuse H.* One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. L., 1991. P. 31.

[294] См.: *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 57-58.

[295] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N.Y., 1971. P. 17.

[296] См.: *Frankel B.* The Post-Industrial Utopians. P. 210-211.

ники этих профессий почти не охвачены профсоюзами, лишены определенной классовой принадлежности и находятся под постоянной угрозой потерять работу»[297]. Прежний пролетариат фактически исчез с исторической арены — и как достаточно однородный угнетенный слой, и как класс людей, занятых в передовом для своего времени индустриальном производстве. Как отмечал уже в конце 70-х годов К.Реннер, «рабочий класс, описанный в "Капитале" Маркса, более не существует»[298], и это тем более справедливо в конце 90-х.

Данная констатация показывает, что современные исследователи серьезно пересмотрели сам подход к принципам классового деления общества. Еще М.Вебер, возражая К.Марксу, отмечал, что основным признаком выделения класса должен стать хозяйственный интерес его представителей[299]; при этом совершенно не обязательно классовое деление следует проводить на основе наличия собственности на средства производства или ее отсутствия. Сегодня западные исследователи все чаще обращаются именно к такой трактовке вопроса[300], отмечая, что устранение пролетариата преодолевает классовый характер общества в его прежнем понимании и делает его бесклассовым с точки зрения традиционной социологии[301]. В подобной ситуации возникает достаточно парадоксальная картина, когда понятие «класс» со столь значительно измененным внутренним его содержанием применяется к исследованию современной реальности.

Большинство исследователей обращает теперь внимание на новую социальную группу, постепенно становящуюся основным классом современного общества и представляющую собой «третью силу, стоящую между капиталистом и рабочим классом традиционного марксизма: класс профессионалов-управленцев»[302]. Эта социальная общность сегодня только формируется, представляя собой весьма разнородное объединение, которое, однако, исключительно быстро консолидируется и приобретает вполне четкие классовые интересы. П.Дракер характеризует этот слой как «новый класс, который не является ни капиталистическим, ни рабочим, но который стремительно захватывает доминирующие позиции во всех промышленно развитых странах: это работающий по найму средний слой профессионалов — менеджеров и

---

[297] *Giddens A.* Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987. P. 279.

[298] *Renner K.* The Service Class. P. 252.

[299] См.: *Weber M.* Economy and Society. L., 1970. P. 183.

[300] См.: *Sayer D.* Capitalism and Modernity. L.-N.Y., 1991. P. 101-102.

[301] См.: *Baudrillard J.* The Transparency of Evil. P. 10.

[302] *Lyon D.* The Information Society. P. 61.

специалистов. Именно этот класс, — продолжает автор, — а не капиталисты, обладает властью и влиянием... Постепенно имущественные права переходят от капиталиста к этому новому среднему классу. Сегодня в США все крупные капиталисты являются институциональными доверительными собственниками сбережений, пенсий и вкладов частных лиц: в их распоряжении находятся страховые компании, пенсионные и инвестиционные фонды. В то же время этот новый класс поглощает рабочих в социальном, экономическом и культурном аспектах. Вместо того, чтобы превращаться в пролетариев, современный трудящийся вступает в средний класс работающих по найму профессионалов, заимствуя их вкусы, образ жизни и устремления»[303]. Такая трактовка формирования класса профессионалов представляется в целом правильной; некоторые возражения вызывает само понятие, с помощью которого современные исследователи пытаются определить эту социальную группу. Термин «средний класс» обозначает слой, включающий весьма разнородные составляющие[304]; понятие «класс профессионалов» дает, однако, еще более размытое представление о его реальных границах; термин «подавленный класс», противопоставляемый господствующей технократической элите[305], также не соответствует положению этого социального слоя, как правило, не ощущающего себя в качестве объекта явного «подавления».

Между тем подобная разнородность среднего класса имеет тенденцию скорее к нарастанию и углублению, нежели к преодолению и устранению. Еще в начале 80-х Д.Белл отмечал, что понятие «средний класс» чрезвычайно аморфно, «отражая прежде всего психологическое самоопределение значительной части американских граждан»[306]. Позже социологи стали констатировать, что термин «средний класс» обозначает уже не социальную группу, выступающую в качестве стабилизирующего элемента общества, а скорее страту, во все большей мере диссимилирующуюся под воздействием новых технологических изменений, усиливающих интеллектуальное, культурное и, как следствие, экономическое расслоение этого прежде единого класса[307]. Многие современные исследователи склонны видеть в устранении этого важного элемента социальной структуры одну из опаснейших тен-

---

[303] *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. P. 98-99.

[304] См.: *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. P. 347.

[305] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. P. 70.

[306] *Bell D.* The World and the United States in 2013 // Daedalus. Vol. 116. No 3. P. 28.

[307] См.: *Lipietz A.* Towards a New Economic Order. Postfordism, Ecology and Democracy. Cambridge, 1992. P. 35.

денций хозяйственной жизни, все более и более заметную по мере роста имущественного неравенства на протяжении последних десятилетий[308]; с такой точкой зрения трудно не согласиться, и на этом мы подробнее остановимся несколько ниже. Сегодня становится все более заметным возникновение совершенно нового типа элиты, и этот процесс отнюдь не устраняет классового противостояния, переводя его скорее в иную плоскость, нежели та, что казалась традиционной большинству социологов.

Таким образом, сегодня, в условиях, когда формирование классовой структуры постэкономического общества находится еще на относительно ранней стадии, говорить о ней как о сложившейся системе невозможно. Особое внимание следует, на наш взгляд, обратить не столько на терминологическое обозначение отдельных социальных групп и классов, сколько на изучение принципиальной границы, способной разделить постэкономический мир на большие противостоящие общественные страты. Но прежде чем перейти к этому вопросу, остановимся на характеристиках третьей составляющей современного общества — технократической элиты.

Изучение сущности нового господствующего класса и попытки его терминологического определения начались вскоре после Второй мировой войны, когда наметился сдвиг от традиционных форм производства к экономике, основанной на знаниях и информации. Рассматривая феномен диссимилирующейся власти капитала как такового, в конце 50-х годов Р.Дарендорф одним из первых обратился к анализу роли управляющего класса, бюрократии, высших менеджеров, определяя их в качестве новой элиты будущего общества. «Так кто же составляет правящий класс посткапиталистического общества? — спрашивал автор и отвечал: — Очевидно, представителей правящего класса следует искать на верхних ступенях бюрократических иерархий, среди тех, кто отдает распоряжения административному персоналу»[309].

Но в 60-е и 70-е годы большинство исследователей пришли к выводу, что формирующееся общество контролируется уже не столько бюрократией, сколько представителями нового класса, воплощающими в себе знания и информацию о производственных процессах и о механизме социального прогресса в целом. В условиях, когда «постиндустриальное общество становится “технетронным” обществом, то есть обществом, формирующимся — в культурном, психологическом, социальном и экономическом плане — под мощным воздействием современной техники и электро-

---

[308] См.: *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. P. 160-161.

[309] *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959. P. 301.

ники, особенно в эпоху компьютеров и сверхдальней связи, и в котором индустриальные процессы уже не являются решающим фактором социальных перемен и эволюции образа жизни, социального строя и моральных ценностей»[310], новая элита должна в первую очередь обладать способностями контролировать и направлять эти возникающие процессы. «Если в течение последних ста лет главными фигурами были предприниматель, бизнесмен, руководитель промышленного предприятия, — писал Д.Белл, — то сегодня "новыми людьми" являются ученые, математики, экономисты и представители новой интеллектуальной технологии»[311]. В результате к середине 70-х господствующим классом стали называть «технократов», обладающих информацией, знаниями и умело манипулирующих ими на трех основных уровнях: национальном, где действует правительственная бюрократия, отраслевом, представленном профессионалами и научными экспертами, и на уровне отдельных организаций, соответствующем техноструктуре[312]. В это же время А.Турен называл технократический класс доминирующим классом постиндустриального общества, субъектом подавления остальных социальных слоев и групп[313]. Приблизительно тогда же в социальной теории активно использовался и термин «меритократия»; введенный М.Янгом[314], он имел несколько иной оттенок, нежели понятие технократического класса, поскольку не только отмечал объективное положение данной группы в составе социального целого, но и указывал на ее оценку обществом как на важный источник ее доминирующих позиций[315], что крайне важно в условиях повышения роли и значения субъективных моментов в социальном развитии.

Во второй половине 70-х годов было предложено множество новых определений господствующей элиты, однако они не имели серьезного значения, так как использовались, главным образом, в рамках весьма общих социологических доктрин. Так, говорилось о «новом классе» (Гоулднер), «доминирующем классе» (Альтюссер), «правящем классе» (Конелл), «высшем классе» (Скотт) и так далее[316]. В контексте нашего анализа важно, что на

---

[310] *Brzezinski Zb.* Between Two Ages. N.Y., 1970. P. 9.

[311] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 344.

[312] См.: *Kleinberg B.S.* American Society in the Postindustrial Age: Technocracy, Power and the End of Ideology. Columbus (Oh.), 1973. P. 51-52.

[313] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. P. 70.

[314] См.: *Young M.* The Rise of Meritocracy. L., 1958.

[315] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. P. 52.

[316] Подробнее см.: *Giddens A.* Social Theory and Modern Sociology. P. 263-264; *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 55, и др.

протяжении последних двадцати лет активно шло размывание и критика позиции, уделявшей особое внимание бюрократической природе господствующего класса нового общества; все более четким становилось осознание того, что основой власти в нем является не статусное положение в организациях, а реальные способности человека к креативной деятельности, к усвоению, обработке и продуцированию информации и знаний. Характерно в этой связи заявление О.Тоффлера, не только отметившего, что «в сверхиндустриальном обществе бюрократия последовательно вытесняется адхократией — рамочной холдинговой структурой, которая координирует работу многочисленных временных организационных единиц, возникающих и исчезающих в зависимости от изменяющихся условий»[317], но и прямо заявившего, что бюрократическая форма организации была свойственна индустриальному обществу и не порождается, а, напротив, разрушается в рамках постиндустриальной социальной системы.

Таким образом, современная концепция социальной структуры постиндустриального общества предполагает наличие трех основных групп: господствующего класса, обычно трактуемого как технократический класс; среднего класса квалифицированных работников и низших менеджеров как в индустриальном производстве, так и в сфере услуг, обозначаемого как класс профессионалов; низшего класса, в который включаются работники физического труда, неспособные «вписаться» в высокотехнологичные процессы, представители отмирающих профессий, а также значительное число эмигрантов из стран «третьего мира», представители национальных меньшинств и некоторые другие элементы, оказавшиеся в стороне от происходящих постэкономических преобразований. Какие же проблемы возникают перед формирующимся социумом с точки зрения наличествующих сегодня этих трех классов? Во-первых, современные хозяйственные тренды способствуют пополнению рядов низшего класса, так как производство предъявляет все большие требования к качеству рабочей силы; этот процесс чреват социальным конфликтом небывалого ранее масштаба. Во-вторых, роль доминирующего класса заключается в контроле над информацией и знаниями, в то время как реальная власть по-прежнему во многом сосредоточена у прежних структур, действующих по экономическим законам, и в частности у государства, пока еще не в полной мере являющегося выразителем интересов техноструктуры. Наконец, в-третьих, тот средний класс профессионалов, о котором принято говорить как о залоге стабильного социального прогрес-

[317] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 87.

са, в действительности слишком разнороден, чтобы реально быть таковым, и, скорее всего, именно через него пройдет граница будущего социального расслоения, перспектива которого кажется сегодня неизбежной.

Проблема нового классового конфликта, начало исследования которой относится еще к 50-м годам, остается и сегодня одной из наиболее актуальных тем современной социологии. Эволюция взглядов на эту проблему прошла три этапа, отражающих развитие самого социального противостояния в западных обществах.

На *первом* доминировала весьма оптимистичная точка зрения, согласно которой с преодолением индустриального строя острота классового конфликта должна уменьшиться. Естественно, исследователи не утверждали тем самым, что новое общество избегнет всяческих социальных противостояний, однако предполагалось, что от одного из наиболее опасных оно будет избавлено. Так, Р.Дарендорф, считая, что «при анализе конфликтов в посткапиталистических обществах не следует применять понятие класса», апеллировал в первую очередь к тому, что классовая модель социального взаимодействия утрачивает свое значение по мере снижения роли индустриального конфликта, связанного с локализацией и ограниченностью самого индустриального сектора. «В отличие от капитализма, в посткапиталистическом обществе, — писал он, — индустрия и социум отделены друг от друга. В нем промышленность и трудовые конфликты институционально ограничены, то есть не выходят за пределы определенной области, и уже не оказывают никакого воздействия на другие сферы жизни общества»[318]. Между тем такая позиция даже в тот период не была единственной; одну из наиболее интересных точек зрения предложил Ж.Эллюль, указавший, что классовый конфликт не устраняется с падением роли материального производства и даже преодоление труда и его замена свободной деятельностью (leisure) приводит не столько к преодолению данного социального противостояния, сколько к перемещению его на внутриличностный (subhuman) уровень[319]. Впоследствии под этим углом зрения данную проблему анализировали многие известные социологи, и именно такой подход дает возможность адекватно отражать события, разворачивающиеся сегодня в западных обществах.

Второй этап пришелся на 70-е и 80-е годы, когда теория постиндустриального общества стала расцениваться как одно из основных достижений социологической мысли. На этом этапе

---

[318] *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. P. 201, 268.

[319] См.: *Ellul J.* The Technological Society. N.Y., 1964. P. 400.

распространилось понимание того, что классовые противоречия связаны отнюдь не только с экономическими проблемами; так, Р.Ингельгарт писал в 1990 году: «В соответствии с марксистской моделью, ключевым политическим конфликтом индустриального общества является конфликт экономический, в основе которого лежит собственность на средства производства и распределение прибыли... С возникновением постиндустриального общества влияние экономических факторов постепенно идет на убыль. По мере того как ось политической поляризации сдвигается во внеэкономическое измерение, все большее значение получают неэкономические факторы»[320]. Несколько позже эти же аспекты отметил и А.Турен[321]; внимание исследователей во все большей степени привлекали к себе проблемы статусные, в том числе вопросы самоопределения и самоидентификации отдельных страт внутри среднего класса, мотивация деятельности представителей тех или иных социальных групп и так далее. Распространенное представление о состоянии этой проблемы отразилось во мнении о том, что «простое разделение на классы сменилось гораздо более запутанной и сложной социальной структурой... сопровождающейся бесконечной борьбой статусных групп и статусных блоков за доступ к пирогу "всеобщего благосостояния" и за покровительство государства»[322]. К началу 90-х годов в среде исследователей получила признание позиция, в соответствии с которой формирующаяся система характеризуется делением на отдельные слои не на основе отношения к собственности, как это было ранее, а на базе принадлежности человека к социальной группе, отождествляемой с определенной общественной функцией. Таким образом, оказалось, что новое общество, которое называлось даже постклассовым капитализмом, «опровергает все предсказания, содержащиеся в теориях о классах, социалистической литературе и либеральных апологиях; это общество не делится на классы, но и не является эгалитарным и гармоничным»[323].

Третий этап развития концепции начался во второй половине 80-х годов, когда стали проявляться новые тенденции, обусловленные выходом западных стран из экономического кризиса. Стало очевидным, что рабочий класс и буржуазия противостоят друг другу не только на крайне ограниченном пространстве индустриального сектора, но даже не могут быть определены как социальные классы[324]; с другой стороны, стали заметны очертания

---

[320] *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 285, 286-288.
[321] См.: *Touraine A.* Critique de la modernité. P., 1992. P. 308-309.
[322] Цит. по: *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 65.
[323] *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 147.
[324] См.: *Touraine A.* Le retour de l'acteur. P. 133.

нового социального конфликта. Если ранее, в 60-е годы, Г.Маркузе обращал особое внимание на возникающее противостояние больших социальных страт, «допущенных» и «не допущенных» уже не столько к *распоряжению* основными благами общества, сколько к самому *процессу их создания*[325], что в целом отражает еще достаточно высокую степень объективизации существующего конфликта, то позже положение изменилось самым радикальным образом. Авторитетные западные социологи стали указывать, что грядущему постиндустриальному обществу уготовано противостояние представителей нового и старого типов *поведения*; речь шла прежде всего о людях, принадлежащих, по терминологии О.Тоффлера, ко «второй» и «третьей» волне, индустриалистах и постиндустриалистах, способных лишь к продуктивной материальной деятельности или же находящих свое применение в новых отраслях третичного, четвертичного или пятеричного секторов, что, однако, также имело свои объективные основания, коренящиеся в структуре общественного производства. «Борьба между группировками "второй" и "третьей" волны, — писал он, — является, по существу, главным политическим конфликтом, раскалывающим сегодня наше общество... основной вопрос политики заключается не в том, кто находится у власти в последние дни существования индустриального социума, а в том, кто формирует новую цивилизацию, стремительно приходящую ему на смену. По одну сторону — сторонники индустриального прошлого; по другую — миллионы тех, кто признает невозможность и дальше решать самые острые глобальные проблемы в рамках индустриального строя. Данный конфликт — это "решающее сражение" за будущее»[326]. Подобного же подхода, используя термины «knowledge workers» и «non-knowledge people», придерживался и П.Дракер, столь же однозначно указывавший на возникающий между этими социальными группами конфликт как на превалирующий в формирующемся обществе[327]; в середине прошлого десятилетия такая трактовка была распространена весьма широко и становилась базой для широких теоретических обобщений относительно природы и главных характеристик формирующегося социума[328]. Однако и эта позиция подверглась пересмотру в конце 80-х, когда Р.Ингельгарт и его последователи перенесли акцент с анализа типов *поведения* на исследование структуры *ценностей* человека, еще более подчеркнув субъективизацию современного противо-

---

[325] См.: *Marcuse H.* One-Dimensional Man. P. 53.

[326] *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilization. P. 25.

[327] См.: *Drucker P.F.* Managing in a Time of Great Change. P. 205-206.

[328] См.: *Berger P.L.* The Capitalist Revolution. Fifty Propositions About Prosperity, Equality, and Liberty. Aldershot, 1987. P. 67-69.

стояния как конфликта «материалистов» и «постматериалистов». По его словам, «коренящееся в различиях индивидуального опыта, обретенного в ходе значительных исторических трансформаций, *противостояние материалистов и постматериалистов* представляет собой главную ось поляризации западного общества, отражающую противоположность двух абсолютно разных *мировоззрений* (курсив мой. — *В.И.*)»[329]; при этом острота возникающего конфликта и сложность его разрешения связываются также с тем, что социальные предпочтения и система ценностей человека фактически не изменяются в течение всей жизни, что придает противостоянию материалистически и постматериалистически ориентированных личностей весьма устойчивый характер. Характерно, что в своей последней работе Р.Ингельгарт рассматривает этот конфликт в гораздо более глобальных понятиях противостояния модернистских и постмодернистских ценностей[330]; основу же последних, по мнению большинства современных социологов, составляет стремление к максимальному самовыражению (self-actualisation) личности[331]. В последние годы находит все больше сторонников понимание того, что современное человечество разделено в первую очередь не по отношению к средствам производства, не по степени материального достатка, а по типу цели, к которой стремятся люди[332], и такое разделение становится самым принципиальным из всех, какие знала история.

Однако, на наш взгляд, реальная ситуация далеко не исчерпывается подобными формулировками. Говоря о людях как о носителях материалистических или постматериалистических ценностей, социологи так или иначе рассматривают в качестве критерия нового социального деления субъективный фактор, каковым в любом случае выступают ценности и интересы. Однако реальное классовое противостояние определяется сегодня еще не тем, каково самосознание того или иного члена общества, и не тем, к какой социальной группе или страте он себя причисляет. В современном мире стремление человека реализоваться в качестве носителя постэкономических ценностей, влиться в ряды работников интеллектуального труда, не говоря уже о том, чтобы стать активным производителем информации и знаний, ограничено отнюдь не только субъективными, но и вполне объективными обстоятельствами, причем основным из них является ограниченность доступа к образованию и знаниям. Интеллектуальное расслоение, достигающее беспреце-

---

[329] *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 161.

[330] См.: *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997. P. 327.

[331] См.: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge, 1995. P. 156.

[332] См.: *Lyotard J.-F.* The Postmodern Explained. P. 79.

всего широкое поле для самореализации и самовыражения, хотя бы и в ущерб сиюминутной материальной выгоде. Принципиальным моментом оказывается возможность автономной креативной деятельности такого работника; в этом случае мы сталкиваемся с реальным превращением труда в творчество, а его субъекта — в личность, чья деятельность мотивирована по канонам постэкономической эпохи. П.Дракер подчеркивает, что современные «работники интеллектуального труда» «*не ощущают* (курсив мой. — *В.И.*), что их эксплуатируют как класс»[288], и мы соглашаемся с таким утверждением*. Более того, подобная деятельность оказывается намного более продуктивной, ибо она освобождена внутренне. Разумеется, люди всегда зависимы от обстоятельств, не свободны от общества, в котором живут, его установлений и принципов, но если они ориентируются прежде всего на интересы и приоритеты самореализации, а не на повышение материального благосостояния, то изъятие той или иной части производимой ими продукции, получение того или иного размера прибыли от своей деятельности они не воспринимают как фактор, кардинально воздействующий на их мироощущение и действия. В этом отношении они, безусловно, находятся за пределами эксплуатации, и рост числа и влияния людей, чья деятельность мотивирована подобным образом, представляет собой один из важнейших факторов, обеспечивающих совершенно новые темпы и качество хозяйственного роста развитых стран в 90-е годы.

Преодоление эксплуатации, таким образом, выступает оборотной стороной замещения труда творческой деятельностью. В связи с этим следует остановиться также на изменяющемся механизме соподчинения материальных интересов.

Рассматривая инстинктивную предтрудовую активность, труд и творчество, мы не касались соподчинения индивидуальных интересов в рамках каждого из этих видов активности; между тем именно это позволяет понять, почему деятельность, не мотивированная утилитарным образом, не может быть объектом эксплуатации.

К ситуации, когда господствующей формой человеческой активности выступала примитивная инстинктивная деятельность,

---

[288] *Drucker P.F.* The New Realities. P. 23.

* Следует отметить, что сам П.Дракер не всегда последователен в этом вопросе; так, мы находим в его работах достаточно наивные указания на то, что эксплуатация ныне преодолена уже потому, что в современных условиях представители всех социальных групп заняты общественно полезной деятельностью и праздного класса в том понимании, какое вкладывали в данный термин К.Маркс и Т.Веблен, не существует (см.: *Drucker P.F.* Managing in Turbulent Times. P. 181-182).

само понятие интереса можно применять лишь со значительной долей условности. Однако можно констатировать, что биологические потребности людей могли быть разными только в количественном аспекте, но не отличались качественно; доминирование стремления к удовлетворению наиболее настоятельных материальных потребностей представляется в этом случае абсолютным. Если обратиться к самой простой математической аналогии, можно сказать, что интересы людей представляли собой параллельные однонаправленные векторы, расположенные в одной плоскости и отличавшиеся лишь по модулю. Соответственно результирующий интерес представлялся их простой суммой, и социального конфликта по поводу распределения материальных благ не возникало. В ту эпоху, когда доминирующим типом человеческой деятельности стал труд, картина оказалась принципиально иной. Векторы индивидуальных интересов по-прежнему располагались в плоскости материальных потребностей и стремлений; но они отличались уже не только своими масштабами, но и направлениями, в результате чего результирующий вектор социального интереса не мог, кроме как случайно, совпадать ни с одним из них. Общественное состояние в рамках данной модели предстает как взаимодействие людей, определяемое противоречивостью их материальных интересов. Реализация интереса любого индивида сталкивается с интересами других; феномен эксплуатации в этом случае отражает лишь то, что классовая структура общества способствует перераспределению общественного богатства в пользу имущих классов, обладающих правами собственности на средства производства. Выход из подобного положения, как мы отмечали выше, невозможен ни через увеличение потребления и обеспечение широкого потока материальных благ, так как в этом случае изменились бы лишь размеры векторов, ни через модификацию распределительных отношений, так как если и возможно представить себе общество *с едиными стандартами потребления*, то трудно вообразить социум с абсолютно *едиными интересами* всех его членов, а эксплуатация, подчеркнем еще раз, представляла и представляет собой не только объективно-экономический, но и субъективно-психологический феномен.

Поэтому единственным способом ее преодоления является *выход интересов за пределы плоскости, заданной материальными потребностями.* Как только люди начинают осознавать, что вектор их основного интереса смещается из плоскости материальных интересов в плоскость интересов нематериальных, приходит в движение все общественное целое, поскольку (и это прекрасно иллюстрирует наша модель) при отклонении одного из векторов от заданной плоскости ее покидает и результирующий вектор. Разумеется, изменение мотивации и осознания своего места в мире

у небольшого числа людей не изменит кардинальным образом социальных ориентиров большинства; между тем первый этап постэкономической революции и характеризуется этим внешне не всегда заметным процессом. Однако в будущем, когда деятельность значительной части общества станет мотивированной неэкономически, он превратится в основной фактор социальной эволюции.

Эта трансформация, разворачивающаяся пока еще подспудно и не всегда легко различимая, уже в настоящее время тем не менее освобождает от эксплуатации тех людей, кто осознал в качестве наиболее значимой для себя потребности реализацию именно нематериальных интересов*. Оказавшись «по ту сторону» этого противостояния, человек становится субъектом неэкономических отношений и обретает внутреннюю свободу, достичь которой в рамках экономического общества было невозможно. Социум при этом, по-прежнему внешне единый, становится внутренне расколотым, так как в рамках организма, по-прежнему формально управляемого закономерностями экономического типа, возникает новый класс людей, не подверженных воздействию прежней системы мотивации и управления. Экономически мотивированная часть общества, оставаясь доминирующей, сохраняет внутри себя все прежние конфликты, но одновременно вступает в серьезное противоречие и с неэкономической составляющей социума, причем оказывается, что преодоление эксплуатации, к которому стремились лучшие умы человечества, происходит параллельно с формированием нового комплекса опасных социальных противоречий.

Становление новой системы интересов и мотивов приводит к тому, что люди перестают быть инструментами «естественных» закономерностей экономической эпохи. Последние десятилетия как никогда ранее богаты не только научными достижениями, но и примерами беспрецедентного их использования, образцами стремительного развития коллективов и компаний, созданных с целью реализации интеллектуального потенциала их основателей. В формирующемся новом обществе свободная самореализация его членов становится важнейшим ресурсом производства и залогом прогресса, тогда как информация и знания оказываются скорее их условием. Именно на этом направлении западная цивилизация доказала в 70-е — 90-е годы бесперспективность коммунистических экспериментов по переустройству мира, ибо в рамках постэкономической трансформации оказались задействованными фак-

* В данном контексте мы понимаем под эксплуатацией не изъятие материального продукта у его производителя, а феномен, вызывающий социальный конфликт по поводу распределения материальных благ.

тически все основные источники развития, которые провозглашались монополизированными (но только теоретически, на практике же они никогда не использовались) коммунистами. Сегодняшняя действительность показывает, что именно постэкономический тип развития ведет к становлению общества, наиболее близкого к идеалу, который основатели марксизма рассматривали в качестве коммунистического. Однако это развитие представляется, во-первых, эволюционным, во-вторых, оно предполагает преодоление множества противоречий, в том числе и таких, о возможности существования которых даже не подозревали всего несколько десятилетий назад.

Преодоление эксплуатации, которое можно расценить как выдающееся достижение социального прогресса современного типа, представляется в то же время и весьма неоднозначным явлением. Говоря о выходе за ее пределы в социопсихологическом аспекте, мы акцентировали внимание на том, что к этому способны люди, реально движимые в своих поступках постэкономическими, нематериалистическими мотивами и стимулами. Совершенно очевидно, что таковые составляют явное меньшинство даже в современных условиях; следовательно, они выделяются, пусть не в качестве особого общественного института, но все же, de facto, в особую социальную группу, которая, с одной стороны, определяет развитие общества и выступает его источником, а с другой — жестко отделена от большинства его членов и противостоит им как нечто совершенно чуждое.

Именно на этом этапе мы и начинаем констатировать противоречия, свидетельствующие о нарастании опасного социального конфликта, который ранее не принимался в расчет в большинстве постиндустриальных концепций.

С одной стороны, происходящая трансформация делает всех, кто находит на своем рабочем месте возможности для самореализации и внутреннего совершенствования, выведенными за пределы эксплуатации. Круг этих людей расширяется, в их руках находятся знания и информация — важнейшие ресурсы, от которых во все большей мере зависит устойчивость социального прогресса. Стремительно формируется новая элита постэкономического общества. При этом социальный организм в целом еще управляется методами, которые были свойственны и экономической эпохе; следствием становится то, что все большее число людей оказываются не подверженными тем социальным закономерностям, которые кажутся обязательными для большинства населения. Общество, оставаясь внешне единым, внутренне раскалывается, и экономически мотивированная его часть начинает все более остро ощущать себя людьми второго сорта; за выход одной части общества за пределы эксплуатации социум платит обостряющимся

пониманием подавления, распространяющимся в иной его составляющей.

С другой стороны, быстро формирующийся класс нематериалистически ориентированных[289] людей, которые, как мы уже отметили, не ставят своей основной целью присвоение вещного богатства, обретает реальный контроль над процессом общественного производства и все более и более значительная часть общественного достояния начинает перераспределяться в его пользу. Не определяя обогащение в качестве своей цели, новый высший класс *получает от своей деятельности результат, к которому не стремится.* В то же самое время члены общества, не обладающие ни способностями, необходимыми в высокотехнологичных производствах, ни образованием, позволяющим достичь таковых, пытаются решать задачи материального выживания[290], ограниченные вполне экономическими целями. Однако сегодня их доходы не только не повышаются, но снижаются по мере хозяйственного прогресса. Таким образом, люди, принадлежащие к новой угнетаемой страте, *не получают от своей деятельности результат, к которому стремятся.* Различие между положением первых и вторых очевидно. Напряженность, в подобных условиях создающаяся в обществе, также не требует особых комментариев. С подобным «багажом» постиндустриальные державы входят в XXI век.

Чтобы оценить реальность возникающей опасности, обратимся к фактам, свидетельствующим о модернизации классовой структуры западных обществ и нарастании нового социального противостояния.

Классовый конфликт постэкономического общества

Становление постиндустриального общества и, в еще большей мере, начавшийся переход к постэкономическому состоянию не только изменили соотношение секторов общественного производства, менталитет и психологию работника, но и сделали анахронизмом прежние принципы классового деления, резко снизив значение традиционного социального противостояния между представителями буржуазии и пролетариата. Сегодня и о рабочем классе, и о традиционной паразитической буржуазии

---

[289] Подробнее см.: *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 98-102.

[290] См.: *Touraine A.* Pourrons-nous vivre ensemble? P. 109.

вряд ли можно говорить как о социальных слоях, обладающих серьезным влиянием. Как свободные граждане и рабы античного мира, как феодалы и сервы средневековья, пролетарии и буржуа уходят в историю вместе с тем строем, который характеризовался их противостоянием; так же, как рабы не стали господствующим классом при разрушении античного мира, а крепостные не получили заметных выгод от краха феодализма, так и пролетариат не смог и не был способен взять в свои руки управление экономикой и обществом. Как раньше смена исторических эпох сопровождалась гибелью борющихся классов и появлением новых, так и сегодня лицо современного общества определяют новые социальные группы.

Трансформация, приводящая к становлению постэкономического порядка, не сопряжена с политическими переворотами и революциями; перемены в общественном сознании оказываются из-за эволюционного характера процесса более медленными, чем изменения отражаемой этим сознанием действительности. И сегодня, когда традиционный пролетариат ограничен сравнительно небольшим числом работников индустриального сектора, все еще весьма распространено явление, когда люди идентифицируют себя с рабочим классом. Так, в 1993 году при опросе общественного мнения 44,9% американцев заявили, что принадлежат к рабочему классу; тех, кто отнес себя к среднему слою (middle class), не намного больше — 45,3%[291]. Однако понятие «пролетариат» используется в социологической литературе все реже и реже, что вполне объяснимо, поскольку сегодня определение данной категории весьма затруднено. С одной стороны, его можно понимать как совокупность всех наемных работников, но в этом случае к рабочему классу должно быть отнесено все экономически активное население, включая наемных менеджеров крупнейших корпораций, а за рамками данной категории остались бы лишь единицы. С другой стороны, иногда в качестве критерия включения работника в состав пролетариата рассматривают факт создания им прибавочной стоимости, однако и он оказывается ненадежным, поскольку фактически воспроизводит первый в иных терминах. Дискуссии на эту тему[292] все больше и больше перемещаются на страницы социалистических и марксистских работ, оказывая все меньшее влияние на формирование концепции современных социальных трансформаций.

---

[291] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 382.

[292] Обзор таковых см.: *Sayer A., Walker R.* The New Social Economy: Reworking the Division of Labor. Cambridge (Ma.)-Oxford (UK), 1994. P. 25-26.

Большинство западных исследователей рассматривают пролетариат во вполне традиционном понимании, как фабричных рабочих, ориентированных на производство индустриальных благ. Именно такое понимание позволило Г.Маркузе еще в начале 60-х годов утверждать, что одно из главных направлений депролетаризации общества обусловлено тем, что мир новой высокотехнологичной деятельности резко сокращает потребность в прежних категориях трудящихся, что делает рабочий класс далеко не самым заметным социальным слоем современного общества[293]. Большинство составляющих его людей оказывается разобщенным и представляет собой весьма разнородную по образовательному уровню, национальным и расовым признакам и интересам массу. Развитие сервисного сектора сокращает сферу индустриального производства, и хотя новые виды труда не могут быть названы в полной мере некапиталистическими, хотя они сохраняют известную рутинность, они тем не менее требуют значительной подготовки, и подобные наемные работники оказываются по ряду признаков находящимися за рамками традиционно понимаемого рабочего класса[294]. Весьма важным обстоятельством оказывается и то, что в современных условиях интересы предпринимателей и работников все чаще начинают сталкиваться не на сугубо материальном уровне, как это было ранее, а на уровне проблем, связанных со степенью свободы работников в принятии решений и мерой их автономности, что также радикально отличает современных трудящихся от традиционных пролетариев[295].

Таким образом, в результате современных изменений прежний рабочий класс как бы распался на две большие группы, одна из которых состоит из квалифицированных работников индустриального сектора, которые по доходам и социальному положению относятся к среднему классу, вторая же представляет собой тот слой, который А.Горц называет «не-классом не-рабочих» или «неопролетариатом»[296]. Первое определение может показаться излишне уничижительным, однако смысл, который А.Горц и многие другие современные исследователи вкладывают в понятие «неопролетариат», представляется вполне определенным: «Он либо состоит из людей, которые стали хронически безработными, либо из тех, чьи интеллектуальные способности оказались обесцененными современной технической организацией труда... Работ-

---

[293] См.: *Marcuse H.* One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. L., 1991. P. 31.

[294] См.: *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 57-58.

[295] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N.Y., 1971. P. 17.

[296] См.: *Frankel B.* The Post-Industrial Utopians. P. 210-211.

ники этих профессий почти не охвачены профсоюзами, лишены определенной классовой принадлежности и находятся под постоянной угрозой потерять работу»[297]. Прежний пролетариат фактически исчез с исторической арены — и как достаточно однородный угнетенный слой, и как класс людей, занятых в передовом для своего времени индустриальном производстве. Как отмечал уже в конце 70-х годов К.Реннер, «рабочий класс, описанный в "Капитале" Маркса, более не существует»[298], и это тем более справедливо в конце 90-х.

Данная констатация показывает, что современные исследователи серьезно пересмотрели сам подход к принципам классового деления общества. Еще М.Вебер, возражая К.Марксу, отмечал, что основным признаком выделения класса должен стать хозяйственный интерес его представителей[299]; при этом совершенно не обязательно классовое деление следует проводить на основе наличия собственности на средства производства или ее отсутствия. Сегодня западные исследователи все чаще обращаются именно к такой трактовке вопроса[300], отмечая, что устранение пролетариата преодолевает классовый характер общества в его прежнем понимании и делает его бесклассовым с точки зрения традиционной социологии[301]. В подобной ситуации возникает достаточно парадоксальная картина, когда понятие «класс» со столь значительно измененным внутренним его содержанием применяется к исследованию современной реальности.

Большинство исследователей обращает теперь внимание на новую социальную группу, постепенно становящуюся основным классом современного общества и представляющую собой «третью силу, стоящую между капиталистом и рабочим классом традиционного марксизма: класс профессионалов-управленцев»[302]. Эта социальная общность сегодня только формируется, представляя собой весьма разнородное объединение, которое, однако, исключительно быстро консолидируется и приобретает вполне четкие классовые интересы. П.Дракер характеризует этот слой как «новый класс, который не является ни капиталистическим, ни рабочим, но который стремительно захватывает доминирующие позиции во всех промышленно развитых странах: это работающий по найму средний слой профессионалов — менеджеров и

---

[297] *Giddens A.* Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987. P. 279.

[298] *Renner K.* The Service Class. P. 252.

[299] См.: *Weber M.* Economy and Society. L., 1970. P. 183.

[300] См.: *Sayer D.* Capitalism and Modernity. L.-N.Y., 1991. P. 101-102.

[301] См.: *Baudrillard J.* The Transparency of Evil. P. 10.

[302] *Lyon D.* The Information Society. P. 61.

специалистов. Именно этот класс, — продолжает автор, — а не капиталисты, обладает властью и влиянием... Постепенно имущественные права переходят от капиталиста к этому новому среднему классу. Сегодня в США все крупные капиталисты являются институциональными доверительными собственниками сбережений, пенсий и вкладов частных лиц: в их распоряжении находятся страховые компании, пенсионные и инвестиционные фонды. В то же время этот новый класс поглощает рабочих в социальном, экономическом и культурном аспектах. Вместо того, чтобы превращаться в пролетариев, современный трудящийся вступает в средний класс работающих по найму профессионалов, заимствуя их вкусы, образ жизни и устремления»[303]. Такая трактовка формирования класса профессионалов представляется в целом правильной; некоторые возражения вызывает само понятие, с помощью которого современные исследователи пытаются определить эту социальную группу. Термин «средний класс» обозначает слой, включающий весьма разнородные составляющие[304]; понятие «класс профессионалов» дает, однако, еще более размытое представление о его реальных границах; термин «подавленный класс», противопоставляемый господствующей технократической элите[305], также не соответствует положению этого социального слоя, как правило, не ощущающего себя в качестве объекта явного «подавления».

Между тем подобная разнородность среднего класса имеет тенденцию скорее к нарастанию и углублению, нежели к преодолению и устранению. Еще в начале 80-х Д.Белл отмечал, что понятие «средний класс» чрезвычайно аморфно, «отражая прежде всего психологическое самоопределение значительной части американских граждан»[306]. Позже социологи стали констатировать, что термин «средний класс» обозначает уже не социальную группу, выступающую в качестве стабилизирующего элемента общества, а скорее страту, во все большей мере диссимилирующуюся под воздействием новых технологических изменений, усиливающих интеллектуальное, культурное и, как следствие, экономическое расслоение этого прежде единого класса[307]. Многие современные исследователи склонны видеть в устранении этого важного элемента социальной структуры одну из опаснейших тен-

---

[303] *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. P. 98-99.

[304] См.: *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. P. 347.

[305] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. P. 70.

[306] *Bell D.* The World and the United States in 2013 // Daedalus. Vol. 116. No 3. P. 28.

[307] См.: *Lipietz A.* Towards a New Economic Order. Postfordism, Ecology and Democracy. Cambridge, 1992. P. 35.

денций хозяйственной жизни, все более и более заметную по мере роста имущественного неравенства на протяжении последних десятилетий[308]; с такой точкой зрения трудно не согласиться, и на этом мы подробнее остановимся несколько ниже. Сегодня становится все более заметным возникновение совершенно нового типа элиты, и этот процесс отнюдь не устраняет классового противостояния, переводя его скорее в иную плоскость, нежели та, что казалась традиционной большинству социологов.

Таким образом, сегодня, в условиях, когда формирование классовой структуры постэкономического общества находится еще на относительно ранней стадии, говорить о ней как о сложившейся системе невозможно. Особое внимание следует, на наш взгляд, обратить не столько на терминологическое обозначение отдельных социальных групп и классов, сколько на изучение принципиальной границы, способной разделить постэкономический мир на большие противостоящие общественные страты. Но прежде чем перейти к этому вопросу, остановимся на характеристиках третьей составляющей современного общества — технократической элиты.

Изучение сущности нового господствующего класса и попытки его терминологического определения начались вскоре после Второй мировой войны, когда наметился сдвиг от традиционных форм производства к экономике, основанной на знаниях и информации. Рассматривая феномен диссимилирующейся власти капитала как такового, в конце 50-х годов Р.Дарендорф одним из первых обратился к анализу роли управляющего класса, бюрократии, высших менеджеров, определяя их в качестве новой элиты будущего общества. «Так кто же составляет правящий класс посткапиталистического общества? — спрашивал автор и отвечал: — Очевидно, представителей правящего класса следует искать на верхних ступенях бюрократических иерархий, среди тех, кто отдает распоряжения административному персоналу»[309].

Но в 60-е и 70-е годы большинство исследователей пришли к выводу, что формирующееся общество контролируется уже не столько бюрократией, сколько представителями нового класса, воплощающими в себе знания и информацию о производственных процессах и о механизме социального прогресса в целом. В условиях, когда «постиндустриальное общество становится "технетронным" обществом, то есть обществом, формирующимся — в культурном, психологическом, социальном и экономическом плане — под мощным воздействием современной техники и электро-

---

[308] См.: *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. P. 160-161.

[309] *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959. P. 301.

ники, особенно в эпоху компьютеров и сверхдальней связи, и в котором индустриальные процессы уже не являются решающим фактором социальных перемен и эволюции образа жизни, социального строя и моральных ценностей»[310], новая элита должна в первую очередь обладать способностями контролировать и направлять эти возникающие процессы. «Если в течение последних ста лет главными фигурами были предприниматель, бизнесмен, руководитель промышленного предприятия, — писал Д.Белл, — то сегодня "новыми людьми" являются ученые, математики, экономисты и представители новой интеллектуальной технологии»[311]. В результате к середине 70-х господствующим классом стали называть «технократов», обладающих информацией, знаниями и умело манипулирующих ими на трех основных уровнях: национальном, где действует правительственная бюрократия, отраслевом, представленном профессионалами и научными экспертами, и на уровне отдельных организаций, соответствующем техноструктуре[312]. В это же время А.Турен называл технократический класс доминирующим классом постиндустриального общества, субъектом подавления остальных социальных слоев и групп[313]. Приблизительно тогда же в социальной теории активно использовался и термин «меритократия»; введенный М.Янгом[314], он имел несколько иной оттенок, нежели понятие технократического класса, поскольку не только отмечал объективное положение данной группы в составе социального целого, но и указывал на ее оценку обществом как на важный источник ее доминирующих позиций[315], что крайне важно в условиях повышения роли и значения субъективных моментов в социальном развитии.

Во второй половине 70-х годов было предложено множество новых определений господствующей элиты, однако они не имели серьезного значения, так как использовались, главным образом, в рамках весьма общих социологических доктрин. Так, говорилось о «новом классе» (Гоулднер), «доминирующем классе» (Альтюссер), «правящем классе» (Конелл), «высшем классе» (Скотт) и так далее[316]. В контексте нашего анализа важно, что на

---

[310] *Brzezinski Zb.* Between Two Ages. N.Y., 1970. P. 9.

[311] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P. 344.

[312] См.: *Kleinberg B.S.* American Society in the Postindustrial Age: Technocracy, Power and the End of Ideology. Columbus (Oh.), 1973. P. 51-52.

[313] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. P. 70.

[314] См.: *Young M.* The Rise of Meritocracy. L., 1958.

[315] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. P. 52.

[316] Подробнее см.: *Giddens A.* Social Theory and Modern Sociology. P. 263-264; *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 55, и др.

протяжении последних двадцати лет активно шло размывание и критика позиции, уделявшей особое внимание бюрократической природе господствующего класса нового общества; все более четким становилось осознание того, что основой власти в нем является не статусное положение в организациях, а реальные способности человека к креативной деятельности, к усвоению, обработке и продуцированию информации и знаний. Характерно в этой связи заявление О.Тоффлера, не только отметившего, что «в сверхиндустриальном обществе бюрократия последовательно вытесняется адхократией — рамочной холдинговой структурой, которая координирует работу многочисленных временных организационных единиц, возникающих и исчезающих в зависимости от изменяющихся условий»[317], но и прямо заявившего, что бюрократическая форма организации была свойственна индустриальному обществу и не порождается, а, напротив, разрушается в рамках постиндустриальной социальной системы.

Таким образом, современная концепция социальной структуры постиндустриального общества предполагает наличие трех основных групп: господствующего класса, обычно трактуемого как технократический класс; среднего класса квалифицированных работников и низших менеджеров как в индустриальном производстве, так и в сфере услуг, обозначаемого как класс профессионалов; низшего класса, в который включаются работники физического труда, неспособные «вписаться» в высокотехнологичные процессы, представители отмирающих профессий, а также значительное число эмигрантов из стран «третьего мира», представители национальных меньшинств и некоторые другие элементы, оказавшиеся в стороне от происходящих постэкономических преобразований. Какие же проблемы возникают перед формирующимся социумом с точки зрения наличествующих сегодня этих трех классов? Во-первых, современные хозяйственные тренды способствуют пополнению рядов низшего класса, так как производство предъявляет все большие требования к качеству рабочей силы; этот процесс чреват социальным конфликтом небывалого ранее масштаба. Во-вторых, роль доминирующего класса заключается в контроле над информацией и знаниями, в то время как реальная власть по-прежнему во многом сосредоточена у прежних структур, действующих по экономическим законам, и в частности у государства, пока еще не в полной мере являющегося выразителем интересов техноструктуры. Наконец, в-третьих, тот средний класс профессионалов, о котором принято говорить как о залоге стабильного социального прогрес-

[317] *Toffler A.* The Adaptive Corporation. P. 87.

са, в действительности слишком разнороден, чтобы реально быть таковым, и, скорее всего, именно через него пройдет граница будущего социального расслоения, перспектива которого кажется сегодня неизбежной.

Проблема нового классового конфликта, начало исследования которой относится еще к 50-м годам, остается и сегодня одной из наиболее актуальных тем современной социологии. Эволюция взглядов на эту проблему прошла три этапа, отражающих развитие самого социального противостояния в западных обществах.

На *первом* доминировала весьма оптимистичная точка зрения, согласно которой с преодолением индустриального строя острота классового конфликта должна уменьшиться. Естественно, исследователи не утверждали тем самым, что новое общество избегнет всяческих социальных противостояний, однако предполагалось, что от одного из наиболее опасных оно будет избавлено. Так, Р.Дарендорф, считая, что «при анализе конфликтов в посткапиталистических обществах не следует применять понятие класса», апеллировал в первую очередь к тому, что классовая модель социального взаимодействия утрачивает свое значение по мере снижения роли индустриального конфликта, связанного с локализацией и ограниченностью самого индустриального сектора. «В отличие от капитализма, в посткапиталистическом обществе, — писал он, — индустрия и социум отделены друг от друга. В нем промышленность и трудовые конфликты институционально ограничены, то есть не выходят за пределы определенной области, и уже не оказывают никакого воздействия на другие сферы жизни общества»[318]. Между тем такая позиция даже в тот период не была единственной; одну из наиболее интересных точек зрения предложил Ж.Эллюль, указавший, что классовый конфликт не устраняется с падением роли материального производства и даже преодоление труда и его замена свободной деятельностью (leisure) приводит не столько к преодолению данного социального противостояния, сколько к перемещению его на внутриличностный (subhuman) уровень[319]. Впоследствии под этим углом зрения данную проблему анализировали многие известные социологи, и именно такой подход дает возможность адекватно отражать события, разворачивающиеся сегодня в западных обществах.

Второй этап пришелся на 70-е и 80-е годы, когда теория постиндустриального общества стала расцениваться как одно из основных достижений социологической мысли. На этом этапе

---

[318] *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. P. 201, 268.

[319] См.: *Ellul J.* The Technological Society. N.Y., 1964. P. 400.

распространилось понимание того, что классовые противоречия связаны отнюдь не только с экономическими проблемами; так, Р.Ингельгарт писал в 1990 году: «В соответствии с марксистской моделью, ключевым политическим конфликтом индустриального общества является конфликт экономический, в основе которого лежит собственность на средства производства и распределение прибыли... С возникновением постиндустриального общества влияние экономических факторов постепенно идет на убыль. По мере того как ось политической поляризации сдвигается во внеэкономическое измерение, все большее значение получают неэкономические факторы»[320]. Несколько позже эти же аспекты отметил и А.Турен[321]; внимание исследователей во все большей степени привлекали к себе проблемы статусные, в том числе вопросы самоопределения и самоидентификации отдельных страт внутри среднего класса, мотивация деятельности представителей тех или иных социальных групп и так далее. Распространенное представление о состоянии этой проблемы отразилось во мнении о том, что «простое разделение на классы сменилось гораздо более запутанной и сложной социальной структурой... сопровождающейся бесконечной борьбой статусных групп и статусных блоков за доступ к пирогу "всеобщего благосостояния" и за покровительство государства»[322]. К началу 90-х годов в среде исследователей получила признание позиция, в соответствии с которой формирующаяся система характеризуется делением на отдельные слои не на основе отношения к собственности, как это было ранее, а на базе принадлежности человека к социальной группе, отождествляемой с определенной общественной функцией. Таким образом, оказалось, что новое общество, которое называлось даже постклассовым капитализмом, «опровергает все предсказания, содержащиеся в теориях о классах, социалистической литературе и либеральных апологиях; это общество не делится на классы, но и не является эгалитарным и гармоничным»[323].

Третий этап развития концепции начался во второй половине 80-х годов, когда стали проявляться новые тенденции, обусловленные выходом западных стран из экономического кризиса. Стало очевидным, что рабочий класс и буржуазия противостоят друг другу не только на крайне ограниченном пространстве индустриального сектора, но даже не могут быть определены как социальные классы[324]; с другой стороны, стали заметны очертания

---

[320] *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 285, 286-288.
[321] См.: *Touraine A.* Critique de la modernité. P., 1992. P. 308-309.
[322] Цит. по: *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 65.
[323] *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. P. 147.
[324] См.: *Touraine A.* Le retour de l'acteur. P. 133.

нового социального конфликта. Если ранее, в 60-е годы, Г.Маркузе обращал особое внимание на возникающее противостояние больших социальных страт, «допущенных» и «не допущенных» уже не столько к *распоряжению* основными благами общества, сколько к самому *процессу их создания*[325], что в целом отражает еще достаточно высокую степень объективизации существующего конфликта, то позже положение изменилось самым радикальным образом. Авторитетные западные социологи стали указывать, что грядущему постиндустриальному обществу уготовано противостояние представителей нового и старого типов *поведения*; речь шла прежде всего о людях, принадлежащих, по терминологии О.Тоффлера, ко «второй» и «третьей» волне, индустриалистах и постиндустриалистах, способных лишь к продуктивной материальной деятельности или же находящих свое применение в новых отраслях третичного, четвертичного или пятеричного секторов, что, однако, также имело свои объективные основания, коренящиеся в структуре общественного производства. «Борьба между группировками "второй" и "третьей" волны, — писал он, — является, по существу, главным политическим конфликтом, раскалывающим сегодня наше общество... основной вопрос политики заключается не в том, кто находится у власти в последние дни существования индустриального социума, а в том, кто формирует новую цивилизацию, стремительно приходящую ему на смену. По одну сторону — сторонники индустриального прошлого; по другую — миллионы тех, кто признает невозможность и дальше решать самые острые глобальные проблемы в рамках индустриального строя. Данный конфликт — это "решающее сражение" за будущее»[326]. Подобного же подхода, используя термины «knowledge workers» и «non-knowledge people», придерживался и П.Дракер, столь же однозначно указывавший на возникающий между этими социальными группами конфликт как на превалирующий в формирующемся обществе[327]; в середине прошлого десятилетия такая трактовка была распространена весьма широко и становилась базой для широких теоретических обобщений относительно природы и главных характеристик формирующегося социума[328]. Однако и эта позиция подверглась пересмотру в конце 80-х, когда Р.Ингельгарт и его последователи перенесли акцент с анализа типов *поведения* на исследование структуры *ценностей* человека, еще более подчеркнув субъективизацию современного противо-

---

[325] См.: *Marcuse H.* One-Dimensional Man. P. 53.

[326] *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilization. P. 25.

[327] См.: *Drucker P.F.* Managing in a Time of Great Change. P. 205-206.

[328] См.: *Berger P.L.* The Capitalist Revolution. Fifty Propositions About Prosperity, Equality, and Liberty. Aldershot, 1987. P. 67-69.

стояния как конфликта «материалистов» и «постматериалистов». По его словам, «коренящееся в различиях индивидуального опыта, обретенного в ходе значительных исторических трансформаций, *противостояние материалистов и постматериалистов* представляет собой главную ось поляризации западного общества, отражающую противоположность двух абсолютно разных *мировоззрений* (курсив мой. — *В.И.*)»[329]; при этом острота возникающего конфликта и сложность его разрешения связываются также с тем, что социальные предпочтения и система ценностей человека фактически не изменяются в течение всей жизни, что придает противостоянию материалистически и постматериалистически ориентированных личностей весьма устойчивый характер. Характерно, что в своей последней работе Р.Ингельгарт рассматривает этот конфликт в гораздо более глобальных понятиях противостояния модернистских и постмодернистских ценностей[330]; основу же последних, по мнению большинства современных социологов, составляет стремление к максимальному самовыражению (self-actualisation) личности[331]. В последние годы находит все больше сторонников понимание того, что современное человечество разделено в первую очередь не по отношению к средствам производства, не по степени материального достатка, а по типу цели, к которой стремятся люди[332], и такое разделение становится самым принципиальным из всех, какие знала история.

Однако, на наш взгляд, реальная ситуация далеко не исчерпывается подобными формулировками. Говоря о людях как о носителях материалистических или постматериалистических ценностей, социологи так или иначе рассматривают в качестве критерия нового социального деления субъективный фактор, каковым в любом случае выступают ценности и интересы. Однако реальное классовое противостояние определяется сегодня еще не тем, каково самосознание того или иного члена общества, и не тем, к какой социальной группе или страте он себя причисляет. В современном мире стремление человека реализоваться в качестве носителя постэкономических ценностей, влиться в ряды работников интеллектуального труда, не говоря уже о том, чтобы стать активным производителем информации и знаний, ограничено отнюдь не только субъективными, но и вполне объективными обстоятельствами, причем основным из них является ограниченность доступа к образованию и знаниям. Интеллектуальное расслоение, достигающее беспреце-

---

[329] *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. P. 161.

[330] См.: *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997. P. 327.

[331] См.: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge, 1995. P. 156.

[332] См.: *Lyotard J.-F.* The Postmodern Explained. P. 79.

Итак, резкий прорыв на пути формирования основ нового, постэкономического общества сопровождается его поляризацией — как в аспекте нового классового противостояния, возникающего между людьми различных ценностных ориентаций и разного интеллектуального уровня, так и в аспекте имущественного расслоения, приближающегося к опасной для социальной стабильности черте. Оказывается, что попытки сгладить эти противоречия или исправить ситуацию в области распределения доходов неизбежно приводят к снижению темпов хозяйственного развития, что ухудшает положение нации на международной арене, где развертывается активное соперничество даже между различными регионами постэкономического мира, не говоря уже о вызове со стороны новых индустриальных стран. В результате через некоторое время западные державы неизбежно вновь встанут перед выбором между технологическим и хозяйственным ростом и социальной стабильностью; особый же характер данной проблемы будет связан с тем, что для ее решения уже вряд ли возможно использовать только традиционно экономические методы, которыми привыкло оперировать современное государство.

* * * * *

Развертывающаяся постэкономическая революция имеет сегодня не только безусловно прогрессивные последствия, но также вызывает к жизни процессы, способные серьезно дестабилизировать функционирующие общественные институты. Один из них связан с новым классовым делением, вызывающим возрастающее социальное неравенство. Такое деление не было бы более опасным, чем разделенность капиталистического общества на буржуа и пролетариев, если бы не ряд обстоятельств.

Во-первых, центральный конфликт индустриального общества возникал вокруг распределения материального богатства, и позиции сторон были более понятны, чем сегодняшние коллизии. Противостояние, основанное на владении собственностью и отстраненности от нее, имело как потенциальные возможности разрешения через ее перераспределение, так и механизм смягчения, основанный на повышении благосостояния наиболее обездоленных групп населения. Сегодня же основной ресурс, обеспечивающий рост благосостояния неэкономически мотивированной части общества, составляют знания и способности, которые не могут быть ни отчуждены, ни перераспределены. При этом совершенно очевидно, что экономическая поддержка незащищенных слоев населения также перестает быть эффективной; если

прежде она давала человеку возможность добиться определенных жизненных успехов, то сегодня это мало вероятно; поддержка же в образовательном аспекте чрезвычайно затруднена и может сказаться в лучшем случае через десятилетия, а скорее всего — даже через несколько поколений. Поэтому возникающее социальное деление и сопровождающий его конфликт могут оказаться более опасными и по крайне мере более сложно изживаемыми, чем социальные проблемы буржуазного общества.

Последнее обстоятельство представляется совершенно неизученным. Очевидно, что в настоящее время все большая часть общественного достояния перераспределяется в пользу лиц с высоким уровнем образования, которые или задействованы в высокотехнологичных компаниях, или ведут самостоятельную деятельность, оперируя информацией и знаниями. Характерно, что они либо начинали свою жизнь, будучи достаточно обеспеченными, либо достигли достойного уровня материального благосостояния в результате собственных усилий, но, так или иначе, в их сегодняшней деятельности материальные факторы играют второстепенную роль. Мы обсуждали этот феномен как предпосылку преодоления эксплуатации, и такая смена ценностных ориентиров действительно представляет собой одно из величайших достижений постэкономической трансформации. В то же время подавленный класс общества не усвоил и не имел возможности усвоить постматериалистические ценности; его представители стремятся достичь вполне экономических результатов и при этом (а отчасти и в силу этого) подвергаются эксплуатации в «лучших традициях» индустриальной эпохи. Таким образом, на чисто психологическом уровне возникает явление, серьезно отличающее нынешнее классовое расслоение от социального конфликта капиталистического общества: если тогда большая часть общественного богатства распределялась в пользу представителей класса буржуа, экономический характер интересов которых не мог быть подвергнут сомнению, то сегодня она присваивается технократическим классом, не признающим в столь высокой степени материалистических ориентиров. Стремление к обретению материального богатства становится уделом тех, кто не может его достичь, и наоборот, его реальные владельцы не рассматривают его увеличение в качестве своей цели. Спираль, развертывающаяся в этом направлении, способна инициировать необычайно резкое ответное действие со стороны экономически ориентированной части социума.

В-третьих, в условиях буржуазного строя острота классового противостояния, как показывает история, оказывалась максимальной на том этапе, когда он находился в стадии становления. Именно накопление капиталов и формирование технической

базы вызывали особо безжалостную эксплуатацию пролетариата, провоцируя наиболее радикальные выступления угнетенного класса. В дальнейшем, с середины прошлого века и фактически до последних десятилетий нынешнего, за исключением отдельных периодов, таких, как Великая депрессия 1929—1932 годов, благосостояние рабочего класса постоянно росло и имущественный разрыв между наиболее богатыми и наиболее бедными группами граждан сокращался. Поэтому можно было вполне обоснованно утверждать, что по крайней мере с начала 30-х годов классовый фактор не угрожал индустриальному порядку в большинстве западных держав. В настоящее время определилась иная тенденция. Формирующееся постэкономическое общество движимо в первую очередь новыми, нематериальными стремлениями тех, кто вышел за рамки экономической мотивации, и его развитие становится все более динамичным по мере роста доли таких людей в обществе. С этой точки зрения условием успеха нового строя является возможно более быстрое становление класса, имеющего своим ориентиром постэкономические ценности. Однако одновременно это приводит как к ухудшению материального положения, так и к росту болезненного самосознания особо отчужденного класса; сегодня мы не видим в механизме развития постэкономического общества реальных средств преодоления возникающего классового конфликта.

Более того, и это можно рассмотреть в качестве *четвертого* важного обстоятельства, формирующийся высший класс постэкономического общества, пока еще сохраняющий определенную лояльность традиционной власти, по самой своей природе враждебен институтам современного государства, воплощающим методы социального управления и хозяйственного регулирования, присущие экономическому типу общества. Это обстоятельство также способно осложнить становление основ нового типа социума, так как, с одной стороны, совершенно очевидно, что в современных условиях роль государства не может быть существенным образом уменьшена, а с другой — остаются неясными как принципы организации новой системы управления, так и методы воздействия на социальные классы и группы, движимые новыми мотивами.

Таким образом, социальные проблемы обществ, находящихся на пороге постэкономической цивилизации, представляются гораздо более серьезными, чем это может показаться на первый взгляд. Пережив несколько десятилетий относительной социальной гармонии, одержав убедительную победу над коммунистической системой и пользуясь благами уверенного хозяйственного роста, современный западный мир во многих отношениях не готов столкнуться с резким нарастанием социальных противоречий.

При этом разделение людей на «материалистов» и «постматериалистов» перестает сегодня быть характерной чертой одних лишь развитых демократий; весь мир оказывается разделенным в первую очередь именно по этому признаку. Основная борьба — хозяйственная и политическая, — которая развернется на мировой арене в первой половине следующего столетия, будет, на наш взгляд, направлена на завоевание той или иной страной возможности присоединиться к постэкономическому миру. Все это свидетельствует о том, что ростки возникающего нового общества находятся ныне во враждебной среде — как в развитых странах, так, в еще большей степени, в рамках цивилизации в целом. Характер их дальнейшего развития и станет фактором, определяющим социальный прогресс в последующие десятилетия.

* * * * *

Завершая центральную часть книги, не претендующую на исследование всех основных аспектов постэкономической революции, заметим, что даже этот ограниченный анализ свидетельствует о комплексном характере данного социального изменения, определяющего предел гигантской эпохи и открывающего горизонты нового общественного устройства. Мы пытались показать, что начавшаяся несколько десятилетий назад социальная трансформация имеет внутренние источники развития и в полной мере самодостаточна, что разворачивающиеся сегодня процессы имеют долгосрочный и необратимый характер.

Рассматривая современные тенденции, мы считаем возможным выделить пять фундаментальных изменений, располагая их не по степени значимости, а следуя логике постижения природы и сущности происходящих перемен.

Первое из них — это, несомненно, технологическая революция 60-х — 90-х годов, с которой начинают свой анализ все исследователи современного постиндустриального общества. Технологический прогресс последних десятилетий обеспечил невиданное ранее развитие социума, выражающееся прежде всего не в традиционных показателях производительности, а в резко возросшей реальной власти человека над природой. С начала 80-х годов во всех развитых странах набрали силу тенденции, демонстрирующие, что для устойчивого развития человечества сегодня есть все предпосылки — хозяйственные, экологические и ресурсные, не говоря уже о возможностях беспрепятственного самосовершенствования человеческих личностей. Таким образом, технологический сдвиг, начавшийся около тридцати лет назад и приобретающий все больший динамизм, представляется *основной материальной составляющей постэкономической революции.*

Вторым изменением, также отмеченным в большинстве исследований, являются активная деструкция стоимостных отношений и подрыв роли рыночных закономерностей. Радикальное преобразование характера и форм организации производительных сил привело к тому, что традиционные воспроизводимые и исчислимые факторы производства начали терять свою ведущую роль, а хозяйственный успех стал определяться информационными ресурсами, которые не могут быть оценены в стоимостных категориях и применение которых зависит не столько от характеристик самих информационных благ, сколько от способности ра-

ботающих с ними людей извлечь из них новое знание, которое может двинуть вперед ту или иную отрасль производства. Погоня за новыми знаниями оказалась неотъемлемой чертой современного хозяйства, и поскольку данные ресурсы обладают весьма специфическим характером воспроизводимости и могут эффективно использоваться далеко не всеми субъектами производства, пропорции обмена благ в постэкономическом обществе в большой мере определяются таким параметром, как редкость — редкость продукта, редкость способностей к обработке информации, редкость знаний, редкость оптимального сочетания традиционных и новых факторов производства. В этой связи денежные оценки не могут основываться на затратах труда, земли и капитала и все более определяются индивидуальными предпочтениями потребителей; цена же компаний и корпораций определяется зачастую лишь ожидаемыми предпочтениями и ожидаемым характером развития. В результате рыночные формы скрывают под собой совершенно иное, нежели прежде, основание, и с течением времени соответствие между внешней и внутренней сторонами этих отношений, безусловно, будет восстановлено, хотя пока неизвестно, какие социальные последствия способен вызвать подобный процесс. Разрушение прежней основы стоимостных отношений может быть отмечено в качестве *первого основного направления постэкономической трансформации.*

Третья составляющая интересующей нас транформации — это диссимиляция собственности, приводящая в том числе и к фактическому устранению с арены социального противостояния традиционного класса капиталистов, а также возникновению новой силы — менеджеров, контролирующих не столько собственность на крупнейшие корпорации, сколько все стороны их производственной деятельности. Возникает новая форма собственности — личная собственность на средства производства; в результате потенциальные представители класса наемных работников, способные продуцировать информацию и знания и адекватно действовать в новой хозяйственной ситуации, оказываются субъектами самостоятельной деятельности, что серьезно снижает зависимость, в которой они находились ранее по отношению к традиционным институтам индустриального общества. Наибольшие успехи демонстрируют информационные консорциумы и корпорации, сумевшие соединить не столько собственность и управление, сколько собственность и творчество, и воплотившие в своих достижениях талант и энергию их создателей и владельцев. В результате конфликт между «трудом» и «капиталом», свойственный индустриальному обществу, преодолевается как за счет деперсонификации капитала, так и за счет обретения работником гораздо больших возможностей маневра, чем прежде, когда вся его свобода

сводилась к оптимизации продажи своей рабочей силы. Таким образом, изменение форм и отношений собственности приводит к преодолению традиционного классового конфликта экономического общества. Его мы называем *вторым основным направлением постэкономической трансформации.*

Четвертая составляющая — это изменение принципов социальной стратификации. Общество начинает подразделяться на группы, которые могут быть названы господствующим и отчужденным классом, причем все современные тенденции свидетельствуют о том, что средние слои, служившие на протяжении всего последнего столетия залогом стабильности общества, могут в ближайшие десятилетия «расколоться» под воздействием происходящих процессов, а их представители пополнят высшие и низшие страты общества, обособленность и отчужденность которых друг от друга будет лишь возрастать. Опасность этого нового противостояния заключается не только в том, что главным критерием отнесения человека к тому или иному социальному слою окажется его способность усваивать и обрабатывать информацию, создавать новое знание, что фактически означает предопределенность занятия человеком заданной социальной ниши, которая вряд ли может быть изменена в течение его жизни, но и в том, что в новых условиях образуется невиданная ранее диспропорция между целями людей и их реальными возможностями. Верхушка общества, ориентированная не на обретение несметных материальных благ, а на получение нового знания, стремящаяся к достижению внутренней удовлетворенности своей деятельностью, будет тем не менее распоряжаться основной частью общественного богатства; в то же время представители низших классов, стремящиеся к обеспечению достойного качества жизни через присвоение материальных благ, будут лишены возможности достижения уровня благосостояния, к которому они стремятся. Характер такого противостояния сопряжен с опасностью серьезных социальных катаклизмов. К сожалению, сегодня не просматриваются какие-либо тенденции, обещающие возможность естественного преодоления данного противоречия, которое характеризует *третье основное направление постэкономической трансформации.*

Наконец, пятой составляющей является глобальное социопсихологическое изменение, с каким никогда ранее не сталкивалось человечество. Когда удовлетворены материальные потребности, когда понятна действительная роль знаний, внутренним побудительным мотивом человека становится его стремление стать значимее, чем он является, — расширить свой кругозор и возможности, больше знать и уметь, открыть то, что ранее не было известно, и т.д. Подобные цели в течение последних десятилетий стали доминирующими для значительной части человечества, и послед-

ствия этого трудно переоценить. Этот переход, который мы называем переходом от труда как экономически мотивированной деятельности к творчеству, целью которого выступает самореализация личности, обеспечил невиданную ранее степень субъективной свободы для тех, кто занят творческой деятельностью. Не предполагая материальных целей, они не подвержены эксплуатации, а зависимость общества от этих людей и результатов их деятельности становится такой, что именно им достаются все материальные преимущества современной цивилизации. Безудержная экспансия творчества лежит в основе того технологического прогресса, который мы наблюдаем в последние десятилетия; эти два процесса развертываются параллельно и оптимальным образом дополняют друг друга, на чем мы остановимся ниже. Таким образом, переход от труда к творческой деятельности, совершающийся на психологическом уровне, обеспечивает ныне более значимое воздействие на все стороны жизни социального целого, нежели те изменения, которые находятся обычно в поле зрения экономистов и социологов. Становление творчества в качестве наиболее распространенной формы человеческой деятельности представляется *основной нематериальной составляющей постэкономической революции.*

Таковы пять основных составляющих постэкономической трансформации. Вполне понятно, что роль движителя этого социального изменения выполняет несколько противоречивое единство первого и пятого факторов. Развитие форм человеческой деятельности и прогресс материального производства предполагают и взаимодополняют друг друга. В условиях господства чисто экономических закономерностей, при абсолютном доминировании материальных интересов и целей технологический прогресс, подобный наблюдаемому сегодня, был невозможен; однако совершенно справедливо и обратное: становлению творчества в масштабах и формах, определяющих его как общесоциальное явление, также не суждено было реализоваться, пока большая часть общества не достигла относительно высокого материального благосостояния и не появилась реальная возможность обретения и использования тех информации и знаний, которые предоставляются технологической революцией. Таким образом, можно однозначно утверждать, что технологический прогресс и прогресс социопсихологический, изменения в материальной составляющей современного общества и трансформации в сознании тех, кто в наибольшей мере ответственен за соответствующие перемены, идут сегодня параллельно, вполне дополняют друг друга, служат друг для друга источником дальнейшего развития. Именно их сочетание и обусловливает непрерывность и динамизм постэкономической трансформации.

В свою очередь, вторая, третья и четвертая составляющие представляются скорее фоном, на котором разворачиваются основные изменения, скорее совокупностью их следствий, нежели относительно самостоятельными явлениями общественной жизни. При этом именно в них сосредоточены и отражаются те внутренние противоречия, без которых немыслимо столь масштабное историческое изменение. Вот почему наиболее важные проблемы, с которыми неизбежно придется столкнуться новому обществу, будут, на наш взгляд, связаны: с приведением в соответствие современных нестоимостных оценок создаваемых благ и попрежнему распространенных рыночных методов регулирования общественного производства; с неизбежной унификацией форм и отношений собственности и с устранением потенциальной угрозы социальной стабильности, исходящей от поляризации двух основных общественных групп, составляющих постэкономическое сообщество. При этом отдельные, частные меры, направленные на смягчение остроты возникающих противоречий, не приведут к должным результатам; они способны, напротив, лишь замедлить становление постэкономической системы и затянуть период, в течение которого общество будет находиться в состоянии социальной неопределенности, что, на наш взгляд, было бы безусловно негативным последствием подобных мер. Между тем нельзя и продолжать движение вперед прежними темпами, не оглядываясь на возникающие противоречия.

Исследуя становление постэкономического общества, мы не пытались искать пути выхода из тех противоречий, с которыми сопряжен этот процесс. Тем не менее следует отметить, что три проблемы, перечисленные выше, при всей их однопорядковости имеют целый ряд особенностей, обусловливающих отличие подходов к их разрешению. Первая и вторая из них, связанные с модификацией рыночных отношений и изменениями традиционных форм собственности, нуждаются в постепенном и контролируемом смягчении, предполагающем в первую очередь недопущение ситуаций, в которых их резкое и неуправляемое разрешение окажется способным парализовать хозяйственный механизм современного общества. Гораздо сложнее третья проблема, так как она принципиально не может получить в ближайшие десятилетия своего естественного разрешения. Повышение жизненного уровня отчужденного класса, вовлечение его в постэкономическое хозяйство и устранение остроты социальных противоречий возможно только после того, как новое общество станет в полной мере развиваться на собственной основе; не желая проводить сомнительных аналогий, поясним все же эту мысль примером становления индустриального хозяйства, когда первые столетия развития по капиталистическому пути приводили к бурным и крова-

вым столкновениям представителей нового господствующего класса с угнетенным большинством, и лишь впоследствии, с конца прошлого века, стала проявляться тенденция к повышению благосостояния практически всех членов общества и смягчению классового конфликта. Сегодня мы вновь стоим на пороге глобального социального изменения; вновь, как и раньше, формируется новый класс, который, правда, чужд стремления эксплуатировать представителей низших слоев населения. Между тем общество, складывавшееся столетиями, обладает огромной инерцией, и фактор существования в нем массы людей, не готовых к происходящим в наше время изменениям, нельзя вычеркнуть из числа обстоятельств, определяющих характер постэкономической революции. Поэтому единственный вариант, представляющийся ныне осуществимым и приемлемым, связан с мерами, направленными не столько на включение представителей данного класса в постэкономические формы хозяйствования, сколько на поддержание приемлемого уровня их жизни, что должно иметь своей целью предотвращение в наиболее богатых странах открытого социального конфликта до тех пор, пока их развитие не станет целиком и полностью базироваться на постэкономической основе. Лишь после завершения такой трансформации предстоит вновь вернуться к проблеме формирования гомогенного социального организма, и в этих новых условиях она будет эффективно разрешена.

Таким образом, в развитых странах постэкономическая трансформация ограничена определенными сферами хозяйства и социальными слоями. В то же время эта трансформация протекает в весьма специфической внешней среде, воздействие которой на ее ход также не следует недооценивать. Сегодня для абсолютного большинства человечества постиндустриальные страны со всеми их внутренними конфликтами и противоречиями остаются единым, но чуждым явлением, провозвестниками малознакомых ценностей и ориентиров. Поэтому предпринимаемый нами анализ остался бы слишком односторонним, если бы мы не коснулись, пусть даже бегло, отношений между формирующимся постэкономическим миром и его внешней средой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСТЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

На пороге XXI века человечество являет собою мир, открывающийся навстречу постэкономической эпохе. На наших глазах развертывается масштабная социальная трансформация, неизбежно затрагивающая как жителей наиболее развитых стран, так и обитателей самых отдаленных уголков планеты. Именно поэтому, несмотря на избранный нами преимущественно теоретический, а отчасти даже методологический характер исследования, мы не можем ограничиться лишь оценкой основных факторов социального прогресса, которые, сколь бы важными они ни были, только *определяют* направление развития современного мира, но не *объясняют* его внешних черт и характеристик. Чтобы создать комплексную картину перехода от экономического общества к постэкономическому, следует рассмотреть явления, представляющие собой непосредственное следствие глубинных и кардинальных перемен, происходящих внутри социального целого.

Важнейшую роль в постэкономической трансформации сыграли, несомненно, технологические успехи последних десятилетий. Воплощенные в новых системах производства достижения человеческого разума, обеспечив удовлетворение основных материальных потребностей, открыли путь для самосовершенствования личности, и таким образом человечество обрело неисчерпаемый источник прогресса, главный движитель современных преобразований. Поставив на первое место в ряду факторов производства информацию и знания — ресурсы подлинно неиссякаемые, — технологическая революция далеко отодвинула пределы исчерпания ограниченных природных ресурсов и энергии, в первую очередь ввиду преодоления ранее существовавшей потребности в безудержном росте их потребления. Обусловливая радикальные изменения характера и структуры занятости, обеспечивая быстрый хозяйственный рост и экспансию новых секторов хозяйства, она не вызывает при этом катастрофических социальных последствий, которые казались весьма вероятными еще несколько десятилетий назад. Таким образом, постэкономическая трансформация обладает серьезной внутренней основой, сформированной взаимосвязью и взаимообусловленностью прогресса технологий и прогресса личности, что обеспечивает устойчивость возникающей системы по отношению к практически любым внешним факторам.

К концу нашего тысячелетия в мире сложилась ситуация, которую *можно характеризовать как наиболее стабильную за последние*

несколько сот лет. Формирование постэкономической системы предпочтений предоставляет в распоряжение общества столь необходимые в условиях меняющегося мира нерыночные механизмы развития; нынешний этап *постиндустриальной технологической революции* синхронизирован в развитых странах с первыми прецедентами успешного преодоления экологической опасности и значительным смягчением влияния фактора возможной исчерпаемости ресурсов; наконец, *политическое поражение коммунизма* завершило глобальное противостояние, под знаком которого прошло все нынешнее столетие, и минимизировало опасность глобальной войны. Аккумулированный производственный потенциал впервые за всю историю сделал возможным удовлетворение основных потребностей всех жителей Земли, а интернационализация хозяйства обеспечила прочную основу для взаимной толерантности наций. Фоном всех этих процессов является гуманизация общественной жизни, связанная с расширением постэкономической системы ценностей, в центре которой находятся человек и его стремление к самосовершенствованию.

Однако стабильность современного мира не означает, что *преодолены все и всяческие конфликты*, неизбежные в ходе социального развития; именно их мы рассмотрим в заключительной части нашей книги.

Противоречия, угрожающие устойчивому (sustainable) развитию цивилизации, порождены двумя большими группами проблем. *Во-первых*, мы должны обратить внимание на неоднозначный характер ряда процессов, развертывающихся в государствах, быстрее прочих идущих по пути постэкономической трансформации; соответствующие факторы можно назвать «внутренними», порожденными спецификой системных преобразований в рамках самих развитых стран. Все они так или иначе связаны с несоответствием постэкономической сущности происходящих изменений той преимущественно экономической форме, в которую и сегодня облечены многие хозяйственные процессы и явления. *Во-вторых*, немаловажное значение имеют противоречия в отношениях стран, представляющих постэкономическую тенденцию, и государств, еще находящихся на индустриальной, а иногда даже и доиндустриальной стадиях развития. Эти проблемы могут быть названы «внешними», так как вызываются к жизни характером взаимодействия между формирующейся более или менее целостной постэкономической системой и средой ее развития, представленной территориями Юга и странами бывшего Восточного блока. Забегая вперед, отметим, что постиндустриальные державы на протяжении последних двадцати пяти лет обнаружили столь явное доминирование над остальной частью мира, что сегодня *внутрисистемные противоречия постэкономических структур представляются гораздо более важными для судеб ци-*

вилизации, нежели проблемы соотношения этого сегмента мира с его остальными частями.

В условиях, когда коммунистические режимы пережили экономический коллапс, а ряд стран, которые еще вчера казались безнадежно отставшими от лидеров, обнаружили устойчивое и динамичное хозяйственное развитие, серьезно изменились и представления о характере разного рода границ, разделяющих современный мир. Если несколько десятилетий назад основной водораздел проходил между Западным и Восточным блоками, боровшимися за влияние среди неиндустриализованных наций, то сегодня по одну сторону наиболее заметного рубежа, делящего мир на две части, располагаются страны, развивающиеся в направлении постэкономического общества, а по другую лежат государства, еще не решившие своих основных хозяйственных проблем, не достигшие достаточной степени индустриализации и не обладающие должным интеллектуальным потенциалом для вхождения в круг постэкономических стран. При этом в нынешних условиях, когда становится очевидно, что впечатляющие успехи, достигнутые США и другими постиндустриальными державами в 80-е годы, «представляют собой лишь начало продолжительного периода экономического роста для всего промышленно развитого мира»[1], понимание неизбежности дальнейшего расширения огромной пропасти, отделяющей формирующийся постэкономический мир от остальных регионов планеты, становится данностью, без учета которой невозможно адекватное осмысление современных глобальных проблем.

Формирующийся постэкономический мир достаточно четко определен в своих границах, и не составляет труда предположить, какие страны составят мировую элиту к концу первой четверти следующего столетия. При этом мы не констатируем наступления Pax Americana, как это делает, например, Зб. Бжезинский, отмечающий, что «вряд ли в обозримом будущем найдутся какие-либо политические конкуренты, способные бросить вызов американскому могуществу»[2]. Мы предпочитаем говорить о росте влияния «большой семерки» и примыкающих к ней стран [в данном случае мы не имеем в виду Россию, принятую в «клуб семи» в первую очередь по конъюнктурным соображениям], а не только об успехах США. Необходимо понимать, что в XXI веке эти страны, по-прежнему представляющие меньшинство населения и территории Земли, будут вполне способны осуществлять эффективный контроль над функционированием всего остального мира, который в *начале*

---

[1] *Pilzer P.Z.* Unlimited Wealth. The Theory and Practice of Economic Alchemy. N.Y., 1990. P. 14.

[2] *Brzezinski Zb.* Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the Twenty-First Century. N.Y., 1993. P. XIII.

наступающего тысячелетия будет, по-видимому, жестко управляться державами, вступившими в постэкономическую эпоху.

Процесс развертывания постэкономической революции[3] имеет, на наш взгляд, две характерные точки, во многом заданные названными выше противоречиями.

Мы полагаем, что *исходным пунктом* постэкономической трансформации может считаться момент, *начиная с которого внутренние противоречия постиндустриальных стран становятся единственной реальной детерминантой развития цивилизации.* Тем самым подчеркивается, что для развертывания стабильных постэкономических перемен необходимо достижение лидерами социального и хозяйственного прогресса той внутренней самодостаточности, которая позволила бы им развиваться по намеченному пути независимо от поведения внешней среды. Первый этап данного пути, начавшийся в середине 70-х годов, когда западные страны стали переориентировать производство на использование информационных технологий, что привело к преодолению многих социальных конфликтов внутри самих постиндустриальных держав, их безусловному экономическому доминированию над коммунистическим миром и снижению зависимости от развивающихся стран как поставщиков сырья и материалов и рынков сбыта, можно считать завершенным с формированием предпосылок устойчивого экономического подъема 90-х годов, крахом советского блока и проявившейся неспособностью большинства развивающихся стран самостоятельно преодолеть стоящие перед ними хозяйственные проблемы. В результате динамизм цивилизации в его глубинных чертах определяется ныне исключительно постиндустриальной системой.

Свидетельством завершения постэкономического перехода явится преодоление существующего внутри развитых стран структурного несоответствия новых тенденций и традиционных форм хозяйственного устройства, общественной организации и политической жизни. Сегодня, как это ни парадоксально, мы наблюдаем острое противоречие между этими сторонами социального целого; каждый шаг по пути постэкономического развития чреват катастрофическим нарушением баланса сложившихся форм и отношений, который не может рассматриваться лишь как теоретическая конструкция. Преодоление стоимостных регуляторов общественного производства неизбежно вызовет, причем в обозримом будущем, серьезные пертурбации на фондовых и финансовых рынках, показатели которых уже сегодня безумно далеки от реального состояния экономики; модификация отношений собственности не может быть

---

[3] Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? // Вестник Российской Академии наук. 1997. Т. 67. № 8. С. 711-719.

успешной до тех пор, пока радикальным образом не изменится ситуация с государственным долгом, а также с задолженностью корпораций и частных лиц; эксплуатация и многие другие социальные проблемы останутся неустраненными до тех пор, пока существует фантастическая разница в уровнях образованности и информированности социальных страт и групп, составляющих развитые общества. Подобные противоречия могут и должны быть разрешены в ходе эволюции современных социальных систем, однако о зрелости постэкономического общества можно будет говорить не ранее, чем этот сложный процесс обретет черты реальной завершенности.

Ввиду того исключительного положения, которое в канун нового тысячелетия занимают страны, в значительной мере инкорпорировавшие в свою социальную структуру элементы постэкономического состояния, мы начинаем эту часть нашего исследования с рассмотрения положения дел в рамках постиндустриального мира и оценки противоречий, по-прежнему существующих внутри составляющих его обществ.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ОСНОВЫ ВНУТРЕННЕЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

На нынешнем этапе становления постэкономического общества главным фактором его развития выступает технологический прогресс. Хотя изменение приоритетов и ценностей человека, экспансия творчества и вытеснение им традиционных форм труда имеют основополагающее значение и в рамках этого периода, они, как правило, еще не воздействуют на социальное развитие непосредственным образом. Самореализация людей проявляется в их техническом и социальном поиске, в создании систем производства и управления, позволяющих и далее продвигаться по пути постиндустриального прогресса, однако наиболее заметное влияние на мировые хозяйственные процессы в период 70-х — 90-х годов нашего столетия оказывает еще не творческая деятельность как таковая, а ее материализованные результаты и последствия.

Технологическое развитие западных стран в течение последних десятилетий обеспечило решение трех фундаментальных проблем. *Первой* из них следует считать формирование современной экономики как мирового хозяйства, обеспечивающего максимальную эффективность производства и вовлекающего значительное число стран в орбиту влияния постиндустриальных держав; этот процесс имеет огромное значение для становления человечества как сообщества терпимых к чужим обычаям и мнениям личностей, для преодоления элементов национальной, расовой и религиозной вражды. Его результатом стала очевидная сегодня невозможность нецивилизованных форм разрешения крупномасштабных конфликтов в среде постиндустриальных и близких к ним по уровню развития стран. *Вторая* из этих проблем связана с поддержанием гармоничного взаимодействия между человеком и природой. 80-е годы ознаменовали эпохальный перелом в процессе распространения новых технологий, способных резко сократить как загрязнение окружающей среды, так и потребности в невоспроизводимых ресурсах; и

хотя этот процесс не приобрел еще ощутимых масштабов в рамках всего человечества, сложившиеся в постиндустриальных странах тенденции внушают обоснованный оптимизм. *Третье* значительное достижение связано с тем, что западному миру удалось преодолеть первую фазу постэкономической трансформации, не допустив широких общественных конфликтов, роста безработицы и социальной напряженности. Решение этих трех проблем заложило основы внутренней стабильности развитых обществ; рассмотрим каждую из них более подробно.

Основным источником социального прогресса в последние десятилетия стали *глобальные технологические изменения*. Сама *глобализация* хозяйственной жизни, являющаяся одной из наиболее характерных черт современной эпохи, в значительной мере *обусловлена экспансией информации* как основного ресурса производства[4].

В течение всего послевоенного периода в развитых странах прослеживалась четкая ориентация на быстрое развитие научно-технического потенциала. Если в весьма благополучные времена, предшествующие Великой депрессии, в США на сто занятых приходилось только три выпускника колледжа, то в середине 50-х годов их число увеличилось до восемнадцати[5]; количество научных работников в исследовательских учреждениях выросло более чем в десять раз только с начала 30-х по середину 60-х годов[6], а доля управленческого персонала на предприятиях возросла с 4% в 1940 году до 14% в 1990-м[7]. При этом затраты на образование в период между 1958 и 1972 годами выросли с 11,8 до 14,8% ВНП, а производство информационных услуг — с 4,9 до 6,7%[8]. Аналогичным образом развивалась ситуация и в европейских странах. Подойдя к концу 70-х годов с научным и технологическим потенциалом, достаточным для развертывания информационной революции, западные державы оказались способны осуществить ряд мер по быстрому внедрению этих достижений в экономику. Приход к власти неоконсервативных правительств в США, Англии и ФРГ и последующее изменение налоговой политики обеспечили активный приток инвестиций в наиболее передовые отрасли. Так, инициированное администрацией президента Р.Рейгана в 1981 году снижение налогов высвободило средства, эквивалентные 58% всех затрат на техниче-

---

[4] См.: *Waters M.* Globalization. L.-N.Y., 1995. P. 156.

[5] См.: *Drucker P.F.* Landmarks of Tomorrow. New Brunswick (USA)-L., 1996. P. 117.

[6] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973. P. 216.

[7] См.: *Nelson J.I.* Post-Industrial Capitalism. Exploring Economic Inequality in America. Thousand Oaks (Ca.)-L., 1995. P. 22.

[8] См.: *Rubin M.R., Huber M.T.* The Knowledge Industry in the United States, 1960-1980. Princeton (NJ), 1986. P. 19.

ское перевооружение промышленности США в первой половине 80-х годов[9], что вызвало экономический бум, определявший ведущее положение Соединенных Штатов в мире на протяжении целого десятилетия.

В результате страны «большой семерки», вступившие в 70-е годы в условиях относительной неуверенности и неопределенности, подошли к началу 90-х более влиятельными в экономическом отношении, чем они были когда-либо ранее. В 1990 году члены «клуба семи» обладали 80,4% мировой компьютерной техники и обеспечивали 90,5% высокотехнологичного производства. Только на США и Канаду приходилось 42,8% всех производимых в мире затрат на исследовательские разработки, в то время как Латинская Америка и Африка, вместе взятые, обеспечивали менее 1% таковых; если среднемировое число научно-технических работников составляло 23,4 тыс. на 1 млн. населения, то в Северной Америке этот показатель достигал 126,2 тыс.[10] Развитые страны контролировали 87% из 3,9 млн. патентов, зарегистрированных в мире по состоянию на конец 1993 года[11]. Таким образом, технологический прогресс обеспечил как сближение уровней хозяйственного развития наиболее передовых постиндустриальных держав и взаимопроникновение их экономик, так и увеличение разрыва между ними и остальным миром.

Период становления основ постэкономического общества стал эпохой быстрого роста взаимозависимости национальных хозяйственных систем, обычно называемого глобализацией современной экономики; по мнению ряда исследователей, именно возросшая взаимозависимость сделала возможными успехи современных западных стран, обеспечила хозяйственный рост в ряде регионов третьего мира и способствовала падению коммунистических режимов[12]. Сегодня данное явление представляет собой совокупность сложных и противоречивых процессов, в ряду которых следует выделить возрастающую взаимозависимость самих производств, активизацию торговых потоков, новый характер финансовых связей и активную миграцию рабочей силы.

Развитие производства за рамками национальных государств во многом связано с экспансией транснациональных корпораций, представляющих высокотехнологичные отрасли. Используя преимущества, порожденные различиями рынков труда, капитала и техно-

---

[9] См.: *Pilzer P.Z.* Unlimited Wealth. P. 14.

[10] См.: *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of the Network Society. Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1996. P. 108.

[11] См.: *Braun Ch.-F., von.* The Innovation War. Industrial R&D... the Arms Race of the 90s. Upper Saddle River (NJ), 1997. P. 57.

[12] См.: *Kotter J.P.* The New Rules. How to Succeed in Today's Post-Corporate World. N.Y., 1995. P. 42.

логий в отдельных странах, они не только обеспечивают рост своих экономических показателей [так, отношение объемов продаж пятидесяти крупнейших транснациональных корпораций (ТНК) к американскому ВНП выросло с 28 до 39% между 1975 и 1989 годами[13]], но и превращают сам принцип глобальной активности в универсальный, подготавливая понимание того, что «ограниченная локальными рамками компания может скоро стать совершенно неконкурентоспособной»[14]. Сегодня пятьсот крупнейших транснациональных корпораций обеспечивают более четверти общемирового производства товаров и услуг[15]; при этом их доля в экспорте промышленной продукции достигает одной трети, а в торговле технологиями и управленческими услугами — четырех пятых[16]. Триста крупнейших корпораций обладают 25% всего используемого в мировой экономике капитала и обеспечивают 70% прямых зарубежных инвестиций[17].

Развитие современных компаний, исповедующих принцип глобализма, безусловно расширяет рамки экономического взаимодействия отдельных стран. Как отмечает Дж.К.Гэлбрейт, «хорошее общество (good society) не может позволить себе отождествляться только лишь с национальным государством (nation-state); оно должно признавать и поддерживать более широкие международные силы, от которых зависит конкретная страна, причем это не вопрос выбора, а веление современности»[18]. Следует также иметь в виду, что подобное взаимопроникновение представляет собой сегодня один из важнейших инструментов не столько масштабного открытия границ, сколько сближения государств, *обретающих черты постэкономических*; внешние же рубежи постэкономического мира становятся все менее прозрачными.

Так, высокие показатели отношения экспорта к ВНП в странах ЕС (47% в Голландии, 27 в Швейцарии, 25 в Германии и по 18% во Франции и Великобритании[19]) связаны в первую очередь с това-

---

[13] См.: *Carnoy M.* Multinationals in a Changing World Economy: Whither the Nation-State? // *Carnoy M., Castells M., Cohen S.S. Cardoso F.H.* The New Global Economy in the Information Age: Reflections on Our Changing World. University Park (Pa.), 1993. P. 49.

[14] *Cannon T.* Welcome to the Revolution. Managing Paradox in the 21st Century. L., 1996. P. 261.

[15] См.: *Dicken P.* Global Shift: The Internationalization of Economic Activity. L., 1992. P. 48.

[16] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y., 1997. P. 21.

[17] См.: *Dunning J.* Multinational Enterprises in a Global Economy. Wokingham, 1993. P. 15.

[18] *Galbraith J.K.* The Good Society: The Human Agenda. Boston-N.Y., 1996. P. 120.

[19] См.: *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future. L., 1995. P. 47.

рооборотом внутри границ Сообщества; импорт США также приходится в основном на развитые страны или поднимающиеся экономики Юго-Восточной Азии (между 1981 и 1986 годами экономический рост Южной Кореи и Тайваня на 42 и 74% соответственно был обусловлен американским импортом продукции этих стран[20]). И несмотря на то, что в середине 80-х годов на каждый доллар, на который американская семья покупала товары отечественного производства, приходилось 45 центов, потраченных на импортные блага и услуги[21], перечень стран-импортеров по-прежнему оставался довольно ограниченным. При этом не следует забывать и того, что экономический рост в самих США на одну треть был обеспечен ростом поставок за рубеж, а страна оставалась крупнейшим в мире экспортером[22].

Гораздо большие масштабы приняла в конце XX века глобализация финансовых потоков. Основной показатель интернационализации капитала — соотношение между ВВП и объемом международных операций с акциями и облигациями (crossborder operations in shares and obligations), — не достигавший в развитых странах в 1980 году и 10%, к 1992 году составил в Японии 72,2, в США — 109,3, а во Франции — 122,2%[23]. При этом в течение второй половины 80-х и первой половины 90-х годов повсюду в мире росли обороты фондовых бирж, увеличившись с 1986 по 1995 год более чем в восемь раз. Другим важным направлением активизации финансовых потоков стал валютный рынок. Еще в конце 80-х годов исследователи отмечали, что он был единственным сектором, оборот которого удвоился с 1979 по 1984 год[24], в период относительно медленного хозяйственного роста; финансовые потоки, *ежедневно* проходящие через действующую в США компьютеризованную систему межбанковских расчетов, с 1993 года превосходят 1 трлн. долл.[25] Между тем основные финансовые центры еще более явным образом сосредоточены в постиндустриальных державах, и их обороты лишь подчеркивают степень контроля таковых над остальным миром.

В то же время движение рабочей силы в современных условиях гораздо менее интенсивно по сравнению с товарными и финансовыми трансакциями. Но это также указывает скорее на успехи пост-

---

[20] См.: *Thurow L.* Head to Head. The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America. N.Y., 1993. P. 62.

[21] См.: *Rifkin J.* The End of Work. N.Y., 1996. P. 90.

[22] См.: *Gordon E.E., Morgan R.R., Ponticell J.A.* Futurework. The Revolution Reshaping American Business. Westport (Ct.)-L., 1994. P. 200.

[23] См.: *Castells M.* The Information Age. Vol. 1: The Rise of the Network Society. P. 85.

[24] См.: *Kolko J.* Restructuring the World Economy. N.Y., 1988. P. 193.

[25] См.: *Webster F.* Theories of the Information Society. L.-N.Y., 1995. P. 144.

экономического общества, чем на его недостатки. Отмечая, что «глобализация продвинулась намного дальше в сфере финансовых операций и организационных структур, нежели в развитии рынка труда»[26], М.Уотерс обращает внимание на то, что сокращение иммиграции в развитые страны стало реальностью начиная с середины 70-х годов[27], когда принципы постиндустриализма оказались доминирующими. Сегодня, при одинаково высоком уровне образования и квалификации рабочей силы в большинстве развитых стран, компании предпочитают привлекать к сотрудничеству местных работников, не направляя в страну собственный персонал; единственным полем приложения усилий иммигрантов становятся работы, не требующие квалификации и предполагающие низкий уровень оплаты, в силу чего выходцы из других регионов пополняют низшие классы развитых обществ[28]. Характерно, что в рамках ЕС, где фактически полностью отсутствуют ограничения на передвижение и работу, лишь 2% рабочей силы находят свое применение вне национальных границ, и только для относительно отсталой Португалии соответствующий показатель оказывается выше 10%[29]; в Японии доля иностранцев не превышает 0,5% населения[30]. Все это прекрасно иллюстрирует, сколь озабочен развитой мир, внутри которого отсутствуют в массовом масштабе экономические стимулы миграции населения, проблемой защиты от переселенцев, движимых примитивными материальными мотивами.

Интернационализация современного хозяйства, характерная в первую очередь для сообщества развитых постиндустриальных держав, свидетельствует о растущей самодостаточности постэкономического мира. Это же подтверждает и политика, проводимая в сфере использования природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Успехи в этой области весьма впечатляют. Хотя активную структурную перестройку промышленности нередко связывают с нефтяным кризисом середины 70-х годов, мы полагаем, что более фундаментальной ее причиной стало формирование основ информационной экономики, способной наиболее эффективно развиваться в том случае, когда не только собственно информация, но и большинство иных ресурсов не являются лимитированными. Развитие современных технологий в этом направлении привело к тому, что «сегодня мы живем в мире фактически *неограниченных* ресурсов — в

---

[26] *Waters M.* Globalization. P. 93.

[27] См.: Ibid. P. 90.

[28] Подробнее см.: *Galbraith J.K.* The Culture of Contentment. L., 1992. P. 34-37.

[29] См.: *McRae H.* The World in 2020. P. 271.

[30] См.: *Etzioni A.* The Spirit of Community. The Reinvention of American Society. N.Y., 1993. P. 159.

мире *неограниченного* богатства»[31]. При этом важно подчеркнуть, что такой эффект был достигнут вовсе не путем вовлечения в хозяйственный оборот действительно нелимитированных ресурсов, а с помощью кардинального обновления методов использования тех из них, которые всегда считались и сегодня считаются конечными и исчерпаемыми.

Так, человечеству не удалось за последние годы научиться эффективно использовать солнечную энергию, поступление которой на Землю в 16 тыс. раз превосходит совокупную мощность всех современных энергетических источников: издержки ее применения между 1970 и 1990 годами снизились более чем в тридцать раз, но для того, чтобы она стала реальным конкурентом энергии, производимой на сжигающих уголь станциях, необходимо добиться, чтобы технологии ее использования стали еще на порядок дешевле[32]. Основной же эффект был достигнут на пути активного сокращения потребления традиционных видов природных ресурсов, что далеко отодвинуло перспективу их исчерпания, казавшуюся ранее весьма близкой[33].

Рост производства опережает сегодня увеличение масштабов потребления энергии и минеральных ресурсов, и это является важной характерной чертой общества, прогресс которого основан на использовании новейших технологических достижений. С 1973 по 1985 год валовой национальный продукт основных развитых стран увеличился на 32%, а потребление энергии — всего на 5[34]; во второй половине 80-х и в 90-е годы дальнейший хозяйственный подъем происходил уже на фоне абсолютного сокращения энергопотребления. При выросшем в 2,5 раза валовом национальном продукте Соединенные Штаты используют сегодня меньше черных металлов, чем в 1960 году[35]; сельское хозяйство — одна из наиболее энергоемких отраслей — сократило прямое потребление энергии с 1975 по 1987 год в 1,5, а общее (включая косвенное потребление) — в 1,65 раза[36], и подобные примеры можно продолжать как угодно долго.

Беспрецедентные успехи были достигнуты в последние десятилетия на поприще, которое в конечном счете, как ни фантастично

---

[31] *Pilzer P.Z.* Unlimited Wealth. P. 1-2.

[32] См.: *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits: Global Collapse or a Sustainable Future? L., 1992. P. 76.

[33] См.: *Gore A.* Earth in the Balance: Forging a New Common Purpose. L., 1992. P. 331.

[34] См.: *McRae H.* The World in 2020. P. 132.

[35] См.: *Thurow L.* Head to Head. P. 41.

[36] См.: *Cleveland C.J.* Natural Resource Scarcity and Economic Growth Revisited: Economic and Biophysical Perspectives // *Costanza R.* (Ed.) Ecological Economics. The Science and Management of Sustainability. N.Y., 1991. P. 308-309.

это выглядит, представляет собой замещение материальных составляющих готовых продуктов информацией и знаниями. Так, если вскоре после Второй мировой войны стоимость материалов и энергии в затратах на изготовление применявшегося в телефонии медного провода достигала 80%, то при производстве оптико-волоконного кабеля эта доля сокращается до одной десятой[37]. С 1973 по 1986 год потребление бензина средним новым американским автомобилем снизилось с 17,8 до 8,7 л/100 км[38]; крупные промышленные компании все чаще отказываются от использования материалов, не столько дорогих, сколько редких и связанных с масштабным вмешательством в природу. Создание корпорацией «Кодак» метода фотографирования без применения серебра резко сократило рынок этого металла; то же самое произошло, когда компания «Форд» объявила о появлении катализаторов на основе заменителя платины, а производители микросхем отказались от использования золотых контактов и проводников[39]; в результате рынки большинства минеральных ресурсов в последнее время обнаруживают устойчивые тенденции к снижению цен, принимающему порой катастрофические для производителей масштабы; достаточно сказать, что «в первом полугодии 1997 года цены на энергию в США снижались темпами, соответствовавшими 16% в годовом исчислении»[40].

Ответной реакцией развивающихся стран стало увеличение добычи и экспорта сырья с целью поддержания относительного благосостояния. Результаты, однако, оказались в значительной мере неожиданными для экспортеров. С одной стороны, рост производства, натолкнувшись на сократившийся потребительский спрос, вызвал резкие корректировки цен на большинство минеральных ресурсов. На протяжении 80-х годов реальные цены экспортируемых из стран Юга товаров упали на 40%, при том что цены на нефть и иные энергоносители снизились на 50%[41], а «рассчитываемый Международным валютным фондом индекс цен по 30 позициям сырьевых товаров упал по меньшей мере на 74%»[42]. С другой стороны, во всем мире с середины 70-х годов были предприняты дополнительные усилия по обнаружению новых запасов полезных ископаемых, принесшие весьма обнадеживающие для потребителей результаты: увеличение объема разведанных природных ресурсов оказалось самым

---

[37] См.: *Drucker P.F.* The New Realities. Oxford, 1996. P. 116.

[38] См.: *Weizsäcker E.U., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four: Doubling Wealth — Halving Resource Use. The New Report to the Club of Rome. L., 1997. P. 4-5.

[39] См.: *Pilzer P.Z.* Unlimited Wealth. P. 5.

[40] Wall Street Journal Europe. 1997. July 14. P.2.

[41] См.: *Arrighi G.* The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times. L.-N.Y., 1994. P. 323.

[42] *Pilzer P.Z.* Unlimited Wealth. P. 25.

большим за последние сто лет. Если накануне «энергетического кризиса» запасы нефти оценивались в 700 млрд. баррелей, то в 1987 году, вместо того чтобы сократиться до 500 млрд. баррелей, они выросли до 900 млрд., причем ожидаемые дополнительные месторождения способны увеличить разведанные запасы в ближайшие десятилетия до 2 трлн. баррелей. С 1970 по 1987 год оценки запасов газа выросли с 1,5 до 4 трлн. кубических футов, меди — с 279 до 570 млн. тонн, серебра — с 6,7 до 10,8, а золота — с 1 до 1,52 млрд. тройских унций[43]. «В период с 1970 по 1990 год, — пишут Д.Г. и Д.Л. Мидоузы, — для удовлетворения потребностей мировой экономики было сожжено 450 млрд. баррелей нефти и 90 млрд. тонн угля. Однако за этот же период были открыты новые месторождения нефти, угля и газа. По этой причине, хотя сегодня темпы потребления ископаемого топлива выше, чем в 70-е годы, срок исчерпаемости разведанных запасов возрос и для нефти, и для газа»[44], соответственно с 31 до 41 и с 38 до 60 лет.

Важнейшей характерной чертой постэкономического типа развития становится сегодня то, что новые технологии использования ресурсов распространяются все шире, несмотря на падение цен на энергоносители и минеральное сырье. Хотя в течение последних десятилетий сформировалась тесная связь между стоимостью ресурсов и масштабами их потребления, ресурсосберегающие технологии развиваются сегодня наиболее быстрыми темпами не в странах с высокими ценами на энергоносители, а там, где развертывание информационной революции создает для их внедрения необходимые предпосылки. В авангарде находятся США, задающие новый уровень экономичности автомобильного двигателя для первого десятилетия следующего века в пределах между 1,2 и 2,1 л/100 км, трижды за последние десять лет радикально снижавшие стандарты потребления воды и создающие технологии, обеспечивающие возможность отказаться от 99% расходов на обогрев, 90% — на освещение и 50% — на водоснабжение офисных помещений; а также страны ЕС, где, как в Голландии, используются методы, позволяющие экономить до 92% потребляемой в домашнем хозяйстве энергии, и где, как в Германии, потребности бумажных фабрик в воде сократились почти в 30 раз за последние двадцать лет[45].

Нельзя не отметить, что развитие этого сектора рынка представляется весьма перспективным, так как, во-первых, природоохранные системы в большинстве своем не приводят к удорожанию ко-

---

[43] См.: *Pilzer P.Z.* Unlimited Wealth. P. 25.

[44] *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits. P. 67-68.

[45] См.: *Weizsäcker E.U., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four. P. 4-5, 8, 11, 13, 28, 80, 83.

нечного продукта, а обеспечивают значительную экономию на материалах, сырье и энергии, и, во-вторых, потребности в них удовлетворены далеко не полностью. Характерно, что в Европе около 80% всех экологических технологий обеспечивают борьбу с загрязнением посредством утилизации и обеззараживания выбросов или сливов, и лишь 20% нацелены на изменение производственного процесса с целью минимизации таковых[46]. Поэтому создание и использование технологий, позволяющих совершенствовать сам характер производственного процесса, а не преодолевать его негативные последствия, имеет большие перспективы; по мнению П.Дракера, этот сектор представляет собой рынок, уступающий по потенциалу развития лишь рынку коммуникационных и информационных продуктов[47].

Одновременно развитые страны существенно снизили и масштабы загрязнения окружающей среды. В США в 1969 году был принят Закон о национальной политике в области охраны природы, за которым последовали Закон о чистом воздухе от 1970 и Закон о чистой воде от 1972 года, а также более 13 тыс. других нормативных актов, составляющих сегодня экологическое законодательство в этой стране; в Германии ряд соответствующих мер был открыт принятием Закона о качестве воздуха, одобренного в 1963 году ландтагом федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия, и дополнен Законом об удалении отходов 1972 года и Федеральным законом о выбросах 1974 года[48]. Значительное улучшение экологической ситуации в Европе и США в 80-е годы стало первым явлением подобного рода с момента завершения формирования основ индустриального строя и одним из выдающихся достижений постиндустриализма[49].

Устойчивый характер развития современных постиндустриальных обществ проявляется также в области социальных проблем и занятости. В течение второй половины нынешнего столетия западные страны осуществили наиболее масштабную трансформацию структуры рабочей силы из всех, какие знала история. На глазах двух поколений гигантские массы населения покинули сферу примитивного, монотонного ручного труда и были вовлечены в производство технологически сложной продукции или услуг. В этом процессе следует, на наш взгляд, отметить две важные составляющие.

С одной стороны, происходило высвобождение рабочей силы из сельскохозяйственного производства и ее вовлечение отчасти в промышленность, но в гораздо большей степени в сферу услуг; в

---

[46] См.: *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits. P. 97.
[47] См.: *Drucker P.F.* Managing in a Time of Great Change. Oxford, 1995. P. 150-151.
[48] См.: *Weizsäcker E.U., von.* Earth Politics. L.-Atlantic Highlands (NJ), 1994. P. 14, 17.
[49] См.: *Cannon T.* Corporate Responsibility. L., 1992. P. 188.

США число занятых в этой сфере превзошло число занятых в промышленности уже вскоре после окончания Второй мировой войны[50], а доля работников сельского хозяйства сократилась с более чем 60% самодеятельного населения в 1850 году до менее чем 2,7% в начале 90-х годов XX века[51]. Соответственно, если в 1900 году в сфере материального производства США работало около 13 млн. человек, а в сфере услуг — не более 5 млн., то к концу 80-х годов XX века эти показатели составляли 35 и 65 млн. человек[52]. Подобные процессы начиная с 50-х годов проявились и в европейских странах: в Германии и Франции с 1960 по 1991 год доля занятых в сельском хозяйстве уменьшилась с 14,0 до 3,4% и с 23,2 до 5,8%[53]; в добывающих отраслях, доля которых в валовом национальном продукте стран ЕС не превышает сегодня 3%[54], занятость сократилась более чем на 12% только за последние пять лет[55]. Параллельно шел процесс расширения сферы услуг в хозяйстве всех ведущих постиндустриальных стран: составив более половины ВНП США в середине 50-х годов, третичный сектор обеспечивает сегодня более 73% такового[56]; в ЕС на его долю приходится около 63% ВВП и 62% от числа занятых, а для Японии данные цифры составляют 59 и 56%[57]. На этом примере как нельзя лучше можно наблюдать тенденцию к унификации производственной структуры в наиболее развитых государствах современного мира[58].

С другой стороны, начиная с 50-х — 60-х годов нашего столетия при сохранении роста численности работников сферы услуг наметился процесс переориентации занятости в направлении информационного сектора. Свидетельством тому стала поляризация сегментов хозяйства, причем наиболее быстрое развитие получили высокотехнологичные производства и те отрасли сферы услуг, в которых более всего проявлялись элементы субъект-субъектного взаимодействия, характеризующего постэкономическое общество. Занятость в информационном секторе возросла с 30,6% в 1950 году до 48,3% в 1991, а ее отношение к занятости в промышленном производстве — с 0,44 до 0,93[59]; при сохранении наблюдавшейся в

---

[50] См.: *Castells M.* The Rise of the Network Society. P. 296.

[51] См.: *Rifkin J.* The End of Work. P. 110.

[52] См.: *Perlo V.* Superprofits and Crises: Modern U.S. Capitalism. N.Y., 1988. P. 290.

[53] См.: *Stehr N.* Knowledge Societies. L.-Thousand Oaks, 1994. P. 75.

[54] См.: Panorama of EU Industry. Brussels-Luxembourg, 1997. Vol. 1. P. 1-2 - 1-6; 2-2 - 2-3.

[55] См.: Ibid. P. 2-3.

[56] См.: Handbook of International Trade and Development Statistics. United Nations Conference on Trade and Development, 1993. P. 446.

[57] См.: L'Europe en chiffres. Paris, 1995. P. 318.

[58] См.: *Copeland T., Koller T., Murrin J.* Valuation. Measuring and Managing the Value of Companies. N.Y., 1996. P. 11.

[59] См.: *Castells M.* The Rise of the Network Society. P. 296.

80-е годы динамики соответствующих изменений численность информационных работников должна превысить число создателей промышленных товаров и воспроизводимых услуг в 1996—1997 годах.

Огромным достижением стали практически бесконфликтное перераспределение занятых и активная политика по созданию новых рабочих мест; результаты этих процессов стали особенно заметны в 80-е и 90-е годы. Так, доминировавшие во второй половине 70-х годов прогнозы, согласно которым безработица в США в следующем десятилетии могла достичь 15[60]—20[61] процентов трудоспособного населения, оказались совершенно несостоятельными[62]. К началу 90-х годов уровень безработицы в США, Франции, Германии и Великобритании составлял от 6,6 до 7,8% трудоспособного населения; впервые за послевоенные десятилетия динамика этого важнейшего показателя оказалась обнадеживающей (так, Дж.Рифкин, описывающий ужасы безработицы, признает, что если в 50-е годы ее средний уровень в США составлял 4,5%, в 60-е, 70-е и 80-е уверенно повышался — до 4,8, 6,2 и 7,3% соответственно, то в начале 90-х снизился до 6,6%[63]). В этой связи стоит также указать на то, что достигнутые успехи в значительной степени связаны именно с завершением периода становления постиндустриальной структуры; так, в период формирования ее основ, с начала 70-х до начала 80-х годов, во всех основных западных экономиках уровень безработицы рос; когда же плоды структурной перестройки хозяйства стали достаточно очевидными, ее динамика сменилась на противоположную[64].

Между тем тенденции в США и странах ЕС оказались различными. К июлю 1997 года в Соединенных Штатах, стране, наиболее полно воплощающей основные преимущества информационных технологий, безработица упала до минимальной за последние двадцать четыре года отметки в 4,8%[65], тогда как в Германии и Франции она достигла 12,4 и 13,1% соответственно[66]. Единственный элемент сходства между тенденциями в развитии занятости в этих двух основных сегментах постиндустриального мира прослеживался в том, что как в США, так и в основных европейских странах уровень безработицы среди выпускников университетов стабильно был в три раза ниже, чем среди лиц, получивших неполное среднее образование[67].

---

[60] См.: *Barrom I., Curnow R.* The Future with Microelectronics. L., 1979. P. 201.

[61] См.: *Jenkins C., Sherman B.* The Collapse of Work. L., 1979. P. 115.

[62] См.: *Morris-Suzuki T.* Beyond Computopia. L.-N.Y., 1988. P. 102-104; *Castells M.* The Informational City: Informational Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process Oxford, 1989. P. 180-188; и др.

[63] См.: *Rifkin J.* The End of Work. P. 10.

[64] См.: *Dicken P.* Global Shift. P. 425.

[65] См.: International Herald Tribune. 1997. August 2-3. P. 1.

[66] См.: International Herald Tribune. 1997. July 10. P. 2.

[67] См.: Statistical Abstract of the United States. 1994. Wash., 1995. P. 861.

Распространенное представление об относительном отставании Европы не вполне корректно и требует специального объяснения. На наш взгляд, оно имеет как субъективные, так и вполне объективные корни. С одной стороны, существует радикальное отличие европейского и американского менталитетов; если европейские мыслители уверены в том, что «каждая страна обладает неким историческим предназначением, которое в значительной мере определяет ее черты и характеристики»[68], то американские социологи сегодня слишком самоуверенно полагают, что «могущество (power) и культура, как правило, связаны между собой» и европейцы «зря считают, что их континент останется главным очагом культуры, даже если утратит политическое влияние»[69]. С другой стороны, обеспечив своим гражданам высокий уровень материального благосостояния и высокое качество жизни, резко сократив существовавшее 60-е годы отставание от США по данным показателям[70], европейские страны поставили себя в сложное положение исключительно высокими производственными издержками (основными среди которых оказались затраты на наем рабочей силы) и непомерными налогами, необходимыми для обеспечения достигнутого уровня социальной защищенности. Между тем это не служит непреодолимым препятствием для экономического прогресса; высокотехнологичные компании развиваются с должным динамизмом, континент располагает наиболее высококвалифицированной рабочей силой и наиболее образованным населением, а прямые зарубежные инвестиции европейских компаний растут быстрее, чем у их американских конкурентов[71].

Мы склонны полагать, что Европа является сегодня сообществом, показывающим Соединенным Штатам и другим постиндустриальным регионам скорее их будущее, нежели прошлое. Достигнув высокого качества жизни, европейские страны пожинают сегодня плоды постэкономического развития в виде снижающейся мобильности людей, доминирования ценностей саморазвития над материальным успехом и т. д. В современных условиях ничто не угрожает внутренней стабильности европейских обществ; единственным серьезным конфликтом становится противостояние социальных слоев, образующих постэкономические структуры и оставшихся вне их рамок. Исключительно острая проблема европейской безработицы порождена не только сокращающимися потребностями в индустриальном труде, но и изменяющимися предпочтениями и ценностями населения континентальных стран.

---

[68] *Baudrillard J.* America. L.-N.Y., 1988. P. 73.

[69] *Kristol I.* The Emerging American Imperium // Wall Street Journal Europe. 1997. August 19. P. 6.

[70] См.: *Copeland T., Koller T., Murrin J.* Valuation. P. 9-10.

[71] См.: *Arrighi G.* The Long Twentieth Century. P. 304.

Между тем успехи США в обеспечении высоких показателей занятости связаны в первую очередь с мобильностью рабочей силы, адекватной размаху перемен, опосредующих становление постэкономического общества. Только между 1990 и 1999 годами в США ожидается сокращение 10 (!) из 20,5 млн. рабочих мест в промышленном секторе; при этом более 9 млн. из них будут воссозданы в измененном виде на других производственных участках, а нетто-потери в индустриальном производстве составят всего 834 тыс. мест[72]. Общие же показатели занятости, как ожидается, вырастут на 25% при росте населения всего на 15% *. Согласно прогнозам, с 1992 по 2005 год в США появится более 26 млн. рабочих мест, что превосходит рост данного показателя за период между 1979 и 1992 годами[73]; такие прогнозы выглядят вполне реалистическими: только за июль 1997 года в американской экономике было создано 316 тыс. рабочих мест[74], и это фактически вдвое превысило прогнозировавшийся уровень. В 90-е годы для США в большей мере, чем для других развитых стран, характерна также тенденция к повышению доли своих граждан в общем числе работников крупнейших транснациональных корпораций; статистика показывает, что эти компании предпочитают также организовывать собственные производства в развитых странах, на которые сегодня приходится более двух третей их зарубежного персонала[75], тогда как в развивающихся они лишь приобретают необходимые им сырье и комплектующие, производящиеся на формально независимых предприятиях.

Важными средствами решения рассматриваемых проблем в условиях постэкономической трансформации служат рост индивидуальной занятости и увеличение числа рабочих мест в сфере мелкого бизнеса, естественные для периодов радикальных социальных изменений.

Мы уже отмечали, что к 1995 году в США было создано около 20,7 млн. семейных производств на дому[76], и этот процесс пред-

---

[72] См.: *Pilzer P.Z.* Unlimited Wealth. P. 102.

* В этой связи следует подчеркнуть, что высокая мобильность американского общества в значительной мере объясняется его открытостью; если в период с 1948 по 1960 год приток иммигрантов в США составлял около 100 тыс. человек в год, то сегодня только официальная квота достигает 675 тыс. человек в год, и еще более 140 тыс. человек ежегодно прибывают в страну нелегально (см.: *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. L.-Thousand Oaks, 1994. P. 172), что, с одной стороны, предельно обостряет конкуренцию на рынке труда и, с другой стороны, приводит к росту возможностей развития интеллектуального потенциала нации.

[73] См.: *Castells M.* The Rise of the Network Society. P. 222.

[74] См.: International Herald Tribune. 1997. August 2-3. P. 1.

[75] См.: *Dicken P.* Global Shift. P. 401.

[76] См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. Ten New Directions For the 1990's. N.Y., 1990. P. 331.

ставляет собой лишь один из элементов развития альтернативной занятости. По подсчетам Д.Бэрча, между 1987 и 1992 годами в Соединенных Штатах крупные корпорации сократили 2,236 млн. рабочих мест, во многом из-за перенесения технологически рутинных операций в третьи страны; но мелкие компании создали за этот же срок 2,296 млн. рабочих мест, причем более высокооплачиваемых[77]. Безусловно, процессы смены занятий проходят весьма болезненно: сегодня 8,1 млн. американцев заняты на временных работах, 2 млн. работают «по вызову», 8,3 млн. представляют собой «независимых подрядчиков», занятых собственным бизнесом, — общее их число достигает 14% рабочей силы[78] и может увеличиться до одной трети к началу следующего столетия[79], но это явление, на наш взгляд, свидетельствует не о безысходности проблемы, а, напротив, о том, что она решается и может быть решена. Между тем нельзя не согласиться с О. и Х. Тоффлерами, полагающими, что «более не представляется возможным сокращать безработицу путем увеличения числа рабочих мест, поскольку отныне проблема заключается не в численности; безработица из количественной превратилась в качественную»[80]. Безработица сегодня действительно является в большей мере «качественной», чем «количественной»; это порождает множество проблем (некоторые из них мы рассмотрим ниже), однако опыт последних лет дает, на наш взгляд, больше оснований для оптимистических, чем для пессимистических прогнозов. Современное положение дел в данной области показывает, что один из самых трудных этапов постэкономической трансформации не вызвал серьезных социальных катаклизмов; в условиях, когда общество может позволить себе затраты, необходимые для дальнейшего переструктурирования рынка рабочей силы, для формирования потребностей в высококвалифицированных кадрах и поддержки высвобождаемых работников, процесс становления структуры, адекватной новым задачам, не будет создавать потенциальной угрозы для общей направленности нынешних преобразований.

Следующая важнейшая проблема, которую невозможно обойти в ходе анализа положения постиндустриального мира, связана с оценкой его хозяйственной мощи и влияния накануне XXI века; обратившись к ней, мы сможем также определить, насколько реален тот вызов западной цивилизации, который, как сегодня пола-

---

[77] См.: *Kotter J.P.* The New Rules. P. 78, note.

[78] См.: *Thurow L.C.* The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World. L., 1996. P. 165.

[79] См.: *Castells M.* The Rise of the Network Society. P. 266.

[80] *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilization. The Politics of the Third Wave. Atlanta, 1995. P. 53.

гают, способны бросить ей страны Азии, Латинской Америки и Персидского залива.

К концу 80-х годов в мире отчетливо сложились три центра экономической мощи, причем все они представлены странами, которые можно отнести к постиндустриальной цивилизации. Если рассматривать в качестве показателя значимости той или иной экономики объем добавленной стоимости, то на первом месте стоят США, обеспечивающие 25,8% мирового показателя, затем следует ЕС с 19,4 %, и замыкает список Тихоокеанский регион, где Япония, Китай и страны АСЕАН, вместе взятые, обеспечивают 16,2% мировой добавленной стоимости. Положение ЕС, остающегося самым емким в мире рынком, выглядит в этой связи даже несколько лучше, чем положение США, поскольку Европейское сообщество имеет хорошие торговые позиции, обеспечивая более 40% мирового товарооборота, и при этом не обладает большим суммарным отрицательным торговым сальдо по операциям с другими крупными экономическими центрами. Напротив, США имеют значительный дефицит в торговле как с ЕС, так и с Юго-Восточной Азией, превращающейся в единственного в мире нетто-экспортера[81].

Противостояние трех этих центров, которому уделяется сегодня столь значительное внимание в экономической и политологической литературе, не следует, на наш взгляд, оценивать с негативной точки зрения. В последние десятилетия постиндустриальная цивилизация, охватывающая США, страны Западной Европы, Японию, а также в определенной степени некоторых членов Британского содружества — Канаду, Австралию и Новую Зеландию, не только достаточно жестко отделена от пытающихся стать полноправными членами этого клуба стран Юго-Восточной Азии, Персидского залива, некоторых государств Южной Америки и Мексики, а также ряда других, но и обнаруживает показатели хозяйственного развития, не позволяющие сомневаться в стабильности сложившегося баланса сил. Хотя в течение послевоенной эпохи доля старых индустриальных стран в объеме мирового производства товаров и услуг устойчиво снижалась, нельзя переоценивать ни степени ее падения, ни значимости динамики соответствующих процессов. Известно, например, что доля США в мировом промышленном производстве к середине 80-х годов сократилась до 33% с 58 в 1955 году[82], как и то, что аналогичный показатель для всего западного мира снизился с 74,6 до 57,8% между 1953 и 1980 годами[83]. Однако такая картина обусловлена искусственным вычленением из числа развитых стран

---

[81] См.: *Dicken P.* Global Shift. P. 45.

[82] См.: *McRae H.* The World in 2020. P. 7.

[83] См.: *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996. P. 86.

Японии, с учетом потенциала которой снижение оказывается гораздо менее резким — с 77,5 до 67,0%.

При этом сам фактор экономического роста Японии представляется нам не дестабилизирующим развитие постиндустриального мира, а скорее придающим ему подлинную глобальность и самодостаточность. Несмотря на то что Япония не является в той же мере порождением всей западной цивилизации, в какой Америка, при всех ее достижениях, является порождением Европы[84], происходящее сегодня перераспределение центров силы среди развитых стран имеет в первую очередь позитивное значение, представляя собой не нарушение определенных оптимальных пропорций, а их поддержание. Хорошо известно, что вторая половина 70-х и начало 80-х годов прошли под знаком впечатляющих японских успехов, заставивших США на некоторое время усомниться в прочности своих лидирующих позиций. Если в 1971 году 280 из 500 крупнейших транснациональных корпораций были американскими, то к 1991 году таковых осталось лишь 157[85]; к этому времени Япония фактически догнала США, обладая 345 крупнейшими компаниями из 1000 (против 353 у США)[86]; в конце 80-х годов она располагала 24 крупнейшими банками при том, что в странах ЕС таковых было 17, а в Северной Америке — всего 5; 9 из 10 крупнейших сервисных компаний также представляли Страну восходящего солнца[87].

Между тем подобная статистика отражает лишь одну сторону имеющих место хозяйственных процессов, и для более полного осмысления происходящих изменений необходимо обратиться к дополнительным фактам.

Во-первых, анализ соотношения валового национального продукта трех центров постиндустриального мира свидетельствует, что изменения гораздо менее масштабны, чем это может показаться на первый взгляд. Так, между 1973 и 1986 годами доля США в мировом производстве товаров и услуг снизилась с 23,1 до 21,4%, доля ЕС — с 25,7 до 22,9%, а доля Японии возросла с 7,2 до 7,7[88]. В условиях, когда Япония увеличила свой ВНП с 27 до 38% показателя США, сами Соединенные Штаты жестко сохраняли соотношения ВНП с европейскими странами — с Германией на уровне 16, Францией — на уровне 13—14, Великобританией — 11—12%; в результате с 1975 по 1990 годы отношение суммарного ВНП стран ЕС и Японии к ВНП США повысилось со 107 до 112%[89], что составляет рост всего на 0,29% в год.

---

[84] См.: *Baudrillard J.* America. P. 76.

[85] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 22.

[86] См.: *Sayer A., Walker R.* The New Social Economy: Reworking the Division of Labor. Cambridge (Ma.)-Oxford (UK), 1994. P. 154.

[87] См.: *Thurow L.* Head to Head. P. 30.

[88] См.: *Castells M.* The Informational Economy and the New International Division of Labor // *Carnoy M., Castells M., Cohen S.S. Cardoso F.H.* The New Global Economy in the Information Age. P. 25.

[89] См.: Statistical Abstract of the United States. 1994. P. 863.

Во-вторых, не следует забывать и важных характерных черт японской экономики. Страна относительно недавно двинулась по пути ускоренной индустриализации, и рост ее доли в мировом хозяйстве вполне объясним, особенно на фоне европейских стран и США, которые, будучи наиболее богатыми регионами мира, обнаруживают стремление к максимальному снижению нормы сбережений и низкому хозяйственному росту. Более того, японская промышленность сегодня в значительной мере ориентирована на рост отраслей, производство в которых отличается наиболее массовым и серийным характером: например, как на американском, так и на европейском рынках азиатские компании достигают наибольших успехов в реализации бытовой электроники, офисного оборудования, машин и мотоциклов, сотовых телефонов, компьютеров и т. д. При этом, хотя в торговле с Японией ЕС имело в 1991 году в сфере одной лишь электроники дефицит в 35 млрд. долл., а США в 1990-м — в 22,3 млрд. долл.[90], эти цифры не означают технологического превосходства Японии над Европой и США; гораздо более важны масштабы использования новейших технологий в хозяйстве той или иной страны. Интересно, что сегодня кабельными сетями связаны 80% американских домов против 12% японских; в США на 1000 человек населения используются 233 персональных компьютера, в Германии и Англии — около 150, тогда как в Японии — всего 80; электронной почтой регулярно пользуются 64% американцев, от 31 до 38% жителей континентальной Европы и лишь 21% японцев[91], и ряд подобных примеров можно продолжить.

Нельзя не отметить также, что японский вариант индустриализации основан на максимальном использовании потенциала экстенсивного роста и в значительной мере ориентирован на развитие крупных предприятий и промышленных групп, что искусственно поддерживает число японских компаний в рейтингах лидеров мирового бизнеса; при этом США в большей мере основывают свой хозяйственный прогресс на интенсивных методах и ориентированы на развитие мелкого и среднего предпринимательства, принимающее все более широкие масштабы по мере перехода к информационной экономике. Последнее подтверждается и тем фактом, что в Японии в 1992 году десять крупнейших компаний производили 15,1% ВНП, в то время как в США этот показатель не поднимался выше 12,5%[92].

---

[90] См.: *Forester T.* Silicon Samurai. How Japan Conquered the World's IT Industry. Cambridge (Ma.)-Oxford, 1993. P. 8, 7.

[91] См.: *Moschella D.C.* Waves of Power. Dynamics of Global Technological Leadership 1964-2010. N.Y., 1997. P. 204, 207-208.

[92] Рассчитано по: *Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y., 1996. P. 327.

В-третьих, следует обратить внимание на то, что с начала 90-х годов данная пугающая западный мир тенденция была в определенной мере преодолена. Если к середине 80-х годов японская промышленность добилась максимального успеха, обеспечивая 82% мирового выпуска мотоциклов, 80,7% производства домашних видеосистем и около 66% фотокопировального оборудования[93], то в последние годы положение в значительной степени изменилось. Опираясь на бурное развитие высоких технологий, предпосылки которого были заложены в 80-е годы, США вступили в период устойчивого и быстрого хозяйственного развития, в то время как темпы роста японской экономики ощутимо замедлились, а на фондовых рынках обнаружился резкий и продолжительный спад[94]. 1991 год стал годом наибольшего успеха европейских и японских производителей, присутствовавших в списке 500 крупнейших компаний мира: тогда в нем были представлены 168 европейских, 157 американских и 119 японских корпораций[95], что в целом адекватно отражало экономические потенциалы Европы, США и Японии. К началу 1997 года ситуация изменилась: количество американских компаний в списке возросло до 203 (+29%), европейских — снизилось до 126 (−25%), японских — до 110 (−7,5%); более того, первые по своей рыночной капитализации, составлявшей 4,25 трлн. долл., лишь немного уступали европейским и японским, вместе взятым, имевшим соответствующий показатель в 4,3 трлн. долл.[96]. Наиболее же заметным данный сдвиг стал годом позже, когда в полной мере проявился постиндустриальный потенциал США и Западной Европы. По состоянию на 1 января 1998 года американские компании составляли в списке уже 222 позиции (+9,4% к началу года), европейские увеличили свое присутствие до 142 (+12,7%), тогда как число японских упало до 71 (−35,5%)[97]. Отметим, что численность населения США в два раза меньше суммарного населения ЕС и Японии.

И наконец, *в-четвертых*, сравнивая потенциалы различных центров экономической мощи в канун XXI века, необходимо прежде всего учитывать открытость тех или иных тенденций в будущее. Японская промышленность достигла огромных успехов, в частности, в области производства электронных систем; так, с конца 70-х годов она успешно вытесняла американских производителей с рынка микрочипов, опередив США в 1985 году и обеспечив в 1989-м раз-

---

[93] См.: *Forester T.* Silicon Samurai. P. 147.

[94] Подробнее см.: *Naisbitt J.* Megatrends Asia. The Eight Asian Megatrends That Are Changing the World. L., 1996. P. 20-26.

[95] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 22.

[96] См.: Financial Times FT 500 1997. L., 1997. P. 88.

[97] Рассчитано по: Financial Times. 1998. January 22. FT 500 Index. P. 5-6.

рыв в 16 процентных пунктов. Однако, допустив подобную ситуацию в отрасли, характеризующейся массовым производством, США никогда не уступали лидирующих позиций ни в создании новых систем обработки данных, ни тем более в области разработки программного обеспечения. В начале 90-х годов мировой рынок программных продуктов контролировался американскими компаниями на 57%, и их доля превышала японскую более чем в четыре раза; в 1995 году сумма продаж информационных услуг и услуг по обработке данных составила 95 млрд. долл.[98], из которых на долю США приходится уже три четверти[99]. Как следствие, в середине 90-х годов равенство на рынке производства микрочипов, нарушенное десять лет назад, было восстановлено, и доли США и Японии выровнялись.

В конце 80-х годов японское экономическое чудо продемонстрировало, насколько далеко может зайти страна, исповедующая индустриальную парадигму, в окружении соседей, принадлежащих постиндустриальному миру. Акции промышленных гигантов на бирже в Токио котировались по ценам, которые обеспечивали их держателям дивиденд менее 1% годовых на вложенный капитал; страна обладала самыми большими в мире финансовыми резервами[100]. Однако такая ситуация не могла быть устойчивой, и сегодня от былого величия осталось немного: многие предприятия работают с 70-процентной загрузкой производственных мощностей[101], темпы роста приближаются к нулевой отметке, фондовый индекс снизился с середины 1996-го по ноябрь 1997 года от уровня в почти 23 до менее чем 14 тыс. пунктов, ценные бумаги крупнейших финансовых компаний, в том числе такого оператора рынка, как «Ямайичи секьюритиз», подешевели более чем в 10 (!) раз[102]. Вполне понятно, почему в последние годы 40% руководителей японских компаний убеждены, что именно США останутся в XXI веке мировым лидером, хотя в самих Соединенных Штатах такую уверенность разделяют лишь 32% их коллег[103]. Эти данные свидетельствуют о постепенном осознании того, что *количественные* показатели динамики производства не определяют хозяйственного прогресса в эпоху *качественных* перемен.

---

[98] См.: World Economic and Social Survey 1996. P. 283.

[99] См.: *Barksdale J.* Washington May Crash the Internet Economy // Wall Street Journal Europe. 1997. October 2. P. 8.

[100] См.: *Drucker P.F.* Managing in a Time of Great Change. P. 166.

[101] См.: *Santis H, de.* Beyond Progress. An Interpretive Odyssey to the Future. Chicago-L., 1996. P. 8.

[102] См.: *Tett J.* Yamaichi Looks Close to Collapse // Financial Times. 1997. November 22-23. P. 1.

[103] См.: *Mandel M.J.* The High-Risk Society. Peril and Promise in the New Economy. N.Y., 1996. P. 99.

Все это убеждает нас в том, что на наших глазах *устанавливается оптимальное соотношение между тремя центрами постиндустриального мира.* Современное его состояние остается весьма стабильным, а конкурентная борьба между формирующимися очагами постэкономической цивилизации лишь помогает всем трем регионам добиваться больших хозяйственных успехов. Неизменной остается и лидирующая роль Соединенных Штатов в мировой экономике и политике, являющаяся важным залогом стабильности постиндустриальной цивилизации. В последние двадцать пять лет США совершили, казалось бы, невозможное: при весьма умеренных темпах экономического роста, исключительно высоком благосостоянии населения и крайне низкой (recessive) склонности хозяйственных субъектов к сбережениям[104] они обеспечили беспрецедентно масштабные инвестиции в самые передовые отрасли промышленности, усовершенствовали сферу высокотехнологичного производства, систему образования и научную инфраструктуру, что обеспечило им лидерующие позиции в канун XXI века.

Сегодня Соединенные Штаты находятся на вершине успеха, в положении, отличающемся беспрецедентной стабильностью. Вклад страны в мировое промышленное производство более чем в пять раз превосходит ее долю в населении Земли[105]; американские производители контролируют 40% всемирного коммуникационного рынка[106], около 75% оборота информационных услуг и 80% рынка программных продуктов[107]. Стабильный хозяйственный рост сопровождается укреплением в обществе отношений социального партнерства. Имея наиболее совершенную структуру занятости, применяя в сельском хозяйстве лишь 2,7[108], а в добывающих отраслях — не более 1,4%[109] рабочей силы, Соединенные Штаты располагают сегодня 156 рабочими местами на каждые 100, существовавшие в 1975 году, тогда как европейский показатель составляет лишь 96[110]. Самые низкие за последние десятилетия уровни безработицы, расходов на оборону и дефицита федерального бюджета[111], достигнутые в середине 90-х годов, непосредственно обусловливают стабилизировавшиеся и даже снижающиеся индикаторы всех видов асоциальных проявлений, с которыми США вступают в новое столетие[112].

---

[104] См.: *Offe C.* Contradictions of the Welfare State. Cambridge (Ma.), 1993. P. 48.

[105] См.: *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000. P. 16-17, 21.

[106] См.: OECD Communications Outlook 1995. P., 1995. P. 22.

[107] См.: *Barksdale J.* Washington May Crash the Internet Economy. P. 8.

[108] См.: *Rifkin J.* The End of Work. P. 110.

[109] См.: *Stewart T.A.* Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations. N.Y.-L., 1997. P. 8-9.

[110] См.: *Handy Ch.* The Hungry Spirit. Beyond Capitalism — A Quest for Purpose in the Modern World. L., 1997. P. 26.

[111] См.: *Santis H, de.* Beyond Progress. P. 15.

[112] См.: *Etzioni A.* The New Golden Rule. Community and Morality in a Democratic Society. N.Y., 1996. P. 70, 76.

Соединенные Штаты — это сегодня единственная страна, иностранные инвестиции в экономику которой оптимально сочетаются с масштабами внутреннего производства и общим уровнем хозяйственного потенциала. Приобретение ряда американских корпораций иностранными инвесторами, нередко рассматриваемое как угроза национальным интересам США со стороны Японии и стран Азии, сегодня таковой не является. Речь идет даже не о том, что основными инвесторами в экономику США выступают страны постиндустриального мира — Великобритания, Германия, Франция, а Япония отстает от Соединенного Королевства в семь раз; более важным представляется иное обстоятельство. В 1986 году американские инвесторы владели ценными бумагами зарубежных компаний, стоимость которых не превышала *трети* той суммы американских акций, которая находилась в собственности иностранцев[113]. К 1995 году они впервые в XX веке обеспечили контроль над *большим количеством* акций зарубежных эмитентов, нежели то, которым владели иностранные инвесторы в самих США. Характерно, что около 70% этих приобретений было сделано американскими корпорациями только в течение первой половины 90-х годов, а суммы, которые Соединенные Штаты способны инвестировать в экономику зарубежных стран в период до 2000 года, оцениваются сегодня в 325 млрд. долл.[114]

Важно обратить при этом внимание на три характерных обстоятельства.

Первое. Рост инвестиций извне не только не лишает страну-реципиента каких-либо возможностей, но и обеспечивает дополнительные условия для ее развития. По мнению Р.Райча, министра труда в первой администрации президента Б.Клинтона, «когда американский метод определения и решения проблем подкрепляется иностранными деньгами, это может иметь для США даже более благоприятные последствия, чем прежде»[115], так как подобные инвестиции в своем большинстве направляются не в секторы, характеризующиеся массовым производством и применяющие низкоквалифицированную, но весьма дорогую в условиях развитых стран рабочую силу, а в новые отрасли, что имеет своим результатом позитивные изменения структуры занятости и активизацию спроса на персонал, обладающий высокой квалификацией.

Второе. Подобные процессы, при всей их значимости, не могут быть источником реальной угрозы для технологического потенциала Европы и США со стороны *новых индустриальных стран*: если

---

[113] См.: *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. P. 20.

[114] См.: *Garten J.E.* The Big Ten. The Big Emerging Markets and How They Will Change Our Lives. N.Y., 1997. P. 37.

[115] *Reich R.B.* The Work of Nations. Preparing Ourselves to 21st Centure Capitalism. N.Y., 1992. P. 150.

обратиться к анализу того, в какие отрасли американской и европейской экономики направляются наиболее масштабные инвестиции из Японии и стран Юго-Восточной Азии, то легко заметить, что среди таковых лидируют банковское дело, операции на рынке недвижимости и некоторые отрасли сферы услуг. Между тем европейские и американские инвесторы остаются наиболее активными агентами на рынке высокотехнологичных производств, куда направляются более 80% германских инвестиций, около 63 — американских и лишь 57 — японских; более того, именно в Японию и другие регионы Азии европейские и американские компании вторгаются сегодня наиболее решительно и с наибольшим успехом. Так, американские фирмы только с 1986 по 1987 год на 33% увеличили затраты на *осуществляемые ими в Японии* научно-исследовательские и внедренческие проекты, тогда как аналогичный показатель для самих США составил всего 6%; одним из следствий этого стало превращение компании «Ай-Би-Эм», которая использует *в Японии* 18 тыс. работников и имеет годовой объем продаж в 6 млрд. долл., в одного из ведущих *японских экспортеров компьютерной техники*[116]. Отсутствие для традиционных индустриальных центров реальной опасности утратить свое технологическое превосходство подтверждается также и тем, что *доля средств, направляемых азиатскими инвесторами в производящие отрасли*, снижается по мере роста потенциала страны-реципиента, достигая для ЕС всего лишь 16%[117].

Третье. Рост инвестиций в США (с 11,2 до 29,0% мирового объема иностранных прямых инвестиций в период между 1975 и 1985 годами) происходит на фоне снижения доли Европы (с 40,8 до 28,9%)[118]; таким образом, по мере того как тот или иной регион обретает постиндустриальную зрелость, он становится менее активным реципиентом инвестиций, так как их возможности оказываются ограниченными сократившимся индустриальным потенциалом, а высокотехнологичные отрасли требуют вливаний скорее не финансовых, а интеллектуальных ресурсов.

Можно уверенно утверждать, что традиционные индустриальные центры — Европа и особенно США — обнаруживают в настоящее время устойчивое и динамичное продвижение по пути формирования основ постэкономического общества. Сегодня Соединенные Штаты лидируют по росту производства, динамике основных фондовых индексов, имеют минимальную безработицу за последние десятилетия и один из самых высоких в мире уровней инвестиций в образование и науку. Список самых богатых, в расчете на душу населения, стран также возглавляется ими и очень схож с

---

[116] См.: *Reich R.B.* The Work of Nations. P. 123, 120.
[117] См.: *Dicken P.* Global Shift. P. 78.
[118] См.: Ibid. P. 54.

перечнем государств, являющихся крупнейшими инвесторами американской экономики. По состоянию на 1991 год близкие к США показатели, исчисленные с учетом покупательной способности национальных валют, имели лишь Швейцария и Люксембург — основные европейские финансовые центры; уровень валового национального продукта в пределах от 17 до 20 тыс. долл. на человека в год обеспечивали только (в порядке убывания) Германия, Канада, Япония, Франция, Бельгия, Австрия, Дания и Швеция[119]. Отметим, что все рассмотренные показатели могут служить подтверждением единства постиндустриальной цивилизации в ее противостоянии остальному миру. С каждым годом она становится все более обособленной от менее удачливых соседей по планете, будучи не только источником 97% всех транснациональных инвестиций[120], но и оставаясь реципиентом более трех четвертей таковых, в то время как доля стран третьего мира, составлявшая две трети в канун Второй мировой войны, сегодня снизилась до одной четверти[121].

В последние годы много говорится об экономических успехах азиатских стран. Способны ли они составить серьезную конкуренцию западному миру? Не исключая полностью подобной перспективы, необходимо трезво оценивать их возможности в условиях основанного на *информации и знаниях* современного хозяйства. Ведь реальной базой *относительного* богатства и благосостояния этих государств остается занятие ими определенной ниши в системе мирового *индустриального хозяйства.* Став сборочными цехами, куда сегодня активно выносится массовое промышленное производство, они основывают свой успех на импортированных технологиях и дешевой рабочей силе[122]. Степень подобного процветания никогда не будет столь же высокой, как в странах постиндустриального блока, а его устойчивость — столь же прочной и долговременной. Да, расчеты показывают, что Китай при сохранении темпов роста, достигнутых им в конце 80-х годов, к 2008 году будет обладать валовым национальным продуктом, большим, чем США, а при вдвое замедлившихся темпах он достигнет этого рубежа к 2014 году; известно, что пятимиллионный Гонконг, ставший 1 июля 1997 года особым административным районом Сянган в составе КНР, имеет второй в мире по пассажирообороту аэропорт[123], является «восьмым по значимости мировым торговым центром»[124] и с 1992 года по-

---

[119] См.: *McRae H.* The World in 2020. P. 26.

[120] См.: *Moschella D.C.* Waves of Power. P. 214.

[121] См.: *Dicken P.* Global Shift. P. 54.

[122] См.: *Bell D.* The World and the United States in 2013 // Daedalus. Vol. 116. No 3. P. 8.

[123] См.: *Dimbleby J.* The Last Governor. Chris Patten and the Handover of Hong Kong. L., 1997. P. 366.

[124] Ibid.

требляет больше предметов роскоши — коньяка, дорогих вин, автомобилей и престижной мебели, — чем почти 60-миллионная аристократическая Великобритания, колонией которой он до недавнего времени оставался[125]. Но что отражает абсолютная величина валового национального продукта Китая, если *к началу 90-х годов* потребление на душу населения основных продовольственных продуктов в стране оставалось меньшим или в лучшем случае совпадало с аналогичными показателями, достигнутыми на Тайване *еще в конце 60-х*[126]? Нельзя забывать, что даже когда КНР обгонит США по размеру ВНП, его показатели в расчете на душу населения останутся на уровне, в шесть раз меньшем американского. Что можно сказать о Гонконге, кроме того что он является финансовым центром, необходимым Западу для ведения трансакций во всех часовых поясах одновременно, и местом сосредоточения рабочей силы эмигрантов со всей Азии, производящих дешевые изделия для среднего класса Америки и Европы?

Нередко можно услышать о блестящих успехах азиатских компаний, об их выходе на новые рынки и о неправдоподобно высоких темпах роста. В этом аспекте ситуация еще более очевидна. Так, по состоянию на начало 1997 года среди 500 крупнейших компаний мира насчитывалось всего 30 корпораций, представляющих Гонконг, Сингапур, Малайзию, Тайвань, Индонезию, Южную Корею, Таиланд и Филиппины. Их суммарная рыночная стоимость составляла около 412 млрд. долл. *; характерно, что аналогичный показатель для входивших в тот же список компаний Швейцарии и Голландии (без учета находящихся в совместном голландско-британском и швейцарско-шведском владении) составлял 470 млрд. долл., а с учетом указанных фирм достигал 691 млрд. долл.[127] Заметим, что население Швейцарии и Голландии в двадцать раз меньше населения названных стран Азии[128]. Все это еще раз подчеркивает ограниченность возможностей экономик, ориентированных не на создание технологий, информации и знаний, а на производство индустриального типа, и углубляет понимание того, в какой степени сообщество наиболее богатых государств современного мира ограничено лишь постиндустриальными державами[129].

---

[125] См.: *McRae H.* The World in 2020. P. 7, 20.

[126] См.: *Rohwer J.* Asia Rising. How History's Biggest Middle Class Will Change the World. L., 1996. P. 123.

* К концу ноября 1997 года рыночная оценка данных компаний не превышала уже 284 млрд. долл., что было связано с резким падением курсовой стоимости акций на азиатских рынках в предшествующие месяцы и девальвацией национальных валют этих стран.

[127] См.: Financial Times FT 500 1997. P. 88.

[128] См.: Statistical Abstract of the United States. 1994. P. 850-852.

[129] О социологических и культурологических последствиях данного явления подробнее см.: *Callinicos A.* Against Postmodernism. A Marxist Critique. Cambridge, 1994. P. 137 и сл.

Завершая эту главу, мы хотим отметить, что сегодня, в эпоху усиления разграничения между постэкономической частью мира и прочими территориями, единственным способом добиться признания мировой элиты является успешное развитие по пути, задаваемому постиндустриальными закономерностями. Страны, стремящиеся войти в это сообщество на основе экстенсивного развития и импорта технологий, до тех пор не вступят в заветный круг, пока не станут развиваться на собственной базе, пока не создадут новые технологические решения и разработки, пока не воспитают работников постиндустриального типа, являющихся носителями постэкономических ценностей[130]. Это непросто, но исключать возможность успеха подобного «догоняющего» развития нельзя. Однако следует понимать и то, что прошедшая таким путем страна уже *не будет воплощением противостояния западному миру*, так как к моменту вступления в его ряды она станет *его естественной частью*, быть может, не по своим культурным традициям, но по методам производства, уровню образования, моральным устоям и жизненным ориентирам населения. Именно поэтому *реальный вызов западному миру сегодня невозможен*; догнать передовые страны можно, только *войдя в их число на основе ими заданных принципов*, а ход такого процесса безусловно будет контролироваться самим постэкономическим сообществом. Таким образом, возникает жесткая, но пока еще преодолимая граница между постиндустриальным миром и остальной частью человечества; переходы через нее, и на этом мы подробно остановимся ниже, окажутся, видимо, возможны в обозримом будущем для значительного числа стран, хотя с каждым новым десятилетием постэкономические ориентиры будут становиться для большей части мира все более недосягаемыми[131].

В то же время следует иметь в виду, что видимость благополучия, которое «разлито» над всем постиндустриальным миром, может рассеяться, если уже в ближайшие десятилетия не будет уделено должного внимания противоречиям, назревающим параллельно с формированием тех устойчивых тенденций, которые приводят к становлению постэкономических элементов социальной организации. Сегодня, когда наиболее развитые страны мира вступают во второй этап постэкономической трансформации, конфликты, присущие этому периоду, представляются достаточно опасными и требуют не только внимательного изучения, но и социальной и политической мудрости, взвешенных решений и продуманных действий, способных обеспечить их эволюционное и некатастрофическое разрешение.

---

[130] См.: *Garten J.* The Big Ten. P. 22.

[131] См.: *Bertens H.* The Idea of the Postmodern: A History. L.-N.Y., 1995. P. 232-234.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Все, кто пишет сегодня о развитых странах Запада, неизбежно отмечают их внешнее благополучие. Между тем многие из современных перемен, в большинстве своем однозначно позитивных, таят в себе важные противоречия, способные на определенном этапе стать опасными для эволюционного развития постэкономических обществ.

В предыдущих главах мы не углублялись в вопрос, насколько приемлем для общественной структуры, обладающей известной инерционностью и исторически сложившимися стереотипами, темп социальных изменений, задаваемый технологическим прогрессом последних десятилетий. Между тем вопрос этот исключительно важен. В условиях радикальных перемен в производственной сфере, быстрого переосмысления существовавших технологических и теоретических схем и концепций особое значение приобретает *поддержание соответствия между сущностью развертывающихся процессов и их внешними формами.* Добиваться такого соответствия необходимо прежде всего потому, что изменения, инициирующие и провоцирующие постэкономическую революцию, могут быть прежде всего отмечены на индивидуальном, а иногда даже социопсихологическом уровне. Как следствие, многие хозяйственные закономерности и отношения, нередко уже имеющие новое содержание, продолжают рассматриваться как типично *экономические*, что основано на оценке их с чисто *формальной* точки зрения. Это иллюстрируется целым рядом примеров: достаточно отметить, что необходимые природоохранные технологии могут с сугубо экономической точки зрения казаться убыточными; рост валового внутреннего продукта может совершенно не отражать реального богатства и хозяйственного влияния нации, а оценки того или иного продукта либо той или иной компании могут не согласовываться с издержками их производства или ее балансовой стоимостью.

Сегодня, когда западные общества погружены в перипетии *революции*, которую мы называем постэкономической, становится все более очевидным разрыв не только между разворачивающимися процессами обновления и представлениями о них, но, что гораздо более опасно, между состоянием хозяйственного целого и императивами, складывающимися в самых различных сферах человеческой деятельности. В результате возникает ситуация, когда люди, стремящиеся управлять происходящими в социуме процессами на основе осмысления традиционных индикаторов, оказываются как бы на месте пилота, совершающего на самолете сложный маневр по показаниям датчиков, но не видящего при этом реальной местности. С каждым новым шагом на пути к постэкономическому состоянию растет возможность ошибок, так как по мере его становления прежние показатели во все меньшей мере могут рассматриваться как адекватные свидетельства происходящих в современном мире изменений.

Такая ситуация была бы весьма опасной даже в том случае, если бы столь неадекватная информация служила лишь для осмысления самостоятельно и вне воли людей разворачивающихся процессов; между тем изменения данных показателей становятся причиной движения огромных масс материальных благ и финансовых ресурсов, дезорганизация которого непосредственным образом может воздействовать на жизнь десятков и сотен миллионов людей. Все большее отдаление этих индикаторов от описываемой ими реальности чревато катаклизмами, способными отдалить перспективы становления постэкономического общества и иметь непредсказуемые последствия для всего мира, так как в случае радикального нарушения нормального хода хозяйственного прогресса даже в одном из основных его центров следствием станет цепная реакция, ведущая к всемирной дестабилизации. Более того, источником и предпосылкой подобного процесса может послужить событие, даже не имеющее прямого отношения к собственно *хозяйственному* развитию, такое как банковский или биржевой кризисы, связанные с излишней дерегулированностью корпоративных финансов или неплатежами по долговым обязательствам.

Сегодня, когда основные ресурсы, определяющие хозяйственный прогресс, в небывалой ранее степени сконцентрированы в основных постиндустриальных регионах, никакие *внешние* факторы не могут лишить их доминирующего положения. Вместе с тем именно в силу такой концентрации любые неправильные решения, вероятность которых увеличивается по мере роста недостоверности всех видов хозяйственной информации, могут оказаться если не фатальными, то весьма болезненными. Поэтому мы считаем возможным утверждать, что не вызов со стороны развивающихся стран, не экологический дисбаланс, не растущий национализм или проблемы,

связанные с дезинтеграцией Восточного блока, не активность милитаристских режимов и международного терроризма, а именно *внутреннее несоответствие постэкономической природе современных обществ Запада экономической формы проявления происходящих в них процессов* представляет для человечества источник наибольших опасностей.

Наш анализ имеет своим предметом преимущественно хозяйственные изменения, поэтому мы оставим за его рамками проблемы, которые могут быть вызваны новыми социальными конфликтами внутри развитых обществ, современным пониманием свободы и открывающимися возможностями самореализации личности. Остановимся в первую очередь на тех элементах внутренней противоречивости формирующейся постэкономической цивилизации, которые связаны с изменениями в стоимостных отношениях и в системе собственности.

Распространение нелимитированных, но в то же время невоспроизводимых благ, усиление роли информации и других уникальных ресурсов в производстве готового продукта в любой отрасли промышленности и сферы услуг, снижение доли стоимости сырья, материалов и рабочей силы в цене результата труда, не говоря уже о неэкономически мотивированной деятельности, становящейся важным фактором производственного процесса, — все это делает традиционные характеристики общественного хозяйства все более и более условными. Рассмотрим три наиболее опасных, на наш взгляд, отклонения представлений о хозяйственных процессах от их реальной сущности.

В качестве *первого* примера возьмем *макроэкономические показатели современного хозяйства.* Важнейшим из них до сих пор является объем валового национального продукта. Его недостатки были известны и ранее — он не только предполагает многократный учет одних и тех же затрат материалов и труда по мере производства конечного продукта, но и отражает в качестве позитивного фактора рост любых общественных усилий, в том числе и таких, которые не могут рассматриваться как свидетельство повышения реального благосостояния нации[132]; в нынешних же условиях применение подобного показателя затрудняется рядом новых обстоятельств.

Во-первых, он содержит информацию только о прямых издержках на производство благ, будучи не в состоянии отразить ущерб, который наносится обществу и окружающей среде их использованием. Учитывая лишь «затраты производства в натуральном исчислении или те, которые научно доказуемы... [подобные ему инструменты] ... не способны “интернализировать” долгосрочные издерж-

---

[132] См.: *Weizsäcker E.U., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four. P. 271.

ки и не поддающиеся исчислению убытки»[133]. Примером тому может служить производство озоноразрушающих веществ или строительных материалов на основе асбеста; в последнем случае ВНП возрастает в ходе самого процесса производства изделий, а также за счет роста усилий по организации медицинской помощи людям, здоровью которых был нанесен вред их использованием, и за счет труда, затрачиваемого обществом на минимизацию отрицательных последствий применения подобных технологий[134]. Расчеты показывают, что результаты деятельности только автомобильной промышленности США — от загрязнения окружающей среды и использования земли для постройки дорог до потерь от аварий и ухудшения здоровья нации — приводят к неявным («внешним») издержкам в сумме до 1 трлн. долл. в год, что составляет седьмую часть американского ВНП[135]. «При расчете ВНП, — пишет А.Гор, — не принимается во внимание снижение стоимости природных ресурсов по мере их использования. Если здания и заводы, равно как машины и оборудование, амортизируются, то почему, например, не учитывается снижение стоимости верхнего слоя почвы в Айове, когда он смывается в Миссисипи в результате применения бездумных методов земледелия, ослабляющих способность почвы сопротивляться воздействию ветра и дождя? Наше неумение измерить ущерб, причиняемый в результате воздействия на окружающую среду, — заключает он, — представляет собой род экономической слепоты, последствия которой могут быть ужасающими»[136]. *Во-вторых*, в условиях информационной революции движение стоимостных показателей, одним из которых является и ВНП, уже не отражает реального соотношения производимых и потребляемых благ, так как тенденция к снижению издержек на наиболее высокотехнологичные изделия неизбежно приводит к искусственному занижению темпов развития постиндустриальных экономик. Не в этом ли кроется причина того, что официально объявляемые статистикой темпы хозяйственного роста развитых стран снизились с 5% в 60-е годы (3,6% и 2,8% в 70-е и 80-е) до уровня в 2,0% в 90-е[137], хотя подобное замедление констатируется на фоне наиболее впечатляющего технологического взлета, переживаемого западным миром в последние десятилетия? *В-третьих*, ВНП не может адекватно отразить значение и роль нематериальных активов, важность учета которых сегодня очевидна; в значительной степени именно поэтому возникает впечатление дерзких экономических прорывов, осуществляемых странами,

---

[133] *Weizsäcker E.U., von.* Earth Politics. P. 127.

[134] См.: *Brockway G.P.* The End of Economic Man. N.Y.-L., 1995. P. 157-158.

[135] См.: *Weizsäcker E.U., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four. P. 189.

[136] *Gore A.* Earth in the Balance. P. 183-184, 189.

[137] См.: *Thurow L.C.* The Future of Capitalism. P. 1.

ориентированными на массовое материальное производство на основе применения сугубо вторичных технологий. И наконец, *в-четвертых*, в показателе ВНП теряются качественные характеристики продукта, являющиеся наиболее важными в условиях современного производства. Совершенно не случайно поэтому сегодня динамика ВНП и различных альтернативных ему индикаторов[138], таких, например, как Индекс устойчивого экономического благополучия (ISEW), введенный в 1989 году Г.Дэли и Дж.Коббом[139], или Индикатор реального прогресса[140], становится разнонаправленной.

Таким образом, *противоречие между стоимостным характером основных макроэкономических показателей и явным сдвигом социальных предпочтений в сторону качественных характеристик производимых благ* служит одним из важных, но не единственным свидетельством дезориентированности развития современных постиндустриальных обществ.

Многие полагают, что от ряда недостатков ВНП свободны показатели национального дохода и производные от них; между тем последние также не способны адекватно отражать реальное положение вещей. Подтверждением тому становится заметное в последние годы как в США, так и в Европе новое явление, состоящее в утрате относительной пропорциональности в росте доходов рабочих и прибыли капитала. Так, в США за 80-е годы производительность в обрабатывающей промышленности выросла на 35%, но роста реальной заработной платы не последовало; в то же время корпоративная прибыль на протяжении 90-х годов фактически каждый год достигала нового рекордного уровня[141]. В Германии в 80-е годы индекс заработной платы оставался на прежнем уровне, тогда как прибыль промышленных компаний выросла вдвое[142], и соответствующий процесс только ускоряется. Однако мы не считаем, что эти данные свидетельствуют о нарастании социальной несправедливости. Причина подобного положения в значительной мере заключается, на наш взгляд, в том, что сегодня крайне тонка грань, отделяющая пролетария от работника интеллектуального труда, а прибыль корпораций во многих случаях может рассматриваться как результат труда ее владельцев и менеджеров. Неоценимость знаний, становящихся основным продуктом большинства компаний и корпораций, наличие у них монополии на созданные ими ин-

---

[138] Подробнее см.: *Jackson T., Marks N.* Measuring Sustainable Economic Welfare. Stockholm, 1994.

[139] См.: *Daly H.E., Cobb J.B., Jr.* For the Common Good. Boston, 1989.

[140] См.: *Cobb C., Halstead T., Rowe J.* Redefining Progress: The Genuine Progress Indicator, Summary of Data and Methodology. San Francisco, 1995.

[141] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 74, 197.

[142] См.: *Afheldt H.* Wohlstand für niemand? München, 1994. S. 30-31.

формационные технологии приводят к росту корпоративных прибылей в целом, оставляя заработную плату неквалифицированных работников на прежнем уровне. *Отражение доходов работников интеллектуального труда как прибыли еще раз свидетельствует о неприменимости стоимостных показателей в современных условиях*, наиболее явно заметной на примере отдельных отраслей и производств.

Важно отметить, что динамика прежде однонаправленных макроэкономических показателей, таких как ВНП и ISEW, а также доходов работников и прибыли корпораций радикально изменилась *в период между 1973*[143] *и 1979*[144] *годами*, как раз тогда, когда западный мир вступил в начальную фазу постэкономических преобразований.

Вторым примером, демонстрирующим неадекватность традиционных индикаторов, служат рост нематериальных и неисчислимых на основании экономических принципов активов современных корпораций и связанные с этим последствия.

С распространением современных технологий основным показателем деятельности компании становятся отнюдь не ее балансовые активы, а способность к расширению своей рыночной доли и внедрению новых высококонкурентных продуктов. Последнее лишь отчасти имеет под собой объективные основания. Так, известно, что в 1995 году компания «Майкрософт», объявив о выходе на рынок с программой Windows 95, обеспечила рост своих акций, сделавший ее рыночную стоимость всего за несколько дней большей, нежели рыночная стоимость «Боинга» — самого крупного экспортера в Соединенных Штатах[145]; однако не следует забывать, что представление нового продукта было сопряжено в данном случае с самой дорогой в истории компьютерного бизнеса рекламной кампанией, обошедшейся корпорации в 250 млн. долл.[146]

В настоящее время можно отчетливо наблюдать три весьма тревожных обстоятельства.

Одно из них связано с тем, что суммарная доля нематериальных активов современных компаний и корпораций растет, причем далеко не всегда в соответствии с традиционно понимаемым ростом их реального хозяйственного потенциала. Так, например, широко известная фирма «Нетскейп», основанная в начале 1994 года, обладающая фондами в 17 млн. долл. и применяющая труд немногим более пятидесяти работников, имеет рыночную оценку, превышающую

---

[143] См.: *Kuttner R.* Everything for Sale: The Virtues and Limits of Market. N.Y., 1997. P. 86.

[144] См.: *Weizsäcker E.U., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four. P. 279.

[145] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 22.

[146] См.: *Sveiby K.E.* The New Organizational Wealth. Managing and Measuring Knowledge-Based Assets. San Francisco, 1997. P. 116.

3 млрд. долл.[147] при отсутствии прибыли от своей деятельности; владельцы ее акций, курс которых вырос только в течение 1995 года с 28 до 130 долл.[148], не могут претендовать в обозримом будущем на получение каких-либо дивидендов.

Если рассматривать американскую экономику в целом, то мы увидим, что «за последние двадцать лет значительно увеличился разрыв между стоимостью предприятий, указанной в их балансе, и ее оценкой со стороны инвесторов. За период с 1973 по 1993 год средний показатель отношения рыночной цены компании к ее бухгалтерской оценке для американских корпораций увеличился с 0,82 до 1,692. Разрыв, отмеченный в 1992 году, показывает, что стоимость средней американской компании в балансовом отчете занижена примерно на 40%»[149]. Такая закономерность наблюдается в отдельных отраслях в различной степени. Так, балансовая стоимость фирм составляет в среднем менее трети их рыночной оценки в таких отраслях, как здравоохранение, бытовые услуги, радиовещание и издательский бизнес, коммунальные услуги, производство электронной техники и обработка данных; в автомобильной же промышленности она достигает 80 и более процентов их рыночной цены[150]. При этом, разумеется, в пределах каждой отрасли капитализация компании зависит от квалификации ее персонала и менеджеров[151], хотя в целом вполне отчетливо прослеживается тенденция, в соответствии с которой новые и агрессивные компании имеют большие нематериальные активы, чем работающие на рынке продолжительное время: соответствующие соотношения составляют 0,45:1 у «Ай-Би-Эм»; 1,35:1 у «Хьюлет-Паккард»; 2,8:1 у «Интел»; 9,5:1 у «Майкрософт»; 10,2:1 у «Рейтерс» и 13:1 у «Оракл»[152]; про «Нетскейп» лучше не говорить — в этом случае мы имеем почти 60:1.

Другое из этих обстоятельств вытекает из того, что подобные процессы оказывают радикальное воздействие на все стороны экономической жизни. С одной стороны, его проявлением становится рост фондовых индексов вне реальной зависимости от развития производства материальных благ и услуг. Так, если в США с 1977 по 1987 год рост промышленного производства не превысил 50%, то рыночная стоимость акций, котирующихся на всех американских биржах, выросла почти в пять раз[153], а объемы торгов на

---

[147] См.: *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. Realizing Your Company's True Value by Finding Its Hidden Roots. N.Y., 1997. P. 2, 34, 2-3.

[148] См.: *Morrison I.* The Second Curve. Managing the Velocity of Change. L., 1996. P. 62.

[149] *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. P. 5.

[150] См.: *Sveiby K.E.* The New Organizational Wealth. P. 6.

[151] См.: *McTaggart J.M., Kontes P.W., Mankins M.C.* The Value Imperative. Managing for Superior Shareholder Returns. N.Y., 1994. P. 26-29.

[152] См.: *Sveiby K.E.* The New Organizational Wealth. P. 7.

[153] См.: Statistical Abstract of the United States. 1994. P. 528.

Нью-Йоркской фондовой бирже и совокупный капитал оперирующих на ней финансовых компаний возросли более чем в 10 раз[154]. При этом «за весь 1960 *год* на Нью-Йоркской фондовой бирже было продано в общей сложности 776 млн. акций — около 12% находившихся в обращении ценных бумаг соответствующих компаний, — и каждая из этих акций принадлежала своему владельцу в среднем около шести лет; к 1987 году, в самый разгар ажиотажного спроса, 900 млн. акций каждую *неделю* переходили из рук в руки, в результате чего с 97% эмитированных акций в течение года были совершены сделки»[155]. Десять лет спустя, в пик биржевого кризиса конца октября 1997 года, на Нью-Йоркской фондовой бирже был зафиксирован абсолютный рекорд: 1,196 млрд. акций были проданы в течение одной *торговой сессии*[156]; в этот же день суммарный оборот пяти ведущих мировых фондовых бирж превысил 9 млрд. акций[157]. С другой стороны, нельзя не заметить увеличивающийся отрыв суммарных финансовых активов от реальных объемов производства. Начавшись во второй половине 80-х годов, этот отрыв привел к тому, что в 1992 году «финансовые активы развитых стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, составили в общей сложности 35 трлн. долл., что в два раза превысило стоимость продукции, выпускаемой этими странами... [ожидается] что к 2000 году совокупный капитал достигнет 53 трлн. долл. в постоянных ценах, что в три раза превысит стоимость выпущенной в этих странах продукции»[158].

Третье тревожное обстоятельство связано с быстрым ростом курсовой стоимости акций, приводящим к беспрецедентному отрыву финансового и фондового рынков от реального хозяйственного развития, особенно заметному в последние десятилетия, когда «деньги, вместо того чтобы оставаться мерилом стоимости, стали в любой развитой стране картами в политических, социальных и экономических играх»[159]. При отмеченном уже росте рыночной стоимости акций американских компаний в пять раз между 1977 и 1987 годами коррекция, происшедшая в октябре 1987 года, составила не более 25%. На протяжении следующего десятилетия экономический рост был более низким, однако прежнее достижение на фондовом рынке было повторено, и к августу 1997 года индекс Доу-Джонса вырос в 4,75 раза, увеличившись вдвое только с начала 1996 года. Напрашивается вывод о том, что «сегодня акции

---

[154] См.: *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Cambridge (Ma.)-Oxford (UK), 1995. P. 335.

[155] *Reich R.B.* The Work of Nations. P. 193.

[156] См.: Wall Street Journal Europe. 1997. October 29. P. 16.

[157] См.: Wall Street Journal Europe. 1997. November 3. P. 9.

[158] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 232.

[159] *Drucker P.F.* Managing in Turbulent Times. Oxford, 1993. P. 155.

переоценены в гораздо большей степени, однако на Уолл-стрите этот фактор не принимают во внимание» в значительной мере потому, что «те, кто предостерегал от излишней переоценки год или два тому назад, в значительной мере дискредитированы успехами, достигнутыми рынком за это время»[160]; разрыв же между показателями, отражающими развитие реального производства и успехи фондовых рынков, продолжает нарастать. Свидетельством этому стали намного меньшие, нежели десять лет назад, коррекции фондовых индексов прошлой осенью, когда только периферийные переоцененные и в наибольшей мере подверженные влиянию иностранных инвесторов рынки, такие как Россия, Бразилия, Венгрия, Гонконг, Южная Корея и некоторые другие, обнаружили падение котировок, сравнимое с пережитым развитыми странами в 1987 году; в то же время в ходе октябрьского кризиса 1997 года индексы в Нью-Йорке снизились на 6,7%, в Лондоне — на 7,6%, в Париже — на 11,2%, во Франкфурте – на 14,5%, причем обратные подвижки были быстрыми и радикальными[161]. Начиная с середины января 1998 года, на биржах всех крупнейших центров постиндустриального мира наметился радикальный рост котировок. В течение первых 40 дней этого года итальянский индекс MIBTEL установил 16 (!) рекордов, цюрихский SMI — 11, DAX и CAC-40 — по 9, лондонский FTSE-100 — 7. 10 февраля индекс Доу-Джонса превысил августовский пик 1997 года, и впервые за последние два с половиной года он и все основные европейские индексы одновременно до-стигли новых рекордных значений. Российский же индекс РТС в этот день оставался на 46% (!) ниже своего октябрьского значения*.

Следует признать, что подобные тенденции не могут быть преодолены в обозримом будущем не столько потому, что сопряженные с ними опасности не получают адекватной оценки, сколько потому, что они вполне соответствуют принципиальному направлению подрыва традиционных стоимостных отношений. Субъективизация оценок на фондовом рынке становится сегодня самовоспроизводящимся процессом. *С одной стороны*, это обусловлено уже упоминавшейся активностью трейдеров, нарастающей более быстрыми темпами, нежели темпы роста фондовых индексов. Все финансовые эксперты сегодня уверены, что этот процесс примет в ближайшем будущем еще более активные формы. Несмотря на то что уровень сделок в 1 млрд. акций в день был превзойден на Нью-Йоркской фондовой бирже лишь однажды, ее нынешние возмож-

---

[160] *Norris F.* 10 Years on, Lessons of a "one-Day Sale" // International Herald Tribune. 1997. October 18-19. P. 16.

[161] Wall Street Claws Its Way Back // International Herald Tribune. 1997. October 29. P. 1.

* См.: Wall Street Journal Europe. 1998. February 11. P. 1, 24; Financial Times. 1998. February 11. P. 34.

ности позволяют осуществлять сделки с 3 млрд. акций в день; в компьютеризированной системе Nasdaq при вдвое меньшем обороте к концу 1997 года создаются возможности для торговли 1,5 млрд. акций ежедневно[162], и аналогичные процессы идут на фондовых площадках повсюду в мире. Рост оборота торгов и специфика групп трейдеров порождают дополнительные факторы неопределенности; так, с точки зрения традиционной логики невозможно объяснить снижение американских фондовых индексов в связи с крахом рынка в Юго-Восточной Азии, затрагивающим в первую очередь наиболее опасных конкурентов американских производителей. *С другой стороны*, теряется связь между ценой акций и такими традиционными факторами, как прибыль корпораций и уровень процентных ставок. Движения фондовых индексов происходят сегодня скорее вопреки обычным закономерностям, чем в соответствии с ними: так, бум первой половины 90-х годов происходил в условиях, когда реальная прибыль держателей облигаций американского казначейства составляла 8,2% годовых[163]; период с июля 1996-го по август 1997 года стал не менее уникальным, будучи отмечен ростом всех основных американских фондовых индексов — DJIA, DJ US Market, S&P 500, NYSE Composite, Nasdaq Composite и Value Line — в пределах от 31,2 до 37,8%[164] одновременно с повышением курса доллара относительно основных мировых валют, что не могло не ухудшать позиций американских производителей. При этом если в 70-е годы дивиденды приносили держателям акций в среднем от 7 до 11% годового дохода, то сегодня соответствующий показатель по наиболее высоколиквидным бумагам не превышает 2%, что делает ожидания дальнейшего безудержного спекулятивного роста фактически *единственным стимулом к их приобретению*.

Между тем нельзя не обратить внимание на другую важную проблему, возникающую при анализе движения современного фондового рынка. Если, например, в ходе экономических кризисов вплоть до 1973 года была заметна высокая корреляция между движениями на фондовом рынке и реакцией производственного сектора, то в последние годы она явно снижается. В 1986—1989 годах валовой национальный продукт США обнаруживал устойчивую тенденцию к росту, повышаясь в среднем на 3,3% в год (в частности, на 3,1% в 1987 году)[165], при том что падение фондового индекса в октябре 1987 года было почти таким же, как при крахе, положившем начало кризису и стагнации конца 20-х — начала 30-х годов, в течение кото-

---

[162] См.: *Kadlec D.* Wall Street's Doomsday Scenario // Time. 1997. August 11. P. 28.

[163] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 232.

[164] См.: *Ip G.* Smaller Shares Loom Larger on Wall Street // Wall Street Journal Europe. 1997. October 2. P. 16.

[165] См.: Statistical Abstract of the United States. 1995. Wash., 1996. P. 451.

рого страна пережила падение ВНП на 24%. Анализируя события конца 1987 года, Ж.Бодрийяр писал: «Если что и становится понятным в этой ситуации, так это степень различия между экономикой, какой мы ее себе представляем и какой она является на самом деле; именно данное различие и защищает нас от реального краха производящего хозяйства»[166]. Этот совершенно справедливый тезис имеет, однако, и обратную сторону. Действительно, биржевые катаклизмы все меньше влияют на реальную хозяйственную динамику, но и последняя уже не должна рассматриваться как достаточное условие предотвращения таких катаклизмов; высокая конкурентоспособность американской промышленности и обнадеживающие макроэкономические показатели не предотвратили почти десятипроцентной коррекции фондовых индексов осенью 1997 года. В то же время тенденции современной экономики таковы, что сектор, связанный с движением этих иллюзорных показателей, становится важнейшим местом приложения сил и важнейшим источником существования для все возрастающего числа людей, и сам по себе крах финансовой сферы, даже не влекущий соответствующего спада производства, может привести к не меньшим социальным потрясениям, чем кризис промышленности. *Сегодняшняя субъективистская экономика теряет прежнюю связь с реальным объективным хозяйством, но, утрачивая ее, она сама становится данностью, определяющей хозяйственный прогресс современного общества.*

Поэтому следует согласиться с мнением, согласно которому «первоочередная задача состоит в том, чтобы пересмотреть вопросы регулирования финансового капитала; правительствам придется заново вводить некоторые из мер контроля, которыми они пренебрегали в последнее время, в целях как стабилизации финансовых рынков, так и необходимости заставить владельцев капитала более чутко реагировать на общие потребности производящего хозяйства»[167]. Однако большинство развитых стран, в том числе и США, считают себя сегодня в большей мере страдающими не от излишней свободы своих хозяйственных субъектов, а от активного вмешательства правительств в экономическую жизнь; по подсчетам Дж.Гартена, государственное регулирование обходится средней американской семье в 7 тыс. долл. в год, тогда как непосредственно уплачиваемые ею налоги не превосходят 6 тыс. долл.[168]; поэтому совершенно очевидно, что подобных мер не последует. Тем самым опасность, заключающаяся в том, что современный фондовый рынок, фактически уже не *отражающий* закономерностей реального производства, все

---

[166] *Baudrillard J.* The Transparency of Evil. Essays on Extreme Phenomena. L.-N.Y., 1993. P. 26.

[167] *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 317.

[168] См.: *Garten J.E.* The Big Ten. P. 131.

еще *управляется* под воздействием изменения традиционных экономических показателей, сохраняется в качестве существенного фактора хозяйственной и политической жизни современных постиндустриальных стран.

Наконец, *третьим* примером, демонстрирующим разрыв между реальным движением материальных ценностей, услуг и информации, с одной стороны, и финансовых потоков — с другой, служит экспансия операций с национальными валютами и новыми финансовыми инструментами. Их объемы обнаруживают наибольшие темпы роста по сравнению с остальными сегментами фондового рынка и, безусловно, способны самым радикальным образом воздействовать на состояние и развитие национальных экономик. В условиях глобализации хозяйства подобное явление не вызывает удивления, однако темпы его роста оказываются большими, чем это представляется безопасным с точки зрения экономической стабильности. Так, объемы операций на валютном рынке составляли в 1992 году в среднем около 1,2 трлн. долл. *ежедневно*, что почти вдвое превосходило уровень 1989 года; при этом, что немаловажно, подобный рост не соответствовал ни масштабам реальных активов стран — участниц рынка, ни размерам резервов их центральных банков. В 1983 году, когда валютные рынки США, ФРГ, Японии, Великобритании и Швейцарии обеспечивали ежедневный оборот средств на уровне 39 млрд. долл., валютные запасы ФРС США и центральных банков остальных четырех стран достигали 139 млрд. долл.; между тем в 1992 году на фоне увеличения резервов до 278 млрд. долл. объем торгов возрос в 16 раз и составлял 623 млрд. долл.[169] В 80-е годы не менее активно, на уровне 20% в год, повышались также размеры прямых зарубежных капиталовложений; только между 1983 и 1989 годами объем государственных ценных бумаг и долговых обязательств, торгующихся на биржах ведущих финансовых центров, вырос более чем в три раза[170]. В первой половине 90-х годов темпы роста этих показателей увеличились почти на 35%.

Все эти примеры показывают, что «финансовая система достигла беспрецедентной в истории степени независимости от реального производства, что грозит капитализму в равной мере беспрецедентными финансовыми рисками»[171]. И эта ситуация представляется нам не простым результатом активизации рыночных спекулянтов, способных разорить несколько финансовых компаний и банков; она обусловлена глубинными изменениями в хозяйственной структуре, не получающими сегодня на поверхностном уровне своего адекватного выражения. Мировое хозяйство, развиваясь во

---

[169] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 23, 245.

[170] См.: *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. P. 2.

[171] *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. P. 194.

многом под воздействием *нерыночных* по своей природе факторов, достигает ныне самых совершенных *рыночных* форм, которые через определенное время неизбежно придут в неразрешимое противоречие с новыми постэкономическими условиями. В такой ситуации серьезный финансовый кризис, подобный разразившемуся осенью 1997 года, был бы наименьшим злом; однако он имеет все шансы обрести масштабы, намного превосходящие последствия обычного биржевого краха. Причина кроется в том, что отдаление финансовых потоков от реального хозяйственного развития является всего лишь одним из проявлений сохранения постэкономическим обществом своей экономической формы; другой аспект этого феномена касается кредитной сферы и государственных финансов.

Становление постэкономического общества и новые отношения, возникающие вокруг стоимостных оценок, оказывают весьма существенное воздействие на хозяйственную жизнь и иным образом, обусловливая два важных фактора, которые с точки зрения их формы больше относятся к сфере отношений собственности, хотя и имеют своим источником процесс преодоления стоимостных пропорций.

Один из этих факторов связан с обретением информацией и знаниями статуса важнейших факторов производства; это приводит к тому, что основным средством инвестиций в развитие новых процессов и технологий становится вложение не денег, а способностей и знаний. В результате, *по мере возрастания доли работников интеллектуального труда в трудоспособном населении, объем инвестиций, осуществляемых в денежной форме, снижается, не вызывая при этом хозяйственного спада*; напротив, данный процесс идет параллельно с активным развитием наукоемких и высокотехнологичных отраслей как в промышленности, так и в сфере услуг. Накопление ресурсов воплощается в самих людях и их способностях; именно последнее обеспечивает хозяйственный рост, что, разумеется, не может быть объяснено с точки зрения традиционной экономической теории. Известно, что с начала 90-х годов американская экономика переживает подъем, однако это должно казаться иррациональным, если учесть, что в 1989 году граждане США имели самую низкую среди населения ведущих мировых держав склонность к сбережениям, когда таковые не превышали 4,6% чистого дохода[172]. Однако государство, как мы уже отмечали, оперирует в основном экономическими категориями и нуждается в свободных *денежных* ресурсах для осуществления программ в социальной, военной или политической областях. Следствием подобной диспропорции становится *рост дефицита бюджета и внутреннего государственного долга.*

---

[172] См.: *Thurow L.* Head to Head. P. 160.

Другой фактор обусловлен тем, что с развитием информационного хозяйства производительность новых отраслей, выраженная в традиционных стоимостных показателях, снижается. Между 1958 и 1980 годами доля индустрии знаний в валовом национальном продукте США выросла на *одну пятую*[173], ценой же такого увеличения стало вовлечение в производство информации *вдвое* большего относительного числа работников, чем в конце 50-х годов; если в 1960 году выработка валового внутреннего продукта на одного занятого в третичном секторе составляла более 77% от выработки промышленного работника, то в 1992 году этот показатель упал до уровня менее 70%, и в последние годы данный процесс лишь ускоряется. Все это не только отражает нереальный характер стоимостных показателей; они в нынешних условиях *делают информационный продукт искусственно недооцененным, тогда как результаты традиционного производства оказываются переоцененными.* Поэтому вполне понятны весьма важные корректировки в торговых балансах ведущих держав: если около четверти всего американского экспорта составляют товары, фактически непосредственно воплощающие в себе права интеллектуальной собственности[174], а поставки из стран Юго-Восточной Азии представлены в основном потребительскими благами, то проблема неравномерной оценки различного рода товаров становится проблемой международных расчетов. На наш взгляд, именно этот фактор играет далеко не последнюю роль в образовании *внешнеторгового дефицита развитых стран*; заметим также, что самые опасные нарушения торгового баланса наблюдаются у наиболее далеко продвинувшейся в постэкономическом направлении страны — США, в то время как вполне благополучная ситуация наблюдается в Японии, соединившей в настоящее время преимущества индустриального производства с отдельными элементами постэкономической структуры.

Таким образом, оказывается, что быстрый прогресс в направлении становления постэкономического общества вызывает явные негативные последствия, и правительства соответствующих стран вынуждены пытаться исправить данную ситуацию; нельзя не отметить, что такая задача исключительно сложна, если вообще разрешима. Наиболее показателен с этой точки зрения пример Соединенных Штатов. Даже если учитывать снижение дефицита, достигнутое за время пребывания у власти администрации президента Б.Клинтона (а таковое кажется фантастическим: в 1996/97 году дефицит федерального бюджета составил лишь 22,6 млрд. долл., или 0,3% ВНП, снизившись за последние пять лет с уровня в 290 млрд.

---

[173] См.: *Smart B.* Modern Conditions, Postmodern Controversies. L.-N.Y., 1992. P. 39.

[174] См.: *Boyle J.* Shamans, Software and Spleens: Law and the Construction of the Information Society. Cambridge (Ma.)-L., 1996. P. 3.

долл., или 5% ВНП[175]), статистика роста государственного долга остается тревожной; специалисты совершенно справедливо предупреждают о том, что источники снижения дефицита в первой половине 90-х годов уже исчерпаны, а внешне сбалансированный бюджет на 1998 финансовый год может в реальности оказаться красивой иллюзией*. При этом вновь наблюдается та четкая разделенность послевоенной истории на периоды до и после середины 70-х годов, которая отражается в динамике всех основных макроэкономических показателей западных стран. Если за предшествующее этому моменту двадцатилетие размер долга вырос с 274,4 млрд. долл. до 483,9 млрд. долл., то есть на 76%, то в течение последующего периода он достиг величины в 4,67 трлн. долл., увеличившись, таким образом, в 9,65 раза[176].

Характерно то, что обслуживание долга требует столь больших затрат, что динамика данного показателя в результате усилий правительства по снижению дефицита не может быть не только изменена, но даже замедлена. Только с 1992 по 1994 год, когда дефицит был уменьшен почти на 20%, величина долга выросла на 17%. Как отмечает У.Грейдер, «несмотря на бюджетную дисциплину, расходы по обслуживанию долга продолжали увеличиваться. На практике правительство США было вынуждено занимать деньги каждый год — 200 млрд. долл. и более — для выплаты процентов по старым долгам... оплата услуг рантье стала основной функцией национальных правительств. В Соединенных Штатах издержки, связанные с выплатой процентов, поглощали все больше средств — от 52,5 млрд. долл. в 1980 году до 184 млрд. в 1990 году. К 1996 году выплаты в счет погашения долгов могли достичь 257 млрд. долл. — и это несмотря на кампании по сокращению дефицита бюджета, проводившиеся президентом Б.Клинтоном и его предшественником Дж.Бушем. Расходы США по обслуживанию долга примерно равнялись расходам на национальную оборону и программы "Медикэр" и "Медикейд", вместе взятые»[177].

Следует особо отметить, что проблема задолженности существует не только на уровне федерального бюджета. В первой половине 90-х годов правительство США кроме собственно федерального долга, составлявшего около 4 трлн. долл., имело также выданные бюджетные гарантии по целому ряду программ — начиная от развития сельского хозяйства и заканчивая помощью учащейся моло-

---

[175] См.: *Baker G.* Clinton Holds Out Vision of a "New Economy" for US // Financial Times. 1997. October 28. P. 1.

* См.: *Berry J.M.* A Federal Surplus in '98 May Be a Mirage, Experts Warn //International Herald Tribune. 1998. January 2. P. 12.

[176] См.: Statistical Abstract of the United States. 1994. P. 330.

[177] *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 308.

дежи, — размер которых достигал 6 трлн. долл. Кроме того, со второй половины 80-х годов вошли в практику займы властей штатов и графств; в связи с резким снижением федеральных субсидий их рост также пришелся на первую половину 90-х годов. Параллельно развивался и процесс потребительского кредитования, в результате чего долг частных лиц приблизился к размерам федерального. Компании также выступали заемщиками, причем настолько активными, что более 90% их прибыли после налогообложения расходовалось на выплату банкам процентов по кредитам[178]. Итогом стало достижение всеми видами задолженности беспрецедентного размера, составляющего 180% американского ВНП[179]. При сохранении существующих тенденций объем только государственных и муниципальных долговых обязательств составит в США через тридцать лет 250% ВНП, вдвое превысив предельный уровень, достигнутый в первые годы после окончания Второй мировой войны[180]. Аналогичное положение имеет место и в других развитых странах, за исключением Японии; и здесь нельзя не отметить, что данный индикатор ниже в тех из них, где занятость населения и структура ВНП находятся ближе к стандартам *индустриального* общества. Так, среди членов Европейского сообщества, задолженность в большинстве которых превышает показатель валового национального продукта, он оказывается ниже у Швеции и Германии, достигая 95 и 60%, соответственно[181]; в то же время известно, что именно в этих странах в индустриальном секторе создается большая, чем у других членов ЕС, доля ВНП. По итогам 1996 года единственным европейским государством, которое не имело внутреннего долга и бюджет которого был исполнен с профицитом, оставался лишь Ватикан[182].

Между тем даже на примере Германии можно видеть, как развивается и нарастает проблема дефицита и роста государственного долга в Европе. Так, за период с 1980 по 1991 год внешний долг федерального правительства вырос с 38,05 до 243,21 млрд. немецких марок, отношение его к объему экспорта поднялось с отметки в 10,9% в 1980 году до уровня в 75,3% в 1993 году, к объему ВНП — с 2,6 до 16,6%, а к объему валютных резервов — с 43,1 до 368,4%[183]. Столь масштабные негативные изменения могут быть в значительной мере объяснены необходимостью государственной поддержки

---

[178] См.: *Kennedy P.* Preparing for the Twenty-First Century. L., 1994. P. 297.

[179] См.: *Brockway G.P.* The End of Economic Man. P. 213.

[180] См.: *Handy Ch.* The Hungry Spirit. P. 236.

[181] См: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 285.

[182] Подробнее см.: *Englisch A.* Der Papst will den Euro und sein eigenes Gelt // Welt am Sonntag. 1997. Juli 6. S. 47.

[183] См.: *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 2: The Power of Identity. Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1997. P. 366.

объединения Германии, однако ФРГ выступает сегодня основной силой, отстаивающей ускоренное формирование новой европейской валютной системы, и происходящие в ее экономике процессы могут стать на этом пути серьезным препятствием. С такими же проблемами сталкивается сегодня и большинство других европейских стран; при этом нельзя не отметить, что все большее распространение и поддержку получает политика наращивания государственного долга и дефицита, проводимая ради временного снижения остроты самых серьезных социальных проблем. Подобные меры лежали в основе программы победивших на парламентских выборах в 1997 году лейбористов в Соединенном Королевстве и социалистов во Франции; весьма вероятно также поражение правых партий и на выборах в бундестаг в 1998 году.

Нарастание объема задолженности становится одной из самых острых проблем современных экономик; мы полностью согласны с Зб.Бжезинским, рассматривающим государственный долг и торговый дефицит как два наиболее опасных явления, угрожающих стабильности Соединенных Штатов[184]. Современные доктрины оздоровления платежного баланса, среди которых наиболее известны американская концепция достижения сбалансированного бюджета к 2004 году и программа перехода на единую европейскую валюту (одним из условий которого является сокращение долга до 60% ВНП), скорее всего, не будут реализованы в полной мере; тенденции последних лет, несмотря на ряд оптимистических данных, в частности по США, не свидетельствуют о достижимости поставленных задач.

Остаются нерешенными и многие вопросы регулирования торговых балансов — как отдельных развитых стран, так и всего постиндустриального мира в целом. При оценке этих проблем внимание исследователей, как правило, фокусируется на проникновении японского капитала в Европу и США (только за 80-е годы японские инвестиции в экономику Старого Света выросли с малозаметной величины в 720 млн. долл. до 54 млрд. долл.[185]) и увеличении неравномерности товарных потоков между основными центрами постиндустриального мира (отмечается, например, что положительное сальдо японской торговли, выросшее с 1980 по 1995 год в 27 раз — с 5 до 135 млрд. долл. — более чем наполовину обусловлено поставками японских товаров в Соединенные Штаты[186]). Однако эти тенденции в определенной мере компенсируются взаимодействием хозяйственных систем отдельных постиндустриальных стран; мы уже говорили, что не только японские автомобилестроительные

---

[184] См.: *Brzezinski Zb.* Out of Control. P. 104.

[185] См.: *Forester T.* Silicon Samurai. P. 15–16.

[186] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 297.

компании обеспечивают значительную долю выпуска автомашин в США и Европе, но и IBM является одним из ведущих экспортеров компьютеров из Японии. С 1969 по 1983 год американские компании увеличили объемы производства за границей более чем в 12 раз[187], и данная тенденция лишь крепнет. Поэтому более важным процессом следует считать нарастание торговых диспропорций на внешних рубежах постиндустриального мира.

Хорошо известно, что Япония стала заметным нетто-экспортером фактически еще до того, как оказалась признанным членом клуба ведущих держав; сегодня, как отмечают многие исследователи, она, так и не достигнув ни технологического уровня США, ни американской производительности, передает пальму первенства в торговле с Соединенными Штатами Китаю и иным быстро развивающимся странам региона. Отмечается, что если в 1988 году активное сальдо торгового баланса Китая в торговле с США достигло 3,5 млрд. долл., то спустя семь лет данный показатель увеличился почти в десять раз, достигнув 33,8 млрд. долл.; с июня 1996 года дефицит США в торговле с Китаем стал превышать их дефицит в торговле с Японией (3,3 млрд. против 3,2 млрд. долл. в месяц). В то же время масштаб китайского экспорта в США превосходит размеры импорта из Америки в четыре раза, тогда как соответствующий показатель для Японии составляет лишь 1,6[188]. Приведенные оценки, однако, представляются существенно завышенными, в то время как реальные цифры выглядят более скромно (так, В. ван Кеменейд пишет: «Американская статистика по активному сальдо торгового баланса Китая дает следующие данные: примерно 22,8 млрд. долл. в 1993 году, 29,5 млрд. в 1994 году и 33,8 млрд. долл. в 1995 году. Китайская статистика, однако, приводит значительно более низкие цифры: приблизительно 6,3 млрд. долл. в 1993 году, 7,5 млрд. в 1994 году и 8,6 млрд. в 1995 году. Эти расхождения — продолжает автор, — объясняются двумя основными причинами: во-первых, американские данные включают транзитную торговлю через Гонконг и Сингапур; во-вторых, трудно определить, в какой степени и на какой территории продукция подверглась обработке и где и на чей торговый баланс ее следует занести»[189]). Тем не менее противоречия, связанные, *с одной стороны*, с импортом как относительно переоцененных продуктов массового производства из новых индустриальных стран, так и относительно недооцененных сырья и энергоносителей из других регионов третьего мира, и, *с другой стороны*, с экспортом информации и технологий за пределы постиндуст-

---

[187] См.: *Reich R.B.* The Work of Nations. P. 73.

[188] См.: *Bernstein R., Munro R.H.* The Coming Conflict with China. N.Y., 1997. P. 131-132.

[189] *Kemenade, W., van.* China, Hong Kong, Taiwan, Inc. N.Y., 1997. P. 33.

риального сообщества, требуют к себе исключительно внимательного отношения. В современных условиях методы организации подобного взаимодействия обусловливают как перспективы вхождения ряда активно развивающихся стран в клуб постиндустриальных держав, так и отношение Европейского сообщества, США и Японии к проблемам наиболее бедных государств, на чем мы остановимся ниже.

Касаясь экспорта и импорта продуктов и технологий, необходимо в очередной раз отметить, что и здесь мы наблюдаем доминирование постиндустриальных держав в современном мировом хозяйстве. Наименее развитые государства Африки и Латинской Америки, а также страны Персидского залива ориентированы на экспорт своих природных богатств, ограниченность которых очевидна. Молодые промышленно развитые экономики во все возрастающих объемах экспортируют товары массового спроса, произведенные индустриальным способом из ограниченных ресурсов. Постиндустриальные же державы инвестируют друг в друга и экспортируют в третьи страны прежде всего знания и информацию. Между тем таковые представляют собой «исключительно специфический экономический ресурс. Когда они перемещаются из Соединенных Штатов в Европу, то представляют собой чистый импорт в Европу и чистый прирост основного капитала. Но при этом не наблюдается соответствующего уменьшения американского основного капитала. Передав знания и получив за них оплату, мы их не "экспортировали". Напротив, мы обогатили наш интеллектуальный потенциал и сделали его более продуктивным. Никакой другой ресурс не может быть передан от одного человека другому так, что в процессе передачи обогащаются оба»[190]. Поскольку, однако, «значительно легче организовать оборот знаний между регионами, сопоставимыми по уровню развития, чем передавать знания тем странам, где найдется немного людей, готовых воспринять их»[191], инвестиции развитых стран во все большей степени ограничиваются рамками самого постиндустриального мира.

Завершая нашу оценку внутренних противоречий постиндустриальной цивилизации, отметим, что они далеки от окончательного разрешения. Становление основ постэкономического общества в государствах Европы, США и Японии сегодня синхронизировано с процессом изменения места каждого из этих центров в структуре мирового хозяйства; последнее привлекает внимание исследователей скорее к количественным аспектам ряда разворачивающихся процессов, чем к их содержательной стороне. В результате вместо

---

[190] *Drucker P.F.* The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. New Brunswick (US)-L., 1994. P. 158.

[191] Ibid. P. 158.

того, чтобы радикально переосмыслить методы и формы регулирования финансовой сферы, большинство правительств стремятся изменить показатели торгового и платежного балансов, относительно второстепенные с точки зрения развития постэкономического общества как целого; вместо более широкого использования новых методов оценки хозяйственного успеха предпринимаются попытки обеспечить рост валового национального продукта и других индикаторов, далеко не в полной мере отражающих изменяющуюся реальность.

По-видимому, на определенном этапе каждый из центров постэкономического мира достигнет относительно сходных макроэкономических характеристик; как тридцать лет назад США были нетто-инвестором по отношению к Европе, так сегодня Япония выступает в этой роли по отношению к самим США. Отношения экспорта и импорта капитала у ЕС и США сегодня фактически равны, тогда как по данному показателю Япония превосходит их почти в восемь раз. И это свидетельствует, на наш взгляд, лишь о том, что поддержание относительной стабильности современного мира, по крайне мере в течение периода протекания постэкономической трансформации, предполагает активное взаимодействие постиндустриальных стран с менее развитыми территориями; статус нетто-кредитора, который имеет сегодня Япония, завтра может перейти к другим, пока еще не столь индустриализованным странам, и подобные диспропорции будут сохраняться до тех пор, пока постэкономический мир не начнет в полной мере развиваться на собственной основе. Важнейшими же факторами, обусловливающими такую возможность, являются, с одной стороны, преодоление внутренних противоречий, возникающих на пути постэкономической трансформации, а с другой — обеспечение если не оптимального, то приемлемого характера взаимодействия развитых стран с остальным миром; взаимодействия, способного устранить опасность как всемирной экологической катастрофы, так и неконтролируемого развития политических процессов в наиболее бедных регионах планеты.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПОСТЭКОНОМИЧЕСКИЙ МИР И ВНЕШНЯЯ СРЕДА: ВЕРОЯТНЫЙ ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В начальный период перехода от индустриального к постиндустриальному обществу рассмотрение хозяйственного противостояния и возможных политических конфронтаций между развитыми государствами и остальным миром приводило многих аналитиков к выводу о том, что именно эти проблемы могут выйти на первый план в новом столетии. Между тем последние двадцать лет изменили очень многое как в балансе экономических и политических сил, так и в оценке перспектив развития цивилизации.

На наш взгляд, проблему отношения развитого мира к сравнительно отсталым в хозяйственном аспекте регионам планеты можно рассматривать с нескольких точек зрения. Во-первых, большой интерес представляет развертывающаяся борьба ряда развивающихся стран за право войти в сообщество постиндустриальных государств; с этим уже сегодня связаны многие *экономические* проблемы, ощущаемые Западом. Во-вторых, явную озабоченность постиндустриального мира вызывают применяемые за его пределами примитивные методы индустриализации, что резко усугубляет *экологические* проблемы, непосредственно касающиеся всего населения планеты. И, наконец, в-третьих, сегодня четко обозначилась группа стран, которые на протяжении ближайших десятилетий не смогут не только вступить в круг развитых государств, но даже обеспечить своему населению приемлемый уровень потребления, что, несомненно, вызовет серьезные политические проблемы, с которыми придется столкнуться человечеству в новом тысячелетии.

Современный тип взаимодействия развитого мира с развивающимися странами кардинально отличается от доминировавшего до начала активной постэкономической трансформации. В новых условиях страны Юга перестали быть «третьим миром», позиция которого могла в значительной мере определить итоги политического противостояния «первого» и «второго»; утратив статус подобного

инструмента, они потеряли и существенную часть поступающих в их распоряжение извне ресурсов. Сегодня большинство государств, ранее не входивших в «первый мир», полагают за счастье быть его «резервом», понимая невозможность динамичного развития вне постиндустриальной перспективы. Поэтому постэкономическое сообщество может и должно диктовать этим странам свои условия, будучи уверенным в том, что таковые будут приняты. Мы не утверждаем, что пришло время для объявления новой версии «доктрины Монро», но подчеркиваем, что сегодня развивающиеся страны не имеют даже того, пусть и предельно ограниченного, права выбора, которым они обладали в 60-е и 70-е годы; они представляют собой арьергард постэкономического мира, и вопрос может состоять лишь в том, каким будет их расположение в этом арьергарде и какую цену придется уплатить великим державам за построение и приведение в организованное движение этого «обоза».

Экономические аспекты противосостояния

Современный постиндустриальный мир находится в окружении ряда стран, представляющих уже вполне сформировавшиеся «зоны роста»; их хозяйственное развитие способно заметно изменить общепланетарную картину в начале следующего тысячелетия. Адекватное понимание взаимоотношений этих стран с традиционными центрами экономической мощи, актуальное сегодня как никогда ранее, настоятельно требует радикального пересмотра формировавшихся десятилетиями представлений и предрассудков.

Пятнадцать лет назад А.Турен утверждал, что «предметом изучения для социологии должны быть три мира: первый — мир передовых промышленных обществ Запада; второй — мир, включающий коммунистические страны; и третий мир»[192]; сегодня эти традиционные термины оказываются неприменимыми, так как важнейшим критерием, по которому какую-либо страну или территорию можно причислить к той или иной группе, становятся не политические или идеологические характеристики, *а уровень ее хозяйственного развития*. Отрицая возможность деления мира на «первый», «второй» и «третий», на Север и Юг, Д.Г. и Д.Л. Мидоузы с несколько технизированной, но в целом справедливой точки зрения отмечают: «Различие, которое, по нашему мнению, более точно отвечает нашим целям, — это различие в культурах *промышленно развитых*

[192] *Touraine A.* Le retour de l'acteur. Essai de sociologie. P., 1984. P. 88.

(industrialized) и *менее промышленно развитых* (less-industrialized) стран. Используя эти термины, — продолжают они, — мы хотим показать, насколько далеко различные части мира (включая целые нации, а также подгруппы населения внутри наций) продвинулись по пути промышленной революции: в какой степени их экономики преобразовались из преимущественно аграрных в ориентированные в основном на промышленность и сферу услуг, усвоили ли эти страны структуру рабочей силы, размер семьи, потребительские привычки и умонастроения, свойственные современной технологической культуре»[193]. Однако сами менее промышленно развитые страны не должны рассматриваться как единое целое; они представляют собой ряд весьма разнородных групп и конгломератов — как по их месту в мировом хозяйстве, так и по открывающимся перспективам.

Нередко государства, не входящие в число постиндустриальных, подразделяются на несколько групп на основе критериев, оказывающихся поверхностными и не дающими полного представления об их возможностях и перспективах. Так, на основании классификации Мирового банка развивающиеся страны разделены на государства с низким доходом, с доходом ниже среднего и с доходом выше среднего, будучи все вместе противопоставлены развитым державам как странам с высоким доходом. Критериями выступают продолжительность жизни населения, уровень среднедушевого потребления основных продуктов, доступность образования, здравоохранения и так далее. Подобная схема допускает формальное включение ряда развивающихся стран (таких, как Гонконг, Сингапур, страны Передней Азии) в разряд высокодоходных, что приравнивает их к обществам постиндустриального мира; в то же время государства с низким уровнем развития оказываются представленными странами и территориями, среднедушевой доход в которых составляет 290 долл. в год, то есть такими, где население находится ниже уровня абсолютной бедности[194]. Данный подход объединяет большинство развивающихся стран в группы с доходом ниже среднего и доходом выше среднего и, на наш взгляд, не может служить серьезным инструментом анализа перспектив их развития.

Более продуктивной кажется нам оценка роли, которую те или иные страны или территории могут сыграть в мировом хозяйственном развитии в ближайшие десятилетия.

С этой точки зрения следует отметить четыре региона, способных стать важными катализаторами перемен. *Первыми* необходимо назвать страны Юго-Восточной Азии. Лидерство здесь постепенно переходит от Японии, вступающей в круг постиндустриальных дер-

---

[193] *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits. P. XIX.

[194] См.: *Dicken P.* Global Shift. P. 441-442.

жав с вытекающим отсюда новым качеством хозяйственного роста и прекращением прежней безудержной экспансии, к Китаю, быстро устанавливающему экономическую гегемонию в Азии. *Вторую* позицию удерживают отдельные промышленные районы Южной Америки, в которых, при всей бедности населения этих стран и серьезных социальных проблемах, сосредоточен значительный технологический и интеллектуальный потенциал, способный сыграть свою роль в их ускоренном развитии. *Третье* место занимают страны Передней Азии; отчасти уже преодолев рубеж постэкономического развития, они останутся в следующем столетии одной из наиболее развитых, но при этом наименее динамичных частей мира. *Четвертый* регион представлен Россией и европейскими странами Содружества Независимых Государств; обладая высоким технологическим потенциалом, они могут постепенно стать хотя и вторичной, играющей подчиненную роль, но все же неотъемлемой частью европейского экономического организма. Для этого, впрочем, им необходимо активно развивать отрасли, способные насытить внутренний рынок товарами (пусть при импортированных технологиях и капитале), и сформировать работника, восприимчивого к западным ценностям и стандартам поведения.

Этим странам (большинство из которых все равно останутся не в состоянии существенно влиять на мировую экономическую ситуацию) противостоит *группа явных аутсайдеров*. Наиболее очевидно плачевное положение стран Африки, имеющих минимальный технологический потенциал, исключительно низкий уровень развития производства и являющихся очагами бесконечных этнических конфликтов. Весьма неоднозначным представляется и положение части латиноамериканских государств с их серьезными социальными проблемами и низким уровнем жизни населения. Маловероятен также существенный хозяйственный прогресс в перенаселенных и раздираемых религиозными и культурными противоречиями странах Южной Азии — от Индии и Бангладеш до Камбоджи и Лаоса. В результате все население планеты оказывается разделенным на три части — приблизительно $^1/_5$, приходящуюся на постэкономический мир и близкие к нему страны; $^2/_5$, составляющие население государств, которые в течение первой половины следующего столетия с высокой вероятностью сумеют достичь существенного экономического роста, и $^2/_5$, самым большим успехом которых может стать искоренение вопиющей бедности.

Говоря о влиянии развивающихся стран на хозяйственную ситуацию в постиндустриальных обществах, следует, на наш взгляд, в первую очередь обратить внимание на азиатские государства, так как только они могут стать их серьезным конкурентом в первом десятилетии XXI века. Распространенные представления о данном регионе планеты как о едином целом, противостоящем США и ЕС,

достаточно далеки от истины; тем не менее экономический прогресс в странах Азии обеспечивает львиную долю общего роста хозяйственных показателей развивающихся стран, снизившего долю постиндустриальных держав в мировом производстве с 72% в 1953 году до 64% в 1985-м[195]. С 1991 по 1995 год восемь из десяти экономик, обнаруживших рост более чем на 50%, были сосредоточены в Азиатско-Тихоокеанском регионе, причем для Китая и Индонезии эти показатели составили соответственно 136 и 124%; по итогам 1996 года рост более чем на 7,5% показали лишь хозяйственные системы Вьетнама, Китая, Малайзии, Сингапура и Таиланда[196].

Азиатские экономики — от Японии до Вьетнама — имеют ряд сходных черт, многие из которых обусловлены характером распространенных здесь ценностей и стереотипов поведения. Даже относительно поверхностный взгляд на индивидуальные и социальные предпочтения американцев и азиатов отмечает высокую степень их различия. В противовес Европе и США, где движущими мотивами являются индивидуальные стремления, а главными социальными ориентирами — свобода самовыражения и личная независимость, азиатские общества больше склонны к коммунитаризму и самодисциплине, а работники предпочитают напряженную работу в жестко организованном коллективе[197].

Как приверженность традиционным ценностям, так и стремление сохранить и приумножить достигнутое в последние десятилетия благосостояние обусловливают активные инвестиции и высокую склонность населения этих стран к накоплению; для них типичны нормы сбережения, составляющие более трети валового национального продукта и достигающие по итогам 1996 года 48% в Сингапуре, 40,5% в Китае, 38,7% в Индонезии и 35,1% в Южной Корее[198], в то время как в США соответствующий показатель в 90-е годы не поднимался выше 17%, в Великобритании — 19%, а во Франции и Германии — 21%[199]. В то же время приверженность работников трудовым ценностям и их высокая организованность позволяют использовать людские ресурсы более результативно, хотя и с оттенком экстенсивности. Так, известно, что «японские рабочие или служащие работают в среднем 2150 часов в году и редко берут более чем 10-дневный отпуск, будучи заняты в среднем примерно на 224 часа (или почти на шесть недель) в год больше,

---

[195] См.: *Dicken P.* Global Shift. P. 20.

[196] См.: *Hampden-Turner Ch., Trompenaars F.* Mastering the Infinite Game. How East Asian Values are Transforming Business Practices. Oxford, 1997. P. 3, 2.

[197] См.: *Naisbitt J.* Megatrends Asia. P. 73.

[198] См.: *Hampden-Turner Ch., Trompenaars F.* Mastering the Infinite Game. P. 113.

[199] См.: *McRae H.* The World in 2020. P. 76.

чем их американские коллеги, и примерно на 545 часов (или почти 14 недель) в год больше, чем французы и немцы»; при этом непроизводительные расходы не достигают масштабов, характерных для США и Европы, одним из свидетельств чего является «поразительное несоответствие в оплате управляющих высшего ранга между США, где средняя сумма вознаграждения, выплачиваемая управляющему каждой из 30 крупнейших компаний, составляла в 1992 году 3 млн. долл., и Японией, где такой же руководитель получал всего 525 тыс. долл.»[200]

Таким образом, мы видим идеальное сочетание факторов, способствующих быстрому *индустриальному* прогрессу и сопровождающих его развертывание в любой стране — от Англии XVIII века до Германии XIX и Советской России XX века. При этом следует отметить достижение феноменальных внешних показателей производительности и относительно низких комплексных результатов. Так же, как в СССР промышленное развитие 20-х — 40-х годов привело скорее к перенапряжению всех сил нации, чем к существенному повышению ее материального благосостояния на фоне остального мира, так и сегодня «сокращение разрыва между индустриальными потенциалами стран не должно идентифицироваться с их сближением в области обеспечения социального благополучия»[201]. На протяжении 80-х годов показатель ВНП на душу населения в Таиланде, Малайзии и Индонезии снизился соответственно на 7, 23 и 34% по сравнению с аналогичным показателем, рассчитанным для стран «большой семерки»[202]. Поэтому, рассматривая хозяйственное развитие азиатских «тигров», необходимо внимательно учитывать тот факт, что в данных обществах, по крайней мере на нынешнем этапе их развития, *не начались реальные процессы становления постиндустриальной социальной структуры.*

Между тем среди азиатских государств следует различать страны, относительно давно приступившие к формированию технологических основ современной хозяйственной системы и вставшие на этот путь совсем недавно.

Первая группа состоит из Японии, Южной Кореи, Гонконга, Сингапура и Тайваня. Можно утверждать, что они во все большей степени и, разумеется, с учетом их специфики вовлекаются в постэкономические преобразования со всеми вытекающими отсюда последствиями, хотя и сегодня их хозяйственное развитие свидетельствует об относительно несамостоятельном характере движения в этом направлении. В то время как американские компании, развива-

---

[200] *Forester T.* Silicon Samurai. P. 199-200, 206.

[201] *Arrighi G.* The Long Twentieth Century. P. 334.

[202] См.: *Palat R.A.* (Ed.) Pacific-Asia and the Future of the World System. Westport (Ct.), 1993. P. 77-78.

ющиеся на основе собственных разработок, создающие в большей мере информацию, чем материальные блага, и торгующие патентами во всем мире, демонстрируют феноменальный отрыв своей рыночной стоимости от величины реальных активов, японские корпорации, занятые прежде всего массовым производством материальных благ, не обнаруживают подобной тенденции. Напротив, если в последние годы индекс Доу-Джонса вырос более чем в два с половиной раза, то сводный индекс Никкей с 1989 по 1995 год снизился даже в большей степени[203], усредненные по пятилетиям темпы роста японского ВНП между 1970 и 1994 годами упали с 11,5 до 2%[204], а результаты первого полугодия 1997 года свидетельствуют о признаках экономического спада. Данные процессы представляются достаточно естественными; накопив огромный производственный и финансовый потенциал как *индустриальная* держава в кругу *постиндустриальных*, Япония сегодня сочетает в себе элементы обеих систем и как индустриальная страна подвергается решительному давлению со стороны своих соседей, а как страна постиндустриальная не может на равных конкурировать с США и Европой.

Второй тип экономик представлен Китаем и государствами, все более явно входящими сегодня в орбиту его влияния. КНР — единственная страна, на протяжении семнадцати лет, с 1979 по 1995 год, удерживающая темпы роста ВНП на уровне почти 10% в год (причем темпы эти сегодня не только не затухают, но в первой половине 90-х годов оказываются даже выше, чем в 80-е, составив 12,8% в 1992-м, 13,5 в 1993-м, 11,8 в 1994-м и 10,2% в 1995-м[205]). При их сохранении объем ВНП Китая (с учетом недавно присоединенного Гонконга и Макао, который должен быть возвращен в 1999 году) может превзойти американский уже через десять лет. Близлежащие страны быстро становятся зоной китайского влияния, упрочиваемого как инвестициями из континентального Китая, так и активностью этнических китайцев. К середине 1994 года таковые владели контрольными пакетами акций 517 из 1000 крупнейших индустриальных компаний, являвшихся лидерами листингов фондовых бирж в Сеуле, Тайбэе, Шанхае, Шеньчжене, Гонконге, Бангкоке, Куала-Лупмуре, Сингапуре, Джакарте и Маниле[206], причем в Таиланде и Сингапуре они выступали собственниками более чем 80% ведущих компаний, а в Малайзии и Индонезии, где доля китайского населения не превышает одной трети[207], — соответственно 62 и 73%;

---

[203] См.: *Naisbitt J.* Megatrends Asia. P. 23.

[204] См.: *Rohwer J.* Asia Rising. P. 83.

[205] См.: *Kemenade, W., van.* China, Hong Kong, Taiwan, Inc. P. 6, 4.

[206] См.: *Naisbitt J.* Megatrends Asia. P. 3.

[207] См.: Drucker on Asia. A Dialogue Between *Peter Drucker* and *Isao Nakauchi.* Oxford, 1997. P. 7.

совершенно понятно в этой связи введение в оборот термина «некоммунистические китайские общества»[208], которым все чаще обозначают Гонконг, Тайвань, Сингапур, Южную Корею, Малайзию и отчасти Индонезию. Китай и его соседи сегодня четко ориентированы на индустриальный тип развития, используют импортированные технологии для насыщения как собственного рынка, так в большей мере рынка развитых государств и не ставят своей непосредственной целью вхождение в клуб постэкономических держав. Самостоятельная хозяйственная политика, доминирование в Азии, независимое положение в мире в качестве мощных в политическом и военном аспектах государств и господство на рынках потребительских товаров при постепенной ориентации на собственные интеллектуальные и технические возможности — таковы их основные цели в ближайшем будущем.

Подобное положение вещей отмечается многими аналитиками. Признавая, что азиатский регион обеспечивает сегодня до 40% мирового экономического роста, они указывают, что накануне XXI века он четко делится на две части, одна из которых представлена Японией, Южной Кореей, Гонконгом, Сингапуром и Тайванем, а другая — Малайзией, Индией, Китаем и Индонезией[209]. В 1993 году Мировой банк объявил китайскую экономическую зону «четвертым полюсом роста» в мире наряду с США, Японией и Германией; при этом, согласно его прогнозам, Азия, обладающая сегодня второй и третьей по своим масштабам хозяйственными империями, подойдет к 2020 году, имея четыре из пяти ведущих мировых экономик[210]. По другим прогнозам, в 2050 году *новые индустриальные государства* данного региона будут обеспечивать 57% мирового производства товаров и услуг, в то время как *страны — члены ОЭСР, включая Японию*, смогут претендовать на долю лишь в 12%[211].

Однако мы хотели бы предостеречь читателя от излишне доверчивого отношения к подобным прогнозам. Если следовать расчетам, проведенным экспертами Римского клуба в начале 70-х годов, сегодня ресурсы Земли должны были уже приближаться к естественному пределу; между тем это далеко не так. То же самое может случиться и с концепциями, обещающими через полвека Китаю, лишь отдельные территории которого сегодня достигли развитого индустриального уровня, статус первой державы в мире. Мы не исключаем, что с *экономической* точки зрения он, может быть, и окажется таковой, однако основная проблема заключается в том, что сегодня ни КНР, ни другие страны региона не предприняли попытку выйти за пределы *экономических* ориен-

---

[208] *Drucker P.F.* Managing in Turbulent Times. P. 136.

[209] См.: *Cannon T.* Welcome to the Revolution. P. 26.

[210] См.: *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. P. 103.

[211] См.: *Naisbitt J.* Global Paradox. N.Y., 1995. P. 339.

тиров[212], а сколь весомыми будут *экономические* преимущества в середине следующего столетия, вряд ли можно уверенно предсказать.

Сегодня перед азиатскими странами стоят три важнейшие проблемы, от решения которых будет зависеть их будущее.

Во-первых, основным условием их успешного развития и становления в качестве равноправных участников сообщества постэкономических держав должно стать *преодоление вторичного и преимущественно экстенсивного характера хозяйственного роста*. Традиционные ценности, способствовавшие совершению ими мощного рывка в 70-е годы, не могут оставаться основой успешного развития в будущем. Экономический рост, достигавший в Сингапуре ежегодного показателя в 8,5% в период между 1966 и 1990 годами, был обеспечен увеличением пропорции инвестиций в валовом национальном продукте с 11 до 40%, повышением доли занятых в общей численности населения с 27 до 51% и удлинением рабочего дня почти в полтора раза[213]; сегодня эти ресурсы в значительной мере исчерпаны, и рост с конца 80-х годов существенно замедлился. Мы уже говорили о высокой интенсивности труда японского рабочего; однако это имеет свою основу не столько в традиции, сколько в том, что в Японии официально установлена продолжительность рабочего времени 2200 часов в году, тогда как в США — 1900, а в Германии — 1550[214]. Между тем продолжительное использование экстенсивных факторов возможно лишь при условии, что хозяйственными реформами охвачена незначительная часть населения (как в Китае), либо если старт преобразований был взят с очень низкого исходного уровня (как в Малайзии или Индонезии); в любом случае по мере роста уровня жизни фундаментальные для объяснения азиатского успеха показатели сбережений и инвестиций начинают снижаться. Примеров тому достаточно. На Тайване, где в 1970-е годы доля сбережений составляла 35% ВНП, в 90-е годы она уже не поднимается выше 25%, а государственный долг возрос с 4 до 14% ВНП только за период с 1990 по 1994 год[215]. Казавшаяся вполне здоровой южнокорейская экономика, занимающая сегодня одиннадцатое место в мире, находится во вполне закономерном кризисе, когда темпы роста снизились почти до нуля, внешний государственный долг составляет 22% ВНП[216], падение курса национальной валюты превысило 30% только за третий квартал 1997 года[217], размер валютных запасов, которыми ранее так гор-

---

[212] См.: *Handy Ch.* Beyond Certainty. The Changing Worlds of Organisations. L., 1996. P. 181.

[213] См.: *Krugman P.* The Myth of Asia's Miracle // Foreign Affairs. 1994. No 6. P. 70.

[214] См.: *Smith P.* Japan: A Reinterpretation. N.Y., 1997. P. 124.

[215] См.: *Rohwer J.* Asia Rising. P. 16.

[216] См.: *Gibney F.* Stumbling Giants // Time. 1997. November 24. P. 55.

[217] См.: Financial Times. 1997. November 21. P. 1.

дилась страна, представляется неопределенным[218], а правительство предпринимает отчаянные усилия для получения у Международного валютного фонда кредита, превосходящего по размерам выданный три года назад Мексике, которую мало кто способен отнести к числу развитых стран[219]. Сегодня, учитывая результаты осеннего кризиса 1997 года, становится понятным, в какой степени затухание темпов роста азиатских экономик сдерживалось потоком инвестиций с Запада: так, в 1993 году прямые иностранные инвестиции в регион составляли 130 млрд. долл. и имели тенденцию к росту примерно на 10% в год, что даже в тот период *превышало темпы роста производства в этих странах*[220]. Весьма реалистичной представляется оценка П.Крагмана, который пишет: «Молодые индустриализирующиеся страны Азии, так же как Советский Союз в 1950-е годы, добились быстрого роста главным образом за счет поразительной мобилизации ресурсов... Их развитие, как и развитие СССР в период высоких темпов роста, стимулировалось в первую очередь небывалым увеличением затрат труда и капитала, а не повышением эффективности производства»[221]. Эта формулировка приобретает особое значение, если учесть, насколько преувеличенными оказались публиковавшиеся в 70-е годы западными экспертами оценки советского экономического потенциала.

Проблема экстенсивного характера роста большинства азиатских экономик серьезно модифицирует представления о значимости хозяйственных успехов, достигнутых ими на протяжении последних десятилетий. В условиях, когда «прибыль извлекается уже не за счет увеличения масштабов и объемов производства, а за счет непрерывного установления новых связей между поиском решений и потребностями»[222], «присоединиться к богатому миру значит приобрести способность к беспредельному развитию не путем увеличения объемов производства одной и той же продукции, а посредством непрерывного наращивания добавленной стоимости»[223]. Поэтому в самые ближайшие годы следует, на наш взгляд, ожидать серьезного пересмотра результатов и масштабов экономических успехов стран Юго-Восточной Азии.

Во-вторых, метод, обеспечивающий сегодня азиатским товарам путь на европейский и американский рынки, несет в себе серьезное внутреннее противоречие. Если в Германии на заводах BMW

---

[218] См.: *Schuman M., Cho N.* Korea Moves to Tackle Economic Woes // The Wall Street Journal Europe. 1997. November 20. P. 28.

[219] См.: *Kristof N.D.* Crisis Shakes Faith in the "Asian Miracle" // International Herald Tribune. 1997. November 22-23. P. 1.

[220] См.: *Rohwer J.* Asia Rising. P. 211.

[221] *Krugman P.* The Myth of Asia's Miracle. P. 70.

[222] *Reich R.B.* The Work of Nations. P. 85.

[223] *Rohwer J.* Asia Rising. P. 79.

работник получает заработную плату до 30 долл. в час, а в США от 10 долл. в текстильной промышленности до 24 долл. в металлургии, то в Корее и Сингапуре высококвалифицированный специалист оплачивается из расчета не более 7 долл., в Мексике — 2 долл., в Китае и Индии данный показатель достигает 25 центов; во Вьетнаме же, куда в 1994 году BMW перенесла один из своих сборочных заводов, этот показатель снижается до неправдоподобной величины в 1 долл. в день[224]. Учитывая, что работник средней квалификации в странах Юго-Восточной Азии при применении западных технологий способен достигать производительности труда в 85% от средней для постиндустриальных обществ[225], следует сделать вывод, что более четырех пятых всей добавленной в этом регионе мира стоимости фактически безвозмездно[226] присваивается потребителями в развитых странах, где по низким ценам реализуются произведенные здесь товары. В результате сохраняется низкий уровень жизни; доля потребителей, способных предъявить спрос, адекватный традиционному для постиндустриальных государств, остается весьма незначительной. Если принять в качестве критерия стандартов потребления, близких постиндустриальным, сумму годового дохода в 25 тыс. долл. на семью, то из насчитывающихся в современном мире 181 млн. таких семей 79% приходятся на развитые страны (36% — на Северную Америку, 32% — на Западную Европу и 11% — на Японию). В Китае, Южной Корее, на Тайване, в Индонезии и Таиланде — пяти ведущих новых азиатских «тиграх» — в 1990 году проживало не более 12 млн. семей с таким уровнем благосостояния[227], и, по самым оптимистическим оценкам, к 2000 году их количество во всех азиатских странах не превысит 50 млн.[228], что составит две трети от количества таких семей в США и менее половины — от соответствующего показателя Европейского сообщества. Безусловно, в странах Азии в течение последнего десятилетия растет потребление основных промышленных товаров, в том числе и продукции высокотехнологичных отраслей; однако, отмечая развитие, например, автомобилестроительной промышленности[229] и рост объемов продаж в Китае и Индии компьютерной и коммуникационной техники, нельзя не принимать в расчет, что

---

[224] См.: *Boyett J.H., Boyett J.T.* Behind Workplace 2000. Essential Strategies for the New American Corporation. N.Y., 1996. P. XV; *Garten J.* The Big Ten. P. 45; *Naisbitt J.* Megatrends Asia. P. 110.

[225] См.: *Garten J.* The Big Ten. P. 45.

[226] См.: *Brockway G.P.* The End of Economic Man. P. 245.

[227] См.: *Morrison I.* The Second Curve. P. 122-123, 167.

[228] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 19.

[229] См.: *Daniels P.W.* Service Industries in the World Economy. Oxford (UK)-Cambridge (US), 1993. P. 31.

темпы роста обусловлены не столько большими *абсолютными значениями* таких объемов, сколько феноменально низким *стартовым уровнем*, когда в Китае один автомобиль приходился на четыреста человек, а Индия с ее почти миллиардным населением имела телефонов меньше, чем Лондон[230].

В соответствующих условиях страны Азии и Латинской Америки пошли по пути сосредоточения наиболее передовых и конкурентоспособных производств в так называемых зонах обработки продукции на экспорт, число которых возросло с двух, существовавших еще до начала кризиса 1973 года, до 116, функционировавших в конце 80-х годов. Наиболее серьезные из них расположены в Сингапуре, Гонконге, Южной Корее, Малайзии и на Тайване[231]; китайская экономическая реформа также начиналась с развития подобных зон. Обусловленная низким уровнем внутреннего потребительского спроса, такая политика, обеспечив продвижение на рынки постиндустриальных государств товаров из азиатских стран, тем не менее не сделала гомогенными сами эти новые экономики. Сегодня государства Азии уже не могут отказаться от сложившейся ориентированности своих хозяйственных систем и сохраняют серьезную зависимость от зарубежных рынков; *в отличие от постэкономического мира, они не самодостаточны* и могут сохранять нынешние темпы развития лишь благодаря гигантскому спросу на их продукцию. Ориентация на экспорт промышленных товаров имеет своим следствием примитивную структуру хозяйства и не обеспечивает существенного улучшения качества жизни[232]; следует признать, что «страны “третьего мира” смогут вырваться из неоимпериалистической опеки только в том случае, если они сократят производство товаров для “первого мира” и увеличат выпуск продукции для нужд внутреннего потребления»[233]. Однако рост доли товарооборота между азиатскими странами в мировой торговле остается более медленным, чем рост объемов их промышленного производства[234].

В-третьих, быстро развивающиеся страны Азии испытывают зависимость от постиндустриальных держав в сфере технологий и образования. Мы уже говорили о безусловном доминировании постиндустриальных стран в области продажи патентов, информационных технологий и интеллектуальной собственности в целом; отмечали мы также и факты, подтверждающие сосредоточение там интеллектуального и технологического потенциала. Азиатские страны

---

[230] См.: *Garten J.* The Big Ten. P. 39.

[231] См.: *Dicken P.* Global Shift. P. 181, 183.

[232] См.: *Lipietz A.* Towards a New Economic Order. Postfordism, Ecology and Democracy. Cambridge, 1992. P. 112.

[233] *Brockway G.P.* The End of Economic Man. P. 250-251.

[234] См.: *Santis H., de.* Beyond Progress. P. 174.

делают *первые попытки* освободиться от этой зависимости; не случайно в течение последних двадцати лет Сингапур направляет на развитие образования 20% всех государственных расходов[235]. Однако в настоящее время лишь постиндустриальная Япония обеспечивает количественные показатели образования, близкие европейским странам и США: около 53% выпускников японских школ поступают в высшие учебные заведения, тогда как во Франции — 44%, а в США — 65%[236]. Молодежь из менее развитых стран предпочитает учиться за рубежом. Хотя и считается, что уровень высшего образования в Южной Корее и на Тайване вполне отвечает потребностям времени[237], число студентов из этих стран в зарубежных университетах постоянно растет, причем многие по окончании учебы не возвращаются на родину; и если соответствующий процент сократился с 1980 по 1991 год для Южной Кореи с 41 до 23, а для Тайваня — с 53 до 32, то для Китая он и сегодня удерживается на фантастическом уровне в 95%[238]. При этом страны, способные в достаточной мере финансировать сферу образования, вынуждены уделять особое внимание профессиональной подготовке с целью поддержания потенциала своего индустриального сектора; так, Южная Корея выпускает больше инженеров, чем Великобритания, Германия и Швеция вместе взятые[239]; однако это не может служить средством приобщения к постиндустриальному строю, что подтверждается также опытом предшествующего рекордсмена по инженерным кадрам, каким был СССР. В Китае, Таиланде, Малайзии и других странах эта проблема стоит еще более остро[240].

В-четвертых, хозяйственный прогресс азиатских наций существенно зависит от масштабов и направленности иностранных инвестиций. Прорыв на уровень индустриализованных стран, совершенный в последние десятилетия Тайванем, Южной Кореей, Малайзией и другими «тиграми», в значительной степени обусловлен активным притоком капитала как из Японии, так и из индустриальных держав Запада[241]. Так, на каждого жителя Малайзии в середине 90-х годов приходилось более 1100 долл. прямых иностранных инвестиций; соответствующие показатели для Южной Кореи и Тайваня, не говоря уже о Гонконге и Сингапуре, были гораздо выше. Если валовый национальный продукт в Китае в период между 1979 и 1995 годами вырос почти в пять раз, то одним из важнейших

---

[235] См.: *Bono E., de* Serious Creativity. Using the Pover of Lateral Thinking to Create New Ideas. N.Y., 1995. P. 18.

[236] См.: *McRae H.* The World in 2020. P. 77.

[237] См.: *Handy Ch.* The Age of Unreason. L., 1995. P. 27.

[238] См.: *Morrison I.* The Second Curve. P. 17, 16.

[239] См.: *Kennedy P.* Preparing for the Twenty-First Century. P. 198.

[240] См.: *Naisbitt J.* Megatrends Asia. P. 180; Drucker on Asia. P. 9.

[241] См.: *Kantor D.* Understanding Capitalism. How Economies Work. L.-N.Y., 1995. P. 88.

способствующих этому обстоятельств стало повышение иностранных капиталовложений в 4 тысячи (!) раз — с 51 млн. до 200 млрд. долл.; однако потребности в инвестициях сегодня велики как никогда, и по данному показателю в расчете на душу населения — 105 долл. на человека — Китай более чем в десять раз отстает от Малайзии. В течение ближайшего десятилетия КНР намерена привлечь в свою экономику около 500 млрд. долл. только для обеспечения программ по созданию современной производственной инфраструктуры. Данная цифра, особенно с учетом объемов инвестиций в российскую экономику, выглядит грандиозной, однако, по оценкам западных экспертов, для превращения Китая во вполне развитую страну, что, конечно, не означает его выхода на уровень США, необходимы *тридцать* лет и сумма в *55 трлн. долл.*[242] Совершенно очевидно, что привлечение таких ресурсов на международных финансовых рынках невозможно.

Поэтому экономический рост азиатских государств при всем его динамизме и при всех изменениях, которые он вносит в расстановку сил в современном мире, представляется, с одной стороны, основанным на вторичных факторах (как отмечает Й.Моррисон, «"тигры" достигли исключительных успехов, однако им еще не удалось добиться того, чтобы их воспринимали как часть группы стран, возглавляющих господствующую тенденцию»[243]), с другой — крайне зависимым от реакции рынков постиндустриальных держав*.

Не следует также забывать, что, *во-первых*, даже количественные показатели развития азиатских экономик не столь впечатляющи, как это иногда представляется. Китай, например, начал свою индустриализацию в условиях, когда среднедушевой годовой доход составлял 490 долл. при принятом Организацией Объединенных Наций критерии абсолютной бедности в 370 долл.; по состоянию на 1993 год его ВНП достиг 580 млрд. долл., что равно соответствующему показателю штата Нью-Йорк и серьезно уступает калифорнийскому.

---

[242] См.: *Kemenade, W., van.* China, Hong Kong, Taiwan, Inc. P. 4, 6-7, 37.

[243] *Morrison I.* The Second Curve. P. 99.

* Нельзя не отметить в этой связи, что попытки азиатских стран продвинуться по пути наращивания массового индустриального производства посредством снижения издержек и девальвации национальных валют во второй половине 1997 года натолкнулись на адекватную реакцию западных рынков, ответивших плавным снижением большинства фондовых индексов с августа по начало октября. Характерно, что европейские рыночные индикаторы вновь достигли в середине октября рекордных значений, в то время как фондовые и финансовые рынки Азии продолжили неконтролируемый спад, вылившийся в крах 27 октября, за которым последовал обвал котировок на Уолл-Стрит и европейских биржах. Однако западные рынки к середине декабря обнаружили устойчивый рост, одним из условий которого, правда, стала массированная помощь терпящим бедствие азиатским экономикам со стороны МВФ и других международных финансовых организаций.

Как отмечает У.Грейдер, «экстраполируя данные об относительной покупательной способности 1,2 млрд. китайских граждан, некоторые экономисты поспешили объявить Китай третьей или четвертой экономикой мира, которая может догнать Соединенные Штаты за 10—15 лет; однако если прибегать к измерениям в твердой валюте, единственному в мировой экономике значимому критерию, то это заявление просто нелепо»[244]. Данная формулировка, при всей ее полемичности, отражает, на наш взгляд, ситуацию более верно, чем многие из рассмотренных выше. *Во-вторых*, исследователи, отмечающие быстрый рост азиатских стран, иногда как бы не замечают того, что «Америка также не страдает от нехватки динамизма», демонстрируя огромную способность к обновлению, что «сочетание в ней рынка и свободы, несмотря на существование глубокого неравенства и раскола, усугубляющихся вследствие действия многих глобальных тенденций, придает ей способность... генерировать возможности и идеи для всего мира»[245]. Хозяйственная и социальная ситуация в Соединенных Штатах, характеризующаяся высоким экономическим ростом, снижением уровня безработицы, низкой инфляцией и активными усилиями в области научных и технологических разработок[246], представляется весьма стабильной основой для дальнейших успехов этой страны в начале нового тысячелетия.

Естественно, постиндустриальные державы не должны недооценивать исходящий из Азии вызов их хозяйственной стабильности. Т.Кэннон проводит вполне справедливую параллель между современной ситуацией и расстановкой сил в начале нашего века. Отмечая растущие достижения азиатских экономик и указывая, что «североамериканские и европейские корпорации не могут позволить себе игнорировать эти рынки», он подчеркивает: «Неспособность Великобритании эффективно конкурировать с Северной Америкой, Германией и другими развивающимися рынками в начале XX столетия была решающим фактором ее упадка как крупной промышленной державы»[247]. Поэтому развитой мир стремится внимательно контролировать потенциальные возможности расширения новых рынков и активно их осваивать. В этой связи едва ли можно считать конструктивными попытки оценивать достижения стран Азии с точки зрения возможных фатальных последствий для западной цивилизации и искать политические формы разрешения возникающих экономических конфликтов.

---

[244] *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 32.

[245] *Morrison I.* The Second Curve. P. 138, 139.

[246] Подробнее см.: *Farley R.* (Ed.) State of the Union. America in the 1990s. Vol. II. N.Y., 1995. P. 85.

[247] *Cannon T.* Welcome to the Revolution. P. 26.

Наблюдаемые сегодня изменения в соотношении влияния мировых экономических центров вполне объективны: как в начале столетия островное государство с мизерным в мировом масштабе населением естественным образом утратило хозяйственное доминирование над регионами, население которых стало исчисляться миллиардами, так и теперь старые индустриальные нации не могут обеспечить объемов материального производства, достаточных для удовлетворения потребностей всего человечества. Однако количественные показатели ныне не столь важны, как раньше; мировое господство обеспечивается сейчас способностью стран и территорий к быстрым изменениям, к радикальным нововведениям, к техническому и интеллектуальному прогрессу. Главная задача развитых стран сегодня — это сохранение их уникального лидерства в *информационной* и *технологической* сферах, а в этом отношении даже незначительные по населению и естественным ресурсам регионы могут сколь угодно долго находиться в авангарде прогресса, определяя направление развития человечества. Именно в этом, на наш взгляд, и заключено основное условие доминирования постиндустриальных держав над остальной частью мира; именно его утрата имела бы гораздо более тяжелые последствия, чем торговые дисбалансы и непропорциональные потоки рабочей силы и капитала.

Обзор экономического противостояния Запада со странами Юго-Восточной Азии дает достаточное представление о хозяйственных аспектах отношений постиндустриальных наций и развивающегося мира. Мы не рассматриваем проблем, которые могут возникнуть при гипотетической экспансии латиноамериканских государств; подлинно актуальными они могли бы стать лишь в том случае, если бы азиатские «новички» уже реально вступили в круг постиндустриальных держав. Только в подобной ситуации новыми кандидатами окажутся иные территории, и именно к ним сместится центр наиболее динамичных изменений; если же, и вероятность этого весьма велика, Китаю и его соседям не удастся войти в число «избранных», вопрос о пополнении рядов постиндустриальных стран можно будет считать исчерпанным. В таком случае хозяйственное и технологическое доминирование относительного меньшинства человечества над его большей частью может сохраняться в течение долгих десятилетий, что чревато новыми проблемами, масштаб которых и пути решения едва ли можно определить сегодня с достаточной точностью.

Между тем хозяйственные противоречия, ранее часто принимавшие формы экономических войн и серьезных политических конфликтов, представляются вполне разрешимыми при достигнутом человечеством уровне цивилизованности. Не менее, а скорее даже более сложной становится иная проблема, связанная с попыткой новых индустриальных стран бросить вызов традиционным лидерам

в хозяйственной сфере. Применяя в *экономической* борьбе *экономические* же методы, основанные на экспансии материального производства, они провоцируют рост как затрат сырья, материалов и энергии, так и вредного воздействия на окружающую среду, чем ставят под угрозу нормальное функционирование планетарной биосферы. Таким образом, экология становится одним из важнейших факторов той нестабильности, которая может ожидать человечество в наступающем столетии.

На пороге XXI века цивилизация сталкивается с реальной угрозой своему существованию, исходящей не от политических факторов, как это имело место во второй половине нынешнего столетия, а из противоречий ранее достигнутого уровня экономического развития и обеспеченных стандартов материального благосостояния. Постэкономическая трансформация, первый этап которой начался в наиболее развитых странах Запада в середине 70-х годов, является естественным ответом на такое положение дел. Однако ряд проблем, в частности экологические, не могут быть автоматически разрешены по мере углубления хозяйственного прогресса. Они требуют организованных усилий по защите окружающей среды со стороны всех национальных правительств и международных организаций и делают «экологическое движение одной из важнейших движущих сил на пути к новой эпохе»[248].

Экологические проблемы и становление постэкономической системы

Хозяйство стран, традиционно относимых к «третьему миру», с прошлого века ориентировалось на обеспечение ресурсной базы ведущих держав Запада. Отчасти это было обусловлено объективными причинами, отчасти такой путь развития искусственно навязывался странами Европы, но, по всей видимости, объективная составляющая была более существенной.

Во второй половине XX столетия большинство бывших колоний обрели независимость, и страны, экономика которых отличалась замкнутым характером, были вовлечены в мировое разделение труда в первую очередь как экспортеры топлива и других ресурсов. Противостояние развитого мира и развивающихся стран как создателей готового промышленного продукта и поставщиков его компонентов стало важнейшим экономическим фактором, определяющим значение экологических проблем для всего человечества.

---

[248] *Castells M.* The Power of Identity. P. 124.

Здесь важно обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, нельзя не подчеркнуть, что реализация «сырьевого» сценария в развивающихся странах приводит к излишне активной эксплуатации природной среды и радикально снижает выгоды от использования ресурсосберегающих технологий в развитом мире. Во-вторых, те из государств «третьего мира», которые стремятся обеспечить выход на внешние рынки, укрепиться посредством формирования своего промышленного потенциала, используют для этого все возможные методы, пренебрегая разрушительными последствиями своих действий для окружающей среды. И, наконец, в-третьих, страны, оказывающиеся за чертой абсолютной нищеты, будучи не в состоянии обеспечить даже поддержание и без того крайне низкого уровня жизни своих граждан, становятся бессильными перед лицом разрушительных природных явлений, также тяжело сказывающихся на состоянии биосферы. Все эти обстоятельства вынуждают правительства и международные организации уделять самое пристальное внимание экологическим аспектам отношений Севера и Юга.

Современный мир как никогда ранее разделен на две части, обнаруживающие в своем развитии существенно отличные, если не противоположные, тенденции. По одну сторону находятся государства Европы, США и Япония, явно ориентированные на достижение постэкономического состояния и преодоление закономерностей, свойственных индустриальной цивилизации; по другую сторону располагаются остальные регионы, где при всей разнице их экономических потенциалов доминирует стремление (реально воплощаемое или лишь прокламируемое) к индустриализации. И если в хозяйственной области подобное противостояние смягчается и камуфлируется тем, что постиндустриальные страны неизбежно сохраняют производство материальных благ в качестве необходимой основы своего успешного развития, то в вопросах экологии эти различия оказываются более очевидными и разительными.

Индустриально развитые державы на протяжении последней четверти века развиваются, уделяя все большее внимание сохранению и восстановлению природной среды, уменьшению вредных отходов и результатов производства, сокращению использования невозобновляемых ресурсов. Новое отношение к этим проблемам порождено не столько удорожанием сырья или иными экономическими факторами, сколько глубиной постиндустриальной трансформации, переносящей основные акценты за пределы материального производства, в сферу создания информации и знаний. Когда Э. фон Вайцзеккер говорит о том, что страны с наиболее высокими ценами на ресурсы развивались более динамично (так, он пишет: «...в период с 1975 по 1990 год существовала четкая энергетическая “иерархия” среди четырех крупнейших экономических держав: Японии, Европейского сообщества, США и СССР; хорошо известно,

какие из этих экономик в указанный период процветали, а какие переживали застой»[249]), он не принимает во внимание ни целый комплекс иных причин, приведших к распаду и краху СССР, ни то, насколько ограниченным оказался успех Японии по сравнению с развитием Соединенных Штатов; напротив, именно США лидируют сегодня в области научно-технических разработок, в том числе и в сфере природоохранных технологий. На наш взгляд, повторим это еще раз, радикальный поворот в отношении к природным ресурсам в последние десятилетия произошел не в связи с изменением экономических условий их применения, а в силу неизбежного расширения сферы создания и использования информации в качестве основного фактора производства. Поэтому экологическая направленность современного общества столь же естественна, сколь и его информационный базис.

Однако полная гармония человека со средой невозможна даже в рамках постэкономического состояния. При всей значимости информации и знаний они не могут заменить материальных ресурсов, по-прежнему применяемых в большинстве производств. Ограничивая использование земель в сельском хозяйстве, человек вынужден более интенсивно, с применением большего количества удобрений и средств защиты растений обрабатывать оставшуюся их часть. Современные технологии позволяют устранять из отходов производства и выбрасываемых газов до *двух третей* NO_2 и *трех четвертей* SO_2, однако *более полная* очистка отходов фактически нереальна, так как затраты на нее (во всяком случае, в настоящее время) делают невыгодным любое производство, где образуются такие отходы[250]. Применение новых источников энергии, в том числе и ядерной, также неизбежно сопряжено с опасностями радиоактивного заражения, сложностью утилизации продуктов распада и так далее.

Между тем сегодня можно констатировать, что постиндустриальные державы обеспечивают гораздо меньшую долю загрязнения окружающей среды по отношению к объему производимого валового продукта, чем бывшие члены Восточного блока и развивающиеся страны. По состоянию на 1994–1995 годы вклад США в мировое производство составлял 26%, и это давало 23% выброса CO_2. Германия имела лучшие показатели (8 против 4%), не говоря уже о Японии (17 против 5%). Что же касается развивающихся стран, то Индонезия при доле в мировом производстве в 0,7% обеспечивала 1% выброса CO_2, Россия с 2% производства была ответственна за 7% загрязнений, а Китай с теми же производственными мощностями — за 13%[251]. Оце-

---

[249] *Weizsäcker E.U., von.* Earth Politics. P. 61.

[250] См.: *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits. P. 181.

[251] См.: *Brown L.R., Flavin Ch., French H., et al.* State of the World 1997. A Worldwatch Institute Report on Progress Toward a Sustainable Society. N.Y.-L., 1997. P. 8.

нивая остроту этой проблемы, важно учитывать продолжающуюся индустриальную экспансию ряда азиатских и латиноамериканских стран.

Таким образом, основные экологические проблемы начала XXI века связаны с быстрым нарастанием использования ресурсов в наименее промышленно развитых странах, сопровождающимся резким ростом загрязнения воздуха, воды и земель, а также с дисбалансом исторически сложившихся природных экосистем, в том числе уничтожением лесов и разрушением почв, охватывающими огромные территории.

Снижение потребления ресурсов в развитых странах происходит сегодня на фоне роста их применения в новых индустриальных государствах, и общемировой тенденции к уменьшению их использования не отмечается[252]; более того, измерения содержания CO_2 в атмосфере, проводящиеся начиная с послевоенных лет в лаборатории на горе Мауна-Лоа на Гавайских островах, не только показывают его повышение почти на 13% с 1960 по 1995 год[253], но и не отмечают принципиальных изменений в динамике этого процесса — тенденцию к экспоненциальному росту не поколебали никакие усилия постиндустриального мира по сокращению вредных выбросов и оптимальному использованию ресурсов[254].

В то время как постиндустриальные страны предпринимают все новые и новые меры по поддержанию своих экосистем, в развивающихся государствах доминируют другие тенденции. Если Европа гордится успехами по восстановлению чистоты воды в Рейне и воссозданию на прежних местах девственных лесов, если в США только за последние двадцать лет почти в два раза увеличена площадь заповедных и особо охраняемых территорий, то большая часть планеты подвержена изменениям иного рода. С 1850 года было вырублено 7,7 млн. квадратных километров лесов[255]; и, хотя современный мир еще располагает 40 млн. таковых из 60 млн., существовавших на Земле во времена, предшествующие началу хозяйственной деятельности человека, характерно, что половина потерь приходится на последние четыре десятилетия. Соединенные Штаты утратили треть своего лесного покрова на протяжении XX века, но Китай лишился трех его четвертей за последние тридцать лет[256]; бассейн Амазонки, в котором сегодня активно ведутся лесозаготовки, до недавнего времени был главными «легкими» планеты, и последствия происходящих процессов представляются весьма неопределенными.

---

[252] См.: *Weizsäcker E.U., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four. P. 199.

[253] Ibid. P. 225.

[254] См.: *Cannon T.* Corporate Responsibility. P. 182.

[255] См.: *Waters M.* Globalization. P. 106.

[256] См.: *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits. P. 181.

Не лучше обстоят дела в других регионах: 18% всей территории развивающихся стран составляют засушливые земли, которые в условиях безудержной эксплуатации имеют все шансы превратиться в пустыни и быть навсегда утраченными для хозяйственного использования. Как подчеркивает А.Гор, «согласно результатам совместного исследования, проведенного Институтом мировых ресурсов, Международным институтом по окружающей среде и развитию и Программой ООН по окружающей среде, состояние засушливых регионов стран "третьего мира" приближается к критическому: в результате чрезмерной эксплуатации продуктивность примерно 60% засушливых пахотных земель и 60% засушливых пастбищ быстро снижается»[257]. Начиная с 1970 года в Африке, Америке и Азии площадь пустынь увеличилась на 120 млн. гектаров, что превосходит возделываемые площади Китая; при этом за двадцать лет фермеры во всем мире утратили более 480 млрд. тонн чернозема, что эквивалентно его запасам на Индийском полуострове. За эти же годы более $^2/_3$ всех обрабатываемых в Центральной Африке территорий стали фактически непригодными для современного земледелия, была уничтожена уникальная экосистема Аральского моря, резко ухудшилось состояние почв в Бразилии и других странах Латинской Америки. Сегодня становится совершенно очевидным, что центр процессов, обусловливающих разрушение окружающей среды, сместился в развивающиеся страны; хотя и сейчас развитый мир обеспечивает большую часть вредных атмосферных выбросов, его доля в общем загрязнении воздуха, воды и почв снижается, тогда как «девяносто процентов ущерба, связанного с вымиранием видов, эрозией почв, уничтожением лесов и дикой природы, а также опустыниванием, приходятся на развивающиеся страны "третьего мира", учитывая, что к их числу присоединяются Россия и страны СНГ, особенно в том, что касается принесения природы в жертву интересам мировой торговли. Наиболее ужасающие случаи загрязнения воды и воздуха сегодня отмечаются в городах развивающихся и молодых промышленно развитых стран, например в Мехико, Ухане, Тайбэе и Каире; Рур и Питтсбург в сравнении с ними выглядят сегодня почти курортами»[258].

Проблемы, связанные с экологическим ущербом, наносимым человечеству странами «третьего мира», усугубляются тем, что в ближайшие десятилетия, судя по всему, трудно ожидать какого-либо перелома в наметившихся тенденциях. Новые индустриальные государства, в первую очередь в Юго-Восточной Азии, слишком жестко, хотя и вполне справедливо, связывают свои перспективы с

---

[257] *Gore A.* Earth in the Balance. P. 123.

[258] *Weizsäcker E.U., von.* Earth Politics. P. 91.

прорывом в ряд промышленно развитых держав и будут использовать для этого любые возможности. Масштаб изменений заметен даже поверхностному взгляду; если раньше азиатские страны выступали в качестве поставщиков энергоносителей на мировые рынки, то теперь положение кардинально изменилось. До 1993 года Китай оставался нетто-экспортером нефти; сегодня его импорт превышает 600 тыс. баррелей в день и, как ожидают, достигнет 2,7 млн. баррелей в день к 2010 году[259]. Соответствующими темпами растет и неконтролируемое загрязнение окружающей среды. Потенциал же ресурсосбережения в западных странах, активно продвигавшихся по этому пути на протяжении последних двадцати лет, представляется относительно исчерпанным; для осуществления нового технологического скачка потребуется, скорее всего, не одно десятилетие.

Если рассмотреть только вредные выбросы в атмосферу, которые, во-первых, могут быть проконтролированы и, во-вторых, отражают в той или иной мере развитие промышленного производства в отдельных регионах, то, согласно самым оптимистическим прогнозам, в период с 1980 по 2010 год объем выбросов углекислого газа, окислов серы и азота в развитых странах останется на стабильном уровне, составляющем около 2,8 млрд. тонн в год. Сокращения выбросов можно ожидать не ранее 2010 года, когда станет возможным промышленное использование принципиально новых технологий очистки. За эти же годы молодые промышленно развитые экономики увеличат выбросы с 249 до 738 млн. тонн, то есть в 2,96 раза. Но и этот рост, который можно объяснить ускоренными темпами их хозяйственного развития, окажется менее значительным, чем увеличение объемов загрязнения со стороны прочих развивающихся стран, в число которых не включены Восточная Европа и республики бывшего СССР — данные государства обеспечат рост этого показателя в 3,84 раза, причем к 2015 году превзойдут по нему все развитые страны вместе взятые[260].

Подобные прогнозы свидетельствуют, к сожалению, о явной тенденции к нарастанию неэффективного хозяйствования; если темпы роста вредных выбросов в молодых промышленно развитых странах уже сегодня имеют тенденцию к замедлению, то в наиболее отсталых регионах об этом нет и речи. Так, например, Китай, активно развивающий национальную промышленность, широко использует в качестве топлива каменный уголь, добываемый на собственных месторождениях. Между тем «расчеты, произведенные центром “Восток—Запад” на Гавайях, позволяют предположить, что уголь, сжигаемый Китаем, ежегодно добавляет в атмосферу больше выбросов

---

[259] См.: *Garten J.* The Big Ten. P. 72.

[260] См.: *Duchin F., Lange G.-M., et al.* The Future of the Environment. Ecological Economics and Technological Change. N.Y.-Oxford, 1994. P. 33.

сернистого ангидрида и окислов азота, чем их сокращается с помощью усовершенствованного контроля за состоянием окружающей среды, осуществляемого всеми странами ОЭСР, вместе взятыми»[261]; обеспечивая уже сегодня 13% мировых выбросов CO_2 в атмосферу, Китай не только не намерен предпринимать сколь-либо серьезных природоохранных мер, но и недавно одобрил национальную программу по расширению сети работающих на угле электростанций и иных энергетических установок[262], в ходе реализации которой потребление угля в стране составит $^3/_4$ мирового объема[263]. В целом же к 2025 году выбросы в атмосферу CO_2 развивающимися странами увеличатся в четыре раза по сравнению с их нынешним уровнем[264].

Еще более очевидный пример связан с производством и использованием озоноразрушающих веществ. Как известно, эта проблема получила широкий международный резонанс, воплотившийся в конечном счете в подписании Монреальского протокола о веществах, разрушающих озоновый слой, согласно которому все страны должны были последовательно сокращать их производство вплоть до полного прекращения в 1998 году. Десять лет назад основными производителями таких веществ были США, ЕС, Япония и СССР, причем суммарный вырабатываемый ими объем составлял 971 тыс. метрических тонн в пересчете на активные вредные элементы. В 1994 году все эти государства, вместе взятые, выпускали лишь 90 тыс. тонн — в десять раз меньше, чем до подписания, а США стали единственной страной, полностью прекратившей производство; и что же? Китай оказался единоличным лидером, произведшим 90,9 тыс. тонн — больше, чем все индустриально развитые страны и Россия! При этом выпуск подобных веществ возрос и в других молодых промышленно развитых экономиках: в Южной Корее на 15%, в Мексике — на 21, в Малайзии — на 24, в Индонезии — на 69, в самом Китае — на 95, на Филиппинах — на 109, а в Индии на 193%[265].

На наш взгляд, в ближайшие десятилетия «третий мир» не обретет реальных возможностей для обеспечения даже самых необходимых природоохранных мероприятий. Единственным серьезным источником средств для осуществления подобных мер могли бы быть поступления от продажи ресурсов и энергоносителей, однако в среднесрочной перспективе «традиционные поставщики сырья в странах “третьего мира” будут находить все более ограниченные рынки для своих все более дешевых ресурсов»[266], и большинству

---

[261] *McRae H.* The World in 2020. P. 135.
[262] См.: *Weizsäcker E.U., von.* Earth Politics. P. 166.
[263] См.: *Garten J.* The Big Ten. P. 97.
[264] См.: *Santis H., de.* Beyond Progress. P. 157.
[265] См.: *Brown L.R., Flavin Ch., French H., et al.* State of the World 1997. P. 166.
[266] *Thurow L.* Head to Head. P. 41.

ресурсодобывающих регионов их экспорт будет приносить средства, достаточные лишь для поддержания существующих уровней внутреннего потребления и расчетов по текущим обязательствам, связанным с обслуживанием внешнего долга. Молодые промышленно развитые экономики, в первую очередь в Азии, имеют большие финансовые ресурсы, однако заинтересованы прежде всего в эффективном инвестировании их в производящий сектор хозяйства и не считают проблемы охраны окружающей среды первостепенными.

Поддержание экологического равновесия требует огромных финансовых и материальных затрат, и основная проблема связана с тем, что если в развитых государствах, как мы отмечали выше, природоохранные мероприятия в большинстве случаев экономически выгодны и затраты на их проведение через определенный срок окупаются, то в остальных регионах мира они неспособны принести в обозримом будущем никакого *экономического* эффекта. Поэтому ход решения подобных проблем становится сегодня показателем того, насколько постэкономические общества способны действовать в мировом масштабе ради поддержания устойчивости планетарной экосистемы, а следовательно, и своего собственного развития.

Складывающаяся в этой области ситуация дает основания для весьма умеренного оптимизма. Сегодня для финансового обеспечения программ, способных лишь остановить негативные процессы в странах Юга, не говоря о восстановлении утраченных природных систем, необходимы затраты, составляющие, по минимальным оценкам, около 125 млрд. долл. в год на протяжении не менее двадцати лет. Масштаб этой цифры становится понятным, если учесть, что вся сумма средств, выделяемых развитыми странами «третьему миру» в виде ассигнований по различным программам помощи, в начале 90-х годов не превышала 55 млрд. долл. в год[267] и с тех пор имеет явную тенденцию к снижению. Только за 1992—1995 годы помощь, предоставляемая развивающимся странам по официальным каналам со стороны США, снизилась с 11,7 до 7,3 млрд. долл.; и, несмотря на усилия Японии, в 1995 году «суммарный объем помощи сократился до наименьшего с 1973 года значения и составил в среднем всего 0,3% ВНП»[268] ведущих постиндустриальных стран.

Многие экономисты, социологи и политики выдвигают планы экстренных мер, направленных на обеспечение поддержки южных регионов планеты. В последнее время, особенно после Всемирного саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 году, стала активно обсуждаться идея широкомасштабной помощи «третьему миру», причем ее объем — около 100 млрд. долл. ежегодно — мог бы при надлежащем использовании решить наиболее актуальные экологические проблемы.

---

[267] См.: *Kennedy P.* Preparing for the Twenty-First Century. P. 121.

[268] См.: *Brown L.R., Flavin Ch., French H., et al.* State of the World 1997. P. 6.

Предпринимаются попытки убедить общественность развитых стран не только в том, что данные расходы безусловно необходимы в нынешней ситуации, но и в том, что они не окажутся излишне тяжелым бременем. Так, авторы последнего доклада Римскому клубу отмечают, что подобные затраты составляют не более 0,7% суммарного валового национального продукта развитых индустриальных стран[269]; А.Гор акцентирует внимание на том, что подобная задача выполнима даже силами одних Соединенных Штатов, хотя в этом случае суммарные расходы приблизятся к 2% ВНП[270]. Причем, напоминает автор, такая же доля американского ВНП была использована в послевоенные годы для оказания экономической помощи Западной Европе в рамках «плана Маршалла», на долгие десятилетия обеспечившей стабильность на континенте.

Провозглашение глобального «плана Маршалла», нацеленного на активную экономическую помощь «третьему миру» и тем самым резкое улучшение экологической обстановки в развивающихся странах, должно, по замыслу, привести к «созданию в развивающемся мире социально-политических условий, благоприятствующих возникновению устойчивых обществ»[271]. Такой план не может, однако, не столкнуться со значительными трудностями.

Первой из них является сложность извлечения подобного объема средств из хозяйственного оборота развитых стран. Сегодня, когда США вынуждены ускорять модернизацию своего производственного потенциала ради поддержания конкурентоспособности отечественных товаров перед лицом азиатских экспортеров, а Европейское сообщество занято борьбой с безработицей и решением задач, связанных с образованием европейской конфедерации, те несколько процентов валового продукта, о которых говорят сторонники глобального «плана Маршалла», представляются весьма нелишними для развития национальных экономик. В этой связи характерна позиция и самого А.Гора: выступая в 1992 году в роли одного из крупнейших специалистов в области защиты окружающей среды, он ратовал за расширение поддержки «третьего мира»; однако упомянутое выше сокращение американских программ помощи произошло как раз в то время, когда их автор был вице-президентом Соединенных Штатов, добивавшимся (и добившимся) переизбрания на новый срок на выборах 1996 года.

Вторая не менее важная проблема связана с характером расходования не только гипотетических, но и реальных средств, направляемых в развивающиеся страны в рамках программ по охране окружающей среды. Государства, в течение десятилетий демонстриро-

---

[269] См.: *Weizsäcker E.U., von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four. P. 219.

[270] См.: *Gore A.* Earth in the Balance. P. 304.

[271] Ibid. P. 307.

вавшие неэффективность не только своей экономики, но и системы управления, далеко не всегда эффективно распоряжаются поступающими ресурсами; в определенной степени именно это обусловливает неудачи встреч и переговоров, организуемых в последние годы с целью выработки нового пакета договоренностей и документов, регламентирующих очередные меры по охране природы.

Рассматривая ситуацию в странах Азии и отчасти Латинской Америки (за исключением бассейна Амазонки), следует признать, что сегодня реальное и эффективное вмешательство западного мира в экологическую политику молодых промышленно развивающихся стран практически невозможно. Между тем история хозяйственного прогресса показывает, что обеспечение экологически безопасных условий существования неизменно выходит на первый план по мере повышения уровня жизни в той или иной стране. Азиатские государства лишь недавно решили проблему самообеспечения продовольствием, имеют огромную долю населения, не вовлеченного в современное производство, низкий уровень технологий и образования, и поэтому проблемы охраны окружающей среды не являются и не могут быть естественным элементом системы их предпочтений. Однако столь же очевидно и то, что эти вопросы окажутся исключительно важными, как только данные страны выйдут на уровень развития, сопоставимый с тем, достигнув которого граждане и правительства западных стран стали рассматривать соответствующие проблемы как первоочередные. К этому времени они смогут также оценить и чисто хозяйственные преимущества использования современных природоохранных систем, что обеспечит их быстрое распространение. Япония дает прекрасный пример подобного типа развития: совершив в 60-е—80-е годы радикальный индустриальный прорыв, она сегодня имеет один из самых высоких показателей затрат на природоохранные мероприятия и обеспечивает самый низкий уровень загрязнения окружающей среды в расчете на единицу производимого валового национального продукта. Аналогичные процессы развернутся в ближайшие десятилетия и в других молодых промышленно развитых странах Азии, а через двадцать—тридцать лет охватят также и континентальный Китай, крупнейшую экономическую систему региона.

К сожалению, нельзя сделать подобные прогнозы в отношении наиболее бедных стран. Здесь экологические проблемы связаны прежде всего с кризисом самой среды обитания — гибелью лесов, животных, эрозией почв, разрушением плодородного слоя земли и так далее. Скорее всего, в этом случае следует говорить о программах прямой помощи, осуществляемых в масштабах мирового сообщества, в том числе через объявление отдельных стран и регионов зонами экологического бедствия и осуществление прямого контроля над ними со стороны международных организаций, которые

не только проводили бы необходимые мероприятия непосредственно на месте, но и осуществляли бы впоследствии контроль за состоянием и функционированием созданных природоохранных систем. Таким образом, мы подходим к рассмотрению беднейших стран как некоего «четвертого мира», требующего все более неординарных подходов по мере того, как все более неординарными становятся связанные с ним проблемы и опасности.

Беднейшие регионы: перспективы и проблемы

В 60-е и 70-е годы, в период активного образования молодых независимых государств в Африке и Азии, эпоху антиколониальных войн и движений, многие социологи как на Западе, так и в социалистическом лагере полагали, что политическое освобождение народов обеспечит ускорение их хозяйственного развития. Все эти ожидания остались в прошлом; как отмечает Р.Хейльбронер, расчеты показывают, что между 1750 и 1990 годами разрыв в среднем уровне жизни между гражданами стран Европы и развивающегося мира вырос в восемь раз[272], причем более двух третей этих диспропорций обусловлено технологическими изменениями последних десятилетий. Поэтому сегодня актуальной задачей постиндустриального мира становится не столько налаживание равноправного партнерства со странами Юга, сколько проведение мер, минимизирующих возникающие в них политические, экологические и гуманитарные опасности.

Последние десятилетия показали, что, *с одной стороны*, независимые государства Африки и Азии по большей части неспособны не только к эффективному использованию индустриальных технологий, но и к развитию своего аграрного сектора. Привнесенные колонизаторами методы земледелия и добычи природных ресурсов были изначально ориентированы на удовлетворение потребности европейских государств в специфических типах колониальных товаров и отдельных полезных ископаемых; население же колоний в своем большинстве вело хозяйство, мало изменившееся за последние столетия и направленное на обеспечение примитивного выживания. Сформированная колонизаторами относительно эффективная система управления и предпринятые меры по развитию образования и здравоохранения имели, наряду с позитивными, и негативные последствия. После свержения иностранного господства во

[272] См.: *Heilbroner R.* 21st Century Capitalism. N.Y.-L., 1993. P. 55.

всех развивающихся странах был отмечен резкий скачок имущественного неравенства, связанный с восстановлением общинных социальных структур и полуплеменной организации; резкое снижение смертности привело к демографическому взрыву, который даже при низких нормах потребления многократно усилил нагрузку на среду обитания, начавшую приходить в упадок из-за отсутствия рациональных технологий использования почв и иных природных ресурсов.

С другой стороны, с преодолением колониального господства как внутри новых стран, так и между ними вспыхнули ожесточенные конфликты, вызванные самыми разными противоречиями — от политических и религиозных до расовых и этнических. Часть из них была обусловлена политикой колониальных властей, разделивших новые страны весьма условными границами; так, до сих пор, после многих открытых военных столкновений, существенным фактором напряженности в Азии остаются территориальные претензии Пакистана к Индии. Однако в гораздо большей мере проблемы беднейших стран обусловлены противоречиями, которые являются для них сугубо внутренними, — начиная от борьбы разного рода клик за власть в рамках одной страны до этнических конфликтов, охватывающих целые регионы. Гражданские войны в Сомали и Эфиопии, Шри-Ланке и Афганистане, Мозамбике и Анголе продолжались десятилетиями; столь же долгими оказались и социальные конфликты в Пакистане и Бирме, Восточном Тиморе и Заире, Гватемале и Никарагуа. За шесть лет правления маоистского режима в Кампучии было уничтожено около 1,75 млн. человек; еще трагичнее был происходивший на глазах всего цивилизованного мира этнический конфликт в Руанде и на сопредельных территориях, в котором менее чем за год погибло более 1 млн. человек, что превышает число жертв среди военнослужащих и гражданских лиц в ходе военных действий на Западном фронте с момента высадки союзников в Нормандии до капитуляции Германии.

В результате «третий мир» разделился еще до того, как наметился и стал реальностью экономический и политический крах «второго». Территории, оказавшиеся в относительно привилегированном положении (например, государства Персидского залива с их запасами нефти или вошедшие в орбиту японского влияния малые страны Юго-Восточной Азии), сумели достичь значительных хозяйственных успехов благодаря высокому уровню инвестиций в национальную экономику, умеренному внешнему долгу и относительно незначительным (кроме стран Персидского залива) расходам на военные нужды. Большинство же других государств, выбравших путь наращивания внешнего долга, экономического изоляционизма, а иногда социалистических по своей фразеологии экспериментов и роста военных расходов, превратились в «четвертый мир»,

бедность которого в последние десятилетия не только не преодолевается, но, напротив, становится все более очевидной. В начале 90-х годов даже такие относительно благополучные страны, как Индия с ее формирующейся промышленностью или Нигерия, самая населенная страна Африки и крупнейший на континенте экспортер нефти, имели среднедушевой годовой доход в 360 и 278 долл. соответственно, в результате чего более 90% их населения, составляющего в совокупности почти миллиард человек, жили ниже определенной ООН черты абсолютной бедности[273]. И сегодня нельзя не согласиться с малоутешительным выводом, согласно которому «этот "четвертый мир" стал предметом забот для мировой системы, но не как... партнер по будущему развитию, а как объект оказания помощи неимущим и контроля в целях поддержания порядка»[274], причем с каждым годом все более очевидно, что «никто из футурологов и специалистов по постиндустриальному обществу не знает, что следует предпринять для разрешения проблем вопиющей бедности и эксплуатации в странах Юга»[275].

Анализируя динамику хозяйственных процессов в этих регионах за последние три десятилетия и даже не оценивая влияние военных и этнических конфликтов, можно легко увидеть внутреннюю логику умирания гигантских территорий.

С середины нашего столетия одним из важнейших аспектов развития этих регионов стал неуправляемый рост населения. В целом в мире с середины 50-х до середины 90-х годов уровень смертности, скорее от преодоления массового голода и улучшившегося питания, чем от успехов здравоохранения[276], снизился более чем в 2,5 раза, тогда как соответствующий показатель рождаемости уменьшился лишь на 30%[277]; для развивающихся стран разрыв динамики этих цифр был еще более очевидным. В результате с 1950 по 1985 год прирост населения в высокоразвитых индустриальных странах составил, с учетом активной миграции, лишь 41%, в то время как в наименее развитых регионах планеты — 119%; следствием этого становится то, что граждане промышленно развитых демократий составляют уменьшающуюся часть населения мира: в то время как в 1950 году их доля ограничивалась пятой частью жителей Земли[278], к 2025 году таковая не превысит 14%[279].

---

[273] См.: *Martin W.J.* The Global Information Society. N.Y., 1995. P. 200.

[274] *Cox R.W., Sinclair T.I.* Approaches to World Order. Cambridge, 1996. P. 193.

[275] *Frankel B.* The Post-Industrial Utopians. Madison (Wi.), 1987. P. 144.

[276] См.: *North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.Y.-L., 1981. P. 15.

[277] См.: *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits. P. 25.

[278] См.: *Eberstadt N.* Population Change and National Seciruty // Foreign Affairs. 1991. No 3. P. 128.

[279] См.: *Cannon T.* Corporate Responsibility. P. 183.

Нельзя не отметить, что сегодня темпы роста населения снизились в тех регионах развивающегося мира, где прослеживаются тенденции к экономическому прогрессу; повышение уровня образования, вовлечение все большего числа людей в состав экономически активного населения, рост доли работающих женщин и другие факторы способствуют снижению рождаемости, идущему параллельно с повышением уровня жизни. В то же время в отсталых странах ситуация усугубляется: согласно прогнозам, население наименее развитых стран Африки увеличится к 2025 году более чем втрое, составив 1,58 млрд. человек; доля континента возрастет с нынешних 12% до более чем 15% населения земного шара[280]. К концу первой четверти следующего столетия в Нигерии будут проживать 301 млн. человек, в Заире — 99, в Танзании — 84 млн. человек, причем в этих странах прогнозируется лишь поддержание на прежнем уровне, а то и снижение, объемов производства основных видов продукции[281].

Демографические проблемы не только провоцируют рост дефицита ресурсов и распространение бедности, но имеют еще одну важную сторону. До сегодняшнего дня процессы урбанизации в развивающихся странах не привлекали к себе большого внимания, поскольку крупнейшие агломерации оставались сосредоточенными в рамках развитых стран, а также Латинской Америки, Китая и Индии, где правительства в определенной мере могли поддерживать контроль над ситуацией[282]. В ближайшем будущем положение может измениться самым кардинальным образом. Еще в середине 70-х годов число городских жителей в развивающихся странах превысило население городов в странах ОЭСР; в 1990 году оно составило почти 1,4 млрд. человек, к 2010 году, вполне вероятно, достигнет 2,7 млрд., то есть более чем в два с половиной раза превысит число горожан в развитых регионах планеты[283]. Разнонаправленность тенденций подчеркивается и тем, что среди крупнейших мегаполисов число жителей в период между 1985 и 2000 годами сократится лишь в Лондоне[284]. Сосредоточение же гигантских масс людей в огромных агломерациях «третьего мира», не говоря уже о населении африканских городов, в условиях фактически полного отсутствия индустриального производства представляющем собой лишь «чистых потребителей», повышает риск не только социальных конфликтов, но и неконтролируемых эпидемий. Не случайно, что именно в Африке, в городах, население которых превышает 200 тыс. человек,

---

[280] См.: *McRae H.* The World in 2020. P. 99.
[281] См.: *Kennedy P.* Preparing for the Twenty-First Century. P. 25.
[282] См.: *Castells M.* The Rise of the Network Society. P. 404.
[283] См.: *Brzezinsky Zb.* Out of Control. P. 51.
[284] См.: *Cannon T.* Corporate Responsibility. P. 216.

количество инфицированных вирусом иммунодефицита человека достигает уже сегодня одной трети всего населения[285], а эту проблему ни в коем случае нельзя считать ограниченной одним лишь «четвертым миром».

Между тем сегодня шансы наиболее бедных африканских, азиатских и латиноамериканских государств на сокращение пропасти, отделяющей их от развитых стран Запада, малы как никогда. Начавшаяся в 70-е годы постэкономическая трансформация привела не только к укреплению позиций постиндустриальных держав и сокращению возможностей влияния на их политику со стороны стран южной части земного шара; гораздо более болезненными оказались новые тенденции, с которыми связаны резкое сокращение потребления ресурсов и снижение цен на них, а также рост привлекательности западных финансовых рынков для потенциальных инвесторов. Все это приводит к снижению доходов развивающихся стран, оскудению притока инвестиций в их экономику и ухудшению условий заимствования на кредитных рынках. В 1985 году доля инвестиций, направляемых постиндустриальным миром в наименее развитые страны, была в три раза меньшей, чем объем капиталов, вкладываемых постиндустриальными странами в экономику друг друга; при этом за десятилетие объем прямых иностранных инвестиций в экономику африканских государств снизился почти в два раза— с 6,7% в 1975 году до 3,5%[286]. Падение цен на сырьевые ресурсы вызвало сокращение их производства и разорение многих национальных компаний. Доля стран Африки, расположенных к югу от Сахары, в мировой торговле сырьевыми товарами сократилась с 7,2% в 1970 году и 5,5% в 1980-м до 3,7% в 1989; национальное промышленное производство было к этому времени фактически полностью парализовано отсутствием инвестиций, и снижение его вклада в мировой показатель оказалось еще более значительным: с 1,2 до 0,5 и 0,4% за те же годы[287].

Однако и эти плачевные результаты представляются не самыми опасными в нынешней ситуации. Более острые проблемы возникают в связи с абсолютным сокращением производства жизненно необходимых продуктов (как в масштабах отдельных стран, так, в еще большей степени, в расчете на душу населения). 70-е годы определили новую тенденцию, в соответствии с которой мировое производство все более переориентируется с количественных на качественные показатели, с производства промышленной продукции на создание услуг и информации. На фоне происходящих демографических процессов это выражается в фактическом прекращении роста

---

[285] См.: *McRae H.* The World in 2020. P. 99.

[286] См.: *Dicken P.* Global Shift. P. 56.

[287] См.: *Castells M.* The Rise of the Network Society. P. 134.

промышленной продукции на душу населения (его прирост составил не более 10% между 1973 и 1990 годами)[288], и если это справедливо для мира в целом, то понятно, какова ситуация в наименее благополучных регионах. По мере насыщения основных потребностей в постиндустриальных странах замедляются темпы роста производства основных сельскохозяйственных культур (так, прирост урожайности пшеницы в США в 60-е годы по сравнению с 50-ми составил 45%, тогда как в 80-е по сравнению с 70-ми годами — всего 10%)[289]; потребители обращают больше внимания на качество и биологические характеристики продукта, чем на его цену и доступность.

В современных условиях становится особенно очевидным, что огромный разрыв между богатыми и бедными регионами в значительной мере обусловлен не столько отсутствием ресурсов, сколько их несовершенным использованием, сохранением прежних методов производства и неспособностью к нововведениям. В беднейших странах Южной Азии около 40% применяемых на рисовых полях удобрений «расходуются впустую вследствие неэффективного их применения, в то время как из-за неудовлетворительного ухода за посевами, плохого хранения и переработки теряется до 20% выращенного риса»; использование примитивных орудий труда приводит к тому, что африканский крестьянин в среднем выращивает в год не более 600 килограммов зерновых, тогда как американский фермер — не менее 80 тонн[290]. Поэтому даже в странах, считавшихся в колониальные времена относительно благополучными, наблюдается углубляющийся хозяйственный спад: так, в Кот-д'Ивуаре «в течение 80-х годов ВВП сокращался в расчете на душу населения на уровне −4,6% в год»[291]. Стремление же получить хотя бы скудные урожаи с применением примитивных орудий труда приводит к разрушению почв, принимающему в «четвертом мире» невиданные ранее масштабы. Сегодня, по данным ФАО, в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, где 42% не использующихся в сельском хозяйстве земель имеют низкую естественную продуктивность, две трети обрабатываемых площадей находятся в настолько деградировавшем состоянии, что непригодны для ведения сельскохозяйственного производства[292].

Таким образом, едва ли в начале следующего столетия страны «четвертого мира» найдут методы решительного сокращения разрыва, отделяющего их от постэкономической цивилизации. Скорее всего, это будет период поиска путей обеспечения элементарного

---

[288] См.: *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits. P. 5.

[289] См.: *Brown L.R., Flavin Ch., French H., et al.* State of the World 1997. P. 34.

[290] См.: *Kennedy P.* Preparing for the Twenty-First Century. P. 69.

[291] *Castells M.* The Rise of the Network Society. P. 134.

[292] См.: *Brown L.R., Flavin Ch., French H., et al.* State of the World 1997. P. 55, 119.

выживания их народов. Мы уже отмечали, что постиндустриальное сообщество жестко задает тенденции к снижению темпов роста сельскохозяйственного и промышленного производства, и это неизбежно в условиях перехода на новый этап постэкономической трансформации; в результате перспективы «четвертого мира» драматически изменяются. Если между 1950 и 1990 годами мировое производство зерна выросло на 182%, то с 1990 по 1996 год оно увеличилось лишь на 3%; это означает, что среднедушевое производство зерна в мире сократилось с рекордного уровня в 346 кг в 1984 году до 336 кг в 1990 году и 313 кг в 1996 году, что соответствует темпу почти в −0,9% в год[293]. Вполне понятно, что наиболее негативное влияние эти общемировые тенденции оказывают на страны Африки, Южной Азии и Латинской Америки; но снижение выработки зерновых лишь подчеркивает общую тенденцию как во всем сельском хозяйстве развивающихся государств (с 1985 по 1989 год среднедушевое производство продовольствия упало в 94 [!] странах), так и в экономике «четвертого мира» в целом (в 80-е годы среднедушевые доходы сократились в 40 государствах)[294]. В 13 странах, среди которых Никарагуа, Кения, Заир, Камбоджа, Эфиопия, Афганистан и некоторые другие, сегодня производится и потребляется меньше продовольствия на душу населения, чем тридцать (!) лет назад[295]; всего же на территориях, охваченных процессами резкого падения производства, живет около четверти населения земного шара. Особенно следует отметить то обстоятельство, что если в 1990 году насчитывалось всего семь стран, в которых среднедушевые доходы были меньшими, чем в 1960 году, то к 1996-му их стало девятнадцать[296].

Анализ экономической политики стран «четвертого мира» свидетельствует еще об одной важной закономерности. Те из них, кто ориентировался на извлечение всех возможных преимуществ из хозяйственных контактов с внешним миром, обнаруживали рост объемов производства и иных макроэкономических показателей, и он отчетливо коррелировал со степенью открытости их экономик; прецеденты отрицательного роста валового национального продукта на душу населения в этих государствах отсутствовали и отсутствуют. Страны же, сводившие контакты с внешним миром к минимуму, до 70-х годов имевшие относительно удовлетворительные темпы роста, оказались в последние двадцать лет в экономическом тупике: половина государств, «умеренно» ориентированных на минималь-

---

[293] См.: *Brown L.R., Flavin Ch., French H., et al.* State of the World 1997. P. 24-25.

[294] См.: *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J.* Beyond the Limits. P. 5.

[295] См.: *Caufield C.* Masters of Illusion. The World Bank and the Poverty of Nations. N.Y., 1997. P. 332.

[296] Ibid. P. 331.

ные контакты с внешним миром, стали допускать снижение среднедушевого показателя ВНП, а в группе стран, значительно ограничивавших контакты с соседями, подобная динамика была отмечена у четырех пятых их общего числа[297]. Последнее показывает всю сложность и противоречивость положения современного «четвертого мира»: он не может не только развиваться, но даже поддерживать существующие стандарты потребления без взаимодействия с Западом, и в то же время такое взаимодействие не может быть сегодня ни равноправным, ни партнерским.

Полная противоположность отношений постиндустриальных стран с «четвертым миром» и растущими экономиками Юго-Восточной Азии иллюстрируется следующими фактами. Если из азиатских стран Запад импортирует по искусственно завышенным ценам продукты массового индустриального производства, а экспортирует по искусственно заниженным ценам информацию и технологии, то в отношении бедных государств предметом экспорта являются как раз промышленные товары, а импортируются в основном сырье и иные виды ресурсов. В результате сокращения спроса на них возник беспрецедентный дисбаланс в торговле с территориями Юга; индекс цен на получаемые оттуда товары снизился с 1974 по 1991 год почти в три с половиной раза; для поддержания приемлемых уровней импорта промышленных товаров развивающиеся страны вынуждены были в этой ситуации все более активно привлекать кредиты западных правительств, частных банков и международных финансовых организаций[298]. Если в 1974 году общий объем внешнего долга развивающихся стран составлял 135 млрд. долл., то к 1981 году он достиг 751 млрд., а в начале 90-х годов — 1,935 трлн.[299]; при этом наиболее быстрыми темпами росли долги центральноафриканских стран, надежды которых на устойчивое хозяйственное развитие выглядят иллюзорными[300]. К 1992 году отношение объемов внешних заимствований к валовому национальному продукту по сравнению с аналогичным показателем 1980 года составляло в Индонезии 67 против 29%, в Марокко — 77 против 53%, на Ямайке — 153 против 78%, в Гайане — 768 против 147% и так далее[301].

Подобный вариант «глобализации» хозяйства, приводящий к тому, что «доля в мировой торговле наиболее бедных государств, в которых проживает 20% населения мира, в период с 1960 по 1990 год

---

[297] Подробнее см.: *Dicken P.* Global Shift. P. 179.

[298] См.: *Weizsäcker E.U., von.* Earth Politics. P. 97.

[299] См.: *Greider W.* One World, Ready or Not. P. 282.

[300] См.: *Brockway G.P.* The End of Economic Man. P. 202-203.

[301] См.: *Caufield C.* Masters of Illusion. P. 165.

сократилась с 4 до менее чем 1%»[302], обусловливает два серьезных последствия.

Во-первых, страны «четвертого мира» становятся нетто-поставщиками продукции в постиндустриальные регионы, а в последние годы также и нетто-поставщиками капитала. В 1994 году сумма текущих заимствований развивающихся стран, достигшая 167,8 млрд. долл., впервые оказалась меньше выплаченных по кредитам процентов — 169,5 млрд. долл. Запад получил чистый финансовый трансферт на сумму более 1,7 млрд. долл.[303], хотя в действительности эта сумма намного больше, так как условия зависимости, в которые поставлены бедные страны, позволяют играть на ценах и диктовать направления использования кредитов. Это ведет к дальнейшему обнищанию стран Юга, чреватому, как отмечалось выше, опасными экологическими, национальными, военными и даже эпидемиологическими катаклизмами, способными отразиться на большинстве населения планеты.

Во-вторых, накопление безнадежных долгов опасно для стабильности финансовой системы самих постиндустриальных стран. Вложение средств в экономику «четвертого мира», пока еще приносящее проценты, выплачиваемые за счет новых кредитов, может закончиться таким же образом, каким обычно и заканчивается кредитование банкрота: кредитор оказывается собственником сомнительных и никому не нужных «активов», само сохранение которых требует дополнительных средств. Поэтому предложение ряда развивающихся стран относительно постепенного и контролируемого списания долгов или их существенной переструктуризации представляется не самым плохим решением проблемы. Однако оно оставляет открытым важнейший вопрос о том, каким образом расходуются как заемные средства, так и деньги, которые можно было бы сэкономить в ходе осуществления программы списания задолженности.

Возможность решения проблем «четвертого мира» определит, на наш взгляд, устойчивость политической ситуации в мире в первой половине XXI века. В ближайшие десятилетия три региона — Северная и Центральная Африка, некоторые страны Южной Азии и наиболее отсталые государства Латинской Америки — окажутся реципиентами более четырех пятых всей экономической помощи, выделяемой постиндустриальным миром в пользу слаборазвитых стран[304]. В этих условиях разумно ожидать, что ведущие державы будут строить свои отношения с данными регионами на основании

---

[302] *Baud M.-F.* Market Globalization // UNESCO Courier. 1996. No 11. P. 34.

[303] См.: *Caufield C.* Masters of Illusion. P. 335.

[304] См.: *Duchin F., Lange G.-M., et al.* The Future of the Environment. P. 21.

принципов, которые можно назвать *принципами обновленного колониализма*. Сегодня не стоит, как это нередко делалось ранее, предполагать, что «доминирующее движение исторических сил в XXI веке может привести к следующим результатам: благодаря экономическому развитию демократия и личная независимость становятся настоятельной необходимостью; мгновенная международная связь ослабляет власть деспотических правительств; увеличение числа демократических государств сокращает возможности для конфликта»[305]; распространение западных ценностей не примет таких широких масштабов, как хотелось бы многим, *в первую очередь потому*, что *сами эти ценности являются постэкономическими и не могут быть восприняты там, где еще не пройдена в полной мере даже экономическая стадия социального развития.*

Речь должна идти, по-видимому, о целом ряде экстраординарных мер, которые следовало бы применить по отношению к странам, явно относящимся к «четвертому миру». Осознав исходящие оттуда опасности, постэкономические державы, скорее всего, сочтут за благо отказаться от требований по долговым обязательствам, списать существующую задолженность и накопленные проценты, а также предоставить этим государствам серьезные финансовые трансферты для обеспечения их экологической безопасности и социального развития. Авторы Доклада о положении в мире высказывают похожие, но не до конца последовательные предложения, когда пишут: «Кредиторам пора ликвидировать основную часть обязательств правительств... 32 наиболее обремененных долгами стран... примерно 200 млрд. долл., в обмен на гарантии безопасности людей: должники должны взять на себя обязательства сократить свои военные расходы и численность вооруженных сил и инвестировать ресурсы, которые в противном случае пошли бы на погашение долга, в социальную сферу и охрану окружающей среды»[306]. На наш взгляд, подобная программа не приведет к реальным позитивным изменениям, поскольку сэкономленные средства не будут использованы на необходимые нужды, а проблемы военной и политической напряженности отнюдь не потеряют всей остроты.

Единственный реальный выход мы видим в действиях, скоординированных в рамках мирового сообщества и направленных на устранение экологических и гуманитарных опасностей, исходящих из слаборазвитых регионов мира. Сегодня человечество признает возможным использовать силы Организации Объединенных Наций для предотвращения организованного насилия и этнических конфликтов. В ближайшем будущем должно созреть понимание необходимости также солидарно реагировать на нарастание неспособности

---

[305] *Bartley R.L.* The Case for Optimism // Foreign Affairs. 1993. No 4. P. 17.

[306] *Brown L.R., Flavin Ch., French H., et al.* State of the World 1997. P. 131.

целых стран обеспечивать свое население необходимыми средствами существования и поддерживать должное состояние среды обитания. Такое реагирование должно быть жестким и эффективным: экономическая помощь поступает при условии прекращения суверенитета национальных правительств над терпящими экономическое и экологическое бедствие территориями и передачи управления ими в руки международной организации или отдельных стран в рамках международного органа, который получил бы вновь, причем в расширенном масштабе, функции ранее упраздненного Организацией Объединенных Наций Совета по опеке.

В нынешних условиях призывы к установлению равноправных отношений между постиндустриальными регионами и развивающимися странами остаются совершенно нереальными. Современная западная модель показала, что даже относительно высокоиндустриализованные и развитые экономики (например, в бывшем СССР и в прежних странах Восточного блока) не способны противостоять системе, главные ресурсы которой представлены информационными продуктами и технологиями — средствами, которые в странах «четвертого мира» сегодня не только не могут быть произведены, но даже адекватно использованы. В постиндустриальных сообществах материальное потребление перестает быть основным мотивом человеческой деятельности; развитие же, принимающее постэкономический характер, открывает возможности для серьезного пересмотра вопроса о приоритетных направлениях инвестирования материальных ресурсов. Одним из важнейших приоритетов, если не самым важным, становится поддержка наиболее бедных стран ради обеспечения устойчивого развития всего человечества как единого целого. Сегодня у западного мира нет достаточных для этого средств; в то же время углубляется понимание необходимости сделать все возможное, чтобы предотвратить деградацию как народов, так и природной среды в Африке, Азии и части Латинской Америки. Ради этого придется, возможно, пожертвовать ростом текущего потребления материальных благ в постиндустриальной части мира и темпами его хозяйственного прогресса, ибо альтернативной жертвой может стать судьба всей цивилизации.

* * * * *

Подводя итоги этой части, отметим прежде всего, что становление постэкономического состояния цивилизации представляет собой постепенный, эволюционный процесс, не допускающий радикальных скачков и прорывов. Изменения последних трех десятилетий, воспринятые на всех континентах как своего рода хозяйственная, политическая и социальная революция, в действительности суть естественный результат процессов, развивавшихся в недрах западного мира на протяжении всего заключительного периода индустриальной эпохи.

Нынешнее тысячелетие завершается в условиях, когда обозначились границы первого этапа постэкономической трансформации. Начавшись в наиболее развитых постиндустриальных странах, она фактически не затронула остальную часть человечества, однако ее последствия привели к такому пониманию ближайших перспектив развития цивилизации и современной геополитической ситуации, которое коренным образом отличается от аналитических конструкций тридцатилетней давности.

Во-первых, потерпели крах хозяйственные системы, нацеленные на преодоление экономического типа социального устройства через бескомпромиссное отрицание поверхностных форм проявления экономических процессов. Единственное направление выхода человечества за рамки экономического общества представлено сегодня странами Запада, развитие которых базируется на творческих способностях человека, формировании новой системы мотивов и предпочтений, повышении роли социопсихологических факторов в качестве движущих сил общественной эволюции. Создание условий для личностного роста, опора на новый тип саморазвивающегося хозяйственного механизма приводят к тому, что современные постиндустриальные общества не выступают как три враждующих «центра силы», а представляют собой единственный «полюс», реально определяющий ситуацию в мире.

Во-вторых, уже сегодня стало более или менее очевидно, что формирующаяся постэкономическая система обладает свойством самодостаточности. В современном мире развитие личности оказывается источником и условием технологического прогресса; переориентация производства на преимущественное создание информации и знаний сокращает потребности в использовании материальных ресурсов и энергии, а последнее, преодолевая зависимость

развитых стран от прочих регионов планеты, дает новый импульс хозяйственному развитию. Анализ протекающих в недрах постиндустриальной цивилизации процессов показывает, что прежние экономические отношения преодолеваются по всем основным направлениям все более активно и необратимо.

В-третьих, постэкономический мир далеко продвинулся в установлении хозяйственного контроля над остальной частью человечества. По мере того как все большую долю экспорта постиндустриальных стран начинают составлять информация и знания, возникает ситуация, в которой эти государства оказываются способными приобретать как сырьевые ресурсы, так и готовую продукцию третьих стран, фактически не утрачивая собственного национального достояния; при этом поставка в остальной мир условий и технологий производства в обмен на его результаты не означает, что развитые страны проявляют склонность к хозяйственному паразитизму. Напротив, их производство растет не только в сфере создания услуг и информации, но и в его индустриальной составляющей, смещающейся, однако, в сторону наиболее высокотехнологичных отраслей. Хозяйственный баланс *постэкономического* мира, выраженный сегодня еще в *макроэкономических* категориях, при всех отмечаемых противоречиях также остается стабильным и контролируемым: даже получая из новых индустриальных государств относительно переоцененные промышленные изделия, постэкономические державы вполне компенсируют это использованием поставляемых из развивающихся стран ресурсов, которые современная трансформация сделала в не менее радикальной мере недооцененными.

Таким образом, развитие постэкономических принципов приводит к укреплению преимущественно положительных, открытых в будущее тенденций, обнаруживающихся в эволюции воспринявших их стран. Лидеры постэкономических преобразований начинают ныне пожинать плоды усилий, многие из которых относятся еще к 70-м и 80-м годам, когда был заложен фундамент этой трансформации; в результате развитые страны Запада представляют собой сегодня вполне здоровые хозяйственные системы, стабильному и динамичному развитию которых не могут угрожать никакие экономические факторы.

Между тем следует констатировать, что начальная стадия постэкономической революции в основном завершена: постиндустриальный мир не только достиг состояния, гарантирующего продолжительное и относительно устойчивое развитие, не только сделал важные шаги на пути к формированию адекватной этому состоянию системы мотивации и совершил целый ряд технологических прорывов, но и радикально обособился от остального мира; тем

самым положено начало новому этапу развития цивилизации, содержанием которого, на наш взгляд, станут два важнейших процесса.

С одной стороны, страны, направляющиеся по пути постэкономического развития, испытывают необходимость в поиске и утверждении адекватных новым тенденциям форм их проявления и выражения. Мы подробно проанализировали эту проблему, не сводящуюся, разумеется, к созданию системы неэкономических индикаторов хозяйственного роста или поиску закономерностей, приходящих на смену закону стоимости. Ситуация гораздо более сложна, и должно пройти не одно десятилетие, пока люди, уже сегодня нередко действующие вне экономических форм мотивации, привьют подобные принципы коллективам, компаниям и корпорациям, региональным и центральным правительствам. Этот процесс не может быть простым. Современные диспропорции в стоимостных оценках, в отношениях собственности если и не делают граждан развитых стран богаче, чем они есть на самом деле, то, по крайне мере, создают весьма устойчивую иллюзию их высокого благосостояния. Парадокс, скрывающийся за данным явлением, состоит в том, что люди действительно богаты, но их делает таковыми обладание информацией и знаниями, и это достояние не может адекватно выразиться в совокупности присваиваемых ими материальных благ. *Суть нового этапа постэкономической трансформации в значительной мере будет состоять в обеспечении параллельного и непротиворечивого укрепления неэкономической составляющей общественных интересов и формирования системы новых оценок хозяйственных процессов.*

С другой стороны, при всей самодостаточности постэкономического сообщества постиндустриальные страны не могут не принимать в расчет тенденций во внешнем мире, представляющихся опасными для эволюционного развертывания современной трансформации. В той или иной степени возникающие проблемы связаны с тем, что развитые страны, все более обосабливающиеся от остального человечества, представляют собой слишком малую его часть и обладают недостаточными хозяйственными, естественными и даже людскими ресурсами для эффективного контроля над всей цивилизацией. При этом природа постэкономического сообщества не предполагает исполнения входящими в него странами каких-либо полицейских функций; напротив, формирующийся социум по своей природе интравертен, и его территориальная ограниченность сопряжена с опасностью неконтролируемого развития событий в других частях земного шара.

С этой точки зрения открывающийся этап должен, по-видимому, стать продолжительным периодом осмысления постэкономическими странами своего места в мире. Наиболее вероятными кажутся нам два варианта дальнейшего развития событий. В соответ-

ствии с *первым*, предпочтительным, часть развивающихся стран, успешно проводящих процесс индустриализации и воспринимающих западный тип социальных ценностей, примкнет к постэкономической цивилизации, обеспечив этому типу социальной организации полное доминирование в мировом масштабе; одновременно постэкономические страны будут искать эффективные способы оказания целенаправленной помощи населению стран «четвертого мира»; тем самым будут преодолены тенденции к его абсолютному обнищанию и нарастанию риска экологических катастроф в южных регионах планеты. В случае реализации *второго* варианта новые индустриальные страны не смогут вступить в сообщество постэкономических держав, которые еще более ускорят свое хозяйственное развитие; в такой, гораздо менее благоприятной, ситуации наиболее развитые государства также будут вынуждены предпринять широкомасштабные действия по поддержанию «четвертого мира», однако в лице индустриализовавшихся стран будут иметь потенциального противника, действия которого (как политические, так и экологические) фактически невозможно контролировать. Следует также предположить и некоторые экстремальные варианты, в рамках которых отдельные, не входящие в постиндустриальное сообщество, нации могут попытаться совместно противостоять постэкономическому миру (хотя сегодня, в условиях, когда человечество находится в серьезной технологической и хозяйственной зависимости от ведущих держав, подобные варианты не кажутся вполне реальными).

Таким образом, магистральный путь становления нового общества может быть обеспечен, как мы полагаем, политикой, направленной на обеспечение лояльности новых индустриальных стран постэкономическому миру. Развитым странам не уйти от того факта, что экологические и социальные проблемы окажутся не столь острыми, если обеспечить все возможные условия для расширения сообщества постэкономических держав, чем во всех прочих ситуациях. Такая политика должна также противодействовать политическим и экологическим опасностям, исходящим от «четвертого мира». Она призвана обеспечить, чтобы «третий мир» имел перед собой только постэкономическое сообщество как желанную цель и не имел позади себя стран, которые он был бы способен возглавить в качестве потенциального лидера. Сегодня принцип «разделяй и властвуй», который *должен быть применен* постэкономическими странами при любом варианте развития событий в первой половине наступающего столетия, не является выражением стремления к господству над остальным человечеством; этот принцип облегчает народам переход к новому общественному состоянию, которому — и это совершенно очевидно — нет и не может быть разумной альтернативы; этот принцип позволяет человечеству пе-

режить самую глобальную трансформацию в своей истории так, чтобы у него не осталось воспоминаний о ней как об эпохе войн и насилия. *Преодоление революционной формы у революционных по своей сущности изменений должно стать главной целью и постоянным ориентиром человечества на новом этапе становления постэкономического мира.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начав эту книгу с рассмотрения теорий истории, созданных европейскими философами на протяжении долгих веков, мы акцентировали внимание на том, что двумя важнейшими составляющими каждой исторической доктрины являются, с одной стороны, осмысленные ее автором факты и, с другой — его личная методологическая позиция, в значительной мере заданная субъективными чертами его мировосприятия. Такая двойственность присуща любой теории, но если естественные науки далеко продвинулись в сторону объективизации знания, отошли от бездоказательных схем и обосновывают все большее количество постулатов, ранее принимавшихся как очевидные, то зависимость исторических концепций от мировоззрения и социальных ориентиров их создателей не претерпевает существенных изменений на протяжении столетий. Особого внимания заслуживает одна из таких субъективных особенностей, воспроизводящаяся вновь и вновь, независимо от того, насколько совершенной оказывается очередная интерпретация прогресса.

Социальные теории отличаются от естественнонаучных не только тем, что имеют дело с постоянно изменяющимся предметом исследования; они и сами служат важнейшим фактором его трансформации. Именно поэтому субъективные нюансы авторской позиции выходят в обществоведении на первый план. Важнейшим же предрассудком, в той или иной мере проявляющимся в рамках фактически любой исторической концепции, мы считаем рассмотрение эпохи, современной автору, в качестве главного переломного момента в историческом процессе. Разумеется, никто из историков не представляет себе траекторию развития цивилизации в виде прямой линии, а в сложном и противоречивом движении к определенной цели всегда можно отметить судьбоносные моменты. Данное обстоятельство порождает множество проблем,

причем отнюдь не только теоретических, выступает своего рода платой за возможность преодоления узких рамок концепций глобального круговращения, свободных от данного предрассудка и в то же время неспособных объяснить ни подлинного характера истории, ни большинства закономерностей общественного развития.

Как бы ни были различны теории св. Августина и Маркса, Гегеля и современных представителей постмодернизма, они схожи в своем отношении к «текущему моменту», который безусловно признается ими наиболее значимым для истории человечества. В этом аспекте прогресс оказывается гораздо более медленным, нежели собственно в научном осмыслении закономерностей исторического развития; степень продвижения вперед можно фиксировать, лишь разобравшись, в какой мере данное заблуждение обусловлено самой доктриной, сколь явно оно противоречит ее основным постулатам и насколько упорны авторы в своем следовании ему.

Идея св. Августина о противопоставлении эпохи, простирающейся от Рождества Христова до Страшного Суда, множеству предшествующих этапов, отражающих хронологию библейских событий, была ошибочной. Однако эта ошибка содержалась в теории, фактически породившей современное мировоззрение; она была сделана менее чем через четыреста лет после начала активного распространения христианства, когда таковое действительно представлялось последним шагом к искуплению земных грехов человечества, а мысль о бренности земного града не могла не посетить автора, не дожившего лишь нескольких месяцев до захвата и уничтожения вандалами его родного Гиппона. Совершенно иную цену имеют подобные предрассудки в наши дни. Родившись заново с формированием основ современного общества, они приобрели беспрецедентное распространение. Попирая фундамент собственных концепций, разрушая их внутреннюю логику и пренебрегая аргументами, которые они сами только что использовали, философы всех идеологических направлений пытались и пытаются превзойти друг друга в выпячивании значимости современной им эпохи для прогресса человеческого рода. При этом если отцы христианства на заре его распространения искренне стремились усовершенствовать мир через развитие человека, то теоретики нашего времени упорно считают ниже своего достоинства и призвания реформирование тех начал земного миропорядка, которые были помещены Господом в душу человеческого существа. Только масштабы всего материального civitas terrestris признаются ими адекватным объектом приложения столь благородных усилий. И уже более двухсот лет человечество в муках переживает каждую новую волну подобного реформаторства.

Середина XVIII века. Европа вступает в эпоху Разума, пережив, казалось бы, один из самых страшных этапов своей истории, оста-

вив позади исполненный исключительно резких противоречий период позднего средневековья, когда европейцы гибли в колониальных войнах на других континентах и истребляли друг друга в религиозных междуусобицах, Святой престол покровительствовал искусствам и санкционировал невиданный размах инквизиции, хозяйственный прогресс в протестантских странах был заметен, пожалуй, не более, чем ощущался кризис крупных европейских монархий. В этих условиях стремление рационализировать существующий порядок, установить более справедливые социальные отношения, полностью реализовать возможности наук и искусств, сделать человечество лучше, чем оно есть, приняло больший размах, чем когда бы то ни было ранее в мировой истории. Наступление новой эпохи казалось абсолютно неизбежным; подобные идеи выдвигались не отдельными мыслителями, не кучкой заговорщиков — о них говорили все. Философы и историки, экономисты и политики были убеждены в необходимости обновления, они благосклонно выслушивались сильными мира сего, иногда их приближали к трону, некоторые из них сами становились воплощением власти, большинство были обласканы самодержцами всех частей континента. Что же проповедовали эти люди, на чем основывали свои теории?

Полагая, что прогресс разума, под которым в большинстве случаев понималось развитие наук, искусств и техники, достиг такого размаха, что путь к установлению справедливого мирового порядка уже открыт, идеологи Просвещения уверенно заявляли, что все предшествующие эпохи — периоды формирования общественного хозяйства, описанные А.Фергюсоном и А.Смитом, или этапы эволюции человеческого разума в изложении Ж.-А. де Кондорсе — могут быть оставлены в прошлом, открывая дорогу поистине новой цивилизации. Что необходимо для этого? Ответ очевиден — следует раз и навсегда избавиться от формального неравенства, от оков несвободы, нужно раскрепостить человеческий дух, дать простор для развития индустрии, наук и искусств, обеспечить людям те равные права, которые дарованы им божественной волей, — этим в основном и ограничивались мечтания века, который и сегодня кажется одной из самых величественных страниц европейской истории. Что нужно для достижения этих целей? И здесь существовало относительное единодушие: все философы, за очень небольшим исключением, полагали, что воля просвещенных монархов, высочайшее соизволение осуществить реформы способны обеспечить установление царства свободы, равенства и братства в мировом масштабе уже в ближайшем будущем и безо всяких катастрофических потрясений.

Цели, намеченные философами, были благородны. Средства грядущих преобразований казались ясными. Но государи не захотели

услышать слова о равенстве и справедливости, которые сегодня могут показаться весьма наивными. Их услышали другие люди, которые, восприняв элементы новых воззрений, не могли смириться с тем, что им не придется дожить до триумфа нового строя, казавшегося сколь очевидным, столь и близким. Результат известен. Вместо долгожданного равенства революционеры обрушили на народ кровавые репрессии. Гражданская война, охватившая Францию, происходила на фоне непрекращающегося взаимоистребления революционных клик, действовавших в традициях пресловутой гоббсовской «войны всех против всех». Почти на тридцать лет Европа была ввергнута в состояние непрекращающейся бойни. Что было достигнуто? Во всех воюющих странах погибли сотни тысяч людей, экономические процессы замедлились, задачи, которые призвана была решить революция, остались по-прежнему актуальными. Революционеры хотели просвещенной монархии? Они получили у нового трона Талейрана и Фуше, заменивших Тюрго и Калонна. Они стремились к экономической свободе и процветанию? В 1815 году Франция находилась в более плачевном положении, чем в 1789-м. Была ли воплощена идея свободы, равенства и братства? Эти слова остались только на вывесках и монетах, а к нищим крестьянским департаментам добавились пауперизированные кварталы городского фабричного пролетариата.

Отметим характерный момент. Европейские державы одержали победу над армиями узурпатора; династия возвращена на трон, а Франция вступила в самый продолжительный в ее истории период мира. Экономический подъем наметился уже в начале 20-х годов, монархия была устранена в 1848-м, и, пресекая впоследствии попытки радикальных социальных экспериментов, Франция сегодня представляет собой одну из наиболее развитых постиндустриальных держав. Но многие ли французы не боготворят Наполеона, не принесшего их родине ничего, кроме несчастий; многие ли историки считают возможным отказаться от трактовки Священного союза как реакционной организации, стремившейся затормозить развитие европейских государств? И одних, и других очень мало. И это заставляет задуматься о многом.

Прошло сто лет с тех времен, как Просветители возвестили наступление царства Разума. Неравенство за этот период стало еще более резким, эксплуатация еще более нестерпимой. Старые дворянские привилегии заменились властью денег. Естественно, что идея равенства и справедливости не стала от этого менее популярной. И новыми философами была рождена новая идея.

На этот раз концепция представляла собой подлинно научное осмысление истории. Как и многие предшествующие ей теории, но значительно более последовательно и скрупулезно, рассматривала она хозяйственный прогресс в качестве основы эволюции соци-

ального организма. Обращаясь к прошлому, она отмечала период детства человеческого рода, не затронутый экономическими закономерностями, эпоху крайне медленного развития и крайне слабых социальных связей. Оценивая настоящее, она показывала, как и когда первый период сменился эпохой доминирования экономических отношений, демонстрировала их внутренний потенциал и раскрывала механизм их саморазвития, обеспечивающий прогрессивное движение всего общественного целого. Предвосхищая будущее, марксистская теория впервые убедительно аргументировала неизбежность становления общества, которое ее основоположники называли коммунистическим, рассматривала его как третью фундаментальную фазу социального прогресса и отмечала, что выход в гипотетическое «царство свободы» невозможен без радикального хозяйственного переустройства, неизбежно вытекающего из достижения человечеством качественно нового уровня развития производительных сил.

Эта картина была безусловно более совершенной, нежели нарисованная Просветителями. Она описывала реальный ход исторического развития и раскрывала его подлинный источник. Каким же должен был стать естественный вывод из подобного понимания истории? Крах экономического общества столь же несомненен, как и обеспечиваемый этим обществом хозяйственный прогресс. Развитие производительных сил неизбежно вызовет реформирование производственных отношений таким образом, что нарушенное соответствие будет восстановлено, и с этого периода начнется формирование новой, коммунистической системы.

Но процесс развития производительных сил постепенен и не происходит мгновенно; между тем экономическая общественная формация уже достигла своего наивысшего развития. Так ли уж необходимо развитие по нисходящей, не проще ли радикальным образом немедленно изменить основы общественного строя? В результате сделанные марксистами практические рекомендации фундаментально противоречили их теоретическим положениям. Описывая становление экономической общественной формации, занявшее в истории не одно тысячелетие, революционеры сочли, что преодоление ее основ возможно в течение нескольких лет. Констатируя, что современные им средства производства не дают возможности обеспечить коммунистические принципы производства и распределения, они заявляли, что производительные силы уже вошли с производственными отношениями в то финальное противоречие, разрешить которое может лишь революция, насильственно свергающая буржуазный строй. И, наконец, прекрасно понимая, что никогда ранее ни один из полярных классов азиатского, античного или феодального общества не становился господствующим в рамках нового строя, основатели марксизма уверенно называли

пролетариат, наиболее организованный, но в середине прошлого века также и наиболее пауперизированный и отчужденный от достижений прогресса класс, в качестве главной движущей силы предлагаемых преобразований.

Кажется, что даже порция яда, позволившая Ж.-А. де Кондорсе избежать гильотины, менее противоречила его идеям о торжестве разума, чем теория пролетарской революции диссонировала с гуманистическим и научным основанием марксистского учения. Но в той же степени, в какой призывы *ami du peuple* были далеки от философских исканий Вольтера и А.Шефтсбери, речи революционеров начала XX века оказались оторванными от фундаментальных идей социальной эволюции, изложенных в теории общественных формаций. Однако упрощение и примитивизация теории успешно послужили ее распространению и на этот раз, причем все повторилось вновь, фактически прежним образом, с той лишь разницей, что границы мира, вовлеченного в новое противостояние, расширились от пределов западной части Европейского континента до масштабов всего земного шара.

Российская революция 1917 года показала, что с каждым новым столетием социальное экспериментаторство становится все более опасным, а стремление осчастливить человеческий род, прокламируемое революционерами, заканчивается тогда же, когда и раньше, — в момент их прихода к власти. Вновь была повторена гражданская война, вновь террор и насилие оказались направлены не только на реальных противников нового режима, но и на тех, кто лишь предположительно мог бы проявить к нему нелояльность. Победив и упрочив свои позиции, революционеры начали внутреннюю борьбу, пролив такое количество крови, которого, быть может, хватило бы и для обеспечения победы мировой революции. Предельно обострившиеся противоречия между новой и традиционной системами вызвали очередное всемирное противостояние, а затем холодную войну, в период которой стремление двух полярных блоков достичь своих целей приводило к конфликтам на всех континентах. Однако реалии XX века сделали военную победу над Восточным блоком невозможной; Западу потребовалось почти пятьдесят лет для того, чтобы дождаться его естественного крушения. Причем решающие преимущества в хозяйственном противостоянии со странами Восточного блока обеспечил Западу лишь выход за пределы индустриального производства; поражение так называемого социализма стало очевидным именно между серединой 70-х и началом 90-х годов, когда с полной ясностью обнаружилось, что он был неспособен к созданию и воспроизводству постиндустриальных структур. В 1989 году процесс деструкции советской системы обрел вполне зримые черты, и к середине 90-х годов постсоветские государства фактически перестали су-

ществовать как значимая сила в мировой экономике и политике. Ценой жизней десятков миллионов человек, невероятных затрат энергии на совершенствование и развитие вооружений, доведения планеты до грани экологической катастрофы силы, которые с точки зрения прежней логики могут быть названы реакционными, произвели вторую всемирную реставрацию; очередная революционная идея оказалась побеждена, а естественный ход хозяйственного и социального развития был восстановлен.

Заметим, что новая реставрация серьезно изменила отношение человечества к революционным доктринам. Военный и экономический союз западных стран, позволявший в течение полувека эффективно противодействовать распространению социалистической модели развития во всех уголках планеты, не уподобляется сегодня Священному союзу, хотя его роль в истории представляется вполне идентичной. И это не принижает значения Североатлантического альянса или других политических объединений западных стран; напротив, это позволяет более рационально взглянуть на прошлые исторические трансформации.

Французская революция и последовавшие за ней события, с одной стороны, и российская революция и всемирное политическое противостояние XX века — с другой, представляют собой весьма схожие явления. В обоих случаях начало революционным процессам было положено новыми социальными доктринами, ознаменовавшими тот факт, что с определенного момента изучение общества становится инструментом его модернизации, а задачи подлинно научного анализа вполне могут быть подменены стремлением к изменению общества в интересах определенных социальных групп. В обоих случаях на волне реального революционного процесса оказались люди, менее всего понимавшие глубинную суть принятой ими доктрины и стремившиеся использовать лишь ее лозунги в борьбе за собственные цели и интересы. В обоих случаях успешный политический переворот привел к гигантской волне насилия, направленного как вовне, так и внутрь самого революционного лагеря, к исключению страны или стран из нормального эволюционного развития, к конфронтации с остальным миром и, наконец, к бесславному завершению эксперимента, оставившего участвовавшие в нем народы на обочине хозяйственного прогресса.

Но стали ли идеалы свободы, равенства и братства, идея «царства Разума» менее привлекательными после 1815 года? Оказалось ли представление о будущем обществе как свободном от сословных и классовых различий менее желанным оттого, что лучшие представители дворянства истребили друг друга, а худшие оказались около трона? Вряд ли. Разве идеи коммунизма в их позитивном аспекте можно считать полностью обанкротившимися? Неужели с

учетом сегодняшнего опыта можно говорить о том, что концепция нового, неэкономического общества оказалась несостоятельной? Ни в коем случае. И именно это обстоятельство заставляет задуматься о том глобальном уроке, который преподнесли человечеству два величайших революционных движения последних столетий.

Обе революции были вызваны стремлением к созданию более справедливого строя. Ни кучка революционеров в 1789-м, ни группа политических эмигрантов в 1917-м не смогли бы прийти к власти, если бы они крайне умело не использовали желание народа изменить существовавший порядок вещей. В первом случае речь шла о формировании основ общества, предполагающего свободу предпринимательства и развитие капиталистических тенденций, во втором — социума, свободного от всякой эксплуатации и неэкономического по своей природе. В начале XIX века против революционной, передовой Франции объединились монархические Британия и Пруссия. Но разве не эти «реакционные» страны уже через несколько десятков лет преподнесли Франции столь полезные для нее уроки развития того капитализма, который стремились форсированно создать французские революционеры? Разве современный Запад победил СССР в экономическом противостоянии не методами формирования постэкономического общества, которое коммунисты десятилетиями строили только на словах? Важнейший урок, который человечество должно вынести из катаклизмов прошедших столетий, заключается в том, что реальный прогресс может быть только эволюционным, что искусственно подталкивать процессы, имеющие вполне объективную динамику и свои внутренние законы, — значит наиболее радикальным образом нарушать внутреннюю логику развития цивилизации. И если понимание действительного смысла французской революции в подобном ключе не пришло окончательно и сегодня, двести лет спустя, то иллюзии относительно природы русской революции рассеялись еще до окончания коммунистического эксперимента, и это внушает большие надежды.

В конце XX века человечество стало осознавать опасность и вред радикальных революционных скачков; возникло смутное, но становящееся все более осмысленным понимание того, что эволюционное развитие является залогом наиболее последовательного социального прогресса. Однако сегодня, когда страны свободного мира только начинают в полной мере ощущать результаты победы в глобальном противостоянии, слова о революции произносятся чаще, чем когда бы то ни было ранее. Соответствует ли это потребностям нашей эпохи и не отражает ли подобный настрой неисчерпанности стремления реформировать общество, предварительно сделав общепризнанным понимание его как некоего переходного строя?

Конечно же, подобная трактовка сегодня будет отметаться, как говорится, «с порога», ибо все убеждены в том, что современная революция — технологическая или информационная — не является ни аналогом пролетарского восстания, ни прелюдией к чему-то подобному, и их не следует даже сравнивать. Однако не нужно забывать и того, что гигантские социальные волнения прошлого были обусловлены не только мечтаниями политических философов, но и крупными переворотами в технологии и хозяйстве. Разве не замещение ремесла мануфактурным производством вызвало потрясения конца XVIII — середины XIX века? Разве не противоречия фабричной системы обусловили пролетарские движения начала следующего столетия? На наш взгляд, исследователи, возвещающие становление постиндустриального, технотронного, информационного общества, подобными определениями лишь будоражат сознание читателя, пренебрегая тем очевидным обстоятельством, что феодальный строй не был обществом сохи и молотка, равно как и капиталистический не являлся социумом паровой машины и двигателя внутреннего сгорания. Ни в прошлом, ни в будущем общество не может быть адекватно определено без обращения к его внутренним, сугубо социальным связям и отношениям; для глубокого понимания направления развития недостаточно даже самого полного и подробного описания основ технологического прогресса. И провозглашаемая сегодня информационная революция, безусловно, будет иметь своими основными последствиями именно социальные изменения, масштаб и противоречивость которых окажутся, возможно, не меньшими, чем масштаб и противоречивость событий, в которых участвовали предшествующие поколения.

Оптимисты могут говорить о том, что сейчас отсутствуют условия, способствовавшие радикальным социальным трансформациям прошлого. Сегодня нет ни революционного класса, изнывающего под бременем непомерной эксплуатации и ждущего лишь сигнала, чтобы поколебать основы существующего порядка. Сегодня нет сколь-либо распространенной в общественном масштабе теории, проповедующей подобное революционное изменение. Сегодня, наконец, нет и прежних противоречий, способных вызвать народное движение за ниспровержение несправедливого строя. Все это так. Однако сторонники подобных утверждений не учитывают одного важного обстоятельства, все более отчетливо проступающего в последние десятилетия. Та демассификация социума, которую, как правило, ограничивают лишь распространением индивидуального и мелкосерийного производства, с одной стороны, и модернизацией современного потребления — с другой, в реальности заключается прежде всего в кардинальных изменениях на уровне человеческого сознания, мотивации деятельности и поведения.

В таком контексте серьезно модифицируются роль и значение современной технологической революции. Даже не создавая класса, способного бороться за ниспровержение существующего строя, она порождает в каждом человеке стремления, коренным образом противоречащие характерным для экономической эпохи. Даже не формируя новой теории или идеологии, она привносит в сознание людей иные ценности, модифицирующие структуру мотивов деятельности сильнее, чем десятилетия коммунистической пропаганды. И, наконец, устраняя прежние противоречия, происходящие в наше время изменения неизбежно порождают новые, возникающие не между классами, а между отдельными индивидами. Мы оказываемся свидетелями некоей общественной дезинтеграции, потенциал которой не уменьшается от того, что она происходит в незаметных поверхностному наблюдателю формах. В «Курсе позитивной философии» О.Конт писал, что социология — наука об обществе — самая сложная из того ряда, в котором он располагал системы знаний человека о мире; позднее он изменил свою точку зрения, совершенно справедливо указав, что еще более сложной является психология — наука о самом человеке, его чувствах и эмоциях, действиях и поступках. Сегодня мы переходим из общества, основные закономерности которого лежат в социологической системе координат, к социуму, в котором доминируют сугубо личностные, психологические связи и отношения. И, разумеется, это новое состояние является более сложным не только как объект познания, но и как объект управления.

Для более полной картины позволим себе ненадолго вернуться к уже рассмотренным проблемам.

Утописты, мечтавшие о справедливом обществе без денег и рынка, считали условием его создания фактическое обращение населения в поголовное рабство. Марксисты, стремившиеся преодолеть рыночные законы, в течение десятилетий строили систему планомерного производства и распределения продуктов. Результаты известны: утопические иллюзии остались иллюзиями, их либеральные варианты потерпели крах вместе с банкротством системы справедливого обмена Р.Оуэна; социалистическое плановое хозяйство просуществовало несколько дольше, зато и последствия его гибели были более масштабными и деструктивными. Сегодня же стоимостной обмен активно преодолевается с утратой исчислимости самой стоимости, с потерей материальным производством основополагающей роли, с доминированием производства информации и знаний, оцениваемых прежде всего с точки зрения их общественной полезности. Наиболее весомым фактором данного процесса становится изменение самой природы человеческой деятельности, распространение надутилитарной мотивации, преодоление труда и замена его творческой активностью.

Сторонники теории Ш.Фурье стремились обобществить в фаланстере даже самые незначительные предметы домашнего обихода, единственно ради избавления от ненавистного им понятия частной собственности. В странах Восточной Европы коммунисты лишь изредка пытались на практике достичь подобного идеала, однако они смогли создать беспрецедентную хозяйственную систему, в которой государство владело всеми средствами производства, используя их в интересах правящей бюрократии. Творцы наиболее глубоких и оригинальных исторических теорий не могли предположить, что хозяйственное значение частной собственности может быть преодолено не *обобществлением* производства, а его глобальной и всесторонней *индивидуализацией*. Сегодня частная собственность, сформировавшаяся в рамках экономической эпохи как механизм присвоения материальных благ представителями имущих классов, быстро трансформируется под воздействием факторов, кардинально отличных от тех, которые должны были, по мнению революционеров, положить ей конец. Развитие новых технологий двинулось в том направлении, где главными факторами производства стали способности и знания работников — неотчуждаемые свойства каждого человека. А прогресс техники обеспечил реальную возможность личного владения средствами создания современных информационных продуктов. Собственники гигантов материального производства, еще несколько десятилетий тому назад доминировавшие в обществе, сегодня начинают зависеть от обладателей информации и знаний, переоцененных настолько, что новым предпринимателям становится все легче устанавливать контроль над промышленными империями. И вновь нельзя не отметить, что желанная независимость интеллектуального работника от владельцев собственности на материальные средства производства стала свершившимся фактом только в западных странах; там же, где недавно правили коммунисты, подавляющее большинство людей остаются в жесточайшей зависимости от новоявленных владельцев производственных мощностей и естественных ресурсов.

В течение столетий все социальные реформаторы полагали, что преодоление эксплуатации возможно только с уничтожением класса эксплуататоров. Как искатели справедливости в XVIII веке, так и революционеры нынешнего столетия преуспели в последнем как ни в чем ином. Однако оказалось, что устранение праздного класса не может сделать свободными ни крестьян, вынужденных трудиться в прежних условиях, ни рабочих, столь же тесно привязанных к средствам производства, пусть и находящимся не в собственности классово чуждых капиталистов, а во владении родного пролетарского государства. Борьбу с эксплуатацией повели, не понимая сути данного феномена, не сводящегося к факту от-

чуждения части производимого продукта, а определяемого тем, насколько такое отчуждение противоречит фундаментальным интересам производителя. Между тем в результате модернизации системы ценностей, порожденной информационным прогрессом и обретением знаниями статуса основного фактора производства, на первый план выдвигается не стремление максимизировать свое материальное богатство, а желание индивидуума совершенствоваться, раскрывая свой потенциал и получая социальное признание. Такое изменение устраняет не сам феномен отчуждения части производимого продукта, но те черты, которые превращали его в эксплуатацию. И вновь необходимо подчеркнуть, что в развитых постиндустриальных странах при перераспределении благ эксплуатация в классическом ее понимании не оказывает сейчас значимого влияния на социальные отношения, в то время как в бывших коммунистических государствах, где уровень жизни, и без того невысокий, катастрофически понизился в последние годы, волна консервативного реванша набирает силу именно под лозунгами более справедливого распределения национального богатства.

Все отмеченные процессы имеют общую глубинную основу — трансформацию характера человеческой деятельности. Современная технологическая революция вызвала два фундаментальных изменения: с одной стороны, она впервые в истории обеспечила удовлетворение основных материальных потребностей большинства членов общества и, с другой, сделала совершенствование самого человека не только делом его личного выбора, но и главным условием его социального признания. Сегодня, когда потребность в самосовершенствовании еще не стала столь превалирующей, каким недавно было повышение уровня материального благосостояния, в обществе действует механизм, стимулирующий постоянное развитие человеком своего интеллектуального потенциала, создающий конкуренцию знаний, подчас не менее жесткую, чем конкуренция собственности. С течением времени процесс самосовершенствования личности станет безусловной доминантой развития. Тогда творческая деятельность, порожденная стремлением к максимальной самореализации, полностью вытеснит труд, связанный с необходимостью удовлетворения материальных потребностей. Новая социальная структура, на первый взгляд, не может не быть более справедливой и гуманной по сравнению с прежней — ведь разве не к выходу человека за пределы «собственно материального производства», не к обеспечению условий всестороннего развития его личности стремились социальные реформаторы всех времен и народов? Однако нельзя не видеть, что традиционные формы социального взаимодействия должны уступить место новым, характер которых представляется сегодня совершенно неясным. Будучи расположенными как бы в различ-

ных плоскостях, интересы творческих личностей не пересекаются так, как интересы индивидов экономического общества; они не создают тех противоречий, которыми был пронизан этот социум, но в то же время они и не формируют единого результирующего вектора, задающего направление общественного прогресса. Можно ли быть уверенным, что проблемы, вызываемые этим обстоятельством, не перевесят преимущества, порожденные первым?

На наш взгляд, сегодня нет ничего более неразумного, чем представлять вызревающее общество как образец социальной гармонии. Преодолевая наиболее зрелые формы экономической общественной формации, человечество вступает в период ее нисходящего развития, в период преодоления и деструкции ее закономерностей. Между тем фаза упадка, какую бы общественную структуру мы ни рассматривали, никогда не была спокойным периодом эволюции. Упадок феодального строя, эволюционно снизив до минимума хозяйственное влияние аристократии, не произошел мирно, а почти три столетия обусловливал основные европейские катаклизмы. Упадок традиционного промышленного капитализма и переход к постиндустриальному обществу также не прошел гладко, и если бы не титанические усилия правительств по антикризисному регулированию в предвоенные годы и государственному финансированию научных и технологических исследований в послевоенные годы, неизвестно, чем бы закончилось глобальное противостояние XX века. Сегодня же мы вступаем в фазу гораздо более масштабного перехода, и недооценивать возможные опасности и противоречивость этой трансформации было бы крайне опасно.

Более того. Особый характер современной эпохе придает то обстоятельство, что о новом обществе, приходящем на смену существующему строю, ничего не известно. Если в период разрушения основ феодального строя сменяющие его структуры уже фактически оформились и ожидали лишь политического признания и новых возможностей для своего развития, если в условиях позднего капитализма также было относительно ясно, какие социальные проблемы заключают в себе наибольшую опасность и на каких путях возможно их преодоление, то сегодня ситуация выглядит совершенно иной. Новых социальных структур не существует; формируются лишь новые индивидуальные системы ценностей и предпочтений, формы и направления эволюции которых не представляются достаточно определенными. При этом сохраняющиеся социальные институты имеют в своих арсеналах лишь те инструменты урегулирования общественных конфликтов и противоречий, которые успешно использовались в прежнюю, экономическую эпоху, а сегодня могут стать не только неэффективными, но и опасными.

Поэтому нельзя не принимать во внимание, что человечество способно в ближайшие десятилетия достичь не только качественно нового уровня технологического и интеллектуального прогресса, но и невиданного ранее накала социальных противоречий и столкновений. На сей раз это вряд ли будут противостояния политических кланов, партий или даже отдельных общественных классов. Конфликты нового периода могут явиться из некоего сложного переплетения противоречий, возникающих между отдельными индивидами или между их сообществами, объединенными по параметрам сугубо субъективного характера.

Сегодня мы наблюдаем преодоление основ традиционного рыночного хозяйства. Огромное количество благ обменивается на другие без малейшего учета тех издержек, которые еще формируют цену на продукцию многих отраслей общественного производства. Переоцененность одних благ и целых отраслей соседствует с недооцененностью других; производительность деятельности, исчисляемая в тех показателях, в каких ее еще возможно исчислить, оказывается, напротив, гораздо более высокой в традиционном секторе, нежели в новейших, перспективных производствах. Между тем продолжают функционировать рыночные институты, большинство населения всех развитых стран вовлечено в движение фиктивных знаков собственности, а снижение актуальности материальных интересов, связанное со становлением основ нового общества, поддерживается сегодня лишь стабильностью иррациональной системы, обеспечивающей высокий уровень общественного благосостояния, но подточенной изнутри именно теми обстоятельствами, которые она сама вызвала к жизни.

Становится все более и более очевидной грань между работниками интеллектуального труда, получившими доступ к средствам производства и способными противостоять владельцам основных фондов промышленных компаний в качестве равноправных партнеров, и пролетариями, которые, как и ранее, вынуждены продавать предпринимателям свою рабочую силу. Формы реализации прав собственности становятся все более сложными, а факторы, ограничивающие их, — все более многочисленными; на этом фоне владельцы личной собственности получают такие возможности для совершенствования знаний и технологий, которые при отсутствии общественного контроля могут стать потенциально опасными для социума в целом.

Преодоление эксплуатации состоялось ныне в сознании лишь той части общества, которая сумела получить доступ к знаниям — ресурсу сегодня не слишком редкому, но весьма условному и требующему от человека качеств, которые не могут быть приобретены так же легко, как обреталась собственность в эпоху первоначального накопления капитала. По мере усиления ориентации на

производство информационных продуктов все более и более определяется круг лиц, которые не могут стать субъектами их создания не потому, что они лишены возможности приобрести необходимые для этого технические средства, а поскольку они неспособны усваивать информацию и генерировать новое знание — так сложилась их жизнь, так они были воспитаны и обучены. Мечта о равенстве, основанная еще со времен эпохи Просвещения на наивном декартовском понимании сознания и разума человека как своего рода tabula rasa, уходит в прошлое, и горечь расставания с этой иллюзией может перевесить все достоинства общества, преодолевшего рыночное производство, собственность и эксплуатацию.

Значительные проблемы связаны также с необходимостью постоянно лавировать между совершенно разнопорядковыми вопросами. С одной стороны, насущной задачей является максимальное использование новых, постэкономических методов регулирования хозяйственных и социальных проблем внутри развитых стран, однако, с другой стороны, характер отношений с внешним миром остается всецело экономическим, так как в большинстве регионов планеты господствует производство индустриальной, а иногда даже аграрной продукции, а отнюдь не создание высокотехнологичных и информационных благ. Проблема взаимодействия между постэкономическим и экономическим секторами в глобальном масштабе становится исключительно острой, так как никакие программы сотрудничества и помощи, оринтированные на поддержку «третьего мира», не могут дать иных результатов, кроме чисто экономических. Но так же, как в самих развитых странах люди, способные генерировать знания и создавать информационный продукт, не горят желанием трудиться в качестве землекопов и продавцов сосисок, а пополняют относительно замкнутую общность работников интеллектуального труда, противостоящую большинству членов общества, так и в развивающихся странах большинство талантливых специалистов и ученых стремятся влиться в данную группу не у себя на родине, где таковая фактически отсутствует, а в пределах постэкономического мира. Именно поэтому доля интеллектуального потенциала, сосредоточенная в «третьем мире», не превышает сегодня пяти процентов от общего интеллектуального потенциала человечества и продолжает снижаться. Таким образом, формирование границы между работниками интеллектуального труда и остальным обществом происходит не только в рамках отдельных стран, но и во всемирном масштабе, и невозможно разрешить данное противоречие только экономическими методами.

Итак, становление основ нового общества вряд ли может происходить гладко и беспроблемно. Напротив, социальные катаклизмы, опосредующие его, могут оказаться крайне опасными.

Возможность их возникновения реализуется тогда, когда в какой-либо из областей — в развитии ли рыночных тенденций, в эволюции отношений собственности, или же в модернизации классовой структуры — создается ситуация, в которой новое, неэкономическое содержание глубинных хозяйственных и социальных процессов придет в резкое и непреодолимое противоречие с экономическими формами их проявления. Возникновение подобного резкого несоответствия и последующая за ним деструкция соответствующей экономической формы может иметь исключительно тяжелые последствия для всего общественного целого, поскольку такая деструкция означает крах прежнего порядка в условиях отсутствия как реально объединяющих общество принципов, так и центростремительных тенденций, достаточно очевидных даже в экономическую эпоху.

Существует ли возможность избежать подобных сценариев, может ли вообще быть относительно безболезненным переход к постэкономическому состоянию? Сегодня, конечно же, невозможно однозначно ответить на эти вопросы. Однако из всего сказанного можно сделать несколько общих выводов.

Во-первых, не следует смешивать современную технологическую революцию с революцией социальной; напротив, необходимо подчеркнуть их разделенность, их параллельный характер и отсутствие жесткой зависимости одного процесса от другого. В определенной мере можно даже утверждать, что одной из задач современного общества является некоторое замедление целого ряда хозяйственных и социальных процессов, которые наиболее явно расширяют разрыв между глубинными основами социального устройства и экономической формой их проявления. Подобные меры могут отдалить возникновение радикального конфликта, способного разрушить социальное равновесие.

Во-вторых, учитывая, что подобные меры могут дать весьма условный, а то и вовсе иллюзорный эффект, следует оценить возможности совершенствования современных экономических структур. Речь идет о том, чтобы избавить их от наиболее фетишизированных и в то же время принимающих фиктивный характер знаковых проявлений, и прежде всего — о современных формах финансового капитала, о переоцененности отдельных компаний и отраслей, о непомерной распространенности знаков собственности, за которыми не стоят реальные элементы общественного богатства, и так далее. Продолжающийся уже два десятилетия и принявший массовые масштабы непропорционально быстрый по отношению к росту производства рост денежной оценки акций промышленных компаний сам по себе отчасти отражает деструкцию стоимостных принципов обмена, однако последствия возможного бир-

жевого краха, которые затронут подавляющее большинство населения, могут затмить исторический оптимизм социологов, предвосхищающих становление нерыночного хозяйства.

В-третьих, следует обратиться к вопросу о новых системах, позволяющих эффективно воздействовать на поведение индивидов, для которых экономические ценности утрачивают прежнее значение. Формирование новых систем социальных отношений, позволяющих центральным институтам общества эффективно управлять индивидуумами, чья деятельность мотивирована надутилитарно, является сегодня наиболее важным условием обеспечения на протяжении ближайших десятилетий той социальной стабильности, без которой становление нового общества может оказаться невозможным.

В-четвертых, следует приступить к созданию эффективной системы противодействия нарастанию нового противостояния, провоцируемого разделенностью общества по принципу материальной и нематериальной мотивированности деятельности его членов на обладающих знаниями и информационными технологиями и лишенных их. Для этого нужно научиться сочетать на протяжении продолжительного исторического периода экономические методы воздействия на людей с неэкономическими, причем как внутри отдельных постиндустриальных наций, так и во всемирном масштабе.

В контексте этих выводов мы должны подчеркнуть, что тенденции, которые вытекают из динамики социальных процессов в последние десятилетия, совершенно не обязательно получат в ближайшем будущем свое прямое продолжение и развитие. Мы не можем точно определить перспективы, ожидающие человечество, но мы можем утверждать, что переход к постэкономической цивилизации, начинающийся сегодня в условиях триумфа знаний, на волне беспрецедентного исторического оптимизма, не будет легким. Новые надежды и ожидания окажутся сопряжены с разрушением прежних представлений, ценностей и приоритетов; сегодня это представляется невозможным, но разве предполагали римляне, прославляя Марка Аврелия, философа на троне, что их империи осталось жить всего двести лет? Открывая новую страницу истории, не следует недооценивать трудностей прощания с прошлым, с гигантской эпохой, которая была жестокой и несправедливой, но в то же время блистательной и великой; эпохой, представляющей собой единственный и уникальный путь, уже пройденный человечеством. Да, в эту эпоху творчество было редким уделом, но именно творческими усилиями созданы величайшие культурные памятники, которым поклоняется современное человечество; благородство тоже отличало немногих, но именно оно запомнится всему роду людскому как характерная черта прошло-

го; безысходная трагедия революционеров заключалась в том, что их идеи не могли обеспечить обществу реального прогресса, но число искателей лучшего будущего от этого не уменьшалось.

Ни одна попытка революционной трансформации мира не завершилась долговременным успехом, хотя задачи, провозглашавшиеся первопроходцами, были весьма локальными. Сегодня же человечество выходит за пределы экономической эпохи, преодолевая материальные интересы, ранее управлявшие миром; подобного не предполагал даже Господь, предрекая, что человек вечно будет обречен в поте лица своего добывать хлеб свой. Но при этом все попытки человека решительно изменить этот мир сдерживались глубинными законами социальной эволюции, возвращавшими цивилизацию на естественный путь развития; мы надеемся, что это повторится и завтра. Именно в этом заключено главное и, пожалуй, единственное основание для оптимизма, с которым мы продолжаем смотреть в будущее. И вопрос о том, что же *будет*, когда наступит новое общество, имеет только один ответ:

А будет апрель... ,

так же как и вопрос, что же *следует* делать сегодня, в преддверии перемен, —

А следует жить,
Шить сарафаны и легкие платья из ситца,
Шить их, и верить, что все это будет носиться, —
Только лишь этого ради и следует жить.

CONCLUSION

Ayant commencé ce livre par l'examen des théories de l'histoire que les philosophes européens ont créées au fil des siècles nous avons cru nécessaire de mettre l'accent sur les deux composantes essentielles de chaque doctrine historique, à savoir: d'une part, les données de fait analysées par son auteur et, d'autre part, sa position méthodologique qui rèleve dans une grande mesure des particularités subjectives de sa vision du monde . Ces deux aspects sont propres à n'importe quelle théorie mais si les sciences de la nature ont fortement progressé dans le sens de l'objectivation de la connaissance et de l'abandon de schémas improuvables, si ces sciences s'attachent à démontrer toujours plus d'énoncés auparavant admis comme évidents, par contre, la dépendance des conceptions historiques par rapport aux opinions philosophiques et aux options sociales de leurs créateurs reste plus ou moins inchangée depuis des siècles. Il convient de signaler à l'attention du lecteur une de ces particularités subjectives, qui ne cesse de se reproduire, si parfaite que soit chaque nouvelle interprétation du progrès.

Ce qui distingue les théories sociales des sciences de la nature ce n'est pas seulement que leur objet d'étude se modifie constamment mais aussi le fait qu'elles sont elles-mêmes un facteur très important de sa mutation. Voilà pourquoi les nuances subjectives de la position d'auteur passent au premier plan dans les sciences sociales. A notre avis, le penchant de chaque auteur à considérer l'époque où il vit comme celle qui marque un tournant décisif dans toute l'hisoire constitue un préjugé typique, plus ou moins inhérent à la quasi-totalité des analyses théoriques. Certes, aucun historien n'envisage la trajectoire du développement de la civilisation sous l'aspect d'une ligne directe et c'est vrai qu'un mouvement complexe et contradictoire vers une fin déterminée accuse toujours des moments fatidiques dont l'appréhension engendre nombre de problèmes dont la portée est souvent plus que théorique. Ceci semble être d'ailleurs une rançon à payer pour pouvoir dépasser le cadre étroit des conceptions

globalistes qui, même si elles sont libres du préjugé susmentionné, ne peuvent expliquer ni le caractère authentique de l'hisoire, ni la plupart des lois générales de l'évolution sociale.

Si différentes que soient les théories de saint Augustin et de Marx, de Hegel et des représentants contemporains du postmodernisme, elles se rejoignent dans le jugement qu'elles portent sur leur propre "moment présent" pour autant qu'elle le reconnaissent sans l'ombre d'un doute comme le moment plus significatif pour l'hisoire de l'humanité. Sous cet aspect-là le progrès s'avère de loin plus lent qu'au niveau de la compréhension scientifique proprement dite des lois de l'évolution historique; on ne saurait en l'occurence faire constat de tel ou tel degré d'avancement qu'après avoir élucidé le point de savoir dans quelle mesure le préjugé en question procède de la doctrine elle-même, jusqu'où il est en contradiction avec les postulats fondamentaux de cette doctrine et aussi à quel degré les auteurs persistent dans leur attachement à ce préjugé.

Soulignons que l'idée de saint Augustin, selon laquelle l'époque allant de la Nativité du Christ au Jugement Dernier serait en rupture avec les étapes antérieures liées à la chronologie des événements bibliques, était une idée erronée. Or, cette erreur était contenue dans la théorie même à l'origine de la conception du monde contemporaine; elle remonte à moins de quatre cents ans après le début d'une propagation active du christianisme qui paraissait effectivement comme étape ultime vers l'expiation des péchés terrestres de l'humanité. Et comment saint Augustin pouvait-il s'empêcher de réfléchir à la vanité des choses d'ici-bas, alors qu'il ne lui restait que quelques mois à vivre jusqu'à la prise et la destruction par les Vandales de son Hippone natal? Pareils préjugés acquièrent de nos jours une valeur toute autre. Réapparus avec la formation des fondements de la société contemporaine ils ont connu une diffusion sans précédent. Faisant fi des principes de base de leurs propres conceptions, détruisant leur logique interne et rejetant les arguments qu'ils avançaient hier encore, les philosophes des différentes orientations idéologiques s'appliquent à qui mieux mieux à exagérer l'importance de notre époque pour le progrès du genre humain. A noter que si à l'aube du christianisme ses pères fondateurs oeuvraient avec ardeur à essayer de perfectionner le monde à travers le développement de l'homme, les théoriciens de notre temps s'obstinent à considérer comme indigne d'eux et de leur mission la tâche de réformer les principes de l'ordre terrestre investis par Dieu dans l'âme de l'être humain. Ils ne tiennent pour objet adéquat de leurs nobles efforts que l'ensemble du *civitas terrestris* matériel. Et voilà que les vagues successives de réformes ainsi conçue font souffrir l'humanité depuis plus de deux cents ans.

Milieu du XVIII-e siècle. L'Europe entre dans l'époque de la Raison après avoir franchi la période du Haut Moyen Age pleine de contradictions extrêmement violentes, période où les Européens périssaient dans les guerres coloniales sur d'autres continents et s'exterminaient dans les

conflits religieux, où le Saint-Siège encourageait les arts, tout en approuvant les méfaits inouis de l'Inquisition, alors que le progrès économique des pays protestants était à peine plus tangible que la crise de quelques grandes monarchies européennes. Dans ces conditions le désir de rationaliser l'ordre existant, d'instaurer les rapports sociaux plus équitables, de réaliser pleinement les possibilités des sciences et des arts, de rendre l'humanité meilleure qu'elle n'était, et bien, ce désir-là devenait plus impérieux que jamais auparavant dans l'histoire mondiale. L'avènement d'une époque nouvelle semblait absolument inéluctable; de telles idées étaient avancées non par des penseurs solitaires ni par des poignées de comploteurs - tout le monde en parlait. Philosophes et historiens, économistes et hommes politiques étaient persuadés de la nécessité d'un renouveau. Les puissants de ce monde prêtaient une oreille bienveillante à leurs discours, ils rapprochaient parfois du trône certains d'entre eux, quelques penseurs étaient même associés au pouvoir et la plupart d'entre eux jouissaient des faveurs des souverains de toutes les régions du continent. Que prêchaient ces hommes-là? Sur quoi fondaient-ils leurs théories?

Estimant que le progrès de la raison, considéré dans la plupart des cas en termes d'essor des sciences, des arts et des techniques, était déjà suffisamment puissant pour rendre possible l'instauration d'un ordre mondial équitable, les idéologues du siècle des Lumières annonçaient avec conviction que toutes les époques antérieures, à savoir les périodes de formation d'une économie sociale décrites par A. Fergusson et A.Smith ou les étapes d'évolution de l'esprit humain exposées par J.A. de Condorcet, pouvaient être reléguées dans le passé pour frayer le chemin à une civilisation réellement nouvelle. Que fallait-il faire pour cela? La réponse était évidente: il fallait éliminer une fois pour toutes l'inégalité formelle, secouer les chaînes de non-liberté, il fallait affranchir l'esprit humain, laisser libre champ au développement de l'industrie, des sciences et des arts, garantir aux hommes les droits égaux, ce don de la grâce divine. Tels étaient pour l'essentiel les rêves d'un siècle qui demeure jusqu'à aujourd'hui une des pages les plus majestueuses de l'histoire européenne. Comment parvenir à ces fins? Sur ce point aussi les philosophes étaient quasi-unanimes: à peu d'exception près ils estimaient que c'est au moyen de réformes souhaitées et autorisées par les monarques éclairés que l'on verrait s'instaurer à l'échelle mondiale un royaume de liberté, d'égalité et de fraternité, et cela dans un proche avenir et sans bouleversement catastrophique d'aucune sorte.

Les objectifs dressés par les philosophes étaient généreux. Les moyens de réaliser les transformations semblaient clairs. Mais les souverains restèrent insensibles aux paroles sur l'égalité et la justice qui, de nos jours, peuvent paraître fort naïves. Par contre, elles furent entendues par d'autres hommes qui étaient ouverts aux idées nouvelles et ne pouvaient admettre qu'ils ne verraient pas de leur vivant le triomphe de l'ordre nouveau, qui

paraissait aussi évident qu'imminent. Le résultat est bien connu. Au lieu de l'égalité si longtemps attendue les révolutionnaires déclenchèrent des répressions sanglantes contre le peuple. La guerre civile en France avait pour toile de fond un fratricide permanent entre les clans révolutionnaires prisonniers des traditions de la "guerre de tous contre tous" à la Thomas Hobbes. Le carnage dura en Europe pendant presque trente ans. Quel en fut le bilan? Des centaines de milliers de morts dans tous les pays belligérants, un ralentissement des processus économiques et le non-accomplissement des tâches que la révolution devait réaliser et qui restaient toujours actuelles. Les révolutionnaires voulaient une monarchie éclairée? Ils virent s'instaurer près du trône nouveau Talleyrand et Fouché à la place de Turgot et Calonne. Ils voulaient la liberté économique et la prospérité?

En 1815 la France se retrouva dans une situation plus difficile qu'en 1789. L'idée de liberté, d'égalité et de fraternité fut-elle réalisée? Ces paroles restèrent gravées seulement sur les pièces de monnaie et sur quelques monuments alors qu'aux départements paysans plongés dans la misère s'ajoutèrent des quartiers urbains paupérisés du prolétariat de manufacture.

Notons un fait caractéristique. Les puissances européennes remportèrent la victoire sur les armées de l'usurpateur; la dynastie retrouva son trône et la France entra dans la période de paix la plus longue de son histoire. Dès le début des années 20, s'annonça une reprise économique, la monarchie fut abolie en 1848 et, ayant coupé court aux tentatives ultérieures d'expériences sociales radicales, la France se présente aujourd'hui comme une des puissances post-industrielles les plus évoluées. Mais sont-ils nombreux, ceux des Français contemporains qui ne vénèrent ce même Napoléon lequel n'apporta à leur Patrie rien que des malheurs; y a-t-il beaucoup d'historiens disposés à ne plus considérer la Sainte-Alliance comme une organisation réactionnaire désireuse de freiner le développement des Etats européens? Les uns et les autres sont tout à fait minoritaires et ceci donne pas mal de matière à réflexion.

Cent ans après que les philosophes des Lumières avaient annoncé l'avènement du royaume de la Raison on pouvait constater qu'au cours de la période écoulée l'inégalité devint encore plus forte et l'exploitation encore plus intolérable. Les anciens privilèges de la noblesse firent place au pouvoir de l'argent. Naturellement l'idée d'égalité et de justice n'en devint pas moins populaire. Des philosophes nouveaux donnèrent naissance à une idée nouvelle.

Leur conception représentait cette fois-ci une appréhension authentiquement scientifique de l'histoire. Comme beaucoup d'autres théories précédentes mais avec beaucoup plus de cohérence et de profondeur elle envisageait le progrès économique en tant que fondement de l'évolution de l'organisme social. Se tournant vers le passé elle notait la période d'enfance du genre humain, non soumise aux lois économiques, et

l'époque d'un développement extrêmement lent et des liens sociaux extrêmement faibles. En analysant le présent elle montrait comment et quand la première période avait fait place à l'époque de domination des rapports économiques dont elle révélait le potentiel interne et le mécanisme d'autodéveloppement assurant le mouvement progressif du social dans son ensemble. Anticipant sur l'avenir la théorie marxiste argumenta pour la première fois de façon convaincante l'apparition nécessaire d'une société appelée communiste par les fondateurs de cette doctrine et considérée comme la troisième phase fondamentale du progrès social; ce faisant, il était précisé que pour accéder au "royaume de la liberté" hypothétique il fallait réaliser des transformations économiques radicales imposées objectivement par le niveau qualitativement nouveau de développement des forces productives, atteint par l'humanité.

Ce tableau était, à coup sûr, plus parfait que celui présenté par les philosophes des Lumières. Il décrivait le cours réel de l'évolution historique et en révélait le ressort réel. Et quelle devait être la conclusion naturelle d'une telle vision de l'histoire? Que la faillite de la société économique était tout aussi inéluctable que le progrès économique assuré par cette société. Que le développement des forces productives imposerait nécessairement une transformation des rapports de production permettant de rétablir l'équilibre perturbé et que dès lors commencerait la formation d'un système nouveau, communiste.

Mais le processus de développement des forces productives est graduel, il ne s'accomplit pas instantanément; or la formation sociale économique a déjà atteint son point culminant. Est-il vraiment inévitable que le développement suive désormais une courbe descendante et ne serait-il pas plus simple de transformer immédiatement et radicalement les fondements du régime social? A la suite d'une telle approche les recommandations pratiques formulées par les marxistes se sont avérées foncièrement contraires à leurs thèses théoriques. Bien que la formation sociale de type économique ait duré plusieurs millénaires, les révolutionnaires qui en ont décrit le devenir ont estimé possible d'annuler ses fondements en quelques années. Tout en constatant que les moyens de production contemporains ne permettaient pas de réaliser les principes communistes de la production et de la répartition ils déclaraient que les forces productives et les rapports de production étaient déjà engagés dans leur ultime contradiction qui ne pouvait être résolue que par une révolution renversant de façon violente le régime bourgeois. Et enfin, parfaitement conscients du fait que jamais auparavant aucune des classes du pôle opposé des sociétés asiatique, antique ou féodale n'était devenue dominante dans le cadre du régime nouveau, ils déclaraient avec conviction que les transformations proposées devaient trouver leur force motrice principale en la personne du prolétariat qui était la classe la plus organisée mais aussi – au milieu du siècle passé – la plus paupérisée et la plus aliénée par rapports aux réalisations du progrès.

On pourrait dire que même cette portion de poison qui permit à J.A. de Condorcet d'éviter la guillotine était moins en rupture avec ses idées sur le triomphe de la raison que la théorie de la révolution prolétarienne était en dissonance avec les principes de base humanistes et scientifiques de la doctrine marxiste. Si les appels de l'*Ami du peuple* étaient fort éloignés des recherches philosophiques de Voltaire et de A.Shaftesbury, la rupture n'était pas moins grande entre les discours des révolutionnaires du début du XX-e siècle et les idées fondamentales de l'évolution sociale exposée dans la théorie des formations sociales. Cependant, la simplification et la primitivisation de la théorie ont une fois de plus facilité sa propagation et le cours des choses a en fait suivi le même chemin, à cette différence près que la confrontation nouvelle ne se limita plus à la partie occidentale du continent européen et s'étendit au globe terrestre tout entier.

La révolution russe de 1917 a montré que chaque nouveau siècle aggravait les dangers de l'expérimentation sociale et que les promesses des révolutionnaires de faire le bonheur du genre humain trouvaient leur fin comme auparavant dès leur venue au pouvoir. Ce fut encore une guerre civile, encore la terreur et la violence ont frappé non seulement les adversaires réels du régime nouveau mais aussi ceux qu'on pouvait soupçonner seulement de déloyauté éventuelle. Ayant vaincu et après avoir consolidé leurs positions les révolutionnaires ont déclenché une lutte intestine et versé une quantité de sang telle qui aurait pu suffire probablement à faire triompher la révolution mondiale. L'aggravation extrême des contradictions entre les systèmes nouveau et traditionnel ont provoqué un nouvel affrontement global et puis la guerre froide durant laquelle les tentatives des deux blocs polaires de réaliser leurs objectifs ont engendré des conflits sur tous les continents. Cependant les réalités du XX-e siècle rendaient impossible une victoire militaire sur le bloc de l'Est; il a fallu à l'Occident près de cinquante ans d'attente jusqu'à son effondrement naturel. Pour s'assurer des avantages décisifs dans sa confrontation économique avec le bloc des pays de l'Est, l'Occident a dû sortir du cadre de la production industrielle proprement dite. La défaite du soi-disant socialisme est apparue évidente précisément entre le milieu des années 70 et le début des années 90 lorsqu'il est devenu absolument clair que ce système était incapable de mettre en place et de reproduire les structures post-industrielles. En 1989, le processus de destruction du système soviétique ne faisait plus de doute et vers le milieu des années 90 les Etats post-soviétiques ont en fait cessé d'exister comme une force qui compte dans l'économie et la politique mondiales. Au prix de dizaines de millons de vies humaines, de dépenses d'énergie incroyables en vue de perfectionner et de développer les armements alors que la planète a été amenée au seuil d'une catastrophe écologique, une deuxième restauration globale a été accomplie par les forces que l'on peut qualifier de réactionnaires du point de vue de l'ancienne logique; ce furent une défaite de l'idée révolu-

tionnaire en place et un retour au déroulement naturel de l'évolution économique et sociale.

Notons que la nouvelle restauration a sérieusement modifié l'attitude de l'humanité envers les doctrines révolutionnaires. L'alliance militaire et économique des pays occidentaux qui a permis, pendant un demi-siècle, d'entraver efficacement la diffusion du modèle socialiste de développement sur toute la planète, ne s'assimile pas de nos jours à la Sainte-Alliance, même si son rôle dans l'histoire semble plutôt identique. Loin de diminuer l'importance de l'Alliance de l'Atlantique-Nord ou des autres unions politiques des pays occidentaux, ce constat permet de porter un jugement plus rationnel sur les mutations historiques antérieures.

La révolution française avec les événements qui l'ont suivie, d'une part, et la révolution russe avec l'affrontement politique global du XX-e siècle, d'autre part, sont autant de phénomènes fort semblables. Dans les deux cas les processus révolutionnaires ont procédé des doctrines sociales nouvelles significatives du fait qu'à partir d'un moment l'étude de la société devient un instrument de sa modernisation, et que les objectifs d'une analyse authentiquement scientifique peuvent parfaitement faire place aux tentatives de transformer la société dans l'intérêt des groupes sociaux déterminés. Dans les deux cas les vagues d'un processus révolutionnaire réel ont porté à la surface les personnes les moins aptes à appréhender l'essence profonde de la doctrine dont elles se réclamaient et qui voulaient simplement utiliser ses mots d'ordre dans la lutte pour leurs propres objectifs et intérêts. Dans les deux cas le bouleversement politique réussi a fait naître un immense tourbillon de violence orienté vers l'extérieur mais aussi vers l'intérieur du camp révolutionnaire lui-même, avec l'exclusion d'un ou plusieurs pays d'un développement évolutif normal et la confrontation avec le reste du monde, pour aboutir à une fin sans gloire de l'expérimentation, les peuples impliqués s'étant retrouvés en marge du progrès économique.

Mais est-ce que les idéaux de liberté, d'égalité et de fraternité, est-ce que l'idée du "royaume de la Raison" sont devenus moins attrayants après 1815? C'est vrai que les meilleurs représentants de la noblesse s'étaient entretués alors que ses membres les plus indignes s'étaient faufilés jusqu'au trône, mais est-ce que tout cela a pu rendre moins désirable la future société libre de distinctions de classe et de privilèges sociaux? C'est fort douteux. Est-ce que les idées du communisme dans leur aspect positif peuvent être considérées comme complètement discréditées? Est-ce qu'on peut affirmer aujourd'hui, compte tenu de l'expérience actuelle, que le concept de société nouvelle, non économique, s'est avéré inconsistant? Pas du tout. Mais cela incite à repenser cette leçon globale qui fut donnée à l'humanité par deux plus grands mouvements révolutionnaires des derniers siècles.

Les deux révolutions procédaient d'un désir de promouvoir une société plus équitable. Ni une poignée de révolutionnaires en 1789, ni un

groupe d'émigrés politiques en 1917 n'auraient réussi à prendre le pouvoir s'ils n'avaient su exploiter très habilement la volonté du peuple de changer l'ordre existant. Au premier cas il s'agissait de former les bases d'une société assurant la libre entreprise et le développement des tendances capitalistes, et au deuxième d'instaurer une société libre de toute exploitation et non économique par sa nature. Au début du XIX-e siècle, la France, pays révolutionnaire avancé, vit s'unir contre elle les monarchies britannique et prussienne. Mais quelques décennies après, ces pays "réactionnaires" ne donneront-ils pas à la France des leçons combien utiles en matière de développement de ce même capitalisme que les révolutionnaires français voulaient mettre en place par la force? Et par quel moyen l'Occident contemporain l'a-t-il emporté sur l'URSS en matière de rivalité économique, sinon par les méthodes de formation d'une société post-économique que les communistes construisaient en paroles pendant des dizaines d'années? L'enseignement primordial des cataclysmes des siècles passés dont l'humanité se doit de profiter, réside en ceci: pour être réel le progrès ne peut être qu'évolutif et toute tentative de pousser artificiellement les processus obéissant à leur dynamique objective et à leurs lois internes équivaut à enfreindre brutalement la logique intrinsèque du développement de la civilisation. Et si même aujourd'hui, au bout de deux siècles, une telle vision du vrai sens de la révolution française n'est pas définitivement acquise, les illusions relatives à la nature de la révolution russe se sont dissipées dès avant la fin de l'expérience communiste et ceci inspire de grands espoirs.

A la fin du XX-e siècle, l'humanité commence à comprendre le danger et la malfaisance des bonds révolutionnaires radicaux; on voit apparaître une appréhension d'abord confuse, puis de plus en plus approfondie de ce fait que le développement évolutif est le gage du progrès social le plus conséquent. Et pourtant de nos jours, alors que les pays du monde libre ne font que commencer à percevoir pleinement les résultats de leur victoire dans l'affrontement global, la révolution y est invoquée plus souvent que jamais auparavant. Cela répond-il aux besoins de notre époque et cet état d'esprit ne reflète-t-il pas la propension persistante à réformer à tout prix, ayant convaincu l'opinion que la société actuelle ne serait que transitoire?

Certes, de nos jours, une approche pareille sera rejetée, comme on dit, sur le champ, parce que personne ne doute que la révolution contemporaine – technologique ou informationnelle – n'est ni un analogue de l'insurrection prolétarienne ni un prélude à quoi que ce soit de semblable et que tout rapprochement entre eux serait déplacé. Cependant, on ne doit pas oublier que les troubles sociaux gigantesques du passé résultaient non seulement des rêves des philosophes politiques mais aussi des grandes mutations technologiques et économiques. Est-ce que les bouleversements de la fin du XVIII-e et du milieu du XIX-e siècles ne provenaient pas du recul de l'artisanat devant la munufacture? Est-ce que les mouvements

prolétariens du début du siècle suivant n'étaient pas engendrés par les contradictions du système des fabriques et usines ? A notre avis les analystes qui annoncent l'avènement d'une société post-industrielle, technetronique, informationnelle ne font que perturber les esprits, au mépris de ce fait manifeste que le féodalisme ne fut pas la société d'araire et de marteau, tout comme le capitalisme ne fut jamais un simple conglomérat de machines à vapeur et de moteurs à combustion interne. Ni les sociétés antérieures, ni les sociétés futures ne peuvent être définies de façon adéquate en dehors de leurs liens et rapports internes foncièrement sociaux; pour identifier en substance les orientations du développement, on ne saurait se contenter même d'une description très complète et très détaillée des bases du progrès technologique. Et la révolution informationnelle annoncée aujourd'hui va déboucher, à coup sûr, précisément sur les mutations sociales probablement aussi grandes et aussi contradictoires que celles vécues par les générations précédentes.

Les optimistes peuvent dire que de nos jours font défaut les conditions ayant favorisé les transformations sociales radicales du passé. Il n'existe plus de classes révolutionnaires gémissant sous le fardeau d'une exploitation exorbitante et n'attendant qu'un signal pour s'attaquer aux assises de l'ordre existant. Aucune théorie préconisant un tel changement révolutionnaire n'a d'audience publique tant soit peu importante. Enfin, il n'y a plus de contradictions comme celles d'avant capables de faire surgir un mouvement populaire pour le renversement de l'ordre injuste. Tout cela est vrai. Cependant, ceux qui partagent ce point de vue négligent une circonstance importante qui se profile de plus en plus nettement au cours des dernières décennies. Cette démassification de la société qu'on réduit en règle générale à la seule extension de la production individuelle et en petites séries, d'une part, et à la modernisation de la consommation contemporaine – de l'autre, s'incarne en fait avant tout dans les mutations cardinales au niveau de la conscience humaine, de la motivation de l'activité et du comportement des hommes.

Dans ce contexte, on voit se modifier sérieusement le rôle et la portée de la révolution technologique contemporaine. Même sans engendrer une classe capable de combattre pour le renversement du régime existant, elle communique à tout un chacun des désirs qui se distinguent foncièrement de ceux caractérisant l'époque économique. Même sans donner naissance à une théorie ou une idéologie nouvelle elle investit dans la conscience humaine des valeurs différentes qui modifient la structure des motifs de l'activité plus fortement que des dizaines d'années de propagande communiste. Et, enfin, tout en éliminant les contradictions anciennes, les mutations qui s'accomplissent de nos jours engendrent des contradictions nouvelles non plus entre les classes mais entre les différents individus. Ainsi sommes-nous témoins d'une certaine désintégration sociale dont le potentiel ne diminue pas du fait qu'elle se réalise dans les formes échappant à l'observateur superficiel. Dans son "Cours de philosophie positive"

Auguste Comte écrivait que la sociologie en tant que science de la société est la plus complexe de la série dans laquelle il rangeait les systèmes des connaissances humaines sur le monde; plus tard il modifiera son point de vue, en indiquant à juste titre qu'il y a une science encore plus complexe – la psychologie, qui étudie l'homme en tant que tel, ses sentiments et ses émotions, ses faits et gestes. Aujourd'hui nous assistons au passage d'une société dont les lois principales se situent dans le système sociologique des coordonnées, à une société où dominent les liens et rapports psychologiques essentiellement personnels. Et il va de soi que ce nouvel état de choses est plus compliqué non seulement en tant qu'objet de connaissance mais aussi comme objet de gestion.

Pour compléter ce tableau nous nous permettons de revenir à quelques problèmes déjà examinés.

Les utopistes qui rêvaient d'une société juste sans argent ni marché estimaient que pour promouvoir une telle société il fallait en fait réduire à l'esclavage toute la population. Les marxistes, soucieux de surmonter les lois du marché, ont consacré des dizaines d'années à la mise en oeuvre d'un système cohérent de production et de distribution des produits. Les résultats sont bien connus: les illusions utopiques demeurent ce qu'elles étaient, alors que leurs variantes libérales firent faillite en même temps que le système d'échanges équitable préconisé par R.Owen; l'économie socialiste planifiée a duré un peu plus, mais, par contre, les conséquences de sa fin ont été plus étendues et plus destructives. Aujourd'hui les échanges en termes de valeur sont de plus en plus surmontés du fait que la valeur en tant que telle devient de moins en moins quantifiable et qu'on voit s'imposer l'industrie de l'information et des connaissances évaluées avant tout du point de vue de leur utilité sociale. Le facteur le plus significatif de ce processus réside dans la modification de la nature même de l'activité humaine, la propagation des motivations extra-utilitaires, le recul du travail proprement dit devant la créativité.

Les adeptes de la théorie de Charles Fourier voulaient que le phalanstère socialise jusqu'aux plus petits objets domestiques à seule fin de mettre un terme à l'exécrable propriété privée. Dans les pays d'Europe orientale les communistes ont rarement tenté de réaliser en pratique cet idéal, mais toutefois ils ont réussi à créer un système économique sans précédent au sein duquel l'Etat possédait tous les moyens de production qu'il utilisait dans l'intérêt de la bureaucratie gouvernante. Les créateurs des théories historiques les plus originales et les plus profondes ne pouvaient pourtant supposer que la signification économique de la propriété privée pouvait être surmontée non pas grâce à la *socialisation* de la production mais au moyen de son *individualisation* globale et multiforme. Aujourd'hui la propriété privée formée au sein de l'époque économique en tant que mécanisme d'appropriation des biens matériels par les représentants des classes aisées, se transforme rapidement sous l'effet des facteurs foncièrement différents de ceux qui, de l'avis des révolution-

naires, devaient l'amener à sa fin. Le développement des technologies nouvelles a pris une orientation telle que les aptitudes et les connaissances des travailleurs, c'est-à-dire les qualités inaliénables de tous les hommes, sont devenues les facteurs essentiels de la production. Simultanément, le progrès technique a rendu possible la possession individuelle des moyens de création des produits informationnels contemporains. Les propriétaires des géants de la production matérielle qui, quelques décennies auparavant, prédominaient dans la société, deviennent de plus en plus dépendants des possesseurs de l'information et des connaissances survalorisées à tel point qu'il est de plus en plus facile aux entrepreneurs nouveaux d'instaurer leur contrôle sur les empires industriels. Là encore on est obligé de noter que c'est seulement dans les pays occidentaux que le rêve d'indépendance des travailleurs intellectuels vis-à-vis des propriétaires des moyens matériels de production est devenu réalité, alors que dans les pays naguère gouvernés par les communistes l'écrasante majorité de la population subit la dépendance la plus cruelle par rapport aux propriétaires frais émoulus des capacités de production et des ressources naturelles.

Durant les siècles, tous les réformateurs sociaux estimaient qu'on ne pouvait venir à bout de l'exploitation qu'en abolissant la classe des exploiteurs. Tout comme les chevaliers de la justice du XVIII-e siècle, les révolutionnaires de notre siècle y ont réussi mieux que dans tout autre domaine. Il s'est cependant avéré que l'élimination de la classe oisive ne saurait rendre libres ni les paysans obligés à travailler dans les conditions d'avant, ni les ouvriers tout aussi solidement rivés aux moyens de production toujours aliénés même s'ils ne sont plus la propriété des capitalistes membres d'une classe "étrangère" mais appartiennent à l'Etat prolétarien censé "proche". La lutte contre l'exploitation a été entamée sans comprendre la substance de ce phénomène qui, en dehors de l'aliénation d'une partie du produit fabriqué, dépend de la question de savoir à quel point cette aliénation contredit les intérêts fondamentaux du producteur. Or, suite à la modernisation de l'échelle de valeurs résultant du progrès informationnel et d'une compréhension plus profonde du statut du facteur principal de la production, on voit sortir au premier plan non pas le désir de maximiser sa richesse matérielle mais la propension de l'individu à se perfectionner, en valorisant ses potentialités et en se faisant reconnaître au plan social. Cette mutation élimine non pas le phénomène même d'aliénation d'une partie du produit fabriqué mais celles de ses particularités qui l'identifiaient à l'exploitation. Là encore il convient de souligner que dans les pays post-industriels développés la redistribution des biens s'accomplit de telle manière que l'exploitation dans son acception classique n'exerce plus maintenant d'influence significative sur les rapports sociaux, alors que dans les Etats ex-communistes dont le niveau de vie suffisamment bas a catastrophiquement dégradé au cours des dernières années, l'idée d'une revanche conservatrice gagne toujours plus en

popularité précisément sous les mots d'ordre d'une répartition plus juste de la richesse nationale.

Tous ces processus ont une substance profonde commune, à savoir la transformation du caractère de l'activité humaine. La révolution technologique contemporaine a entraîné des transformations fondamentales: d'une part, pour la première fois dans l'histoire, elle a assuré la satisfaction des principaux besoins matériels de la majorité des membres de la société et, d'autre part, elle a fait du perfectionnement de l'homme lui-même non seulement une affaire de son choix personnel mais aussi une condition essentielle de sa reconnaissance sociale, même si la propension à se perfectionner n'est pas encore devenue aussi puissante que l'était, hier encore, le désir d'accroître son bien-être matériel. La société met en jeu le mécanisme qui stimule l'individu à développer sans cesse son potential intellectuel, ce qui instaure une concurrence intellectuelle souvent tout aussi dure que celle de la propriété. Le processus d'auto-perfectionnement de l'individu deviendra avec le temps la dominante absolue de l'évolution. Alors l'activité créative issue de la soif d'auto-réalisation maximale viendra remplacer entièrement le travail axé sur la nécessité de satisfaire les besoins matériels. Au premier abord, la nouvelle structure sociale ne pourrait manquer d'être plus équitable et plus humaniste que l'ancienne – n'est-il pas vrai que les réformateurs sociaux de toutes les époques et de tous les peuples aspiraient à ce que l'homme puisse surmonter les limites de la "production matérielle proprement dite", à ce que soient garanties les conditions d'un développement intégral de sa personnalité? Pourtant il faut bien se rendre compte que les formes traditionnelles d'interaction sociale doivent faire place aux formes nouvelles dont le caractère demeure encore tout à fait obscure. Du fait d'être situés sur les plans différents, les intérêts des personnes créatrices ne se croisent pas de la même façon que les intérêts des individus de la société économique; ils n'engendrent pas les contradictions qui harassaient cette dernière, mais ils ne forment pas non plus cette résultante – vecteur unique qui pourrait déterminer l'orientation du progrès social. Peut-on être sûr que les problèmes consécutifs à cet état de choses ne puissent l'emporter sur les avantages de la première données?

A notre avis, de nos jours il n'y aurait rien de plus déraisonnable que de présenter la société en maturation comme un exemple d'harmonie sociale. Surmontant les formes les plus mûres de la formation sociale de type économique, l'humanité entre dans une période de développement descendant de cette formation qui sera celle de dépassement et de destruction de ses lois et tendances générales. Or, la phase de déclin de n'importe quelle entité sociale n'a jamais été une période calme de l'évolution. Le déclin de la féodalité, si évolutive que fût l'extinction de l'influence économique de l'aristocratie jusqu'à son minimum, n'eut rien de paisible. Au contraire, il fut à l'origine de près de trois siècles de grands cataclysmes européens principaux. Ce n'est pas non plus sans secousses que le

capitalisme industriel traditionnel a vécu son déclin et s'est converti en société post-industrielle. Et si les gouvernements concernés n'avaient pas fourni des efforts titaniques en matière de régulation anti-crise avant la guerre et s'il n'y avait pas eu de financement public des recherches scientifiques et technologiques dans l'après-guerre, comment pourrait-on savoir à quoi aurait abouti l'affrontement global du XX-e siècle. Or, nous nous engageons aujourd'hui dans une phase transitoire d'une portée bien plus grande d'où tout le danger qu'il y aurait à mésestimer les menaces latentes et le caractère contradictoire d'une telle transformation.

Mais il y a plus. Ce qui confère un caractère particulier à l'époque contemporaine c'est le fait qu'on ignore tout de la nouvelle société qui vient remplacer l'ordre existant. Si en période de destruction des assises de la féodalité les structures qui devaient lui succéder étaient déjà pratiquement mûres et n'attendaient que leur consécration politique et des possibilités nouvelles pour leur développement, si dans les conditions du capitalisme évolué il était aussi assez clair quels problèmes sociaux étaient particulièrement dangereux et par quels moyens il était possible de les surmonter, aujourd'hui la situation paraît tout à fait différente. Il n'existe pas de structures sociales nouvelles; et quant aux nouveaux systèmes individuels de valeurs et de préférences en cours de constitution, les formes et les orientations de leur évolution demeurent suffisamment incertaines. Or, les institutions sociales subsistantes n'ont dans leurs arsénaux que ceux des instrument de réglement des contradictions et des conflits sociaux qui ont été utilisés avec succès dans la période économique précédente et qui risquent de s'avérer aujourd'hui non seulement inefficaces mais même dangereux.

Il faut donc admettre que si dans les prochaines décennies l'humanité est capable d'atteindre un niveau qualitativement nouveau de progrès intellectuel et technologique, les contradictions et les affrontements sociaux peuvent aussi devenir plus violents que jamais auparavant. Il est à peu près certain que cette fois ils n'opposeront plus des clans ou des partis politiques, ni même des classes sociales. Les conflits de la nouvelle période peuvent surgir d'un écheveau complexe de contradictions apparues entre individus ou entre communautés d'individus constituées sur une base subjective par excellence.

Nous assistons aujourd'hui au dépassement des assises de l'économie de marché traditionnelle. L'échange de biens en quantités énormes se fait sans la moindre prise en compte des frais qui participent à la formation des prix des produits de nombreux secteurs de l'économie. La survalorisation de certains biens et de secteurs entiers voisine avec la sous-valorisation d'autres; la productivité calculée à l'aide d'indicateurs qui peuvent encore servir à l'évaluer, semble bien plus élevée dans les secteurs traditionnels que dans les productions les plus récentes et prometteuses. Cependant les institutions de marché continuent à fonctionner, la majorité de la population de tous les pays développés est impliquée

dans le mouvement des signes de propriété fictifs, alors que la baisse d'actualité des intérêts matériels, liée à la mise en place des assises de la nouvelle société, n'est confortée de nos jours que par la stabilité d'un système irrationnel qui assure un niveau élevé de bien-être public mais qui est rongé de l'intérieur par ces mêmes facteurs auxquels il avait donné la vie.

On voit s'accentuer de plus en plus la distinction entre les travailleurs intellectuels ayant accès aux moyens de production et capables de tenir tête aux propriétaires des fonds fixes des compagnies industrielles en tant que partenaires à part entière, et les prolétaires qui comme auparavant sont obligés à vendre aux entrepreneurs leur force de travail. Les formes de réalisation des droits de propriété deviennent de plus en plus sophistiquées et les contraintes qui les limitent - toujours plus nombreuses; dans ce contexte, les détenteurs de la propriété privée obtiennent des possibilités de perfectionner les connaissances et les technologies telles qu'elles peuvent devenir potentiellement dangereuses - en l'absence d'un contrôle social - pour la société dans son ensemble.

Jusqu'à maintenant, l'exploitation n'a été surmontée que dans la conscience de cette partie de la société qui a pu accéder aux connaissances – capital pas tellement rare à l'heure qu'il est mais fort conventionnel exigeant de l'homme des qualités qui ne peuvent être acquises aussi aisément que la propriété à l'époque de l'accumulation primitive du capital. Avec l'orientation de plus en plus forte sur les produits informationnels on voit se délimiter toujours plus distinctement les groupes humains incapables de participer à la création de ces produits non parce qu'ils ne peuvent acquérir les moyens techniques indispensables mais parce qu'ils sont inaptes à assimiler l'information et générer des connaissances nouvelles - tels furent leur éducation et leur apprentissage. Le rêve d'égalité fondé depuis le siècle des Lumières sur la vision cartésienne naïve de la conscience et de l'intelligence de l'homme comme une sorte de *tabula rasa* appartient de plus en plus au passé et l'amertume causée par la perte de cette illusion peut l'emporter sur toutes les vertus d'une société appelée à surmonter la production marchande, la propriété et l'exploitation.

D'autres difficultés importantes sont liées à la nécessité de s'accomoder sans cesse aux problèmes de type tout à fait différent. D'une part, il y a cette tâche urgente qui consiste à utiliser au maximum les méthodes nouvelles, post-économiques, de règlement des problèmes sociaux et économiques internes des pays développés alors que, d'autre part, le caractère de leurs rapports avec le reste du monde demeure entièrement économique, car dans la plupart des régions de la planète prédomine la production des biens industriels et parfois même agricoles et pas du tout la création des produits hautement technologiques et informationnels. Le problème de l'interaction entre les secteurs post-économique et économique à l'échelle globale acquiert une acuité extraordinaire car aucun programme de coopération et d'assistance conçu pour

aider le tiers-monde ne peut apporter autre chose que des résultats purement économiques. Mais tout comme dans les pays développés les gens capables de générer des connaissances et de créer des produits informationnels ne brûlent pas du désir de se faire employer aux travaux de terrassement ou de vendre des hot-dogs mais rejoignent la communauté relativement fermée des travailleurs intellectuels opposés à la majorité des membres de la société, dans les pays en voie de développement aussi la plupart des chercheurs et spécialistes de talent aspirent à s'associer à ce groupe non pas dans leur pays natal où il n'y en a pratiquement pas mais dans les pays évolués. C'est pour cette raison précisément que la part du potentiel intellectuel du tiers-monde n'excède pas de nos jours cinq pourcent du potentiel intellectuel global de l'humanité et elle continue à diminuer. Ainsi la frontière séparant les travailleurs intellectuels et le reste de la société se forme-t-elle non seulement dans le cadre de certains pays distincts mais encore à l'échelle mondiale et il n'est pas possible de résoudre cette contradiction par les seules méthodes économiques.

Donc, il est peu probable que les assises de la nouvelle société puissent s'affirmer sans heurts ni problèmes. Au contraire, les cataclysmes sociaux concomitants peuvent s'avérer fort dangereux. Leur posssibilité pourrait devenir réalité lorsque dans un des domaines, que ce soit le développement des tendances de marché, l'évolution des rapports de propriété ou la modernisation des structures de classe, apparaîtra une situation où le contenu nouveau, non économique, des processus sociaux et économiques profonds entrera dans une contradiction violente et insurmontable avec les formes économiques de leur réalisation. L'émergence d'une discordance aussi violente et la destruction consécutive de la forme économique concernée risquent d'entraîner des conséquences extrêmement graves pour tout le social dans son ensemble car une telle destruction équivaudra à l'effondrement de l'ordre antérieur en l'absence de principes unissant effectivement la société aussi bien qu'en l'absence de tendances centripètes, suffisamment manifestes même à l'époque économique.

Existe-il une possibilité d'éviter de tells scénarios et le passage à l'état post-économique peut-il s'accomplir sans trop de mal? Certes, il est de nos jours impossible de donner une réponse univoque à ces questions. Cependant, à partir de ce qui vient d'être dit, on peut formuler quelques conclusions générales.

Premièrement, on ne doit pas confondre la révolution technologique contemporaine avec une révolution sociale; au contraire, il convient de souligner leur séparation, leur caractère parallèle et l'absence de dépendance rigide entre l'un et l'autre processus. On peut même affirmer dans une certaine mesure que la société contemporaine aurait intérêt à ralentir quelque peu toute une série ds processus économiques et sociaux qui aggravent tout particulièrement le décalage entre les assises profondes de l'organisation sociale et la forme économique de la réalisation desdits

processus. La mise en oeuvre des mesures en ce sens pourrait retarder l'éclatement d'un conflit radical capable de détruire l'équilibre social.

Deuxièmement, sachant que de telles mesures peuvent donner un effet très relatif sinon illusoire il convient d'évaluer les possibilités de perfectionnement des structures économiques contemporaines. Il s'agit de les débarrasser de certains de leurs signes parmi les plus fétichisés et qui deviennent en même temps de plus en plus fictifs. Ce sont avant tout les formes contemporaines du capital financier, la survalorisation de différents secteurs et compagnies et la propagation excessive des signes de propriété derrière lesquels il n'y a pas d'éléments réels de la richesse sociale, et ainsi de suite. La hausse de la valeur monétaire des actions des compagnies industrielles qui dure depuis vingt ans déjà et qui s'amplifie et s'accélère sans commune mesure avec l'essor de la production, reflète partiellement en soi-même la destruction des principes d'échange fondés sur la valeur, alors que l'optimisme historique des sociologues anticipant sur la formation d'une économie "hors marché" risque d'être éclipsé par les conséquances de l'effondrement éventuel des bourses, dont pâtira la majorité écrasante de la population.

Troisièmement, il convient d'approfondir la question des systèmes nouveaux permettant d'agir effectivement sur le comportement des individus pour lesquels les valeurs économiques sont de moins en moins attrayantes. La formation des systèmes nouveaux de rapports sociaux permettant aux institutions centrales de la société d'exercer une gestion efficace des individus dont l'activité n'est plus motivée par des considérations utilitaires, représente actuellement la condition la plus importante pour garantir dans les prochaines décennies cette stabilité sociale sans laquelle l'avènement de la nouvelle société peut s'avérer impossible.

Quatrièmement, il convient de procéder à la création d'un système efficace susceptible de prévenir l'extension d'un affrontement nouveau engendré par la division de la société en ceux qui possèdent des connaissances et des technologies informationnelles et ceux qui en sont privés, l'activité des uns et des autres étant régie respectivement par les motivations non matérielles ou matérielles. Il faut pour cela apprendre à combiner au cours d'une période historique prolongée les méthodes économiques et non économiques d'action sur les hommes, et ceci tant au niveau des différentes nations post-industrielles qu'à l'échelle mondiale.

Dans le contexte de ces conclusions nous devons souligner que les tendances qui résultent de la dynamique des processus sociaux au cours des dernières décennies ne sont pas nécessairement vouées à un prolongement et à un développement sous une forme directe. Nous ne sommes pas à même de définir avec précision les perspectives qui attendent l'humanité mais nous pouvons affirmer que la transition à la civilisation post-économique qui commence de nos jours dans le contexte d'un triomphe du savoir, sur la vague d'un optimisme historique sans précédent, ne se fera pas facilement. Les attentes et espérences nouvelles auront pour cor-

rolaire la destruction des notions, des valeurs et des priorités anciennes; aujourd'hui cela peut paraître incroyable mais est-ce que les Romains pouvaient supposer lorsqu'ils glorifiaient Marc Aurelius, ce philosophe auguste, que leur empire n'avait plus à vivre que deux siècles ? En ouvrant la page nouvelle de l'histoire on ne doit pas sous-estimer les difficultés d'une séparation avec le passé, avec l'époque géante qui était dure et injuste mais en même temps brillante et splendide; époque incarnant un trajet unique déjà franchi par l'humanité. Oui, à cette époque la création était l'apanage d'une minorité infime mais il n'en reste pas moins vrai que les réalisations culturelles sublimes qui forcent l'admiration de l'humanité contemporaine ont vu le jour précisément grâce à la créativité; de même que la noblesse n'était pas le fait de nombreuses personnes mais elle restera gravée dans la mémoire de tous les humains comme un trait spectaculaire du passé; le drame des révolutionnaires était sans issue parce que leurs idées ne pouvaient assurer à la société un progrès réel, mais ceci ne diminuait pas le nombre d'explorateurs d'un avenir meilleur.

Pas une seule tentative de transformation révolutionnaire du monde n'a abouti à un succès durable malgré le caractère plutôt local des objectifs proclamés par les pionniers. Or, aujourd'hui l'humanité dépasse les limites de l'époque économique en surmontant les intérêts matériels qui gouvernaient le monde auparavant; même Dieu ne le prévoyait pas lorsqu'il prédisait que l'homme gagnerait éternellement son pain dans la sueur de son front. Par ailleurs toutes les tentatives des humains de transformer ce monde par des actions brusques et radicales se heurtaient aux lois profondes de l'évolution sociale qui ramenaient la civilisation dans sa voie de développement naturelle; nous espérons qu'il en sera ainsi demain encore. C'est ce qui représente le fondement principal voire unique de cet optimisme avec lequel nous continuons d'envisager l'avenir. Et la question de savoir ce qui *viendra* avec l'avènement de la nouvelle société n'a qu'une seule réponse (suggérée par la chanson d'une Moscovite):

Et viendra avril...,

de même que la question de savoir ce qu'*il faut* faire aujourd'hui, à la veille des changements, – *et il faudra vivre*

Et se faire des petites robes d'indienne
Et surtout être certaine
Qu'on pourra les porter, –
N'est-ce pas là déjà une raison d'exister?

SCHLUSSBEMERKUNG

Als wir dieses Buch mit der Betrachtung der Geschichtstheorien eingeleitet haben, die von europäischen Philosophen über lange Jahrhunderte hervorgebracht wurden, wollten wir die Aufmerksamkeit auf zwei äußerst wichtige Bestandteile einer jeden Geschichtsdoktrin richten: einerseits die vom Autor ausgewählten Tatsachen und anderseits dessen persönliche methodologische Position, die sich meist aus der Subjektivität seines Weltbildes ergibt. Eine derartige Dualität ist ein Kennzeichen einer jeden Theorie, aber während die Naturwissenschaften weiter in der Richtung einer Objektivierung von Kenntnissen vorangekommen sind und sich von unbeweisbaren Schemata distanziert und immer mehr Postulate begründet haben, die früher als unbestritten galten, blieb die Abhängigkeit der Geschichtskonzeptionen von der für ihre Schöpfer zur sozialen Richtschnur gewordenen Weltanschauung über Jahrhunderte ohne tiefgreifende Veränderung. Besondere Aufmerksamkeit sollte man einer dieser subjektiven Eigenarten schenken, die ständig und unabhängig von erneuten Versuchen einer abermaligen Interpretation des Fortschritts in Erscheinung tritt.

Soziale Theorien unterscheiden sich von den naturwissenschaftlichen nicht nur dadurch, daß sich der Forschungsgegenstand fortwährend ändert, sondern sie sorgen in hohem Maße für eine Transformation desselben. Aus diesem Grund treten die subjektiven Züge der Stellung des Autors in den Gesellschaftswissenschaften in den Vordergrund. Das größte Vorurteil, das in unterschiedlicher Stärke im Rahmen gleichgültig welcher Geschichtskonzeption zum Tragen kommt, ist unseres Erachtens, daß der Autor seine eingene Zeit als den Wendepunkt im Lauf der Geschichte betrachtet. Es versteht sich, daß kein Historiker sich die Entwicklung der Zivilisation als eine Gerade vorstellt; auch können in der komplizierten und widersprüchlichen Bewegung auf ein Ziel zu immer schicksalhafte Einschnitte verzeichnet werden. Dieser Umstand bringt eine Vielzahl von Problemen mit sich, die nicht nur theoretischer Natur sind, und ist

sozusagen der Preis der Möglichkeit, die engen Grenzen der Konzeptionen eines globalen Kreislaufs zu sprengen, die nicht von dem Vorurteil berührt werden, aber zugleich weder den wirklichen Hintergrund der Geschichte noch die meistenGesetzmäßigkeiten der gesellschaftlichen Entwicklung erklären können.

Die Theorien eines Augustinus mögen sich noch so sehr von denen von Marx und die Hegels von denen der Vertreter des Postmodernismus unterscheiden, doch in ihrem Bezug zum "gegenwärtigen Zeitpunkt" sind sie sich insofern ähnlich, als sie diesem unbedingt eine besondere Bedeutung für die Geschichte der Menschheit beimessen. Unter diesem Aspekt ist der Fortschritt wesentlich langsamer als im eigentlichen gedanklichen Erfassen der Gesetzmäßigkeiten der gesellschaftlichen Entwicklung. Ein Vorankommen kann nur fixiert werden, wenn man sich darüber klar wird, inwieweit ein Irrtum durch die Doktrin selbst verursacht wird, ihren Hauptpostulaten widerspricht und wie beharrlich sich die Autoren an besagten Irrtum klammern.

Der von Augustinus vertretene Standpunkt, die nach Christi Geburt bis zum Jüngsten Gericht reichende Epoche den vielen vorangegangenen Epochen gegenüberstellen zu können, die die biblischen Ereignisse in ihrer Chronologie widerspiegeln, war irrtümlich. Jedoch lag dieser Irrtum in einer Theorie vor, die faktisch die moderne Weltanschauung hervorbrachte; er unterlief kaum vierhundert Jahre nach Beginn einer aktiven Verbreitung des Christentums, wo dieses wirklich als letzter Schritt zur Erlösung der Menschheit von irdischen Sünden angesehen wurde. Der Gedanke an die Vergänglichkeit der "civitas terrestris" drängte sich dem Autor sicher auf, da er nur wenige Monate vor der Eroberung und Einäscherung seiner Heimatstadt Hippo durch Vandalen verstarb. Von weit größerem Ausmaß sind derartige Vorurteile in unserer Zeit. Mit der Herausbildung der Grundlagen der modernen Gesellschaft neu entstanden, haben sie eine unerhörte Verbreitung gefunden. Die Philosophen aller ideologischen Richtungen verschmähen das Fundament der eigenen Konzeptionen, zerstören deren innere Logik und vergessen Argumente, die sie selbst eben erst angeführt haben, und wetteifern immer noch in den Versuchen, die ausschlaggebende Rolle der von ihnen erlebten Epoche für den Fortschritt des Menschengeschlechts zu betonen. Während hierbei die Väter des Christentums zu Beginn seiner Verbreitung ehrlich bestrebt waren, die Welt über die Entwicklung des Menschen zu vervollkommnen, glauben die heutigen Theoretiker fest, es sei unter ihrer Würde und entspreche nicht ihrer Berufung, jene ursprüngliche Weltordnung umzubilden, die von Gott in jeder sterblichen Seele geschaffen wurde. Lediglich die Maßstäbe der materiellen "civitas terrestris" insgesamt werden von ihnen als adäquates Objekt für solch erhabene Bestrebungen angesehen. Und schon mehr als zweihundert Jahre steht die Menschheit in Leiden jede neue Welle dieser Reformationsbestrebungen durch.

Mitte des 18. Jahrhunderts. Europa tritt in die Epoche der Ratio ein, nachdem eine der wohl verhängnisvollsten Etappen in seiner Geschichte vorüber war. Vorbei war das späte Mittelalter mit seinen schroffen Widersprüchen, als die Europäer in Kolonialkriegen auf anderen Kontinenten umkamen und sich gegenseitig in religiösem Widerstreit vernichteten, der Heilige Stuhl die Künste förderte und eine Inquisition ohnegleichen segnete und der wirtschaftliche Fortschritt in den protestantischen Ländern kaum merklicher war als die Krise der großen europäischen Monarchien. Unter diesen Bedingungen nahm das Streben, die bestehende Ordnung zu rationalisieren, gerechtere soziale Beziehungen herzustellen, die Möglichkeiten von Wissenschaft und Kunst vollständig zu realisieren und die Besserung der Menschheit über das hinaus, was sie erreicht hatte, zu verbessern, nahm solche Maßstäbe an, wie vorher in der Weltgeschichte nicht beobachtet worden war. Das Anbrechen einer neuen Epoche schien absolut unausweichlich, und solche Gedanken wurden nicht von einzelnen Geistesschaffenden oder einer kleinen Gruppe von Verschwörern ausgesprochen, sondern diese Meinung vertraten viele. Philosophen und Historiker, Wirtschaftswissenschaftler und Politiker waren davon überzeugt, daß eine Erneuerung notwendig sei, und wurden von den Herrschern wohlwollend angehört. Verschiedentlich wurden sie dem Thron nähergebracht, einige wurden selbst zur Verkörperung der Macht, die Mehrzahl wurde von den Monarchen aller Erdteile favorisiert. Was verkündeten diese Leute, worauf bauten sie ihre Theorien auf?

In der Meinung, die Verbreitung der Ratio, worunter meist die Entwicklung der Wissenschaft, Kunst und Technik verstanden wurde, habe derartige Höhen erreicht, daß der Weg zur Errichtung einer gerechten Weltordnung schon offen sei, haben die Ideologen der Aufklärung ihrer Überzeugung Ausdruck verliehen, daß alle vorausgegangenen Epochen — die Perioden der Herausbildung gesellschaftlicher Wirtschaftstätigkeit, wie sie von A. Ferguson und A. Smith beschrieben wurden, oder die Etappen der Evolution des menschlichen Verstandes in der Darlegung von J.-A. de Condorcet — nunmehr der Vergangenheit angehörten und den Weg für eine wirklich neue Zivilisation eröffneten. Was ist dafür notwendig? Die Antwort liegt auf der Hand: Es gilt, endgültig die formale Ungleichheit abzuschaffen und die Ketten der Unfreiheit abzustreifen, so daß sich der menschliche Geist aufschwingen kann, den Raum für die Entwicklung der Industrie, Wissenschaft und Kunst zu schaffen und den Menschen jene gleichen Rechte zu gewährleisten, die ihnen vom göttlichen Willen zugesprochen wurden. Darin bestand im wesentlichen der Traum des Jahrhunderts, das auch heute noch als eine der erhabensten Seiten der europäischen Geschichte gewertet wird. Was ist zur Erreichung dieser Ziele notwendig? Auch hier herrschte relative Einhelligkeit: Alle Philosophen nahmen mit nur wenigen Ausnahmen an, daß der Wille der aufgeklärten Monarchen, deren Zustimmung zu Reformen genügten, um

das Reich der Freiheit, Gleichheit und Brüderlichkeit im Weltmaßstab schon in naher Zukunft und ganz ohne katastrophale Erschütterungen zu errichten.

Die von den Philosophen formulierten Ziele waren edel. Die Mittel für die sich ankündigenden Wandlungen schienen klar zu sein. Aber die Herrscher wollten nicht die (heute naiv anmutenden) Worte von Gleichheit und Gerechtigkeit hören. Freilich hörten sie andere Leute, die mit der Erkenntnis von Elementen der neuen Anschauungen nicht vereinbaren konnten, daß sie nicht mehr den Triumph der neuen Gesellschaftsordnung erleben würden, der ebenso offensichtlich wie nahe schien. Das Ergebnis ist bekannt. Anstelle der langersehnten Gleichheit konnten die Revolutionäre nur mit blutigen Repressalien über das Volk herfallen. Der Bürgerkrieg in Frankreich wurde von ununterbrochener gegenseitiger Ausrottung der Revolutionscliquen begleitet, die gemäß der verrufenen Tradition des Hobbesschen "Krieges aller gegen alle" vorgingen. Fast über dreißig Jahre war Europa in den Zustand eines nicht endenden Gemetzels versetzt worden. Was war das Ergebnis? In allen kriegführenden Staaten verendeten hunderttausende Menschen, die Wirtschaftsprozesse liefen langsamer ab, die Aufgaben der Revolution blieben immer noch ungelöst. Die Revolutionäre verlangten eine aufgeklärte Monarchie. Nun, sie erhielten Talleyrand und Fouché um den Thron, die Turgot und Calonne ablösten. Die Revolutionäre strebten nach wirtschaftlicher Freiheit und Entfaltung. Nun, 1815 befand sich Frankreich in einer beklagenswerteren Lage als 1789. Wurde die Idee von Freiheit, Gleichheit und Brüderlichkeit verwirklicht? Diese Begriffe waren nur noch auf Schildern und Münzen zu finden, und zu den notleidenden Bauernbezirken kam die Massenarmut des Fabrikproletariats in den Städten.

Es sollte auf ein bezeichnendes Moment hingewiesen werden. Die europäischen Mächte hatten einen Sieg über die Armeen des Usurpators errungen, die Dynastie hatte ihren Thron zurückgewonnen, und Frankreich trat in die längste Friedensperiode seiner ganzen Geschichte ein. Der wirtschaftliche Aufschwung war schon zu Beginn der 20er Jahre zu verzeichnen, die Monarchie wurde 1848 beseitigt, und da weiterhin die Versuche von radikalen sozialen Experimenten unterbunden wurden, ist Frankreich heute eine der entwickeltsten postindustriellen Mächte. Aber viele Franzosen vergöttern Napoleon, der ihrer Heimat nichts anderes brachte als Unglück; nur wenige Historiker würden darauf verzichten, die Heilige Allianz nicht als reaktionäre Organisation zu definieren, die die Entwicklung der europäischen Staaten habe aufhalten wollen. Beides läßt über einiges nachdenken.

Seit die Aufklärer das Anbrechen der Ära des Verstandes ankündigten, sind hundert Jahre vergangen. Die Ungleichheit hat sich inzwischen weiter zugespitzt, die Ausbeutung ist noch unerträglicher geworden. Die überkommenen Adelsprivilegien sind durch die Herrschaft des Geldes abgelöst. Natürlich hat dadurch die Idee von Gleichheit und Gerechtigkeit

nichts von ihrer Popularität eingebüßt. Neue Philosophen haben eine neue Idee hervorgebracht.

Diesmal baut die Konzeption auf eine wirklich wissenschaftliche Betrachtung der Geschichte auf. Wie auch viele frühere Theorien, aber wesentlich konsequenter und eingehender untersuchte sie den ökonomischen Fortschritt als die Grundlage für die Evolution des sozialen Organismus. Bei der Hinwendung zur Vergangenheit konnte eine Kindheitsperiode des Menschengeschlechts verzeichnet werden, die von ökonomischen Gesetzmäßigkeiten nicht berührt wurde, eine Epoche äußerst langsamer Entwicklung und äußerst schwacher sozialer Bindungen. Bei der Beurteilung der Gegenwart zeigte sie, wie und wann die erste Periode durch die Epoche der Vorherrschaft der Wirtschaftsbeziehungen abgelöst wurde, deckte ihr inneres Potential und den Mechanismus ihrer Eigenentwicklung, der eine progressive Bewegung in der Gesellschaft insgesamt gewährleistet, auf. Die Zukunft antizipierend, konnte die marxistische Theorie erstmals überzeugend die unumgängliche Herausbildung einer Gesellschaft begründen, die deren Gründer als kommunistisch bezeichneten, betrachtete diese Gesellschaft als dritte fundamentale Phase des sozialen Fortschritts und verwies darauf, daß der Übergang in das hypothetische "Reich der Freiheit" ohne eine radikale wirtschaftliche Umstrukturierung nicht möglich ist, die sich unbedingt daraus ergibt, daß die Menschheit eine qualitativ neue Entwicklungsstufe der Produktivkräfte erreicht hat.

Dieses Bild war unumstritten ausgereifter als das der Aufklärer, zeigte den realen Gang der geschichtlichen Entwicklung und ihre wahre Quelle. Wie sollte an sich die Schlußfolgerung aus einer solchen Auffassung der Geschichte ausfallen? Der Zusammenbruch der Wirtschaftsgesellschaft ist ebenso unumgänglich wie der von dieser Gesellschaft gewährleistete wirtschaftliche Fortschritt. Die Entwicklung der Produktivkräfte ruft unumstößlich eine Reform der Produktionsverhältnisse hervor, die die verletzte Übereinstimmung wieder herstellt, worauf die Herausbildung eines neuen, kommunistischen Systems einsetzen wird.

Aber die Entwicklung der Produktivkräfte geschieht nicht augenblicklich, sondern allmählich, wobei die gesellschaftliche Wirtschaftsformation schon die höchste Entwicklungsstufe errreicht hat. Ist nun unbedingt eine rückläufige Entwicklung notwendig, wäre es nicht einfacher, auf radikale Weise die Grundlagen der Gesellschaftsordnung ohne Verzug abzuändern? Im Ergebnis widersprachen praktische Hinweise der Marxisten fundamental ihren eigenen theoretischen Postulaten. Die Revolutionäre beschrieben die Herausbildung der gesellschaftlichen Wirtschaftsformation, die sich über nicht nur ein Jahrtausend erstreckte, und erachteten es trotzdem als möglich, innerhalb von einigen wenigen Jahren grundlegende Änderungen zu erreichen. Sie konstatierten, daß die zeitgenössischen Produktionsmittel keine Möglichkeit bieten, die kommunistischen Prinzipien von Produktion und Verteilung zu gewährleisten,

und erklärten, die Produktivkräfte seien mit den Produktionsverhältnissen in jenen antagonistischen Widerspruch geraten, den nur eine Revolution lösen könne, wenn sie die bourgeoise Gesellschaft gewaltsam stürze. Und obwohl sie schließlich wußten, daß nie früher eine der polaren Klassen der asiatischen, antiken oder feudalen Gesellschaft zur Herrschaft innerhalb einer neuen Gesellschaftsordnung gelangte, nannten die Gründer des Marxismus überzeugt das Proletariat, die zwar am besten organisierte, aber Mitte des vergangenen Jahrhunderts auch am stärksten verarmte und von einem Fortschritt am weitesten entfernte Klasse, die wichtigste Triebkraft bei den voraussichtlichen Umformungen.

Selbst die Giftdosis, die es J.-A. de Condorcet ermöglichte, der Guillotine zu entgehen, scheint weniger seinen Ideen über den Sieg der Vernunft widersprochen zu haben, als die Theorie der proletarischen Revolution mit den humanistischen und wissenschaftlichen Grundlagen der marxistischen Lehre in Mißklang stand. Aber ebenso wie die Aufrufe des "ami du peuple" von den philosophischen Bestrebungen eines Voltaire oder A. Shaftesbury weit entfernt waren, sind die Reden der Revolutionäre von Anfang des 20. Jahrhunderts von den fundamentalen Ideen der sozialen Evolution, die in der Theorie der Gesellschaftsformationen dargelegt sind, völlig losgelöst. Jedoch brachte die Vereinfachung und Simplifikation der Theorie auch in diesem Fall Vorteile für ihre Verbreitung, wobei sich alles erneut wiederholte, faktisch auf die bekannte Weise, mit dem einzigen Unterschied, daß die Grenzen der Welt, die in den erneuten Widerstreit einbezogen wurde, sich vom Westteil des europäischen Kontinents auf den ganzen Erdball erstreckten.

Die russische Revolution von 1917 zeigte, daß mit jedem neuen Jahrhundert soziales Experimentieren immer gefährlicher wird und das von den Revolutionären proklamierte, Bestreben, das Menschengeschlecht glücklich zu machen, in dem Moment einen Abschluß findet wie auch zu früheren Zeiten: sobald sie an die Macht kommen. Wiederum kam es zum Bürgerkrieg, und auch diesmal tobten Terror und Gewalt nicht nur gegen die realen Gegner des neuen Regimes, sondern auch gegen diejenigen, die nur vermutlich fehlende Loyalität diesem gegenüber hätten zeigen können. Nach dem Sieg und der Festigung der eigenen Positionen nahmen die Revolutionäre den internen Kampf auf, wobei so viel Blut vergossen wurde, wie vielleicht für den Sieg der Weltrevolution erforderlich gewesen wäre. Die auf das äußerste zugespitzten Widersprüche zwischen dem neuen und dem traditionellen System bewirkten eine weitere weltweite Konfrontation und danach den Kalten Krieg, in dessen Verlauf das Bestreben der beiden sich polar gegenüberstehenden Blöcke, die eigenen Ziele zu erreichen, zu Konflikten auf allen Kontinenten führte. Aber die Wirklichkeit des 20. Jahrhunderts machte einen militärischen Sieg über den Ostblock unmöglich, und der Westen mußte fast fünfzig Jahre warten, bis der natürliche Kollaps kam. Den entscheidenden Vorteil im Wirtschaftswettstreit mit den Ostblockstaaten erreichte der Westen dadurch, daß er über

den Rahmen der industriellen Produktion hinausging; der Zusammenbruch des sogenannten Sozialismus wurde gerade zwischen der Mitte der 70er und dem Beginn der 90er Jahre offensichtlich, als endgültig klar wurde, daß er nicht in der Lage war, postindustrielle Strukturen hervorzubringen und zu reproduzieren. Im Jahr 1989 wurde der Prozeß des Zerfalls des sowjetischen Systems durchaus erkennbar, und gegen Mitte der 90er Jahre hörten die postsowjetischen Staaten im Grunde auf, als Faktor der Weltwirtschaft und Weltpolitik zu bestehen. Um den Preis von Millionen Menschenleben und eines unwahrscheinlicher Energieaufwands für die Perfektionierung und Entwicklung von Waffen, der die Annäherung an eine ökologische Katastrophe nach sich zog, vollbrachten die Kräfte, die aus der Sicht der bisherigen Logik als reaktionär bezeichnet werden können, eine zweite weltweite Restauration; eine weitere revolutionäre Idee wurde überwunden und der natürliche Gang der wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung wiederhergestellt.

Es sollte beachtet werden, daß die neue Restauration eine ernsthafte Veränderung des Verhältnisses der Menschheit zu revolutionären Doktrinen ergab. Der militärische und wirtschaftliche Zusammenschluß der westlichen Länder, der ein halbes Jahrhundert lang eine effektive Barriere gegen die Verbreitung des sozialistischen Entwicklungsmodells überall auf unserem Planeten darstellte, wird heute nicht mit der Heiligen Allianz verglichen, obwohl er eine beinahe identische Rolle in der Geschichte spielte. Das schränkt nicht die Bedeutung des Nordatlantikpakts oder anderer politischer Vereinigungen westlicher Staaten ein, im Gegenteil kann hiermit rationeller auf die vergangenen historischen Transformationen eingegangen werden.

Die französische Revolution und die auf diese folgenden Ereignisse einerseits und die russische Revolution und die weltweite politische Spaltung im 20. Jahrhundert andererseits haben recht viel Ähnlichkeit. In beiden Fällen war der Beginn für die revolutionären Prozesse durch neue soziale Doktrinen bedingt, was bedentete, daß zu einem bestimmten Zeitpunkt die Untersuchung der Gesellschaft zum Instrument ihrer Modernisierung wird und die Aufgabe einer echten wissenschaftlichen Analyse sehr wohl durch das Streben nach einer Veränderung der Gesellschaft im Interesse bestimmter sozialer Gruppen ersetzt werden kann. In beiden Fällen förderte der revolutionäre Prozeß Leute an das Tageslicht, die nur ein geringes Verständnis dafür aufbrachten, welche grundlegenden Wesenszüge in der von ihnen angenommenen Doktrin verborgen waren, und danach strebten, lediglich die betreffenden Losungen im Kampf für die eigenen Ziele und Interessen auszunutzen. In beiden Fällen führte der erfolgreiche politische Umsturz zu einer gigantischen Welle der Gewalt, die sich sowohl nach außen als auch in das revolutionäre Lager selbst richtete, zum Ausscheren eines Landes oder von Ländern aus der normalen evolutionären Entwicklung und zur Konfrontation mit der übrigen Welt, schließlich zur ruhmlosen Beendigung des Experiments, wobei das

Wirtschaftswachstum der hiervon betroffenen Völker im Rinnstein endete.

Sind aber die Ideale der Freiheit, Gleichheit und Brüderlichkeit, die Idee einer "Ära des Verstandes" nach 1815 weniger anziehend geworden? Ist die Vorstellung von einer zukünftigen Gesellschaft als frei von Standes- und Klassenunterschieden weniger anstrebbar geworden, weil die besten Vertreter des Adels sich gegenseitig umgebracht hatten und die schlimmsten sich dem Thron näherten? Doch wohl nicht. Können die Ideen des Kommunismus ausgehend von ihrem positiven Aspekt als vollständig bankrott angesehen werden? Wie kann aus der Sicht der gegenwärtigen Erfahrung davon gesprochen werden, daß die Konzeption einer neuen, außerhalb einer Wirtschftsformation zu suchenden Gesellschaft als hinfällig angesehen werden muß? Das stimmt nicht, und aus diesem Grund muß man sich über die globale Lehre Gedanken machen, die der Menschheit mit den beiden grandiosesten revolutionären Bewegungen der letzen Jahrhunderte erteilt wurde.

Beide Revolutionen waren von dem Bestreben diktiert, eine gerechtere Gesellschaftsordnung aufzubauen. Weder das Häufchen Revolutionäre 1789 noch eine Gruppe politischer Emigranten 1917 hätte zur Macht kommen können, wenn sie nicht sehr geschickt den Wunsch des Volkes nach Veränderung der bestehenden Verhältnisse ausgenutzt hätten. Im ersten Fall ging es um die Herausbildung der Grundlagen einer Gesellschaft, die die Freiheit des Unternehmertums und der Entwicklung kapitalistischer Tendenzen implizierte, im zweiteren um ein Sozium, das frei von jeglicher Unterdrückung und nicht wirtschaftlicher Natur ist. Zu Beginn des 19. Jahrhunderts vereinigten sich gegen das revolutionäre und fortschrittliche Frankreich das monarchistische England und das feudale Preußen. Aber vermittelten nicht eben diese "reaktionären" Länder schon nach einigen Jahrzehnten Frankreich für dieses Land so nützliche Erfahrungen bei der Entwicklung des Kapitalismus, den die französischen Revolutionäre in beschleunigtem Tempo aufzubauen versucht hatten? Hat vielleicht der heutige Westen die UdSSR im ökonomischen Wettstreit nicht durch die Errichtung einer postökonomischen Gesellschaft besiegt, welche die Kommunisten über Jahrzehnte rein verbal aufbauten? Die wichtigste Lehre, die sich die Menschheit aus den Wirren der letzten Jahrhunderte aneignen müßte, hat zum Inhalt, daß ein realer Fortschritt nur durch eine Evolution zu erreichen ist und ein künstliches Vorantreiben der Prozesse, die eine gänzlich objektive Dynamik und eigene innere Gesetzmäßigkeiten aufweisen, nur dazu führen kann, die innere Entwicklungslogik der Zivilisation gründlich zu stören. Während eine solche Sicht auf die französische Revolution auch heute noch nicht endgültig an den Tag gelegt wird, wo zweihundert Jahre verstrichen sind, haben sich die Illusionen hinsichtlich des Charakters der russischen Revolution schon früher aufgelöst, noch bevor das kommunistische Experiment zu Ende war, und das gibt Anlaß zu großer Hoffnung.

Am Ende des 20. Jahrhunderts beginnt die Menschheit zu begreifen, welche Gefahr und Unterwanderung durch radikale revolutionäre Sprünge heraufbeschworen werden kann; eine verschwommene, doch immer deutlichere Erkenntnis setzte sich durch, daß die evolutionäre Entwicklung das Unterpfand des konsequentesten sozialen Fortschritts darstellt. Heute jedoch, da die Länder der freien Welt erst beginnen, in vollem Maß die Ergebnisse des Sieges im globalen Wettstreit zu empfinden, wird der Ruf nach einer Revolution immer öfter laut, mehr als es je früher der Fall war. Ist das vielleicht der Wunschtraum unserer Epoche und spiegelt sich nicht in einer solchen Einstellung der beständige Wunsch nach dem Reformieren der Gesellschaft wider, vorausgesetzt, daß sie allgemein als eine gewisse Übergangsordnung verstanden wird?

Natürlich wird eine solche Auslegung heute von vornherein verworfen, sind doch alle der Überzeugung, daß die heutige Revolution, hängt sie nun mit der Technologie oder Informatik zusammen, weder analog zum proletarischen Aufstand noch das Vorspiel zu Ähnlichem, geschweige denn damit zu vergleichen sei. Es sollte aber nicht vergessen werden, daß die gigantischen sozialen Unruhen der Vergangenheit nicht nur durch Traumvorstellungen von politischen Philosophen, sondern auch durch tiefgreifende Umwälzungen in Technologie und Wirtschaft bedingt waren. Ist nicht die Verdrängung des Handwerks durch die Manufakturproduktion schuld an den Erschütterungen von Ende des 18./Mitte des 19. Jahrhunderts? Haben nicht die Widersprüche des Fabriksystems zu Beginn des nächsten Jahrhunderts die proletarischen Bewegungen bedingt? Nach unserer Meinung trüben die Wissenschaftler, die das Eintreten in eine postindustrielle, technotrone und Informationsgesellschaft ankündigen, mit solchen Definitionen nur das Bewußtsein der Leser und sehen von der offensichtlichen Tatsache ab, daß die Feudalordnung nicht als Gesellschaft von Hakenpflug und Hammer angesehen werden kann, wie auch die kapitalistische nicht als Sozium der Dampfmaschine und des Verbrennungsmotors zu bezeichnen ist. Weder in der Vergangenheit noch in der Zukunft kann die Gesellschaft ohne eine Hinwendung zu ihren inneren, ausgesprochen sozialen Verflechtungen und Beziehungen adäquat definiert werden. Für eine echte Erkenntnis der Entwicklungsrichtung ist selbst die umfassendste und ausführlichste Beschreibung der Grundlagen des technologischen Fortschritts nicht ausreichend. Auch die heute verkündete Revolution in der Informatik wird gerade als hauptsächliche Folgen soziale Veränderungen nach sich ziehen, deren Ausmaße und Widersprüche möglicherweise nicht geringer sein werden als die Ausmaße und Widersprüche von Ereignissen, an denen vor uns lebende Generationen Anteil hatten.

Optimisten mögen die Meinung vertreten, daß derzeit keine Bedingungen vorliegen, die für radikale soziale Transformationen der Vergangenheit günstig waren. Es gibt heute keine revolutionäre Klasse, die unter der Last einer unerträglichen Ausbeutung leiden und nur auf ein Signal

warten würde, die Grundfesten der herrschenden Ordnung zu erschüttern. Heute gibt es keine in der Gesellschaft einigermaßen verbreitete Theorie, die eine entsprechende revolutionäre Veränderung auf ihre Fahnen geschrieben hätte. Heute gibt es schließlich keine der früheren Widersprüche, die eine Volksbewegung zum Sturz einer Unrechtsordnung zur Folge haben könnten. All das ist richtig. Aber die Anhänger ähnlicher Behauptungen lassen einen wichtigen Umstand außer acht, der in den letzten Jahrzehnten immer stärker in Erscheinung tritt. Der Rückgang von Massenerscheinungen im Sozium, die einerseits nur durch Ausbreitung von individueller und Kleinserienproduktion und andererseits durch Modernisierung der modernen Konsumtion begrenzt werden, ist in Wirklichkeit hauptsächlich auf kardinale Veränderungen im menschlichen Bewußtsein, auf die Motivierung von Tätigkeit und Verhalten zurückzuführen.

Vor einem solchen Hintergrund werden Rolle und Bedeutung der gegenwärtigen technologischen Revolution ernsthaft modifiziert. Sie bringt zwar nicht eine Klasse hervor, die in der Lage ist, für den Sturz der existierenden Gesellschaftsordnung zu kämpfen, dennoch weckt sie in jedem Menschen Bestrebungen, die den Wesensmerkmalen der wirtschaftlich ausgerichteten Epoche schroff widersprechen. Sie formuliert zwar keine neue Theorie oder Ideologie, dennoch werden im Bewußtsein der Menschen neue Wertbegriffe erzeugt, die die Struktur der Tätigkeitsmotive stärker beeinflussen als die Jahrzehnte kommunistischer Propaganda. Die in unserer Zeit ablaufenden Veränderungen beseitigen schließlich die überkommenen Widersprüche und bringen unweigerlich neue hervor: nicht zwischen Klassen, sondern unter einzelnen Individuen. Wir sind Zeugen einer gewissen gesellschaftlichen Desintegration, deren Potential nicht dadurch verringert wird, daß sie in einer für einen oberflächlichen Betrachter nicht zu erkennenden Form abläuft. In seiner "Positiven Philosophie" schrieb A. Comte, daß die Soziologie als Wissenschaft über die Gesellschaft zu den kompliziertesten in der Reihe gehört, zu der er die Systeme der menschlichen Kenntnisse über die Welt ordnete. Später revidierte er seinen Standpunkt und wies völlig berechtigt darauf hin, daß die Psychologie als eine Wissenschaft vom Menschen selbst, seinen Gefühlen und Emotionen, Handlungen und Taten noch komplizierter ist. Heute treten wir aus einer Gesellschaft, deren hauptsächliche Gesetze im soziologischen Koordinatensystem liegen, in ein Sozium ein, in dem ausgesprochen individuelle und psychologische Verhältnisse und Beziehungen vorherrschen. Selbstverständlich ist dieser neue Zustand komplizierter, was sich nicht nur auf das Objekt der Erkenntnis, sondern auch auf das Steuerobjekt bezieht.

Um ein vollständigeres Bild zu zeigen, wollen wir kurz auf schon untersuchte Probleme zurückkommen.

Die Utopisten, die von einer gerechten Gesellschaft ohne Geld und Markt träumten, nahmen als Bedingung für deren Errichtung eine fak-

tische Rückkehr der gesamten Bevölkerung in die Sklaverei an. Die Marxisten, die bestrebt waren, die marktwirtschaftlichen Gesetze zu überwinden, arbeiteten über Jahrzehnte an einem System planmäßiger Produktion und Verteilung der Produkte. Die Ergebnisse liegen vor: Die utopischen Illusionen blieben illusionär, und ihre liberalen Varianten gingen zusammen mit dem Bankrott des Systems des gerechten Austauschs von R. Owen zu Bruch; die sozialistische Planwirtschaft existierte etwas länger, so daß auch die Folgen ihres Untergangs größere Auswirkungen hatten und destruktiver waren. Heute wird der Tauschwert aktiv überwunden, weil die Möglichkeit des Wertkalküls selbst verlorengeht, die materielle Produktion ihre grundlegende Rolle einbüßt und die Produktion von Informationen und Kenntnissen dominiert wird, die vor allem aus der Sicht ihres gesellschaftlichen Nutzens bewertet werden. Am wichtigsten wird für diesen Prozeß die Änderung der eigentlichen Natur der menschlichen Tätigkeit selbst, die Verbreitung einer über das Utilitätsprinzip hinausgehenden Motivierung, die Überwindung der Arbeit und deren Ersetzen durch eine schöpferische Tätigkeit.

Die Anhänger der Theorie von Ch. Fourier waren bestrebt, in der Phalanstère selbst die unwichtigsten Gegenstände des Hausrats zu vergesellschaften, nur um sich von dem ihnen verhaßten Begriff des Privateigentums zu befreien. In den Ländern Osteuropas versuchten die Kommunisten nur ab und zu, in der Praxis ein solches Ideal zu erreichen, konnten jedoch ein Wirtschaftssystem ohnegleichen schaffen, in dem der Staat über alle Produktionsmittel verfügte und sie im Interesse der regierenden Bürokratie nutzte. Die Schöpfer der tiefgreifendsten und originalsten Geschichtstheorien konnten kaum annehmen, daß die wirtschaftliche Bedeutung des Privateigentums nicht über eine *Vergesellschaftung* der Produktion, sondern durch ihre globale und allseitige *Individualisierung* überwunden werden kann. Heute ist das Privateigentum, das sich im Rahmen der Wirtschaftsepoche als Mechanismus für die Aneignung von materiellen Gütern durch die Vertreter der besitzenden Klassen herausbildete, unter der Einwirkung von Faktoren, die sich kardinal von solchen unterscheiden, die nach Meinung von Revolutionären dieses abschaffen sollten, einer beschleunigten Transformation unterworfen. Die Entwicklung neuer Technologien bewegt sich in eine Richtung, wo zu den hauptsächlichen Produktionsfaktoren Fähigkeiten und Wissen der Mitarbeiter — unveräußerliche Eigenschaften eines jeden Menschen — zählen. Hierbei hat der technische Fortschritt reale Möglichkeiten geschaffen, persönliche Mittel zur Schaffung moderner Informationsprodukte zu besitzen. Die Eigentümer von Giganten der materiellen Produktionssphäre, die noch vor einigen Jahrzehnten in der Gesellschaft vorherrschten, hängen heute zunehmend von denjenigen ab, die über Informationen und Kenntnisse verfügen, die derart umbewertet wurden, daß es neuen Unternehmern immer leichter fällt, eine Kontrolle über die Industrieimperien auszuüben. Und wiederum muß auffallen, daß die erwünschte

Unabhängigkeit eines Intellektuellen vom Eigentümer an materiellen Produktionsmitteln lediglich in den westlichen Ländern zur vollendeten Tatsache geworden ist. Dort dagegen, wo vor kurzem noch Kommunisten regierten, ist die Mehrzahl der Menschen in die harte Abhängigkeit von den neu in Erscheinung tretenden Eigentümern der Produktionskapazitäten und Naturreichtümer geraten.

Im Verlauf der Jahrhunderte haben alle Reformer angenommen, daß die Ausbeutung lediglich durch die Vernichtung der Ausbeuterklasse aufgehoben werden könne. Als Gerechtigkeit Suchende des 18. Jahrhunderts wie auch als Revolutionäre in unserem Jahrhundert waren sie hierbei so erfolgreich wie nirgendwo sonst. Es erwies sich jedoch, daß die Beseitigung der müßigen Klasse niemanden befreien kann: weder die Bauern, die unter den althergebrachten Bedingungen arbeiten müssen, noch die Arbeiter, die ebenso eng an die Produktionsmittel gebunden sind, wenn sie sich auch nicht im Eigentum der als Klassenfeinde angesehenen Kapitalisten, sondern unter den Fittichen des proletarischen Staates befinden. Der Kampf gegen die Ausbeutung wurde ohne das Verständnis des Wesens des gegebenen Phänomens geführt, das sich nicht auf die Veräußerung eines Teils des erarbeiteten Produkts zurückführen läßt, sondern dadurch bedingt ist, inwiefern eine solche Veräußerung den fundamentalen Interessen des Produzenten widerspricht. Indes tritt durch die Modernisierung des Wertsystems, die sich infolge des Informationsprogresses und der Erhebung des Wissens in den Status eines hauptsächlichen Produktionsfaktors einstellt, nicht mehr das Streben nach einem maximalen materiellen Reichtum in den Vordergrund, sondern der Wunsch des Individuums nach Vervollkommnung, danach, sein Potential aufzudecken und soziale Anerkennung zu erlangen. Eine solche Veränderung beseitigt nicht die Veräußerung eines Teils des erzeugten Produkts als solche, sondern die Züge, die sie zur Ausbeutung machten. Und wiederum sollte beachtet werden, daß in den entwickelten postindustriellen Ländern bei der Umverteilung der Güter derzeit die Ausbeutung in ihrer klassischen Form keinen wesentlichen Einfluß auf die sozialen Verhältmisse hat, wohingegen in den ehemaligen kommunistischen Staaten, wo der Lebensstandard, der ohnehin nicht hoch war, katastrophal abgesunken ist, die Welle einer konservativen Revanche besonders unter der Losung einer gerechteren Verteilung des nationalen Reichtums an Stärke gewinnt.

Alle hier verzeichneten Prozesse haben eine tiefere Grundlage gemein: die Transformation der Eigenheiten der menschlichen Tätigkeit. Die gegenwärtige technologische Revolution hat zwei fundamentale Veränderungen hervorgerufen: Einerseits kann diese erstmals in der Geschichte die Befriedigung der hauptsächlichen materiellen Bedürfnisse der meisten Mitglieder der Gesellschaft gewährleisten, und andererseits hat sie die Vervollkommnung des Menschen selbst nicht nur seiner eigenen Wahl überlassen, sondern zur Hauptbedingung seiner sozialen Anerkennung gemacht. Heute, da die Forderung nach Selbstvervollkommnung

noch nicht so prävalent ist, wie es noch vor kurzem die Erhöhung des materiellen Wohlstandes war, wird in der Gesellschaft ein Mechanismus wirksam, der eine ständige Entwicklung des intellektuellen Potentials des Menschen stimuliert und eine Konkurrenz des Wissens schafft, die manchmal nicht weniger hart ist als die Konkurrenz des Eigentums. Mit der Zeit wird der Prozeß der eigenen Vervollkommnung der Persönlichkeit zur unbedingt vorrangigen Entwicklung aufgewertet werden. Damit wird die schöpferische Tätigkeit, durch das Streben nach maximaler Selbstverwirklichung hervorgebracht, die Arbeit, die zur Befriedigung der materiellen Bedürfnisse notwendig ist, gänzlich verdrängen. Die neue soziale Struktur muß auf den ersten Blick gerechter und humaner sein als die vorhergehende: Haben denn die sozialen Reformer aller Zeiten und Völker nicht danach gestrebt, daß der Mensch über die Grenzen der "an sich materiellen Produktion" hinausgeht, daß Bedingungen für eine allseitige Entwicklung seiner Persönlichkeit entstehen? Es muß aber auch gesehen werden, daß an die Stelle der traditionellen Formen der sozialen Wechselwirkungen neue treten müssen, deren Wesen gegenwärtig völlig unklar ist. Da gleichsam in verschiedenen Ebenen befindlich, überschneiden sich die Interessen von schöpferischen Persönlichkeiten anders als die Interessen der Individuen einer Wirtschaftsgesellschaft; sie lassen nicht jene Widersprüche auftreten, von denen dieses Sozium durchdrungen war, zugleich ergeben sie auch keinen einheitlichen Summenvektor, der die Richtung des gesellschaftlichen Fortschritts vorgäbe. Ist eine Sicherheit gegeben, daß die durch diesen Umstand hervorgerufenen Probleme nicht größer sind als die Vorteile, die durch den vorherigen bedingt waren?

Nach unserer Meinung wäre es in höchstem Maß unbedacht, die aufkeimende Gesellschaft als Muster der sozialen Harmonie aufzufassen. Nach Überwindung der reiferen Formen der wirtschaftlichen Gesellschaftsformation tritt die Menschheit in eine Phase der rückläufigen Entwicklung besagter Formation ein, in eine Periode der Bewältigung und destruktiven Überwindung ihrer Gesetzmäßigkeiten. Indes war eine Niedergangsphase, welche Gesellschaftsformation auch betrachtet werden sollte, niemals eine ruhige Periode in der Evolution. Der Niedergang der Feudalordnung, der eine evolutionäre Absenkung des ökonomischen Einflusses der Aristokratie bewirkte, lief nicht friedlich ab, sondern bedingte über fast drei Jahrhunderte die größten europäischen Kataklysmen. Der Niedergang des traditionellen Industriekapitalismus und der Übergang zur postindustriellen Gesellschaft verlief gleichfalls nicht problemlos. Hätten die Regierungen keine titanischen Anstrengungen zur Antikrisenregulierung in den Vorkriegsjahren und zur staatlichen Finanzierung wissenschaftlicher und technologischer Forschungen in den Nachkriegsjahren unternommen, so wäre völlig unklar, wie die globale Konfrontation des 20. Jahrhunders ausgegangen wäre. Heute treten wir in die Phase eines noch umfassenderen Übergangs ein, und die Unterschäzung möglicher

Gefahren und der Widersprüchlichkeit dieser Transformation wäre äußerst gefährlich.

Mehr noch. Die Spezifik unserer Epoche rührt daher, daß über die neue Gesellschaft, die die existierende Ordnung ablöst, nichts bekannt ist. Waren in der Periode der Auflösung der Grundlagen der Feudalgesellschaft die diese ablösenden Strukturen schon faktisch herausgebildet und warteten sie lediglich auf die politische Anerkennung und auf neue Möglichkeiten für die eigene Entwicklung, war unter den Bedingungen des Spätkapitalismus auch relativ klar, welche sozialen Probleme die größte Gefahr heraufbeschworen und auf welche Weise diese zu überwinden waren, so hat sich die Situation heute grundlegend geändert. Neue soziale Strukturen existieren nicht, sondern es werden lediglich neue individuelle Wert- und Prävalenzsysteme herausgebildet, wobei ihre Evolutionsformen und -richtungen nicht besonders klar sind. Zudem verfügen die erhalten gebliebenen sozialen Institute nur über solche Mittel zur Beilegung von gesellschaftlichen Konflikten und Widersprüchen, die sich erfolgreich in der abgelaufenen Wirtschaftsepoche anwenden ließen, wohingegen sie heute nicht nur ineffektiv, sondern auch noch gefährlich sein können.

Deshalb sollte nicht vergessen werden, daß die Menschheit in den nächsten Jahrzehnten nicht nur ein qualitativ neues Niveau im technologischen und intellektuellen Fortschritt erreichen kann; auch eine nie zuvor gekannte Zuspitzung der sozialen Widersprüche und Zusammenstöße ist möglich. Diesmal werden sich kaum politische Fraktionen, Parteien oder sogar einzelne Gesellschaftsklassen gegenüberstehen. Die Konflikte in einer neuen Periode können sich aus einer gewissen komplizierten Verflechtung von Widersprüchen ergeben, die unter einzelnen Individuen oder unter deren Gemeinschaften entstehen, die sich nach Anzeichen mit ausgesprochen subjektivem Hintergrund vereinigen.

Heute beobachten wir eine Überwindung der Grundlagen der traditionellen Marktwirtschaft. Eine große Menge von Gütern wird gegen andere eingetauscht, ohne daß dabei auch nur im geringsten die Kosten berücksichtigt werden, die noch die Preisbildung für die Erzeugnisse vieler Zweige der gesellschaftlichen Produktion beeinflussen. Die Überbewertung einzelner Güter und ganzer Wirtschaftszweige geht mit der Unterbewertung anderer einher; die Arbeitsproduktivität, die in Einheiten berechnet wird, in denen es sich gerade noch tun läßt, ist, wie sich erweist, im Gegenteil im traditionellen Sektor sehr viel höher als in neuen aussichtsreichen Produktionssphären. Inzwischen bleiben Marktinstitute in Funktion; in ihrer Mehrzahl ist die Bevölkerung aller entwickelten Länder in die Bewegung fiktiver Eigentumszeichen einbezogen, während die Verringerung der Aktualität der materiellen Interessen, die sich aus der Herausbildung der Grundlagen einer neuen Gesellschaft ergibt, heute ausschließlich durch die Stabilität eines irrationalen Systems aufrechterhalten wird, das ein hohes Niveau im gesellschaftlichen Wohlstand gewährleistet, doch intern gerade die durch die Umstände unterminiert wird, die es selber mit Leben erfüllt hat.

Immer offensichtlicher wird die Grenze zwischen den mit intellektueller Arbeit Beschäftigten, die Zugang zu den Produktionsmitteln gefunden haben und in der Lage sind, den Eigentümern an den Grundfonds der Industriegesellschaften als gleichberechtigte Partner gegenüberzutreten, und den Proletariern, die wie schon früher genötigt sind, ihre Arbeitskraft an die Unternehmer zu verkaufen. Bei der Durchsetzung der Eigentumsrechte findet man immer kompliziertere Formen vor, und die diese Rechte einschränkenden Faktoren werden immer zahlreicher; vor diesem Hintergrund erhalten die Privateigentümer solche Möglichkeiten für die Erweiterung von Wissen und Perfektionierung vonTechnologien, die bei fehlender gesellschaftlicher Kontrolle für das Sozium insgesamt eine potentielle Gefahr darstellen können.

Die Überwindung der Ausbeutung existiert vorerst im Bewußtsein lediglich des Teiles der Gesellschaft, der sich Zugang zu Wissen verschaffen konnte. Das ist heute kein seltener, doch sehr relativer Vorteil, zudem erfordert er vom Menschen Charaktereigenschaften, die nicht ebenso einfach erworben werden können wie das Eigentum in der Epoche der ursprünglichen Akkumulation des Kapitals. Mit zunehmender Orientierung auf die Erzeugung von Informationsprodukten tritt mehr und mehr der Personenkreis hervor, der keinen Anteil an deren Herstellung haben kann, und das nicht, weil hier Möglichkeiten zur Erlangung der hierfür notwendigen technischen Mittel fehlen, sondern weil infolge von Lebensumständen, Erziehung und Ausbildung die Information nicht verarbeitet und kein neues Wissen generiert werden kann. Der Traum von einer Gleichheit, der noch seit der Aufklärungszeit auf der naiven cartesianischen Anffassung von Bewußtsein und Menschenverstand als Tabula rasa basiert, gehört allmählich der Vergangenheit an, und die Bitternis des Abschieds von dieser Illusion kann alle Errungenschaften einer Gesellschaft, die Marktwirtschaft, Eigentum und Ausbeutung überwunden hat, in den Schatten stellen.

Große Probleme ergeben sich ferner aus der Notwendigkeit, einen Ausweg aus völlig heterogenen Fragenkomplexen zu finden. Einerseits besteht eine vordringliche Aufgabe in der maximal möglichen Anwendung neuer, postökonomischer Regulierungsmethoden in der Wirtschafts- und Sozialsphäre in den entwickelten Ländern, aber andererseits sind die Beziehungen zur Außenwelt durchweg wirtschaftlicher Natur, weil in den meisten Regionen unseres Planeten vorwiegend Industrieproduktion und manchmal sogar hauptsächlich Agrarproduktion vorzufinden ist, weniger dagegen die Entwicklung von High-tech-Methoden und Informationstechnologien. Das Problem des gemeinsamen Vorgehens der postökonomischen und Wirtschaftssektoren im weltweiten Maßstab wird sich stark zuspitzen, da keinerlei Programme einer Zusammenarbeit und Hilfe, die auf die Unterstützung der "Dritten Welt" gerichtet sind, andere Ergebnisse als rein wirtschaftliche hervorbringen können. Aber ebenso wie in den entwickelten Ländern die Menschen, die Wissen generieren und

Informationsprodukte schaffen können, sich nicht überstürzen, als Erdarbeiter und Würstchenhändler zu arbeiten, sondern zu dem ziemlich engen Kreis der Geistesschaffenden vorstoßen, der der Mehrzahl der Gesellschaftsmitglieder gegenübersteht, wollen in den Entwicklungsländern talentierte Spezialisten und Wissenschaftler in ihrer Mehrheit sich dieser Gruppe anschließen — allerdings nicht im eigenen Lande, wo eine solche faktisch nicht existiert, sondern in den entwickelten Ländern. Gerade deshalb ist der Anteil vom intellektuellen Potential, der in der "Dritten Welt" konzentriert ist, heute nicht höher als fünf Prozent des gesamten intellektuellen Potentials der Menschheit und verringert sich weiterhin. Folglich wird eine Trennungslinie zwischen Geistesschaffenden und der übrigen Gesellschaft nicht nur in den einzelnen Ländern, sondern in der ganzen Welt gezogen, und dieser Widerspruch kann nicht ausschließlich mit ökonomischen Methoden aufgehoben werden.

Somit wird die Herausbildung der Grundlagen der neuen Gesellschaft weder reibungslos noch ohne Probleme ablaufen. Im Gegenteil können sich die dieses Werden vermittelnden sozialen Kataklysmen als äußerst gefährlich erweisen. Möglichkeiten für deren Entstehung werden dann real, wenn in irgendeinem Bereich, sei es nun die Entwicklung der marktwirtschaftlichen Tendenzen, die Evolution der Eigentumsverhältnisse oder die Erneuerung der Klassenstruktur, eine Situation entstehen sollte, in der der neue, nichtökonomische Inhalt der tieferen wirtschaftlichen und sozialen Prozesse in einen scharfen und nicht überwindbaren Widerspruch zu den Wirtschaftsformen tritt, in denen sie in Erscheinung treten. Das Auftreten eines derart starken Auseinanderklaffens und die darauffolgende destruktive Auflösung der entsprechenden ökonomischen Form kann ausgesprochen dramatische Folgen für die Gesellschaft insgesamt haben, weil eine solche Auflösung ein Zusammenbrechen der bisherigen Ordnung unter den Bedingungen bedeutet, da sowohl real die Gesellschaft vereinigende Prinzipien als auch zentripetale Tendenzen fehlen, die selbst in der Wirtschaftsepoche ausreichend klar ersichtlich sind.

Gibt es eine Möglichkeit, ähnlichen Szenarien auszuweichen, und kann es überhaupt einen relativ schmerzlosen Übergang in den postökonomischen Zustand geben? Heute ist natürlich keine eindeutige Antwort auf diese Fragen zu finden. Aber aus den erfolgten Darlegungen können einige allgemeine Schlüsse gezogen werden.

Erstens darf die moderne technologische Revolution nicht mit einer Revolution in der sozialen Sphäre verwechselt werden; im Gegenteil sollte unterstrichen werden, daß sie getrennt, nur parallel zueinander verlaufen und daß eine direkte Abhängigkeit des einen Prozesses vom anderen nicht gegeben ist. In gewisser Hinsicht kann sogar behauptet werden, daß eine der Aufgaben der zeitgenössischen Gesellschaft darin besteht, eine Reihe von wirtschaftlichen und sozialen Prozessen etwas abzubremsen, die in stärkerer Weise die Kluft zwischen den tiefer liegenden Grundlagen der sozialen Ordnung und den wirtschaftlichen Erscheinungsformen erweit-

ern. Solche Maßnahmen können das Eintreten eines radikalen Konflikts aufschieben, der das soziale Gleichgewicht stören könnte.

Zweitens wäre unter Berücksichtigung eines äußerst zweifelhaften, ja vielleicht sogar völlig illusorischen Effekts solcher Maßnahmen die Möglichkeit der Vervollkommnung der modernen Wirtschaftsstrukturen in Betracht zu ziehen. Es gilt, diese von den meist beinahe fetischistischen und gleichzeitig einen fiktiven Hintergrund aufweisenden kennzeichnenden Äußerungsformen zu befreien, was insbesondere die modernen Formen des Finanzkapitals, die Überbewertung einzelner Gesellschaften und Branchen, die übermäßige Verbreitung von Eigentumszeichen betrifft, hinter denen sich keine realen Elemente gesellschaftlichen Reichtums verbergen, und so weiter. Ein sich schon zwei Jahrzehnte hinziehendes und Massencharakter annehmendes unproportional schnell zunehmendes Wachstum des Geldwertes der Aktien von Industrieunternehmen im Vergleich zu deren Produktionswachstum ist an sich schon ein Anzeichen der destruktiven Einflüsse auf die Wertprinzipien des Austauschs, aber die Folgen eines möglichen Börsenkrachs, die sich auf die Mehrheit der Bevölkerung auswirken werden, können dem historischen Optimismus der Soziologen Abbruch tun, die den außerhalb des Marktes angesiedelten Wirtschaftsraum vorhersagen.

Drittens sollte man sich der Frage neuer Systeme, die einen effektiven Einfluß auf das Verhalten von Individuen haben, für die die Werte wirtschaftlicher Art die bisherige Bedeutung verlieren, zuwenden. Die Herausbildung neuer Systeme sozialer Beziehungen, die es den zentralen Institutionen der Gesellschaft erlauben, die Individuen effektiv anzuleiten, deren Tätigkeit überutilitarische Motivierung aufweist, ist heute eine vorrangig zu erfüllende Bedingung dafür, über die nächsten Jahrzehnte jene soziale Stabilität zu gewährleisten, ohne die die Entfaltung der neuen Gesellschaft unmöglich erscheinen könnte.

Viertens sollte an die Schaffung eines effektiven Systems gegen die Ausweitung eines neuen Widerstreits herangegangen werden, der durch die Teilung der Gesellschaft aufgrund des Prinzips der materiellen und nichtmateriellen Motivierung der Tätigkeit ihrer Mitglieder bedingt ist, was auf das Besitzen bzw. Nichtbesitzen von Kenntnissen und Informationstechnologien zurückzuführen ist. Hierbei gilt es, über einen längeren historischen Zeitraum die wirtschaftlichen Methoden der Beeinflussung der Menschen mit den nichtwirtschaftlichen zu kombinieren, und das sowohl innerhalb einzelner postindustrieller Nationen als auch weltweit.

Als Ausblick können wir aufgrund dieser Schlußfolgerungen vorgeben, daß die sich aus der Dynamik der sozialen Prozesse der letzten Jahrzehnte ergebenden Tendenzen in naher Zukunft keineswegs unbedingt eine direkte Fortsetzung und Entwicklung erfahren müssen. Wir können die sich vor der Menschheit eröffnenden Perspektiven nicht genau bestimmen, aber dennoch dafür einstehen, daß der Übergang zur postökonomischen Zivilisation, der heute mit einer unter den Bedingungen des

Sieges des Wissens aufstrebenden Welle eines nie gekannten historischen Optimismus seinen Anfang nimmt, nicht leicht zu bewältigen sein wird. Neue Hoffnungen und Erwartungen laufen mit der Absage an überkommene Vorstellungen, Werte und Prioritäten zusammen. Heute wäre das unvorstellbar, aber ahnten etwa die Römer, als sie Mark Aurel, einen Philosophen auf dem Thron, verherrlichten, daß dem Imperium nur noch zweihundert Jahre beschieden waren? Soll eine neue Seite in der Geschichte aufgeschlagen werden, so dürfen die Schwierigkeiten des Abschieds von der Vergangenheit, von einer gigantischen Epoche nicht unterschätzt werden, die unerbittlich und ungerecht, aber gleichzeitig brillant und großartig war. Diese Epoche stellte einen einmaligen Weg dar, der von der Menschheit schon zurückgelegt worden ist. War auch in dieser Epoche eine schöpferische Leistung eine seltene Erscheinung, wurden doch gerade durch kreative Anstrengungen die erhabensten Kulturdenkmäler geschaffen, vor denen sich die Menschheit heute noch verneigt; Edelmut wurde nicht oft vorgefunden, aber gerade dieser wird dem Menschengeschlecht als Charakterzug der Vergangenheit in Erinnerung bleiben; die ausweglose Tragödie der Revolutionäre war darin begründet, daß ihre Ideen der Gesellschaft keinen realen Fortschritt gewährleisten konnten, aber die Zahl derjenigen, die nach einer verheißungsvollen Zukunft suchten, wurde dadurch nicht geringer.

Kein einziger Versuch einer revolutonären Transformation der Welt konnte einen langanhaltenden Erfolg verzeichnen, obwohl die Aufgaben, die von den Pionieren ausgerufen wurden, einen geringen Wirkungskreis betrafen. Heute nun überschreitet die Menschheit die Grenzen der ökonomischen Epoche, wobei die materielle Interessiertheit, die früher die Welt regierte, überwunden wird. Etwas Ähnliches konnte nicht einmal der Herrgott ahnen, als er verkündete, daß der Mensch ewiglich im Schweiße seines Angesichts sein Brot essen solle. Hierbei sind alle Versuche des Menschen, diese Welt grundlegend zu verändern, durch die tiefgreifenden Gesetze der sozialen Evolution gebremst worden, und die Zivilisation kam auf ihren natürlichen Entwicklungsweg zurück; wir hoffen, daß sich dies auch morgen fortsetzt. Das ist der wichtigste und womöglich einzige Anlaß zu Optimismus, mit dem wir in die Zukunft schauen. Und auf die Frage danach, was *wird*, wenn eine neue Gesellschaft in Erscheinung tritt, gibt es nur eine Antwort:

Und es wird wieder April...,

wie auch auf die Frage, was man heute machen *soll*, da voraussichtlich eine Wandlung berorsteht:

Und es wird weiter gelebt,
für Blousons und leichte Kattunkleider gewebt,
genäht und geglaubt, daß all das getragen wird, —
nur so ist das Leben noch lebenswert.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аристотель. Никомахова этика.
Аристотель. Политика.
Аристотель. Физика.
Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
Батищев Г.С. Диалектика творчества. М., 1984. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 18609.
Батищев Г.С. Диалектический характер творческого отношения человека к миру. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., ИФ АН СССР, 1989.
Бланки Л.О. Избранные произведения. М., 1952.
Бланки Л.О. Социальная критика // Избранные произведения. М., 1952.
Бытие.
Бэкон Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1974.
Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы. М., 1952.
Гесиод. Труды и дни.
Гоббс Т. Левиафан. М., 1898.
Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 1969.
Демокрит в изложении Диодора // *Диодор*
Екклесиаст.
Изложение учения Сен-Симона. М.-Пг., 1923.
Иноземцев В.Л. Две концепции исторического развития: марксизм и постиндустриализм // Философские исследования. 1997. № 3.
Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995.
Иноземцев В.Л. Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? // Коммунист. 1991. № 4.
Иноземцев В.Л. Марксистская теория исторического прогресса. Репринт доклада. М., ИЭ АН СССР, 1992.
Иноземцев В.Л. Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996.
Иноземцев В.Л. Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? // Вестник Российской академии наук. Том 67, 1997. № 8.

Иноземцев В.Л. Творческие начала современной корпорации // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 11.

Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10.

Иноземцев В.Л. Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории // ПОЛИС. Политические исследования. 1991. № 4.

Иноземцев В.Л. Экспансия творчества — вызов экономической эпохе // ПОЛИС. Политические исследования. 1997. № 5.

Иноземцев В. Эксплуатация: объективная данность и феномен сознания // Коммунист. 1991. № 10.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. .

Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.

Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. Вып. 2. СПб., 1910.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 1.

Лютер М. К христианскому дворянству германской нации. Харьков, 1912.

Лютер М. О светской власти и до каких пределов ей надлежит повиноваться.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 8.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 16.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 24.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. I.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. II.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 26. Ч. I.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 35.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 47.

Межуев В.М. Культура как объект познания // Философские проблемы культуры. М., 1984. .

Милль Дж.Ст. О.Конт и позитивизм. СПб., 1906.

Милль Дж.Ст. О свободе. Лейпциг, 1861.

Милль Дж.Ст. Право труда // *Милль Дж.Ст.* Рассуждения и исследования политические, философские и экономические. Вып. 2. СПб., 1865.

Милль Дж.Ст. Система логики, силлогистической и индуктивной. М., 1899.

Мор Т. Утопия. М., 1978.

Ап. Павел. Первое послание к коринфянам.
Первая книга *Моисея.* Бытие.
Платон. Законы.
Платон. Государство.
Плотин. Эннеады.
Полибий. Всеобщая история.
Положительная философия Огюста Конта в изложении доктора Робинэ. СПб., 1898.
Прокл. Первоосновы теологии.
Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о начале и основаниях неравенства между людьми. М., 1770.
Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о начале и основаниях неравенства между людьми. СПб., 1907.
Сен-Симон А. де. Взгляд на собственность и законодательство // Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л., 1948.
Сен-Симон А. де. Катехизис промышленников // Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л., 1949.
Сен-Симон А. де. О промышленной системе // Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л., 1949.
Сен-Симон А. де. О теории общественной организации // Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л., 1948.
Сен-Симон А. де. Очерк науки о человеке // Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л., 1948.
Сен-Симон А. де. Письма к американцу // Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л., 1948.
Сен-Симон А. де. Рассуждения литературные, философские и промышленные // Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л., 1949.
Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
Смит А. Теория нравственных чувств. СПб., 1895.
Социология Конта в изложении Риголажа. СПб., 1898.
Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1955.
Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Вопросы ленинизма. М., 1947.
Сталин И.В. Сочинения. Т. 13.
Тацит. Сочинения. Т. 1. Л., 1969.
Тюрго А.-Р.Ж. Последовательные успехи человеческого разума. Речь в Сорбонне 11.XII. 1750 // Родоначальники позитивизма. Вып. 1. СПб., 1910.
Тюрго А.-Р.Ж. Рассуждение о всеобщей истории // Избранные философские произведения. М., 1937.
Фурье Ш. Критика строя цивилизации // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1951.
Фурье Ш. Пути будущего // Избранные сочинения. Т. 2. М., 1952.
Фурье Ш. Судьбы мира и человечества // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1951.
Фурье Ш. Таблица хода социального движения // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1951.
Честертон Г.К. Вечный человек. М., 1991.

Шефтсбери Э.Э.К. Моралисты // *Шефтсбери Э.Э.К.* Эстетические опыты. М., 1975.
Юм Д. Исследование о принципах морали // Сочинения. Т. 2. М., 1965.
Юм Д. О совершенствовании в искусствах // *Хатчесон Фр., Юм Д., Смит Ад.* Эстетика. М., 1973.
Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения. Т. 1. М., 1965.

Adams F.T., Hansen G.B. Putting Democracy to Work: A Practical Guide for Starting and Managing Worker-Owned Businesses. San Francisco, 1992.
Afheldt H. Wohlstand für niemand? München, 1994.
St. Albertus Magnus. Politica.
Arendt H. The Human Condition. Chicago-L., 1958.
Arendt H. The Human Condition. N.Y., 1959.
Aron R. 28 Lectures on Industrial Society. L., 1968.
Aron R. The Industrial Society. Three Lectures on Ideology and Development. N.Y.-Wash., 1967.
Arrighi G. The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Times. L.-N.Y., 1994.
Arrow K. The Economics of Information // *Dertouzos M.L., Moses J.* (Eds.) The Computer Age: A Twenty-Year View. Cambridge (Mass.), 1979.
Arrow K. The Production and Distribution of Knowledge // *Silverberg G., Soete L.* The Economics of Growth and Technical Change: Technologies, Nations, Agents. Aldershot-Brookfield (Vt.), 1994.
St. Augustinus. De civitate Dei.
Bahro R. The Alternative. L., 1978.
Bahro R. From Red to Green. L., 1984.
Bailin Sh. Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. Dordrecht, 1988.
Baker G. Clinton Holds Out Vision of a 'New Economy' for US // Financial Times. 1997. October 28.
Barglow R. The Crisis of the Self in the Age of Information. L.-N.Y., 1994.
Barksdale J. Washington May Crash the Internet Economy // Wall Street Journal Europe. 1997. October 2.
Barrom I., Curnow R. The Future with Microelectronics. L., 1979.
Bartley R.L. The Case for Optimism // Foreign Affairs. 1993. No 4.
Baud M.-F. Market Globalization // UNESCO Courier. 1996. No 11.
Baudrillard J. America. L.-N.Y., 1988.
Baudrillard J. Consumer Society // Selected Writings. Cambridge, 1996.
Baudrillard J. L'Echange simbolique et la mort. P., 1976.
Baudrillard J. For a Critique of the Political Economy of the Sign // Selected Writings. Cambridge, 1996.
Baudrillard J. In the Shadow of the Silent Majorities or, The End of the Social and Other Essays. N.Y., 1983.
Baudrillard J. The Mirror of Production // Selected Writings. Cambridge, 1996.
Baudrillard J. Selected Writings. Cambridge, 1996.

Baudrillard J. La société de consommation. P., 1970.
Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. L.-Thousand Oaks, 1995.
Baudrillard J. The Transparency of Evil. Essays on Extreme Phenomena. L.-N.Y., 1993.
Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L.-N.Y., 1994.
Bauman Z. Modernity and Ambivalence. Cambridge, 1991.
Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity. L.-Thousand Oaks, 1992.
Becker G.S. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago-L., 1993.
Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.
Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976.
Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1996.
Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976.
Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. 20th Anniversary Edition. N.Y., 1996.
Bell D. The Idea of a Social Report // The Public Interest. 1969. No 15.
Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. No 6.
Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. No 7.
Bell D. The Social Framework of the Information Society. Oxford, 1980.
Bell D. Sociological Journeys. Essays 1960 - 1980. L., 1980.
Bell D. The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences // Dissent. Vol. XXXVI. Spring 1989. No 2.
Bell D. The World and the United States in 2013 // Daedalus. Vol. 116. No 3.
Bellah R., et al. Good Society. N.Y., 1985.
Beniger J.R. The Control Revolution. Technological and Economic Origins of the Information Society. Cambridge (Ma.)-L., 1994.
Berger P.L. The Capitalist Revolution. Fifty Propositions About Prosperity, Equality, and Liberty. Aldershot, 1987.
Berman M. Why Modernism Still Matters // *Lash S., Friedman J.* (Eds.) Modernity and Identity. Oxford (UK)-Cambridge (USA), 1993.
Bernstein R., Munro R.H. The Coming Conflict with China. N.Y., 1997.
Berreman G.D. (Ed.) Social Inequality. Comparative and Development Approaches. Berkeley (Ca.), 1981.
Berry J.M. A Federal Surplus in '98 May Be a Mirage, Experts Warn // International Herald Tribune. 1998. January 2. P. 12.
Bertens H. The Idea of the Postmodern: A History. L.-N.Y., 1995.
Best F. Technology and the Changing World of Work // The Futurist. Vol. XVIII. 1984. No. 2.
Best S., Kellner D. Postmodern Theory: Critical Interrogations. Houndmills-L., 1991.
Bezold C., Carlson R., Peck J. The Future of Work and Health. Dover-L., 1986.
Bishop M., Kay J. Does Privatization Work? Lessons from the UK. L., 1988.
Blasi J.R., Kruse D.L. The New Owners: The Mass Emergence of Employee Ownership in Public Companies and What It Means to American Business. N.Y., 1991.
Block F. Postindustrial Possibilities. A Critique of Economic Discourse. Berkeley-Los Angeles, 1990.

Bocock R. Consumption. L.-N.Y., 1993.
Bonefeld W., Holloway J. (Eds.) Post-Fordism and Social Forms. Houndmills-L., 1991.
Bono E., de. Serious Creativity. Using the Power of Lateral Thinking to Create New Ideas. N.Y., 1995.
Bottomore T.B., Goode P. (Eds.) Austro-Marxism. Oxford, 1978.
Boulding K. The Meaning of the XXth Century: The Great Transition. N.Y., 1964.
Boyer R. (Ed.) The Search for Labour Market Flexibility. Oxford, 1986.
Boyett J.H., Boyett J.T. Behind Workplace 2000. Essential Strategies for the New American Corporation. N.Y., 1996.
Boyett J.H., Conn H.P. Maximum Performance Management. Oxford, 1995.
Boyle J. Shamans, Software and Spleens: Law and the Construction of the Information Society. Cambridge (Ma.)-L., 1996.
Branscomb A.W. Who Owns Information? From Privacy to Public Access. N.Y., 1994.
Braudel F. Civilisation and Capitalism, XVth–XVIIIth century. Vol. 1–3. L., 1985.
Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. T. 1–3. P., 1979.
Braudel F. A History of Civilisations. L., 1995.
Braudel F., Labrousse E. (Eds.) Histoire économique et sociale de la France. T. III. P., 1993.
Braun Ch.-F., von. The Innovation War. Industrial R&D... the Arms Race of the 90s. Upper Saddle River (N.J.), 1997.
Brauner J., Bickmann R. Cyber Society. Das Realszenario der Informationsgesellschaft: Die Kommunikationsgesellschaft. Düsseldorf-München, 1996.
Briggs A., Snowman D. (Eds.) Fins de Siècle. How Centuries End 1400-2000. New Haven (Ct.)-L., 1996.
Brockway G.P. The End of Economic Man. N.Y.-L., 1995.
Brooking A. Intellectual Capital. L., 1996.
Brown L.R., Flavin Ch., French H., et al. State of the World 1997. A Worldwatch Institute Report on Progress Toward a Sustainable Society. N.Y.-L., 1997.
Brzezinski Zb. Between Two Ages. N.Y., 1970.
Brzezinski Zb. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. N.Y., 1993.
Bücher K. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Tübingen, 1911.
Burns T. The Rationale of the Corporate System. N.Y., 1969.
Calinescu M. Five Faces of Modernity. Durhan (NC), 1987.
Callinicos A. Against Postmodernism. A Marxist Critique. Cambridge, 1994.
Calvez J.-Y. Nécéssité du travail. Disparition d'une valeur ou redéfinition? P., 1997.
Cannon T. Corporate Responsibility. L., 1992.
Cannon T. Welcome to the Revolution. Managing Paradox in the 21st Century. L., 1996.
Carnoy M. Multinationals in a Changing World Economy: Whither the Nation-State? // *Carnoy M., Castells M., Cohen S.S. Cardoso F.H.* The New Global

Economy in the Information Age: Reflections on Our Changing World. University Park (Pa.), 1993.
Casey C. Work, Self and Society. After Industrialism. L.-N.Y., 1995.
Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of the Network Society. Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1996.
Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 2: The Power of Identity. Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1997.
Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 3: End of Millennium. Malden (Ma.)-Oxford, 1998.
Castells M. The Informational City: Informational Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process. Oxford, 1989.
Castells M. The Informational Economy and the New International Division of Labor // *Carnoy M., Castells M., Cohen S.S. Cardoso F.H.* The New Global Economy in the Information Age: Reflections on Our Changing World. University Park (Pa.), 1993.
Castoriadis C. Gesellschaft als imaginäre Institution. Entwurf einer politischen Philosophie. Frankfurt am Main, 1984.
Caufield C. Masters of Illusion. The World Bank and the Poverty of Nations. N.Y., 1997.
Chesterton G.K. St. Thomas Aquinas. N.Y., 1933.
Clark D. Post-Industrial America: a Geographical Perspective. N.Y.-L., 1985.
Clement W., Myles J. Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies. Montreal, 1994.
Cleveland C.J. Natural Resource Scarcity and Economic Growth Revisited: Economic and Biophysical Perspectives // *Costanza R.* (Ed.) Ecological Economics. The Science and Management of Sustainability. N.Y., 1991.
Cobb C., Halstead T., Rowe J. Redefining Progress: The Genuine Progress Indicator, Summary of Data and Methodology. San Francisco, 1995.
Comte A. Cours de philosophie positive. T. 1. P., 1830 .
Comte A. Cours de philosophie positive. T. 4. P., 1839.
Comte A. A General View on Positivism. L., 1898.
Comte A. Opuscules de philosophie sociale. 1819–1828. P., 1883.
Condorcet J.-A., de. Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. P., 1794.
Condorcet J.-A., de. Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. P., 1969.
Connor S. Postmodernist Culture. An Introduction to Theories of the Contemporary. Oxford (UK)-Cambridge (USA), 1995.
Coomaraswamy A. (Ed.) Essays in Post-Industrialism: A Symposium of Prophecy Concerning the Future of Society. L., 1914.
Copeland T., Koller T., Murrin J. Valuation. Measuring and Managing the Value of Companies. N.Y., 1996.
Costanza R. (Ed.) Ecological Economics. The Science and Management of Sustainability. N.Y., 1991.
Coulson-Thomas C. The Future of the Organisation. Achieving Excellence through Business Transformation. L., 1997.
Cox R.W., Sinclair T.I. Approaches to World Order. Cambridge, 1996.

Crawford R. In the Era of Human Capital. The Emergence of Talent, Intelligence, and Knowledge as the Worldwide Economic Force and What it Means to Managers and Investors. L.-N.Y., 1991.
Crook S., Pakulski J., Waters M. Postmodernisation. Change in Advanced Society. L., 1993.
Cumberland R. De legibus naturae... Lubeca et Francofurti, 1683.
Cunliffe M. (Ed.) American Literature Since 1900. L., 1975.
Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages. N.Y., 1963.
Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959.
Dahrendorf R. The Modern Social Conflict. An Essay on the Principles of Liberty. Berkeley-L.A., 1990.
Dahrendorf R. The New Liberty: Survival and Justice in a Changing World. L., 1975.
Daly H.E., Cobb J.B., Jr. For the Common Good. Boston, 1989.
Daniels P.W. Service Industries in the World Economy. Oxford (UK)-Cambridge (US), 1993.
Davidson J.D., Lord William Rees-Mogg. The Sovereign Individual. N.Y., 1997.
Dertouzos M.L., Moses J. (Eds.) The Computer Age: A Twenty-Year View. Cambridge (Mass.), 1979.
Dicken P. Global Shift: The Internationalization of Economic Activity. L., 1992.
Dickson D. The New Politics of Science. N.Y., 1984.
Dimbleby J. The Last Governor. Chris Patten and the Handover of Hong Kong. L., 1997.
Dizard W. The Coming of Information Age. N.Y., 1982.
Dopsch A. Economie-nature et économie-argent dans l'histoire mondiale. P., 1932.
Dopsch A. Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien, 1930.
Dordick H.S., Wang G. The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park (Ca.)-L., 1993.
Dougherty G.V. The Moral Basis of Social Order According to St.Thomas. Wash., 1941.
Drucker on Asia. A Dialogue Between *Peter Drucker* and *Isao Nakauchi.* Oxford, 1997.
Drucker P.F. The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society. New Brunswick (US)-L., 1994 .
Drucker P.F. The Changing World of the Executive. Oxford, 1995.
Drucker P.F. Concept of the Corporation. New Brunswick-L., 1993.
Drucker P.F. The Educational Revolution // *Etzioni-Halevy E., Etzioni A.* (Eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. N.Y., 1973.
Drucker P.F. Landmarks of Tomorrow. New Brunswick (USA)-L., 1996.
Drucker P.F. Managing in a Time of Great Change. Oxford, 1995.
Drucker P.F. Managing in a Time of Great Change. Oxford, 1997.
Drucker P.F. Managing in Turbulent Times. Oxford, 1993.
Drucker P.F. Managing the Non-Profit Organization. Practices and Principles. Oxford, 1994.
Drucker P.F. The New Realities. Oxford, 1996.
Drucker P.F. Post-Capitalist Society. N.Y., 1993.

Duchin F., Lange G.-M., et al. The Future of the Environment. Ecological Economics and Technological Change. N.Y.-Oxford, 1994.
Dunning J. Multinational Enterprises in a Global Economy. Wokingham, 1993.
Durso G., Rothblatt R. Stock Ownership Plans Abroad // *Rosen C., Young K.M.* (Eds.) Understanding Employee Ownership. N.Y., 1991.
Eberstadt N. Population Change and National Security // Foreign Affairs. 1991. No 3.
Edvinsson L., Malone M. S. Intellectual Capital. Realizing Your Company's True Value by Finding Its Hidden Roots. N.Y., 1997.
Ellul J. The Technological Society. N.Y., 1964.
Englisch A. Der Papst will den Euro und sein eigenes Geld // Welt am Sonntag. 1997. Juli 6.
Ernfors E.B., Ernfors R.F. Archaic Economy and Modern Society. Uppsala, 1990.
Etzioni A. The Active Society. N.Y., 1968.
Etzioni A. The New Golden Rule. Community and Morality in a Democratic Society. N.Y., 1996.
Etzioni A. A Responsive Society: Collected Essays on Guiding Deliberate Social Change. San Francisco, 1991.
Etzioni A. The Spirit of Community. The Reinvention of American Society. N.Y.,1993.
L'Europe en chiffres. Paris, 1995.
Eyre S.L. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Antropology. N.Y., 1967.
Farley R. (Ed.) State of the Union. America in the 1990s. Vol. I. N.Y., 1995.
Farley R. (Ed.) State of the Union. America in the 1990s. Vol. II. N.Y., 1995.
Faunce W.A. Problems of an Industrial Society. San Francisco, 1968.
Featherstone M. Consumer Culture and Post-Modernism. L., 1991.
Ferguson Ad. Essay on the History of the Civil Society. Basil, 1789.
Fiedler L. Cross the Border – Close the Gap: Post-Modernism // *Cunliffe M.* (Ed.) American Literature Since 1900. L., 1975.
Financial Times. 1997. November 21.
Financial Times FT 500 1997. L., 1997.
Financial Times. 1998. January 22. FT500 Index. P. 5-6.
Financial Times, 1998. February 11. P. 34.
Forester T. High-Tech Society. The Story of the Information Technology Revolution. Cambridge (Ma.), 1988.
Forester T. Silicon Samurai. How Japan Conquered the World's IT Industry. Cambridge (Ma.)-Oxford, 1993.
Forse M., Langlois S. (Eds.) Tendances comparées des sociétés post-industrielles. P., 1995 .
Foucault M. The Order of Things. An Archaeology of Human Sciences. N.Y., 1994.
Fourastié J. Le grand espoir du XXe siècle. P., 1949.
Fourier Ch. Oeuvres complètes. T. VI. P., 1845.
Frankel B. The Post-Industrial Utopians. Madison (Wi.), 1987.
Freund W. Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelalters. Köln, 1957.
Friedson E. Professionalism Reborn. Theory, Prophecy, and Policy. Cambridge, 1994.

Fromm E. The Sane Society. L., 1991.
Fukuyama F. The End of History and the Last Man. L.-N.Y., 1992.
Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y., 1996.
Furnham A. Personality at Work. L.-N.Y., 1992.
Galbraith J.K. The Affluent Society. L.-N.Y., 1991.
Galbraith J.K. The Culture of Contentment. L., 1992.
Galbraith J.K. The Good Society: The Human Agenda. Boston-N.Y., 1996.
Galbraith J. K. The New Industrial State. L., 1991.
Galbraith J. K. The New Industrial State. 2nd ed. L., 1991.
Garten J.E. The Big Ten. The Big Emerging Markets and How They Will Change Our Lives. N.Y., 1997 .
Gates B. The Road Ahead. N.Y.-L., 1996.
Gellner E. Postmodernism, Reason and Religion. L., 1992.
Gershuny J. Post-Industrial Society: The Myth of the Service Economy // Futures. Vol. 9. 1977. No 2.
Geus A., de. The Living Company. Boston, 1997.
Gibney F. Stumbling Giants // Time. 1997. November 24.
Gibson R. (Ed.) Rethinking the Future. L., 1997.
Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1995.
Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1997.
Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1996.
Giddens A. Social Theory and Modern Sociology. Cambridge, 1987.
Glaser H. Das Verschwinden der Arbeit. Die Chancen der neuen Tätigkeitsgesellschaft. Düsseldorf, 1988.
Gordon E.E., Morgan R.R., Ponticell J.A. Future Work. The Revolution Reshaping American Business. Westport (Ct.)-L., 1994.
Gore A. Earth in the Balance: Forging a New Common Purpose. L., 1992.
Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. L., 1982.
Gorz A. Paths to Paradise: On the Liberation from Work. L., 1985.
Gregory C.A. Gifts and Commodities. Norwich, 1982.
Greider W. One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y., 1997.
Grotius G. De jure belli ac pacis.
Habermas J. Knowledge and Human Interests. Boston, 1994.
Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge, 1995.
Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge (Ma.), 1991.
Habermas J. Toward a Rational Society. Boston, 1971.
Hage J., Powers Ch.H. Post-Industrial Lives: Roles and Relationships in the 21st Century. Newbury Park (Ca.), 1992.
Hale R., Whitlam P. Towards the Virtual Organization. L.-N.Y., 1997.
Hall R. H. Sociology of Work: Perspectives, Analyses, and Issues. Thousand Oaks-L., 1994.
Hammer H. Beyond Reengineering. How the Process-Centered Organization is Changing Our Work and Our Lives. N.Y., 1996.

Hampden-Turner Ch., Trompenaars F. Mastering the Infinite Game. How East Asian Values Are Transforming Business Practices. Oxford, 1997.
Handbook of International Trade and Development Statistics, United Nations Conference on Trade and Development, 1993.
Handy Ch. The Age of Unreason. L., 1995.
Handy Ch. Beyond Certainty. The Changing Worlds of Organisations. L., 1996.
Handy Ch. Finding Sense in Uncertainty // *Gibson R.* (Ed.) Rethinking the Future. L., 1997.
Handy Ch. The Future of Work. A Guide to a Changing Society. Oxford, 1995.
Handy Ch. The Hungry Spirit. Beyond Capitalism – A Quest for Purpose in the Modern World. L., 1997.
Handy Ch. Understanding Organizations. 4th ed. L., 1993.
Harvey D. The Condition of Postmodernity. Cambridge (Ma.)-Oxford (UK), 1995.
Hassan I. The Dismemberment of Orpheus: Toward A Postmodern Literature. N.Y., 1971.
Hassan I. The Literature of Silence. N.Y., 1967.
Heilbroner R. 21st Century Capitalism. N.Y.-L., 1993.
Heilbroner R.L. Behind the Veil of Economics. Essays in Worldly Philosophy. N.Y.-L., 1988.
Heilbroner R.L. Business Civilisation in Decline. N.Y.-L., 1976.
Heilbroner R. Visions of the Future. The Distant Past, Yesterday, Today, Tomorrow. N.Y.-Oxford, 1995.
Heller A., Feher F. The Postmodern Political Condition. Cambridge, 1988.
Herder I.G. Ideen zur der Philosophie der Geschichte der Menschheit. Berlin, 1972.
Hildebrand B. Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. Frankfurt am Main, 1984.
Hobbes Th. De cive.
Horowitz I.L. Communicating Ideas: The Crisis of Publishing in a Post-Industrial Society. N.Y., 1986.
Hudson W.J. Intellectual Capital: How to Build It, Enhance It, Use It. N.Y., 1993.
Hume D. Essays Moral, Political and Literary. Vol. 1. L., 1912 .
Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996.
Illich I. The Tools for Conviviality. L., 1985.
International Herald Tribune. 1997. July 10.
International Herald Tribune. 1997. August 2-3.
International Herald Tribune. 1997. October 18-19.
Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton (NJ), 1990.
Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997.
Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton, 1977.
Inozemtsev V. Contribution à la théorie de la formation post-économique de la société. P., 1996.

Inozemtsev V.L. On the Limitations of the Marxian Theory of Value: Some Methodological Aspects of the Problem // Social Sciences. Vol. XXIII. 1992. No 4.

Ip G. Smaller Shares Loom Larger on Wall Street // Wall Street Journal Europe. 1997. October 2.

Jackson T., Marks N. Measuring Sustainable Economic Welfare. Stockholm, 1994.

Jaques E. Creativity and Work. Madison (Ct.), 1990.

Jaques E. Work, Creativity and Social Justice. N.Y., 1970.

Jameson F. Post-Modernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. L., 1992.

Jenkins C., Sherman B. The Collapse of Work. L., 1979.

Jencks Ch. Modern Movements in Architecture. Harmondsworth, 1973.

Jencks Ch. Post-Modernism: the New Classicism in Art and Architecture, L., 1987.

Jessop B. Fordism and Post-Fordism: Critique and Reformulation // *Storper M., Scott A. J.* (Eds.) Pathways to Industrialisation and Regional Development. L., 1992.

Johnson M. Managing in the Next Millennium. Oxford, 1996.

Kadlec D. Wall Street's Doomsday Scenario // Time. 1997. August 11.

Kahn H. Forces for Change in the Final Third of the Twentieth Century. N.Y., Hudson Institute, 1970.

Kahn H., Brown W., Martell L. The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N.Y., 1971.

Kahn H., Wiener A. The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next 33 Years. L., 1967.

Kantor D. Understanding Capitalism. How Economies Work. L.-N.Y., 1995.

Kaplinsky R. Automation. L.-N.Y., 1984.

Katz R.L. The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.

Kemenade, W., van. China, Hong Kong, Taiwan, Inc. N.Y., 1997.

Kennedy P. Preparing for the Twenty-First Century. L., 1994.

Kessler-Harris A., Silverman B. Beyond Industrial Unionism // *Silverman B., Vogt R., Yanovitch M.* (Eds.) Double Shift: Transforming Work in Post-Socialist and Post-Industrial Societies: a US – Post-Soviet Dialogue. Armonk (N.Y.), 1993.

Kleinberg B.S. American Society in the Postindustrial Age: Technocracy, Power and the End of Ideology. Columbus (Oh.), 1973.

Kolko J. Restructuring the World Economy. N.Y., 1988.

Kotter J.P. The New Rules. How to Succeed in Today's Post-Corporate World. N.Y., 1995.

Kristof N.D. Crisis Shakes Faith in the 'Asian Miracle' // International Herald Tribune. 1997. November 22-23.

Kristol I. The Adversary Culture of Intellectuals // *Lipset S.M.* The Third Century. America as a Post-Industrial Society. Chicago-L., 1979.

Kristol I. The Emerging American Imperium // Wall Street Journal Europe. 1997. August 19.

Krugman P. The Myth of Asia's Miracle // Foreign Affairs. 1994. No 6.

Kuhn J. W., Shriver D. W., Jr. Beyond Success. Corporations And Their Critics in the 1990s. N. Y.-Oxford, 1991.

Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. New Theories of the Contemporary World. Oxford (UK)-Cambridge (USA), 1995.
Kuttner R. Everything for Sale: The Virtues and Limits of Market. N.Y., 1997.
Lactantius. Divine institutes.
Lane R.E. The Decline of Politics and Ideology in the Knowledgeable Society // American Sociological Review. Vol. 31. 1966.
Lash S. Postmodernism as Humanism? // *Turner B.S.* (Ed.) Theories of Modernity and Postmodernity. L.-Thousand Oaks, 1995.
Lash S. Sociology of Postmodernism. L.-N.Y., 1990.
Lash S., Friedman J. (Eds.) Modernity and Identity. Oxford, 1992.
Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space. L.-Thousand Oaks, 1994.
Lash S., Urry J. The End of Organized Capitalism. Cambridge, 1996.
Lichtheim G. The New Europe: Today and Tomorrow. N.Y., 1963.
Linstone H.A., Mitroff I.I. The Challenge of the 21st Century. Albany (NY), 1994.
Lipietz A. Towards a New Economic Order. Postfordism, Ecology and Democracy. Cambridge, 1992.
Lipset S.M. (Ed.) The Third Century. America as a Post-Industrial Society. Chicago, 1979.
List F. Das nationale System der politischen Ökonomie, Berlin, 1982.
Locke J. Second Treatise on Legislation.
Lyon D. The Information Society. Cambridge, 1996.
Lyon D. Postmodernity. Buckingham, 1994.
Lyotard J.-F. La condition postmoderne. P., 1979.
Lyotard J.-F. Dérivé à partir de Marx à Freud. P., 1973.
Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Manchester, 1984 .
Lyotard J.-F. The Postmodern Explained. Correspondence 1982–1985. Minneapolis (Mi.)-L., 1993.
Lyotard J.-F., Thebaud J.-L. Just Gaming. Minneapolis (Mi.), 1985.
Machlup F. Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance. Vol. I. Princeton (NJ), 1984.
Machlup F. Knowledge: Its Creation, Distribution, and Economic Significance. Vol. III. Princeton (NJ), 1984.
Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, 1962.
Machlup F., Mansfield U. (Eds.) The Study of Information. N.Y., 1983.
Mandel M. The High-Risk Society. Peril and Promise in the New Economy. N.Y., 1996.
Marcuse H. One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. L., 1991.
Marshall A. Principles of Economics. Vol. 1. L., 1961.
Martin W.J. The Global Information Society. N.Y., 1995.
Marx K. Misère de la philosophie. P., 1961.
Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd. 25.
Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt. 2. Bd. 5.
Marx/Engels Gesamtausgabe. Abt. 2. Bd. 7.
Marx/Engels Werke. Bd. 3.
Marx/Engels Werke. Bd. 13.

Maslow A. H. Motivation and Personality. N.Y., 1970.
Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.
Mauss M. The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. L., 1970.
Maynard H.B., Mehrtens S.E. The Fourth Wave. Business in the 21st Century. San Francisco, 1996.
McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future. L., 1995.
McTaggart J.M., Kontes P.W., Mankins M.C. The Value Imperative. Managing for Superior Shareholder Returns. N.Y., 1994.
Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. Beyond the Limits: Global Collapse or a Sustainable Future? L., 1992.
Mendels F.F. Proto-Industrialisation: The First Phase of the Industrialisation Process // Journal of Economic History. Vol. 32. 1972.
Mészàros I. Beyond Capital. Towards a Theory of Transition. L., 1995.
Meyer L.B. The End of the Renaissance? // Hudson Review. Vol. XVI. 1963.
Mill J.St. Chapters on Socialism // The Fortnightly Review. New Series. Vol. XXV. 1879. February-April.
Mill J.St. Chapters on Socialism // *Mill J.St.* On Liberty and Other Writings. Cambridge, 1995.
Mill J.St. M.Guizot's «Essays and Lectures in History» // The Edinburg Review. No 166. Oct. 1845.
Montesquieu Ch. L'esprit des Lois.
Morris-Suzuki T. Beyond Computopia. L.-N.Y., 1988.
Morrison I. The Second Curve. Managing the Velocity of Change. L., 1996.
Morrison R. We Build the Road as We Travel. Philadelphia, 1991.
Moschella D.C. Waves of Power. Dynamics of Global Technological Leadership 1964-2010. N.Y., 1997.
Mulgan G.J. Communication and Control: Networks and the New Economics of Communications. Oxford, 1991.
Naisbitt J. From Nation States to Networks // *Gibson R.* (Ed.) Rethinking the Future. L., 1997.
Naisbitt J. Global Paradox. N.Y., 1995.
Naisbitt J. Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.Y., 1984.
Naisbitt J. Megatrends Asia. The Eight Asian Megatrends That Are Changing the World. L., 1996.
Naisbitt J., Aburdene P. Megatrends 2000. Ten New Directions for the 1990's. N.Y., 1990.
Nelson J.I. Post-Industrial Capitalism. Exploring Economic Inequality in America. Thousand Oaks (Ca.)-L., 1995.
Newsweek. Vol. 129. 1997. April 7.
Nicholson W. Microeconomic Theory: Basic Principles and Extensions. Fort Worth, 1995.
Nisbet R. The Future of the University // *Lipset S.M.* (Ed.) The Third Century. America as a Post-Industrial Society. Chicago, 1979.
Nonaka I., Takeuchi H. The Knowledge-Creating Company. N.Y.-Oxford, 1995.
Norman A.L. Informational Society. An Economic Theory of Discovery, Invention and Innovation. Boston-Dordrecht-London, 1993.

Norris F. 10 Years On, Lessons of a 'One-Day Sale' // International Herald Tribune. 1997. October 18-19.
Norris F. S&P Index Marks Its Own Millennium // International Herald Tribune. 1998. February 4. P. 13.
North D.C. Structure and Change in Economic History. N.Y.-L., 1981.
North D.C., Thomas R.P. The Rise of the Western World. A New Economic History. Cambridge, 1995.
Nürnberger Ph. Mastering the Creative Process // The Futurist. Vol.XVIII. 1984. No 4.
Nusbaumer J. The Services Economy: Lever to Growth. Boston, 1987.
OCDE Statistiques de la population active 1974-1994. P., 1996.
OECD Communications Outlook 1995. P., 1995.
OECD Economic Surveys. United States. N.Y., 1996.
Offe C. Contradictions of the Welfare State. Cambridge (Ma.), 1993.
Ogilvie S.C., Cerman M. The Theories of Proto-Industrialisation // *Ogilvie S.C., Cerman M.* (Eds.) European Proto-Industrialisation. Cambridge, 1996.
Opaschowski H. W. Wie leben wir nach dem Jahre 2000? Szenarien über die Zukunft von Arbeit und Freizeit. Hamburg, 1987.
Ozaki R.S. Human Capitalism. The Japanese Enterprise System as World Model. Tokyo-N.Y., 1991.
Pakulski J., Waters M. The Death of Class. Thousand Oaks-L., 1996.
Palat R.A. (Ed.) Pacific-Asia and the Future of the World System. Westport (Ct.), 1993.
Panorama of EU Industry. Brussels-Luxembourg, 1997. Vol. 1.
Pedler M., Burgoyne J., Boydell T. The Learning Company. Maidenhead, 1991.
Penty A. Post-Industrialism. L., 1992.
Perkin H. The Third Revolution. Professional Elites in the Modern World. L.-N.Y., 1996.
Perlo V. Superprofits and Crises: Modern U.S. Capitalism. N.Y., 1988.
Pilzer P.Z. Unlimited Wealth. The Theory and Practice of Economic Alchemy. N.Y., 1990.
Pinchot G., Pinchot E. The Intelligent Organization. Engaging the Talent and Initiative of Everyone in the Workplace. San Francisco, 1996.
Piore M., Sabel C. The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity N.Y., 1984.
Piven F.F. Labour Parties in Post-Industrial Societies. Oxford, 1991.
Polanyi K. Dahomey and the Slave Trade. An Analysis of Archaic Economy. Seattle-L., 1966.
Porat M.U. The Information Economy: Definition and Measurement. US Dept. of Commerce. Wash., 1977.
Porat M., Rubin M. The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978.
Poster M. The Mode of Information. Poststructuralism and Social Context. Cambridge, 1996.
Radin M.J. Reinterpreting Property. Chicago-L., 1993.
Reich R.B. The Work of Nations. Preparing Ourselves to 21st Century Capitalism. N.Y., 1992.
Renner K. The Service Class // *Bottomore T.B., Goode P.* (Eds.) Austro-Marxism. Oxford, 1978.
Richta R. (Ed.) Civilization at the Cross-Roads. Sydney, 1967.

Riesman D. Leisure and Work in Post-Industrial Society // *Larrabee E., Meyersohn R.* (Eds.). Mass Leisure. Glencoe (Ill.), 1958.
Rifkin J. The End of Work. N.Y., 1996.
Rifkin J. La fin du travail. P., 1996.
Robertson J. Future Wealth. A New Economics for the 21st Century. L.-N.Y., 1990.
Robinson A.G., Stern S. Corporate Creativity. How Innovation and Improvement Actually Happen. San Francisco, 1997.
Rohwer J. Asia Rising. How History's Biggest Middle Class Will Change the World. L., 1996.
Rose M.A. The Post-Modern and the Post-Industrial. A Critical Analysis. Cambridge, 1991.
Rosen C. Employee Ownership: Performance, Prospects, and Promise // *Rosen C., Young K.M.* (Eds.) Understanding Employee Ownership. N.Y., 1991.
Rosen C., Young K.M. (Eds.) Understanding Employee Ownership. N.Y., 1991.
Rostow W.W. Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971.
Roszak T. Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society. N.Y., 1972.
Rousseau J.-J. L'inégalité parmi les hommes. P., 1965.
Rubin M.R., Huber M.T. The Knowledge Industry in the United States, 1960-1980. Princeton (N.J.), 1986.
Rule J. The Vital Century. Englands Developing Economy 1714–1815. L.-N.Y., 1992.
Sadler P. Managerial Leadership in Post-Industrial Society. Aldershot, 1988.
Saint-Simon Cl.H., de. Cathéchisme des industriels. P., 1832.
Saint-Simon Cl.H., de. Du système industriel. P., 1821.
Sakaiya T. The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. Tokyo-N.Y., 1991.
Santis H., de. Beyond Progress. An Interpretive Odyssey to the Future. Chicago-L., 1996.
Saxby S. The Age of Information. L.-Basingstoke, 1990.
Sayer D. Capitalism and Modernity. L.-N.Y., 1991.
Sayer A., Walker R. The New Social Economy: Reworking the Division of Labor. Cambridge (Ma.)-Oxford (UK), 1994.
Schnapper D. Contre la fin du travail. P., 1997.
Schuman M., Cho N. Korea Moves to Tackle Economic Woes // The Wall Street Journal Europe. 1997. November 20.
Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. L.-N.Y., 1981.
Scott A. Metropolis. From the Division of Labour to Urban Form. Berkeley-L.A., 1988.
Seidenberg R. Post-Historic Man. Chapell Hill, 1950.
Seligman A.B. Towards a Reinterpretation of Modernity in the Age of Postmodernity // *Turner B.S.* (Ed.) Theories of Modernity and Postmodernity. L.-Thousand Oaks, 1995.
Servan-Schreiber J.J. Le défi mondial. P., 1980.
Shonk J. Team-Based Organizations. Developing a Successful Team Environment. Chicago-L., 1992.

Silverberg G., Soete L. (Eds.) The Economics of Growth and Technical Change: Technologies, Nations, Agents. Aldershot Hants, England; Brookfield (Vt.), USA, 1994.

Silverman B., Vogt R., Yanovitch M. (Eds.) Double Shift: Transforming Work in Post-Socialist and Post-Industrial Societies: a US–Post-Soviet Dialogue. Armonk (N.Y.), 1993.

Smart B. Modern Conditions, Postmodern Controversies. L.-N.Y., 1992.

Smart B. Modernity, Postmodernity and Present // *Turner B.S.* (Ed.) Theories of Modernity and Postmodernity. L.-Thousand Oaks, 1995.

Smart B. Postmodernity. L.-N.Y., 1996.

Smith Ad. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. L., 1894.

Smith Ad. An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Chicago, 1952.

Smith Ad. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. In: Great Books of the Western World. Encyclopaedia Britannica Publishers, 1994. Vol. 36.

Smith Ad. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. Oxford, 1896.

Smith P. Japan: A Reinterpretation. N.Y., 1997.

Soboul A. La reprise économique et la stabilisation sociale, 1797–1815 // *Braudel F., Labrousse E.* (Eds.) Histoire économique et sociale de la France. T. III. P., 1993.

La Sociologie par August Comte. Résumé par Emile Rigolage. P., 1897.

Sombart W. Der moderne Kapitalismus. München und Leipzig, 1924.

Statistical Abstract of the United States. 1980. Wash., 1981.

Statistical Abstract of the United States. 1982-1983. Wash., 1983.

Statistical Abstract of the United States. 1986. Wash., 1987.

Statistical Abstract of the United States. 1989. Wash., 1990.

Statistical Abstract of the United States. 1991. Wash., 1992.

Statistical Abstract of the United States. 1992. Wash., 1993.

Statistical Abstract of the United States. 1994. Wash., 1995.

Statistical Abstract of the United States. 1995. Wash., 1996.

Stehr N. Knowledge Societies. Thousand Oaks-L., 1994.

Steinmetz G., Wright E. O. The Fall and Rise of the Petty Bourgeoisie: Changing Patterns of Self-Employment in the Postwar United States // American Journal of Sociology. 1994. No 5.

Stewart T.A. Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations. N.Y.-L., 1997.

Stigler G.J. The Economics of Information // Journal of Political Economy. 1961. Vol. LXIX. No 3 June.

Stiglitz J. Information and Competition Price System // American Economic Review. Vol. 66. 1976. Proceedings.

Stiglitz J. Information and Economic Analysis: A Perspective // Economic Journal. 1984. Supplement.

Stonier T. The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. L., 1983.

Sveiby K.E. The New Organizational Wealth. Managing and Measuring Knowledge-Based Assets. San Francisco, 1997.

Tertullianus Q.S.F. Apologiae.
Tett J. Yamaichi Looks Close to Collapse // Financial Times. 1997. November 22-23.
Thurow L. The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World. L., 1996.
Thurow L. Head to Head. The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America. N.Y., 1993.
St. Thomas Aquinas. Summa theologiae.
St. Thomas Aquinas. De regimine principum.
St. Thomas Aquinas. Summa contra gentiles.
St. Thomas Aquinas. De rege et regno.
St. Thomas Aquinas. Contra impugnantes Dei cultum et religionem.
Time. Vol. 149. 1997. April 7.
Time. Vol. 149. 1997. November 24.
Tobin D.R. The Knowledge-Enabled Organization. Moving From "Training" to "Learning" to Meet Business Goals. N.Y., 1998.
Toffler A. The Adaptive Corporation. Aldershot, 1985.
Toffler A. The Eco-Spasm. Toronto, 1975.
Toffler A. Future Shock. N.Y., 1971.
Toffler A. Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1990.
Toffler A. Previews and Premises: An Interview with the Author of "Future Shock" and "The Third Wave". N.Y., 1983.
Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980.
Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1990.
Toffler A., Toffler H. Creating a New Civilisation. The Politics of the Third Wave. Atlanta, 1994.
Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. Vol. 1. L., 1994.
Tominaga K. Post-Industrial Society and Cultural Diversity // Survey. Vol. 16. 1971. No 1.
Touraine A. Critique de la modernité. P., 1992.
Touraine A. Critique of Modernity. Oxford (UK)-Cambridge (US), 1995.
Touraine A. Qu'est-ce que la démocratie? P., 1994.
Touraine A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N.Y., 1971.
Touraine A. Pourrons-nous vivre ensemble ? Egaux et différents. P., 1997.
Touraine A. Le retour de l'acteur. Essai de sociologie. P., 1988.
Touraine A. La société postindustrielle. P., 1969.
Toynbee A. A Study of History. Vol. VIII. L., 1954.
Turner B.S. Periodization and Politics in the Postmodern // *Turner B.S.* (Ed.) Theories of Modernity and Postmodernity. L.-Thousand Oaks, 1995.
Turner B.S. (Ed.) Theories of Modernity and Postmodernity. L.-Thousand Oaks, 1995.
Vanek J. Crisis and Reform: East and West. Essays in Social Economy. Ithaca (NY), 1989.
Vattimo G. The End of Modernity. Oxford, 1991.
Veblen Th. The Theory of Business Enterprise. N.Y., 1994.
Voltaire. Oeuvres complètes. P., 1877–1882. T. 1–52. T. 18.

Wall Street Journal Europe. 1997. July 14.
Wall Street Journal Europe. 1997. October 2.
Wall Street Journal Europe. 1997. October 29.
Wall Street Journal Europe. 1997. November 3.
Wall Street Journal Europe. 1998. February 11. P. 1, 24.
Wall Street Claws Its Way Back // International Herald Tribune. 1997. October 29.
Waters M. Globalization. L.-N.Y., 1995.
Weber M. Economy and Society. L., 1970.
Weber M. General Economic History. N.Y., 1966.
Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. L., 1992.
Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. N.Y., 1964.
Webster F. Theories of the Information Society. L.-N.Y., 1995.
Wedderburn K.W., et al. Labour Law in the Post-Industrial Era. Aldershot, 1994.
Weizsäcker E.U., von. Earth Politics. L.-Atlantic Highlands (N.J.), 1994.
Weizsäcker E.U., von, Lovins A.B., Lovins L.H. Factor Four: Doubling Wealth – Halving Resource Use. The New Report to the Club of Rome. L., 1997.
Williams R. The Politics of Modernism. Against the New Conformists. L.-N.Y., 1996.
Winslow Ch.D., Bramer W.L. Future Work. Putting Knowledge to Work in the Knowledge Economy. N.Y., 1994.
Wohlers E., Weinert W. Employment Trends in the United States, Japan and European Community. Oxford, 1988.
World Economic and Social Survey 1996.
Wright Mills C. The Sociological Imagination. Harmondsworth, 1970.
Young M. The Rise of Meritocracy. L., 1958.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Акция 369, 371, 373—376, 440, 497
как форма обязательства компании 342
и стоимость компании 342, 344, 346
развитие рынка акций 345, 369—371
и фондовый рынок 347, 370—372, 501
и фондовые индексы 347, 499—501, 518
иррациональность цен акций 498—499, 569
Америка, Латинская 468, 515, 527
состояние сельского хозяйства 544
использование природных ресурсов 532
доля в мировой торговле 545—546
и внешний долг развивающихся стран 545, 547
Античность 17—24, 395, 422
как исторический период 7
как хозяйственная система 7, 72, 395
античный способ производства 72—73, 362—363
Африка 468, 515
состояние промышленности 515, 538, 542
состояние сельского хозяйства 538, 543—544
использование природных ресурсов 532, 539
доля в мировой торговле 542, 545—546
и внешний долг развивающихся стран 539, 545, 547

Б

Безработица 400, 477, 480
и индивидуальная занятость 409
Буржуазия
как господствующий класс капиталистического общества 58, 74
в постиндустриальном обществе 111, 115
как противоположность меритократии 111
роль в современном обществе 115, 384, 401, 428
Буржуазное общество — см.: **Капитализм**
Бюрократия 119—120, 426, 564

В

Валовой национальный продукт 298, 312—313, 317, 494
как экономический показатель 494
недостатки в современных условиях 325, 495
Великобритания — см.: **Соединенное Королевство**

Г

Германия, Федеративная Республика 312, 476
структура занятости и валового национального продукта 112, 228, 233—234, 256, 312, 314, 477, 489
дефицит бюджета и государственный долг 507

природоохранные технологии 474—475
финансовая система 372, 376
международные инвестиции 488
роль в мировом производстве и торговле 530
Гонконг (Сянган, административный район КНР) 489, 500, 509, 514, 518
как центр финансовой активности 490
масштабы престижного потребления 490
и финансовый кризис 1997 года 500
Государство 393—394, 396—400, 444,504
как политическая организация 20—21, 31—32, 33—34, 36—37, 84, 196, 395
как экономический субъект 53—54, 72—73, 393
основной продукт Г. 396
условия возникновения 19
как инструмент классового господства 19, 52, 395
как инструмент хозяйственной организации 52, 72, 393—394, 396
государственное хозяйство 396
государственная собственность 393—398, 400
и налоговая система 395, 444, 467, 502
и аппарат подавления 36—37, 45
ограниченность возможностей 399—400, 451
в условиях постэкономического общества 122, 399, 449, 451

Д

Демократия 21, 36—37, 122, 435, 452, 547
Дискриминация 444

Е

Европейский союз 312—313, 373, 469, 471, 474, 476, 478

З

Знания 47, 49, 59, 65, 304, 321—322, 331, 340
роль в современном обществе 5, 101, 108, 115, 118, 148, 199, 201, 224, 240—242, 248, 315, 318—319
как источник власти 118—119, 328
как кодифицированная информация 233, 242, 323
повышение роли в постэкономическом обществе 201, 449, 455—456, 461, 551
как предпосылка формирования творчества 200, 238, 455—456

И

Индивидуальная занятость 479
в индустриальном обществе 229—230
масштабы в современных условиях 234, 255—256, 270, 388, 475
и проблема эксплуатации 72
и свобода выбора 388
в постэкономическом обществе 388, 476
Индустриальное общество 7, 104, 298, 308, 312, 338
определение 105
основные характеристики 103—104, 107, 186, 327, 331, 449
и постиндустриальное общество 103—104, 107, 110, 125—126, 141, 151—152, 302, 331, 338, 443
условия становления 105—106, 186—187, 302, 458
пределы развития 186, 316, 338
Интеллектуальный капитал 325, 343
понятие 284, 340—341
как условие развития современной корпорации 340—344
и определение рыночной цены компании 342
невозможность прямой оценки 341—342
и активы 340, 342—343
Информационная экономика 315, 324, 340
как отрасль хозяйства 314, 321, 324, 340
в постиндустриальном обществе 148, 380
значение для постэкономической трансформации 314, 320
Информация 304, 315, 320—321, 325
понятие 320—321, 324
как хозяйственная категория 109—110, 111—112, 118—119, 321, 324
как основной ресурс в постэкономическом обществе 5, 122—123, 148, 190, 199, 201, 249, 315, 409

и собственность 321, 390, 435
и невоспроизводимость благ 232
и уникальность 232, 249, 319, 321
и избирательность 323, 435
и знания 118—119, 238, 302—303, 315—317, 319—324, 328, 550—551
Истории, теории 13, 30
как элемент социологической науки 13—16, 50, 164—167
адекватные и неадекватные 15—16, 17—130, 164
принципы построения в античности 17—24
развитие в средневековый период 24—30
постиндустриализм как теория истории 144
постмодернизм и "конец истории" 144—145

К

Капитализм 300
как общественный строй 50, 184—185, 297
как способ производства 197
предпосылки формирования 74—75
условия преодоления 316, 372, 387, 566
постиндустриальный капитализм 186, 300, 384
как высший этап развития экономической общественной формации 80
Китайская Народная Республика (Китай) 516, 533—534
темпы развития в последние десятилетия 489, 516, 518, 524—525
присутствие на мировых рынках 509
проникновение в экономику других стран ЮВА 514—515, 518
доходы населения 490, 522, 525—526
уровень развития образования 524
место в мировой торговле 523
Класс 4, 8, 298, 327, 402, 406, 409, 419, 428
условия возникновения 5
и частная собственность 384, 390
и профессиональная структура 108, 384, 425
марксистское понятие 73, 111, 411
у М.Вебера 424
у постиндустриалистов 109, 111, 119
критерии выделения 424
Классовый конфликт 421—437
в античных обществах 23, 73
в феодальных обществах 74
при капитализме 85—86, 93—94, 411
основа К. к. в экономическом обществе 58—59, 71
модификация К. к. в постиндустриальном обществе 111—112, 119—121, 128, 368, 373, 389, 429—432, 450
формы возможного проявления К. к. в будущем 122, 389, 402, 405, 407—408, 421, 436—437, 567
Коммунизм
как теория 39—40, 128, 406
как «движение, устраняющее современное состояние» 125, 297
и постэкономическое общество 122—123, 419—420, 462
Коммуникации
роль в современной экономике 113, 315, 393
динамика производства в сфере К. 315
и развитие компьютерной индустрии 382
динамика цен в сфере К. 382
Компьютеры 318, 497
совершенствование в последние десятилетия 113, 381
как условие информационной революции 109, 382
движение цен на К. 319
основные производители 345—346, 442, 498
Корея, Республика 500, 516, 522
положение в мировом хозяйстве 470, 490
уровень развития образования 524
и финансовый кризис 1997 года 500
Корпорация 340, 346, 468—469, 497
как элемент производственной структуры 490
в индустриальном обществе 114, 260—261
в постиндустриальном обществе 114, 117, 235, 254, 261—263, 270—271, 273—274, 368, 371, 391, 446, 448, 551
принципы организации 235, 254—255, 268—270, 274, 289, 551
основные цели 265
принципы рыночной оценки 344—346, 454, 497—498

руководители и их мотивация 269—270, 344, 387, 390—391, 439, 442
креативная корпорация 264—265, 267—268, 270, 387, 392

М

Марксизм 67—96, 337, 557—559
как адекватная историческая теория 56, 558
условия возникновения 67—68, 557
основные методологические принципы 68, 69—84, 128, 297
и теория прогресса 67, 69—84, 178—180, 366, 557—558
и теория революции 84—92, 178—180, 298, 558—559
и концепция будущего общества 125—130, 359—360, 558
внутренняя противоречивость 92—96, 129—130, 302, 307, 309, 406
и революционная практика 92, 129, 559
в СССР 361, 402, 559
упадок теории и его причины 92—96, 129—130, 559
Медицина 313, 315
Меритократия
определение 111, 427
в постиндустриальной теории 111, 122, 407
роль в современном обществе 111—112, 435
Модернити
как исторический период 133—137
предпосылки возникновения 134
как европейский проект 134—135, 145
и индустриальное общество 137, 139, 141, 151—152, 159
и национальное государство 137
основные черты 134
и постмодернити 133, 136—137, 143—144
и модернизм 143

Н

Научно-технические разработки (R&D) 488
Низшие классы
в античности 17—24, 72—73
в других антагонистических обществах 61, 64, 73—75
при капитализме 59—60
в условиях перехода к постэкономическому обществу 409, 428, 442—443, 448, 450, 455, 458, 471

О

Образование 108, 313, 434, 436, 444—446
роль в формировании рабочей силы 118, 242, 381, 385, 434, 445—446
как условие информационной революции 315, 385
в США 242—243, 254, 434, 445
в странах Юго-Восточной Азии 243
и формирование новой мотивации 115, 119—120, 252, 436
развитие после Второй мировой войны 242, 253
и производственная деятельность 273, 445—446
в промышленных компаниях и корпорациях 273
профессиональное 445—446
университетское 446
и различие в оплате труда 254, 318, 444—446
перспективы в постэкономическом обществе 436
Общественного договора теория 30, 50
в античности 20
в Новое время 32—35, 47—48
у Руссо 48—50
у позитивистов 47—48, 55—66
Общественные блага 51, 55, 390, 418
Общественных формаций теория 355
возникновение О. ф. т. 77
в работах К.Маркса 75—84, 89—92, 93—94, 125—127, 298, 360
вклад Ф.Энгельса 85—86
модификация принципов О. ф. т. у В.Ленина 93, 180
и дискуссии 20-х—30-х годов 93—95, 180
в советский период 94
Отчуждение 6
определение понятия 414
как черта индустриального общества 114, 120, 141, 152, 412
и труд 221, 412
творчество как преодоление О. 114—115, 217
и постэкономическое общество 565

П

Планирование 399
Политическая экономия 68, 310
как наука 291
марксистская П. э. 353
и «экономикс» 187,188

Постиндустриальное общество 131—163, 297, 299, 313, 326
как аналитическая конструкция 98—100, 105, 121—124, 549
как исторический период 98—100, 105, 109, 111—124, 125—130, 338—339, 405
основные черты 98, 101, 108, 314, 331, 338—339, 368
и информационная революция 98, 243, 315
и экспансия сферы услуг 98, 108, 313
материальные предпосылки формирования 316, 331
и развитие личности 114, 303
мотивы человеческой деятельности в П. о. 119—121, 326
как информационное общество 119—120, 147, 304, 315
становление концепции 146—147, 297
Постиндустриального общества теория 97—104, 131—163, 297, 300
возникновение термина 98—99, 103, 105, 297
и другие термины 100—103, 105, 301—311, 428
и хозяйственный прогресс 60-х—70-х годов 227, 453, 466
и концепция постмодернизма 100, 137, 139, 141, 146—163
и теория информационного общества 102, 107, 158
и теория мотивации 221, 303, 326
и марксизм 67
в работах Д.Белла 99, 103, 106—108, 111, 117—118, 125—127, 144, 146, 150, 192, 227, 325, 328, 380, 391, 395, 408, 425, 433, 435
в работах О.Тоффлера 103, 106, 122, 150—151, 251, 329, 392—393, 401, 408, 414, 428
в работах А.Турена 99, 153—154, 160, 240
критика концепции 129—130, 149—151, 161—162, 420
Постмодернити
как исторический период 133, 136—137, 142
трактовка возникновения 133, 138
и модернити 133, 136—137, 143—144
и постиндустриализм 137, 140
и информационное общество 148—150
Постмодернизм 555
как социологическая доктрина 132, 138, 154—155, 159
культурологические основания 138, 143, 155
возникновение термина 132, 138
и другие термины 132—138, 143, 145
и политическая ситуация 60-х годов 141
и теория постиндустриального общества 137, 139, 141, 146—163, 154
современное состояние 167, 171—173
наиболее заметные представители 138—140
и марксизм 167
критика концепции 151, 161—162
Постэкономическое общество 13, 131—163, 171—294, 297—298, 303, 308, 327, 390, 406, 421—437, 449—458
как аналитическая конструкция 9, 67, 157, 161—162, 175—176, 191, 297, 453—458
как исторический период 7, 9—10, 70, 171—173, 175—176, 191, 298, 310, 550
материальные предпосылки 171, 349, 356, 390, 410, 453
основные черты 162, 202, 329, 332, 336, 356, 366
и труд 162—163, 329, 332, 388
и творчество 162, 174, 246, 329
исторические границы 297—298, 301, 550
объективность возникновения 206, 350, 356, 390, 438
и уровень образования 244—245, 329, 436, 568
и корпорация 235, 276, 437, 551
эксплуатация в П. о. 162, 193—194, 405—406
конкуренция в П. о. 449
мотивы человеческой деятельности в 162, 239, 326—330, 336, 455, 549, 550, 562, 570
и общество знаний 388, 426, 568
и постиндустриальное общество 189—190, 191, 300
становление концепции 167, 297—298, 354, 413, 461, 553
См. также: **Постиндустриальное общество**

Потребительная стоимость 300—302, 309, 334—335, 352, 415
Потребление 300, 302, 303, 310, 332—333
в традиционных обществах 59, 332
и товарный фетишизм 335
в постиндустриальном обществе 109, 116, 155—156, 276—277, 303, 314, 316
статусное потребление 416
потребление ресурсов 303, 314, 317, 550
потребление знаков и символов 339
Предельной полезности теория 343
Прогресс 1—2, 5—6, 13, 18, 25, 27, 103, 309, 316—326, 353, 414, 554—555
как форма развития общества 3, 7—10, 26, 29, 36, 38, 40—41, 44, 46, 50, 53—54, 55—66, 67—68, 89, 152, 158, 164—167, 357, 365—366, 420, 561
и экономическое развитие 53—54, 55—66, 83, 164—167, 195, 316, 352
и технологии 47, 49, 62, 97—98, 123—124, 126, 147, 149, 158, 303, 319, 453, 537
теоретического знания 47, 49, 102
возможности измерения 134—135
Прогресса, теория 15—16, 419
становление теории в христианстве 555
трактовка в Новое время 556—557
трактовка в марксизме 557—558
Производство 3—4, 6, 8, 65, 298, 300—301, 303, 305, 310, 312—316, 317, 324
как основа жизни общества 5, 7, 37—38, 54—55, 71—72, 74—75, 81—84, 87—88, 105, 108, 311
как форма существования производительных сил 87
индустриальное 69—70, 112—113, 316
информационное 109, 112—113, 116, 238, 300, 316, 323, 329, 385
и труд 113, 115, 125, 304, 306, 316, 323
и творчество 226—227, 236—237, 312, 316, 323
основные организационные формы в постиндустриальном обществе 98, 115, 121, 127, 155—156, 235—236, 367, 385
Пролетариат
как класс индустриального общества 60, 111
и буржуазия 60, 329, 411, 421—422
роль П. согласно марксистской теории 85, 91
и неопролетариат 234, 244, 422, 423
расслоение в постиндустриальном обществе 384, 422—423
Промышленность
как отрасль хозяйства 105
в индустриальном обществе 59—60
в постиндустриальном обществе 314, 318
доля в общественном продукте 313, 543
и проблема ресурсов 471—472
характеристики труда в П. 318
отдельные отрасли 521—522
Просвещение 47—50, 55—56, 134—135, 359, 556, 558
Профессионалов, класс 417, 424
определение 424, 428
в теории постиндустриального общества 108, 111, 119—121
в теории информационного общества 111
ценностные ориентиры представителей 390, 402
и труд 417
и творчество 417
Профессиональные союзы 121
Пятеричный сектор 320, 431
возникновение 148
доля в рабочей силе 315
доля в объеме производства 320

Р

Работники интеллектуального труда 416, 568
как социальная страта 244—245, 253—254, 273, 384, 416, 421
и принципы управления 254, 263—264
рост доли в совокупной рабочей силе 244—245, 476—477
как элемент господствующего класса 244—245, 384, 417
Рабочая сила 106, 312, 384
в теории марксизма 75, 81
как объект купли-продажи 81, 412
структура в современном обществе 113, 312, 329, 384

и труд 565
и творчество 323, 565
Равенство
в философских теориях 359, 556—557
имущественное 437, 440, 444
в постэкономическом обществе 443
и свобода 49, 405, 409, 557
и способности человека 409—410, 416
и классовый конфликт 557
невозможность достижения полного Р. 410
Развивающиеся страны 410, 514
и процесс деколонизации 528, 538
экономическое развитие в 60-е—70-е годы 513, 528, 538
и постиндустриальный мир 123, 244, 410, 449, 462—464, 510, 512, 522
усиление дифференциации 514
роль в мировой торговле 473, 509, 528
и уровень развития образования и науки 243—244, 514, 523—524, 538, 541
как третий мир 512, 513, 523, 528—529, 552
и четвертый мир 538—548, 552
и экологические проблемы 147, 528, 531—534
и принцип догоняющего развития 513
Революция 298
как форма общественного развития 142, 298
социальная 84—92, 126, 298, 310, 312
политическая 84—92
в теории марксизма 84—92, 178—180, 298, 558—559
технологическая 304, 316, 321—322, 453, 563, 565, 569
информационная 2, 109, 321, 380—381, 562
постэкономическая 289—291, 298—300, 419, 453, 492, 550
и эволюция 107—108, 110, 419, 422
Ресурсы, невозобновляемые 309, 397, 462, 466, 472—475
индустриальное использование 397
последствия использования 147
и альтернативные источники ресурсов 200, 201, 318, 471—472
тенденции потребления 317, 472, 529, 549
и динамика цен 473, 529
и стоимость конечного продукта 474—475
См. также: **Экология; Ресурсы, невозобновляемые**
Рыночное хозяйство 7, 299—358
как вид товарного производства 181, 195, 300
как высшая форма товарного производства 298, 302, 352
и постиндустриальное общество 199, 299, 302
и постэкономическое общество 10, 354
попытка преодоления в коммунистических странах 353—354
исторический предел 353, 567
стоимость как категория Р. х. 301—302, 307, 311

С

Сельское хозяйство 38, 54, 312
в индустриальном обществе 298
в развитых странах 278—279, 475—476, 543—544
в странах четвертого мира 538, 543—544
производительность 472
и естественные факторы 530
Сервисный сектор 104, 313, 476
в постиндустриальном хозяйстве 108, 112, 123, 149, 227, 313, 431
квалификация работников в С. с. 249, 313
как противоположность индустриальному сектору 108, 231—232
и информационная революция 315
рост доли С. с. в ВНП и занятости 112, 233, 313, 476
различия в уровне развития разных стран 112, 233, 313
тенденции развития 231—232, 279—281
Символическая стоимость 308—309, 337
Собственность 38, 321, 356—357, 454—455
возникновение 5, 50, 357, 361
трактовка в марксизме 81—82, 90—92, 302, 360, 362

и классовая структура общества 49, 52, 54, 192—193, 376, 392—393
и социальный прогресс 55, 192—193,
и феномен отчуждения 367, 389, 564—565
как черта экономической эпохи 9, 56, 362, 372
на средства производства 291, 362, 367—368, 383, 393, 564
на рабочую силу 362
на информацию и знания 321, 340, 435
отчуждаемая и неотчуждаемая 408, 449, 564
государственная 365, 367, 393—401
личная 8, 94, 193, 200, 292, 298, 361—362, 365, 379—394
частная 4, 7, 8, 9, 40, 48, 52, 77, 81, 94, 193—194, 196, 200, 291, 298, 302,357—358, 363, 367, 379, 392
коллективная 302, 357, 359, 361
кооперативная 377
отрицание при коммунизме 360, 367
преодоление в постэкономическом обществе 8, 10, 194, 200, 291—292, 360, 366
Соединенное Королевство 86
как индустриальная страна 377, 397, 526
структура занятости и валового национального продукта 112, 233
имущественное расслоение 438—439
дефицит бюджета и государственный долг 508
и финансовая система 369, 371, 503
и международные инвестиции 487
роль в мировом производстве и торговле 526
Соединенные Штаты Америки 312, 315, 344, 373, 377, 442, 485—487
как первая постиндустриальная держава 112, 483
структура занятости и валового национального продукта 112, 227—234, 255—257, 271—273, 276, 312—314, 317, 349, 393, 422, 467, 476—477, 479, 501
имущественное расслоение 438—440, 442—443
дефицит бюджета и государственный долг 504, 506—507
информационные технологии 315, 320
развитие образования 434, 445, 486, 524
природоохранные технологии 472, 474—475
финансовая система 344, 347, 349, 370—372, 392, 470, 499, 503
международные инвестиции 467—468, 487—488
роль в мировом производстве и торговле 320, 481, 505, 530
Союз Советских Социалистических Республик (СССР) 93, 370
как пример коммунистической хозяйственной системы 396, 412, 517, 559—560
и Российская Федерация как преемник 515
производительные силы 521
развитие марксистской теории в СССР 93—96
Средний класс 373, 383, 423, 428
как основа стабильности индустриального общества 244
размывание в современных условиях 425, 436—437, 455
составные части 425
в постиндустриальной теории 383, 428
в условиях становления постэкономического общества 373, 392, 425, 433, 443
Стоимость 300—312, 316, 326, 329—330, 333, 336—337, 454
как экономическая категория 291, 303, 305, 311, 324
как основная черта рыночной экономики 302, 310
определение С. в марксизме 307
определение С. неоклассиками 323
и воспроизводимость благ 199, 232, 310—311, 316, 333
услуг 232
информации 109, 325
и труд 199
и творчество 291, 312, 316
условия возникновения 305
условия преодоления 291, 305, 310, 313, 316, 320, 323, 330, 551

Т

Тайвань (провинция Китая) 490, 520, 524
уровень жизни 522
место в мировой торговле 523

Творчество 114, 208—294, 316, 323, 330, 337
определение 7, 208
как социопсихологический феномен 117, 216—218
как антитеза труда 116, 199, 204—205, 208, 216, 219, 247
и система мотивов 117, 217—218, 220—221, 247—248, 549, 565
предпосылки возникновения 219—220, 225—248, 417
и материальное благосостояние 238—239, 448, 456
и уровень интеллектуального развития 221, 223, 225, 287—288
и невоспроизводимость благ 232, 329
и неквантифицируемость издержек 324, 329
и стоимость 292, 316
и эксплуатация 269, 293—294, 417
как основной вид деятельности в постэкономическом обществе 246, 286—287, 337, 417
и возможность бесконечного развития 237—238
и потребности личности 237—238, 239, 249, 257—258, 285—287, 549
Теология 24—30
как наука 43—47
и религия 57
и социальные науки 31
и теория прогресса 26—29, 44—46, 57—58, 555
Терминология 8—10, 301—311, 321, 358—367, 416, 423, 427, 431, 513—514, 519
Технологии 110, 318
в индустриальном обществе 317
информационные 108—109, 118, 315, 385
природоохранные 466, 472, 474—475, 492, 529—530, 533
и рост разрыва между развитыми и развивающимися странами 515, 523—524, 527, 529, 543, 548, 552
собственность на Т. 447
и патентное право 468, 523
Товарное производство 299—302, 333, 356
исторические условия возникновения 71
восходящий и нисходящий этап развития 352, 354
трактовка в марксистской литературе 181
и постэкономическое общество 308
условия преодоления 291
исторические границы 301, 355
Третичный сектор — см.: **Сервисный сектор**
Труд 4—5, 8, 53, 208—225, 301, 306, 311, 316, 318—319, 413
определение 6, 203, 209
у К.Маркса 69—75, 210—211, 309, 319, 388, 413
у современных социологов 211—215, 319, 413
и система мотивов 220, 311, 413
как основной вид деятельности в экономическом обществе 9, 38, 57, 70—71, 203—205, 208
историческая ограниченность 70, 200
факторы возникновения 203, 220
и инстинктивная предтрудовая деятельность 6—7, 204, 218—219, 417
виды труда 116, 208, 219, 234, 309, 318, 423
условия преодоления 199, 220—221, 318, 417

У

Услуги — см.: **Сервисный сектор**
Урбанизация 106
и промышленные центры 438, 489
и развитие сферы услуг 489
в развивающихся странах 532, 541

Ф

Феодализм 61, 64, 73—75, 364, 395, 422, 566
Философия 13, 16, 41, 66, 404
в античности 17—24
в средневековье 24—30, 43—47, 555
и теология 24—30, 43—47
в XVIII веке 37—39, 47—50
Франция 86, 312, 369, 398, 470, 476, 477, 489, 508, 524
структура производства и рабочей силы 112, 228, 233, 255—256, 312, 314, 377

Ч

Четвертичный сектор 320, 431
Четвертый мир — см.: **Развивающиеся страны**

Э

Эволюция 1—2, 6, 14, 17, 20, 25, 42, 83, 356, 366, 392, 412, 550
как механизм общественного развития 13, 30, 37—39, 45—46, 55, 110, 297, 354, 405, 549, 561, 571
и революция 107—108, 180, 422
отражение в исторических теориях 15, 42—50, 61, 409, 555—561
Экология 122, 399, 528—538, 548
роль в современных общественных науках 462
значение в современных условиях 147, 466, 475, 528
См. также: **Технологии, природоохранные; Ресурсы, невозобновляемые**
Экономикс 109, 304, 312
возникновение 187
и ограниченность в современных условиях 188, 304
Экономическая общественная формация
у К.Маркса 78—79, 88—94, 178—180, 298, 360, 411
формирование термина 78—79
и вторичная общественная формация 78—79
основные черты 290
исторические границы 297—299, 566
Эксплуатация 4, 43, 298—299, 327, 404—458
как характеристика экономической эпохи 7, 9, 70, 78, 80—83, 298
и классовая структура 298—299, 411
в буржуазном обществе 69, 411
и свобода 417, 419, 456
и труд 456
и творчество 200, 417, 456
как субъективно-психологический феномен 415, 418
и проблема распределения 405
пути преодоления 8, 194, 200, 269, 292—293, 327, 405—407, 415, 417—419, 450, 567
исторические пределы 10, 120
и постэкономическое общество 193—194, 389, 405
Элиты 408, 420, 425—426
соотношение элит и классов 120, 425—426
в традиционных обществах 106
в постиндустриальном обществе 111, 120, 408, 435

Я

Япония 372—373, 444, 470—471, 482, 485, 503, 508—509, 511, 517—518, 524, 537
структура занятости и валового национального продукта 229, 313, 476, 482, 489
переоцененность фондового рынка 485
и эксплуатация рабочей силы 516—517
и специфические черты индустриальной системы 375—376, 483, 516—517
и утрата доминирующих позиций в Азии 509, 514

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора XI

Введение 1

Часть первая. СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДА ..... 11—167

Глава первая. Неадекватные теории 17

Постулаты античной традиции 17

С именем Христа 24

Возрождение теории общественного договора 30

Мечты о несбыточном 36

Глава вторая. На пути к адекватности 42

Первые шаги 42

Либерализм Нового времени 47

Первые попытки экономического подхода к истории 50

Становление позитивизма 55

Глава третья. Адекватные теории 67

Марксистская концепция 67

Общий взгляд на историю человечества 69

Марксова периодизация истории 76

Учение о революциях 84

Противоречия марксовой теории и ее упадок 92

Теория постиндустриального общества 97
Общая картина исторического прогресса и его периодизация 105
Характеристика современного постиндустриального общества 111
Перспективы цивилизации в свете постиндустриальной теории 121
Две адекватные теории: элементы сходства и взаимодополняемости 124

Глава четвертая. Альтернативы постиндустриальной концепции. Предпосылки формирования теории постэкономического общества 131
Социологическая доктрина постмодернизма: конфликт содержания и формы 132
Постиндустриализм и постмодернизм: возможности позитивного взаимодействия 146

Часть вторая. ПОНЯТИЕ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ..... 169—294

Глава пятая. Границы понятия 175
История и значение термина 176
Парадигма анализа 191

Глава шестая. Дихотомия труда и творчества 208

Глава седьмая. Предпосылки формирования творческой деятельности 225
Развитие материального производства и хозяйственных структур: объективная составляющая предпосылок творчества 226
Рост человеческих возможностей: субъективная составляющая предпосылок творчества 237

Глава восьмая. Формы проявления творчества в современном обществе 247
Элементы творчества и индивидуальное поведение 248

Элементы творчества и современная корпорация 259
«Некоммерческий сектор»: избыток творчества или его недостаток? 275

Часть третья. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ..... 295—458

Глава девятая. Деструкция рыночного хозяйства 300
Рыночное хозяйство и стоимость: к определению понятий ... 301
Деструкция стоимости со стороны производства 311
Становление новой структуры общественного производства 312
Факторы современного хозяйственного прогресса 316
Становление новой мотивации 326
Деструкция стоимости со стороны потребления 332
Индивидуальные издержки и субъективная полезность 333
Интеллектуальный капитал: субъективные оценки неосязаемых активов 340
Преодоление рыночных тенденций в контексте становления постэкономического общества 350

Глава десятая. Преодоление частной собственности 357
Основные понятия: попытка переосмысления 358
Частная собственность против частной собственности: паллиативные решения 367
Личная собственность против частной собственности: радикальный вызов 379
Государственная собственность: между частной и личной собственностью 394

Глава одиннадцатая. Устранение эксплуатации и новое социальное противостояние 404
Эксплуатация: объективная данность или феномен сознания? 410
Классовый конфликт постэкономического общества 421
Постэкономические причины и экономические следствия 437

Часть четвертая. ПОСТЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР ..... 459—553

Глава двенадцатая. Основы внутренней устойчивости постэкономического общества 466

Глава тринадцатая. Внутренние противоречия постэкономического общества 492

Глава четырнадцатая. Постэкономический мир и внешняя среда: вероятный характер взаимодействия 512

Экономические аспекты противостояния 513

Экологические проблемы и становление постэкономической системы 528

Беднейшие регионы: перспективы и проблемы 538

Заключение 554

Conclusion 572

Schlussbemerkung 589

Библиография 607

Предметный указатель 626

Научное издание

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире

Ответственный редактор *А.И.Антипов*
Корректор *О.Е.Косова*

Напечатано в Венгрии